ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

22562
49 г.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ. — ФЕВРАЛЬ.

СТРАН.

I. ПО РУСИ.—(Изъ впечатлѣній проходящаго).—**М. Горькаго** 5
II. ДѢТИ.—Очеркъ второй. Прокопъ.—**Д. Айзмана**. 19
III. ПѢСНЯ—Стихотвореніе.—**Ив. Бунина** 44
IV. РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — (Герценъ, Бакунинъ, Лавровъ).— **Г. Н. Вырубова** 45
V. ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА КЪ Г. Н. ВЫРУБОВУ (1867—1869) . . . 71
VI. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.—Романъ.—**А. Тырковой** 80
VII. ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.—**Бор. Зайцева** 140
VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Т. Ефименко** 163
IX. ОЖИДАЕМЫЙ ЗАКОНЪ.—**А. Лучинской**. 165
X. ПРАБАБУШКА.—Стихотвореніе.—**Вл. Вѣтвицкаго** 178
XI. СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ОУЭНА И ФУРЬЕ.— **М. Туганъ-Барановскаго** 179
XII. ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ГЛАВНАГО РУСЛА. — Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. — **Е. Колтоновской** 198
XIII. КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА. — Романъ Голлендера. (Продолженіе). Съ нѣмецкаго перев. **З. Журавской** 220
XIV. ХРОНИКА. — ВИДИМАЯ ЗАКОННОСТЬ И СКРЫТОЕ УСМОТРѢНІЕ.— **Д. Гримма** 271
XV. НОВЫЙ МОМЕНТЪ ЭВОЛЮЦІИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ПРОИЗВОДСТВА.—**В. В.** 288
XVI. О БАЛКАНСКИХЪ «ЗВѢРСТВАХЪ».—**М. А. Осоргина** 311
XVII. ДВА СЪѢЗДА.—(Письмо изъ Берлина).—**Р. Стрѣльцова** 326
XVIII. СЛАВЯНО-ГРЕКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1912 г. (Окончаніе).—**Вл. Апушкина** 343
XIX. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ПО ОБРАЗОВАНІЮ ЖЕНЩИНЪ. — **Ек. Флейшицъ** 361
XX. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Губернскія и уѣздныя земскія собранія.—Пренія о демократизаціи земства въ симферопольскомъ собраніи.—Безлюдье въ московскомъ уѣздномъ земствѣ.—Новые люди въ костромскомъ земствѣ.—Живые ключи, питающіе захирѣвшее земство.—Бодрые штрихи и намеки земской жизни.—Безпокойство администраціи по поводу развитія народнаго образованія.—Двухлѣтняя борьба новгородскаго земства за добавочный классъ семинаріи.—Разумныя мѣры борьбы съ хулиганствомъ.—Духовенство, пожинающее предсказанные плоды.—Сердечные проводы губернаторовъ.—**И. Жилкина** 365

СТРАН.

XXI. НОВОЕ О ГАМБЕТТѢ.—**Л. Слонимскаго** 377

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Подъ редакціей А. Г. Фомина.—**Ч. В—скаго.**—Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка.—Очерки по исторіи Византіи. Подъ редакц. и съ предисл. В. Н. Бенешевича, проф. Спб. Универ. — **И. Бороздина.** — И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго.— **Н. Л.**—Н. С. Лобасъ, бывшій врачъ Сахалинскихъ каторжныхъ тюремъ. Убійцы.—**Ал. Маклецовъ.**—Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова.— **В. Б—а.** — А. Н. Анцыферовъ. Очерки по коопераціи. — Инженеръ И. М. Кузьминыхъ-Ланинъ. Уходъ на полевыя работы фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи.—Краткія хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Смоленской губерніи. — **В. В.** — М. Я. Пинесъ. Исторія еврейской литературы. — **И. Книжника.** — Новыя идеи въ философіи. Подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. — «Природа». Ежемѣсячный популярный естественно-историческій журналъ для самообразованія, подъ ред. проф. В. А. Вагнера и проф. Л. В. Писаржевскаго. — **П. Юшкевича.** — Dr. M. Garr. Die wirtschftlichen Grundlagen des modernen Zeitungswesens.—**И. Левина** . . . 386

XXIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Прекращеніе мирныхъ переговоровъ и балканскій кризисъ. — Турецкій переворотъ и дипломатія.—Румынскія притязанія.—Президентскіе выборы во Франціи. — Англійскія дѣла . 405

XXIV. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Характерные штрихи момента. — Общественное настроеніе и война.—Признаки поворота.—«Обновленцы» петербургской городской Думы и прогрессисты»—московской.—Вопросы самоуправленія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. — Система субсидій.—Въ ожиданіи амнистіи.—Сведеніе партійныхъ счетовъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи.—Е. Ѳ. Юнге, А. В. Погожевъ и П. А. Марковъ †.—Post-scriptum 417

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 447

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 449

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 451

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., а Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря — по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПО РУСИ.

(Изъ впечатлѣній проходящаго).

...Я шагаю не торопясь по мягкой сѣрой дорогѣ между высокихъ—по грудь мнѣ—хлѣбовъ; дорога такъ узка, что колосья опачканы дегтемъ, спутаны, поломаны и лежатъ въ колеяхъ раздавленные.

Шуршатъ мыши, качается и никнетъ къ сухой землѣ тяжелый колосъ; въ небѣ мелькаютъ стрижи и ласточки, значитъ—гдѣ-то близко рѣка и жилье. Глаза, блуждая въ золотомъ морѣ, ищутъ колокольни, поднятой въ небо, какъ мачта корабля, ищутъ деревьевъ, издали подобныхъ темнымъ парусамъ, но — вокругъ ничего не видать, кромѣ парчевой степи: мягкими увалами она опускается къ юго-западу, пустынна, какъ небо, и такъ же тиха.

Въ степи чувствуешь себя, какъ муха на блюдѣ—въ самомъ центрѣ его; чувствуешь, что земля живетъ внутри неба въ объятіи солнца, въ сонмѣ звѣздъ, ослѣпленныхъ его красотою.

Вотъ оно—большое, рдяно-красное—далеко впереди на синемъ краю неба важно опускается въ бѣлоснѣжные бугры облаковъ; колосья осыпаны розовой пылью заката, васильки уже потемнѣли и въ предвечерней тишинѣ ясно слышишь все, о чемъ поетъ земля.

Въ небѣ вѣеромъ раскинуты красные лучи, одинъ изъ нихъ касается моей груди и точно жезлъ Моисея вызываетъ къ жизни горячій потокъ мирныхъ чувствъ: хочется крѣпко обнять вечернюю землю и говорить ей какія-то пѣвучія, большія, никѣмъ не сказанныя слова.

Посѣяны звѣзды въ небѣ и земля звѣзда—посѣяны люди на землѣ и я среди нихъ, чтобы безстрашно ходить по всѣмъ дорогамъ, видѣть всякое горе, всю радость жизни и вмѣстѣ съ людьми пить медъ и ядъ.

...Ѣсть хочется, а въ котомкѣ съ утра—ни кусочка, это мѣшаетъ думать и нѣсколько обидно. Такая богатая земля и такъ много сработалъ на ней человѣкъ, а кто-то голоденъ...

Вдругъ дорога повернула въ правую сторону—распахнулась стѣна хлѣбовъ и открыла степную балку, по дну ея вьется голубая рѣка, новый мостъ виситъ надъ нею, отраженный въ водѣ — мостъ желтый, точно изъ рѣпы вырѣзанъ. За мостомъ приникли къ пологому угорью семь бѣлыхъ хатъ, на угорьѣ — левада, высокія осокори бросаютъ на деревню длинныя пушистыя тѣни; стреноженный конь ходитъ между сѣро-серебрянныхъ стволовъ, взмахивая хвостомъ; густо вѣетъ дымомъ, дегтемъ, моченой коноплей, кудахчутъ куры и устало плачетъ ребенокъ — сейчасъ онъ заснетъ. Если бы не эти звуки, можно думать, что все въ балкѣ наскоро, но умѣлою рукой написано ласковыми красками—онѣ уже поблекли на солнцѣ.

Въ полукругѣ хатъ — криница; рядомъ съ нею—красная часовенка; узкая и высокая, она, точно одноглазый сторожъ. Наклоняется къ землѣ, поскрипывая, длинный журавль; баба, вся бѣлая, черпаетъ воду; подняла вверхъ голыя руки, вытянулась и кажется, что сейчасъ взлетитъ на воздухъ легкая, какъ облако.

Около криницы блеститъ черная грязь, точно измятый бархатъ; двое молодцовъ, лѣтъ пяти и трехъ, оба безштанные, заголившись по поясъ, молча тискаютъ грязь желтыми ногами, точно желая вмѣсить во влажную массу красный блескъ солнца. Эта добрая работа очень занимаетъ меня; я смотрю на солидныхъ мальцовъ сочувственно, съ живымъ интересомъ—солнце и въ грязи на своемъ мѣстѣ, чѣмъ глубже въ землю проникнетъ оно, тѣмъ лучше и землѣ, и людямъ!

Сверху все—словно на ладони... Семь хатъ на хуторѣ—не найдешь здѣсь никакой работы, но — пріятно будетъ поболтать вечерокъ съ добрыми людьми. Иду на мостъ, полный задорнаго и веселаго желанія разсказывать людямъ разныя чудесныя исторіи—вѣдь это необходимо для нихъ, какъ хлѣбъ!

Изъ подъ моста, встрѣчу мнѣ—точно кусокъ земли ожилъ—поднялся крѣпкій, давно нечесанный, небритый человѣкъ въ широкихъ синихъ штанахъ, въ раскрытой холщевой рубахѣ, сѣрой отъ грязи.

— Добрый вечеръ!

— И вамъ. Гдѣ идете?

— Это какая рѣка?

— Это? А Сагайдакъ-же...

На его большой круглой головѣ буйно вьются полусѣдые кудри, усы коротко подстрижены, а концы ихъ висятъ, точно у китайца. Маленькіе глаза смотрятъ зорко, недовѣрчиво и видимо считаютъ количество дыръ и заплатъ на моей одеждѣ. Вздохнувъ глубоко, онъ вынулъ изъ кармана глиняную трубку на камышевомъ чубукѣ, прищуривъ глазъ внимательно посмотрѣлъ въ черную ея дыру и спросилъ:

— Спички есть?

— Есть.

— А табакъ?

— И табаку есть немного.

Онъ подумалъ, глядя на солнце, утопающее въ облакахъ, потомъ сказалъ:

— Дайте-жъ мнѣ табаку! Спички я тоже имѣю.

Закурили. Положивъ локти на перила моста, онъ оперся спиною о брусъ, долго пускалъ въ воздухъ голубыя струйки дыма, принюхиваясь къ нимъ. Сморщилъ носъ, сплюнулъ.

— Московскій табакъ?

— Роменскій, Рыморенка.

— Ого,—сказалъ онъ, расправивъ морщины на носу,—добрый табакъ! —

Неловко идти въ хату прежде хозяина; я стоялъ рядомъ съ этимъ человѣкомъ и, ожидая когда онъ кончитъ свои неторопливые разспросы — кто я, откуда, куда, зачѣмъ — немножко сердился на него: хотѣлось поскорѣе знать, чѣмъ встрѣтитъ хуторъ.

— Работа? — цѣдилъ онъ сквозь усы.—Ни, роботы нема. Какая-жъ теперь работа?

Отвернулся и сплюнулъ въ рѣку.

На томъ берегу важно качаясь шла гусыня, за нею желтыми шариками пуха катились гусенята; двѣ дѣвочки провожали ихъ, одна—въ красномъ платкѣ и съ прутомъ въ рукѣ — побольше гусыни, другая—такая же, какъ птица, бѣлая, толстая, косолапая и важная.

— Юхимъ!—надрывно кричалъ невидимый голосъ — человѣкъ качнулъ головою и одобрительно сказалъ:

— Вотъ глотка!

Потомъ сталъ шевелить пальцами черной, потрескавшейся ноги, долго разглядывалъ обломанные ногти и, наконецъ, спросилъ:

— Мабудь вы—письменный?

— А что?

— То, коли письменный, може почитали-бы книгу по покойному?

Видимо ему понравилось это предложеніе — веселая рябь пошла по его плюшевому лицу.

— Развѣ-жъ это не работа? — говорилъ онъ, пряча каріе зрачки. — Дали бы вамъ копіекъ десять, да еще и смертную рубаху, покойникову...

— И—накормятъ,—вслухъ подумалъ я.

— А какъ же!

— Гдѣ покойникъ?

— У своей хатѣ,—идемте?

Пошли встрѣчу надсадному крику.

— Юхи-мъ...а, бо, дай...

Встрѣчу намъ по мягкой дорогѣ ползли тѣни, за кустами на рѣкѣ шумѣла дѣтвора, плескалась вода, кто то строгалъ доску — въ воздухѣ плавалъ всхлипывающій звукъ. Человѣкъ не торопясь сказалъ:

— Была читалка старушка—вотъ вѣдьма была! Свезли ее до города, ноги у нея отнялись... а надо бы языку! Такая была надобная, только лаялась очень...

Черный щенокъ, величиною въ большую жабу, подкатился на трехъ лапахъ подъ ноги намъ, поднялъ хвостъ и грозно зарычалъ, нюхая воздухъ розовымъ дѣтскимъ носомъ.

— Тю!

Выскочила откуда то сбоку молодая голоногая баба и гнѣвно всплеснувъ руками закричала:

— Юхимъ, да я-жъ тебя зову, зову...

— Хиба-жъ я не слышу...

— Гдѣ-жъ ты былъ?

Мой спутникъ молча показалъ ей дулю и ввелъ меня во дворъ хаты, сосѣдней съ тою, у которой осталось голоногая женщина, истекая крѣпкой руганью и нелюбезными пожеланіями.

Двѣ старухи сидѣли въ двери маленькой хатки, одна—круглая, встрепанная, какъ разбитый ударами кожаный мячъ; другая—костлявая, переломленная въ спинѣ, съ темнымъ сердитымъ лицомъ; у ногъ ихъ лежала, вываливъ тряпичный языкъ, большая, какъ овца, собака, съ вытертой шерстью и красными слезящимися глазами.

Юхимъ подробно разсказалъ, какъ онъ меня встрѣтилъ, и

на что я годенъ—двѣ пары глазъ молча смотрѣли на него, одна старуха дергала головой на тонкой черной шеѣ, другая, послушавъ, предложила мнѣ:

— Сѣдайте, я соберу вамъ вечерять.

Маленькій дворикъ густо заросъ просвирнякомъ и розетками подорожника, посреди него—телѣга безъ колесъ, съ черными, какъ головни, концами осей. Гонятъ стадо, на хуторъ медленно льется широкій потокъ мягкихъ звуковъ; изо всѣхъ угловъ двора ползутъ сѣрыя тѣни и ложатся на траву, отемняя ее.

— Всѣ помремъ, ненько,—увѣренно говоритъ Юхимъ, постукивая трубкой о стѣну, а въ воротахъ стоитъ голоногая, краснощекая баба и пониженнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ты идешь или нѣтъ?

— Да надо-жъ сначала одно дѣло додѣлать, а потомъ...

Мнѣ дали большую краюху хлѣба, горшокъ молока;—собака встала, положила на колѣни мои слюнявую, старую морду и, глядя въ лицо мнѣ тусклыми зрачками, словно спрашиваетъ:

— Вкусно?

Точно вѣтеръ вечерній шуршитъ сухою травой—стелется по двору хриплый голосъ горбатой старухи:

— Просишь—молишься: убави, Боже, горя, а оно на тебя—вдвое...

Темная, какъ судьба, она поводитъ длинной шеей; змѣиная голова мѣрно, сонно качается и вяло падаютъ на землю, къ ногамъ моимъ однотонныя, ветхія слова.

— Тѣ работаютъ, сколько хочутъ, иншіе—вовсе ничего не работаютъ, а наши—больше силъ своихъ и нѣтъ имъ награды...

Слышенъ тихій шепотъ маленькой старухи:

— Наградитъ Матерь Божія... Она всѣхъ наградитъ...

Минута глубокаго молчанія.

Полновѣсное, оно кажется чреватымъ чѣмъ-то значительнымъ: оно внушаетъ увѣренность, что сейчасъ рождаются какія-то важныя мысли, и скоро я услышу особенныя слова.

— Я тебѣ скажу,—пытаясь выпрямить спину, говоритъ старуха,—былъ у моего человѣка между многихъ недруговъ одинъ другъ, Андріемъ звали, и когда не стало намъ силы жить тамъ, въ дѣдовщинѣ, на Донцѣ,—заторкали, загрызли люди моего, ажъ до слезъ и нѣмоты, то пришелъ до насъ Андрій и говоритъ: «Не опускать-бы тебѣ, Яковъ, рукъ, земля—велика и вездѣ дана человѣку. Если здѣсь люди злы—это они отъ глупости и тѣсноты и ты ихъ за то не суди, живи просто: они—свое, а ты—свое.

Тихо живи, а не уступай никому ничего и тогда одолѣешь всѣхъ».

— Такъ и мой Василь говаривалъ часто: они—свое, а мы—свое...

— Ну, да, хорошее слово не помретъ, гдѣ ни скажи его—оно летитъ по всей землѣ, какъ ласточка...

— Это вѣрно.—сказалъ Юхимъ, согласно кивая головою.—Это какъ разъ такъ! Такъ и говорится: хорошее слово—Христово, а дурное—попово...

Рѣзко вскинувъ голову, старуха захрипѣла:

— Не попово, а—твое... Ой, Юхимъ, сѣдой ты, а говоришь не думая...

Тутъ вступила Юхимова баба, размахивая руками, точно держа въ нихъ рѣшето, она начала торопливо сѣять крикливыя слова:

— Боже-жъ мой! Что это за человѣкъ? Ни сказать, ни послушать, а только все лаетъ, какъ та собака на мѣсяцъ...

— Ну-у!—протянулъ Юхимъ.—Вотъ, ужъ начала, эхъ...

На западѣ ростутъ и пухнутъ облака, похожіе на сизый дымъ и кровавое пламя—кажется, что вотъ сейчасъ вся степь вспыхнетъ. Тихій вечерній вѣтеръ гладитъ ее, хлѣбъ сонно клонится къ землѣ, красноватыя волны ходятъ по степи. А на востокѣ уже темно и наползаетъ оттуда черная душная ночь.

Изъ окна хаты надъ моею головой струится теплый запахъ покойника—ноздри и сѣдые усы собаки дрожатъ, глаза, жалобно мигая, косятся на окно. Юхимъ, глядя въ небо, убѣждаетъ самъ себя:

— Дождя не буде, ни...

— А у васъ есть Псалтирь?—спрашиваю я.

— Чего?

— Книга, Псалтирь?

Всѣ молчатъ.

Все быстрѣе идетъ южная ночь, стирая съ земли яркое, точно пыль. Хорошо-бы закопаться въ душистое сѣно и уснуть до восхода солнца.

— Мабудь у Панка есть,—сконфуженно говоритъ Юхимъ.—У него ажъ съ малюнкамы...

Потомъ они пошептавшись уходятъ со двора, а кругленькая старушка говоритъ мнѣ, вздыхая:

— Пойдите, посмотрите на него, коли хочете...

Голова у нея маленькая, милая, покорно согнутая. Сложивъ руки на груди, старушка тихо шепчетъ:

— Пресвятая Мати... Пречистая...

Покойникъ — строгъ и важенъ. Его густыя сѣдыя брови сдвинуты надъ большимъ носомъ глубокой складкой, носъ загнутъ въ усы, ввалившіеся глаза прикрыты неплотно, ротъ тоже полуоткрытъ—кажется, что человѣкъ этотъ упрямо думаетъ о чемъ то, думы его гнѣвны и вотъ онъ сейчасъ жутко крикнетъ какое то особенное, послѣднее свое слово.

Надъ головой его горѣла тонкая свѣча; синій дымокъ пугливо дрожалъ, сѣя слабенькій свѣтъ, и не могъ согнать мертвыхъ тѣней подъ глазами усопшаго и въ глубокихъ морщинахъ щекъ. На сѣромъ пятнѣ сорочки двумя буграми лежатъ темныя кисти рукъ; пальцы — кривые, даже и смерть не расправила ихъ. По хатѣ изъ окна къ двери струится воздухъ, насыщенный запахами полыни, мяты, чабреца и тлѣнія.

Все горячѣе и яснѣе шепотъ старухи; шепчетъ она и сухо всхлипываетъ, а за окномъ, на черномъ квадратѣ неба грозно мигаютъ зарницы, и когда въ тѣсную, какъ гробъ, хатку хлынетъ черезъ окно синій свѣтъ — огонь оплывшей свѣчи словно прячется, улетаетъ, сѣдые волосы на лицѣ умершаго блестятъ, какъ рыбья чешуя, лицо сурово хмурится.

Шепотъ старухи просачивается въ грудь, сердцу горько и холодно, въ памяти встаютъ—не утоляя скорби—старыя, важныя слова:

«Не рыдай мене, Мати, зрящи во гробѣ, возстану бо...»

Этотъ—не возстанетъ...

...Пришла костлявая старуха и объявила, что Псалтиря нѣтъ на хуторахъ, а вотъ есть другая книжка — не годится ли?

Другая книжка оказалась грамматикой церковно-славянскаго языка, первыя страницы ея были оторваны и она начиналась словами: «другъ», «друзи», «друже».

— Что же будетъ — горестно спросила маленькая старушка, когда я сказалъ, что грамматика не годится покойнику. Ея дѣтское личико обиженно задрожало, опухшіе глаза еще разъ налились слезами.

— Жилъ человѣкъ, жилъ,—говорила она, всхлипывая.— а честнаго погребенія себѣ не выжилъ!

Я сказалъ ей, что буду читать надъ мужемъ ея всѣ молитвы и псалмы, какіе знаю, только чтобъ она вышла изъ хаты: мнѣ это дѣло не свычно и не вспомню я всѣхъ молитвъ, если меня будутъ слушать живые.

Она не поняла меня или не повѣрила мнѣ и долго толк-

лась въ дверяхъ, шмыгая носомъ, отирая рукавомъ маленькое изношенное лицо.

Потомъ—ушла.

Пылаютъ зарницы въ черномъ небѣ на краю степномъ,—тамъ, гдѣ степь подходитъ къ морю,—хата наливается синимъ туманомъ, безмолвно мечется въ ней тьма душной ночи, цвѣтетъ робкій огонекъ свѣчи—человѣкъ лежитъ и смотритъ полуоткрытыми глазами на трепетъ тѣней, скользящихъ по груди его, по бѣлымъ стѣнамъ и потолку.

Я искоса, сторожко поглядываю на него—вѣдь неизвѣстно, на что способенъ покойникъ?—и добросовѣстно читаю вполголоса:

«прости вся, елико тѣ согрѣшихъ, яко человѣкъ, паче же не яко человѣкъ, но горѣе скота»...

Рядомъ съ этими словами идутъ мысли, отрицающія ихъ:

— Не грѣхъ труденъ и горекъ, а праведность...

«вольная моя грѣхи и невольная, вѣдомая и невѣдомая, яже отъ юности и отъ науки злы и яже суть отъ наглства и унынія»...

— Не идетъ все это къ тебѣ, братъ...

Голубыя звѣзды сверкаютъ въ бездонной тьмѣ небесъ — кто еще, кромѣ меня, видитъ ихъ въ этотъ часъ?

Вдали гудитъ громъ и все колышется въ трепетѣ зарницъ.

Стуча когтями по глинобитному полу вошла собака—она все время шляется взадъ и впередъ, — понюхаетъ ноги мои, тихонько заворчитъ и снова тащится вонъ. Должно быть, слишкомъ стара, чтобы отпѣть хозяина тоскливымъ воемъ, какъ это дѣлаютъ ея сородичи. Когда она выходитъ вонъ, мнѣ кажется что тѣни тоже хотятъ излиться вслѣдъ за нею—онѣ текутъ къ дверямъ, овѣвая лицо мое прохладнымъ вѣяніемъ. Качается огонекъ свѣчи, точно желая сорваться со свѣтильни и улетѣть къ звѣздамъ—среди нихъ есть такія же маленькія и жалкія, какъ онъ. Мнѣ не хочется, чтобы онъ исчезъ, я слѣжу за нимъ такъ напряженно, что больно глазамъ; мнѣ душно, жутко, я стою у плеча покойника неподвижно и зачѣмъ то усиленно вслушиваюсь въ тишину...

Одолѣваетъ сонъ бороться съ нимъ трудно, съ великими усиліями вспоминаются красивыя пѣснопѣнія Макарія Великаго, Златоуста, Дамаскина, а въ головѣ точно комары гудятъ слова шестого правила «для отходящихъ на одръ сна»:

«Аще обрящеши возглавицу мягку, остави ю, а камень под-

ложи Христа ради. Аще ти зима будетъ спящу, потерпи, глаголя: яко иніе отнюдь не спятъ».

Чтобы не уснуть, я тихонько пою кондакъ:

«Душу мою, Господи во грѣсѣхъ всяческихъ лютѣ разслаблену воздвигни».

За дверью чуть слышно шелеститъ сухой шопотъ:

— Владычица милосердная, прими и мою душеньку...

...Мнѣ кажется, что душа у нея сѣренькая, какъ чечетка, и пугливая такая же. Когда она прилетитъ къ престолу Богоматери и Та протянетъ къ ней Свою бѣлую, нѣжную, добрую руку,—эта маленькая душа встрепенется вся, взмахнетъ короткими крыльями и въ радостномъ испугѣ умретъ.

Тогда Богоматерь тихо скажетъ Сыну Своему:

— Вотъ, до чего запуганы люди Твои на землѣ и какъ непривычна имъ радость! Хорошо ли это, Сыне Мой?

А что Онъ отвѣтитъ Ей?

Съ воли изъ густой тишины какъ будто отвѣчаютъ мнѣ—тоже поютъ. Тишина такая полная, глубокая—этотъ отдаленный звукъ, утопающій въ ней, кажется неестественнымъ, призрачнымъ эхомъ моего голоса. Я молчу, слушаю—звукъ ближе все яснѣе, кто-то идетъ, тяжко шаркая ногами, идетъ и бормочетъ:

— Н-нѣтъ... И не будетъ...

— Почему не лаютъ собаки?—думаю я, протирая глаза.

Мнѣ кажется, что брови усопшаго дрожатъ, въ усахъ его шевелится хмурая улыбка.

На дворѣ гудитъ тяжелый хриплый голосъ:

— Что-о? Эхъ, старая... Я зналъ, что помретъ, ну... молчи! Такіе всегда стоятъ до послѣдняго часа, да сразу и лягутъ, чтобъ не встать... Кто? Проходящій... ага!

Что-то большое, безформенное—точно тьма ночная сгустилась—заткнуло дверь, потомъ, сопя и всхрапывая, ввалилось въ хату, разрослось въ ней почти до потолка; широко размахивая рукою, человѣчище перекрестился на огонь свѣчи, покачнулся впередъ и почти касаясь лбомъ ногъ умершаго, спросилъ тихо:

— Что, Василь?

И—всхлипнулъ.

Крѣпко запахло водкой. Въ двери стояла старушка, умоляюще говоря:

— Вы, отецъ Демидъ, дайте имъ книгу...

— Зачѣмъ? Я самъ буду читать...

Тяжелая рука легла мнѣ на плечо, большое волосатое лицо наклонилось къ моему.

— Молодой еще—э! Изъ духовныхъ?

Голова у него огромная и,—точно помело,—вся въ космахъ длинныхъ волосъ,—даже при бѣдномъ мерцаніи одинокой свѣчи, они отливали золотомъ. Онъ качается и покачиваетъ меня, то приближая къ себѣ, то отталкивая. Горячій запахъ водки густо обливаетъ мнѣ лицо.

— Вы, отецъ Демидъ, — настойчиво и плаксиво говорила старуха—онъ грозно перебилъ ея рѣчь:

— Я жъ тебѣ сколько разъ говорилъ, что дьячка не дозволяется называть отцомъ! Иди себѣ, спи, тутъ мое дѣло будетъ, иди... А ты зажги еще свѣчу—я ничего не вижу...

Сѣлъ на скамью и, хлопнувъ книгой по колѣну, спросилъ:

— Горилку пьешь?

— Здѣсь нѣтъ ея.

— Какъ же нѣтъ?—строго сказалъ онъ.—Да вотъ у меня въ карманѣ бутылка—хо!

— Не подобаетъ здѣсь пить.

— Это—вѣрно! — забормоталъ онъ, подумавъ. — Нужно выйти на дворъ—это вѣрно!

— Чтожъ вы-будете сидя читать?

— Я? А я... не буду, читай ты... я—не въ себѣ... да. «Попраша мя врази мои весь день, яко мнози борющія мя съ высоты»—а посему я нѣсколько выпилъ...

Онъ сунулъ книгу въ животъ мнѣ и, наклонивъ голову, тяжело закачалъ ею.

— Умираютъ люди одинъ за другимъ, а на землѣ все-жъ-таки тѣсно... умираютъ люди, не видя добра себѣ...

— Это не Псалтырь,—сказалъ я, посмотрѣвъ книгу.

— Врешь!

— Глядите.

Онъ отмахнулъ крышку переплета и водя свѣчею надъ страницей, прочиталъ красныя буквы.

— Окто-ихъ...

Очень удивился.

— Октоихъ? Это... какъ-же? Ну-ну, вотъ, что случилось... Вѣдь и величина другая — Псалтирь — коротенькій, толстый, а это... это съ того, что я торопился...

Ошибка словно отрезвила его, онъ всталъ, подвинулся къ покойнику и придерживая бороду наклонился надъ нимъ.

— Извини, Василь... чтожъ дѣлать!

Выпрямившись, откинулъ руками назадъ длинныя космы,

вынулъ изъ кармана бутылку и, воткнувъ горлышко въ ротъ себѣ, долго сосалъ вино, свистя носомъ.

— Хошь?

— Я спать хочу, выпью—свалюсь...

— А и вались...

— А читать?

— Кому здѣсь нужно, чтобъ ты бормоталъ слова, которыхъ не понимаешь?

Сѣлъ на лавку, согнулся, взялъ голову въ руки и замолчалъ.

Іюльская ночь уже таяла, тьма ея тихо расползалась по угламъ, въ окно вѣяло утренней росистой свѣжестью. Свѣтъ двухъ свѣчъ сталъ еще болѣе блѣденъ; огни ихъ были какъ глаза больного испуганнаго ребенка.

— Живъ былъ ты, Василь,—ворчалъ дьячокъ,—было у меня куда ходить, а теперь — некуда мнѣ идти, бо померъ послѣдній человѣкъ... Господи—гдѣ правда Твоя?

Я сидѣлъ у окна, высунувъ голову на воздухъ, курилъ, подремывая, и слушалъ тяжелыя жалобы.

— Сглодали жену мою они и меня сожрутъ, какъ свиньи капусту... вѣрно это, Василь...

Дьячокъ снова вынулъ бутылку, пососалъ вина, вытеръ бороду и наклонясь надъ покойникомъ, поцѣловалъ его въ лобъ.

— Прощай, друже...

Обернулся ко мнѣ, говоря съ неожиданной ясностью и силой:

— Простой это былъ человѣкъ, незамѣтный въ людяхъ, какъ грачъ средь грачей, а былъ онъ не грачъ—бѣлый голубь и никто того не зналъ, только я... да... И вотъ—удалился онъ «отъ горькія работы фараони», а я—живъ, но при смерти душа моя, «истягоша ю и оплеваша врази мои».

— Большое горе у васъ?

Онъ отвѣтилъ несразу и глухо:

— Горя у всѣхъ больше, чѣмъ надо... и у меня столько-жъ! Ты—спи... Твое дойдетъ до тебя и во снѣ...

Споткнувшись о свою же ногу, онъ навалился на меня, говоря:

— Пѣть мнѣ хочется, а — нельзя того, побудишь людей, станутъ лаять. Ну все жъ таки очень хочется пѣть!

И негромко загудѣлъ въ ухо мнѣ:

— Кому повѣмъ печаль мою?
Кому я скорби воспою?
Кто р-рук-ку...

Жесткіе волосы бороды щекотали мнѣ шею, я отклонился.

— Не любишь? Ну, чортъ съ тобой, дрыхни...

— Да вы-же щекотите меня бородой.

— Чтожъ—обриться для тебя, сахаръ?

Онъ сѣлъ на полъ, подумалъ, посопѣлъ и сердито приказалъ:

— Ну, читай, а я лягу спать. Да гляди не убѣги съ книгой, эта книга церковная! Дорогая. Знаю я васъ, голодранцевъ. Что вы бѣгаете вездѣ, зачѣмъ ходите? А въ концѣ концовъ,— ходите, куда тянетъ. Иди и ты. И скажи — погибъ дьячокъ, скажи кому-нибудь хорошему, кто пожалѣетъ. Діомидъ Кубасовъ, дьячокъ... это я... совсѣмъ и безъ возврата...

Онъ заснулъ. Раскрывъ книгу наугадъ, я читаю.

«Невоздѣланная земле, возрастившая всѣхъ питателя, разверзающа руку и благоволеніемъ своимъ насыщающа всякое животное»...

«Всѣхъ питатель» лежитъ предо мною, обложенный сухими пахучими травами, я смотрю сквозь дрему въ его темное загадочное лицо и думаю о человѣкѣ, который не одну тысячу разъ прошелъ по своей полосѣ на этой землѣ, въ заботѣ о томъ чтобы мертвое претворилось въ живое. Возникаетъ странный образъ. По степи, пустынной и голой, ходитъ кругами, все шире охватывая землю, огромный тысячерукій человѣкъ и слѣдомъ за нимъ оживаетъ мертвая степь, покрываясь трепетными сочными злаками, и все ростутъ на ней села, города, а онъ все дальше ко краямъ идетъ, неустанно сѣя живое, свое, человѣчье. Уважительно и ласково думается обо всѣхъ людяхъ земли: всѣ призваны таинственной силой, въ нихъ живущей, побѣдить смерть, вѣчно и необоримо претворяя мертвое въ живое, всѣ идутъ смертными путями къ безсмертію; поглощаетъ людей сѣнь смертная и не можетъ поглотить.

Бьются въ сердцѣ разныя мысли, радостно и холодно отъ вѣянія ихъ крыльевъ, хочется о многомъ спросить кого-то, кто можетъ отвѣтить безстрашно, честно и просто.

Около меня—мертвый и спящій, а въ сѣняхъ—шуршитъ отжившая. Но ничего! На землѣ людей много, не сегодня-завтра, а ужъ я найду совопросника душѣ моей...

Мысленно ухожу изъ хаты въ степь и смотрю оттуда на это жилье, затерянное на огромной землѣ: прижались къ ней хатки, окна ихъ слѣпы и черны, а въ одномъ чуть мерцаетъ надъ головою умершаго человѣка плѣненный имъ огонь...

Это сердце, переставшее жить,—все ли, о чемъ думало оно при жизни, сказано имъ на землѣ, бѣдной мыслями сердца?

Я знаю, что умеръ маленькій, обычный человѣкъ, но—думаю обо всей работѣ его и она мнѣ кажется поражающе большой... Вспоминаются недозрѣлые измятые колосья, въ колеяхъ степной дороги; ласточки, въ синемъ небѣ, надъ золотою парчей хлѣбовъ, степной коршунъ, застывшій въ пустотѣ, надъ широкимъ кругомъ земли...

Слышенъ свистъ крыльевъ—тѣнь птицы мелькнула на свѣтлой зелени двора, посѣдѣвшей отъ росы.

Перекликаются пѣтухи—ихъ пятеро, проснулись гуси, мычитъ корова и уже гдѣ-то скрипитъ плетень.

Я думаю о томъ, какъ уйду въ степь и буду спать тамъ на межѣ,—на землѣ, сухой и теплой;—дьячокъ—спитъ у ногъ моихъ, лежа вверхъ грудью, широкой, точно у битюга. Огненные волосы—какъ сіяніе вокругъ головы; красное толстое лицо сердито надулось, ротъ открытъ и усы шевелятся. Руки у него длинныя и въ кистяхъ какъ лопаты.

Невольно думаешь о томъ, какъ этотъ мощный человѣкъ обнимаетъ женщину—вѣроятно все ея лицо тонетъ въ бородѣ и она смѣется отъ щекотки, закидывая голову назадъ. Сколько у него можетъ быть дѣтей?

И такъ непріятно, обидно знать, что этотъ человѣкъ носитъ горе въ своей груди—радостямъ надо бы жить въ ней!

Въ дверь смотритъ кроткое лицо старухи, а въ окно—первый солнечный лучъ.

Надъ рѣкою, шелковой и свѣтлой, курится прозрачный туманъ, деревья и травы переживаютъ тотъ странный моментъ напряженной неподвижности, когда ждешь, что вотъ сейчасъ они вздрогнувъ запоютъ, заговорятъ понятными душѣ голосами о великихъ тайнахъ своей жизни.

— Такой хорошій человѣкъ,—шепчетъ старуха, жалобно глядя на огромное тѣло дьячка.

И точно читая книгу, невидимую мнѣ, она тихо и просто разсказываетъ исторію о женѣ его:

— Согрѣшила она съ однимъ человѣкомъ, а они запримѣтили это, да и навели его,—мужа,—на нихъ, а послѣ засмѣяли ее, да и Демида, за то, что онъ ей простилъ грѣхъ. Она, съ того смѣха надъ нею, удавилась въ чуланѣ, а онъ вотъ непробудно запилъ... Уже второй годъ это и скоро его сгонятъ съ мѣста. Мой не пилъ много, да все уговаривалъ его: ой, Демиде, не поддавайся людямъ, живи просто, они—свое, а ты—свое...

Изъ маленькихъ тусклыхъ глазъ текутъ мелкія слезы и таютъ въ припухшихъ морщинахъ оплаканныхъ щекъ. Маленькая голова

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

22562

трясется, какъ увядшій листъ осенью,—нельзя смотрѣть въ это кроткое лицо, измятое старостью и печалью! Я ищу въ душѣ—что бы сказать утѣшительнаго этому человѣку? Не нахожу ни слова и чувствую себя обиженнымъ.

Вспоминаются давно прочитанныя гдѣ-то странныя слова:

«Слуги боговъ не должны стонать, но смѣяться, ибо стоны причиняютъ скорбь людямъ и богамъ».

— Мнѣ надобно идти,—говорю я, смущенный.

— О?

Ея восклицаніе торопливо, какъ будто она испугана моими словами; невѣрной рукою она шаритъ въ юбкѣ и темныя губы ея безмолвно шевелятся.

— Мнѣ не надо денегъ, хозяйка, дайте хлѣба, коли есть...

— Не треба—грошій?—переспрашиваетъ она недовѣрчиво.

— А за что они мнѣ?

— Ну, якъ хочете,—соглашается старуха подумавъ.—Якъ хочете... Тоди—спасиби вамъ!

... Предо мною въ синемъ небѣ улыбается солнце, хвастливо распустивъ надъ землею павлиній хвостъ своихъ лучей.

Я ему подмигиваю: знакомо оно мнѣ—пройдетъ часа два времени и его улыбки будутъ жечь, какъ огонь. Но пока мы другъ другу нравимся; я иду межъ хлѣбовъ и пою пѣснь ему, Владыкѣ жизни.

«Неприступный естествомъ
Приступенъ мнѣ бывъ,
Въ мене облекохся
Все мое естество освѣтли
И своимъ вознесеніемъ возведе мя
Превыше всякаго начала и власти»!

... Будемъ жить просто: они—свое, а мы—свое!..

М. Горькій.

ДѢТИ.

Посвящаю женѣ моей Раисѣ Осиповнѣ Айзманъ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Прокопъ.

I.

Судьба ихъ была подобна судьбѣ собакъ. И оттого лѣтомъ имъ жилось хорошо.

Лѣтомъ собаки отъ разсвѣта до наступленія темноты рыщутъ по дачамъ, перебѣгаютъ отъ кухни къ кухнѣ, отъ одной помойной ямы къ другой, и всюду находятъ ѣду. Лирникъ и Прокопъ тоже бродили по дачамъ, играли и пѣли и этимъ свободно добывали и ѣду и кое-какія деньги.

Зимой въ опустѣлыхъ дачахъ собаки уже не находятъ пищи. Не находили зимой пропитанія и лирникъ и Прокопъ. И какъ и собаки, оба они голодали.

Лирникъ — коренастый и съ виду довольно еще крѣпкій мужикъ лѣтъ пятидесяти пяти. У него скуластое, обвѣтренное, коричневое лицо и мясистый носъ. Подъ подстриженными, кочкообразными, сивыми усами краснѣютъ толстыя, морщинистыя губы. Очень густые, прямые волосы, черные, съ обильной просѣдью, падаютъ на лобъ и касаются бровей. Борода же совершенно сѣдая, бѣлая, какъ бумага... Глазъ у лирника нѣтъ. Глаза потерялъ онъ на войнѣ, подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Осколкомъ турецкой гранаты ранило его въ лѣвый глазъ.

Два дня и три ночи пролежалъ раненый и всѣми оставленный на полѣ. Онъ былъ близокъ къ смерти. Минутами приходилъ онъ въ сознаніе, а потомъ на цѣлые часы впадалъ въ забытье и горячечный бредъ...

И было-ли это съ нимъ на самомъ дѣлѣ, или только привидѣлось ему въ горячкѣ, но вѣрилъ лирникъ твердо, — и втеченіе всей своей жизни съ вѣрой разсказывалъ и пѣлъ людямъ,—что спустился со скалистыхъ турецкихъ высотъ на его полумертвую голову черный орелъ и сталъ клевать ему глаза.

Выклевалъ. И когда на третьи сутки подобрали наконецъ люди раненаго и понесли, онъ уже не видѣлъ ровно ничего, и о томъ, что уносятъ его наши, а не турки, могъ узнать только по разговору.

...А лежитъ Лазарь въ смердящемъ гною...
А родные браты всѣ его покинули...

— Поетъ лирникъ стародавнюю жуткую пѣсню про Лазаря...

И къ горькимъ переливамъ этой жуткой пѣсни—пѣсни о чужомъ страданіи—примѣшиваются вдругъ горячія, кровью облитыя слова о собственной лютой мукѣ, о черномъ турецкомъ орлѣ, выклевывающемъ глаза у живого человѣка...

II.

Лѣтомъ лирнику хорошо.

Лѣтомъ переходитъ онъ съ дачи къ дачѣ, останавливается въ тѣни деревьевъ передъ убранными дикимъ виноградомъ верандами и, закидывая голову кверху, чтобы людямъ виднѣе дѣлались его пустыя глазницы — поетъ свои скорбныя пѣсни... Поетъ, а съ нимъ вмѣстѣ поетъ и лира его, бѣдный и грустный инструментъ... Десятилѣтній же Прокопъ, поводырь лирника, сумрачно и пугливо смотритъ на дачную публику изъ-подъ насупленныхъ, бѣлыхъ бровей... Потому смотритъ мальчикъ пугливо, что вѣдь не всегда съ достаточнымъ добродушіемъ относятся къ нищимъ дачники,—эти полныя дамы въ свѣтлыхъ пеньюарахъ и суетящіяся около нихъ румяныя, весело галдящія дѣти... Иной разъ начинаютъ махать руками и сердито гонятъ прочь... Иной разъ нападутъ собаки.—Значитъ, опасно...

Впрочемъ, гонятъ лирника не часто; видъ стараго бѣлобо-

родаго человѣка, у котораго нѣтъ глазъ; нескладныя, но такія глубоко жалобныя слова его пѣсенъ; и эти поющіе, придавленные, тоскливые звуки убогаго инструмента, — все это размягчающе дѣйствуетъ на сердце, трогаетъ его, вызываетъ въ немъ горестное сочувствіе... И слѣпому подаютъ.

У лирника большая торба, и въ торбѣ этой лежатъ и бѣлыя булки, и пирожки, и сахаръ, и куски мяса... А въ кисетѣ побрякиваютъ мѣдяки...

Допѣваетъ печальная лира свою несложную пѣсню. Звенятъ и плачутъ въ тепломъ лѣтнемъ воздухѣ больныя струны. Усталымъ хрипомъ своимъ причитаетъ слѣпой старикъ. А Прокопъ, на минутку оставивъ слѣпца, несмѣло подходитъ къ обвитой дикимъ виноградомъ или „крученнымъ паничемъ" верандѣ, протягиваетъ тощую съ искривленными пальцами руку,—и опускается въ руку подаяніе...

Глаза у Прокопа всегда серьезны и всегда печальны. Походка медленная, робкая. Осторожно пробираясь межъ клумбами, межъ крокетными дужками, межъ подвѣшенными къ соснамъ гамаками, возвратится Прокопъ къ своему слѣпцу, отдастъ ему собранное, и потомъ оба нищихъ медленно поплетутся къ калиткѣ...

Добрыми, чистыми, за сердце берущими, словами благодаритъ лирникъ милостивцевъ — жертвователей.

„Спаси васъ Господь и помилуй... Заплати вамъ Царица Небесная за ваше подаяніе... Что не оставляете вы сирыхъ и убогихъ, калѣку невидящаго... Спаси Господь душу вашу..."

Безъ конца крестясь, путаясь въ словахъ, бормочетъ онъ долгія молитвы... А пугливый,—и по природѣ своей тихонькій и грустный, Прокопъ напряженно озирается по сторонамъ,—не выскочитъ ли изъ кустовъ собака? Не пригрозитъ ли метлой сердитый садовникъ?

... — А можетъ будетъ такая ваша милость, что можетъ осталось у васъ трохи супцу?—попроситъ иной разъ лирникъ.

И его отошлютъ на кухню.

А на кухнѣ кухарка,—какая-нибудь растрепанная и сильно взопрѣвшая отъ жары, отъ суеты и спѣшки Хивря, усадитъ слѣпого и мальчика на заваленкѣ, поставитъ передъ ними табуретку и, сильная тѣмъ, что прислала нищихъ и велѣла ихъ накормить сама барыня,—натащитъ на табуретку столько всякой ѣды, что ужъ никакъ не справиться съ ней соединеннымъ силамъ лирника и Прокопа...

Ѣдятъ они оба, ѣдятъ, еще ѣдятъ...

Ѣдятъ какъ бы въ запасъ, или въ возмѣщеніе прежнихъ голодныхъ дней...

Ѣдятъ, а кухарка и еще чего то тащитъ и ставитъ на табуретку, непривычнаго, невиданнаго тащитъ, — пироговъ, налистниковъ, компоту изъ вишенъ...

— Мало, что-ли, у господъ? Не хватитъ имъ?... Да нехай имъ чортъ!... Съ голоду не подохнутъ... Барыня только и знаетъ, что оретъ, какъ собака тая... „Отчего къ тебѣ кумъ ходитъ, чтобы его и званія не было!...“ Ишь-ты, — званія“... А сама, небось, она зачѣмъ со студентомъ?... Какъ только мужъ въ городъ на службу, такъ сейчасъ со студентомъ... Косоворотку шелкову ему вышила... Косоворотка! А на какого бы нечистаго женщинѣ еще и студентъ, если есть у ней законный мужъ?... У-у-у, шлюха! Извѣстное дѣло,—господа!... Къ нимъ жиръ въ спину закопался!...

Отъ злости къ барынѣ, отъ жалости къ слѣпому человѣку и отъ нѣжности къ маленькому хилому мальчику, ведущему слѣпца, кухарка чуть не до верху напихаетъ всякаго добра въ торбу лирника... Тотъ идетъ потомъ отягченный и даже слегка покряхтываетъ и покачивается подъ бременемъ переполненной торбы...

Вечеромъ же онъ избытокъ собраннаго добра продастъ и устроитъ себѣ чудесный праздникъ: пошлетъ Прокопа въ казенку за водкой и напьется. А вмѣстѣ со старымъ слѣпцомъ напьется и Прокопъ.

Пьяный, лирникъ тоже поетъ,—но уже не про Лазаря.

III.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ дачная мѣстность Боярка не разъ приходила въ волненіе отъ такого обстоятельства: появлялась вдругъ безумная.

Появится и украдкой станетъ пробираться межъ дачъ, растрепанная, растерзанная, босая, страшная, такая невѣроятно грязная, что и на разстояніи идетъ отъ нея удушливый смрадъ...

Росту она небольшого, а голова огромная. Свѣтлые, бѣлесые волосы сбиты, всклокочены и многочисленными хвостиками падаютъ на лицо и плечи. Носъ короткій, вздернутый, съ очень широкими ноздрями и съ сильно вдавленной, узенькой переносицей... Толстыя губы не сходятся, не касаются одна другой, и видны межъ ними два ряда длинныхъ, крѣпкихъ,

очень бѣлыхъ и очень рѣдкихъ зубовъ... Глаза блѣдно-сѣрые, широкіе и круглые, съ вѣчнымъ выраженіемъ тупого, дикаго напряженія. Нижняя челюсть очень большая и тяжелая, а лобъ и черепъ сплющены... Что то бульдожье было въ лицѣ этой несчастной...

Она была нѣмая и умѣла только тихонько и однотонно подвывать. Когда же ее обижали—а обижали ее часто—она проворно оборачивалась къ обидчику, скалила свои острые собачьи зубы и по звѣриному рычала.

У непривычныхъ людей рычанье вызывало ужасъ и содроганье. А у тѣхъ, кто безумную уже зналъ, и зналъ, что безотвѣтнѣе и беззащитнѣе ея нѣтъ на землѣ существа, оно часто рождало веселый смѣхъ и желаніе повторить обиду...

Жила безумная въ деревнѣ Крушинкѣ, за восемь верстъ. Жила спокойно и покорно, у родителей, старыхъ крестьянъ. Мѣсяцами она не выходила со двора и никакихъ особыхъ затрудненій никому не создавала. Но случалось, что найдетъ вдругъ на нее темное безпокойство, необъяснимая тревога какая-то, и тогда она изъ дому убѣгала...

Начинались поиски...

Несчастные старики-родители отрывались отъ работъ, запрягали свою старую съ вспухшими колѣнями коняку и отправлялись по окрестнымъ деревнямъ...

Чаще всего безумная убѣгала въ Боярку. И именно въ этотъ дачный поселокъ прежде всего и направлялись старики.

— Ось-ось ó,—говорилъ старенькій отецъ, напряженно и и тревожно всматриваясь въ многочисленные отпечатки ступней на сыромъ послѣ дождя пескѣ.—Вотъ тутъ она проходила.

— Да гдѣ же?—спроситъ сочувствующій дачникъ.—Почему вы думаете, что проходила именно здѣсь?

— А вотъ же ея ножки... Вотъ, посмотрите!..

Старикъ хорошо зналъ форму ступни своего несчастнаго дѣтища и слѣдъ ея умѣлъ безошибочно отличать среди сотенъ другихъ отпечатковъ.

— Ось тутъ и проходила...

— Вы что жъ, когда нибудь ее моете?—спросишь, бывало, стариковъ.

И старая мать, тощая малорослая женщина, больная и давно уже сильно уставшая отъ всей своей жизни и особенно отъ хлопотъ съ безумной дочерью, съ сердцемъ скажетъ:

— А зачѣмъ ее мыть, когда она безъ понятія?

— Все же таки...

— Мыть ее, когда она изъ помойницы пьетъ!

— Такъ то-жъ неправда! — встрепенувшись отзовется отецъ.—Неправда же!..

И на запыленномъ лицѣ его, на корявомъ, сморщенномъ и высохшемъ лицѣ стараго, такъ много работавшаго и такъ много страдавшаго человѣка, вмѣстѣ съ выраженіемъ тяжкаго горя, появится и выраженіе какой-то странной, пугливой, почти дѣтской сконфуженности... Точно это онъ виноватъ въ непривлекательномъ видѣ дочери. И точно извиняется онъ за то, что людямъ изъ за дочери его приходится безпокоиться...

Ему хотѣлось бы скрыть, что дочь такъ плоха... Тяжело и трудно въ рабочей, хлопотливой, мученической мужицкой жизни возиться съ безумнымъ человѣкомъ, но отцовское сердце не ропщетъ. Оно готово страдать и дальше. Оно полно любви и сожалѣнія. И отыскивая, въ тоскливой тревогѣ, на пескѣ слѣды безумной, старикъ съ нѣжностью говоритъ не «ноги», а «ножки»...

— Ось-ось-ò ея ножки...

— Какъ корова изъ помойницы, такъ и она!—съ сердцемъ говоритъ мать.

А отецъ снова заступается:

— Да неправда-же...

— Неправда?! — разозлившись кричитъ женщина. — Неправда!

И хоть и больно ей и стыдно, но выбившаяся изъ силъ, въ конецъ замученная, она уже не можетъ сдержать себя. И сквозь слезы она говоритъ:

— А какъ же это неправда, когда она не то, что помои, которыя для свиней, а и другое что, похуже, такъ и то ей ничего.

... Безумной не было пятнадцяти лѣтъ, когда замѣтили, что она беременна.

Кто былъ тотъ несчастный, который не погнушался сблизиться съ этимъ полуживотнымъ и не пожалѣлъ его,—никогда этого не узнали.

Отъ родовъ безумная умерла. А младенца, котораго она родила и котораго назвали Прокопомъ, выкормили ея родители.

IV.

Мальчикъ былъ хилый, рахитичный, кривоногій и, какъ мать его, крупноголовый. У него тоже были свѣтлые волосы,

и онъ тоже большими свѣтло-сѣрыми глазами своими смотрѣлъ напряженно и пугливо. Но въ его глазахъ, въ противуположность глазамъ матери, была мысль, было и чувство,—скорбное, больное.

Въ пять лѣтъ Прокопъ пасъ свиней. Въ семь выѣзжалъ на лугъ въ ночное. Жилъ онъ тогда уже не у дѣда и бабки,—они умерли, — а въ чужой семьѣ у рыжебородаго, постоянно пьяненькаго и говорливаго, чудаковатаго дьякона Агапита.

Однажды, когда былъ онъ въ ночномъ, разразился обильный и очень длительный ливень. Свитка, которою защищался онъ отъ ливня, промокла насквозь, насквозь промокъ и Прокопъ... Промокъ, и мокрый лежалъ на мокрой землѣ до самаго того часа, когда надо было возвращаться домой... Сдѣлался у мальчика жестокій ревматизмъ суставовъ, отъ котораго усердно, но безъ всякаго успѣха, лѣчила его старая Шерстобитиха «конской мазью»,—мѣсивомъ изъ лошадинаго кизяка и сѣры...

Особенно мучительныя боли испытывалъ мальчикъ въ костяхъ рукъ и въ позвоночникѣ. Потомъ сдѣлалось что-то и съ сердцемъ. Сердце кололо и дергалось, мальчикъ синѣлъ, холодѣлъ, впадалъ въ безпамятство, а пульсъ исчезалъ... Отвезли Прокопа въ больницу. Тамъ клали ему на сердце ледъ, давали ему разныя лѣкарства, впрыскивали лѣкарства подъ кожу... А однажды случился такой сильный припадокъ, что мальчикъ сталъ отходить. Дали ему вдыхать кислородъ и этимъ смерть кое-какъ отогнали...

Прокопъ пролежалъ въ больницѣ мѣсяца три. Немножко его подлѣчили. А потомъ выписали, такъ какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ уже долго оставался въ больницѣ, и койка его давно нужна была для другихъ.

Къ работѣ, хотя бы и къ самой легкой, Прокопъ теперь былъ непригоденъ: очень плохо дѣйствовали руки. Руки были худыя, кривыя, онѣ дрожали и тряслись. Силы въ нихъ не было никакой. Даже пустое ведро Прокопъ носилъ съ трудомъ. А ужъ если въ ведрѣ вода, мальчику его и не поднять.

Жить Прокопу было не у кого, заботиться о немъ было некому. Считалось, что онъ живетъ у дьякона Агапита. На самомъ дѣлѣ онъ слонялся по деревнѣ, съ одного двора на другой, никому не нужный, ни для кого не цѣнный, и прокармливался случайными подачками.

Пьяненькій, жалостливый, болтливый Агапитъ болѣлъ сердцемъ за Прокопа, убѣжденно объяснялъ мужикамъ, что въ Кіевѣ недавно открыли для крестьянскихъ сиротъ пріютъ, въ которомъ

ребятъ и кормятъ, и поятъ, и даже обучаютъ чтенію и письму. Надо туда опредѣлить Прокопа!

Объ этомъ пріютѣ вслѣдъ за Агапитомъ пространно и часто говорили и другіе знатоки дѣла. Они подробно расписывали завидныя, прямо удивительныя удобства пріюта и пріютской жизни и даже объясняли убѣжденно, что деньги на это заведеніе идутъ изъ Петербурга, изъ ново-учрежденной по указу Его Императорскаго Величества «Главной Сиротской Крестьянской Канцеляріи»... Говорили горячо и много. Сдѣлать же что-нибудь для того, чтобы Прокопа въ пріютъ отвезти, не сдѣлали ничего.

Въ эту пору какъ разъ лирникъ сдѣлалъ предложеніе: мальчика пусть отдадутъ ему въ поводыри, а онъ будетъ Прокопа кормить, одѣвать и обувать и положитъ ему жалованіе— шесть рублей въ годъ.

Предложеніе было признано вполнѣ подходящимъ. О должности поводыря говорили, что для Прокопа она «въ самый разъ». Руки Прокопа никуда не годятся. Ноги же ничего, дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ. И ходить со слѣпымъ мальчикъ сможетъ сколько угодно.

— Чего ему безъ дѣла по хатамъ шляться?.. Лайдакомъ выростетъ. Пусть поступаетъ къ лирнику!

Жалованье, которое предлагалъ лирникъ, показалось, однако, недостаточнымъ. Рѣшили потребовать у слѣпца десять рублей.

— Я бы не пожалѣлъ и десять,—объяснялъ лирникъ.— Ну мнѣ главное, чтобы хлопчикъ былъ какъ слѣдуетъ. Чтобы неказистый.

— Вотъ же тебѣ Прокопъ и неказистый. Ужъ чего лучше!

— А то, если у него морда здоровячая, да весь онъ гладкій, да жирный, да глаза какъ у арештанта, то люди къ нему безо всякаго сожалѣнія.

— Само собой... Чего его жалѣть, если онъ здоровый. А Прокопъ, братъ, тебѣ такая холера, лучше и не надо.

Лирникъ внимательно изслѣдовалъ пальцами фигурку мальчика. Ощупалъ его узенькія плечики, тяжелую голову, искривленныя, высохшія руки...

— Ко мнѣ господа сожалѣніе всегда имѣютъ,—сказалъ онъ, втайнѣ вполнѣ удовлетворенный результатомъ изслѣдованія.— Бо я-жъ слѣпой...

— Слѣпой, да за то какой здоровенный, — подразнилъ пьяненькій Агапитъ.—Вѣдь ты вола повалишь.

— А хоть и здоровый, куда я гожусь?.. Старый я... Я солдатъ былъ, Богу и Государю служилъ и имѣю нашивку,—

съ гордостью выпячивая грудь, выпаливалъ вдругъ лирникъ свою стереотипную, тысячи разъ употреблявшуюся имъ фразу:—Я за отечество глазное зрѣніе безъ всякаго казеннаго воспособленія потерялъ! Ко мнѣ, которые господа милостивцы и благодѣтели, то всегда должны имѣть сожалѣніе.

— А къ Прокопу еще большее сожалѣніе, — отстаивалъ интересы мальчика Агапитъ. — Прокопъ несовершеннолѣтній, а между прочимъ уже и умиралъ.

— Такъ что, что помиралъ? Безъ доказательства это, господамъ это неизвѣстно.

— Какъ это «неизвѣстно»... Да на Прокопа посмотрѣть, сейчасъ все видно... Конечно, ты слѣпой, такъ тебѣ не замѣтно. А которые зрячіе, тѣмъ все видать.

— Что видать?

— А калѣка же.

— Гдѣ жъ онъ калѣка?

— Руки не годятся... Голова какъ макитра... А лицомъ такой зеленый, какъ вода въ ставкѣ... На него взглянуть—сердце заплачетъ!.. Да за такого, какъ Прокопъ, не то что десять рублей, а и всѣ двадцать пять отдать, и то мало...

Лирникъ задумался.

Онъ въ безпокойствѣ соображалъ. И шевеля толстыми морщинистыми губами, что то вполголоса подсчитывалъ: не промахнется ли? Окупитъ ли предпріятіе такой тяжелый расходъ?..

— Лицомъ зеленый?—недовѣрчиво переспросилъ онъ.

— Говорятъ тебѣ: какъ жаба зеленый!.. Да съ Прокопомъ ты втрое больше соберешь... Ты думаешь, что если ты лирникъ, слѣпой, то къ тебѣ большое сожалѣніе? Скажите пожалуйста: красавецъ какой!.. Вашего брата лирника, всѣ а-а-атлично знаютъ! Самъ онъ лирникъ, про Лазаря, а самъ до винопольки.

— Ты, отецъ дьяконъ, не лирникъ, а отъ тебя водочкой какъ несетъ.

— Несетъ?.. Такъ за то я до дивчатъ не лѣзу.

— Старъ ужъ я, чтобы до дивчатъ.

— Ага, вотъ, значитъ, признался и самъ!..—дѣлалъ неожиданное заключеніе Агапитъ. — «Ларникъ... лирникъ...» Лирникъ, это, братъ, самое корявое дѣлъ Что лирникъ, что сумасшедшій король Лиръ шотландскій—одно и тоже. А малолѣтній, если онъ калѣка, его всякій житель россійской имперіи обязанъ пожалѣть!

V.

Сдѣлка состоялась.

И вотъ бродятъ Прокопъ съ лирникомъ, обходятъ весь Боярскій Крещатикъ, обойдутъ дачи на Будаевкѣ, а ночевать поплетутся они въ Глѣваху, за четыре версты...

Отдохнутъ и потащутся въ Святошинъ, до котораго восемнадцать верстъ. По дорогѣ зайдутъ въ одну деревню, въ другую, заглянутъ на желѣзнодорожную станцію, и тамъ тоже получатъ хлѣба, луковицу, копѣйку... Устанутъ отъ жары, разомлѣютъ и направятся въ лѣсъ, поспать. Лягутъ въ сосновой чащѣ, на мягкомъ и тепломъ золотистомъ коврѣ старой хвои, или въ свѣжей травѣ среди дубовъ.

Старикъ поставитъ подлѣ себя свою накрытую грязнымъ кумачовымъ лоскутомъ лиру, положитъ тяжелую торбу, зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, прошепчетъ молитву и, молитвы еще не закончивъ, зальется храпомъ,—такимъ бурнымъ, грохочущимъ и свистящимъ, что испугается дятелъ на дубу... Ротъ старика раскрытъ, бѣлая борода смотритъ на небо, и бродятъ по бородѣ тихія, зеленыя тѣни. А мальчикъ сидитъ подлѣ лирника усталый, разморенный, сонный... Жара, ходьба и болѣзнь выгоняютъ изъ него обильный, рѣзко пахнущій потъ. Сзади рубаха прилипла къ хребту. Спереди Прокопъ рубаху приподнялъ. Обнаживъ животъ, бѣлый, но замурзанный, искусанный блохами, онъ подоломъ синей рубахи обвѣваетъ разгоряченное и все же блѣдное, безкровное лицо...

Ноги мальчикъ протянулъ въ травѣ, и изъ свѣтлой зелени, межъ широкими листьями папортника и бархатными комьями мху уныло торчатъ кверху бурыя, покоробленныя, босыя ступни, съ покалѣченными пальцами, на которыхъ бугрятся фіолетовыя корки запекшейся крови...

Сверху надъ высокими стволами, межъ недвижными, сонно замлѣвшими листьями, голубѣетъ іюньское небо. Внизу, въ травѣ, по тихо догнивающимъ прошлогоднимъ листьямъ, суетятся букашки, козявки, жучки. Здоровенный и проворный муравей, до пояса сургучно-красный, а отъ пояса черный, передвигаясь задомъ напередъ, волочитъ остатки мертваго жука. Головы жука уже нѣтъ, нѣтъ и ногъ,—такъ, какой-то непонятный, овальный, черный комокъ, твердый и глянцевитый... Бѣдному муравью справиться съ нимъ трудно: вѣдь и лишенный головы жукъ, вѣдь и

половина жука все же вдвое больше его, цѣлаго. Но упрямый малый духомъ не падаетъ. Онъ яростно толкаетъ и тащитъ свою находку. И даже когда встрѣчаются ему на пути грозныя препятствія въ видѣ вѣтки, вылѣзшаго изъ земли корня, еловой шишки, куска гнилой коры, или огромнаго толстаго мухомора, онъ все-таки ни на секунду не оставляетъ работы, суетится, мечется, напрягается, бросается въ обходъ или лѣзетъ черезъ преграду на проломъ, и добычу свою не выпускаетъ... Какъ выпустишь! Дома добычу эту ждутъ дѣти, такіе же до пояса красные и отъ пояса смолисто-черные муравьята, и нельзя муравью ослабѣвать и обезкураживаться. Трудно, а волоки!

Прокопъ сочувственно ухмыляясь, внимательно смотритъ на муравья. Онъ взялъ желтую хвоинку и подгоняетъ ею труженника... Ему хочется муравья и придавить,—особенно интересно было бы перервать его на двое, на красную половину и на черную,—но ему и жалко муравья...

И чтобы не было соблазна, онъ отводитъ глаза въ сторону и начинаетъ смотрѣть на корявые дубы, на сіяющее небо поверхъ ихъ... Тихо въ лѣсу, очень тихо... Только невидимыя пчелы да мухи гдѣ-то гудятъ непрерывно, и всѣ жужжащіе голоса ихъ сливаются въ одинъ ровный, долгій, безконечный—дзззззз... Точно звенитъ самая звонкая и самая живая изъ струнъ здѣсь же стоящей лиры... Кромѣ этого звона не слышно ничего. Безмолвно, безвучно и какъ-то особенно серьезно, дѣловито и торжественно, въ молитвенной сосредоточенности цвѣтетъ здѣсь все, наливается соками, силами, красотою и зрѣлостью. Богъ велѣлъ лѣсу и всему, что въ лѣсѣ, расти,—и покорное волѣ Его, все растетъ здѣсь, радостно и сильно...

Тихо въ лѣсу.

Только спящій лирникъ храпитъ, и храпъ его калѣчитъ—раздираетъ прекрасную тишину, бороздитъ ее дикими, острыми громоздкими звуками, одинъ за другимъ вылетающими изъ мясистаго носа и полураскрытаго съ толстыми, пересохшими губами рта...

Прокопа раздражаетъ этотъ храпъ, онъ мѣшаетъ ему. Мальчикъ хотѣлъ бы какъ-нибудь прекратить его. Но какъ прекратить? Какъ отъ него избавиться?

Встать и отойти?

Но такъ ноютъ натруженныя длиннымъ переходомъ ноги, но такъ клонитъ книзу и придавливаетъ къ землѣ тяжелая, опаленная іюньскимъ солнцемъ голова!..

Нѣтъ, не встанешь...

Сонный, но почему то никакъ не умѣющій уснуть, лежитъ Прокопъ на правомъ боку,—на правомъ. На лѣвомъ не лежитъ онъ никогда. Ляжетъ—и тотчасъ же начнетъ задыхаться... Что-то въ лѣвомъ боку у него станетъ расширяться, пухнуть, расти, тяжело и часто биться... Разольется по тѣлу тяжкій холодъ, точно внезапно обложитъ его снѣгомъ,—и охватитъ Прокопа какой-то непонятный, смертельный ужасъ... Кажется мальчику, что изъ него что-то выходитъ,—что?—должно быть жизнь,—и онъ превращается во что-то оцѣпенѣлое, неподвижное, холодное и бѣлое,—въ снѣгъ... А на спинѣ лежать Прокопу тоже нельзя — ноетъ спина. Хорошо чувствуетъ себя мальчикъ только тогда, когда ляжетъ на правый бокъ. А еще лучше, если на брюхо...

Вотъ и теперь; утомивъ правый бокъ, перевернулся онъ на животъ, подперъ кривыми, тонкими и длинными, какъ гвозди, пальцами подбородокъ, и устремилъ свои глаза вдаль... Эге, вонъ онъ, вонъ онъ скачетъ въ травѣ заяцъ!..

Ишь ты какой!..

Сизый...

Уши у него...

Ишь, какія уши!..

Сизый, толстый, огромный такой заяцъ!..

А ну ка, ну-ну, не будетъ ли и еще одного?..

Прокопу дѣлается весело. Ужасно, вѣдь, это весело и занятно, когда въ лѣсу увидишь звѣря!.. Даже благодарность къ нему почувствуешь... Приласкать бы его, погладить... Или вмѣстѣ съ нимъ побѣжать, запрыгать въ озаренныхъ солнцемъ папоротникахъ. Обхватиться съ нимъ, опрокинуться на спину, на брюхо, и такъ барахтаться вдвоемъ, ноги кверху, и по звѣриному рычать, и визжать, и смѣяться такъ громко и дико, чтобы слышно было далеко-далеко, на всѣхъ полянахъ, на всѣхъ лѣсныхъ озерцахъ, и на самомъ краю лѣса, гдѣ встали горы... Подняться потомъ съ земли, не стряхивая съ себя приставшихъ къ волосамъ листьевъ, хвоинокъ, цвѣтовъ, взлохмаченнымъ, растрепаннымъ, какъ и звѣрь, стать противъ звѣря, лицомъ къ лицу, смотрѣть веселыми глазами въ его веселые глаза, отражающіе и зелень лѣсную, и синеву небесную, смотрѣть, вываливъ, какъ и звѣрь, вонъ изо рта пересохшій, розовый языкъ, и какъ и онъ, бить объ землю ногой и взрывать ею комья черной, пахучей и влажной земли... Нанюхаться этой земли, наѣсться высокихъ и сочныхъ травъ, натереть себѣ лицо и все тѣло сверкающимъ зеленымъ травянымъ сокомъ, и такъ упиться прохладнымъ ароматомъ его, чтобы закружилась голова...

Ахъ, если бы снова заяцъ!.. Или если бы олень!.. Или левъ... Или если бы дикая лошадь!..

Въ жадномъ нетерпѣніи, то замирая и костенѣя, то всѣмъ тѣломъ вздрагивая, настораживается мальчикъ, ждетъ, смотритъ, ищетъ, молитъ... Зайка, зайка, милый зайка, левъ, тигръ, дикая лошадь,—придите, покажитесь,—заоремъ!..

И кажется мальчику, что потихоньку, но все же замѣтно для глаза, онъ уже начинаетъ превращаться въ звѣря. Фіолетовая корка запекшейся крови на ножномъ пальцѣ растетъ, увеличивается, твердѣетъ,—и вотъ уже настоящимъ копытомъ одѣла его ступню. А вся нога покрылась шерстью, и волосы на головѣ удлинились, косматыми стали, гривой сдѣлались... Прокопъ пробуетъ мычать—выходитъ отлично! Ржать—тоже хорошо... Лаетъ; мяукаетъ, по волчьи воетъ—лучше не надо!.. Пробуетъ онъ хвостомъ бить себя по ребрамъ,—дѣтское воображеніе увѣряетъ его, что и это выходитъ очень хорошо. Онъ—звѣрь!.. Настоящій, самый настоящій, живой, дикій, лохматый, рыкающій, лѣсной звѣрь... Зайка, волкъ, левъ, дикая лошадь,—приходите же!..

Но звѣри не приходятъ. Нѣтъ даже простого зайца... Только трепетно оторвался отъ земли невидимый до этого момента глухарь, большой, рыжій, головастый. Съ громкимъ клекотомъ взвилась птица надъ стволами. Хвостъ у ней вѣеромъ, рыжій, взлохмаченный, какъ борода у дьякона Агапита... Хорошо быть глухаремъ!.. Хорошо вотъ такъ взвиться къ небу и съ радостнымъ крикомъ исчезнуть гдѣ то тамъ, въ голубомъ, въ золотистомъ...

Прокопъ долго смотритъ на то мѣсто межъ вѣтвями, гдѣ исчезъ глухарь... Прокопъ взвиться не можетъ... Прокопу и встать трудно... Вотъ, всего въ трехъ шагахъ отъ него, подъ широкимъ узорчатымъ листомъ своимъ алѣетъ веселая земляника. И слышенъ ея влажный кисленькій запахъ. Отвѣдать бы земляники!.. Но развѣ можно подняться?

Такъ ноютъ натруженныя съ обитыми, окровавленными пальцами ноги, и такъ тяжко клонитъ къ землѣ огромная истомленная зноемъ голова!..

Прокопъ лежитъ недвижно, изнеможенный, потный, сонный. Лежитъ и уснуть не можетъ. Уснуть онъ не можетъ потому, что слишкомъ гулко храпитъ лирникъ, и слишкомъ судорожно,—хоть и легъ мальчикъ не на лѣвый бокъ, а на брюхо,—сжимается въ немъ и трепещетъ его разрушенное ревматизмомъ сердце... Ахъ, какъ стучитъ сердце!.. Вотъ, вотъ разорвется...

Мальчику дѣлается страшно. Сѣрые глаза его округлились,

ротъ полуоткрытъ—для крика... Но не успѣваетъ онъ вскрикнуть, какъ сердце внезапно останавливается—останавливается совсѣмъ... Холодная волна изнутри захлестываетъ Прокопа, судорога пробѣгаетъ по его рукамъ и по ногамъ, лицо мертвѣетъ, синѣетъ, искажается. Въ стеклѣющихъ глазахъ появляется выраженіе безумное,—дѣлающее его страшно похожимъ на ту, на дикую дурочку, которая когда то съ глухимъ мычаніемъ пробѣгала по Бояркѣ...

— Прокопъ,—зоветъ проснувшійся лирникъ:—Прокопъ!..

Мальчикъ хочетъ отозваться. Но ужъ поздно, онъ не можетъ...

Онъ чувствуетъ, что весь твердѣетъ, коченѣетъ, замираетъ. И замирая, онъ слышитъ, какъ что-то изъ него уходитъ... Что? Должно быть, жизнь...

Угасающая мысль объясняетъ мальчику, что пришелъ его конецъ, и чувствуетъ Прокопъ отчетливо, что онъ тяжелѣетъ, вытягивается и превращается во что то неподвижное, очень холодное, и очень бѣлое,—въ камень? въ снѣгъ?

— Прокопъ!.. А Прокопъ!—взываетъ слѣпой, шаря руками около себя.—Гдѣ жъ ты, Прокопъ?

Мальчикъ еще слышитъ. Но онъ молчитъ...

Ротъ его скошенъ. Зубы оскалены, языкъ застылъ и окаменѣлъ, и на лицѣ выраженіе дикаго страданія и ужаса...

. . . . . .

...А черезъ нѣсколько минутъ припадокъ проходитъ.

Точно ничего и не было.

Прокопъ снова сидитъ подлѣ лирника, весь сѣрый, похудѣвшій, какой-то прозрачный... И воскресшими глазами, полными изумленія и восторга, озирается онъ вокругъ,—на траву, на деревья, на небо, въ которомъ свѣтитъ солнце... Вернулась жизнь?.. Опять все какъ прежде?.. Вотъ онъ, тоненькій зеленый червячокъ, ползетъ по ногѣ... Значитъ, все какъ прежде?..

И текутъ, текутъ, текутъ безумно-радостныя слезы...

VI.

Пролетѣло полъ-лѣта. Потомъ прошла зима. Потомъ минуло еще одно цѣлое лѣто.

Лирникъ привыкъ къ своему поводырю, сроднился съ нимъ, а Прокопъ приросъ къ слѣпцу. Жили дружно.

Необычную чету эту многіе изъ дачниковъ хорошо знали и подавали ей не скупясь. На Крещатикѣ, въ богатой дачѣ, жила

маленькая, ласковенькая дѣвочка, которая воспитана была до такой степени деликатно, что подошла однажды къ козѣ, щипавшей у забора травку, и, протянувъ ей разноцвѣтную коробочку, вѣжливенько спросила:

— Ме-э-э-э, вамъ можно предложить конфетку?

Эта дѣвочка подарила Прокопу красивый жестяной паровозъ, нѣсколько, впрочемъ, поврежденный и уже безъ трубы, и прехорошенькую синеглазую куклу съ серебрянымъ позументомъ на розовой юбочкѣ. Игрушки доставили Прокопу истинное счастье. Паровозъ онъ принялся настойчиво починять, но добился только того, что изломалъ его окончательно. А синеглазую куклу ему такъ хотѣлось цѣловать!.. Онъ, однако, не цѣловалъ ея,— и вовсе не потому, что стѣснялся старика: тотъ вѣдь не видѣлъ. Онъ просто считалъ такое занятіе неприличнымъ для себя. Ласкалъ же онъ куклу нѣжно, подолгу, улыбался ей радостно, и далъ ей человѣческое имя—Горпыночка...

По ночамъ, когда больное сердце не давало мальчику уснуть, онъ слабо грезилъ о Горпыночкѣ и мысленно въ умиленіи гладилъ желтоватую паклю, изъ которой была сдѣлана ея прическа, и эту прекрасную розовую юбочку съ серебрянымъ позументомъ...

Вся та нѣжность, теплота и ласка, которыя на людей этого возраста изливаются матерью, или милой сестричкой, или крохотной сосѣдкой-подружкой, все это сіяніе къ угрюмому и одинокому Прокопу приходило только отъ нѣмой куклы съ желтой паклей на головѣ и съ неподвижными стеклянными глазами. Кукла была какъ запахъ земляники въ лѣсу, какъ торопливый бѣгъ утренняго вѣтерка надъ бѣлымъ полемъ гречихи, какъ тихое поглаживаніе материнской руки по волосамъ... На своей головѣ Прокопъ такого поглаживанія не испытывалъ. Но вдумчивыми глазами своими видѣлъ онъ не разъ, какъ гладятъ и ласкаютъ другихъ дѣтей. Маленькое больное сердце его сжималось тогда тихой печалью, а взоръ дѣлался еще болѣе угрюмымъ и скорбнымъ... Теперь же спокойно смотрѣлъ Прокопъ на другихъ дѣтей, болѣе, чѣмъ онъ, счастливыхъ: выплывали думы о Горпыночкѣ,—и тихо дѣлалось на душѣ, и свѣтлѣло лицо...

О матери своей Прокопъ не думалъ. Не думалъ онъ и объ отцѣ. Онъ только очень смутно сознавалъ, что были вѣдь— должны были быть—мать и отецъ и у него... Онъ проходилъ съ лирникомъ по тѣмъ самымъ песчанымъ переулкамъ Бóярки, гдѣ среди другихъ слѣдовъ отыскивалъ и распознавалъ когда-то старый и скорбный мужикъ отпечатокъ ногъ своей безумной дочери... Но Прокопъ и не зналъ, что здѣсь проходила его

мать, какъ не зналъ онъ и того, гдѣ похоронена мать. Деревянный крестъ, поставленный на ея могилѣ, сломали непогоды. Теперь отъ креста оставался только почернѣвшій колъ съ глубокой зарубкой въ томъ мѣстѣ, гдѣ была поперечная дощечка. Колъ покрылся зеленовато-сѣрыми лишаями. Могила почти сравнялась съ землей и обильно заросла колючками, чебрецомъ и полынью.

Объ этой могилѣ люди заботились такъ же мало, какъ и о самомъ Прокопѣ.

VII.

Случалось, что отъ длинныхъ переходовъ старыя ноги лирника начинали ныть и подламываться. Тогда слѣпой садился на землю, гдѣ-нибудь неподалеку отъ базара или отъ желѣзнодорожной станціи, на тропинкѣ, подъ старымъ осокоремъ, и здѣсь затягивалъ свои грустныя пѣсни.

... А брата свого Лазаря за брата не примали,
Іди собі на гноіще да з мого двора подáлі...

Проходитъ баба съ кошелкой. Услышавъ дрожащіе звуки лиры, остановится баба, кошелку опуститъ на землю, къ ногамъ, голову уронитъ на грудь. Лѣвую руку положитъ поперекъ груди, въ раскрытую ладонь ея вставитъ локоть правой, подопретъ щеку, задумается...

О чемъ?..

О тяжкой бабьей долѣ своей, объ умершихъ дѣтяхъ, о томъ, что пьетъ горькую драчунъ-мужъ, о томъ, что побило градомъ поле и уже со святокъ не будетъ своего хлѣба.

... А нікому щобы страднóму Лазарю на гноіщі хліба дати,
А нікому, щобы его смердящі рани хоч гноем покривати...

Прибѣгутъ привлеченные музыкой ребятишки. Разинувъ рты, въ которыхъ недостаетъ переднихъ зубовъ, уставятся на страннаго старика безъ глазъ и на страннаго тоненькаго мальчика съ такой большой и тяжелой головой... Смотрятъ, а слѣпой старикъ съ бѣлой бородой поетъ уже про сиротъ, про «злую мачуху»...

Плавай собі, плавай злая мачуха,
Ще будеш ти в огні горіти,
А ще будеш ты въ огні горіти,
За бідных сирот будеш слези свої лити.

Издали, рисуя ногами узоры и ласково выкрикивая бранныя слова, идетъ пьяный мужикъ. Заслышавъ лирника, онъ становится тише, сдержаннѣе. Ругань прекращается. И покорнѣе становятся вдругъ пьяныя ноги... Мужикъ подтягивается, идетъ ровнѣе, шагаетъ солидно. На лицѣ его является серьезность.

Онъ подходитъ къ лирнику, кладетъ въ его чашечку мѣдякъ и, крестясь, сосредоточенно, строго заглядывая въ его пустыя глазницы, съ печальнымъ вздохомъ проситъ:

— Помолись за моего брата Ивана.

По лицу, по глазамъ этого человѣка, по измѣнившемуся тембру его голоса, видно, что дрогнуло что-то въ его душѣ, смягчилась душа, очистилась. Хоть на минутку, а порѣдѣла копоть и муть души, и озарилось сердце теплымъ лучемъ... И считаетъ онъ, что лирникова молитва дойдетъ скорѣе. Своими страданіями слѣпой завоевалъ себѣ право говорить Богу и просить у Него за людей...

— Помолись за моего брата Ивана.

.... Идетъ солдатъ съ ружьемъ на плечѣ,—и тоже остановится послушать... Глубокая тоска затуманила его взоръ. И вздохъ, тяжелый и шумный, вдругъ вырвется изъ широкой солдатской груди. Можетъ быть, родное село вспомнилось этому солдату, человѣку земли, странно разодѣтому въ тѣсные синіе штаны съ краснымъ кантомъ и въ кургузый мундиръ съ металлическими пуговицами.... Можетъ быть, старуха мать встала передъ глазами, или оставленная дома невѣста, или бѣдное, милое поле, отъ котораго его оторвали и которое некому вспахать...

На грустныя,—только на грустныя думы наводитъ дрожащее пѣніе слѣпого старика. И скорбь,—только темную скорбь рождаютъ протяжные звуки лиры...

Вѣдь полдень: солнце, яркая трава вокругъ, въ ней радостно свѣтятъ голубые, алые, золотые цвѣты,—но когда звенитъ лира, и когда дрожитъ тоскливо старческій голосъ слѣпого, все это сіяніе и свѣтъ куда то сразу изчезаютъ, уже нѣтъ ни яркости, ни веселья, ни силы, ни смѣха, а кажется, что спустились на землю сумерки, холодныя, ненастныя, унылый вѣтеръ плачетъ немолчно въ пустыхъ и угрюмыхъ поляхъ,—и сердцу дѣлается такъ жутко, и сердцу становится такъ больно...

Слеза покатится по блѣдному лицу заслушавшейся бабы... Вторичный вздохъ, и еще болѣе глубокій, вырвется изъ груди солдата... Медленно, какъ больной, пойдетъ прочь солдатъ... И, смотри!—уже несетъ онъ ружье не какъ раньше, а перевернувъ

его: не за прикладъ держитъ, а за дуло. Прикладъ странно торчитъ кверху, надъ головой... Мужикомъ, хлѣборобомъ, деревенскимъ человѣкомъ, человѣкомъ полей и его колосьевъ снова почувствовалъ себя солдатъ, и оттого ружье свое понесъ вдругъ какъ грабли, и зашагалъ теперь безъ тѣни военной муштры, зашагалъ по простому, по мужицки, въ развалку, какъ шагаютъ только тамъ, дома, по чернымъ бороздамъ свѣже вспаханныхъ полей...

А слѣпой все поетъ и поетъ:

...А вставайте ви, христолюбці,
А вставайте ви, раби Божіі,
Сам Господь нас судить буде,
А праведникам царство уготоване,
А грішникам пекло слідоване.
Праведники ідуть все веселяться,
А грішники идуть все смутяться...

Поетъ слѣпой...

И все плачетъ—поетъ съ нимъ его покорный, наивный инструментъ. И въ сердцѣ Прокопа плачъ этотъ отзывается темной и тяжкой печалью. Вотъ уже сколько времени слушаетъ мальчикъ скорбныя жалобы лиры, и все еще не можетъ онъ къ нимъ привыкнуть, все еще не можетъ воспринимать ихъ спокойно и безъ волненія... Болѣзненно-чуткая, одинокая, всегда одинокая дѣтская душа трепетно отзывается на однотонный звонъ бѣднаго инструмента,—и какія же грезы, какія удивительныя видѣнія и грезы проходятъ передъ напряженнымъ, смутной тревогой налитымъ взоромъ ребенка.

VIII.

Лѣто окончилось.

Пришли дни сумрачные, сырые, холодные. Боярка опустѣла. Сосны были, какъ и лѣтомъ, зеленыя, одѣтыя въ хвою, но дубы оголились и стало въ нихъ, надъ верхушками, пусто, словно больше появилось воздуха и неба...

Почернѣла земля, потемнѣли отъ дождей деревяныя стѣны дачъ и пески переулковъ. Жалкіе скелеты травъ тускло желтѣли у заборовъ. Птицъ уже не было. Одни только вороны каркали хрипло и злобно,—наступало ихъ царство. Сегодня нехорошо: уныло, тоскливо и мрачно. А завтра будетъ хуже: еще холод-

нѣе, еще темнѣе. День будетъ еще короче, ночь еще длиннѣе, и чего добраго, среди ночи завоетъ въ лѣсу волкъ...

Прокопъ не любилъ осени, и уже совсѣмъ не выносилъ зимы. Крови въ его маленькомъ тѣльцѣ было мало, распредѣлялась она больнымъ сердцемъ неправильно, неравномѣрно, и оттого мальчикъ испытывалъ ознобъ даже въ теплые дни. Осенью же тяжко страдалъ отъ постояннаго холода, и плохо защищенный отъ него дрянной свиткой и разваливающейся дырявой обувью, со слезами на глазахъ думалъ объ ужасахъ зимы, студеной, снѣжной, такой мучительно-долгой... Занесетъ деревню сугробами, замететъ дороги, умрутъ подъ ледянымъ и снѣжнымъ покровомъ поля и лѣса, застынетъ все вокругъ, замолкнетъ. Тоска!..

И какъ прокормиться?..

Дачники ушли. Мужики потеряли доходъ. Когда дачниковъ нѣтъ и прекращаются связанные съ пребываніемъ дачниковъ заработки, крестьяне становятся угрюмыми, скупыми, сердитыми, жесткими, и либо вовсе ничего не подаютъ, либо подаютъ негодную корку,—ѣсть лирнику съ Прокопомъ почти ничего... А холодъ! А жесткая стукотня въ сердцѣ!.. А мучительная ломота въ костяхъ рукъ и этотъ неодолимый страхъ былыхъ привидѣній, которыми населяетъ дѣтское воображеніе снѣжный, гулко воющій отъ вѣтра зимній лѣсъ!...

IX.

Въ концѣ сентября лирникъ съ Прокопомъ плелись около земской больницы,—около той самой, гдѣ нѣкогда лѣчили мальчика отъ ревматизма...

Дождь и морозъ ожесточенно боролись другъ съ другомъ... Тотъ и другой хотѣли воцариться и завладѣть безраздѣльно этимъ днемъ, темнымъ и вѣтрянымъ. Побѣждалъ морозъ, цѣпенѣла вода, тонкой ледяной коркой одѣвались крыши, тропинки, стволы... Потомъ силы мороза истощались. Ослабленный, морозъ падалъ, и наступало владычество дождя. Онъ хлесталъ и сѣкъ, смывалъ прочь ледяной покровъ, и тогда земля дѣлалась мокрой, липкой, мягкой...

Туманъ подымался такой густой, что тонулъ въ немъ лѣсъ, исчезали дачи. Мгла, холодъ, вѣтеръ...

Старый лирникъ бредетъ, вздыхаетъ, крестится, шумно кряхтитъ и жалуется. Прокопъ тащится молча. Носъ у маль-

чика посинѣлъ, лицо блѣдное, безкровное, вѣки воспаленно-красные... Прокопъ трясется отъ холода, холодомъ обдаетъ его и изнутри, изъ больного сердца, которое мало посылаетъ по тѣлу крови. Ему хочется ѣсть, но торба Лирника пуста. Кости же въ рукахъ и въ обоихъ плечахъ мальчика горятъ и ломятъ такъ невыносимо, что, кажется, подай теперь добрый человѣкъ самую щедрую милостыню,—Прокопъ не былъ бы въ состояніи протянуть за ней руку...

Чтобы развлечь себя и утѣшить, Прокопъ старается думать о Горпыночкѣ... Милая! Она лежитъ теперь дома, въ старой банѣ, въ той самой, гдѣ ютятся мальчикъ съ лирникомъ... Образъ синеглазой куклы съ великолѣпной прической изъ желтоватой пакли выступаетъ такъ отчетливо и свѣтло, и такъ этотъ образъ плѣнителенъ и радостенъ, что подобіе тихой улыбки появляется на озябшемъ и мокромъ лицѣ Прокопа.

— Ну, ничего... Ей тепло,—думаетъ мальчуганъ.—Укуталъ я ее здорово... Въ шапку поклалъ. А еще сверху торбой... Ей тепленько.

На минутку появляется у мальчика смущеніе: вѣдь глупости онъ говоритъ! Развѣ кукла понимаетъ? Развѣ она чувствуетъ?.. Стыдно и думать о куклахъ... Мальчику это совсѣмъ не полагается. Въ коняки играть можно. И въ японскіе разбойники можно. Но въ куклы?.. Стыдно это...

Да, стыдно... Но такъ какъ никто вѣдь не можетъ узнать, о чемъ именно думаетъ Прокопъ, и такъ какъ Горпыночка такъ изумительно хороша, а думы о ней такъ невыразимо сладостны, то мальчикъ скоро успокаивается... И никѣмъ не стѣсняемый, снова отдается онъ мыслямъ о томъ, что Горпыночка не мучится отъ холода, какъ мучится онъ самъ, что ей въ шапкѣ и подъ большой, вчетверо сложенной торбой очень тепло... А вотъ, когда придетъ онъ домой, онъ еще сверху накроетъ ее соломой...

— Прокопъ,—сказалъ лирникъ:—никого нигдѣ нѣтъ?

— Никого... Всѣ дачи пусты...

— А можетъ хоть гдѣ человѣка видать?

— Никого нѣту.

Слѣпому очень хорошо извѣстно, что нигдѣ на дачахъ нѣтъ ни души,—поздно, сезонъ давно окончился, и даже самые запоздавшіе дачники тоже вернулись уже въ городъ. Но почему то онъ все таки спросилъ...

— Прокопъ!

— А?

— Холодно тебѣ?

Мальчикъ помолчалъ.

— И недужаешь ты?

— Въ грудяхъ стукотить.

— А ѣсть хочешь?

— Хочу.

— Въ торбѣ ничего нѣту?

И это тоже старикъ знаетъ: въ торбѣ нѣтъ ничего. Пуста торба... Но почему-то все таки спросилъ... И когда мальчикъ ему отвѣтилъ, слѣпой вздохнулъ...

Шаговъ пятьдесятъ оба прошли молча.

Дождь лилъ, а вѣтеръ, мчавшійся изъ полей къ лѣсу, трепалъ мокрые лохмотья нищихъ и билъ старика и мальчика по лицу и въ грудь... Мальчику хотѣлось плакать, но онъ зналъ, что плачъ еще больше неприличенъ, чѣмъ думы о Горпыночкѣ, и онъ старался не плакать...

— Прокопъ!

— Чего?

— То може хоть зайти погрѣться куда? Уже ты промокъ насквозь.

— А куда зайти?

— До деревни далеко. На каку нибудь пустую дачу зайдемъ... А?..

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Но круто повернулъ налѣво и направился къ небольшой, похожей на крестьянскую хату, дачкѣ съ соломенной крышей... Подойдя, оставилъ слѣпого на верандѣ, а самъ сталъ осматривать окна и двери,—нельзя ли проникнуть внутрь?..

Окна были наглухо закрыты внѣшними ставнями. Двери заперты и заколочены. Но дверь въ кухню оказалась незапертой. Она была только прищемлена гвоздемъ. Повозившись минуты двѣ надъ этимъ гвоздемъ, Прокопъ коблукомъ отогнулъ его, и дверь открылась. Слѣпой и мальчикъ вошли... По контрасту съ тѣмъ, что дѣлалось на дворѣ, въ кухнѣ этой, гдѣ не лилъ дождь и не бился вѣтеръ, обоимъ показалось очень тепло...

— Отъ такъ,—одобрительно и съ видимымъ удовольствіемъ, проговорилъ слѣпой, опуская на полъ лиру.—Отъ и хорошо. А сѣсть есть на чемъ? Табуретки какой нѣту?

Онъ протянулъ впередъ руки,—искалъ... Мебели въ кухнѣ не было никакой. Мальчикъ подвелъ его къ плитѣ и помогъ усѣсться на нее.

X.

— Ну вотъ, и погрѣемся, хлопче. Охъ-хо-хо!.. А вотъ нашелся для тебя и кусокъ пирога,—сказалъ лирникъ.

Онъ вытащилъ изъ кармана завернутый въ синюю тряпку пирогъ. Онъ перехитрилъ мальчика,—сберегъ таки про запасъ ѣду. И теперь онъ былъ очень доволенъ и тѣмъ, что оказался хитрѣе Прокопа, и тѣмъ, что есть чѣмъ мальчугана накормить.

— На, Прокопъ, ось, покушай.

Протянутая рука лирника, въ которой былъ пирогъ, сильно дрожала. Изъ нутра пирога сыпалась на полъ бурая начинка,—должно быть каша или печенка.

— Ѣшь, хлопчикъ.

— А вы?

— Такъ я жъ не голодный... Може послѣ, когда захочется... А теперь я еще не голодный...

Мальчикъ недовѣрчиво помедлилъ... «Не голодный»... Потомъ онъ взялъ пирогъ, усѣлся на полу въ уголочкѣ и съ наслажденіемъ сталъ жевать...

Не оставить ли пирога Горпыночкѣ?..

Куклы, положимъ, не ѣдятъ. Не умѣютъ. Ну, а все таки, если бы оставить?.. Горпыночкѣ будетъ пріятно... А какъ хорошо теперь Горпыночкѣ!.. Если въ шапкѣ и подъ торбой, и если торба сложена вчетверо,—это очень тепло, все равно какъ на солнышкѣ...

— Вотъ, видишь, Прокопъ, вотъ намъ и тепло,—сказалъ лирникъ, съ пріятнымъ чувствомъ прислушивавшійся къ тому, какъ жуетъ и чавкаетъ мальчикъ.—Хоть и не дуже тепло, а все таки тепло... А скоро, Прокопъ, опять будетъ лѣто... Опять пойдемъ мы съ тобой въ Святошинъ... Теперь вотъ у насъ и хлѣба немае, а лѣтомъ,—ого!.. Вѣдь никому столько не подаютъ, какъ намъ съ тобой, Прокопъ. Знаешь,—никому рѣшительно!

Мальчикъ молчалъ.

— Бо, разумѣется же! До насъ, господа, имѣютъ сожалѣніе... А то какъ же?.. Я—солдатъ!.. Я Богу—Государю служилъ, имѣю нашивку... Потерялъ я глазное зрѣніе. И если бы еще мнѣ какое воспособленіе вышло... А то вѣдь безъ никакого казеннаго воспособленія... Должны милостивые господа имѣть сожалѣніе... Ну и ты тоже... Если бы у тебя мордяка здоровяча, да весь бы ты гладкій, да глаза какъ у арештанта,—есть

такіе хлопцы!—А то же ты сирота, и самъ какъ калѣка... Должны господа имѣть къ тебѣ большое сожалѣніе... Да!.. И Господь намъ помогаетъ, Матерь Божья, Пресвятая Заступница...

Слѣпой началъ креститься.

— Господь Богъ милостивый... Онъ за всѣхъ... Господь Богъ всѣхъ пожалѣетъ и поможетъ всѣмъ...

Слышно, какъ хлещетъ въ стекла дождь. Въ разбитое стекло врывается вѣтеръ. Съ нимъ вмѣстѣ входитъ въ кухню плачъ гнущейся отъ вѣтра тоненькой березки... И ко всѣмъ этимъ звукамъ неожиданно примѣшался вдругъ новый звукъ: слабо вскрикнулъ, какъ бы икнулъ тихонько Прокопъ... Потомъ пробѣжалъ по кухнѣ негромкій, шелестящій шаркающій шумъ,— словно повалилось что-то и стукнулось... Лирникъ ничего не видѣлъ, вѣчная тьма стояла въ пустыхъ глазницахъ его, но необычайно утончившійся, изощренный слухъ стараго слѣпца чутко схватывалъ каждый звукъ и зналъ значеніе и смыслъ каждаго шума... И даже этотъ слабый, блѣдный, среди грознаго гудѣнія осенней непогоды раздавшійся, тихій, короткій стукъ старикъ тоже разслышалъ и разгадалъ.

— Ты легъ, Прокопъ?.. Заморился?.. Ну полежи, полежи... Отдохни, хлопчикъ... Торопиться намъ некуда... Хочешь отдохнуть, то и отдохни себѣ... А когда отдохнешь, тогда мы и пойдемъ... Насъ съ тобой, хлопчикъ, всѣ пожалѣютъ... А то какъ же?.. И знаешь ты, что мы еще съ тобой сдѣлаемъ, Прокопъ?.. Эге!

Старикъ прищелкнулъ языкомъ и хитро разсмѣялся.

— А мы, хлопчикъ, пойдемъ съ тобой въ Кіевъ. Да!.. Ты только вотъ теперь черезъ зиму перебейся, потерпи, а весною, чуть потеплѣетъ, мы съ тобой сразу въ Кіевъ... Вотъ какъ!.. Да... Въ самый Кіевъ!.. А тамъ мы съ тобой столько всего понасоберемъ, ого, вотъ увидишь уже!.. Бо, дурачокъ же ты,— Кіевъ городъ большой, да богатый—богатый!.. Церкви все съ золотыми куполами. А въ лаврѣ есть одна колокольня, такъ она, хлопчикъ, вся какъ есть изъ чистаго золота. Двѣсти сажень вышиною, и вся изъ чистаго золота. Еще Владиміръ Святой самъ строилъ... Да... вотъ увидишь самъ... Даже и я, дарма что слѣпой,—я и то увижу. Бо, знаешь, какъ солнышкомъ по золотому куполу сразу ударитъ, такъ такое дѣлается кругомъ сіяніе, что всѣмъ видно... А то може мнѣ только кажется такъ, что видно?.. Не знаю... Да... А въ Кіевѣ каки господа!.. Таки господа, таки господа, что у-у!.. Корпусные генералы, девизіон-

ные генералы... Командующій войсками... А ужъ бригадныхъ, или тамъ полковниковъ,—эге! Да ихъ тамъ сколько угодно, какъ сосенъ въ лѣсу...

Старикъ спиной почесался объ стѣнку.

— Что мы съ тобой дураки, что ли, чтобы все тутъ по Бояркѣ ходить?.. Отто!.. Мы не дураки... Намъ давно въ городъ слѣдовало... Тутъ, на дачахъ, все хлѣбъ подаютъ, то сахару кусочекъ, да опять хлѣбъ... А въ городѣ—тамъ, хлопче, все деньгами. Да... Кто копѣечку, кто двѣ, а кто пятачекъ... Тамъ лирникъ рѣдкость... Совсѣмъ нема лирниковъ!.. Тамъ такой генералъ найдется, который самъ подъ Горнымъ Дубнякомъ съ туркомъ воевалъ... Позоветъ насъ генералъ къ себѣ во дворецъ и скажетъ: спой ты мнѣ, лирникъ!.. Про чернаго орла спой, какъ турецкій черный орелъ нашему русскому солдатику глаза выклевываетъ... Спою я, та здорово такъ спою, ажъ генералъ мнѣ рубля дасть!.. А то и пять рублей... Чарку водки и пять рублей награжденія... А тутъ у насъ что? Тутъ у насъ нема ничего... Ишь ты, вѣтеръ какъ мордуется!.. Ты сховай руки, Прокопъ, въ рукава сховай... Холодно... Въ Кіевѣ, Прокопъ, мы за лѣто столько денегъ соберемъ, что угу!... На всю зиму денегъ насоберемъ... А зимой и совсѣмъ изъ хаты выходить не будемъ... Зачѣмъ тебѣ больныя кости твои на сырость да на морозъ выставлять?.. Щербачихѣ здорово заплотимъ и она насъ будетъ цѣлую зиму годувать и въ хатѣ держать, не въ банѣ, а въ хатѣ. Сала дастъ. Борщу дастъ. Вареникoвъ сдѣлаетъ, паляницы... Будетъ намъ тепло!.. На печкѣ всю зиму сидѣть будемъ... Вонъ оно какъ!..

Старикъ радостно разсмѣялся. Толстыя губы его подъ стриженными усами широко разошлись и показали два ряда желтыхъ, но еще крѣпкихъ и ровныхъ зубовъ...

— Трошки отогрѣлся, Прокопъ?

Прокопъ не отвѣтилъ.

— Я жъ тебя спрашиваю: отогрѣлся трохи?

Отвѣта не было.

— ...То ты жъ изъ хаты не выходилъ?—тревожно приподнявшись на печкѣ, говорилъ минуту спустя слѣпой.—Я жъ не слыхалъ, чтобы ты вышелъ...

Подождавъ мгновеніе и ничего кромѣ гудѣнія вѣтра не услышавъ, слѣпой спросилъ:

— Чего жъ ты молчишь?

Отвѣта не было.

— Прокопъ!—позвалъ слѣпой.

Позвалъ голосомъ, въ которомъ слышалось уже и дрожаніе страха и предчувствіе недобраго.—Прокопъ!

Онъ протянулъ впередъ обѣ руки и, нащупывая ими предполагаемые предметы, сдвинулся съ мѣста...

— Прокопъ!.. Та что жъ это ты... Дурень ты такой...

Голосъ старика звучалъ недоумѣніемъ, страхомъ, мольбой... Вѣтеръ метался по прежнему. По прежнему скрипѣла горемычная березка за окномъ, и хлесталъ по стекламъ дождь... Гдѣ то очень далеко родился странный звукъ, протяжный, гулкій, жуткій, похожій на стонъ. Должно быть воетъ голодная собака. Можетъ быть, она умираетъ... Стонъ потомъ прекратился... Скрипитъ березка... Хлещетъ дождь... Шаркаютъ по глиняному полу нетвердо ступающія ноги слѣпца...

— Прокопъ!... Да Прокопъ же!..

Ноги слѣпца вдругъ натолкнулись на что то.

— О?.. Це ты?.. Хлопчикъ, что жъ це ты?..

Такъ какъ мальчикъ не отвѣчалъ и не шевелился, такъ какъ чуткое ухо слѣпца не улавливало больше его дыханія, то лирнику все ужъ было ясно... Но страхъ, и боль, и нѣжность, которую питалъ слѣпой къ своему поводырю, не позволяли ему склониться передъ фактомъ... Втеченіе минуты, въ потрясенной, подавленной ужасомъ душѣ старика мерцала еще надежда...

— Та не надо же, Прокопъ!.. Что жъ ты молчишь?..

Трясясь, старикъ присѣлъ на корточки и началъ шарить руками.

— Може, ты зновъ заболѣлъ?.. Припадокъ? То давай же, я пощупаю твои пульсы...

Старикъ нашарилъ руками неподвижный, мокрый и холодный бугорокъ... Онъ страстно сталъ хвататься за него руками, ощупывать, стискивать...

— Прокопъ! Прокопъ!..

Слѣпой всталъ, сдѣлалъ на угадъ два шага, стукнулся объ стѣну, отошелъ назадъ, наступилъ на стоявшую подлѣ окна лиру... — и вдругъ отчаянный, мучительный, старческій вопль огласилъ холодную пустынность оставленной дачки.

— Прокопъ!.. Прокопъ!..

Мальчикъ не отозвался.

Онъ и не отзовется...

Д. Айзманъ.

ПѢСНЯ.

Ночь мутна и немѣсячна,
А дорога глуха...
— Троепераго знахарю
Я отнесъ пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Теменъ съ давнихъ временъ...
— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточенъ.

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спятъ...
— За рѣкой вѣтеръ высушитъ
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда-же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?
— Ужъ давай—мы, какъ слѣдуетъ,
Попрощаемся, мать.

Ив. Бунинъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ[1].

Герценъ, Бакунинъ, Лавровъ.

II.

Лѣтомъ 1866-го года жилъ и въ Неаполѣ, и жилъ не одинъ, а въ маленькой колоніи, представлявшей всѣ царства природы: Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, впослѣдствіи извѣстный профессоръ и академикъ, занимался зоологіей, Алексѣй Николаевичъ Петунниковъ, мой товарищъ и другъ, о которомъ я говорилъ въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ, будущій знатокъ московской флоры, занимался изслѣдованіемъ водораслей, а я интересовался преимущественно областью минеральныхъ соединеній. Размѣстились мы въ разныхъ этажахъ того же дома на Santa Lucia, самой живописной и характерной части Неаполя. Изъ оконъ былъ виденъ безподобный пейзажъ залива, съ Везувіемъ, тогда еще въ періодѣ изверженія, съ одной стороны, и островомъ Капри—съ другой. На набережной масса телѣжекъ съ сочными фруктами, вокругъ которыхъ, крича и жестикулируя, торгуется бѣдный людъ въ красивыхъ, хотя и до возможности сокращенныхъ костюмахъ; вдоль парапета цѣлый рядъ открытыхъ лавочекъ, въ которыхъ очень изящно и аппетитно разложены самые разнообразные съѣдобные слизняки, извѣстные подъ именемъ frutti di mare. Съ ранняго утра и до поздней ночи шумъ, гамъ, пѣсни, музыка.

Все это теперь исчезло. Когда тридцать лѣтъ спустя, въ 1895 г., попалъ я опять въ Неаполь, я съ трудомъ могъ найти домъ, въ которомъ мы такъ весело жили,—до того онъ былъ

[1]) См. январь с. г., стр. 53.

передѣланъ на новый ладъ. Какое-то акціонерное общество засыпало цѣлую полосу моря съ цѣлью построить доходные дома, но обанкротилось прежде чѣмъ начать эти постройки, такъ что осталась только безобразная немощеная насыпь. Нѣтъ больше фруктовъ—ни настоящихъ, ни «морскихъ»; остепенилась, кажется и публика, среди которой расхаживаютъ полицейскіе, останавливающіе всякое излишнее выраженіе южнаго энтузіазма. Жалко мнѣ стало прежней, столь живой и звучной Santa Lucia!

Къ нашему тріо иногда присоединялись заѣзжіе соотечественники, которые направлялись большею частью въ качествѣ корреспондентовъ къ Гарибальди или въ главный штабъ итальянской арміи, только что выступившей въ походъ противъ австрійцевъ и съ самаго начала кампаніи столь жестоко разбитой при Кустоццѣ. Я помню, между прочимъ, В. О. Ковалевскаго (брата А. О.), занимавшагося палеонтологіей, и Е. Утина, очень милаго и общительнаго.

Послѣ трудового дня собирались мы, часто затѣвая безконечные споры о разныхъ научныхъ и не научныхъ предметахъ, которые обыкновенно не приводили ни къ какимъ результатамъ,—до того разнородны были наши философскія убѣжденія.

Особеннымъ упрямствомъ и полнѣйшей нетерпимостью отличался А. О. Ковалевскій. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, и, говоря о своемъ пребываніи въ Неаполѣ, я не могу не вспомнить о немъ. Его усидчивость, работоспособность и преданность своей наукѣ были по истинѣ феноменальны; онъ могъ цѣлыя сутки не ѣсть и не спать, если нужно было слѣдить за развитіемъ какого-нибудь его интересовавшаго животнаго, и не разъ продавалъ онъ или закладывалъ часть своего незатѣйливаго гардероба, чтобы купить какой-нибудь рѣдкій экземпляръ, когда скудные его доходы не приходили изъ Россіи. Хотя я былъ и не особенно компетентенъ въ этой отрасли знанія, но ясно было видно, что работаетъ онъ умно и, вообще, мастеръ своего дѣла: его изслѣдованія о развитіи сальпъ и амфіоксуса остались до сихъ поръ классическими. За то онъ страдалъ крупнымъ недостаткомъ, который тогда часто встрѣчался у русскихъ ученыхъ—онъ былъ узкимъ спеціалистомъ и доводилъ эту спеціализацію до послѣдней крайности. Разъ какъ-то, выведенный изъ терпѣнія его до наивности слабыми аргументами, я ему сказалъ:

— Послушайте, Ковалевскій, съ вами спорить нельзя. Вы знаете двѣ вещи: исторію развитія нѣкоторыхъ животныхъ и

исторію французской революціи Луи Блана. Между этими двумя предѣлами у васъ пустое пространство.

Несмотря на парадоксальность этой оцѣнки, она была близка къ истинѣ. Ковалевскій не только игнорировалъ другія отрасли знанія, но относился скептически ко всему тому, что выходило изъ области его спеціальности. Физіологія человѣка и изслѣдованія Клода Бернара, патологическая анатомія, съ блестящими открытіями Вирхова, даже зоологія позвоночныхъ— все это казалось ему недостойнымъ изученія, во всемъ этомъ онъ видѣлъ одну метафизику; точной и положительной была въ его глазахъ только наука о слизнякахъ, да и то только морскихъ. Приходилось отъ души сожалѣть объ этомъ; пройди онъ не русскій университетъ, въ то время пропитанный теоріей «спеціализаціи», а настоящую высшую школу, изъ него выработался бы, несомнѣнно, первоклассный ученый.

Направился я въ Неаполь по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ я чрезвычайно любилъ этотъ живописный и живой городъ, который посѣщалъ не разъ съ самой первой молодости; во-вторыхъ, меня очень интересовали тѣ разнообразныя и иногда причудливыя минеральныя соединенія, которыя остаются послѣ всякаго изверженія Везувія. Но больше всего привлекали меня два человѣка: Арканджело Скаки и Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Первый—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и оригинальныхъ изслѣдователей неорганической природы, имѣвшій на мое научное образованіе значительное вліяніе; благодарную память о немъ я до сихъ поръ бережно храню. Второй, почти легендарный герой, предводитель дрезденскаго возстанія сидѣвшій болѣе 10 лѣтъ, иногда на цѣпи, въ разныхъ русскихъ, и австрійскихъ казематахъ и равелинахъ, сосланный въ Сибирь и бѣжавшій оттуда въ Европу черезъ Японію, Тихій океанъ и Панамскій перешеекъ, — интересовалъ меня въ высшей степени.

У меня было къ Бакунину рекомендательное письмо отъ Герцена и отъ Огарева, съ которымъ онъ былъ особенно друженъ; но оказалось, что я могъ бы легко обойтись безъ нихъ. Онъ принималъ съ распростертыми объятіями людей молодыхъ, среднихъ лѣтъ и старыхъ, умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и невѣждъ, гражданъ всѣхъ странъ, всякихъ профессій и убѣжденій, лишь бы они соглашались слушать его революціонную проповѣдь, которую онъ умѣлъ вести весьма искусно на различныхъ языкахъ.

Жилъ онъ на концѣ города, въ возвышенной мѣстности. Изъ оконъ его просторной квартиры видъ былъ очаровательный:

виденъ былъ весь Неаполь, подъ разными названіями непрерывной узкой лентой окаймлявшій заливъ, въ глубинѣ котораго выдѣлялся своей конусообразной формой величавый Везувій. Но, несмотря на то, что онъ рѣдко выходилъ изъ дому, онъ въ окна не смотрѣлъ; ему не были доступны прелести природы, да и времени у него на то не хватало—онъ цѣлый день поучалъ кого-нибудь или писалъ длинныя письма во всѣ страны міра. За то, сидя съ утра до ночи на своемъ балконѣ, любовалась и восторгалась пейзажемъ его жена, на четверть вѣка его моложе, тихая, мечтательная Антонина. Это была странная брачная, или лучше сказать, псевдо-брачная ассоціація. Зачѣмъ понадобилось жениться этому вѣчному бродягѣ, этому типичному бездомнику—онъ, вѣроятно, и самъ не зналъ.

— Какъ это, съ вашими вкусами и привычками, пришло вамъ въ голову жениться?—спросилъ я его, когда мы ближе познакомились.

— Да такъ, какъ-то случилось.

Онъ, впрочемъ, по своему очень любилъ свою жену, былъ съ нею ласковъ и, насколько позволяли другія, его болѣе интересовавшія заботы, занимался ея благосостояніемъ; но она была въ его бурной жизни совершенно второстепеннымъ элементомъ.

— Посмотрите на мою Тосю,—сказалъ онъ мнѣ какъ-то, показывая на свою жену, сидѣвшую въ сосѣдней комнатѣ.—Она у меня глупенькая и совсѣмъ не раздѣляетъ моихъ убѣжденій, но она очень мила, чрезвычайно добра и отлично переписываетъ мнѣ важныя рукописи, когда мнѣ нужно, чтобы не узнавали мой почеркъ.

Личность Бакунина и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи поражала своими размѣрами. Фигура его, огромная по всѣмъ тремъ измѣреніямъ, съ курчавой головой, напоминала изображеніе Бога-Саваоѳа въ куполахъ церквей; ѣлъ онъ безъ разбора, что попало—невѣроятное количество; чай, холодный и горячій, пилъ онъ цѣлый день, папиросъ выкуривалъ несчетное число. При такомъ режимѣ, въ особенности послѣ долгаго сидѣнія въ тюрьмахъ, простой смертный извелъ бы себя въ нѣсколько лѣтъ, а онъ ничего себѣ, прожилъ безъ особенныхъ затрудненій до 62 лѣтъ. Съ другой стороны, его несокрушимая, желѣзная воля, его до наивности доходившая доброта, его политическія программы и боевыя предпріятія, его достоинства и недостатки—все это было необычно и чрезмѣрно. Съ такими качествами онъ, казалось бы, былъ созданъ для плодотворной дѣятельности, а между тѣмъ, онъ всю жизнь провелъ въ роли Сизифа,

постоянно приготовляя политическія и соціальныя революціи, которыя не менѣе постоянно не удавались и всякій разъ падали на его плечи. Какъ въ дѣтскихъ сказкахъ, благодѣтельныя волшебницы, щедро одаривъ его самыми разнообразными достоинствами, забыли дать ему чувство дѣйствительности. Онъ жилъ въ какомъ-то чаду, въ какой-то искусственной, имъ самимъ созданной атмосферѣ, въ которой обыкновеннымъ людямъ нельзя было дышать.

Пожалуй, и Герценъ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ осуществленіе освобожденія крестьянъ отнимало у него единственную реальную почву, блуждалъ въ фантастической области неопредѣленныхъ соціальныхъ теорій; но онъ *разсуждалъ*, облекая свои разсужденія въ блестящую художественную форму. Бакунинъ *дѣйствовалъ*, направляя людей, какъ онъ говорилъ, на путь истинный, основывалъ тайныя общества, организовалъ заговоры, вырабатывалъ планы революцій. Правда, и онъ писалъ, иногда очень пространно, о разныхъ предметахъ — послѣ его смерти издано 4 тома его «сочиненій»; но это была только кажущаяся литература. Можно открыть любой томъ на любой страницѣ — вездѣ найдешь тѣ же фразы, только разнымъ манеромъ сопоставленныя. Эти фразы, какъ я не разъ видѣлъ, были чрезвычайно эффектны и производили сильное впечатлѣніе, когда онъ говорилъ ихъ съ трибуны; но хладнокровному читателю онѣ представлялись либо труизмами, либо лишенными всякаго опредѣленнаго значенія. Въ этомъ коренная разница между этими двумя, въ высшей степени даровитыми русскими революціонерами. Герценъ останется какъ художникъ свободной мысли, и слава его не померкнетъ съ годами; Бакунинъ теперь уже забытъ, какъ забыты всѣ практическіе дѣятели, много работавшіе, но ничего прочнаго не сотворившіе,—всѣ въ свое время знаменитые актеры и виртуозы. Для людей новыхъ поколѣній, которымъ мало извѣстны подробности біографіи Бакунина, отъ этого неутомимаго борца осталось только имя, ни съ чѣмъ опредѣленнымъ не связанное, какъ остались намъ лишь туманные облики отъ какой-нибудь Рашели или какого-нибудь Паганини. Sic transit gloria!

Къ Бакунину ходилъ я иногда посидѣть вечеромъ, и съ первыхъ же визитовъ бережно отклонилъ всякія, для меня совершенно безцѣльныя политическія разсужденія; за то заслушивался я живыхъ разсказовъ о его разнообразныхъ похожденіяхъ. Хотя многія изъ этихъ похожденій казались невозможными, простота рѣчи, искренность тона несомнѣнно доказывали, что это было не вымышлено, что все это было пережито и выстрадано. Особенно

удивляло меня и нравилось мнѣ его необыкновенное добродушіе, отсутствіе всякаго злопамятства; о перенесенныхъ страшныхъ невзгодахъ онъ говорилъ безстрастно, какъ будто дѣло шло не о немъ самомъ, а о человѣкѣ ему вовсе незнакомомъ. Такая объективность возможна только въ исключительно стойкихъ натурахъ.

Нѣкоторые изъ его разсказовъ были особенно характерны и остались у меня въ памяти. Во время своей ссылки онъ пользовался большимъ благорасположеніемъ его близкаго родственника, тогда всесильнаго генералъ-губернатора Муравьева (Амурскаго), который, вдали отъ центральной власти, безопасно разыгрывалъ роль либерала. Бакунинъ часто у него бывалъ, произносилъ за генералъ-губернаторскими оффиціальными обѣдами чуть не республиканскіе тосты и вообще былъ своимъ человѣкомъ. Когда Муравьевъ былъ замѣщенъ Корсаковымъ, престижъ Бакунина не умалился; родство съ вліятельнымъ сановникомъ открывало ему доступъ въ высшій чиновничій міръ. Разъ пришелъ онъ къ вице-губернатору—къ несчастію я позабылъ его имя—и попросилъ у него взаймы 1000 руб. Тотъ отказалъ, отговариваясь неимѣніемъ денегъ и прибавилъ:

— Зачѣмъ вамъ здѣсь такая сумма?

— Да мнѣ не здѣсь ее тратить—я собираюсь бѣжать!

— Въ такомъ случаѣ отказать вамъ не могу,—вотъ вамъ деньги.

Какая прелестная иллюстрація къ нравамъ администраторовъ, поставленныхъ для точнаго и безпрекословнаго исполненія приказаній высшаго начальства! Какое убѣдительное доказательство что между велѣніемъ, исходящимъ изъ Петербурга, и его осуществленіемъ въ разныхъ концахъ огромной россійской имперіи могутъ встрѣтиться самыя разнообразныя случайности!

Заручившись необходимой суммой и окончательно убѣдившись, что его изъ Сибири никогда не выпустятъ, Бакунинъ бѣжалъ. Это было, какъ выразился Герценъ, «самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ», черезъ полъ-Сибири, Тихій океанъ, Америку и Атлантику—чуть не черезъ половину земного шара. Впослѣдствіи упрекали Бакунина въ томъ, что, испросивъ себѣ разрѣшеніе проѣхаться по Амуру, онъ формально обѣщалъ Корсакову не бѣжать. Но, во первыхъ, Бакунинъ это всегда отрицалъ, а Бакунину можно было вѣрить: онъ никогда не скрывалъ своихъ поступковъ, даже тогда, когда они, по его же собственному мнѣнію, принимали форму проступковъ. Ложь какъ то не уживалась съ его черезъ чуръ откровенной и безпечной натурой. А, во-вторыхъ,

если это и было такъ, что за бѣда. Развѣ человѣкъ обязанъ подчиняться безсрочно всякому произволу и всякому своеволію, развѣ онъ не имѣетъ права искать, весьма безвредной уловкой, выхода изъ своего, повидимому безвыходнаго положенія? Бакунина никто не судилъ, и если съ точки зрѣнія правительства и были за нимъ грѣхи, такъ они совершались внѣ предѣловъ Россіи, и онъ за нихъ во всякомъ случаѣ щедро расплатился десятью годами тюремнаго заключенія.

Первая часть его, какъ онъ называлъ, «освободительнаго» путешествія совершилась безъ всякаго препятствія. Племянника Муравьева вездѣ принимали чрезвычайно радушно. Пріѣхавъ въ Николаевскъ, онъ остановился у командира порта, которому объяснилъ, что ѣдетъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, посмотрѣть на Японію. Здѣсь могли начаться затрудненія; командиръ, однако, не только не спросилъ у Бакунина паспортъ, но тотчасъ же распорядился устроить ему удобное помѣщеніе на отходившемъ небольшомъ американскомъ торговомъ суднѣ. Въ Хакодате дѣло опять чуть чуть было не разстроилось. Американскій капитанъ оказался большимъ пріятелемъ русскаго консула и пригласилъ его обѣдать. Консулъ, который очень хорошо зналъ поднадзорное положеніе Бакунина, крайне удивился, но успокоился, узнавъ, что онъ ѣдетъ съ разрѣшенія начальства, хотя тоже не полюбопытствовалъ посмотрѣть это разрѣшеніе. Все казалось улаженнымъ; но консулъ сталъ приглашать Бакунина на другой день къ себѣ обѣдать и въ видѣ приманки прибавилъ, что адмиралъ, командовавшій русской эскадрой, которая въ это время находилась въ Хокодате, обѣщалъ непремѣнно быть. На этотъ разъ дѣло, повидимому, совсѣмъ испортилось: несчастный бѣглецъ увидѣлъ, что его освободительное путешествіе не удалось. Совсѣмъ неожиданный случай и тутъ ему помогъ: американскій капитанъ, не найдя товара, на другой день утромъ снялся съ якоря и поплылъ дальше. А впрочемъ, кто знаетъ! Адмиралъ, какъ и иркутскій вице-губернаторъ, можетъ быть помогъ бы ему, такъ или иначе, продолжать свое странствованіе. Проѣзжая мимо русской эскадры,—разсказывалъ Бакунинъ,—я въ послѣдній разъ въ жизни во все горло закричалъ: «Ура»!—

Въ первое время нашего знакомства Бакунинъ, какъ истый конспираторъ, относился ко мнѣ недовѣрчиво. Въ 9—10 часовъ вечера являлись къ нему иногда какія-то странныя, таинственныя личности; онъ объяснялъ мнѣ, что у него важное совѣщаніе, и просилъ посидѣть съ Тосей, которая обыкновенно была на балконѣ и любовалась звѣздами, ярко блестѣвшими на совершенно черномъ южномъ небѣ. Она тотчасъ же закидывала меня цѣлымъ ря-

домъ вопросовъ: сколько вообще звѣздъ? есть ли на нихъ люди и какіе они? гдѣ конецъ міра и какъ создался этотъ міръ?—и тому подобными неразрѣшимыми загадками, очень интересующими людей, ничѣмъ путнымъ не занимающихся и не имѣющими никакого серьезнаго дѣла. Бѣдная, молодая, не особенно развитая женщина очевидно скучала и не знала, какъ убивать время.

Скоро, однако, манія вербовать сотрудниковъ революціи преодолѣла недовѣрчивость, и Бакунинъ вручилъ мнѣ, съ строгимъ наказомъ никому не показывать, довольно объемистую рукопись, о которой я долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Рукопись эта, на французскомъ языкѣ, заключала статуты обширнаго тайнаго общества, учреждавшаго свои филіалы во всѣхъ странахъ міра. Оно представлялось въ видѣ федеративной лабораторіи всемірной соціальной революціи. Тутъ были и теоретическія соображенія, въ формѣ разнообразныхъ варіацій на старую тему: «свобода, равенство, братство, справедливость»,—и, въ мельчайшихъ подробностяхъ, практическая организація центральной власти и отдѣльныхъ кружковъ, члены которыхъ должны были, между прочимъ, приносить присягу на кинжалахъ; былъ даже особый шифръ для переписки, чрезвычайно сложный, такъ какъ приходилось переписываться на разныхъ языкахъ. На другой же день, возвращая Бакунину этотъ странный документъ, я ему объяснилъ, что терпѣть не могу политическихъ конспирацій. Хотя я и держусь самаго радикальнаго образа мыслей и готовъ его защищать всѣми силами, но только съ поднятымъ забраломъ, а не подпольными путями. Но Бакунинъ не такъ-то легко выпускалъ изъ рукъ разъ намѣченную жертву.

— Вы видѣли, у насъ есть члены соревнователи, вовсе не обязанные вступать въ какіе-либо заговоры, а только помогающіе словомъ или перомъ распространенію нашихъ идей; вамъ надо непремѣнно записаться въ ихъ число.

— Пожалуй, только вотъ эти клятвы на кинжалахъ очень ужъ мнѣ не нравятся.

— И не нужно ихъ! Это мы для итальянцевъ придумали; мы довольствуемся вашимъ словомъ. Согласны?

— При такихъ условіяхъ согласенъ.

Онъ всталъ, торжественно провозгласилъ, что принимаетъ меня въ члены всемірнаго братства, крѣпко обнялъ и прибавилъ:

— Теперь, какъ новый «братъ», вы должны заплатить 20 франковъ.

При этомъ практическомъ финалѣ я не могъ удержаться отъ смѣха, да и онъ улыбнулся своей доброй, пріятной улыбкой.

Когда, мѣсяца три спустя, я привезъ, по порученію Бакунина его рукопись Герцену на разсмотрѣніе, тотъ только рукой махнулъ и замѣтилъ, что это чуть ли не десятая попытка Бакунина завербовать его въ конспиративныя предпріятія. Герценъ, какъ и я, не любилъ политическихъ тайниковъ; съ юныхъ лѣтъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ ихъ полной несостоятельности.

Въ серединѣ іюля 1866 г. Бакунинъ переселился въ Казамичіола, на островѣ Искія, гдѣ я его скоро посѣтилъ. Мы втроемъ наняли просторный парусный катеръ съ двумя матросами и предприняли большую зоолого-ботанико-минералогическую экскурсію по берегамъ залива и его островамъ. Помню, съ какими затрудненіями сопряжена была тогда эта экскурсія. Въ Италіи въ то время не было ни золота, ни серебра, а были ассигнаціи, большею частью довольно крупныя, въ видѣ разноцвѣтныхъ, крайне грязныхъ тряпокъ, которыя внѣ черты города никто не хотѣлъ мѣнять, а если и мѣняли, такъ съ 20—25% скидки. Для мелкихъ издержекъ пришлось тащить съ собой большой мѣшокъ мѣдныхъ денегъ, что было, какъ легко себѣ представить, до крайности неудобно. Послѣ разнаго рода перипетій попали мы, наконецъ, въ Искію, маленькій городокъ на островѣ того же имени, а на другой день я поѣхалъ верхомъ, по чрезвычайно живописной дорогѣ, въ Казамичіола.

Тамъ жила съ своимъ семействомъ княгиня Оболенская, рожденная Сумарокова, жена московскаго гражданскаго губернатора, въ канцеляріи котораго я прослужилъ два года, какъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о московскомъ университетѣ. Княгиня представляла собой странную и только въ Россіи возможную смѣсь барскаго самодурства и ультра-крайняго радикализма. Впослѣдствіи у нея отняли дѣтей, совершенно произвольно лишили ее крупнаго наслѣдства; она вышла замужъ за фотографа, поляка Мрочковскаго, поселилась въ Ментонѣ, прижила новое семейство и умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ Казамичіола она занимала цѣлую половину довольно большой гостинницы, и жила совершенно «по княжески», съ своимъ многочисленнымъ штатомъ; тутъ были разноплеменные гувернеры и гувернантки, горничныя и лакеи, былъ даже привезенный изъ Россіи домашній докторъ. Въ этой средѣ Бакунинъ благодушествовалъ, устраивалъ прогулки и пикники, всѣхъ поучалъ, всѣмъ распоряжался, всѣми командовалъ, что не мѣшало ему писать многочисленныя и длинныя наставительныя

письма на разныхъ языкахъ въ разные отдѣлы «Всемірнаго братства». Всѣ слушали его безпрекословно и благоговѣли передъ нимъ; онъ былъ дѣйствительно десятью головами выше окружавшей его среды, да и темпераментъ его, несмотря на все благодушіе, былъ начальническій.

Въ концѣ августа я покинулъ Неаполь и встрѣтился съ Бакунинымъ снова только черезъ годъ, на Женевскомъ конгрессѣ. Тутъ, среди собравшейся международной демократіи, онъ очутился въ своемъ настоящемъ элементѣ: онъ устраивалъ совѣщанія, ораторствовалъ, писалъ проекты, программы, прокламаціи. Хорошо помню его чрезвычайно эффектное выступленіе на первомъ засѣданіи конгресса. Когда онъ поднимался своимъ тяжелымъ, неуклюжимъ шагомъ по лѣсенкѣ, ведущей на платформу, гдѣ засѣдало бюро, какъ всегда неряшливо одѣтый въ какой-то сѣрый балахонъ, изъ-подъ котораго виднѣлась не рубашка, а фланелевая фуфайка, раздались крики: «Бакунинъ!» Гарибальди, занимавшій предсѣдательское кресло, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и бросился въ его объятія. Эта торжественная встрѣча двухъ старыхъ, испытанныхъ бойцовъ революціи произвела необыкновенное впечатлѣніе. Не смотря на то, что въ огромномъ залѣ было не мало противниковъ, всѣ встали, и восторженнымъ рукоплесканіямъ не было конца. На другой день Бакунинъ произнесъ блестящую рѣчь, которая, какъ всегда, имѣла шумный успѣхъ. Если ораторомъ считать того, кто удовлетворяетъ требованіямъ литературно образованной публики, изящно владѣетъ языкомъ и въ рѣчахъ котораго можно всегда найти начало, середину и конецъ, какъ поучалъ Аристотель,—Бакунинъ не былъ ораторомъ; но онъ былъ великолѣпнымъ народнымъ трибуномъ, умѣнье говорить массамъ постигъ въ совершенствѣ и, что всего замѣчательнѣе, говорилъ имъ одинаково убѣдительно на разныхъ языкахъ. Его величавая фигура, энергическіе жесты, искренній, убѣжденный тонъ, короткія, какъ бы топоромъ вырубленныя фразы—все это производило сильное впечатлѣніе.

Послѣ конгресса онъ остался въ Швейцаріи, вступилъ въ комитетъ, избранный для подготовленія слѣдующаго собранія въ Бернѣ, и проявилъ въ немъ кипучую дѣятельность, стараясь забрать его въ руки и направить на путь, не совсѣмъ впрочемъ ясный, какого-то анархическаго коллективизма. Изготовленное въ Неаполѣ «всемірное братство» отошло на задній планъ и скоро совсѣмъ прекратило свое фиктивное существованіе; международные «братья» разсорились изъ-за какихъ-то личныхъ дѣлъ. Бакунину было все равно — братство или комитетъ, лишь бы были люди,

готовые слушать его проповѣдь и идти за нимъ. Ловить людей, большихъ и малыхъ, на свою удочку онъ былъ мастеръ, только крючекъ на ней былъ съ изъяномъ: крупная рыба и мелкая рыбешка постоянно съ него срывались. Когда онъ умеръ, кругомъ него оказались только самые послѣдніе рекруты; старыхъ друзей совсѣмъ не было, кромѣ Фогта и Рейхеля, которые знали его еще въ 1848-мъ году и вовсе не были его политическими приверженцами.

Попытка Бакунина направить собравшуюся въ Бернѣ на конгрессъ «мира и свободы» демократію, очень либеральную, но все же буржуазную, въ сторону революціоннаго соціализма, не удалась: представленный меньшинствомъ текстъ былъ забаллотированъ огромнымъ большинствомъ. Въ этой рѣзкой неудачѣ виноватъ былъ главнымъ образомъ самъ Бакунинъ. Текстъ былъ, въ сущности, очень безобидный: онъ предлагалъ только «искать практическія средства для экономическаго уравненія классовъ и людей» и, можетъ быть, былъ бы принятъ, но Бакунинъ прибавилъ къ нему съ трибуны такіе комментаріи, которые перепугали самыхъ радикальныхъ, перенося совершенно конкретный вопросъ въ какой-то призрачный міръ несбыточныхъ надеждъ. Какъ бы то ни было, недовольное меньшинство, подъ предводительствомъ Бакунина, оставило конгрессъ съ шумомъ и трескомъ. Я, однако, остался; какъ позитивистъ, я счелъ нужнымъ показать, что, раздѣляя общую мысль, выраженную въ предложенномъ нами текстѣ, я ни въ какой мѣрѣ не одобряю туманную метафизику бакунинскихъ объясненій.

Безъ революціонной дѣятельности, безъ конспирацій и боевыхъ организацій Бакунинъ не могъ жить; это была его духовная пища, которую онъ, какъ и пищу матеріальную, потреблялъ въ огромномъ количествѣ, работая всегда съ лихорадочной поспѣшностью, какъ будто вотъ-вотъ сейчасъ вся Европа превратится въ революціонный лагерь. Тотчасъ послѣ конгресса, пока всѣ члены окружавшаго его меньшинства были еще на лицо, онъ, не теряя времени, приступилъ къ основанію новаго общества, на этотъ разъ не тайнаго, но все же нѣсколько таинственнаго, подъ громкимъ названіемъ: «Международнаго союза соціалистической демократіи». Первымъ дѣломъ онъ выработалъ для него обширную программу, въ которой атеизмъ и федерализмъ, анархія и коллективизмъ занимали почетныя мѣста. Этимъ, впрочемъ, все и кончилось. Бакунинъ попробовалъ было присоединить свое новое дѣтище къ тогда уже сильному «Интернаціоналу», но попытка не удалась, его предложеніе было отклонено, и онъ вскорѣ бросилъ свой «международный союзъ»,

какъ бросилъ прежде свое «всемірное братство». Въ самомъ началѣ 1869-го года онъ перенесъ свою неутомимую революціонную дѣятельность въ женевскій отдѣлъ Интернаціонала.

Съ этого времени и до начала семидесятыхъ годовъ онъ предается усиленной литературной работѣ. Онъ пишетъ статьи, брошюры, даже цѣлыя книги; говорю *пишетъ*, а не *издаетъ*, потому что только малая часть всего имъ написаннаго появилась при его жизни—остальное было найдено въ его бумагахъ, въ видѣ рукописей и даже корректуръ. Происходило это отъ странной манеры Бакунина писать, которая въ свою очередь зависѣла отъ его крайней безпорядочности. Сколько разъ старался я убѣдить его, что такъ сочинять нельзя. Онъ добродушно соглашался, но натуры своей перемѣнить не могъ. Обыкновенно начиналъ онъ съ письма къ кому-нибудь изъ неофитовъ; письмо мало по малу разросталось въ журнальную статью, которая незамѣтно принимала размѣры брошюры. Иногда и въ эти рамки разгулявшаяся мысль не укладывалась и получался болѣе или менѣе объемистый томъ; первые листки давно уже были въ исправленной корректурѣ, но когда рукопись оканчивалась, оказывалось, что не хватало на изданіе денегъ, и корректуры складывались на полку, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ другой разъ, возникалъ во время писанія какой-нибудь побочный вопросъ; онъ бросалъ начатое и принимался его развивать. Правда, не все недописанное и недопечатанное пропадало даромъ; Бакунинъ широко пользовался своимъ архивомъ и употреблялъ старый матеріалъ для своихъ невыхъ литературныхъ предпріятій. Это, впрочемъ, облегчалось тѣмъ, что всѣ его соображенія, о чемъ бы онъ ни писалъ, сводились къ одному и тому же—къ необходимости начать всеобщую революцію и водворить повсемѣстно анархическій коллективизмъ. Да и фразеологія его, прямо навѣянная Гегелемъ, приспособлялась безъ затрудненія къ самымъ разнообразнымъ сюжетамъ.

Случались у него и другого рода препятствія. Въ одномъ изъ сохранившихся у меня его писемъ, которыя помѣщаю здѣсь въ видѣ документальнаго приложенія къ моимъ воспоминаніямъ, онъ сообщаетъ мнѣ, что готовитъ брошюру и въ ней намѣревается со мной полемизировать, но для изданія не хватаетъ ему 300 фр., которые проситъ меня ему одолжить. Такая неожиданная манера занимать у противника средства, чтобы его побивать, мнѣ показалась до того оригинальна, что я послалъ ему деньги. Но брошюра такъ и не появилась: деньги, видно, понадобились на какія-нибудь другія «нужды» пропаганды.

За послѣдніе годы, увлеченный политическими и экономическими вопросами Запада, Бакунинъ только изрѣдка и случайно занимался русскими дѣлами; но въ 1869-мъ году наплывъ въ Швейцарію массы юныхъ русскихъ агитаторовъ побудилъ его снова къ нимъ обратиться. Агитаторы эти, въ огромномъ большинствѣ, были люди совершенно пустые; между ними нашлись, однако, ловкіе шарлатаны чрезвычайно низменной нравственности, какъ напр. Нечаевъ. Они разсказывали про условія русской жизни всякія небылицы, которымъ Бакунинъ, не разборчивый въ людяхъ и всегда готовый принять свои намѣренія за осуществленную дѣйствительность, безусловно вѣрилъ.

Какъ-то разъ, по дорогѣ въ Италію, я заѣхалъ къ Бакунину—онъ жилъ тогда, сколько помнится, въ Локарно,—и засталъ у него старика Маццини, которому онъ подробно объяснялъ всѣ шансы скораго начала революціи въ Россіи. «На Волгѣ,—говоритъ онъ,—бунты происходятъ черезъ каждые сто лѣтъ: въ 1667 г. Разинъ, въ 1773 г. Пугачевъ, и теперь, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, революціонный вопросъ стоитъ тамъ на очереди. Раскольники волнуются, къ нимъ присоединяются рабочія массы, калмыки и киргизы тоже выражаютъ свое неудовольствіе—словомъ, приготовляется всеобщее возстаніе». Я было попытался убѣдить его, что свѣдѣнія его почерпнуты изъ мутныхъ источниковъ, что, вернувшись недавно изъ своего саратовскаго имѣнія, я могу его увѣрить, что на Волгѣ все тихо и мирно и никто тамъ ни о какой революціи не помышляетъ. Убѣдить его, однако, я не могъ; разыгравшуюся его фантазію укротить было не легко. За то хладнокровный и опытный Маццини, хорошо знавшій пылкій темпераментъ Бакунина, иронически улыбался. Бакунинъ въ это время совсѣмъ влюбился въ Нечаева, подпалъ подъ его вліяніе, считая его замѣчательнымъ субъектомъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что это былъ пустой и безчестный человѣкъ, который эксплоатировалъ революцію для своихъ личныхъ цѣлей. Разочарованіе было горькое. «Нечего сказать,—писалъ онъ Огареву,—славную мы сыграли роль идіотовъ. Если бы Герценъ былъ тутъ, какъ бы онъ надъ нами смѣялся, и какъ бы онъ былъ правъ!»

Это было мое послѣднее свиданіе съ Михаиломъ Александровичемъ. Съ тѣхъ поръ я имѣлъ о немъ рѣдкія и косвенныя извѣстія отъ общихъ знакомыхъ, проѣзжавшихъ черезъ Швейцарію. Наступила франко-прусская война, за нею провозглашеніе республики и рабочее движеніе въ Ліонѣ, въ которое онъ бросился, какъ всегда, очертя голову: писалъ прокламаціи, давалъ

военные совѣты, пытался устраивать баррикады. Движеніе не удалось, и онъ чуть-чуть не былъ захваченъ; при тогдашней разсвирѣпѣвшей реакціи его навѣрное бы разстрѣляли. Объ его ліонскихъ похожденіяхъ мнѣ потомъ разсказывалъ Андріе, тогда совсѣмъ молодой прокуроръ, теперь 72-хъ-лѣтній старецъ. Этой оригинальной личности, съ которой во время оно я былъ близко знакомъ, нельзя не отвести мѣстечко въ моихъ воспоминаніяхъ.

Блестящій адвокатъ, добрый малый, остроумный, нѣсколько скептическій, весьма любимый въ республиканской партіи, Андріе всѣми силами боролся противъ имперіи и нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свое свободомысліе и свои радикальныя, соціалистическія идеи. Провозглашеніе республики сейчасъ же его выдвинуло; его послали въ его родной городъ Ліонъ, гдѣ среди очень затруднительныхъ обстоятельство онъ выказалъ большую ловкость и личную храбрость. Это ему вскружило голову, и онъ бросился въ активную политику. Депутатъ, потомъ парижскій префектъ полиціи, очень неудачный, затѣмъ посолъ въ Мадридѣ, гдѣ надѣлалъ цѣлый рядъ промаховъ, онъ попалъ, наконецъ, вмѣстѣ съ Рошфоромъ и другимъ моимъ пріятелемъ, Накэ, въ свиту балаганнаго генерала Буланже, едва не сдѣлавшагося диктаторомъ Франціи. Послѣ этой несчастной авантюры республиканская партія изгнала Андріе изъ своей среды; но все забывается, особенно здѣсь, во Франціи, и послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ онъ на послѣднихъ выборахъ попалъ опять въ депутаты, не то умѣренные, не то совсѣмъ консервативные.

Въ Ліонѣ, въ 1870-мъ году, Андріё еще былъ въ пылу своего радикализма; какъ офиціальный блюститель порядка, онъ преслѣдовалъ Бакунина и велѣлъ его арестовать, но какъ недавній еще конспираторъ и соціалистъ, онъ имъ любовался и смотрѣлъ сквозь пальцы на его бѣгство. Безъ этой прокурорской помощи Бакунину, съ его огромнымъ ростомъ и своеобразной фигурой, никакъ не удалось бы ускользнуть отъ зоркости полиціи. Изъ Ліона онъ направился въ Марсель, гдѣ тоже вспыхнуло, легко, впрочемъ, подавленное возстаніе, и, наконецъ, разочарованный, потерявъ вѣру въ силу рабочаго класса во Франціи, онъ вернулся въ Швейцарію и снова погрузился въ Интернаціоналъ. Онъ устроилъ изъ русскихъ студентовъ и студентокъ особый отдѣлъ, просуществовавшій нѣсколько мѣсяцевъ и то только на бумагѣ, вступилъ въ борьбу съ Марксомъ и марксистами, а нѣсколько позже—и съ безобиднымъ Лавровымъ, котораго хотѣлъ прибрать въ руки.

Но уже силы ему измѣняли, исчезъ прежній пылъ, угомони-

лась кипучая дѣятельность; ожиреніе сердца, которымъ Бакунинъ давно страдалъ и противъ котораго, вопреки совѣтамъ врачей и по своей обычной безпечности, не принималъ никакихъ мѣръ, все сильнѣе подтачивало его богатырскій организмъ. Въ 1873 г. онъ окончательно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла; совсѣмъ больной, потерявъ всякую надежду видѣть торжество революціи, которой посвятилъ всю свою многострадальную жизнь, онъ провлачилъ недолго свое матеріально и нравственно печальное существованіе и умеръ въ 1876-мъ году.

Бѣдный Бакунинъ! Искренно и глубоко пожалѣлъ я о немъ, когда дошла до меня вѣсть о его смерти. Богато одаренный, съ неистощимымъ запасомъ энергіи, онъ могъ бы совершить многое— и ничего не совершилъ. Какъ бѣлка, съ большими усиліями вращающая свое проволочное колесо, воображая, что бѣжитъ, онъ въ продолженіе сорока лѣтъ неустанно работалъ не надъ реальными явленіями, а надъ продуктами своей собственной фантазіи. Онъ извелъ свои необычайныя способности и истратилъ свои колоссальныя силы на постройку зданія, у котораго не могло быть фундамента, потому что не существовало почвы, чтобъ его установить; онъ упорно замыкался въ призрачный міръ отвлеченныхъ идей—отъ того онъ и не оставилъ никакого осязательнаго, конкретнаго дѣла.

Виною такого несоотвѣтствія между талантомъ и его приложеніемъ—не Бакунинъ, а слѣпая судьба. Онъ родился слишкомъ полвѣка позднѣе и не тамъ, гдѣ слѣдуетъ: ему мѣсто было во Франціи 1792 года,—онъ былъ бы тамъ Дантономъ, Маратомъ, Бабёфомъ; онъ умеръ бы на эшафотѣ или на баррикадахъ, но, по крайней мѣрѣ, способствовалъ бы созданію тѣхъ плодоносныхъ зачатковъ, изъ которыхъ выросъ мало по малу современный умственный и политическій строй.

Но не то выпало ему на долю... А какой это былъ, помимо своей революціонной маніи, добрый и симпатичный человѣкъ!

III.

Въ концѣ марта 1870 г. явился ко мнѣ высокій, толстый, очень неуклюжій человѣкъ, до невѣроятія близорукій, съ длинными желтыми нечесанными волосами и большой желтой бородой: то былъ бывшій профессоръ высшей математики, отставной артиллеріи полковникъ Петръ Лавровичъ Лавровъ. Въ 1866 г. за какія-то четыре стихотворенія, въ которыхъ мудрые администраторы

нашли «неуваженіе къ властямъ», онъ былъ сосланъ въ Вологодскую губернію. Пробывъ тамъ до начала 1870 г., онъ нашелъ, совершенно основательно, что трехъ лѣтъ ссылки за плохіе стихи совершенно достаточно, бѣжалъ безъ особыхъ затрудненій и, пробывъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, поѣхалъ прямо въ Парижъ.

По сравненію съ Герценомъ и Бакунинымъ, Лавровъ представлялъ собой звѣзду гораздо меньшей величины; онъ не обладалъ ни литературнымъ талантомъ перваго, ни воинственнымъ темпераментомъ второго. Это былъ типъ усидчиваго эрудита, какихъ десятками родитъ добродушная Германія. Ссылка съ послѣдующимъ переселеніемъ въ чужія края оказала ему, какъ въ былыя времена Герцену, плохую услугу, бросивъ его въ непримиримую оппозицію, въ активную политику, для которой онъ вовсе не былъ созданъ. Отличительной чертой Лаврова—и въ этомъ онъ походилъ на Бакунина—была его необыкновенная трудоспособность. Перечиталъ онъ цѣлыя библіотеки и пріобрѣлъ обширныя знанія, если не всегда точныя, то несомнѣнно весьма разнообразныя; еслибъ собрать все, что онъ напечаталъ, составился бы не одинъ десятокъ толстыхъ томовъ, но во всемъ этомъ не было ни тѣни оригинальности,—все это парафразы, компиляціи вульгаризаціи давнымъ-давно извѣстныхъ вещей; наговорилъ онъ несмѣтное количество рѣчей, большею частью очень длинныхъ, и прочиталъ немало лекцій по самымъ разнороднымъ предметамъ—но, увы, у него не было ни ораторскаго таланта, ни педагогическихъ способностей.

Лавровъ попалъ въ Парижъ въ самое тяжелое время: черезъ три мѣсяца послѣ его пріѣзда началась франко-прусская война и скоро осада, а за ней Коммуна. Безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, безъ средствъ и возможности заработка, онъ бы совсѣмъ бѣдствовалъ, если бы не нашлись друзья, и, между прочимъ, его бывшій ученикъ по артиллерійской академіи, В. Ф. Лугининъ, впослѣдствіи извѣстный химикъ и профессоръ московскаго университета. Чтобы въ это военное время онъ могъ всего полезнѣе употребить свой досугъ, я посовѣтовалъ ему записаться добровольнымъ санитаромъ въ походный лазаретъ. Онъ такъ и сдѣлалъ; но его близорукость и врожденная неловкость вскорѣ убѣдили его, что для этого дѣла онъ вовсе не пригоденъ.

Весьма занятый своей двойной службой въ Красномъ Крестѣ и національной гвардіи, я рѣдко имѣлъ случай встрѣчаться съ Лавровымъ. За это время онъ познакомился со многими членами Интернаціонала, записался въ одно изъ его отдѣленій, суетился

и ораторствовалъ на разныхъ митингахъ и собраніяхъ. Я предупреждалъ его, что въ этой, ему совсѣмъ незнакомой, средѣ, немало сомнительныхъ и даже несомнѣнно дрянныхъ личностей, которыя могли причинить ему немало непріятностей въ такое время, когда и правительство, и публика смотрѣли на иностранцевъ весьма недоброжелательно. Но убѣдить его было нельзя,—очень ужъ ему понравилась эта, совсѣмъ для него новая, политическая агитація.

Впрочемъ это вмѣшательство во французскія дѣла было для него эпизодической случайностью. Его привычки и умственный складъ не согласовались съ западнымъ обиходомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ сжиться, несмотря на то, что на Западѣ прожилъ почти 30 лѣтъ. На него смотрѣли съ снисхожденіемъ, съ сочувствіемъ, какъ на «младшаго брата», а онъ хотѣлъ первенствовать и быть вождемъ. При первомъ удобномъ случаѣ онъ перешелъ къ русскимъ дѣламъ и занимался исключительно ими до самой смерти.

Случай представился скоро. Въ Россіи была собрана сумма, достаточная для изданія журнала крайняго направленія, и редакція его была предложена Лаврову. Онъ съ большимъ жаромъ принялся за это дѣло и вскорѣ появился извѣстный «Впередъ!», который просуществовалъ сначала въ не періодической формѣ, потомъ двухнедѣльной, потомъ опять не періодической, до 1876 г. Лавровъ былъ въ немъ главнымъ хозяиномъ. Все было быстро устроено: у Николая Утина купленъ шрифтъ, служившій ему для давно прекратившагося «Народнаго дѣла» (въ редактированіи котораго неизвѣстно почему заподозрѣвалъ меня «Голосъ»), сотрудники подобраны. Редакція, для большей безопасности, помѣщена въ Цюрихѣ. Но тутъ вдругъ встрѣтилось совершенно неожиданное и весьма забавное затрудненіе. Извѣстно, что въ каждомъ типографскомъ шрифтѣ существуетъ опредѣленная, практикой давно установленная, пропорція между различными буквами; но тутъ, вслѣдствіе, чрезмѣрнаго употребленія, чуть не на каждой страницѣ, словъ: «революція», «соціализмъ», «интернаціоналъ», пришлось заказывать въ Лейпцигѣ недостающую букву «ц» въ большомъ количествѣ. Я не могъ не расхохотаться, когда Лавровъ разсказывалъ мнѣ этотъ инцидентъ при рожденіи новаго органа.

Не одинъ «Впередъ!» привлекалъ Лаврова въ Цюрихъ. Тамъ собралось въ то время многочисленное русское студенчество—говорятъ, было до 200 лицъ обоего пола,—и онъ собирался, какъ писалъ мнѣ, поучать всю эту молодую «интеллигенцію». Какъ

не люблю я это корявое, не русское и не иностранное слово! Что оно обозначаетъ: умъ, знаніе, культурность? Но между цюрихскими студентами было немало не умныхъ, еще болѣе—ничего не знающихъ, и ни одного культурнаго человѣка. Какъ всѣ неудачно измышленныя слова, которымъ нѣтъ и не можетъ быть точнаго опредѣленія, слово это употребляютъ вкривь и вкось, а иногда имъ странно злоупотребляютъ. Я вотъ читаю иногда въ газетахъ такого рода объявленія: «Интеллигентная барышня предлагаетъ массажъ общій и частный», или еще: «Натурщица, интеллигентная, позируетъ художникамъ, любителямъ и фотографамъ». Что это такое, и при чемъ тутъ «интеллигенство»?

Но—въ сторону лингвистику; назовемъ русскую «интеллигенцію» въ Цюрихѣ просто учащеюся молодежью—это будетъ ближе къ истинѣ, хотя и не совсѣмъ близко, такъ какъ эти юнцы занимались гораздо болѣе политикой, чѣмъ науками. Они устроились очень комфортабельно; благодаря тому, что между ними было нѣсколько богатыхъ, они купили на выгодныхъ условіяхъ, съ разсрочкой платежа, окруженный садомъ, довольно просторный домъ, въ которомъ помѣстились читальня, столовая и прочія общежительныя учрежденія. Этотъ филанстеръ, находившійся подъ духовнымъ присмотромъ Лаврова и о которомъ я не разъ слыхалъ отъ пріѣзжавшихъ изъ Цюриха туристовъ, меня очень интересовалъ. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть поближе, какъ это русская колонія, да еще соціалистическая, уживается въ швейцарской средѣ, какъ не нее тамъ смотрятъ и какъ она сама смотритъ на все окружающее, и, списавшись съ Петромъ Лавровичемъ, рѣшился побывать тамъ лѣтомъ 1873 г. Объ этомъ намѣреніи сообщилъ я какъ-то И. С. Тургеневу, который тому очень обрадовался и захотѣлъ ѣхать вмѣстѣ со мной. Онъ обдумывалъ тогда свою «Новь» и надѣялся, какъ онъ выражался, набрать красокъ въ этомъ сборищѣ разношерстной революціонной молодежи. Но желаніе свое онъ не исполнилъ: онъ побоялся, что молодое поколѣніе, тогда не особенно его долюбливавшее, сдѣлаетъ ему какую-нибудь непріятность. Несмотря на свою скромность, Тургеневъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ выраженію всякаго недоброжелательства. Какъ я ни убѣждалъ его и сколько ни писалъ ему Лавровъ, что ничего подобнаго не будетъ и что примутъ его сочувственно, онъ не рѣшился, и я поѣхалъ одинъ.

Въ поѣздкѣ моей мнѣ не пришлось раскаиваться: я познакомился съ новымъ молодымъ поколѣніемъ, которое нашелъ также плохо подготовленнымъ въ научномъ отношеніи, какъ и

въ мое время, но окрашеннымъ не столько матеріалистическими, сколько соціалистическими теоріями. День моего пріѣзда оказался журфиксомъ Лаврова, и я, разумѣется, вечеромъ не преминулъ къ нему отправиться. Довольно просторная его квартира была биткомъ набита, табачный дымъ стоялъ клубами, несмотря на то, что окна были открыты; говорили всѣ разомъ, и трудно было разобрать, о чемъ идетъ рѣчь. Лавровъ тутъ былъ въ своей стихіи; все это были его приверженцы, «лавровцы», какъ онѣ тогда назывались, въ отличіе отъ «бакунинцевъ», съ которыми вели ожесточенную борьбу; первые защищали пропаганду «словомъ», вторые проповѣдывали пропаганду «дѣломъ». Въ сущности вопросъ сводился не къ теоретическимъ соображеніямъ, какъ думали тѣ и другіе, а къ разницѣ темпераментовъ, или, какъ я разъ сказалъ Лаврову, къ различію шишекъ.

— Какъ шишекъ?

— Да такъ. Галль и Спурцгеймъ показали, что на человѣческомъ черепѣ существуютъ шишки, соотвѣтствующія выпуклостямъ мозга, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ развитія опредѣленныхъ способностей. У васъ и у вашихъ развита шишка словоохотливости, у бакунинцевъ шишка драчливости: тутъ никакими аргументами ничего не подѣлаешь.

Особенно поразила меня чрезвычайная самоувѣренность всѣхъ этихъ подростковъ. Помню, что я разговорился съ какимъ-то «будущимъ» зоологомъ; онъ еще только намѣревался заниматься зоологіей, а уже докторально разсуждалъ о Дарвинѣ, вѣроятно,—по какой-нибудь популярной книгѣ. Вдругъ подлетаетъ къ намъ совсѣмъ молоденькая барышня и, подбоченясь, говоритъ мнѣ сердитымъ голосомъ:

— Такъ вы и въ Дарвина не вѣрите?

Другой юнецъ, у котораго верхняя губа еще не опушилась, упрекалъ меня, нѣсколько минутъ позже, наставительнымъ тономъ въ томъ, что я не вѣрю въ Маркса. У меня дѣйствительно шишка вѣрованія весьма слаба развита.

На другой день пошелъ я завтракать въ студенческую столовую, устроенную на соціалистическихъ началахъ. Дежурные студенты и студентки разносили блюда, другіе завѣдывали кассой и наблюдали за общимъ порядкомъ. Цѣны были дѣйствительно до нельзя дешевыя, но за то и кухня была очень плоха, хотя Лавровъ находилъ ее очень удовлетворительной, полагая, вѣроятно, что революціонерамъ-соціалистамъ не слѣдуетъ баловаться гастрономическими соображеніями. Онъ вообще обращалъ большое вниманіе на внѣшнюю сторону жизни и не

допускалъ никакихъ излишествъ. Но не въ одной только дурной стряпнѣ заключался изъянъ: вся организація была въ высшей степени не практической. Напитки, напримѣръ, не подавались: надо было ихъ покупать особо, въ сосѣдней комнатѣ и притомъ не бутылками, а почему то стаканами, за которыми надо было всякій разъ ходить; за каждое блюдо платилось особо, да еще, кромѣ того, надо было расписываться въ этой уплатѣ въ какихъ-то особыхъ шнурованныхъ книгахъ. Словомъ этотъ соціалистическій фаланстеръ, въ которомъ, казалось бы, должно царствовать полное братство, былъ основанъ на всеобщей недовѣрчивости и постоянномъ взаимномъ подозрѣніи.

Вечеромъ отправился я слушать Лаврова, который читалъ не то лекцію, не то «рефератъ» (вотъ тоже странное и совсѣмъ не нужное слово). Эти двѣ формы рѣчи у него были одинаково длинны, размазисты, неясны и, надо признаться, довольно таки утомительны для слушателей. О чемъ шла бесѣда, я не помню, да оно и не интересно; каковъ бы ни былъ избранный сюжетъ, все въ концѣ концовъ сводилось обыкновенно къ предсказанію неизбѣжности революціи и несомнѣннаго торжества соціализма, и притомъ не какого-нибудь, а особаго, имъ самимъ изобрѣтеннаго, который не походилъ ни на соціализмъ Маркса, ни на соціализмъ Бакунина, еще меньше на сентиментальный соціализмъ Герцена.

Словесная и писанная проза Лаврова отличалась необыкновенной растянутостью, массой побочныхъ, придаточныхъ соображеній; оригинальныя замѣчанія, если они и были, терялись въ этомъ разжиженномъ растворѣ. Конечно, не онъ одинъ страдалъ этимъ недостаткомъ многословія, надъ которымъ такъ ѣдко смѣялся Щедринъ; и въ современныхъ русскихъ газетахъ не трудно найти цѣлый рядъ статей, гдѣ на нѣсколькихъ столбцахъ излагается то, что легко было бы уложить въ сорокъ строчекъ,—но Лавровъ доводилъ этотъ недостатокъ до послѣдней крайности. Происходило это, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, отъ того, что онъ не сортировалъ, не обработывалъ свои знанія и мысли, а сопоставлялъ ихъ безпорядочной мозаикой такъ, какъ они возникали въ головѣ. Онъ очевидно никогда не вдумывался въ это мѣткое заключеніе старухи Севинье, которая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери говоритъ: извини меня за это длинное письмо, но у меня не было времени сдѣлать его покороче».

Цюрихскій фаланстеръ просуществовалъ, увы, не долго.

Русское правительство пригрозило студентамъ не пускать ихъ въ университетъ, если они не возвратятся немедленно, и многіе изъ нихъ уѣхали. За неуплатой въ срокъ должныхъ суммъ, домъ былъ возвращенъ прежнему его владѣльцу. Лавровъ, видя этотъ развалъ своего дѣтища, уѣхалъ въ Лондонъ, и вскорѣ двое изъ его адъютантовъ повезли туда же типографскій матеріалъ. При этомъ переселеніи произошелъ неожиданно пренепріятный казусъ. Въ началѣ 1874-го года получаю я отъ Лаврова сначала депешу, а на другой день письмо съ извѣщеніемъ, что его два «лавровца» арестованы въ Діеппѣ, перевезены въ Парижъ и сидятъ въ тюрьмѣ; къ этому извѣщенію прибавлялась просьба помочь бѣднымъ узникамъ.

Помочь было не легко. Это было самое темное время свирѣпой реакціи, столь мизерно кончившейся «макъ-магоновщины»; республиканцы были изгнаны изъ всѣхъ администрацій, вездѣ засѣдали поборники старыхъ, мнѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ партій. Но вѣдь попытка не пытка, и я отправился за справками въ префектуру полиціи. Оказалось, что начальникомъ политической полиціи былъ нѣкій Буалиль, котораго я немного зналъ, потому что во время осады служилъ съ нимъ въ одномъ батальонѣ и видался на ученьяхъ. Несмотря на то, что Буалиль былъ отъявленнымъ реакціонеромъ и зналъ меня за не менѣе отъявленнаго радикала, онъ принялъ меня очень любезно.

— Я какъ разъ собирался писать вамъ,—сказалъ онъ мнѣ,— прося придти разъяснить мнѣ это непонятное дѣло.—И онъ сообщилъ мнѣ дѣйствительно невѣроятныя по своей наивности подробности.

Вотъ что случилось. Въ то время ожидали проѣзда въ Англію какого-то великаго князя, и во всѣхъ сѣверныхъ портахъ было установлено наблюденіе за русскими революціонерами. Оба юнца ѣхали, невѣсть зачѣмъ, подъ чужими именами. Стоявшему у парохода комисару полиціи не трудно было по ихъ повадкѣ и костюму узнать, что они русскіе; онъ спросилъ ихъ фамиліи. Скажи они ихъ просто, все этимъ бы и кончилось—а они стали переговариваться, какое имя сказать, настоящее или фальшивое? Комисаръ видитъ, что тутъ что-то неладно, и требуетъ паспорты. Паспорты оказались въ сундукѣ, а сундукъ въ трюмѣ; открыли сундукъ и нашли паспорты, но, увы, они были не на тѣ фамиліи, которыя тѣ объявили. Дѣло ихъ совсѣмъ испортилось; комисаръ въ недоумѣніи телеграфировалъ въ министерство, откуда пришелъ приказъ отправить ихъ въ Парижъ. Тутъ положеніе ихъ еще ухудшилось. На вопросъ, зачѣмъ они

ѣдутъ въ Лондонъ, они отвѣчали, что приглашены въ какое-то библейское общество, а между тѣмъ въ ихъ багажѣ нашли нѣсколько женскихъ костюмовъ, типографскій шрифтъ и корректуры печатавшагося номера «Впередъ», ничего общаго ни съ какой библіей не имѣющаго. Словомъ, они нагородили такую чепуху, что рѣшительно не было возможности опредѣлить, что они такое: эксцентрическіе ли туристы, простые жулики или опасные конспираторы?

Я поспѣшилъ удостовѣрить ихъ личность и, ручаясь при томъ Буалилю, что они не представляютъ ни для кого никакой опасности, совѣтывалъ выпроводить ихъ на «казенный счетъ» изъ Франціи, благо въ ней жить они вовсе не намѣревались. Буалиль со мной согласился, далъ мнѣ пропускъ, съ которымъ я отправился въ такъ называемое «Депо», гдѣ они содержались, и сообщилъ имъ пріятную для нихъ вѣсть. Но на другой день получаю отъ нихъ отчаянное письмо: они узнали, что ихъ везутъ не въ Діеппъ, а назадъ въ Швейцарію. Меня это, признаюсь, взбѣсило. Что это за полицейскія шалости? что это за глумленіе надъ самымъ элементарнымъ здравымъ смысломъ? что это за охота заставлять людей тратить попусту время и деньги? Я побѣжалъ въ префектуру, гдѣ мнѣ сказали, что офиціальная бумага отсылала ихъ дѣйствительно на швейцарскую границу, но тотчасъ же прибавили, что это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ законъ предоставляетъ изгоняемымъ право требовать, чтобъ ихъ отвезли на ту или другую границу. Я снова отправился въ Депо, успокоилъ бѣдныхъ узниковъ и передалъ имъ текстъ закона. Они очень благодарили меня, да и я былъ очень радъ, что могъ, сверхъ всякаго чаянія, помочь ихъ дѣлу.

Каково же было мое удивленіе, когда нѣсколько времени спустя я узналъ, что ихъ отвезли въ Женеву! Когда къ нимъ явился комисаръ полиціи и сталъ читать бумагу, они до того растерялись, что не посмѣли протестовать и заявить свои требованія. Хороши же были революціонеры, собиравшіеся перебудоражить всю Европу и дрожавшіе при видѣ безобиднаго частнаго пристава! Но къ этому своеобразному инциденту есть еще характерное post-scriptum. Скоро стали доходить до меня слухи, что «лавровцы» подозрѣваютъ меня въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ: иначе какъ бы я могъ имѣть вліяніе въ префектурѣ, принадлежавшей тогда всецѣло реакціи? Но я не злопамятенъ, и эта оригинальная аттестація моей дѣятельности не помѣшала мнѣ еще не разъ вытаскивать русскихъ революціонеровъ изъ лапъ французской полиціи.

Когда, два года спустя, «Впередъ!» прекратилъ окончательно свое существованіе, отчасти вслѣдствіе отсутствія подходящей публики, отчасти потому, что редакторы пересорились между собой, Лавровъ переселился въ Парижъ и нанялъ небольшую квартиру на улицѣ Сенъ-Жакъ № 328, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Въ Парижѣ, гдѣ послѣ моего возвращенія съ турецкой войны я довольно часто его видѣлъ, онъ принялся, какъ и вездѣ, писать о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, читать лекціи, говорить рѣчи на студенческихъ сходкахъ и соціалистическихъ банкетахъ, и все это съ такимъ рвеніемъ, какъ будто дѣло шло о вещахъ первостатейной важности. Парижъ—не Цюрихъ, и въ немъ случаи для активной политической дѣятельности, которую Лавровъ очень любилъ, быть можетъ потому, что не имѣлъ для нея никакихъ задатковъ, встрѣчаются легко. И такой случай представился скоро. Русское правительство потребовало выдачи Гартмана, который хотѣлъ взорвать поѣздъ, везшій государя въ Москву. Въ какую бы юридическую метафизику его ни одѣвать, изъ этого чисто политическаго преступленія нельзя сдѣлать преступленія чисто уголовнаго. Однако въ парижскихъ газетахъ стали появляться извѣстія, что министерство очень колеблется, и Гартманъ, можетъ статься, будетъ выданъ. Лавровъ засуетился, бѣгалъ по радикальнымъ и соціалистическимъ редакціямъ, забѣжалъ и ко мнѣ. Я сталъ его убѣждать, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое конечно будетъ обсуждаться въ совѣтѣ министровъ, личныя вмѣшательства и газетныя статьи не могутъ имѣть никакого вліянія, и что, едва ли, требованіе русскаго правительства будетъ удовлетворено; однако, для собственнаго успокоенія, я пошелъ наводить точныя справки.

Министромъ юстиціи былъ тогда близко мнѣ знакомый, недавно умершій 92-хъ-лѣтнимъ пожизненнымъ сенаторомъ Казо (Cazot). Взявъ съ меня обѣщаніе хранить тайну, онъ объявилъ мнѣ, что правительство рѣшило Гартмана не выдавать и ищетъ только приличный предлогъ своему отказу. Найденный предлогъ былъ самый неприличный: объявили, что «присланная фотографія не позволяетъ удостовѣрить личность». Фотографію эту показывалъ мнѣ начальникъ муниципальной полиціи, мой старый пріятель Кобэ: она была дѣйствительно очень плоха, но сходство было несомнѣнное.

Русская молодежь не унималась. Дня черезъ два явилось ко мнѣ нѣсколько человѣкъ и сообщили, что на довольно многолюдной сходкѣ было рѣшено отправить депутацію къ Гамбеттѣ, что

депутація избрана и меня просятъ стать въ ея главѣ. Я отказался наотрѣзъ, во первыхъ потому, что находилъ по меньшей мѣрѣ страннымъ вести депутацію, при избраніи которой я не присутствовалъ и которая была мнѣ совершенно неизвѣстна; во вторыхъ, потому, что я, какъ человѣкъ вполнѣ легальный, не могъ представлять людей нелегальныхъ; въ третьихъ, наконецъ, потому, что считалъ эту попытку безцѣльной, такъ какъ предсѣдатель законодательной палаты Гамбетта не могъ вмѣшиваться въ министерскія распоряженія. Они тогда предложили предводительство Лаврову, который съ удовольствіемъ согласился и просилъ только у меня письмо къ Гамбеттѣ, ему лично незнакомому. У меня не было никакой причины ему въ этомъ отказать, и я написалъ нѣсколько словъ, рекомендуя «гражданина» Лаврова, какъ человѣка въ высшей степени почтеннаго, политическія убѣжденія котораго я, однако, далеко не вполнѣ раздѣляю.

Депутація была принята очень любезно, но съ первыхъ же словъ, какъ я это и предвидѣлъ, Гамбетта объявилъ, что, въ качествѣ представителя законодательной власти, онъ не имѣлъ никакого права заниматься дѣлами власти исполнительной. На этомъ надо было бы кончить и ретироваться; но у Лаврова была въ запасѣ тщательно изготовленная и выученная рѣчь, которую онъ никакъ не хотѣлъ упустить. Къ несчастію, въ этомъ потокѣ краснорѣчія встрѣтилась такая фраза: «Выдача Гартмана будетъ позоромъ для Франціи». Гамбетта, до тѣхъ поръ терпѣливо слушавшій, быстро всталъ и, сказавъ: «будьте увѣрены, господа, что честь Франціи находится въ твердыхъ рукахъ», протянулъ руку Лаврову, давая ему такимъ образомъ непрошенный абшидъ.

Неудачу требованія русскаго правительства тогдашній посолъ Орловъ принялъ за личную обиду; узнавъ о моемъ рекомендательномъ письмѣ Лаврову, онъ вообразилъ себѣ, что отказъ послѣдовалъ вслѣдствіе моихъ хлопотъ, и взъѣлся на меня жесточайшимъ манеромъ. Хоть отъ мнѣнія почтеннаго князя мнѣ было ни тепло, ни холодно, но я не могъ не найти, что такая чрезмѣрная нервность и такая полная неосвѣдомленность для дипломата очень непригодные недостатки.

Я сказалъ выше, что, съ самаго своего пріѣзда изъ Лондона, Лавровъ жилъ въ Парижѣ безвыѣздно; въ этотъ двадцатилѣтній періодъ былъ, однако, маленькій перерывъ, о которомъ я не могу здѣсь не припомнить. Въ 1881 г. Лавровъ подписалъ вмѣстѣ съ Вѣрой Засуличъ воззваніе къ публикѣ нѣкоего общества, носившаго престранное названіе «Краснаго Креста на-

родной воли». Манифестъ этотъ, не имѣвшій никакого значенія и совершенно безвредный, почему-то испугалъ русское правительство, которое потребовало высылки Лаврова изъ предѣловъ Франціи. Французское министерство, вѣроятно—чтобы загладить недавнее дѣло Гартмана, имѣло слабость уступить; декретъ былъ подписанъ, и Лавровъ уѣхалъ въ Лондонъ.

Черезъ нѣсколько недѣль получаю я отъ него письмо, въ которомъ онъ проситъ меня навести справки, нельзя ли будетъ ему возвратиться въ болѣе или менѣе скоромъ времени,—ему нужно это было знать, чтобы ликвидировать свою квартиру и устроить судьбу своей, довольно объемистой, библіотеки. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда Гоблэ (Goblet); лично я его совсѣмъ не зналъ. Онъ не принадлежалъ къ парижскому персоналу республиканской партіи и былъ продуктомъ провинціальной жизни; маленькій, юркій человѣчекъ, несомнѣнно даровитый ораторъ и безусловно честный, онъ скоро занялъ въ палатѣ выдающееся положеніе и недавно попалъ въ министры. За то я хорошо зналъ его перваго секретаря и тотчасъ къ нему отправился. Изложивъ ему свое дѣло, я просилъ его переговорить о немъ съ Гоблэ и написать мнѣ словечко. На другой день получилъ я отъ него извѣщеніе, что Гоблэ желаетъ лично переговорить со мной объ этомъ дѣлѣ и проситъ придти въ такой-то часъ. Зачѣмъ это «личное» свиданіе, когда стоило только отвѣтить *да* или *нѣтъ* на поставленный мною вопросъ? Министерская «аудіенція» разрѣшила мнѣ эту загадку.

— Декретъ еще слишкомъ недавно подписанъ, чтобы можно было помышлять о возвращеніи г-на Лаврова,—сказалъ мнѣ Гоблэ,—но передайте ему, что *когда онъ сочтетъ возможнымъ возвратиться, пусть возвращается, не предупреждая правительство: это будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе.*

Онъ не запрещалъ и не позволялъ, и какъ Пилатъ омывалъ себѣ руки. Ясно было, что правительство не правило, а плыло по теченію, подобно утлой ладьѣ безъ руля и безъ вѣтрилъ. Подобный отвѣтъ дѣйствительно неловко было излагать письменно.

Помню, что, выходя изъ министерства, я зашелъ въ первое попавшееся по дорогѣ телеграфное бюро и послалъ Лаврову такую депешу: «Проживите еще недѣли три въ Лондонѣ и возвращайтесь преспокойно на вашу улицу Сенъ-Жакъ». Онъ такъ и сдѣлалъ. Изгнавшій его декретъ, правда, не былъ отмѣненъ и висѣлъ Дамокловымъ мечемъ надъ его головой, но онъ былъ основательно забытъ всѣми смѣнившимися съ того времени

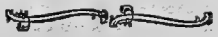
многочисленными министрами, между которыми были и радикальные, и умѣренные, и даже съ оттѣнкомъ буржуазнаго консерватизма. Мечу не было, впрочемъ, никакой причины срываться съ своей привязи: Лавровъ жилъ весьма смирно, по возможности избѣгая внѣшнихъ манифестацій. Хотя онъ и продолжалъ свою пропаганду, однако все болѣе и болѣе предавался разнымъ литературнымъ и философскимъ замысламъ, къ несчастію до того обширнымъ, что онъ не могъ ни одного изъ нихъ не только довести до конца, но и поставить настоящимъ манеромъ на ноги. Въ одномъ его можно было справедливо упрекнуть: оставаясь самъ внѣ всякой опасности, онъ разжигалъ и безъ того уже разгоряченныя страсти молодежи. Сколько «лавровцевъ» погибло въ русскихъ тюрьмахъ и сибирскихъ тундрахъ!

Да и тутъ для него есть очень смягчающее обстоятельство. Все это, какъ истый теоретикъ, онъ дѣлалъ совершенно наивно, вовсе не сознавая опасности, которой онъ подвергалъ своихъ учениковъ. Онъ съ несомнѣнной искренностью воображалъ себѣ, что совершаетъ полезное дѣло и работаетъ для торжества революціи и соціализма, которые, по его мнѣнію, должны были водворить золотой вѣкъ. Всѣ тѣ, которые имѣли случай съ нимъ сблизиться и могли судить его безпристрастно, хорошо знаютъ, что онъ только на словахъ былъ суровымъ бунтовщикомъ, не останавливающимся ни передъ какими способами борьбы; въ сущности это былъ добрѣйшій человѣкъ, совсѣмъ безхарактерный, даже сентиментальный, готовый идти на помощь хотя бы противникамъ.

Умеръ Лавровъ на 75-мъ году, отъ удара. Къ крайнему моему сожалѣнію, нездоровье не позволило мнѣ присутствовать на его похоронахъ, на которыхъ собралось очень много народа и сказано было на разныхъ языкахъ несчетное количество рѣчей. Ихъ было, быть можетъ, слишкомъ много на обыкновенный вкусъ, но добрый Петръ Лавровичъ на это не пожаловался бы—онъ самъ такъ любилъ ихъ говорить! [1])

Парижъ.
Ноябрь 1912 г.

Г. Н. Вырубовъ.



1) Воспоминанія неизбѣжно имѣютъ субъективный характеръ; все сказанное Г. Н. Вырубовымъ мы печатаемъ, поэтому, безъ измѣненій, хотя не во всемъ раздѣляемъ взгляды автора на событія и людей.

Ред.

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА КЪ Г. Н. ВЫРУБОВУ.

(1867—1869).

1.

Ce 22 Novembre 1867.
Vevey. Campagne Chemenin.

Любезный другъ! Только что возвратился изъ Берна и получилъ Ваше письмо. Прежде всего спасибо Вамъ, что меня не позабыли, и именно, что вспомнили обо мнѣ при такихъ обстоятельствахъ. Надѣюсь, впрочемъ, что Вамъ не прійдется въ сопровожденіи архангеловъ уѣзжать изъ Парижа. Боюсь, что пріятели наши, увлекшись слишкомъ сангвиническими надеждами, немножко наглупили,—но вѣдь Вы оставались въ сторонѣ,—не правда ли? Знаю, что кому-то хотѣлось бы добраться до всѣхъ, да вѣдь одной доброй воли мало—надо же какой-нибудь предлогъ.—Въ Бернѣ я видѣлъ Шасена, онъ мнѣ всѣ подробности разсказалъ; теперь Вы безъ сомнѣнія знаете болѣе подробностей—пожалуйста, подѣлитесь, да подробнѣе.

Пишите на слѣдующій адресъ:

San Excellence Madame Poltarazki.
Vevey. Campagne Chemenin.

А я кончаю брошюру подъ названіемъ Fédéralisme, Socialisme et Antithéologisme, которую, не мытьемъ, такъ катаньемъ, Вамъ пришлю.

Вашъ М. Бакунинъ.

2.

18-го января 1868.
Vevey. Campagne Chemenin

Любезный другъ! Я передъ Вами кругомъ виноватъ: не отвѣчалъ Вамъ до сихъ поръ и не благодарилъ Васъ за присылку Вашей статьи о конгрессѣ. Я съ нею потому не согласенъ, что съ самаго начала ждалъ отъ конгресса гораздо менѣе того, что она далъ, но совершенно согласенъ въ томъ, что, помимо религіознаго и соціальнаго вопросовъ, думать искать основаній для какого бы то ни было разрѣшенія, совершенно нелѣпо. Что-жъ прикажете дѣлать съ цвѣтомъ западной цивилизаціи, что она, хотя теоретически, кажется, и понимаетъ ясно, лишь только вступаетъ на практическое поле, забываетъ все понятое и ищетъ спасенія въ рутинѣ, практически оказавшей свою безплодность? Вотъ я борюсь теперь съ Берномъ. Нашъ бѣдный пріятель горбатый [1]), теперь на нѣсколько лѣтъ успокоенный, былъ въ Бернѣ и вѣроятно Вамъ разсказалъ, какую борьбу мы вели противъ большинства. Я и теперь ее продолжаю. Вы избрали благую часть—науку, теорію—да я и самъ сижу теперь въ ней по уши. Передѣлывая меморій, поданный мною Бернскому комитету подъ названіемъ: Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ, я по случаю послѣдняго попалъ въ бездонную пропасть развитій—выйдетъ цѣлая книжка, по крайней мѣрѣ въ десять листовъ. Два листа ужъ напечатаны, третій и четвертый печатаются. Лишь только выйдетъ, пришлю Вамъ непремѣнно, хотя все полно плода запрещеннаго. Вы, безъ сомнѣнія, имѣли два первые номера французскаго «Колокола» съ объявленіемъ войны и смерти всему западному міру. Что на это скажете? Поднялъ перчатку Густавъ Фохтъ въ послѣднемъ номерѣ «Etats-Unis». Герценъ, безъ сомнѣнія, будетъ отвѣчать, полемика завяжется горячая, я дамъ ей созрѣть, чтобъ каждый высказался бы довольно, чтобъ нельзя было идти на попятную, а потомъ и самъ намѣренъ вмѣшаться.

Ну, а теперь порученіе отъ моей жены, писанное подъ ея диктовку:

Monsieur Wyrouboff, когда мы въ послѣдній разъ видѣлись, Вы мнѣ сказали, что у Васъ есть сильные друзья въ Москвѣ

[1]) Накэ, который былъ приговоренъ къ тюремному заключенію.

и позволили мнѣ, въ случаѣ надобности для брата, прямо къ Вамъ обратиться. Вотъ теперь и случилась такая надобность. Братъ мой, *Александръ Квятковскій*, въ Московскомъ университетѣ, въ высшемъ курсѣ доучиваетъ медицину. Лѣтомъ онъ сдаетъ послѣдній экзаменъ—кажется, лѣтомъ, знаю только, что скоро—и такъ какъ онъ учился на казенный счетъ, то долженъ будетъ прослужить пять лѣтъ въ казенной службѣ. Не знаю, отъ кого будетъ зависѣть назначеніе ему мѣста службы. Будьте такъ добры, употребите все свое вліяніе, чтобъ его не сослали куда-нибудь въ глушь, ни въ Сибирь, ни въ Вологду, ни въ Вятку, а куда-нибудь поближе отъ столицы или хоть отъ сколько-нибудь образованнаго города, чтобъ онъ могъ и заработать что-нибудь для поддержанія моего бѣднаго семейства, и продолжать науку. Если Вы это сдѣлаете, Monsieur Wyrouboff, я буду считать Васъ истиннымъ другомъ.

Antonie Bacounine.

Сама подписала, лѣнтяйка.
Что нашъ горбатый другъ? Вашъ М. Бакунинъ.

3.

17-го марта 1868.
Suisse. Clarens (près Vevey)
Adresse de M-r Joukowski.

Любезный Вырубовъ—обращаюсь къ Вамъ сначала, по приказанію жены, съ слѣдующею просьбою:—Братъ ея, Александръ Квятковскій, студентъ послѣдняго курса по медицинскому факультету въ Московскомъ университетѣ, пишетъ, что онъ сдаетъ послѣдній экзаменъ въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ чего (не знаю почему?) судьбой его будетъ располагать военный медицинскій департаментъ—и опредѣлитъ его медикомъ, въ какой-нибудь полкъ.—Нельзя ли сдѣлать, чтобъ судьбою его распорядилась гражданская, а не военная сила, чтобъ опредѣлить въ городъ какой-нибудь изъ *южныхъ губерній*, а не въ полкъ—а если ужъ въ полкъ, такъ ужъ стоящій въ какой-нибудь *южной губерніи*, но ни за какія коврижки, какъ выражается моя супруга, не въ одной изъ западныхъ или юго-западныхъ губерній, гдѣ бы онъ, полякъ, могъ бы встрѣтиться съ польскимъ элементомъ и сдѣлаться жертвою наслѣдни-

ковъ Муравьева—а также и не въ Сибирь, и не въ Вятку—я бы желалъ, чтобъ поближе къ Москвѣ, или къ Одессѣ, или къ Харькову—дабы онъ не одичалъ въ пустынѣ. Если у Васъ есть *добрый* пріятель въ Москвѣ, лучше всего было бы, если-бъ этотъ пріятель отыскалъ Александра Квятковскаго въ университетѣ и, поговоривъ съ нимъ, далъ бы ему добрый совѣтъ и нужную помощь.

«Сдѣлайте же это, М-г Вырубовъ, я Вамъ буду очень, очень благодарна».

Antonie Bacounine.

Ну, а теперь буду говорить за себя. Брошюру, лучше сказать книгу, кончаю—главнымъ образомъ меня задержалъ анти-теологизмъ, по поводу котораго я развилъ все свое міросозерцаніе.—Надѣюсь скоро прислать Вамъ ее.—А Вы, злодѣй, перестали посылать мнѣ Вашъ славный журналъ, первыя три книжки котораго, единственно мною полученныя, я проглотилъ съ величайшимъ интересомъ. Взмилуйтесь, пришлите остальные номера.

Ну, а теперь Васъ обнимаю—напишите, что знаете о нашемъ горбатомъ и невольно-уединенномъ другѣ.

Вашъ М. Бакунинъ.

4.

27-го декабря 1868.
Génève. 123. Montbrillant.

Любезный (personnellement) другъ, а (théorétiquement) полудругъ и полу-недругъ Вырубовъ—извините, что не называю Васъ по имени и по отчеству, у меня на крещеныя имена плохая память. Читалъ Ваше письмо въ «Kolokol» и признаюсь, у меня чесалась рука отвѣчать Вамъ, упорному старосвѣтскому жителю—но гдѣ напечатать отвѣтъ?—Kolokol умеръ,—кстати получили ли Вы послѣдній номеръ?—а въ Etats-Unis серьезному соціалисту писать нельзя. — Въ послѣднемъ номерѣ этого журнала есть статья по поводу Вашего письма къ Герцену—такая чепуха, что рѣшительно нѣтъ возможности отгадать, что авторъ статьи, вѣроятно G. Vogt, хотѣлъ сказать. Когда бранить — хвалитъ, а когда хвалить — бранитъ. Благодарю Васъ за присылку Вашей брошюры о Бернскомъ конгрессѣ. Читалъ ее съ живѣйшимъ интересомъ и многимъ былъ очень доволенъ, разумѣется, не концомъ. Любопытно мнѣ было бы услышать наконецъ отъ Васъ, въ чемъ состоятъ главныя основанія Вашей соціальной теоріи?

Вѣдь Вы знаете лучше меня, что это самая слабая сторона Конта.—Вы довольствуетесь тѣмъ, что парите надъ нами, ежедневными бойцами, и намекаете о существованіи высшаго воззрѣнія, о которомъ, впрочемъ, не сказали ничего положительнаго и осязательнаго.

Теперь къ цѣли письма. Я готовлю толстую брошюру о Брюссельскомъ и о Бернскомъ конгрессахъ.—Въ этой брошюрѣ я излагаю весь вопросъ съ моей точки зрѣнія, и приложу не только свои рѣчи, но, съ Вашего позволенія, и Вашу, и Reclus, и Мрочковскаго.—Тутъ же выскажу и свое отношеніе къ Вамъ и буду отвѣчать и на Вашу брошюру и на Ваше письмо къ Герцену, съ дружеской симпатіей и съ искреннимъ уваженіемъ, но, разумѣется, также и съ откровенною полемикою. Надѣюсь, что, несмотря на извѣстную неохоту публики до брошюръ, эта брошюра распродастся.

Но Вы знаете, я человѣкъ очень бѣдный—денегъ на напечатаніе ея у меня теперь нѣтъ.—Вы человѣкъ, кажется, богатый. Пожертвуйте мнѣ на это дѣло триста франковъ. Если продастся и на сколько продастся—я Вамъ возвращу.

Разумѣется, сдѣлайте это, если возможно, — а если это Васъ можетъ стѣснить, разумѣется, не дѣлайте—и не удивляйтесь и не сердитесь, что я могъ обратиться къ Вамъ съ такою просьбою.

Вашъ М. Бакунинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ Вами разстались, я журнала Вашего не получалъ. Теперь Вы знаете мой адресъ, пришлите же.

5.

15-го февраля 1869.
Génève. 123. Montbrillant.

Любезный Григорій Николаевичъ.

Наша переписка идетъ самымъ неправильнымъ образомъ—черезъ пень въ колоду—у каждаго изъ насъ занятія, которыя насъ дѣлаютъ мало способными къ аккуратному писанію писемъ. Прибавьте къ этому бо̀льшую или меньшую неправильность нашей русской натуры и барской привычки, отъ которой Вы, хоть и позитивистъ, также, чай, освободились не совсѣмъ, и наши отсрочки и промедленія въ отвѣтахъ объяснятся самымъ раціо-

нальнымъ образомъ, въ полное удовлетвореніе положительной философіи.

Вы напрасно принимаете меня за врага этой доктрины. Я врагъ позитивистовъ - поповъ, а Вы доказали въ Бернѣ, что Вы отнюдь не принадлежите къ ихъ числу. Еще одинъ упрекъ могъ бы я сдѣлать, и дѣлаю, позитивизму: онъ слишкомъ хвастается своими заслугами въ соціальной наукѣ. Что онъ первый понялъ возможность и необходимость ея, *какъ науки*—что онъ въ генетической системѣ своей указалъ ей настоящее мѣсто,—въ этомъ его великая и неоспоримая заслуга—но только въ этомъ. Все, что онъ создалъ по части положительной соціологіи, не болѣе, какъ ребяческій лепетъ.—Вы замѣтите мнѣ, что никакая другая школа не пошла еще далѣе лепета.—Да, пожалуй, но бѣда позитивизма, также какъ и всѣхъ школъ вообще, состоитъ именно въ томъ, что онѣ воображаютъ себѣ, что все умственно-нравственное движеніе исторіи происходитъ только въ нихъ, въ школахъ и книгахъ, только въ умахъ, воспитанныхъ одними и занимающихся другими—въ томъ, что они не видятъ и не признаютъ другого, правда, глубоко скрытаго и за ежедневностью незамѣтнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго и всесильнаго движенія ума въ массахъ—движенія, обусловленнаго крупными историческими измѣненіями массъ и устнымъ преданіемъ другъ за другомъ слѣдующихъ поколѣній.—Мы, такъ называемые революціонеры, обращаемся къ этой живой исторической лабораторіи, изучаемъ ее и, когда находимъ въ ней элементы, соотвѣтствующіе нашимъ собственнымъ убѣжденіямъ, созданнымъ въ насъ большею частью посредствомъ книгъ, опираемся на эти элементы, чтобъ съ помощью живого матеріала дѣлать живое дѣло.—Вы позитивисты и другіе... исты и паче всего почитатели исключительно книжнаго ученія—Вы обращаетесь къ этой живой, исторической массѣ, какъ къ мертвому матеріалу, требующему жизни отъ Васъ, или какъ къ бѣлому листу, на которомъ Вы правы будто бы писать все, что Вамъ внушаетъ учено-книжное направленіе. Вы высокомѣрные благодѣтели и учители массъ, ихъ опекуны, по мнимому праву интеллигенціи. Вотъ что мы въ васъ порицаемъ, и пожалуй, если хотите, ненавидимъ.

Обращаюсь къ Вашему письму въ Колоколѣ, я рознюсь съ Вами не въ порицаніи Герценовскаго славяно-русскаго мессіанизма. Старый на старости лѣтъ съ ума спятилъ и очень удивился бы Герценъ молодой, какого я зналъ до 48-го года, еслибъ ему кто сказалъ, что онъ на старости лѣтъ будетъ го-

родить такой вздоръ. Предоставляю положительной физіологіи и соціологіи объяснить причины такой грустной перемѣны. Читали вы послѣднюю книжку его Полярной Звѣзды? Это чортъ знаетъ что. Слабый, безцвѣтный лепетъ блазированнаго милліонера и отжившаго свой вѣкъ, брюзгливаго старика. Но Вы зачѣмъ, любезный Вырубовъ, причисляете себя къ старому міру?—Развѣ Вамъ историческій опытъ и сама положительная наука не сказали, что въ каждое время есть историческіе народы и историческіе классы? Одни начинаютъ жить, другіе умираютъ—такъ жила и умерла аристократія, такъ умираетъ нынѣ умственно, нравственно, а потому и скоро погибнетъ физически, и общественно почтенный классъ буржуазіи. Историческій классъ нынѣ—работникъ.—Вотъ нашъ новый міръ. Говоря съ Вами, считаю прибавлять ненужнымъ, что между двумя противоположными мірами, буржуазнымъ и рабочимъ, есть въ дѣйствительности много оттѣнковъ, которые составляютъ незамѣтный и какъ бы естественный переходъ одного въ другой. Я по природѣ человѣкъ не оттѣнковъ, и потому цѣликомъ ушелъ въ рабочій міръ. Даже лучшіе буржуа мнѣ надоѣли. Они живутъ, мыслятъ, чувствуютъ и ходятъ не какъ живые люди, а какъ привидѣнья—точно царство благородныхъ тѣней—все красиво, все изящно, все рыцарски справедливо и благородно—и все безжизненно, безсильно, несносно. Для Васъ среда все равно, лишь была бы наука—поэтому-то, любезный Вырубовъ, я и позволяю себѣ иначе называть Васъ доктринеромъ и немножко попомъ не Бога христіанскаго, а науки. Я, кромѣ и, пожалуй, даже прежде науки признаю дѣйствительность жизненной среды, которая была прежде науки, есть бытіе независимо отъ науки, бытіе, стремящееся къ мысли, къ наукѣ и постоянно перерождающееся черезъ нихъ. Между нами двумя такой же нюансъ, какой существуетъ между соціалистическими революціонерами и революціонерными соціалистами, кажется, незамѣтный, тѣмъ не менѣе существенный. Если мнѣ прійдется полемизировать противъ Васъ, вотъ единственный смыслъ, въ которомъ я полемизировать буду. Но вѣдь это не значитъ ругаться и не помѣшаетъ намъ остаться друзьями, не правда ли?

Вы мнѣ окажете большую, большую услугу, если *именно теперь* пришлете мнѣ 300 фр.—Дѣла мои обдѣлываются, но еще не обдѣлались. Изъ дома обѣщаютъ выслать мнѣ все слѣдуемое, но еще ничего не прислали — и я на мели—помогите мнѣ снять все съ нея. А извѣстно Вамъ существованіе нашей Alliance de la Démocr. Socialiste? Читали Вы нашу программу?

Если не читали, пришлю—въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Испаніи, и даже у васъ подъ бокомъ, мы развиваемся и расширяемся.—А имѣете вы понятіе о нашемъ здѣшнемъ журналѣ «Egalité». Organe de l'Internationale de la Suisse Romanne.—Я одинъ изъ членовъ редакціонной комиссіи; если не имѣете, пришлю вамъ также нѣсколько номеровъ—а затѣмъ прощайте.

Вашъ М. Бакунинъ.

6.

14-го апрѣля 1869.
Génève. 123. Montbrillant.

Попу-раскольнику отъ православнаго архіепископа Михаила пастырское благословеніе.

А читаете ли Вы нашъ еженедѣльный журналъ «Egalité»?—Если читаете, то можете видѣть, какъ правильно поступаетъ и развивается наша православная церковь, стремясь изъ жизни въ науку, а не изъ науки въ жизнь. Слѣдите ли Вы за тѣмъ, что теперь происходитъ въ Россіи? Повѣрьте мнѣ, дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ кажется. А кстати, окажите услугу женѣ. Ея братъ въ хозяйственной академіи, что подлѣ Москвы, то ли Покровское, то ли Разумовское заведеніе. Вслѣдствіе послѣднихъ волненій, кажется, и это заведеніе закрыто. Въ Москвѣ у васъ много знакомыхъ—не можете ли узнать, что стало съ братомъ жены, воспитанникомъ Иваномъ Квятковскимъ?

А если можете, пришлите обѣщанные 300 фр. — очень нужны.

Если я не умудрюсь въ Контовской философіи, будетъ Ваша вина; обѣщали присылать Вашъ журналъ или вашу Revue, а не присылаете.

Скажите, что дѣлаетъ Naquet? Правда ли, что его опять посадили за послѣднюю книгу? Если новый арестъ заставитъ его написать такую же книгу, то лучше бы его не сажали.

Видаетесь ли вы съ Альбертомъ [1])? Онъ и весь кружокъ, братья Елисей и Илья [2]) и M-me André Léo и Мальонъ

---

[1]) Другой псевдонимъ Озерова, о которомъ Герценъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ подъ именемъ «Шаховскаго».

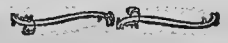
[2]) Братья Реклю.

и всѣ прочіе, принадлежащіе къ тому же мягкосердому и розово-радужному исповѣданію, должно быть, сердятся на меня за изреченную нами и именно мною, поборникомъ православія, анафему противъ ихъ мягкосердія. Да и M-me Barbet имъ не спустила—у нихъ своя баба, у насъ своя—пусть другъ съ другомъ справляются, а мы съ бабами въ полемику пускаться не намѣрены—пусть эманципируются, только чтобы намъ не мѣшали, и въ наши дѣла не мѣшались. Я,—съ нѣкотораго времени, становлюсь мизогеномъ,—не хуже Васъ, только немножко съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Вы. Naquet и Струп. хоть кого отдалить могутъ отъ поклоненія женскому полу.

Ну, а когда мы увидимся? Не пріѣдете ли вы весною или лѣтомъ насладиться Леманскими окрестностями? Или ужъ такъ и рѣшились виллажіатировать въ одной только Ниццѣ?—Пріѣзжайте на Базельскій рабочій конгрессъ—право, интереснѣе будетъ, чѣмъ конгрессъ свободы и мира, который, съ тѣхъ поръ какъ мы перестали играть въ лигѣ роль шпанской мушки, заснулъ сномъ непробуднымъ. Недавно я встрѣтилъ Barni.—Чтеніе корреспонденціи испанской погрузило его въ меланхолію.—Savez vous, сказалъ я ему, pourquoi tout va si mal dans le monde bourgeois?—Parce que cette classe respectable est physiologi quement morte, elle ne... plus et elle devient bête.—И онъ, бѣдный, долженъ былъ согласиться.—Да кто же не согласится, глядя на то, что происходитъ вокругъ насъ. Способные къ жизни и къ смѣлому знанію только внизу. Вотъ почему я хочу жить и умереть съ ними.

Вашъ М. Бакунинъ.

Извините, что не франкирую письма. Поздно, а марокъ нѣтъ въ запасѣ.



ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

Романъ

Изъ-за высокой желѣзной рѣшетки Маріинской больницы тянутся вѣтки тополей, узловатыя, ломаныя, черныя отъ дымнаго дыханья города. Листьевъ на нихъ еще нѣтъ, только длинныя, востроголовыя почки торчатъ, точно гвозди. Отъ нихъ идетъ такой хорошій липкій запахъ, что маленькая дѣвочка въ бархатной кофточкѣ останавливается и подымаетъ кверху круглое, бѣленькое личико. Приходится совсѣмъ закинуть голову Темные локоны откидываются на спину, вздернутый носъ поднятъ, и прохожіе видятъ круглую шейку, на которой еще не разошлись молочныя складочки.

— Лизокъ, пойдемъ, домой пора...

Мать беретъ маленькую, горячую ручку и тянетъ къ себѣ. Но крѣпкія ножки въ бархатныхъ сапогахъ уперлись. Еще бы, дѣвочка въ первый разъ замѣтила, что есть небо.

— Какъ тамъ, — она подымаетъ палецъ кверху и, залитая хлынувшими на нее, еще неизвѣданными ощущеньями, не находитъ словъ,—какъ тамъ... далеко...

Мать смѣется и съ легкимъ вздохомъ говоритъ:

— Да, весна, небо синее... Ну, Лизокъ, пойдемъ. Смотри, червячки.

Дѣвочка сразу спускается съ неба на землю.

— Гдѣ? Большіе?

На жесткихъ плитахъ тротуара лежатъ пушистыя, нѣжныя тополиныя сережки. Одна, длинная, ярко красная, изогнулась, точно ползетъ. Лизокъ садится на корточки осторожно, тянется къ этой диковинѣ, беретъ ее двумя пальцами и кладетъ себѣ на ладонь. Сыплется легкая, золотая пыль и наполняетъ розовыя морщинки тонкой кожи. У корня сережки прилѣпилась большая,

липкая, свѣтло-коричневая почка, отъ которой пахнетъ острымъ лѣснымъ запахомъ. Маленькія ноздри ребенка раздуваются, какъ у звѣрька, почуявшаго волю.

А кругомъ грохочутъ ломовые, стучатъ лошадиныя копыта, дребезжатъ дрожки, торопятся люди, такіе же закопченые городскимъ дымомъ, какъ эти черныя вѣтки надъ ними. Большинство проходитъ мимо, сумрачно и озабоченно, не замѣчая маленькой дѣвочки въ бархатной кофточкѣ, не замѣчая ни ея розовыхъ щекъ, ни карихъ, расширенныхъ отъ волненія глазъ. Какое имъ дѣло, гдѣ имъ замѣтить то смѣшанное чувство тоски и счастья, которое таинственными путями просачивается изъ красной сережки, сквозь нѣжную дѣтскую кожу и подымается вверхъ, къ самому сердцу, волнуя еще безсловесную, еще непроснувшуюся дѣтскую душу.

Только высокая, нарядная дама, вся въ оборочкахъ и ленточкахъ, съ бѣлокурымъ шиньономъ и радостными глазами, останавливается и говоритъ своему спутнику:

— Смотрите, какая прелесть. Какая у нея ямочка на щекѣ! Дуся... Ее будутъ такъ любить, такъ...

Она наклоняется и кончикомъ пальцевъ трогаетъ круглую дѣтскую щеку. Черные, блестящіе глаза ребенка встрѣчаются съ ласкающими глазами чужой женщины. Дѣвочка улыбается. Ей нравится эта дама. Она готова приподняться и поцѣловать ее. Но та уже выпрямилась.

— Навѣрное, навѣрное, ее будутъ такъ любить, такъ...

— Ну, вамъ, то что? Кажется, и безъ ямочекъ...—съ усмѣшкой говоритъ ея спутникъ.

Лизокъ чувствуетъ, что мать крѣпче беретъ ее за руку и ведетъ дальше. Дама и господинъ исчезли. Красный червячекъ упалъ съ ладони, оставивъ на ней липкое и сладкое ощущеніе.

Дома, сдувая пѣнку съ кипяченаго молока, дѣвочка подняла на мать глаза и лукаво улыбнулась.

— Ты что?

— Она сказала: навѣрное меня любить будутъ...

— Нечего глупости повторять. Будутъ любить, если будешь хорошая дѣвочка. Пей молоко.

Мать была добрая и по своему неглупая, но всего боялась, и хотѣла, чтобы все кругомъ было потише.

Бѣлокурая дама, ея улыбка и слова, и красный червякъ, и густой запахъ почекъ, и небо—все глубоко запало, залегло гдѣ-то въ душевной глубинѣ. Это было первое дѣтское воспоминаніе и отъ времени до времени, когда ровныя и плоскія

волны, по которымъ катилась жизнь Лизы, слегка приподымались, обѣщая радость, или опускались, грозя горемъ, опять вставали всѣ мелочи этой быстро промелькнувшей встрѣчи, какъ что-то важное, что надо понять и осмыслить. Дѣвочка выростала, превращалась въ гибкую дѣвушку, съ тоненькой, осиной таліей и высокой, полной грудью, но почему-то каждый разъ это ребяческое воспоминаніе волновало ее смутной тревогой непонятнаго ожиданія. Точно тамъ, у высокой больничной рѣшетки, подъ рѣдкой сѣткой чернѣвшихъ на синевѣ вѣтвей, кто-то что-то обѣщалъ ей, можетъ быть небо, можетъ быть эта нарядная, хорошенькая женщина. Но что же они обѣщали?

Лиза прислушивалась и ждала.

I.

Отецъ Лизы Крутиковой былъ чиновникъ. Мать была просто мать. Брала отъ отца деньги, ходила покупать все, что нужно было для большой семьи, и шила, и хлопотала, и суетилась, и заботилась обо всѣхъ и обо всемъ. Иногда сердилась, ворчала на горничную и кухарку. Но не очень, потому что не любила ссоръ. Когда кто-нибудь изъ дѣтей болѣлъ, она сидѣла около больного, клала руку на голову, давала лѣкарство, поправляла подушки. Больной ребенокъ твердо зналъ, что въ это время имѣетъ всѣ права на мать, и пользовался этимъ, и держалъ ее около себя, потому что, если она выходила изъ комнаты, все кругомъ становилось страшнымъ и враждебнымъ. А при ней было тихо, чуть-чуть печально, оттого что лежишь въ постели, а рядомъ торчатъ пузырьки съ рецептами, но за то спокойно и тепло.

Когда старшая сестра вышла замужъ и въ тотъ же вечеръ уѣхала съ мужемъ далеко въ Сибирь, мать плакала такъ, что прыгали ея полныя, широкія плечи и растрепались полу-сѣдые, всегда гладко причесанные волосы.

Лиза опустилась на колѣни около кровати, на которую неловко сунулась мать, и, приткнувшись рядомъ съ ней на подушку, тоже заплакала. Мать охватила ея шею рукой, и слезы пятнадцатилѣтней, ничего не понимающей дѣвочки грѣли и успокаивали ее.

Глядя на нихъ, чуть не заплакала и младшая, маленькая Оля. Но отецъ ее увелъ. А братъ, гимназистъ, съ пробивавшейся

бородкой, усмѣхался съ мужской пренебрежительной снисходительностью.

Съ этого дня мать стала разговаривать съ Лизой, какъ съ взрослой, совѣтовалась съ ней о своихъ домашнихъ назойливыхъ, неотступныхъ заботахъ и говорила, какъ трудно ей привыкнуть къ тому, что Маша оторвалась отъ дому, что она далеко.

Разъ лѣтомъ, мать ѣздила зачѣмъ-то въ городъ и вернулась на большую, нескладную дачу, которую Крутиковы нанимали въ Парголовѣ, съ какимъ-то чужимъ, суровымъ выраженіемъ въ усталыхъ глазахъ. Не разговаривая ни съ кѣмъ, ушла она къ себѣ въ спальню и заперлась. Лиза сквозь перегородку слышала, какъ мать тяжелой походкой ходила взадъ и впередъ, потомъ останавливалась и бормотала:

— Гадость, гадость... Какая гадость...

Лиза догадалась, что отецъ чѣмъ-то виноватъ. Ей было жутко, страшно. Но некого было спросить и не съ кѣмъ было поговорить. Братъ считалъ ее дѣвчонкой. Оля сама еще была глупенькая. Вотъ если бы Маша была здѣсь...

Въ этотъ вечеръ Лиза долго бродила по чахлой аллейкѣ передъ дачей. Ночь была теплая. Изъ сосѣдняго сада, гдѣ жили старички, любители цвѣтовъ, густо пахло левкоями. На бѣлесоватомъ, іюньскомъ небѣ звѣзды неувѣренно шептались. Тоска, и жажда счастья, и страхъ передъ жизнью тревожили смутную душу дѣвушки. Она не видѣла передъ собой путей, но ей казалось, что кто-то зоветъ ее, что куда-то она опоздаетъ, придетъ тогда, когда все уже кончится и огни потухнутъ.

На слѣдующій день курьеръ привезъ изъ города письмо отъ отца. Мать не стала читать его при всѣхъ, въ столовой, а опять заперлась у себя.

Вечеромъ она пришла къ дочери:

— Лизокъ, ты бы съѣздила къ Струнскимъ. Они вѣдь тебя звали. Доѣдешь одна, или боишься?

И улыбнулась своей милой, маминой улыбкой. Только глаза не смѣялись, были такіе же суровые, какъ утромъ.

— Уѣхать? А какъ же ты?—вырвалось у дочери.

— Что я?—сухо остановила ее мать.

Лиза была слишкомъ молода, чтобы понять, что ее нарочно отсылаютъ, что мать прячетъ свою обиду отъ простодушныхъ, еще дѣтскихъ, но уже догадливыхъ глазъ.

Очень было хорошо въ деревнѣ. Маленькая усадьба Струн-

скихъ на озерѣ, среди порѣдѣвшихъ, но все-же пахучихъ и зеленыхъ валдайскихъ лѣсовъ, была окружена другими такими же усадебками. Когда-то весь этотъ край принадлежалъ одной семьѣ. И до сихъ поръ на берегу озера, среди бѣлыхъ березъ торчатъ остатки павильоновъ и монплезировъ. Но уже давно хоромы, гдѣ веселились кавалеры въ шелковыхъ чулкахъ и дамы въ пышныхъ фижмахъ исчезли. Не то сгорѣли, не то продалъ ихъ промотавшійся наслѣдникъ, не то укралъ бойкій управляющій.

Варя Струнская жила съ теткой и братомъ. Тетка курила папиросы, носила шаровары и охотничьи сапоги, басомъ кричала на рабочихъ, вела дѣла своихъ племянниковъ, и была неизмѣнной совѣтчицей для всей округи. Въ гостиной, на стѣнѣ, висѣлъ ея акварельный портретъ, писанный въ началѣ 60-хъ годовъ. Каштановыя бандо обрамляли тонкій овалъ лица, робкая улыбка змѣилась на розовыхъ губахъ.

— Неужели это она?—спрашивала Лиза и смотрѣла на Варю.

Въ продолговатомъ, узкомъ книзу личикѣ племянницы было сходство со старымъ портретомъ. Варя прижималась къ горячему плечу подруги и шепотомъ говорила:

— Она... Даже страшно... Лизокъ? Неужели и мы когда-нибудь...

Ея голубые глаза вопросительно и испуганно смотрѣли въ черные глаза Лизы. Минуту онѣ молчали. Потомъ принимались хохотать. Онѣ вѣдь не вѣрили, что когда-нибудь и ихъ лица слиняютъ и сморщатся. Солнце, небо, прохлада воды, когда онѣ купались, взгляды молодыхъ людей, все говорило имъ, что молодость никогда не кончается.

А когда пріѣхалъ Петръ Петровичъ, братъ Вари, совсѣмъ стало солнечно. Онъ былъ высокій, красивый и неровный. То днями молчитъ и бродитъ съ красками по лѣсу, то хохочетъ и дурачится съ Варей, какъ ребенокъ. Съ Лизой онъ первые дни не разговаривалъ.

По вечерамъ на скошенномъ лугу пахло ягодами, увядающими цвѣтами, вечернимъ запахомъ воды. Сосѣдняя молодежь собиралась здѣсь играть въ горѣлки. Струнскій не показывался. Но какъ-то разъ очутился рядомъ съ Лизой и крѣпко взялъ ее за руку.

— Я съ вами!

Сбоку она видѣла его профиль съ длиннымъ, прямымъ носомъ и съ такимъ же узкимъ, упрямымъ подбородкомъ, какъ у Вари. Рука Лизы горѣла въ его сухихъ и жаркихъ пальцахъ.

Засыпая поздно ночью на колючемъ, жесткомъ сѣнникѣ, она все еще чувствовала это прикосновеніе и, проснувшись, прежде всего подняла свою руку къ глазамъ. Точно ждала, что какіе-то знаки остались на пальцахъ.

Дождь, сердитый, точно осенній, хлесталъ въ окно. Дѣвушки забрались съ книжками на старый диванъ. Тетя сидѣла за счетами, потомъ обернулась и изъ-за очковъ взглянула на нихъ:

— Ну, что же вы будете дѣлать?

— Ахъ, тетечка, ну что можно дѣлать въ дождь?—лѣниво откликнулась Варя.

— Я не про дождь. Что вы вообще будете дѣлать? Давно хочу спросить. Ну, гимназію кончили, а дальше что?

Съ дивана на нее смотрѣли четыре, сразу загорѣвшихся глаза.

— Я знаю, что я буду дѣлать,—рѣшительно заявила Варя.—Накоплю денегъ и уѣду за-границу учиться. Буду докторомъ. А ты?

Лиза покраснѣла, точно ее поймали на чемъ-то дурномъ. Она ни разу еще серьезно не думала о томъ, что будетъ дѣлать.

Петръ Петровичъ поднялъ голову отъ большой, пожелтѣвшей отъ времени книги. У него были глаза синіе и круглые, съ нависшей надъ ними надбровной дугой. Лиза только сейчасъ замѣтила, что эти глаза могутъ смотрѣть такъ остро.

— О чемъ вы ее спрашиваете? Елизавета Ивановна просто будетъ жить...

Онъ сказалъ и улыбнулся, и острота взгляда растаяла. У Лизы сердце забилось быстро, быстро. А черные глаза и розовыя губы, и ямочки на золотистой, загорѣлой щекѣ сверкали, и улыбкой отвѣчали на его улыбку.

— Нѣтъ, все-таки, надо же...—сказала она, точно оправдываясь.—Вотъ, можетъ быть, пойду на педагогическіе...

Она и сама не знала, откуда влетѣли ей сейчасъ въ голову эти педагогическіе курсы, но ей казалось, что такъ надо.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ онѣ долго бродили по лѣсу съ Варей. Вспоминали гимназію, экзамены, балъ, на

которомъ было такъ ужасно весело, и обѣ думали, что за ними уже довольно длинная, пережитая жизнь.

За озеромъ въ кедровой рощѣ, когда-то насаженной крѣпостными руками, горѣлъ красный западный небосклонъ. Дѣловито и порывисто разговаривали коростели. На опушкѣ, на широкомъ пнѣ сидѣлъ Петръ Петровичъ. Онъ пошелъ рядомъ съ Лизой, и ея душа радостно и глубоко вбирала въ себя цвѣтъ неба, узоръ листьевъ, бѣлыя пятна придорожной ромашки, запахъ лѣса, весь хоръ красокъ, голосовъ, ароматовъ. Петръ Петровичъ говорилъ про Римъ, гдѣ прожилъ годъ въ богатой семьѣ гувернеромъ. Тамъ и рисовать началъ. Разсказывалъ онъ отрывисто, но дѣвочкамъ казалось, что онѣ видятъ и море, и горы, и статуи.

— Какой вы счастливый, сколько видѣли,—со вздохомъ сказала Лиза, взглянула на него снизу вверхъ и сразу отвернулась.

— Счастливый? Ну, конечно, я счастливый... Какъ же иначе? Вы только посмотрите... Озеро и лѣсъ, и воздухъ. Я же все это люблю... И васъ люблю...

Онъ остановился. Лиза тоже невольно остановилась. Глаза Струнскаго ласкали ея лицо, бѣлую, круглую шею, высокую грудь, тонкую, перехваченную узкимъ кушакомъ талію. Она понимала это, и стыдилась и радовалась, отдаваясь новому и твердому сознанію своей привлекательности.

Варя перегнала ихъ, потомъ оглянулась, окинула ихъ обоихъ взглядомъ и смѣясь крикнула:

— Вотъ онъ у насъ всегда такой, Лизокъ. Тихій, тихій, а потомъ такое скажетъ. И отчего ты, Петрушка, университетъ бросилъ?

— Некогда, важнѣе дѣла есть,—съ лукавымъ смѣхомъ отвѣтилъ братъ и, ласково охвативъ сестру за плечи, запѣлъ неаполитанскую пѣсенку. Ея непонятныя слова, ея сладостная мелодія волновали и томили.

Въ эту ночь Лиза все просыпалась и торопливо натягивала на себя одѣяло, хотя было жарко, а за окномъ блистали свѣтлыя крылья зарницъ.

II.

Профессоръ, съ маленькими, коротко подстриженными, темными волосами, отъ которыхъ еще бѣлѣе казался очень высокій лобъ, читалъ отчетливо и неторопливо. Изрѣдка онъ дѣлалъ короткій, отрывистый жестъ ладонью, точно рукой отрубалъ одну мысль отъ другой. Черные, умные глаза смотрѣли на слушательницъ такъ, какъ будто передъ нимъ никого не было.

Лиза знала, что профессоръ очень ученый. Вслѣдъ за знакомыми она съ важностью повторяла:

— Какъ Скороходовъ отлично читаетъ. Ужасно интересно. Только серьезно.

Но когда она садилась на свое любимое мѣсто на средней скамейкѣ около окна, и подперевъ щеку рукой, приготовлялась слушать, мысли вдругъ разбѣгались.

...—«Судомъ и данью тянуть по землѣ и по водѣ», это значитъ, что села подсудны...

Она уже не слушала. Передъ ней мелькало озеро, на немъ варяжская лодка. На носу сидитъ Струнскій съ гуслями. Его глаза улыбаются и ласкаютъ. Лиза дѣлала отчаянное усиліе, стараясь понять, кто, кому и за что обязанъ платить дань? Но лодка плыла и плыла, а синіе глаза все ближе придвигались, и свѣтили, и играли.

Съ лекціи она выходила усталая, ошеломленная и украдкой всматривалась въ глаза сосѣдокъ. Ей казалось, что другія совсѣмъ иначе слушаютъ и понимаютъ, чѣмъ она. Было обидно и скучно. Вѣдь она же знаетъ, что все, что профессоръ говоритъ, очень важно. Знаетъ и все-таки не можетъ закрѣпить, продлить мозговое усиліе.

Иногда что-нибудь отдѣльное, страница въ книгѣ, фраза, брошенная на лекціи, обрывокъ спора въ своемъ же, студенческомъ кругу, волновали и согрѣвали ея мысли. Но все это было отрывисто, безпорядочно скользило, не складываясь ни въ какія звенья. Не было цѣли, не было практическаго или идейнаго фокуса, куда направлялась бы ея молодая энергія. Въ глубинѣ души, все застилая, жила смутная увѣренность, что все это еще не главное, что главное впереди. А кругомъ все было такъ сѣро, такъ далеко отъ молодости. Не только не было живыхъ и яркихъ людей, но даже и не слышно было о нихъ. По крайней мѣрѣ въ домѣ Крутиковыхъ.

Тѣмъ охотнѣе уходила Лиза въ студенческую коммуну, гдѣ старостихой была ея подруга по курсамъ, Пелагея Сергѣевна Иванова, или, какъ она сама себя звала, Иванова. Она была высокая и плоская, съ грубыми, красными губами и съ нѣжными, мягкими глазами. Въ ней была смѣсь монашества и материнства, и молодежь, ютившаяся въ общей квартирѣ, охотно признавала ея старшинство, хотя годами Иванова была немногимъ старше остальныхъ.

Она ушла изъ отцовскаго, богатаго, купеческаго дома. Лиза знала, что Пелагея Сергѣевна успѣла и поголодать, и въ тюрьмѣ побывать. Это вызывало въ ней удивленіе, даже восхищеніе; но такой монашкой, какъ Иванова, сама Лиза совсѣмъ не хотѣла быть. Только старалась, идя на Петербургскую сторону, надѣть платье попроще и поглаже причесать свои блестящіе, черные, пышные волосы. Но было что-то въ яркихъ краскахъ Лизинаго лица, въ блескѣ глазъ, въ гибкости тонкаго стана, что дѣлало ее не похожей на остальныхъ дѣвушекъ, собиравшихся вокругъ покрытаго клеенкой стола. Порой, съ огорченіемъ и неловкостью, чувствовала она въ ихъ глазахъ недоброжелательство, и вся сжималась. Ей и въ голову не приходило, что въ нихъ можетъ быть къ ней женская зависть. Просто она чувствовала себя среди этихъ дѣвушекъ, вынужденныхъ пробивать себѣ дорогу, легкомысленной и несерьезной. Только сама Иванова всегда встрѣчала Лизу ласковой улыбкой.

Пристальность и внимательность мужскихъ взглядовъ тоже пугали Лизу. Въ ней была не только застѣнчивость, но что-то еще болѣе жуткое, что заставляло ее сжиматься и настораживаться. Она дѣлала надъ собой усиліе, старалась преодолѣть себя, но не могла, и сердилась на себя, и стыдилась тяжелымъ, смутнымъ стыдомъ. И мало кто, глядя на то, какъ спокойно и самоувѣренно разговариваетъ съ молодежью эта стройная, нарядная, хорошенькая дѣвушка, могъ догадаться, какъ шатко и робко у нея на душѣ.

— Я принесъ послѣдній номеръ «Отечественныхъ Записокъ». Удивительная статья Салтыкова. Только приходится дешифрировать, точно іероглифы читаешь...

Аполлонъ Максимычъ Рябовъ засмѣялся собственнымъ словамъ. Онъ смѣялся губами и щеками, а свѣтло-каріе, съ толстыми вѣками глаза оставались серьезными. Мѣнялись они только въ разгарѣ спора, когда Рябовъ искалъ и находилъ злое, ядовитое возраженіе противнику. Спорить онъ любилъ и умѣлъ, и это при-

давало ему особый авторитетъ въ кругу еще неустановившейся молодежи, собиравшейся около коммуны.

— Какъ Рябовъ Маркса знаетъ! Такъ цитаты наизустъ и жаритъ,—одобрительно говорила Иванова.

Но Лизѣ почему-то казалось, что нѣжные, сѣрые глаза курсистки лучатся навстрѣчу Рябову больше, чѣмъ навстрѣчу Марксу, несмотря на то, что Пелагея Сергѣевна уже цѣлый годъ добросовѣстно изучала «Капиталъ».

Лиза сидѣла въ уголку и смотрѣла на благообразное, гладкое лицо Рябова, читавшаго Салтыкова. Высокій, бѣлый лобъ, волосы гладко зачесаны на боковой проборъ. Носъ почти прямой, борода русая, подстриженная. Пожалуй, скорѣе красивый. Но вдругъ онъ перевернулъ страницу, и она замѣтила, что у него большія, бѣлыя руки и плоскіе на концахъ пальцы. Нѣтъ, совсѣмъ не красивый. Да и Салтыковъ ей не нравился. Что онъ все смѣется и издѣвается. Неужели всѣ люди такіе скверные, какъ онъ пишетъ?

— Лизавета Ивановна, удеремте! Пойдемте по набережной гулять. Луна...

Студентъ, черноглазый, съ милымъ, мальчишескимъ лицомъ, близко нагнулся къ ней, такъ что она слышала его горячее дыханіе.

— Неловко, пожалуй, Коля?

— Глупости... Кто замѣтитъ... Ну!

Коля былъ одинъ изъ немногихъ, кого она не боялась. Онъ былъ товарищъ ея брата и она знала его съ дѣтства.

Они потихоньку удрали и на улицѣ хохотали, какъ дѣти. Потомъ студентъ взялъ ее за рукавъ, нагнулся къ ея лицу и сказалъ:

— Лиза! Я васъ люблю, люблю и люблю.

Она поняла, что это не шутка, и не засмѣялась, а тихо пошла рядомъ съ нимъ. Ей нравилось, что онъ ее любитъ, хотя онъ былъ однихъ лѣтъ съ нею, и ей казалось, что онъ совсѣмъ мальчикъ, а она большая. Но все-таки она заставила его разсказать, давно ли онъ ее любитъ и за что, и какъ. А когда онъ говорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, она думала о томъ, какой у Петра Петровича красивый профиль. Гдѣ-то онъ теперь? И ревнивая грусть поднималась въ ней.

— Вы собственно чѣмъ же теперь занимаетесь?—спросилъ разъ Рябовъ Лизу.

Они сидѣли одни въ коммунѣ, въ большой, пустой столовой. Иванова еще не пришла съ уроковъ. За окномъ виднѣлись голыя вершины деревьевъ, и золотой куполъ далекой церкви, и зеленоватое, мартовское небо.

— Экзамены скоро. Вотъ я и готовлюсь...

— Ну да, а для себя вы что же изучаете?..

Голосъ звучалъ настойчиво и глаза смотрѣли упорно, а около губъ ползла улыбка. Лизѣ въ этой улыбкѣ почудилось что-то обидное. Съ Ивановой онъ совсѣмъ иначе разговариваетъ.

— Да ничего не изучаю,—вызывающе отвѣтила она, и въ упоръ взглянула на него.

Онъ захохоталъ довольнымъ, громкимъ смѣхомъ. Даже немного откинулся къ спинкѣ стула, такъ что между бородой и воротникомъ мелькнула волосатая шея. Лизѣ это было непріятно, и смѣхъ былъ непріятенъ. Она встала.

— Не всѣ же могутъ Маркса читать,—еще болѣе задорно бросила она и стала надѣвать шляпу.

Рябовъ вскочилъ.

— Ну, конечно, не всѣ. Да и зачѣмъ вамъ Марксъ?..

Она не дослушала и оборвала его:

— Пожалуйста, скажите Ивановой...

— Я тоже ухожу.

Они вышли вмѣстѣ. Теперь онъ не смѣялся, а сталъ серьезный и внимательный. Это смущало ее еще больше, чѣмъ его смѣхъ. Онъ проводилъ ее до дому и всю дорогу разсказывалъ о себѣ, о томъ, какъ длинны ночи въ тюрьмѣ, сколько надо ловкости и осторожности, чтобы на допросахъ не подвести ни себя, ни другихъ. Онъ называлъ по имени революціонеровъ, томившихся въ крѣпости, и она понимала, что это его близкіе друзья, что онъ такой же, какъ они.

— Какъ вамъ удалось освободиться?—робко спрашивала она, съ интересомъ и участіемъ сбоку поглядывая на его лицо, затѣненное широкимъ полемъ шляпы.

— Не надо только зѣвать,—съ самодовольной улыбкой отвѣчалъ онъ.—Я считалъ, что я обязанъ быть осторожнымъ. Они не нашли у меня ни одной бумажки, никакой улики. Пришлось выпустить меня.

Онъ не сказалъ ей, что помогло и то, что онъ кончилъ одну изъ привилегированныхъ школъ, что за него хлопоталъ старый товарищъ его отца. Онъ искренно считалъ важнымъ не чужія услуги, а только свою находчивость, свою ловкость, свое умѣніе держаться.

Скоро въ коммунѣ привыкли къ тому, что Рябовъ каждый разъ провожаетъ Лизу Крутикову. Въ разговорахъ онъ все чаще обращался къ ней, выдвигая ее изъ того тихаго уголка,

гдѣ она раньше пряталась. Это льстило ей. Но было непріятно передъ Ивановой, у которой въ глазахъ засвѣтилась печаль.

Рябовъ былъ съ Лизой такъ простъ, такъ долго и откровенно говорилъ о своихъ сомнѣніяхъ, о разочарованіи народника, о томъ, что, можетъ быть, всѣ эти жертвы принесены даромъ. И когда они, ночью, шли мимо низкихъ, темныхъ стѣнъ крѣпости, надъ которой блестѣла блѣдная, золотая игла, предательская жалость закрадывалась въ сердце Лизы.

— Аполлонъ Максимычъ, я хотѣла бы спросить васъ...

Она замялась и сконфузилась.

— Что, Елизавета Ивановна? Говорите!

Когда они бывали одни, въ его голосѣ не было уже обычной самоувѣренности, а что-то мягкое, почти просительное.

— Да не знаю, какъ сказать. Какъ-то живешь безполезно. Хочется, чтобы смыслъ какой-нибудь, ну и польза для другихъ... Я такая глупая...

Она путалась и докончила съ трудомъ, и сразу ей стало непріятно, точно она притворялась. Хотя за послѣднее время ее дѣйствительно все чаще и чаще тяготила мысль о томъ, зачѣмъ она живетъ.

Рябовъ оживился и заволновался.

— Да, да, мы всѣ стоимъ на распутьи. Давайте вмѣстѣ думать и искать. Когда я съ вами, Елизавета Ивановна, я не боюсь ничего, даже моихъ сомнѣній.

Онъ долго говорилъ, какія книги ей необходимо прочесть. Обѣщалъ составить списокъ.

Прощаясь, около ея подъѣзда, онъ съ горькой усмѣшкой сказалъ:

— Мнѣ жаль, что я не могу бывать у васъ.

— Почему? Конечно, приходите,—живо отвѣтила молодая дѣвушка.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Вашъ батюшка врядъ ли захочетъ принимать человѣка, котораго выгнали со службы за неблагонадежность. Какого-то банковскаго чиновника. Вы знаете, что я служу въ банкѣ? Да, служу.

Она засмѣялась. Ей показалось нелѣпостью, что такой умный, столько страдавшій человѣкъ служитъ въ банкѣ. А онъ крѣпко держалъ ея руку и, слегка наклонившись, смотрѣлъ въ глаза.

— Я вообще боюсь, что ваша семья будетъ недовольна нашей дружбой. Вы этого не боитесь?

— Какіе пустяки. Мнѣ что за дѣло?—задорно отвѣтила она.

И испугалась. Точно эти слова связывали. Зачѣмъ онъ такъ крѣпко держитъ ея руку? И зачѣмъ у него такъ вздрагиваютъ губы?

Дома было уже тихо. Только съ конца квартиры до узкой, выходившей во дворъ, комнатки Лизы донесся заглушенный говоръ. Опять, вѣрно, тамъ, въ спальнѣ, мать плачетъ и ссорится съ отцомъ. Тупая тоска встала на душѣ. Лиза легла и старалась думать о тѣхъ книгахъ, которыя будетъ читать. Конечно, надо начать съ естественной исторіи. Только такимъ образомъ можно выработать міросозерцаніе. Это были не ея слова, а Рябова, но она принимала ихъ за свои.

III.

Струнскій появился совершенно неожиданно. При видѣ его Лиза растерялась и обрадовалась, и поняла, что его-то ей и недоставало.

А онъ, улыбаясь, разглядывалъ ее.

— Вы перемѣнились, Елизавета Ивановна. Очень.

— Ну еще бы! Я теперь курсистка,—съ важностью отвѣтила она.

— Неужели?

Ей почудилось въ его голосѣ неудовольствіе.

— Конечно. Нельзя же болтаться безъ дѣла,—сказала она.

Онъ усмѣхнулся и началъ разсказывать, какъ они съ сестрой схорошо устроились въ Парижѣ. Онъ не садился, и бродилъ по гостиной, разсматривая то плохія олеографіи на стѣнахъ, то альбомы на столѣ. Гостиная была, какъ всѣ чиновничьи гостиныя 80-хъ годовъ, холодная, некрасивая, никому ненужная. Бѣлыя обои съ сѣроватымъ, тусклымъ узоромъ, диванъ, передъ нимъ столъ. Съ боковъ топорщатся ручки креселъ. По стѣнамъ стулья. Все обито краснымъ, яркимъ репсомъ. Дешевая, дутая бронза на неуклюжихъ, высокихъ, черныхъ столахъ. Лиза слѣдила за гостемъ, видѣла, какъ все это ему не нравится, и сама его глазами по-новому, съ недоброжелательнымъ любопытствомъ разсматривала давно знакомыя вещи.

— Какой вы стали... парижанинъ,—сказала она, хотя думала:—какой ты сталъ красивый.

— Да!—онъ остановился близко отъ нея и просто, точно говорилъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ, прибавилъ:—поѣдемте со мной въ Парижъ.

— Я? Въ Парижъ? Зачѣмъ?

— Да просто, чтобы жить. Здѣсь у васъ темно и какое-то все пыльное.

Онъ съ ребячливымъ недовольствомъ поморщился.

— А курсы?—смѣясь спросила молодая дѣвушка.

— Пустяки! Вы совсѣмъ не для этого сдѣланы.

Она покраснѣла.

— Вы развѣ знаете, для чего я сдѣлана? Я не знаю.

Откуда-то изъ глубины далекаго дѣтства донесся голосъ незнакомой дамы: ее будутъ такъ любить, такъ... Но Лиза заглушила, отогнала его.

Струнскій, все такъ же на ходу, заправляя длинными пальцами конецъ бѣлокураго уса, чтобы можно было прикусить его зубами, отрывисто и несвязно говорилъ объ искусствѣ, о Парижѣ, о вечерахъ, когда огни набережной дробятся въ темной зыби Сены. Было въ его разсказѣ что-то манящее и волнующее. Но Лиза считала себя обязанной сопротивляться, торопливо, точно обороняясь, закрывала внутреннія двери. Только кровь стучала во всемъ тѣлѣ шибко и горячо.

Теперь жизнь молодой дѣвушки раздвоилась. Днемъ приходилъ Струнскій рисовать ея портретъ. Его острые, быстрые взгляды переносились съ лица Лизы на картонъ, съ картона опять на лицо. Такъ еще никто ее не разглядывалъ.

— У васъ удивительный контрастъ. Глаза черные, чуть красноватые, какъ вишни. А кожа бѣлая и розовая. Я боюсь, что это выйдетъ сладко. Васъ только акварелью можно рисовать.

Она смущалась и внутренно сжималась, напрягала всѣ силы, чтобы не показать своей застѣнчивости, и съ новой, горделивой ясностью сознавала свою дѣвичью привлекательность.

При Струнскомъ было не страшно болтать, даже о глупостяхъ. Онъ пойметъ, даже то пойметъ, что пробѣгаетъ въ душѣ смутной тѣнью, точно облако надъ озеромъ. Но эта же его легкость, эта нетребовательность заставляла молодую дѣвушку немного сверху внизъ смотрѣть на художника.

— Вы какъ ребенокъ,—покровительственно говорила она.—У васъ нѣтъ никакого понятія о практической жизни.

— Нѣтъ и не надо,—безпечно отвѣчалъ Струнскій.

Она видѣла, что ему дѣйствительно не надо ничего того что нужно было окружавшимъ его людямъ. И не знала, хорошо

это или худо, и боялась поддаться безпечному влеченію, которое охватывало ее въ присутствіи художника.

А можетъ быть на немъ наверстывала Лиза сознаніе подчиненности, все крѣпче опутывавшее ее при встрѣчахъ съ Рябовымъ. Тотъ никогда не говорилъ ей объ ея наружности, какъ будто не замѣчалъ ни ея глазъ, ни ея кожи. Какая-то героическая значительность была въ его книжныхъ, длинныхъ рѣчахъ. Это и связывало Лизу, и возвышало ее въ собственныхъ глазахъ.

Рябовъ охотно, съ оттѣнкомъ печали, произносилъ слова: народъ, долгъ, право, совѣсть, истина, свобода. И молодая дѣвушка въ его рѣчахъ находила конкретное выраженіе для того туманнаго тяготѣнія къ добру, которое жило въ ней, какъ и во всякомъ человѣкѣ, у котораго душа здоровая.

Но, въ тѣхъ же невидимыхъ глубинахъ, согрѣвая все стройное и гибкое тѣло, переливалось стремленіе къ солнцу, къ счастью, къ радости. Она не знала, даже не думала, надо ли, чтобы добро и радость были слиты. Когда розовыя, нѣжныя губы Петра Петровича тихо улыбались, когда она видѣла передъ собой острую синеву его глазъ, она довѣрчиво и лукаво ждала чего-то свѣтлаго и буйнаго, и становилась ребячливѣе, проще юнѣе. А при Рябовѣ стихала. Точно въ его присутствіи и она, и всѣ кругомъ, должны быть одѣты въ черныя или сѣрыя платья. Ей же хотѣлось носить розовое, или бѣлое.

«Приходите завтра, въ одиннадцать утра, въ Лѣтній садъ. Я буду ждать васъ у памятника Крылова. Не удивляйтесь моей просьбѣ. Все объясню.

Вашъ Аполлонъ».

Записка взволновала Лизу. Будь это кто-нибудь другой, она просто не пошла бы. Но Рябовъ...

Поговорить ей было не съ кѣмъ. Мать прихварывала, и на ея лицѣ лежала такая печать озабоченности и горечи, что хотѣлось приласкать ее, но скорѣе уйти. Да и развѣ можно съ матерью говорить о такомъ... Младшая сестра не доросла. Старшая была далекой и полу-чужой. Братъ цѣлые дни и ночи проводилъ за бильярдомъ и на жизнь смотрѣлъ съ холодной усмѣш-

кой уже проигравшагося игрока. Онъ былъ не глупъ, но не было у него зацѣпокъ въ жизни. Все было все равно. Лиза никогда не подходила къ нему близко, и была очень удивлена, когда онъ разъ зашелъ въ ея комнатку и, глядя на нее въ упоръ такими же черными, какъ у нея, глазами, произнесъ:

— Вчера весь вечеръ съ твоимъ художникомъ по трактирамъ шлялись. Славный парень! Молодецъ Лизка.

И ушелъ, точно нарочно, чтобы не видѣть, какъ она вся загорѣлась, стала пунцовой и сердитой. Брезгливость поднялась въ ней. Та небрежная отрѣшенность отъ обыденности жизни, то простодушное легкомысліе, которое подкупало ее въ Струнскомъ, стали вдругъ плоскими и грязными.

«Трактирный герой»,—презрительно подумала Лиза.

Разговоръ съ братомъ былъ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ она получила записку отъ Рябова. И это заставило ее злорадно, точно наперекоръ Струнскому, думать о предстоящемъ свиданіи.

Въ Лѣтнемъ саду было туманно и тихо. Въ тепломъ, сыромъ воздухѣ звуки притуплялись. Высокіе стволы липъ, пятнистыя статуи, люди, проходившіе мимо, казались необычными и таинственными. Рябовъ съ тяжеловатой торопливостью всталъ ей навстрѣчу.

— Я такъ и зналъ, что вы придете, Елизавета Ивановна,— сказалъ онъ, крѣпко пожимая маленькую руку, и у Лизы забилось сердце отъ предчувствія чего-то важнаго.

Они пошли боковой дорожкой. Волнуясь, понижая голосъ, оглядываясь, Рябовъ заговорилъ:

— Тутъ пріѣхала одна, нелегальная, очень важная... Ее давно ищутъ... Ей никоимъ образомъ не слѣдовало пріѣзжать... Это неосторожно до крайности, сегодня же вечеромъ, самое позднее завтра, мы отправимъ ее за-границу...

Отъ этого «мы» холодокъ жути и гордости пробѣжалъ по тѣлу Лизы.

— На сегодняшній день, можетъ быть, на ночь, надо ее куда-нибудь устроить, спрятать. Я положительно теряю голову. Всѣ связи у насъ порваны. Это будетъ ужасно, если ее арестуютъ. Она не вынесетъ тюрьмы. У нея туберкулезъ. Я голову теряю. Помогите мнѣ, Елизавета Ивановна.

Онъ остановился. На гладкихъ, здоровыхъ щекахъ, около губъ, полускрытыхъ усами, дрожало волненіе, и Лизѣ даже почудилась растерянность. Но объ этомъ некогда было думать. Она вся, всѣмъ вниманіемъ, всѣмъ сердцемъ своимъ тянулась къ той,

таинственной и милой, которой грозитъ судьба. Она видѣла грубыя руки, хватающія тонкую, блѣдную женщину, видѣла, какъ ее вяжутъ толстыми веревками, какъ Христа на картинѣ. Точно обороняясь, Лиза подняла руку и положила ее на обшлагъ пальто Рябова.

— Что же я-то могу, Аполлонъ Максимычъ? Я готова...

Мягкими, цѣпкими пальцами онъ задержалъ ея холодные, маленькіе пальцы. Ей хотѣлось отнять ихъ, но она думала, что это глупо и мелочно, и не смѣла высвободиться изъ его рукъ.

— Я знаю, что вы въ такой средѣ. Я понимаю... Но, можетъ быть, кто-нибудь у васъ есть?..

Лиза вдругъ улыбнулась, широко и лукаво, такъ что шевельнулись не только губы, но и ямка на правой щекѣ.

— Знаете что? Пусть она... эта... пусть сейчасъ придетъ ко мнѣ. А тамъ я устроюсь.

Рябову хотѣлось взять ее за плечи, почувствовать въ своихъ рукахъ ея тонкую талію, надъ которой такъ быстро подымалась и опускалась высокая грудь, хотѣлось прижаться лицомъ къ розовому лицу, съ ярко горѣвшими, темными глазами. Онъ осторожно оглянулся и неловкимъ движеніемъ поднесъ къ губамъ ея руку.

— Спасибо!

Было условлено, что «Казачка»,—такъ назвалъ Рябовъ неизвѣстную—и эта условная кличка заставляла сердце дѣвушки стучать веселымъ стукомъ,—придетъ къ Лизѣ ровно въ 2 часа.

Рябовъ простился, не доходя воротъ сада.

— Такъ будетъ лучше,—осторожно сказалъ онъ и этимъ подчеркнулъ значительность ихъ свиданія.

Струнскому не хотѣлось рисовать. Свѣта было мало. У Лизы лицо было не такое, какъ надо. Да и самъ художникъ нервничалъ.

— Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ,—съ кривой усмѣшкой сказалъ онъ и взглянулъ на молодую дѣвушку быстрымъ, скользящимъ взглядомъ.

Она отвѣтила ему, какъ отвѣчаютъ капризному ребенку.

— Вы, я думаю, вообще плохо собой владѣете?

— Когда хочу, владѣю. Но что я за поденщикъ, чтобы каждый день быть одинаковымъ?

— Никакихъ обязательствъ? Какъ у птицы? Это что-жъ, всѣ художники такъ?

Его уязвили ея слова, а еще больше презрительное движеніе

покатыхъ плечъ, линію которыхъ онъ такъ любовно зарисовывалъ. Длинными пальцами расправилъ онъ бѣлокурый усъ, чтобы отправить привычнымъ жестомъ кончикъ его въ ротъ, и Лиза замѣтила, что губы его сжались упрямо и надменно.

— Надѣюсь, что всѣ. Что-жъ изъ этого? Неужели надо изо дня въ день подчиняться, приноравливаться, гнуться. Вѣдь это позоръ! Неужели вы не понимаете?

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—тоже упрямо и обиженно сказала Лиза,—я считаю, что мы обязаны дѣлать...

Онъ не далъ ей договорить, гибкимъ и сильнымъ движеніемъ нагнулся къ ней, схватилъ ея руку и совсѣмъ близко, прямо въ лицо заговорилъ:

— Обязаны... Обязаны... Ради Бога... Я знаю только одну обязанность—быть счастливымъ... И красивымъ... Вотъ вы красивая. У васъ такія краски... Вотъ тутъ линія волосъ,—онъ провелъ рукой около ея головы,—а лобъ невысокій и бѣлый, какъ у ребенка... Я люблю у васъ эту смѣсь дѣтскаго и чего-то важнаго. Носъ у васъ не очень правильный. Зато губы такъ хорошо раздѣлены. И руки у васъ длинныя и тонкія. Послушайте, Лиза, я хочу васъ рисовать такъ, чтобы была видна шея и плечи. Можно?

Каждое его слово, его глаза, его дыханіе, свѣжій и сильный запахъ, который шелъ отъ него, электрическій токъ, исходившій изъ его пальцевъ, когда онъ держалъ ихъ надъ ея лбомъ, все отзывалось въ ней радостными и буйными волнами. Хотѣлось поднять руки, охватить его за шею, отдаться горячему зову, перекликавшемуся отъ него къ ней. Изъ глубины, изъ тѣхъ темныхъ нѣдръ, къ чьимъ голосамъ она не умѣла и не хотѣла прислушаться, надвигался на нее сладкій и пьяный порывъ. Она чуяла его, испуганная, растерянная, смятенная, сбитая съ толку отпечаткомъ утренней встрѣчи съ Рябовымъ. Ихъ разговоръ въ Лѣтнемъ саду обязывалъ, заставлялъ сдерживаться, медленно застилалъ загорѣвшуюся радость. Это длилось одно мгновеніе, но было оно точно длинный, длинный день. Ближе склонился къ Лизѣ художникъ, и его крѣпкія, нѣжныя губы уже готовы были прижаться къ ея губамъ, когда онъ увидалъ въ ея черныхъ глазахъ печаль, и борьбу, и сомнѣніе. Это отрезвило его. Онъ молча выпрямился и отстранился.

— Петръ Петровичъ, я хотѣла съ вами посовѣтоваться,— робко сказала Лиза.

Она была разбита. Горькая виноватость томила ее. Но она не знала—передъ кѣмъ: передъ тѣмъ, кто только-что былъ такъ

опьяняюще близко, чье лицо стало теперь такимъ далекимъ и недоступнымъ, или передъ тѣмъ, кто въ холодномъ туманѣ Лѣтняго сада далъ ей такое отвѣтственное и почетное порученье?

— Въ чемъ дѣло?—хрипло спросилъ Струнскій.

Она разсказала ему. Онъ презрительно пожалъ плечами.

— О чемъ тутъ разговаривать? Я живу въ пустой квартирѣ у пріятеля. Пусть ваша Казачка у меня прячется. Ни одинъ врагъ ее не увидитъ. Вотъ вамъ адресъ, вотъ ключъ отъ квартиры.

Онъ ушелъ, хмурый и замкнутый. Тяжелая тоска придавила сердце Лизы. Точно навсегда захлопнулась передъ ней дверь въ садъ, залитый солнцемъ, пропитанный запахомъ цвѣтовъ.

Таинственная женщина, за которой полиція охотилась, какъ за важнымъ врагомъ, и которая дѣйствительно умѣла быть опасной, была худенькая, съ тонкими пепельнаго цвѣта волосами и съ голубыми глазами. Лиза сразу почувствовала къ ней влюбленность и покровительственную нѣжность. Ей было жаль, что нельзя спрятать гостью здѣсь, у себя, что нельзя подольше видѣть эти дѣтскіе, ясные глаза, этотъ твердый, плотно сомкнутый ротъ, слушать тихій, мелодичный голосъ. Вся встрѣча промелькнула такъ быстро, такъ просто, но въ душѣ осталось неизгладимое и сладкое воспоминаніе о новой, непонятной, мерцающей красотѣ. И досада на себя, что не узнала, не научилась, не разспросила. Именно научиться надо было чему-то самому важному, безъ чего жизнь останется блѣдной и ненастоящей.

Но, пока гостья сидѣла въ комнаткѣ Лизы, молодая дѣвушка только смотрѣла на нее разгорѣвшимися, робкими глазами и спрашивала самое обыденное, житейское:

— Хотите чаю? Или кофею? Можетъ быть, я могу что-нибудь для васъ сдѣлать?

Гостья, улыбаясь, смотрѣла на хорошенькое личико съ мимолетнымъ и равнодушнымъ удовольствіемъ, съ какимъ мы смотримъ на цвѣтокъ.

Послѣ этой встрѣчи Лиза съ новымъ рвеніемъ принялась за лекціи, точно студенческая работа пріобщала ее къ чему-то общему, что было связано съ яснымъ свѣтомъ, лившимся изъ глазъ Казачки. Но рвеніе это оставалось внѣшнимъ, механическимъ. Даже самой себѣ Лиза не хотѣла признаться, что страничка случайно прочитаннаго романа, фотографія, выставленная въ окнѣ, сцена въ театрѣ, отрывокъ пѣсни, спѣтой невидимой пѣвицей, попрежнему могли глубже взволновать ее, владѣть ея

мыслями, какъ никогда не владѣли ими самыя умныя рѣчи самаго ученаго изъ профессоровъ.

Разъ, читая статью Бѣлинскаго о Пушкинѣ, Лиза поддалась заразительному волненію, острой влюбленности въ искусство, которой дышала каждая строка. Восторгъ и сладкая печаль холодкомъ пробѣгали по тѣлу. Новыя мысли томили, звали, торопили. Въ эту ночь она долго не спала и, медленно перечитывая страницы затрепанной книги, съ жуткимъ любопытствомъ прислушивалась. Мертвый Бѣлинскій давалъ ей то радостное ощущеніе близости съ чужой душой, котораго не хотѣли, или не умѣли, дать тѣ, среди кого она жила.

На утро Лиза проснулась съ свѣтлымъ сознаніемъ чего-то важнаго и хорошаго, что произошло съ ней наканунѣ. Если бы Струнскій былъ здѣсь!—«Искусство улыбка жизни». Это какъ разъ для него. Но Струнскій не показывался съ того дня, какъ онъ увидалъ въ черныхъ глазахъ дѣвушки страхъ вмѣсто желаннаго призыва. И Лиза думала о немъ, стискивая зубы, съ затаенной горечью потери и обиды.

— Аполлонъ Максимычъ, какая прелесть, что Бѣлинскій говоритъ о Пушкинѣ,—сказала она, какъ только они вышли изъ деревяннаго домика, гдѣ ютилась коммуна. — Какъ это вѣрно, что есть люди, которые всюду создаютъ красоту...

— Неужели?.. вамъ нравится то, что Бѣлинскій пишетъ о Пушкинѣ?

Рябовъ произнесъ это рѣзкимъ, высокимъ голосомъ, которымъ дѣлалъ злыя, колкія возраженія противникамъ въ спорѣ. Не замѣчая, даже не подозрѣвая, какъ его слова ранятъ ее, онъ продолжалъ, страстно и быстро:

— Это все барство. Бѣлинскій такъ и говоритъ, что Муза Пушкина барышня-аристократка... Спасибо... Довольно съ насъ барышень-бѣлоручекъ. Россіи нужны реальные работники. Этимъ прекраснодушіемъ питался весь дворянски-крѣпостническій кружокъ около Бѣлинскаго...

— Но вѣдь Бѣлинскій самъ былъ бѣдный,—робко вставила Лиза.

Тоска сдавила ей горло. Надъ ея головой блѣднѣло линючее апрѣльское небо. Изъ невидимаго сада пахло далекой, призывной сладостью тополя. Отъ первыхъ весеннихъ намековъ становилось еще тоскливѣе, хотѣлось не слышать ихъ, убѣжать, спрятаться.

— Ну да, конечно, Бѣлинскій былъ разночинецъ, онъ не могъ получить такого образованія, какъ всѣ эти дворянчики кругомъ. Они его и сбивали.

— Однако Пушкинъ такой поэтъ... —съ тихимъ упрямствомъ отвѣтила дѣвушка.

Авторитетность его голоса и подчиняла, и отталкивала ее.

— Поэтъ?—съ презрительнымъ смѣхомъ оборвалъ ее Рябовъ.—Поэтъ, который продалъ себя за камергерскій мундиръ. Вы читали его статью о Радищевѣ? Вѣдь это верхъ подлости!

Онъ говорилъ долго. Лиза съ отчаяніемъ искала возраженій и не находила ихъ, но тѣмъ крѣпче стучало у нея въ мозгу, что Пушкинъ поэтъ, поэтъ и поэтъ.

Дома она достала изъ шкапа книжку, вполголоса перечла свои любимыя мѣста изъ Онѣгина, прижалась горячими щеками къ прохладнымъ страницамъ и заплакала тяжелыми, безсильными слезами.

Марья Васильевна вошла и увидала ее въ уголку просиженнаго диванчика, съ раскрытой книгой на колѣняхъ, съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ. Сначала она испугалась, потомъ сѣла рядомъ, положила головку дочери на свое плечо и тихо сидѣла, и тихо думала, что трудна и темна женская жизнь. Почему такъ,—она не знала. Просто потому, что женщина—есть женщина.

IV.

Два раза Рябовъ просилъ Лизу выйти за него замужъ и оба раза она отказала. Теперь онъ бывалъ въ домѣ Крутиковыхъ и подружился со старикомъ. Черные, умные глаза Ивана Корнилыча быстро взвѣсили и оцѣнили новаго знакомаго.

— Не очень мнѣ нравится этотъ Аполлонъ Максимычъ,—сказала разъ мать.—А тебѣ? Жесткій онъ!

Крутиковъ усмѣхнулся.

— Ну, матушка, это бабье дѣло мягкими быть. А мужчина долженъ своими плечами себѣ дорогу расчистить. Этотъ не пропадетъ. Сумѣетъ семью обезпечить. Не то, что тотъ мазилка, въ бархатной курткѣ бѣгалъ. И ты тоже хороша, съ этими портретами, да сеансами.

Мать промолчала. Можетъ быть, Иванъ Корнилычъ и правъ. Приданаго вѣдь они за Лизой не даютъ. И если выйдетъ за него, останется здѣсь, близко. Вонъ Маша вышла и уѣхала далеко, пишетъ разъ въ годъ, точно и нѣтъ у нея матери.

Мало-по-малу Лиза почувствовала по настойчивому взгляду отца, по мягкой, точно жалѣющей ласкѣ матери, даже по насмѣшливымъ словечкамъ младшей сестры, по чему-то неуловимому и наростающему, что весь домъ ждетъ, подталкиваетъ,

сближаетъ ее съ Рябовымъ. Несмотря на ея отказы, онъ продолжалъ ходить къ нимъ, остроумно и зло разсказывалъ отцу про банковскіе порядки, иногда спорилъ съ нимъ объ исторіи французской революціи, надъ которой, какъ самъ говорилъ, «много работалъ». А когда старикъ Крутиковъ уходилъ, Аполлонъ Максимычъ, уже совершенно другимъ тономъ, декламировалъ Лизѣ и подростку Олѣ «Рыцаря на часъ». Къ нему привыкли. Когда его не было, скучали. Только безпутный Миша затѣвалъ съ нимъ безконечные парадоксальные споры, и весело подмигивалъ сестрамъ, когда Рябовъ терялся и раздражался.

Лизу эти споры наполняли злорадной бодростью. На нее откуда-то наползла тоска и слабость. Съ утра, просыпаясь, она съ отвращеніемъ думала о томъ, что надо встать, двигаться, жить. Ей хотѣлось никого не видѣть. Все было противно, и другіе, и она сама, собственныя руки, ноги, лицо, глаза. Хотѣлось бы лежать весь день въ постели, чтобы никто, никто не смѣлъ на нее смотрѣть.

Докторъ заявилъ, что это малокровіе и переутомленіе. Отчего молодая, органически здоровая, сытая дѣвушка могла переутомиться, этого никто не зналъ и не старался узнать. У всѣхъ такъ. Всѣ дѣвушки блѣдныя и нервныя. Петербургскій климатъ виноватъ.

Ни отцамъ, ни даже матерямъ, и въ голову не приходило, что именно оттого, что такъ у всѣхъ, надо перестать жить, какъ живутъ всѣ, надо такъ устроить, чтобы молодые мускулы и первы находили себѣ радостное и нужное примѣненіе, чтобы жизнь требовала и давала имъ работу.

Но и школа, и бытъ, и маленькія правила маленькой жизни, все давило, гасило, грабило молодость, убивало упругость тѣла и души. И никто не хотѣлъ понять, что это преступленіе.

Въ третій разъ Рябовъ сдѣлалъ предложеніе, и Лиза согласилась. Это было осенью, на дачѣ. Они гуляли вдвоемъ въ паркѣ. Было уже темно. Навстрѣчу попадались парочки, близко прижавшіяся другъ къ другу, издалека доносились звуки рояля, и на Лизу налетѣло неудержимое желаніе, если не счастья, то хоть праздника. Слезы бились въ ея душѣ, когда она дала согласіе, но все-таки, когда сильныя мужскія руки обняли ее, ей стало любопытно и весело.

Неловкимъ жестомъ Рябовъ прижалъ ея голову къ своей шеѣ. Своимъ гладкимъ, прохладнымъ лбомъ она коснулась его влажной кожи и сразу отодвинулась. Упираясь въ его грудь

руками, не то отталкивая, не то задерживая его объятія, испытующе спросила Лиза:

— Аполлонъ Максимычъ, погодите. Вамъ не страшно? Я вѣдь не говорю, что я васъ люблю. Можетъ быть, и не люблю?

— Я не боюсь, — сказалъ онъ, и она услыхала слезы въ его голосѣ,—я такъ васъ люблю. Я знаю, я увѣренъ, что и вы меня полюбите...

Съ легкой, снисходительной жалостью приняла она его радость. И гордилась, что такой умный, сильный, выдающійся человѣкъ, — она думала, что онъ выдающійся — зависитъ теперь отъ ея улыбки, отъ ея настроенія. Для нея это неиспытанное чувство власти надъ чужой душой было самой пріятной частью ихъ жениховства. Тѣшили Лизу также приготовленія, новыя вещи, платья, бѣлье, вся подготовительная суета, дѣлавшая ее центромъ, самымъ главнымъ лицомъ въ семьѣ.

Аполлонъ Максимычъ робѣлъ и терялся передъ своей невѣстой. Весь домъ одобрительно посмѣивался надъ нимъ. А онъ, съ искреннимъ и простодушнымъ увлеченіемъ настоящаго влюбленнаго, не спускалъ съ нея глазъ, когда она была въ комнатѣ, и готовъ былъ часами говорить о ней съ кѣмъ угодно. Даже мать была подкуплена силой его чувства и, готовясь къ свадьбѣ Лизы, сама ожила, точно переживая собственную молодость. Всѣ ея помыслы, всѣ заботы сгустились около дочери-невѣсты. О Машѣ она нарочно старалась меньше думать. Хмурыя, отрывистыя письма старшей дочери нагоняли тоску. Дѣти хворают. Денегъ мало. Мужъ все въ клубѣ. А у нея зубы болятъ, вотъ уже полгода. И скучно очень.

Марьѣ Васильевнѣ казалось, что она должна на время отогнать отъ себя печальную тревогу о старшей дочери, чтобы не темнить то, что она простодушно считала Лизинымъ праздникомъ. Ей такъ хотѣлось вѣрить, что ея черноглазая, ласковая, любимая дѣвочка стоитъ на порогѣ тихаго, вѣрнаго, семейнаго счастья. Она была мать и носила въ своемъ сердцѣ непрестанную, напряженную мечту о счастьи дѣтей, и вѣрила, что оно должно придти, потому что они ея дѣти. Нѣжностью и жалостью своей, точно волшебнымъ заговоромъ, старалась она оградить ихъ, защитить, одарить. И не понимала, что передъ судьбой безсильна вся ея страстная кротость. Даже того, что дѣлается въ душѣ Лизы, не видала, и не чуяла и не понимала мать.

Уже просыпаясь, молодая дѣвушка тяготилась наступающимъ днемъ. Среди сбившихся за ночь темныхъ волосъ, ея хорошенькая головка на подушкѣ казалась совсѣмъ юной. Но въ

складкѣ розовыхъ, маленькихъ губъ, въ томъ, какъ сдвигались надъ темными глазами тонкія, черныя брови, было старившее ее страдальческое недоумѣніе. Зачѣмъ она это дѣлаетъ? Неужели никто, никто не понимаетъ, что она не хочетъ быть женой Рябова? Можетъ быть, кто-нибудь пойметъ и спасетъ ее. Она была увѣрена, что спасти долженъ кто-то другой, а не она сама. Но все-таки первая мысль съ утра была:

«А что, если я ему откажу?»

При одной возможности отказа сердце колотилось въ груди, какъ звѣрекъ, почуявшій свободу. Но тяжелая лапа снова опускалась на него. Слабая, неувѣренная въ себѣ Лиза была опутана условностями, застѣнчивостью. Самолюбіе, страхъ передъ тѣмъ, что скажутъ и подумаютъ, нежеланіе огорчить своихъ, сознаніе, что все равно идти некуда, держали ее. И была еще другая, самая затаенная и самая тягостная, связанность.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лиза стала невѣстой Рябова, она бывала у него на квартирѣ. Тамъ стояла темная, непривѣтливая мебель, доставшаяся Аполлону Максимовичу отъ родителей. Неуклюжими, деревянными складками спускались надъ окнами портьеры. Было душно и пыльно. Хозяйство вела молчаливая, высокая, темнолицая Пелагея, когда-то вынянчившая Рябова. Лиза робѣла передъ ней, и, когда звонила, каждый разъ вся сжималась. Ей было стыдно, что она приходитъ къ нему одна, и казалось что Пелагея осуждаетъ ее.

Рябовъ выбѣгалъ въ переднюю, велъ Лизу въ свой кабинетъ и говорилъ:

— Лизокъ!

Онъ клалъ руки ей на плечи, цѣловалъ ея лицо, медленно и крѣпко, такъ что на нѣжной, бѣлой кожѣ оставались слѣды. Теперь, оставаясь одни, они почти не разговаривали. Рябовъ только смотрѣлъ на Лизу новымъ, разгорѣвшимся взглядомъ и ласкалъ ее.

Сначала она сопротивлялась, даже сердилась.

— Нельзя же все цѣловаться... Сядь вонъ тамъ,—говорила она жениху, показывая на кресло по другую сторону стола.

Она не придумала для него никакого уменьшительнаго имени. Аполлонъ звучало слишкомъ торжественно. И поэтому она никакъ не называла его.

— Отчего нельзя?—спрашивалъ Рябовъ прерывающимся голосомъ и крѣпче прижималъ ее къ себѣ.

У нея кружилась голова, жуткая слабость разливалась по

горячему тѣлу. Когда его ласки становились смѣлѣе, въ ней росли и слабость, и тяжкое ощущеніе горечи и стыда. Каждый поцѣлуй прикрѣплялъ ее къ жениху, дѣлалъ ее его вещью, не потому, что отъ его ласки рождалась близость или радость, а потому, что эти поцѣлуи дѣлали ее темной и смутной. Лиза чувствовала, что они клеймомъ горятъ на ней. Но вмѣсто того, чтобы отогнать его, стряхнуть съ себя то, что въ самой глубинѣ своей дѣвичьей души она принимала какъ позоръ и униженіе, она становилась все покорнѣе и безвольнѣе. И ей казалось, что иначе быть не можетъ, что нѣтъ передъ ней другой дороги.

За нѣсколько дней до свадьбы, Лиза встрѣтила на улицѣ Струнскаго. Онъ весь вспыхнулъ веселой и яркой радостью, и отблескъ ея улыбкой разлился по лицу молодой дѣвушки. Мгновеніе они смотрѣли другъ другу въ глаза, свободные и счастливые, точно не было между ними ни разлуки, ни вещей, ни людей.

— Я съ утра зналъ, что васъ встрѣчу,—сказалъ онъ, и упрямыя, красныя губы улыбались влюбленно и нѣжно, смягчая остроту синихъ глазъ.

Она смотрѣла на его губы и вдругъ увидала другой, тоже красный, тоже всегда улыбавшійся ей навстрѣчу, мужской ротъ. Глухая боль судорогой сжала ея сердце, наполнила его страхомъ, тоской, отвращеніемъ къ себѣ. Онъ увидалъ эту боль въ ея глазахъ, съ тревогой спросилъ:

— Что такое?

— Ничего, рѣшительно ничего,—отвѣтила она, и уже отъ одного звука ея дѣланно-безпечнаго голоса онъ насторожился и отодвинулся.

Она замѣтила это и, съ отчаяніемъ и вызовомъ, прибавила:

— Вы какъ разъ кстати пріѣхали. Въ воскресеніе моя свадьба. Приходите. Я хочу, чтобы вы были шаферомъ. Я выхожу за Рябова.

Сколько разъ потомъ она видѣла сѣрую тѣнь, омрачившую милое лицо. Сколько разъ потомъ она пыталась задавать запоздалый вопросъ судьбѣ—а что было бы, если бы тогда, на шумномъ углу людной улицы, она довѣрчиво взяла бы за руку того, рядомъ съ кѣмъ всегда чувствовала себя настоящей, и свѣтлой, и юной? Что если бы она заставила его понять, какой приниженной и опозоренной чувствуетъ она себя съ тѣхъ поръ, какъ ея женихъ, по праву любви, осыпаетъ ее ласками. Что

заставило ее молчать? Дѣвичья гордость, самолюбивая стыдливость, или глубоко затаившееся еще не осознавшее себя, но уже властное женское, материнское начало, толкавшее ее къ тому хозяину, который лучше и крѣпче совьетъ гнѣздо для нея и для дѣтей. Не они ли, эти будущіе властители ея несложной жизни, еще не зачатые, еще не чаянные, уже направляли и связывали нити ея бытія?

Пока она была еще цвѣткомъ, тонкимъ, хрупкимъ, красивымъ, и эта красота туманила и скрывала и отъ нея, и отъ другихъ то другое, властное и важное, что должно было позже поглотить всѣ ея силы.

Еще разъ, въ послѣдній разъ, синіе, горячіе глаза пристально заглянули въ нее. Кровь поднялась отъ ея тоскующаго сердца, прилила къ лицу, къ ушамъ, къ шеѣ. Но, отчаяннымъ усиліемъ, точно ограждая себя отъ чего-то ужаснаго и непоправимаго, выдержала она и его взглядъ, и высокомѣрную, презрительную усмѣшку.

— Вотъ какъ?.. За Рябова? Очень радъ...—онъ на минуту остановился, потомъ усмѣхнулся.—Очень радъ... я тоже скоро женюсь.

Быстрымъ движеніемъ снялъ онъ передъ ней свою широкополую, мягкую шляпу и, забывъ протянуть ей руку, вошелъ въ толпу. Она видѣла его высокую, стройную спину, видѣла край свѣтло-русыхъ волосъ, золотившихся на затылкѣ. Потомъ онъ исчезъ.

Какъ съ похоронъ, пришла она домой, разбитая и усталая. Портниха ждала. Мать ласково и любовно пожурила:

— Что же это, Лизокъ? Вѣдь не успѣемъ къ воскресенію.

— Ну не успѣемъ и не надо,—глухо сказала молодая дѣвушка.

— Да ты что такая блѣдная?—съ тревогой спросила мать и, охвативъ ее за плечи, заглянула въ глаза.

Лиза закусила губы, чтобы не расплакаться. Развѣ сказать все матери? Отказать?.. При одной мысли объ этомъ, что-то тихое и твердое подымалось въ груди. Лиза подняла голову. Передъ ней стояла портниха и, предупредительно улыбаясь, держала въ рукахъ бѣлую, шелковую юбку съ длиннымъ трэномъ.

— Точно саванъ,—мелькнуло въ черноволосой головѣ и, съ новой для нея, презрительной улыбкой, въ которую она включала и себя, и жениха, и приданое, и всю жизнь, Лиза начала примѣрять свое подвѣнечное платье.

V.

Лиза проснулась отъ какого-то тревожнаго, тягучаго ощущенія во всемъ тѣлѣ. Зимній разсвѣтъ, еще похожій на ночь, холодно смотрѣлъ сквозь бѣлыя шторы. Аполлонъ Максимычъ крѣпко спалъ. Лиза тихо повернулась къ нему и вдругъ почувствовала тотъ потный, жирный запахъ, который, при каждомъ приближеніи мужа, вызывалъ въ ней желаніе отстранить его, пробуждалъ смутную тѣлесную тоску.

Этимъ запахомъ пропитана не только постель, спальня, но каждая вещь въ этой квартирѣ, гдѣ Рябовъ живетъ уже много лѣтъ. Молодая женщина прижалась щекой къ своему обнаженному, прохладному плечу; ей почудилось, что и ея кожа издаетъ тотъ же легкій запахъ тлѣнія.

Спазма поднялась къ ея горлу. Осторожно, чтобы не разбудить спящаго, она выскользнула изъ постели, отворила дверь, и босая, въ одной тонкой, бѣлой рубашкѣ, обошла столовую, кабинетъ, гостиную, заглянула даже въ маленькую переднюю, гдѣ въ темнотѣ висѣли черныя одежды, похожія на притаившіяся привидѣнія.

Лиза сама не знала, чего она хочетъ отъ этихъ комнатъ, окутанныхъ угрюмой, неуютной мглой... Она остановилась около большого письменнаго стола, посмотрѣла на аккуратно разложенныя синія папки съ бумагами, на свѣтло-бронзовый приборъ. Присѣла на высокое, обитое плюшемъ, кресло. Жесткій ворсъ кололъ голыя ноги. Она вскочила. Въ гостиной опять остановилась и, сложивъ тонкія, обнаженныя руки на груди, такъ что чувствовала локтемъ, какъ крѣпко стучитъ сердце, исподлобья оглядѣла диваны, кресла, стулья, два высокихъ столика, гдѣ тускло мерцали стекляшки неуклюжихъ канделябръ. Въ простѣнкѣ стояло высокое зеркало въ черной рамѣ. Блѣдной и призрачной увидала себя въ немъ Лиза. Шея, плечи и лицо казались такими же бѣлыми, какъ рубашка. Только глаза чернѣли, углубленные сумерками, да слабо розовѣли полуоткрытыя, искаженныя печалью губы. Лиза поспѣшно закрыла лицо руками, чтобы не видѣть своихъ собственныхъ глазъ. Горячей, прорвавшейся наконецъ, волной хлынулъ на нее стыдъ, нестерпимое, жгучее чувство позора и паденія, съ которымъ она боролась когда еще была невѣстой, которое она такъ страстно скрывала, отъ всѣхъ, даже отъ себя за эти мѣсяцы, когда Рябовъ, ставшій

ея мужемъ, дѣлалъ все, что хотѣлъ, съ ея напуганнымъ, тонкимъ тѣломъ.

Можетъ быть, страшнѣе всего было то, что она была увѣрена, что отецъ, и мать, и всѣ знаютъ и понимаютъ, что творится въ Рябовскомъ домѣ. И считаютъ, что такъ и надо, что это не страшное и отвратительное, а неизбѣжное и должное.

Все также полузакрывъ лицо руками, проскользнула она въ столовую и, дрожа, охваченная то холодомъ, то жаромъ, забилась въ глубокое, мягкое кресло, единственное, которое она взяла съ собой изъ материнской квартиры. Слезы, скупыя и злыя, медленно проступали на ея глазахъ, ничего не смывая, ни отъ чего не освобождая.

«Что вы со мной сдѣлали, что вы со мной сдѣлали»,— безсильно корила она кого-то.

Гдѣ-то совсѣмъ въ глубинѣ слышался голосъ:

— Уходи... Уходи изъ этого дома...

Но робко и неувѣренно звучалъ онъ. И въ отвѣтъ тѣнь горькой улыбки змѣилась около розовыхъ губъ:

— Куда же я пойду?—шептала она,—кому я нужна?

Приготовленія къ свадьбѣ, то, что было въ церкви, поздравленія, лица родныхъ и чужихъ, все наложило на нее цѣпи, сковало и безъ того слабую, не привыкшую проявляться, волю. Если она уйдетъ, всѣ догадаются, всѣ поймутъ, что она пережила за эти мѣсяцы. Нѣтъ, только не это. При одной мысли, Лизѣ казалось, что ее тащутъ голую на площадь.

Даже своимъ нельзя сказать. Развѣ свои поймутъ? Можетъ быть, Иванова... Но съ тѣхъ поръ, какъ стало ясно, что Рябовъ женится на Крутиковой, глаза Ивановой стали печальными. Варя Струнская,—та могла бы понять. Но она далеко. Да и не замужемъ она...

Изъ-за лица Вари глянуло другое, похожее на нее лицо, свѣтлое, съ твердымъ подбородкомъ, съ упрямыми красными губами и синими глазами. Слезы сразу высохли на темныхъ рѣсницахъ. Сдвинулись черныя брови. Плотно сомкнулись розовыя губы, точно онъ могъ издалека подслушать жалобы, вырывавшіяся изъ ея груди. Нѣтъ, такого униженія она не вынесетъ.

Опять, по ногамъ, по животу, по всему тѣлу прошла непріятная, похожая на судорогу, дрожь. Кресло уже не грѣло. Потянуло снова лечь, отдохнуть, заснуть, забыться отъ того, что подстерегало въ углахъ этой чужой квартиры, считавшейся для нея домомъ.

Она вернулась въ спальню и легла, стараясь не глядѣть

на мужа, сдерживая дыханіе, чтобы не такъ сильно слышать его запахъ.

Рябовъ былъ счастливъ. Это было не въ его натурѣ. Онъ прожилъ до тридцати лѣтъ, не замѣчая и не чувствуя своей молодости. И людей онъ не замѣчалъ. Просто не умѣлъ смотрѣть на нихъ. Въ семьѣ у нихъ было холодно, да и распалась она рано. Осталась только тетка, любившая Аполлошу тяжелой и нескладной, стародѣвичьей любовью. Къ ея заботамъ, къ ея вниманію онъ привыкъ, а отъ ея причудъ холодно отмахивался. Это было не трудно, потому что она жила гдѣ-то на сѣверѣ, въ маленькой, глухой усадьбѣ. До сихъ поръ не было ни одного человѣка, ради котораго Рябовъ поступился бы своими желаніями, а тѣмъ болѣе своимъ настроеніемъ. Мысли другихъ людей, въ особенности ихъ несогласіе съ его собственными мыслями, вызывали въ немъ раздраженіе, а часто и прямую враждебность. То, что было въ книгахъ, онъ еще старался понять, но живая, человѣческая душа была для него всегда закрытой книгой. Большое, вѣчно несытое самолюбіе толкало его въ сторону тѣхъ, кто не только соглашался, но и до извѣстной степени любовался имъ. Но друзей у него не было.

Въ самомъ началѣ близости съ Лизой его томила и колола тревога—достаточно ли ясно эта черноглазая, манящая и замкнутая дѣвушка видитъ его, Рябова, превосходство. Она тихо слушала и рѣдко возражала, но порой, среди разговора, онъ, несмотря на всю свою ненаблюдательность, подмѣчалъ на ея лицѣ что-то далекое и туманное. И тогда влеченіе къ ней становилось еще сильнѣе, точно она была привидѣніемъ, ускользающимъ и соблазнительнымъ. Неуклюже и робко старался онъ понять ее, приладиться къ смѣнѣ настроеній, которую не столько видѣлъ, сколько чувствовалъ влюбленной душой.

Самъ не сознавая того, онъ робѣлъ передъ Лизой, боялся непонятной прозрачности ея глазъ, ея скупой на слова души.

Но по мѣрѣ того, какъ первая влюбленность переходила въ страсть, робость исчезала. Все легче забывалось, что передъ нимъ не только живое женское тѣло, но и живой человѣкъ. Лиза была слишкомъ молода и слишкомъ цѣломудренна, чтобы справиться съ его самоувѣренной, слѣпой чувственностью. Ея покорность Рябовъ считалъ молчаливымъ согласіемъ, и удовлетворялся этимъ и былъ счастливъ.

Суровая, темнолицая Пелагея, которую Лиза все еще немножко побаивалась, подала молочный кисель и вышла. Небольшая, висячая лампа съ бѣлымъ колпакомъ освѣщала столъ и бѣлыя руки Рябова. Ѣлъ онъ быстро, широко открывая ротъ, такъ что виденъ былъ рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ.

— А вѣдь онъ и меня такъ съѣсть можетъ,—мелькнуло въ головѣ молодой женщины.

Она сдержала улыбку. Съ тѣхъ поръ, какъ мужская воля вплелась въ ея ровную, дѣвичью жизнь, незамѣтно для себя научилась она затаенности. Откровенной она никогда не была, не съ кѣмъ было, но какъ-то затуманилась ея первая, прежняя прямота. Быть можетъ, потому, что новыя, нахлынувшія на нее переживанія были такъ спутаны, наполнили ее такимъ хаосомъ, что она перестала видѣть передъ собой прямую дорогу.

Рябовъ все-таки замѣтилъ въ ея глазахъ усмѣшку и тѣмъ игривымъ, ребячливымъ голосомъ, которымъ часто говорилъ съ ней, съ тѣхъ поръ какъ привелъ ее въ свой домъ, спросилъ:

— Какіе у нашего Лизочка бѣсенятки въ душѣ?

Она терпѣть не могла, когда онъ такъ разговаривалъ съ ней. Даже мурашки по спинѣ бѣгали, точно кто-то пробку мялъ пальцами. И всегда хотѣлось чѣмъ-нибудь уколоть его. Какими-то путанными ассоціаціями, подыскивая что-нибудь въ оправданіе своего недоброжелательства къ мужу, она вдругъ сообразила, что ту таинственную гостью, которую пріютилъ у себя Струнскій, отлично можно было устроить здѣсь, въ Рябовской квартирѣ. Лиза злорадно почувствовала, что можно наконецъ дать исходъ глухому, подчасъ нестерпимому раздраженію противъ этого довольнаго человѣка, рядомъ съ которымъ она теперь жила. Съ лукавымъ спокойствіемъ она отвѣтила:

— Бѣсенята? Нѣтъ! Я думала о той твоей пріятельницѣ...

— Какая? Иванова?

Онъ усмѣхнулся. Ему почудилось въ голосѣ жены что-то колющее, пожалуй, ревность. Это было пріятно.

— Иванова? Нѣтъ. Та, блѣдная, которую я должна была прятать. Казачка... Отчего ты ее тогда у себя здѣсь не спряталъ?

Улыбка не сразу сбѣжала съ его щекъ. Эта смѣсь улыбки и удивленія придавала его лицу растерянный видъ. Лиза и отъ этого испытала затаенное удовлетвореніе.

— Какъ у себя? Неужели, Лизочка, ты и сейчасъ не понимаешь моего положенія?

— Какого положенія?

Теперь Рябовъ понялъ, что она нарочно придирается. Онъ

всталъ, оперся бѣлыми руками на край стола и мягко, но наставительно произнесъ:

— Послушай, ты не ребенокъ. И я хочу, чтобы ты совершенно сознательно относилась къ окружающему. Мое прошлое,—онъ подчеркнулъ это слово,—требуетъ отъ меня особенной осторожности Я еще надѣюсь поработать, когда придетъ время. Тѣмъ болѣе непростительно было бы для меня совершать опрометчивость, совершенно безполезную.

Молодая женщина тоже встала, и гляля ему въ лицо блестящими, черными глазами, уже съ явнымъ издѣвательствомъ, тихо сказала:

— Да?.. Значитъ, ты себя бережешь... А я не догадалась...

Краска вдругъ залила шею и лицо Рябова. Онъ схватилъ салфетку, бросилъ ее на полъ и, не разсчитавъ голоса, крикнулъ:

— Я не ждалъ въ тебѣ столько бабства!

Это была первая ихъ ссора. Рябовъ хотѣлъ уйти, наказать ее, оставить одну. Но, когда вошелъ въ переднюю и увидалъ на вѣшалкѣ ея свѣтло-синее пальто съ большими перламутровыми пуговицами, онъ вдругъ почувствовалъ, что не можетъ уйти, что ему надо сейчасъ, сію минуту, увидать ея бѣлое лицо, узнать, что она дѣлаетъ, какіе у нея сейчасъ глаза.

Онъ вернулся, отыскалъ Лизу на креслѣ въ столовой, и цѣловалъ, и корилъ, и мирился. Потомъ они поѣхали въ театръ. Тамъ какой-то пожилой морякъ, съ молодыми, смѣющимися глазами, слишкомъ пристально разсматривалъ ея тонкую, плотно охваченную сѣрымъ платьемъ фигуру, ея свѣтлое лицо, на которомъ еще темнѣе казались черные глаза. Ревнивая злоба и самолюбивая удовлетворенность поднялись въ душѣ Рябова. Встрѣчая веселый, любующійся взглядъ моряка, онъ въ первый разъ подумалъ, что его жена, молодая и красивая, и для другихъ можетъ быть желанна. Во время дѣйствія, когда въ залѣ было темно, онъ наклонился къ Лизѣ и, крѣпко сжимая ея суженную перчаткою руку, взволнованно прошепталъ:

— Я тебя никому не отдамъ!

Она отвѣтила ему молчаливой улыбкой, и въ полумракѣ что-то блеснуло въ ея глазахъ, милое и нѣжное, отъ чего сердце Рябова забилось горячо и радостно.

Тягучая тѣлесная тревога повторялась теперь все чаще. Когда Лиза узнала, что это беременность, она растерялась... Ребенокъ... Значитъ, навсегда, на всю жизнь, связана съ Апол-

лономъ. До сихъ поръ ей все мерещилось, что и его любовь, и его ласки, и ихъ бракъ, все это можетъ какъ-нибудь сразу исчезнуть. Что-то случится, кто-то придетъ, и она опять станетъ свободна. Но то новое, совсѣмъ непонятное и жуткое, что творилось сейчасъ въ нѣдрахъ ея тѣла, наполнило ее сознаніемъ обреченности, безысходности.

Марья Васильевна уловила растерянность въ глазахъ дочери и, съ трудомъ сдерживая слезы умиленія и жалости, взяла ее за плечи:

— Лизокъ, дорогая, не бойся! Слаще дѣтей ничего у насъ нѣтъ!

Для Лизы пока это были мертвыя слова. Что ей чужой опытъ? Развѣ чужія переживанія намъ что-нибудь говорятъ?

То, что происходило въ ней самой, было для нея неслыханнымъ, небывалымъ.

Если бы она умѣла находить точныя слова для своихъ ощущеній, она сказала бы, что чувствуетъ себя растеніемъ и слышитъ, какъ тихо двигаются въ подземной тьмѣ хрупкіе корешки, какъ наростаютъ клубки листьевъ, и почекъ, и цвѣтовъ.

Но не было въ ней словъ, а было только все углубляющееся желаніе молчать и прислушиваться. Было жутко. Но уже сквозь страхъ брезжила радость.

Лучше всего Лиза чувствовала себя по утрамъ. Даже въ ихъ квартиру, черезъ узкій, похожій на колодецъ, дворъ забиралось апрѣльское солнце, желтыми пятнами ложилось на крашеный полъ, поблескивало на граненой головкѣ флакона, ласкало бѣлыя руки Лизы. Она устроила себѣ въ спальнѣ у окна уголокъ, поставила рабочій столикъ, перенесла сюда кресло изъ столовой и по цѣлымъ днямъ шила бѣлье для будущаго ребенка. Отъ этихъ маленькихъ вещицъ исходило тепло. Работая иголкой, Лиза чувствовала себя уравновѣшенной и *нужной*. Уже давно, быть можетъ съ ранняго дѣтства, не испытывала она такого покоя и ясности. Теперь всѣ мелочи дома становились понятнымъ и своими. День за днемъ Лиза овладѣвала подробностями домашняго склада, въ центрѣ которыхъ стоитъ хозяйка. Темное лицо Пелагеи уже не казалось такимъ страшнымъ.

Раябова занимала эта новая, неожиданная для него, домовитая энергія жены. Раньше онъ любовался ея изящной хрупкостью, она казалась ему чѣмъ-то необычайнымъ и праздничнымъ. Теперь она сидитъ и штопаетъ его носки или, слегка наморщивъ тонкія брови, дѣловито говоритъ:

— Аполлонъ, мнѣ эти дни не нравятся счета Пелагеи. Я знаю, она честная, но она ужасно нехозяйственная.

Раньше она рѣдко называла его по имени. Оно казалось ей холоднымъ и претенціознымъ. Но теперь «Аполлонъ» легко и свободно слетало съ ея языка. Вѣдь онъ отецъ того невидимаго существа, присутствіе котораго она чувствуетъ въ своихъ нервахъ, мускулахъ, въ каждой каплѣ своей крови, ожиданіе котораго мѣняетъ все кругомъ нея. Чѣмъ больше росъ ребенокъ, уродуя тѣло матери, дѣлая ее некрасивой и тяжелой, тѣмъ ближе придвигалась Лиза къ тому, чьи ласки сдѣлали ее матерью.

VI.

Къ Рябову пришли его товарищи по школѣ. Лиза не знала ихъ и осталась сидѣть въ столовой, пока мужъ не позвалъ ее. Она видѣла, что ему нравится показывать ее, что онъ гордится ею. Конфузясь, она мелькомъ взглядывала на мужа, точно ища у него опоры и одобренія.

— Ну вотъ, Рябовъ, теперь и ты по-человѣчески устроился. Молодецъ—сказалъ одинъ изъ гостей, высокій, худой человѣкъ, съ умными, свѣтлыми усами и усталыми глазами.

Рябовъ понялъ, что, значитъ, даже со стороны видно, какъ умно и счастливо онъ сумѣлъ жениться, и улыбнулся, польщенный и довольный.

— Ну, Бросовскій, за то ты дѣлаешь блестящую карьеру. Каждому свое.

— А кто же тебѣ мѣшаетъ?—спросилъ другой гость, съ красивымъ и наглымъ смуглымъ лицомъ.—Голова на плечахъ у тебя, слава Богу, есть...

— Можетъ быть, это и мѣшаетъ,—добродушно отшутился Рябовъ.

Бросовскій укоризненно покачалъ головой.

— Вотъ тутъ, мнѣ кажется, ты и не правъ,—осторожно возразилъ онъ.—Ты теперь женатъ, ты долженъ думать о женѣ, о будущемъ. Пора бросить юношескую фанаберію.

Рябовъ всталъ и, немного театральнымъ жестомъ, опустилъ руку на вздрогнувшее отъ неожиданнаго прикосновенія плечо Лизы.

— Продолжай! У меня не только жена, но и ребенокъ скоро будетъ. Значитъ, по-твоему я долженъ отказаться отъ того, что ты считаешь фанаберіей, а я—принципами?

Лиза не успѣла отвести глаза, встрѣтила въ упоръ взглядъ

усталыхъ глазъ и почувствовала, что съ другой стороны, на нее, съ легкой усмѣшкой, смотритъ тотъ, черный. Ей показалось, что мужъ разсказалъ имъ все, что было въ ихъ совмѣстной жизни интимнаго и скрытаго. Она была благодарна, что Бросовскій сейчасъ же отвернулся отъ нея, точно не замѣтилъ, какъ ея щеки стали почти одного цвѣта съ губами.

— Я знаю, что ты человѣкъ принциповъ, — сказалъ Бросовскій, и его тонъ, гдѣ слышалось неподдѣльное уваженіе, еще больше успокоилъ ее: такъ было сейчасъ пріятно все, что утверждало силу Рябова, дѣлало его значительнѣе и лучше.— Но вѣдь надо же жизнь прожить.

— Не будемъ говорить объ этомъ, — рѣзко и властно, тѣмъ голосомъ, которымъ онъ спорилъ у Ивановой, оборвалъ гостя Рябовъ.—Я радъ, что вы пришли. Но убѣжденія наши діаметрально противоположны. Лучше разскажи мнѣ о своихъ раскопкахъ. Много нашелъ интереснаго?

Разговоръ перемѣнился. Гости скоро ушли.

Лиза, усталая, легла. Но Рябовъ не приходилъ. Она слышала, что онъ быстрой, неровной походкой ходитъ по кабинету. Ей стало скучно и тревожно. Накинувъ ситцевый капотикъ, она, босая, побѣжала къ нему.

— Ты что, Аполлонъ? Тебя что-нибудь тревожитъ?

Она взяла его за руку, повыше локтя и прижалась къ нему. Вмѣсто того, чтобы обнять ее, онъ съ досадой сказалъ:

— Лиза, что ты? Развѣ можно такія штуки дѣлать? Съ твоимъ животомъ, бѣгать босикомъ по комнатамъ.

Она сжалась, и смутилась, и застыдилась, что у нея такой животъ. Рябовъ, не замѣчая ничего, подвелъ ее къ дивану.

— Садись... Ну вотъ такъ... Тревога? Никакой у меня нѣтъ тревоги! Только эти господа для меня живое воплощеніе всей пошлости, которая такъ къ горлу и подступаетъ...

— Какіе господа?—съ недоумѣньемъ спросила Лиза.—Вѣдь это твои товарищи?

— Товарищи!—презрительно перебилъ Рябовъ, и опять она услыхала прежній хлещущій голосъ, которымъ онъ давно уже не говорилъ.—Потому что мы вмѣстѣ, на одной скамьѣ, слушали дурацкія лекціи идіотовъ профессоровъ, мы должны числиться товарищами? Какой вздоръ! Что общаго между мной и Бросовскимъ? Онъ богатый малый, государственный младенецъ, который сдѣлаетъ карьеру благодаря мамашѣ, а самъ ничѣмъ не интересуется, кромѣ бабъ, да своихъ дурацкихъ черепковъ. Или

этотъ Липкинъ. Уже успѣлъ жениться на богатой купчихѣ и, говорятъ, ворочаетъ фабрикой. Снимаетъ съ пролетарія рубаху... Паразиты...

Рябовъ опять тяжело шагалъ по комнатѣ. Лиза слѣдила за нимъ глазами. Чѣмъ-то холоднымъ и жесткимъ вѣяло на нее отъ его словъ. Зачѣмъ же онъ улыбался имъ, задерживалъ, разспрашивалъ? А онъ продолжалъ, не для нея, а для себя, чтобы дать исходъ своему раздраженію:

— Я же знаю, что я не только честнѣе, но и умнѣе ихъ. И вотъ я долженъ, за какіе-то гроши, писать жалкія бумаги, работать на банковскихъ толстосумовъ. Долженъ, долженъ, долженъ... Какъ батракъ, какъ рабъ...

Онъ остановился и закрылъ лицо рукой.

— Послушай...—Лиза не сразу нашла слова.—Если это тебѣ трудно... Уйди...

— Уйди! Куда? А жить какъ?—онъ обернулся къ ней, и она увидала сухіе, колючіе глаза, ноздри, вздрагивавшія отъ злобы, щеки, поблѣднѣвшія отъ волненія.

Такимъ она никогда его не видала, и не знала, и не могла ни понять, ни взвѣсить всю тяжесть голоднаго самолюбія, проснувшагося въ немъ отъ встрѣчи съ удачниками.

Она иначе, по-своему, поняла его настроеніе, и то неопредѣленное тяготѣніе къ добру, которое смутно тосковало въ ней, которое, быть можетъ, сильнѣе всего остального отдало ее во власть этого, пострадавшаго за свои убѣжденія, казавшагося ей умнымъ, человѣка, вспыхнуло, жаждой подвига и жертвы опаливъ ея не смѣлую, не оформленную душу. Не вставая съ дивана, даже крѣпче прижимаясь къ нему, съ бьющимся отъ волненія и непонятной радости сердцемъ, Лиза заговорила тихо, не глядя на мужа, точно боясь, что онъ увидитъ то большое и горячее, что хлынуло на нее.

— Послушай, Аполлонъ. Я давно хочу сказать. Мнѣ кажется, что мы такъ живемъ изъ-за меня. Ты думаешь, что я... что мнѣ надо, ну, удобства что ли... Такъ вотъ... Это совсѣмъ не такъ... Мнѣ ничего не надо. Я ничего не боюсь... Будемъ жить такъ, какъ надо жить.

Рябовъ остановился. Лампа освѣщала только письменный столъ. Надъ диваномъ висѣла сѣрая мгла, сквозь которую призрачно проступало блѣдное лицо молодой женщины. Только слабо розовѣлъ ротъ, темнѣли пятна маленькихъ, красиво очерченныхъ, ноздрей, да такія же темныя пятна оттѣняли глубину глазъ. Рябовъ не узнавалъ этого лица и не ощущалъ его утон-

чившейся красоты. Напротивъ, оно показалось ему немолодымъ и враждебнымъ.

— Я не понимаю. Что ты говоришь?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Ну да, я не умѣю говорить... Помнишь, когда мы возвращались изъ коммуны... Ты говорилъ, что вмѣстѣ намъ легче будетъ жить такъ, чтобы исполнять свой долгъ передъ народомъ. Вѣдь такъ ты говорилъ?

— Ну?—еще нетерпѣливѣе повторилъ онъ.

— Такъ вотъ, я не хочу, чтобы ты меня берегъ, я не хочу, чтобы изъ-за меня ты шелъ на сдѣлки съ совѣстью. Я не такая слабая, какъ ты думаешь.

Твердо, почти торжественно произнесъ молодой голосъ эти слова, которыя самъ Рябовъ такъ любилъ произносить. Но теперь онъ слушалъ ихъ недовѣрчиво и раздраженно.

— Совершенно не могу взять въ толкъ, что ты отъ меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты былъ свободенъ. Ну вотъ служба. Зачѣмъ тебѣ? Оставь... Поищи что-нибудь по душѣ...

Все съ большимъ усиліемъ падали слова съ ея губъ. Отъ лица, отъ позы, отъ голоса мужа вѣяло такой безнадежностью. И умеръ восторгъ, вспыхнувшій въ душѣ.

«Ну что-жъ... Пусть... Одна, такъ одна»... пронеслось гдѣ-то въ глубинѣ, и противная, давящая усталость охватила тѣло.

— Уйти со службы? Отлично. А кто же насъ кормить будетъ? Ты?—язвительно спросилъ Рябовъ, все еще издали разглядывая Лизу, точно это была чужая женщина, имѣвшая дерзость давать ему совѣты.

Она встала и, слегка опустивъ голову, чтобы спрятать отъ него лицо, пошла къ двери. Онъ удержалъ ее за руку.

— Ну, конечно... Теперь ты обижена?

Послѣ того оскорбительнаго и безнадежнаго, что пережила она въ то мгновеніе, когда поняла, что ея жажда настоящей, правильной жизни не находитъ въ немъ отклика, его иронія не могла уже задѣть ее.

— Обижена? Нѣтъ. И вообще...

— Что вообще?

Онъ взглянулъ ей въ лицо, увидалъ усталые, точно потухшіе глаза и блѣдную улыбку.

— Вообще, дѣлай, какъ знаешь.

— Дѣвочка,—сказала женщина въ бѣломъ передникѣ, съ потнымъ и краснымъ лицомъ.

«Дѣвочка... значитъ и она когда-нибудь...»—Лиза не могла даже мысленно договорить—и она когда-нибудь будетъ такъ мучаться. Это была не усталость. Это было чувство безконечной пустоты и протяженности. Подошвы собственныхъ ногъ, концы пальцевъ стали далекими и легкими. Точно ребенокъ, рождаясь, опустошилъ и вытянулъ каждую жилу. А надъ физической болью, измученностью, ужасомъ, усталостью свѣтило мягкое, безконечно щедрое сознаніе — такъ и надо, такъ и надо...

Мужъ, стоя на колѣняхъ, неловко тыкался лицомъ въ ея маленькую руку, неподвижно лежавшую на краю кровати. Онъ плакалъ и она, утѣшая его, слабо прижимала ладонь къ его горячимъ, мокрымъ щекамъ.

Съ другой стороны стояла мать, и Лиза, не глядя, знала, что изъ милыхъ, близкихъ глазъ тоже капаютъ маленькія, знакомыя слезинки.

Такъ и надо... Такъ и надо...

VII.

Ребенокъ все наполнилъ и всѣхъ оттѣснилъ. Маленькое, красное, мягкое, точно безкостное тѣльце внушало матери любовный ужасъ. Не только днемъ, но и ночью, во время сна, она непрестанно ощущала его безпомощность и хрупкость. Тепло ли Ирочкѣ? Хорошо ли она спеленута? хватитъ ли молока? не дуетъ ли изъ сосѣдней форточки? Эти озабоченныя, мелкія, часто вызывавшія въ постороннихъ снисходительную улыбку, мысли были раздробленными проявленіями великой, могучей въ своей стихійности, страсти къ ребенку, которая цѣликомъ, до краевъ наполнила душу молодой матери.

Колющее. недоумѣнное ожиданіе, туманившее ея жизнь съ тѣхъ поръ, какъ она связала ее съ жизнью Рябова, на время умолкло. Все стало теперь ясно и несомнѣнно, потому что это все замкнулось въ дѣтской, гдѣ за бѣлой кисеей краснѣло крохотное, полное значенія, личико.

Когда личико это было спокойно, когда дѣвочка спала или улыбалась, или, съ той значительной важностью, которая свойственна только маленькимъ дѣтямъ и старымъ старикамъ, покрякивая, сучила по воздуху ногами и руками, тогда и на душѣ

матери было спокойно и безмятежно. Но стоило Ирочкѣ нахмуриться, запищать, и Лиза волновалась, точно на домъ уже надвигалось страшное бѣдствіе.

Лиза опять стала тоненькой и бѣленькой, извозчики и приказчики опять называли ее барышней. Это ей скорѣе нравилось. Но въ то же время сложная и трудная задача материнства возвышала ее въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ окружающихъ, и она сама чувствовала себя уже женщиной, а не дѣвочкой.

Даже Пелагея, властная и строгая старуха, гордая своимъ дѣвичьимъ безплодіемъ, признала наконецъ авторитетъ барыни.

Рябова и занимала, и восхищала эта новая Лиза. Онъ все еще былъ влюбленъ въ жену. То, что онъ испыталъ, когда видѣлъ ея искаженное родовыми муками лицо, прибавило къ его влюбленности смутную осторожность и несознанное признаніе той особой, женской, опасности, которая таится въ самой глубинѣ ея существа, придавая ея жизни хрупкость и неустойчивость.

Если бы Лиза хотѣла и умѣла говорить, она могла бы превратить эту новую его нѣжность въ болѣе глубокое уваженіе къ себѣ. Но въ ней было слишкомъ мало чувства самосохраненія. А главное, она просто его не любила.

И все-таки для Рябовыхъ это было лучшее время. Но пролетѣло оно такъ скоро, что не успѣло ни сблизить ихъ, ни свѣтлой полосой протянуться черезъ сѣрую мглу ихъ жизни.

Удобно уставивъ ноги на скамейкѣ, Лиза кормила Ирочку. Былъ уже вечеръ. Ребенка только-что выкупали. Няня убирала въ сосѣдней дѣтской воду и мокрыя пеленки. Оттуда шелъ парной, теплый воздухъ, придававшій комнатѣ вечернюю уютность. Лампа, съ бѣлымъ абажуромъ, стояла на старомъ, краснаго дерева туалетѣ. Сдвинутыя рядомъ кровати бѣлѣли. Молодую женщину охватывало пріятное чувство покоя. За день все было передѣлано, что нужно для Ирочки. Вотъ она здѣсь, теплая, тихая, безцѣнная, близко, близко. Вѣдь настоящее спокойствіе только тогда, когда ребенокъ на рукахъ. Крѣпкія, дѣтскія губы, припавшія къ груди, возстановляютъ порвавшуюся съ родами тѣлесную связь матери и ребенка. Не отдѣлить, не отличить, гдѣ Лиза, гдѣ Ирочка.

Раздался звонокъ. Лиза насторожилась, но, увидавъ, что Ирочка, уже сытая, все также дремлетъ и только изрѣдка, во

снѣ, со вздохомъ тянетъ молоко, успокоилась. Довѣрчиво и дружески ждала она мужа. Онъ не обѣдалъ. Она знала, что онъ пошелъ къ товарищу, чтобы хлопотать о повышеніи. Очень трудно жить въ Петербургѣ втроемъ на 150 рублей. Какъ она ни старалась, все не хватало.

— Лиза, ты скажи Пелагеѣ, что нельзя въ такомъ видѣ дверь отворять,—громко сказалъ Рябовъ, и она по голосу поняла, что онъ не въ духѣ.

— Тише, Аполлонъ, Ирочка... — шепотомъ отвѣтила Лиза.

Но онъ не понизилъ голоса.

— Ахъ, Господи... Слова съ тобой нельзя сказать. Отнеси ребенка къ нянькѣ.

И сразу прежняя колючая настороженность противъ этого человѣка поднялась въ ней. Какой ребенокъ? Не ребенокъ, а Ирочка. Зачѣмъ онъ такъ говоритъ? Она крѣпче прихватила маленькій, закутанный въ конвертикъ, комочекъ и, осторожно сгибаясь надъ нимъ, прошла въ дѣтскую.

— Нельзя же такъ... Надо же ей заснуть.

Въ дѣтской она сѣла на нянину кровать. Ирочка съ закрытыми глазами вся потянулась, разжала губы, почмокала ими и задышала глубоко и ровно. Она спала, но матери было жалко отстраниться, прервать ту ясную сладость, которую она всегда испытывала во время кормленія. И еще потому не хотѣлось класть ее въ кровать, что тогда надо идти къ мужу.

Онъ пришелъ самъ. Онъ не могъ молчать. Но въ дѣтской и онъ сильнѣе поддавался власти ребенка и заговорилъ тише.

— Ты знаешь, какую со мной сдѣлали гадость? Дѣлопроизводителемъ назначили не меня, а Воскресенскаго... Этого идіота... Онъ будетъ начальствомъ... Надо мной?! Человѣкъ, который даже университета не кончилъ... Если бы не семья, я завтра же плюнулъ бы на нихъ.

Лиза осторожно встала, положила Ирочку въ постель, убѣдилась, что она спитъ, и тогда только дѣловито взяла мужа подъ руку. Она поняла, что гнѣзду грозитъ какая-то опасность, и сразу вся насторожилась. Въ мозгу заметались обрывки бодрящихъ мыслей о правдѣ, о борьбѣ, которыя самъ же Рябовъ пытался внушать ей, раньше, давно. Давно не по годамъ, а по тѣмъ перемѣнамъ, которыя пронеслись за это время надъ ея душой и тѣломъ.

— Какъ же они смѣютъ? Вѣдь это же несправедливо?— сказала она, останавливаясь въ столовой.

Рябовъ презрительно повелъ губами и заговорилъ язвительнымъ, свистящимъ голосомъ, которымъ говорилъ съ противниками:

— Наивный вопросъ! Кажется, ты уже не ребенокъ... Такія вещи спрашиваешь, точно не понимаешь, что имъ нечего со мной церемониться. Кто я такой? Политическій преступникъ... Больше ничего.

— Ну, какой же ты преступникъ,—съ улыбкой перебила Лиза.

Эта улыбка окончательно взорвала Рябова. Ему почудилось въ ней то, чего онъ больше всего боялся,—непризнаніе его исключительности, его героизма.

— Положимъ, въ этомъ они, можетъ быть, и правы. Я всей душой ненавижу существующій строй. Въ этомъ весь смыслъ моего существованія. Это мой категорическій императивъ. Впрочемъ, извини, ты этого не понимаешь. Ты, конечно, увѣрена, что я обязанъ жить ради семьи? Ну скажи, увѣрена?

Лиза вздрогнула, точно отъ неожиданнаго удара. Этотъ человѣкъ, съ гладко причесанными волосами, съ маленькими глазами, злобно глядѣвшими на нее изъ-подъ припухшихъ вѣкъ, съ ярко-красной, сердито выдвинутой впередъ губой, вѣдь это отецъ Ирочки. Тамъ, въ дѣтской, спитъ маленькое созданіе, неразрывно связавшее ее, Лизу, съ Рябовымъ. Зачѣмъ же онъ говоритъ и смотритъ такъ, что снова встаетъ въ ней брезгливая недоброжелательность первыхъ дней, что квартира, вещи, она сама, все тускнѣетъ, все становится тяжелымъ.

— Да нѣтъ, Аполлонъ, ты не понимаешь... Твои убѣжденія, я же знаю, какъ они тебѣ дороги... Конечно, плюнь на нихъ, на этихъ людей...

Театральнымъ жестомъ Рябовъ сложилъ руки на груди и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ на нее, точно изучая незнакомое ему лицо.

— Удивительно,—съ разстановкой произнесъ онъ,—неужели ты до сихъ поръ не понимаешь реальныхъ условій жизни? Что же мы будемъ акридами и дикимъ медомъ питаться? Или, можетъ быть, твои родители отвалятъ намъ капиталецъ?—онъ захихикалъ и продолжалъ:—Что они дали? Три стула и три платья. А? Небось папенька-то твой какое жалованіе теперь загребаетъ. Или старикашка самъ пожить любитъ?

— Не смѣй такъ говорить о нихъ, не смѣй!—крикнула Лиза.

Она выбѣжала въ переднюю, одѣлась и ушла къ матери.

Она ни слова не сказала, что произошло между нею и мужемъ. Только посидѣла въ столовой, посмотрѣла, какъ мать раскладываетъ пасьянсъ. Въ большой квартирѣ стояла старческая тишина. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ за бумагами. Ни брата, ни сестры не было дома, и жалость къ одиночеству, такъ ясно копившемуся вокругъ матери, сжимала сердце Лизы. Почему-то и за себя было страшно.

— Ты что, Лизокъ?—спросила Марья Васильевна и вопросительно посмотрѣла на нее угасшими, разучившимися смѣяться, сѣрыми глазами.

— Ничего, мамочка, просто соскучилась, хотѣла на васъ посмотрѣть. Я теперь пойду.

— А чай пить? Вѣдь спитъ Ирочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя. Вдругъ проснется? Няня очень ненадежная.

Такъ и ушла, ничего не сказавъ, унося въ сердцѣ всколыхнувшееся предчувствіе одиночества, трудности, унизительности жизни.

Съ этого вечера что-то запутанное, липкое, давящее забралось въ Рябовскій домъ, да такъ, навсегда и поселилось въ немъ. День за днемъ, слово за словомъ вставала, и уплотнялась, и ощетинивалась стѣна непониманія между женой и мужемъ. Не было въ нихъ той гибкости, того умѣнія и желанія заглянуть въ душу другого, считаться съ ней, приладиться къ ея извилинамъ, къ ея свѣтлымъ и темнымъ переходамъ, безъ которыхъ люди всегда будутъ колоть и ранить другъ друга.

Лиза замыкалась въ дѣтской, какъ въ крѣпости. Хозяйство и ребенокъ наполняли утренніе часы. Мужъ уходилъ на службу. Безъ него квартира становилась просторнѣе и свѣтлѣе, а Лиза чувствовала себя свободной и необходимой.

Ночью она не принадлежала себѣ. Сначала робко пыталась она обороняться своимъ материнствомъ. Рябовъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Глупости. Это все твой Жукъ выдумалъ.

Для нея дѣйствительно книга Жука была единственнымъ авторитетомъ и, разъ мужъ этотъ авторитетъ не призналъ, ей было не на что опереться. Добровольно, безъ насилія, отдала она Рябову свою жизнь. Онъ былъ отцомъ ея Ирочки, онъ обязанъ былъ ограждать и мать, и ребенка отъ житейскихъ толчковъ. За это онъ имѣлъ право пользоваться ея тѣломъ, и дѣлалъ это съ такой же самоувѣренной жадностью, съ какой съѣдалъ заработанный обѣдъ.

Набравшись храбрости и преодолѣвая свой, еще неостывшій отъ замужней жизни, стыдъ передъ словами, Лиза говорила ему:

— Ну, ты пойми... Ну, просто мнѣ этого не надо.

Въ эту коротенькую фразу она вкладывала всю способность къ самозащитѣ, живущую въ ея слабой душѣ, всю мольбу о помощи и пощадѣ, бившуюся въ ней. И, кто знаетъ, быть можетъ, если бы Рябовъ понялъ, если бы онъ сумѣлъ сквозь возбуждавшій его блескъ ея черныхъ глазъ увидать ту усталую и въ то же время удовлетворенную тишину, которую принесло ей материнство, если бы онъ поберегъ, пощадилъ ее, ихъ совмѣстная жизнь могла бы стать достойнымъ и свѣтлымъ человѣческимъ союзомъ.

Но Рябовъ смотрѣлъ на вещи очень просто и, какъ ему казалось, логично. Эта тоненькая женщина съ бѣлыми, блестѣвшими при свѣтѣ лампы, плечами, съ густыми волосами, рѣзко чернѣвшими на подушкѣ, была его жена. Она носитъ его имя, живетъ въ его квартирѣ, спитъ въ его комнатѣ. О чемъ же тутъ разговаривать?

Онъ считалъ, что имѣетъ право приходить въ ярость отъ короткой фразы: — мнѣ этого не надо—которую она все чаще повторяла, то съ отчаяніемъ утопающаго, то съ безнадежнымъ упорствомъ рабыни.

— Не надо... Скажите пожалуйста! Что же ты думаешь, что я святой? Зачѣмъ же я женился? Чтобы быть монахомъ? Удивительное дѣло, обязанности свои я долженъ исполнять, работать я долженъ, какъ волъ, а ты будешь жить въ свое удовольствіе. Великолѣпно!

Она чувствовала въ его словахъ какую-то чудовищную, безобразную несправедливость, какую-то омерзительную оцѣнку ихъ отношеній. Сердце ныло отъ темнаго и щемящаго чувства обиды. Но вѣдь, дѣйствительно, онъ работаетъ, а онѣ съ Ирочкой живутъ на его счетъ. Какія-то, сызмала забравшіяся въ ея мозгъ, женскія мысли, подтверждали, что разъ это такъ, разъ онъ кормитъ и поитъ ее, онъ имѣетъ право на ея жизнь. Другой, болѣе давній, болѣе древній, но не находившій словъ, инстинктъ рвался и бунтовалъ, и отталкивалъ отъ сжимавшагося, прохладнаго тѣла эти мягкія, слегка влажныя руки, эту грудь, отъ которой пахло жирной, не слишкомъ чистой кожей. Но въ этой борьбѣ двухъ началъ—подчиненности волѣ мужа-кормильца и стремленія къ счастью она не знала, какого голоса слушаться... Хотѣла быть правой, хотѣла исполнить то, что казалось ей дол-

гомъ, и прежде всего долгомъ передъ Ирочкой, и въ то же время такъ мучительно хотѣлось быть чистой и свободной, быть только самой собой.

И все-таки, когда она держала ребенка на рукахъ, она была счастлива, вопреки всему, почти вопреки самой себѣ.

VIII.

Лиза въ столовой шила первое платьице для Ирочки. Нянька, съ испуганнымъ лицомъ, вбѣжала въ комнату.

— Скорѣе, барыня... Господи помилуй, Господи помилуй...

Страхъ, холодомъ прошелъ по тѣлу Лизы. Она бросилась въ дѣтскую.

Дѣвочка лежала съ запрокинутой назадъ головой. Одна рука и нога странно болтались по воздуху. Лицо потемнѣло и въ углу перекосившагося рта чуть бѣлѣла пѣна.

Съ тѣмъ слѣпымъ чувствомъ, которое заставляетъ въ минуту опасности охватить любимое существо руками, точно наши жалкія руки могутъ оградить отъ страшнаго, неотвратимаго, что на каждомъ шагу стережетъ человѣка, Лиза хотѣла взять дѣвочку, прижать ее къ груди. Но съ ужасомъ, съ тоской почувствовала она въ своихъ рукахъ не привычное мягкое, гибкое, теплое, дѣтское тѣльце, а что-то чужое, напряженное, жесткое, уже изуродованное властью невѣдомыхъ силъ. Солнце съ равнодушной ласковостью посылало свои апрѣльскіе лучи въ чистенькую, облюбованную материнской лаской дѣтскую. При свѣтѣ его еще страшнѣе было обезображенное судорогой маленькое личико, еще гуще сгустилась тьма въ сердцѣ молодой женщины. Пелагея шаркающей, старческой походкой вошла въ дѣтскую. На темномъ лицѣ свѣтилась суровая, крестьянская жалость. Точно она уже знала то, чего не можетъ еще знать Лиза.

— Ты ее не тронь,—тихо сказала она,—оставь.

Она сняла съ сосѣдняго стула пеленку, осторожно прикрыла ею Ирочку и перекрестилась. Лизѣ хотѣлось закричать, завыть, какъ воетъ въ лѣсу волчица, потерявшая ребенка. Холодъ смерти студилъ ея сердце. О близкой гибели говорило бѣлое покрывало, накинутое на Ирочку, которую часъ тому назадъ она сама же, сонную и розовую, тихо отняла отъ груди и осторожно положила въ кроватку. И, чувствуя, что земля колеблется у нея подъ ногами, она ухватилась за то единственное вѣрное и надежное, что у нея было, за мать.

— Настя, сейчасъ на извозчикѣ поѣзжай къ нашимъ,—

шепотомъ сказала она.—Привези маму, скажи, чтобы сейчасъ, сейчасъ ѣхала.

Маленькая, пухлая ножка, торчавшая изъ-подъ одѣяла, перестала биться, рука, толкавшая пеленку, успокоилась. Сердце Лизы такъ громко колотилось, такъ оглушительно стучала кровь въ вискахъ, что она не могла разслышать дыханія ребенка. Боялась нагнуться и съ тоскливымъ ожиданіемъ взглянула на Пелагею, которая сразу стала мудрой и необходимой.

— Ничего, барыня, обошлось. Благодареніе Господу,—съ непривычной мягкостью сказала Пелагея.

Она приподняла пеленку. Лицо Ирочки было неподвижно. Только смертная блѣдность залила щеки и лобъ, синевой легла на закрытыя щеки, въ складки около носа, на маленькія, пухлыя, какъ у матери, губы.

Лиза убѣжала въ другой конецъ квартиры, въ кабинетъ мужа, бросилась на колѣни передъ кожанымъ диваномъ, уткнулась въ него и заплакала, отъ боли, отъ страха, отъ предчувствія чего-то ужаснаго, что подползало къ ней. Запахъ кожи, ѣдкій и непріятный, лѣзъ ей въ ротъ и навсегда слился съ воспоминаніемъ объ этомъ днѣ, когда она впервые, всѣмъ своимъ существомъ, ощутила убожество и безсиліе, безысходность и ужасъ человѣческой жизни.

Марья Васильевна пріѣхала и привезла съ собой доктора, пожилого и невозмутимаго шутника, который съ дѣтства лѣчилъ всѣхъ въ домѣ Крутиковыхъ.

Онъ осмотрѣлъ ребенка, скривилъ какъ-то особенно губы, потомъ взглянулъ въ распухшее отъ слезъ лицо Лизы, сощурился, что-то прикинулъ и спросилъ:

— Да вы что, барынька, сами кормите?

— Конечно, сама. Молока у меня много. Кажется, хорошее?—точно оправдываясь, произнесла Лиза.

— А почему ему быть худымъ? Навѣрное, хорошее,—снисходительно, точно разговаривая съ ребенкомъ, сказалъ докторъ,—значитъ, много? Ага...

— Вы думаете, я ее перекормила?—съ тревогой спрашивала Лиза.—Я всегда по часамъ. Право...

— Вѣрю, вѣрю,—грустно усмѣхнулся докторъ. — По часамъ это хорошо, хотя...

Онъ не договорилъ, увелъ Марью Васильевну въ столовую, притворилъ двери и сказалъ ей:

— Припадокъ, вѣроятно, повторится ночью. Врядъ ли ребенокъ вынесетъ. Сдѣлать ничего нельзя. А вотъ о Лизочкѣ надо позаботиться, какъ бы молоко въ голову не бросилось.

Докторъ не ошибся. Ирочка умерла въ ту же ночь, умерла такъ быстро и незамѣтно, что, когда Лиза во снѣ почувствовала тревогу и подбѣжала къ кроваткѣ, оттуда уже шла холодная волна. Она залила грудь, и руки, и мозги молодой матери, сковала ее внутри тупымъ, сверлящимъ оцѣпенѣніемъ. Лиза подносила руку ко лбу и крѣпко терла его, стараясь сорвать туманъ. Она не могла понять, просто не могла понять, гдѣ же Ирочка. Это остывающее, неподвижное тѣльце, развѣ это ея дѣвочка, развѣ это та, которую она носила въ себѣ, которую кормила своими соками?

А если это ея дочь, то и она сама, Лизочка, уже не живая, а мертвая. Она и Ирочка одно. Одно у нихъ тѣло и одна душа, ихъ нельзя раздѣлить, просто нельзя.

Крутикова, сама огорченная смертью внучки, со страхомъ слѣдила за Лизой. Лучше бы ужъ плакала, чѣмъ молча смотрѣть передъ собой черными, опустошенными глазами, сразу состарившимися на молодомъ, еще почти дѣтскомъ личикѣ. Жалко было Лизу не только материнской, но и еще обще-женской жалостью, отъ которой сѣдая голова гнулась къ землѣ, точно подъ тяжестью роковой, неизбывной ноши.

Рябовъ подходилъ къ маленькому гробику, стоявшему въ столовой, и, обнявъ жену за плечи, плакалъ.

Безсловесное, требовательное, непонятное для него существо, появившееся въ его съ Лизой жизни, еще не успѣло пробудить въ немъ подлинную привязанность. Для матери Ирочка съ самаго появленія на свѣтъ, даже раньше, была болѣе чѣмъ личностью. А для отца дочь такъ и осталась отвлеченнымъ понятіемъ. И горе его было отвлеченное, не о потерѣ единственнаго и неповторимаго существа, а о томъ, что смерть унесла отъ него, Аполлона Рябова, его перваго ребенка.

Слезы текли по его толстымъ щекамъ и терялись въ густой бородѣ. Родные и знакомые жалѣли его и умилялись, что вотъ мужчина, а такъ горюетъ о такомъ маленькомъ ребенкѣ, да еще о дѣвочкѣ. Ихъ жалость усиливала его собственную жалость къ себѣ и смягчала горесть его размышленій о судьбѣ, которая всегда и во всемъ его преслѣдуетъ. То, что его обошли по службѣ, и то, что умеръ его первый ребенокъ, сливалось въ одно общее чувство обиды и несправедливости. Было немножко досадно, что Лиза меньше другихъ замѣчала глубину его горя. Но онъ великодушно прощалъ ей, сознавая, что въ трудныя минуты мужчина долженъ снисходить къ слабостямъ женщины.

Вмѣстѣ съ ребенкомъ отъ Лизы ушли всѣ жизненныя силы. Прокатилась по ней тяжелая колесница, переломала ей всѣ кости, размягчила мускулы, растоптала сердце. Когда въ свѣтлой дѣтской раздавалось мѣрное дыханье крошечнаго человѣчка, Лиза по цѣлымъ днямъ хлопотала и бѣгала по квартирѣ, бодрая и озабоченная. Теперь она лежала на диванѣ, и Пелагея, скрывая за внѣшнею суровостью свою тревогу о барынѣ, говорила:

— Чтой-то ты, матушка, хоть бы пошила, что ли, вѣдь срамъ смотрѣть на тебя.

Лиза, не поворачивая къ ней головы, продолжала смотрѣть въ уголъ, гдѣ на черномъ, нескладномъ столикѣ стоялъ бронзовый нескладный канделябръ. Напряженно и неотступно думала она: что же такое жизнь. Мысли, не договоренныя, смутныя, похожія на ощущенія, ползли, точно низкія, осеннія темныя тучи. Тѣ самыя мысли, съ которыми отъ начала человѣческаго сознанія, не совладала еще ни одна самая мудрая голова, если на выручку ей не приходило что-то болѣе сильное, чѣмъ разсудокъ. Но это что-то было въ Лизѣ скомкано, ранено, заглушено всѣмъ воспитаніемъ, всѣмъ ходячимъ обиходомъ мыслей, среди которыхъ она жила, и некому ей было протянуть руку и никого не было, кто влилъ бы въ нее бодрость словомъ, взглядомъ или лаской. Горе дѣлало ее еще слабѣе; одиноко блуждала она въ темномъ лѣсу, теряясь передъ загадочностью жизни, и синеватая головка Ирочки, какъ она лежала въ гробу, ночнымъ привидѣніемъ мелькала сквозь чащу.

Только на кладбищѣ, передъ обложенной дерномъ, маленькой могилкой ей бывало легче. Тамъ ее охватывало смутное волнующее ощущеніе, что Ирочка не умерла, что она гдѣ-то здѣсь, близко. Лиза садилась на землю, уже пригрѣтую майскимъ солнцемъ, опиралась локтями на колѣни, прятала лицо въ ладони и прислушивалась. Медленно приподымалась свинцовая крышка тоски, давившая ея сердце. Чья-то рука разглаживала сдвинутыя брови, сжатыя въ непрестанной напряженности губы. Она не знала, что это такое, но, казалось, вѣяніе чьей-то понимающей жалости баюкаетъ ея измученную, растерявшуюся душу. Она припадала лицомъ къ мягкой, прохладной травѣ, прямо въ землю, отъ которой пахло свѣжими корнями, и шептала безсвязныя, нѣжныя слова, которыми когда-то баюкала Ирочку. Изъ нѣдръ земли шло успокоеніе и тихій зовъ. Въ молодой, еще не познавшей радостей жизни, душѣ накипало соблазнительное любопытство къ смертному покою. И такъ не

хотѣлось уходить съ кладбища, возвращаться къ тягучимъ мелочамъ повседневности.

Разъ, возвращаясь съ кладбища, Лиза вошла въ открытую церковь. Священникъ, волосатый и громадный, служилъ по комъ-то панихиду. Лиза встала въ углу и оглядѣлась кругомъ. Ее привело сюда смутное желаніе молитвы, но образа и лампадки, и голосъ священника, и запахъ ладана, все было для нея чужое и ненужное. Она постояла, покачала головой, и вышла изъ церкви такой же одинокой и смутной, какъ и вошла въ нее.

Вечера тянулись, длинные и пустые. Лиза держала передъ собой раскрытую книгу, но глядѣла мимо бѣлыхъ страницъ на потолокъ, гдѣ вокругъ желтоватаго круга отъ лампы переливались какія-то сѣрые, лиловые, тусклые узоры. И мысли въ ней переливались также тускло и безформенно.

Изъ полуоткрытой двери въ кабинетѣ доносилось шуршаніе бумаги. Лиза лѣниво и равнодушно прислушивалась, по звукамъ угадывая, что дѣлаетъ мужъ. Вотъ онъ отпираетъ ящикъ. По звону замка она знаетъ, что это правый ящикъ. Значитъ, сейчасъ достанетъ узкую, длинную книгу въ черно-зеленомъ переплетѣ. Гримаса досады набѣгаетъ на усталое, тоже сѣрое въ скупомъ свѣтѣ лампы, лицо молодой женщины.

Щелкаютъ счеты. Рябовъ вздыхаетъ и что-то бормочетъ. Потомъ встаетъ, и ножки стараго тяжелаго, кресла грузно цѣпляются за паркетъ. Лиза знаетъ, что мужъ сейчасъ придетъ, что онъ уже тутъ, въ гостиной, и поскорѣе начинаетъ читать, точно хочетъ спрятаться за книгой.

— Послушай, Лиза. Ты ужасно стала небрежна,—дѣловымъ, но еще сдержаннымъ голосомъ, говоритъ Рябовъ,—за послѣднія двѣ недѣли ты ничего не записываешь.

— Нѣтъ, записываю, — отвѣчаетъ она, не поворачивая головы.

— А я тебѣ говорю, что не записываешь,—настаиваетъ мужъ.—Иначе почему же расходъ и приходъ не сходятся?

— Не сходятся?—равнодушно переспрашиваетъ она.—Ну, не знаю.

— Не знаешь, не хватаетъ 5 р. 73 копѣекъ, а вотъ это и указываетъ на твою индифферентность къ домашнимъ дѣламъ. Вѣдь это невозможно. Вѣдь ты ничего рѣшительно не дѣлаешь.

Лиза быстро приподымается, и съ упрекомъ она смотритъ на него своими темными глазами, точно расширившимися отъ печали. Ей хочется крикнуть ему:

— Да неужели ты не видишь, какъ мнѣ трудно? Неужели

ты не видишь, что лежу я подъ камнемъ и не могу его сбросить съ себя? Пожалѣй же меня!

Но она видитъ его полныя, выступающія надъ бородой щеки, красную нижнюю губу, пухлыя вѣки, изъ-подъ которыхъ сейчасъ глаза смотрятъ съ досадой и даже съ укоромъ. Нѣтъ ничего въ этомъ лицѣ, что-бы было для нея пріятно, что могло бы успокоить и пригрѣть. Съ безнадежнымъ ощущеніемъ тяжести во всемъ тѣлѣ, она опять ложится и больше не смотритъ на него.

— Да... Пять рублей 73 копѣйки. Я завтра поговорю съ Пелагеей... Можетъ быть, мы забыли...

Теперь Рябовъ уже не только раздосадованъ, но и оскорбленъ. Но ему и жаль ея. Онъ смутно догадывается, что Лиза затаила, не сказала ему сейчасъ что-то важное, искреннее, что рвалось у нея съ языка. Ему хочется сломить ея замкнутость, заставить ее быть откровенной. Неуклюже и неумѣло пытается онъ подойти къ ней, успокоить, преодолѣть ея печаль.

— Ну да, ну хорошо, я ужъ какъ-нибудь постараюсь найти эти пять рублей,—снисходительно говоритъ онъ,—но я вообще долженъ объясниться съ тобой, Лиза, ты положительно распускаешь себя. Надо быть благоразумной. Посмотри на меня, вѣдь мнѣ тоже не легко. Вѣдь я тоже отецъ. Однако, я исполняю всѣ свои обязанности.

Лиза не пошевельнула головой. Даже не взглянула на него. Это его задѣло.

— Вѣдь если бы я такъ же малодушно поддавался горю, какъ ты, намъ нечего было бы ѣсть. Мы могли бы умереть съ голоду.

— Развѣ это такъ страшно умереть съ голоду? Вѣдь когда-нибудь надо умирать. Такъ не все ли равно, съ голоду, или отъ чего-нибудь другого?—деревяннымъ голосомъ отвѣтила Лиза.

— Какія ты глупости говоришь!—уже совсѣмъ раздраженно крикнулъ Рябовъ.—Посмотрѣлъ бы я на тебя, что бы ты запѣла, если бы осталась безъ обѣда.

Она не спѣша повернула къ нему свои круглые, блестящіе, тоскующіе глаза.

— Да я и такъ не обѣдаю. Если не замѣтилъ, спроси Пелагею.

Онъ дѣйствительно этого не замѣтилъ, такъ какъ самъ ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ аппетита. И теперь, въ ея словахъ ему почудилось просто притворство. Онъ никакъ не

могъ понять, что притворяться она не умѣетъ. Изо дня въ день пріучалась Лиза замалчивать свои мысли и чувства. Но за весь свой пустынный жизненный путь не научилась она носить личину, всегда показывала собственное лицо, и отъ того многимъ съ ней бывало неловко.

Ея мать была такъ же правдива до конца, до безтактности. Эта общая черта служила между нею и дочерью главнымъ мостомъ. Смерть Ирочки сблизила Лизу съ матерью. Иногда, подымаясь въ квартиру отца, Лиза робко думала, что теперь, когда ребенка нѣтъ, она могла бы уйти отъ Рябова. Сердце билось ровнѣе, грудь дышала глубже. Сказать развѣ матери? Вѣдь надо опять къ нимъ же вернуться, въ ихъ домъ. Больше некуда.

Но, когда она входила въ большую, тихую, слабо освѣщенную квартиру отца, гдѣ всѣ вещи стояли на своихъ мѣстахъ такъ тяжело и прочно, когда она смотрѣла на блѣдное, увядшее лицо матери съ тихими, усталыми глазами, она не находила въ себѣ силъ заговорить объ этомъ. Было страшно сдѣлать больно, встревожить, обременить. И было стыдно тѣмъ тяжелымъ, непреоборимымъ стыдомъ, который мѣшаетъ родителямъ и дѣтямъ говорить о томъ важномъ и страшномъ, что можетъ окрылить жизнь счастьемъ, или опутать ее униженіями и болью.

Ничего не сказавъ матери, возвращалась она въ опустѣвшую, похолодѣвшую послѣ смерти ребенка квартиру. Всѣ считали, что это ея домъ. Никто не замѣчалъ и не хотѣлъ замѣтить, что нѣтъ у Лизы дома, что негдѣ ей отдохнуть, что нѣтъ человѣка, встрѣча съ которымъ радовала бы ее безпричинной, подлинной радостью.

Порой молодость брала свое. Лучъ солнца, заглянувшій въ комнату, веселая сутолока Невскаго, гдѣ прохожіе торопливо, но внимательно оглядывали ее тѣми взглядами, которые достаются на долю молодыхъ женщинъ, букетъ темно-красныхъ розъ въ окнѣ магазина, простое ощущеніе своего тѣла, на мгновеніе напоминали ей, что есть жизнь, и что она, Лиза, тоже частица этой жизни. Но не было ни силы, ни умѣнія задержать, продлить эти мгновенья. Холодно и мертво было кругомъ нея, и все глубже спускался холодъ въ ея робкую душу.

Потеря ребенка какъ будто дала ей право быть печальной, и только печальной. Вѣдь она никому не нужна. Да и ей никто не нуженъ, только мать, передъ которой надо стараться какъ можно дальше спрятать свое отчаяніе.

Хотѣлось отъ всѣхъ спрятаться, сжаться, сдѣлаться тонкой,

маленькой, незамѣтной. Особенно отъ мужа. Было даже какое-то злорадное удовлетвореніе въ томъ, что онъ, разсѣянный и поглощенный собой, не понимаетъ ее. И не было никакой охоты постараться его понять. Вѣдь съ самаго начала было безъ словъ признано, что онъ умнѣе и сильнѣе. Какъ будто состоялся такой уговоръ, что она вкладываетъ свою руку въ его руку и онъ ведетъ ее, Лизу, сквозь жизнь. Ну вотъ и пусть ведетъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Она даже себѣ не говорила этого словами. Но была въ ней внутренняя, новая и горькая, усмѣшка, которая какъ будто оправдывала ея тоскующую пассивность. Неудачное замужество и смерть ребенка сплетались въ одинъ комокъ, и подъ его тяжестью росла въ ней малодушная увѣренность, что она не хозяйка своей жизни, что кто-то другой за все отвѣчаетъ.

Рябову тоже было тяжело и дома, и на работѣ. Служба, механическая, монотонная, давила и унижала его.

Больной самолюбіемъ, непрерывно поглощенный мыслями о чужихъ удачахъ, онъ каждаго сравнивалъ съ собой, мысленно мѣрился умомъ, знаніями, честностью, цѣльностью міровоззрѣнія и принциповъ со всѣми, съ чиновниками, съ общественными дѣятелями, съ писателями. Сравненіе всегда выходило въ его, Рябова, пользу. И тѣмъ горьше было ему убѣдиться, что только онъ видитъ и понимаетъ свои преимущества, а другіе, по тупости и пристрастности, не хотятъ ихъ замѣчать и держатъ его въ черномъ тѣлѣ.

Къ этимъ другимъ онъ началъ причислять и собственную жену. Колючее чувство обиды и непризнанности испытывалъ онъ не только на службѣ, среди чужихъ, но и у себя дома. Вѣдь онъ тоже многого ждалъ отъ Лизы, вѣдь онъ тоже имѣлъ право сознавать себя ограбленнымъ и разореннымъ. Со всей доступной ему цѣльностью полюбилъ онъ тоненькую, бѣлолицую, темноглазую дѣвушку и былъ счастливъ и гордъ тѣмъ, что она согласилась стать его женой. А теперь она жила рядомъ съ нимъ, въ его домѣ, далекой, чуждой, даже враждебной. И его это вдвойнѣ оскорбляло, не только какъ влюбленнаго, но и какъ хозяина. Придирчиво и злобно искалъ онъ поводовъ для ссоръ.

Ея простодушная прямолинейность, такъ тѣшившая его во времена жениховства, теперь казалась ему просто глупостью.

И раздражало, что она, съ такимъ упорствомъ, любила уличать его въ противорѣчіяхъ.

— А какъ же ты у Ивановой говорилъ...

Онъ вскакивалъ.

— Опять! Ты непремѣнно хочешь доказать мнѣ, что я ренегатъ. Напрасно стараешься. Конечно, я, слава Богу, не замариновалъ себя. Мои мысли развиваются. И я очень былъ бы счастливъ, если бы и у тебя въ мозгу что-нибудь шевелилось.

— Гдѣ ужь мнѣ! — съ равнодушной усмѣшкой отвѣчала Лиза.

— Да, я думалъ что подъ моимъ вліяніемъ въ тебѣ пробудятся умственные интересы. Теперь я вижу, какъ я ошибся.

Она сбоку, исподлобья смотрѣла на него и тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ отвѣчала:

— Ошибся? Но вѣдь эту ошибку можно и исправить.

Не столько ея слова, сколько тонъ, а главное что-то выжидающее и быстрое, что вдругъ вспыхивало въ глубинѣ ея невеселыхъ глазъ, приводило Рябова въ бѣшенство. Онъ томился и раздражался, и обижался тѣмъ, какъ сложились ихъ отношенія. Но онъ все еще любилъ ее. Даже среди ссоры онъ поддавался прелести ея маленькаго, нѣжнаго рта, видѣлъ какая у нея бѣлая, красивая шея, съ отчетливой страстностью помнилъ, что она его жена. И хотѣлъ во что бы то ни стало заставить ее понять это, заставить ее подчиниться себѣ. А какъ это сдѣлать— не зналъ и, стараясь тоже притвориться равнодушнымъ, говорилъ:

— Ты что жъ не договариваешь? Тебѣ угодно разойтись? Пожалуйста. Хоть завтра. Только куда же ты пойдешь? Къ родителямъ? Смотри, очень ли ты ихъ порадуешь своимъ появленіемъ. Только что дочку пристроили, и опять ты къ нимъ на шею сядешь!

Лиза вся сжималась и сдвинувъ брови съ ненавистью глядѣла на него:

— Ты опять про моихъ... Я тебѣ говорила, чтобы ты несмѣлъ... Это гадко съ твоей стороны...

Она выбѣгала изъ комнаты. Рябовъ хватался за голову и долго неподвижно сидѣлъ за письменнымъ столомъ передъ опостылѣвшими синими папками. Потомъ дѣлалъ надъ собой усиліе, принимался за работу и искренно чувствовалъ себя мученикомъ долга.

Дни проходили, полные отчужденности и взаимнаго раздра-

женія. Ночью въ спальнѣ онъ все забывалъ и помнилъ только одно, что Лива его жена.

Съ унизительнымъ чувствомъ страха ждала она приближенія ночи. Это былъ не острый страхъ, который налетитъ, обожжетъ и умчится. Это была неотступная, разслабляющая боязнь, и некуда было уйти, нельзя было уклониться, какъ нельзя связанному уклониться отъ удара.

Стыдъ, брезгливость, растерянность, которыя во время жениховства и въ первые мѣсяцы свадьбы смягчались невѣдѣніемъ, любопытствомъ и еще чѣмъ-то смутнымъ и властнымъ, что шло изъ глубины дѣвичьяго тѣла и покорно ждало мужской оплодотворяющей ласки, теперь слились въ опредѣленное мучительное отталкиваніе.

Бороться она не умѣла, она не умѣла ни оградить, ни освободить себя. Слишкомъ была молода, не могла еще понять ни себя, ни его. А главное, слишкомъ была не увѣрена въ своемъ правѣ на счастье. Быть можетъ, именно эта неувѣренность и дѣлала ея жизнь и жизнь тѣхъ, кто былъ связанъ съ ней, такой тусклой и нескладной.

У нея не хватало мужества сказать ему прямо:

— Ты мнѣ противенъ. Уйди!

За это постыдное малодушіе она винила не себя, а его. Ей казалось, что когда она тихо и жалобно проситъ: «Пожалуйста... Не надо...»—онъ долженъ, онъ обязанъ понять все трудное, горькое, нестерпимое, что скрывается за этими словами.

А онъ, чувствуя ее тутъ, рядомъ, горячую и близкую, понималъ только одно, что она его жена, и говорилъ злымъ, грубымъ голосомъ, отъ котораго темнота спальни становилась еще темнѣе:

— Не надо... Теперь не надо... Но вѣдь ты же вышла за меня замужъ... Невѣстой бѣгала ко мнѣ, цѣловалась. Зачѣмъ же, если не надо? Или пристроиться хотѣла? А?

Онъ наклонялся надъ ней, чтобы разсмотрѣть выраженіе ея лица. Она чувствовала его сердитое, прерывающееся дыханіе и вся сжималась, зная, что спасенія нѣтъ.

— Ну зачѣмъ, зачѣмъ ты это говоришь! Ты же знаешь, что это неправда,—съ тоской говорила она и незамѣтно пыталась отодвинуться.

Онъ понималъ, что сдѣлалъ ей больно, и радовался. Пускай. Вѣдь ему тоже больно. Вѣдь она вошла въ его жизнь и топчетъ и темнитъ ее. Онъ ее любилъ, какъ только умѣлъ любить, и страдалъ, и не понималъ. Тяжелое и темное, дыбилось и ме-

талось въ немъ мужское самолюбіе. Хотѣлось во что бы то ни стало сломать это нестерпимое бабье сопротивленіе, которое онъ чувствовалъ даже среди страстныхъ ласкъ. Сколько разъ она была его вещью, она должна быть, она останется его вещью.

— Почему же неправда?—съ усмѣшкой говорилъ онъ.— Зачѣмъ же ты вышла за меня? Чтобы такъ жить, какъ братъ и сестра? Скажите пожалуйста. Конечно обманула!

— Это неправда... Неправда... Я никогда не обманывала... Я тебѣ ничего не обѣщала... Я тебѣ даже никогда не говорила, что я тебя люблю... Или ты забылъ?.. Но если я не могу, ты понимаешь, я не могу...

И вдругъ рыданія дрожью пробѣгали по ея тѣлу, судорогой вылетали изъ маленькихъ, пухлыхъ, красныхъ губъ. Слезы текли и текли, Рябовъ въ темнотѣ почти видѣлъ ихъ, и жалость просыпалась въ немъ. Онъ становился на колѣни около кровати, просилъ прощенія, и самъ плакалъ. И тогда, какая то тихая близость смягчала ихъ, успокаивала, дѣлала человѣчнѣе и лучше. Но это бывало рѣдко. Лиза была не изъ слезливыхъ, а только слезы и дѣйствовали на него. Слова скользили мимо. Да и не умѣла она защищаться словами.

Въ ней сидѣло упрямое ожиданіе, что ее и безъ словъ должны понять. Оттого и съ посторонними она не умѣла сходиться, а жила въ большомъ городѣ, точно въ тюрьмѣ, одинокая, молчаливая, замкнутая.

Знакомыхъ у нихъ почти не было. Изрѣдка ходили они съ мужемъ по приглашенію въ гости. И Лизу это занимало. Она шла съ какимъ-то смутнымъ ожиданіемъ чего-то значительнаго, что можетъ случиться.

Но ничего не случалось и, усталая и потухшая, возвращалась она въ неуютную, опять послѣ смерти Ирочки, точно чужую, Рябовскую квартиру.

Въ театръ они не ходили. Денегъ не было, а Рябовъ говорилъ, что ничего, кромѣ пошлостей, не даютъ. Музыку онъ самъ не любилъ и даже не подозрѣвалъ, что другіе могутъ въ музыкѣ находить удовольствіе. Какъ-то разъ Лиза пошла съ сестрой въ Александринку и вернулась оживленная. Стала разсказывать мужу за чаемъ, какъ хорошо играла Савина свѣтскую вдовушку.

— Господи, до чего ты неразборчива!—сказалъ онъ,—пора бы тебѣ понять, что все это буржуазная мерзость. Никакой серьезной мысли. Все на ухаживаніяхъ и адюльтерахъ основано. Неужели только въ этомъ и жизнь?

Она сразу погасла. Хотѣла возразить, но подняла на мужа глаза и замолчала. Столовая у нихъ была маленькая. Лампа горѣла тускло. Въ углахъ стояла мгла. Послѣ яркаго оживленія толпы, чѣмъ-то мертвеннымъ пахнуло на нее отъ собственнаго дома. На бѣломъ лбу Аполлона темнѣла озабоченная морщина. Глаза изъ подъ пухлыхъ вѣкъ смотрѣли хмуро и холодно, какъ смотрятъ глаза человѣка, привыкшаго глядѣть только въ себя. Толстыя щеки подымались надъ русой бородой. Воротника на немъ не было, и бѣлая шея виднѣлась. Выраженіе лица было недовольное, а плечи и животъ, выступавшіе сквозь платье, говорили о сытости и здоровьѣ.

Въ Лизѣ не было спасительнаго юмора, но на этотъ разъ невольная усмѣшка мелькнула на ея губахъ.

— Ты что?—строго спросилъ онъ.

— Ничего...

Она встала и пошла въ спальню. Но улыбка все еще кривила губы. Ухаживаніе, буржуазность... Это не самое главное... Ну, конечно, не самое главное... Тогда почему же онъ не хочетъ оставить ее, Лизу, въ покоѣ?

Она вспомнила насмѣшливое, подвижное лицо Оли, младшей сестры, когда она, лукаво подмигивая веселыми, сѣрыми глазами, спрашивала:

— А что твой бычокъ-то? Все бодается?

Правда, бычокъ.

VIII.

Марья Васильевна жила въ непрерывной тревогѣ и печали. Не ладилась жизнь у ея дѣтей, и какъ ни старалась она терпѣливо ждать, пока судьба пошлетъ и имъ счастье, что-то похожее на ропотъ просыпалось въ ея покорной душѣ.

Отъ Маши все рѣже приходили вѣсти, и были онѣ тусклыя и глухія, точно не отъ живыхъ шли. Сынъ служилъ на югѣ, о себѣ писалъ шутя и скупо. Мать смутно догадывалась, что живетъ онъ угарной, нескладной жизнью. Но отворачивалась отъ этихъ догадокъ, такъ какъ о дѣтяхъ хотѣлось думать только хорошее.

Притихшая, точно потухшая, Лиза, которая никогда не жаловалась, а только все ближе прижималась къ матери, тоже колола ея сердце болью и жалостью. А тутъ еще у младшей, у Оли, эта исторія со Стерлецкимъ.

Стерлецкій былъ сослуживецъ Крутикова, уже немолодой, кряжистый, съ некрасивымъ и живымъ лицомъ. Началось съ того, что Оля заразилась отъ него страстью къ любительскимъ спектаклямъ. Она уже была въ послѣднемъ классѣ гимназіи, но разучивая роли, даже забыла что существуютъ учебники. Лицомъ Оля была менѣе красива, чѣмъ Лиза, но была въ ней порывистая, веселая рѣзвость, которая горѣла и искрилась въ каждомъ движеніи, въ улыбкѣ крупныхъ, свѣжихъ губъ, во взглядѣ немного выпуклыхъ сѣрыхъ глазъ. И вотъ эта-та веселая, насмѣшливая, пышащая молодостью дѣвушка увлеклась человѣкомъ, который былъ болѣе, чѣмъ на тридцать лѣтъ, старше ее. Онъ былъ женатъ, съ женой разошелся, вѣчно былъ безъ денегъ, жилъ кое-какъ. И по положенію, и по годамъ, и по наружности Стерлецкій меньше всего походилъ на жениха.

— Господи, Олечка, да что ты въ немъ нашла?—съ непривычнымъ гнѣвомъ спрашивала мать.

Дочь скользнула по ея лицу сощуренными сѣрыми глазами, улыбнулась особой, непонятной для матери, улыбкой и спокойно сказала:

— Мама, вѣдь ты еще сама недавно говорила, что Стерлецкій самый интересный изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Ну вотъ мнѣ съ нимъ и интересно.

— Интересно!.. Развѣ въ этомъ жизнь? Развѣ онъ тебѣ подходитъ?

— А въ чемъ же жизнь, мама?—тихо спросила дочь и, не дождавшись отвѣта, продолжала:—а развѣ нашей Лизѣ подходитъ ея бычекъ? Отчего же вы всѣ радовались, когда она замужъ выходила?

Она хотѣла еще сказать: «развѣ отецъ тебѣ подходитъ? но не сказала, какъ не сказала и того, что Стерлецкій обѣщалъ сдѣлать изъ нея актрису, настоящую, для казеннаго театра, и этому обѣщанію она вѣрила.

Марія Васильевна волновалась, сердилась и ревниво обижалась. Въ увлеченіи, или, какъ она говорила, въ исторіи, случившейся съ Олей, она не чувствовала самаго главнаго, безъ чего не понимала женской жизни,—заботы о гнѣздѣ. Ей казалось, что этотъ высокій, съ сѣдѣющей бородой и съ самоувѣреннымъ голосомъ, человѣкъ уведетъ ея дѣвочку прямо на улицу, гдѣ ее ждетъ холодъ и голодъ, и Богъ знаетъ что еще.

Съ мужемъ Марья Васильевна не говорила объ этомъ. Боялась его прямолинейной грубости. Тѣмъ больше радовалась она каждому приходу Лизы. Вѣдь все-таки она женщина, за-

мужняя, съ ней можно свободнѣе говорить, и она многое должна понять. Лиза чувствовала, что матери нужна ея опора, и заботилась о ней, и отъ этой заботы ей самой становилось легче, не такъ давили безысходныя, неразрѣшимыя мысли.

— Не знаю, мама, надо ли такъ волноваться. Пусть живетъ, какъ хочетъ. Наша женская жизнь такая трудная.

— Трудная, Лизочка,—соглашалась мать и на минуту ея бѣлыя, уже припухшія въ суставахъ, пальцы переставали перебирать спицы.

— Оля какъ-то умѣетъ все по своему поворачивать. Пусть пробуетъ,—съ беззлобной завистью къ сестрѣ говорила Лиза.—У нея есть характеръ. Больше, чѣмъ у меня.

— Но вѣдь онъ женатый? Что же она къ нему въ Палэ-Рояль переѣдетъ? — съ брезгливостью домовитой хозяйки недоумѣвала Марья Васильевна.

— Мама, это ужъ пустяки. Неужели надо непремѣнно въ квартирѣ жить? Если онъ ей нравится, ей и въ Палэ-Роялѣ будетъ хорошо.

— Ахъ Лиза, нравится, да нравится! Вѣдь онъ и жениться то не можетъ.

Онѣ не понимали другъ друга. Но Лиза по своему тревожилась за сестру.

— Оля, ты знаешь,—осторожно и слегка смущаясь сказала она—зачѣмъ ты такъ торопишься? Смотри—не ошибись. Это не такъ легко быть замужемъ.

Оля сначала засмѣялась своимъ соблазнительнымъ, заманчивымъ смѣхомъ, потомъ вдругъ лицо ея стало серьезно.

— Лизокъ... Какъ ты не понимаешь?... Вѣдь я же все знаю... Я вѣдь уже его жена.

Глаза сестеръ встрѣтились, и Лизѣ почудилось, что она младшая, что на нее изъ сѣрыхъ глазъ Оли смотритъ снисходительная житейская мудрость старшей. Мелькнула мысль, что гдѣ-то рядомъ, совсѣмъ близко цвѣтутъ, и горятъ, и вянутъ чувства, волненія, страсти, наслажденія, которыя навсегда останутся невѣдомыми и недоступными ей, Лизѣ Рябовой. Обиженной и нищей почувствовала она себя. Медленно прошло передъ ней красивое лицо Струнскаго, его острые синіе глаза. «Господи, что я съ собой сдѣлала?»—съ отчаяніемъ спросила она кого-то.

— Ты мнѣ помоги,—продолжала Оля. — Я лѣтомъ должна ѣхать съ нимъ въ провинцію играть; непремѣнно должна. И не знаю, какъ съ мамой быть?

— А папа какъ же?—растерянно спросила Лиза. — Согласится развѣ?

— Какое мнѣ дѣло? — пожала круглыми плечами молодая дѣвушка. — И вообще ему лучше бы молчать. Мнѣ Стерлецкій столько про него разсказалъ...

Сестры опять переглянулись и отвернулись другъ отъ друга, слегка нахмурившись. Все, что касалось отца, было для нихъ темнымъ, холоднымъ, непріятнымъ.

— Прямо не знаю, какъ мамѣ сказать?—озабоченно повторяла Оля,—если бы еще Миша былъ здѣсь...

Подчиняясь той увѣренности въ правотѣ своихъ поступковъ, которой дышало лицо Оли, старшая сестра принялась вмѣстѣ съ ней обдумывать, какъ и что сказать матери.

Но сказать ничего не пришлось.

Марія Васильевна такъ мало требовала къ себѣ вниманія, такъ просто и неизмѣнно была полна заботой о другихъ, что никому не приходило въ голову, что когда-нибудь ей самой придется быть предметомъ ихъ заботъ и вниманія. Поблекшая, съ той тяжеловѣсной, безформенной фигурой, какая бываетъ у женъ петербургскихъ чиновниковъ, проводящихъ жизнь въ тѣсномъ полумракѣ городской квартиры, она днями, мѣсяцами, годами топталась между кухней, спальней, комнатой дѣтей и мужа, изрѣдка заглядывая въ большую непривѣтливую, никому ненужную гостиную. Такъ на ходу и захворала. Ѣздила смотрѣть дачу, мечтала взять къ себѣ Лизу съ мужемъ, радовалась этой мечтѣ и тамъ же, въ Парголовѣ, переходя изъ дома въ домъ, попала подъ проливной дождь.

Когда Лиза на другой день пришла, мать лежала въ постели.

— Что это ты, мамочка?—съ удивленіемъ спросила Лиза.

Щеки Марьи Васильевны горѣли, а глаза блестѣли какъ у молодой. И это посвѣжѣвшее лицо казалось новымъ и страннымъ.

— Не знаю, Лизочка, лѣнь такая вдругъ напала,—точно извиняясь сказала мать.—Вотъ полежу немного и встану.

Лиза коснулась губами ея горячаго лба, и ей почудилось, что смерть уже стоитъ у изголовья. Она оглядѣла полутемную спальню, выходившую единственнымъ окномъ въ узкій простѣнокъ двора. Комната была заставлена шкапами и кардонками. Сюда несли со всего дома все пыльное, громоздкое, ненужное,

но что можетъ когда-нибудь понадобиться. Ничего не было красиваго, веселаго, свѣжаго. Точно это была кладовая; а не мѣсто человѣческаго отдыха. Что-то безнадежное наползало и давило. Лиза гнала отъ себя жуткія мысли, корила себя за торопливое малодушіе и все-таки съ отчаяніемъ думала, что спасенія нѣтъ.

Молодой, съ густой копной золотистыхъ волосъ, докторъ прежде всего потребовалъ, чтобы больную перенесли въ другую комнату. Ее положили въ гостиную, и то, что мать лежала въ парадной комнатѣ, куда она раньше входила только для того, чтобы полить цвѣты, чинно принять гостей, вытереть пыль, придавало ея болѣзни особую торжественность, которую она сама, впрочемъ, уже не чувствовала. Она лежала въ забытьи, изрѣдка открывала затуманенные лихорадкой глаза и спрашивала:

— Который часъ? Уже поздно? Я опоздала?

Этотъ однообразный вопросъ болью отзывался въ сердцахъ Лизы и Оли. Отецъ тоже часто подходилъ къ кровати больной и молча смотрѣлъ на нее, точно ждалъ, чтобы она сама объяснила ему, въ чемъ дѣло, почему она внесла такой безпорядокъ въ ихъ размѣренную жизнь. А можетъ быть, глядя на состарившееся лицо умирающей, Крутиковъ съ ужасомъ и тоской чувствовалъ, что жизнь уже прожита, что возврата нѣтъ, что нельзя ни стереть былыя ошибки, ни воскресить убитыя надежды. Или, быть можетъ, это было позднее раскаяніе, что не сумѣлъ онъ ни скрасить, ни согрѣть жизнь этой женщины, которая отдала свою молодость, все что было у нея силъ на то, чтобы быть его женой и матерью его дѣтей, а сама только брела рядомъ съ любимыми, кроткая, поблекшая и нетребовательная.

А, можетъ быть, просто стоялъ онъ и содрогался отъ животной тоски, охватывающей человѣка при видѣ смерти, даже подстерегающей не его самаго, а другого.

Ни слова не сказалъ онъ дочерямъ, остался съ ними, какъ всегда, сухимъ, отрывистымъ и властнымъ, только спрашивалъ:

— Доктора ждете? Когда кризисъ? Градусовъ-то сколько?

Онѣ отвѣчали, но ледъ, годами нароставшій между нимъ и дѣтьми, не растаялъ и теперь.

На третій день кудрявый докторъ, сконфуженно глядя въ черные глаза Лизы, сказалъ:

— А вы, барынька, того... Лучше на эту ночь здѣсь останьтесь.

Она поняла. Полъ заходилъ у нея подъ ногами и если бы докторъ не подхватилъ ее, она упала бы.

— Ну, ну, что же ужъ вы такъ! — нескладно говорилъ докторъ,—знаете, воспаленіе легкихъ въ эти годы... Съ нимъ конечно... А вы все-таки, барынька, крѣпитесь.

Сквозь внѣшнюю грубоватость тона, она уловила сочувствіе и ласку. Что-то въ ней оборвалось, упало. Слезы хлынули, залили все лицо, попадали въ ротъ, стекали по шеѣ. Она крѣпче прижималась къ плечу доктора и сквозь рыданія шептала:

— Послушайте, докторъ, да что же это такое?.. Ну зачѣмъ, зачѣмъ мы живемъ? Жизни нѣтъ, есть только одна смерть...Стóитъ ли тогда мучиться и все терпѣть и терпѣть, и тянуть изо дня въ день?

Она подняла обѣ руки, положила ему ихъ на плечи, точно онъ былъ старый другъ, и продолжала быстро, быстро:

— У меня былъ ребенокъ, Ирочка, такая розовая, веселая, умная... Такихъ дѣтей просто не бываетъ... И вотъ ее нѣтъ... Если бы вы видѣли, какъ она мучилась, докторъ.

Она ближе придвинула къ нему свое лицо. Мысль о смерти, которая была тутъ, совсѣмъ близко, за дверью въ гостиную, опьяняла ее. Ей хотѣлось не говорить, а кричать, громко, злобно кричать, на кого то невидимаго и безстыднаго, кто владѣлъ Ирочкой, и мамой, и всѣмъ живущимъ.

— Нѣтъ вы мнѣ скажите, зачѣмъ мы живемъ, если надо умирать, если она приходитъ и беретъ отъ насъ тѣхъ, кого мы любимъ? Вотъ вы, докторъ, вы понимаете, ну зачѣмъ?

Въ голосѣ звенѣли слезы, и вызовъ, и отчаяніе.

— Какъ зачѣмъ? Жизнь такая прекрасная штука,— сорвалось у доктора.

Братъ не пріѣхалъ на похороны. Телеграфировалъ, что боленъ. Сестры поняли, что это неправда, и переглянулись, и ближе подвинулись другъ къ другу. А по другую сторону гроба стоялъ отецъ и вполголоса обсуждалъ съ Рябовымъ подробности похоронъ.

Они оба заботились, чтобы все было прилично, чтобы никто не обидѣлся, и всѣ остались бы довольны. А дочери думали только о той, которая уже ушла отъ нихъ, клали цвѣты на гробъ, поправляли прядь волосъ, спускавшуюся на желтоватый лобъ, холодный, точно камень зимой. Потомъ шепотомъ

напоминали другъ другу какую-нибудь маленькую подробность изъ жизни матери и, обнявшись, тихо плакали.

Теперь слезы текли легче и обильнѣе, чѣмъ при первой встрѣчѣ со смертью около гроба маленькой, такъ и не испытавшей жизни, Ирочки.

Еще глубже, еще упрямѣе поселилось въ безрадостномъ сердцѣ Лизы отрицаніе жизни. Она ничего не ждала, даже ничего не требовала отъ судьбы. Просто была увѣрена, что хорошаго нѣтъ на свѣтѣ, а что есть, то не для нея. Даже молодость свою она не ощущала и равнодушно брела изо дня въ день, тупо исполняя неизбѣжные жесты, лѣниво произнося неизбѣжныя слова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. Тыркова.

ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

Со Спеціи я начала волноваться—оставалось два часа до Сестри.

Мы мчались во тьмѣ и духотѣ туннелей. На минуту, холодноватымъ блескомъ сверкало море—и снова грохотъ въ горныхъ нѣдрахъ, задымленныя стекла, электричество.

На полустанкѣ я опустила окно и высунулась. Въ ущельи лежалъ итальянскій городъ, съ кампаниллой, черепичными крышами домовъ. Слѣва хлестало море; справа горы тѣснили, голыя, сѣрыя. Темное облако клубилось на вершинѣ.

Мнѣ стало жутко. Вотъ я пріѣду въ глушь, и куда я дѣнусь вечеромъ, когда начнетъ завывать вѣтеръ, море разгудится?

Я вздохнула, откинулась и прислонилась къ углу купэ. Поѣздъ тронулся. Я закрыла глаза, и вмѣсто безпокойно-щемящаго чувства вдругъ ощутила великую тишину, покой. Не все ли равно, гдѣ жить и какъ жить? Конечно, прочно устроиться я нигдѣ не могу. Съ нѣкоторыхъ поръ мое существованіе приняло бездомный характеръ.

Передо мной потянулись было видѣнія прошлаго,—распря съ мужемъ, борьба за Борю, котораго мужъ сумѣлъ отвоевать; но это не доставило той острой боли, какъ прежде. Вѣрно, я попросту утомилась. И я стала ждать.

«Ловко будетъ», думала я, вылѣзая черезъ часъ въ Сестри — «если Александра Николаевна не встрѣтитъ. Отлично будетъ!»

Александра Николаевна, эмигрантка, моя знакомая по Россіи—единственное существо, извѣстное мнѣ тутъ. У ней я должна поселиться, она будетъ моимъ хранителемъ, опекуномъ.

Итальянцы кинулись на меня съ горячностью людей, надѣющихся заработать лиру. Они тотчасъ сообразили, что мнѣ въ Барассо, за два километра отъ станціи: тамъ живутъ русскіе.

Да, но къ кому именно въ Барассо?

Подошелъ начальникъ станціи и сказалъ, что ничего, русская синьора, ожидавшая меня, вышла въ paese, т. е. въ городъ, и сейчасъ вернется.

Дѣйствительно, черезъ минуту я увидѣла Александру Николаевну. Она шла ко мнѣ твердой, суховатой походкой. Вѣтеръ трепалъ нѣсколько ея волосы; она была безъ шляпы, въ черной бархатной кофточкѣ, съ папиросой.

Поцѣловала она меня серьезно. Ея видъ какъ бы говорилъ: «Я сдержана, доброжелательна, но не сентиментальна».

Кучера сразу успокоились, и мы сѣли именно въ ту коляску, куда слѣдовало. Я была теперь въ надежныхъ рукахъ.

Покуривая папиросу, Александра Николаевна говорила:

— У насъ не весело, предупреждаю. Соскучитесь. Даже кафэ нѣтъ.

Кучеръ везъ насъ по приморской улицѣ, аллеей платановъ. На рыбачьемъ суднѣ, въ заливѣ, зажгли красный огонь. По вершинамъ горъ ползли тучи. Было хмуро, сыро. Но отлично пахло моремъ, а когда мы переѣхали шлагбаумъ у туннеля и покатили вдоль берега, у скалъ — сверху донеслось чудесное благоуханіе сосенъ. Справа утесы шли отвѣсно. Море шумѣло глухо, весь берегъ туманился брызгами. Кучеръ щелкалъ бичемъ, покрикивая у-объ! и временами на меня налетала сѣдая морская пыль, отъ которой губы становятся солеными.

— Я не избалована, — отвѣчала я Александрѣ Николаевнѣ.

— Ну, тамъ посмотрите.

У самаго въѣзда въ Барассо насъ снова задержали у шлагбаума: изъ туннеля вылетѣлъ поѣздъ, сверкнулъ искрами, освѣщенными окнами вагоновъ и, обдавъ насъ дымомъ, понесся къ Генуѣ.

— Направо,—сказала Александра Николаевна.

Кучеръ свернулъ въ проулокъ между стѣнами, за которыми вились виноградники. Мы остановились у розоваго дома.

Я привыкла къ довольно богатой жизни, и сначала не поняла, что темная лѣстница съ кошками —это главный ходъ. Но оказалось—такъ. Мы поднялись въ третій этажъ. Квартира Александры Николаевны состояла изъ четырехъ комнатъ.

— Вотъ эту,—сказала она, отворяя дверь въ маленькую,

какъ бы монастырскую келью съ бѣлыми стѣнами—я могу уступить вамъ.

— Отлично.

Александра Николаевна ушла въ кухню, попыхивая папиросой, приготовлять съ итальянской дѣвочкой Маріеттой обѣдъ. Я разбирала свои вещи. Вотъ куда занесла меня судьба! Думала ли я, выступая пять лѣтъ назадъ въ «Князѣ Игорѣ», что окажусь въ этомъ глухомъ углу итальянскаго побережья, въ квартиркѣ, снятой у лигурійскихъ мѣщанъ, на берегу моря? Могла ли я предвидѣть сегодняшній вечеръ съ хмурыми облаками надъ горой, съ дождемъ, Александрой Николаевной, Маріеттой?

Пока готовили обѣдъ, я вышла въ столовую и отворила окно. Оно выходило въ горы. Внизу, въ виноградникѣ, возился итальянецъ въ синихъ штанахъ, въ большой шляпѣ. Изъ апельсинной рощи шелъ свѣжій запахъ, желтѣли плоды; по горамъ изсѣра зеленѣли оливки, а выше—темныя сосны. Оттуда, какъ и отъ облаковъ, курившихся на горахъ, вѣяло тишиной, спокойнымъ, важнымъ. «Живите, заблуждайтесь, страдайте», какъ-бы говорили они: «мы плывемъ, подъ нами благоухаютъ лѣса, мы даемъ этотъ сырой, туманный вечеръ, когда въ горахъ жутко, и сиротливѣй селенія по склонамъ. Мы плывемъ и таемъ, мы жизнь, настоящая, вѣчная жизнь».

Когда въ сельской церкви зазвонили къ Ave Maria и звуки медленно наполняли окрестность, а въ горныхъ храмахъ имъ отзывались другіе—я почувствовала еще сильнѣй, что у этихъ молчаливыхъ существъ есть жизнь, и быть можетъ, значительнѣе моей.

Итакъ, я поселилась въ маленькой бѣлой комнатѣ, выходящей на море.

Дурная погода кончилась. Свѣтитъ солнце. Рядомъ, на плоской крышѣ въ видѣ террасы, итальянка сушитъ бѣлье, а дѣти внизу скачутъ черезъ веревочку.

Странное дѣло: мнѣ не скучно. Я ощущаю огромное сочувствіе къ этой итальянкѣ, къ дѣтямъ, даже къ шумной дѣвчонкѣ Маріи, которая вѣчно ссорится съ подругой—въ окнѣ дома напротивъ.

Иногда онѣ визжатъ, плачутъ, потомъ мирятся и выставляютъ за окно дрозда въ клѣткѣ. Увидѣвъ меня, говорятъ: «Здравствуйте»,—и это похоже на щебетъ птицы.

Здѣсь вообще знаютъ русскихъ. Уже нѣсколько разъ слышала я русскія слова. Вчера эмигрантъ спрашивалъ у Маріетты, дома ли Александра Николаевна. Маріетта отвѣтила: «Вѣра (это я) in casa, Саша non c'e».

Достаточно выйти изъ дому—тотчасъ увидишь фигуру, которая только и можетъ быть русской: косоворотка, бандитская шляпа, особенная походка. Если идетъ барышня съ мохнатой простыней, въ сандаліяхъ,—значитъ наша, съ купанія.

Чаще всего нашихъ можно встрѣтить у моря. Возможно, въ нашей натурѣ есть то мягко-пѣвучее, что влечетъ къ одиночеству, мечтательной меланхоліи. Затѣмъ, большинство здѣсь, какъ и я, разбитые корабли.

Можетъ быть, оттого, что за послѣдніе годы мнѣ самой много пришлось перенести,—эти люди вызываютъ во мнѣ жалость. Прибавлю: жалость необидную. Ту, которою пусть и они пожалѣютъ меня.

На-дняхъ я познакомилась съ двумя здѣшними барышнями. Одна называется Катя, другая еврейка, Леечка. И вотъ эта «товарищъ Катя», маленькая, съ астмой, завѣдывала какой-то лабораторіей; была сослана въ Сибирь, на каторгу. Бѣжала черезъ всю Азію.

Конечно, она существо надломленное, усталое, хотя и сохранила остатки прежняго: слова: «законспирировалась», «публика», и пр.

Леечка—совсѣмъ другое. Но она не эмигрантка, учительница изъ западнаго края. Ее послали сюда поправляться. Она черненькая, очень молодая, экзальтированная и склонная вѣрить во все возвышенное. Она часто ходитъ съ томикомъ Гейне, Пушкина, забирается на гору Сантъ-Анна, или ложится у моря, читаетъ.

— Здравствуйте,—говоритъ она обыкновенно, и вся зардѣется.—Какія нынче прекрасныя погоды!

Ея черные глаза блестятъ, она смотритъ на море, солнце, а я думаю: «въ ней есть поэтъ»,—и мнѣ пріятно это.

— Идемъ купаться? говоритъ она.—Хорошо? Я цѣлый день могу здѣсь ходить, тутъ такъ хорошо!

На пляжѣ мы встрѣчаемъ Александру Николаевну. Въ рукахъ у ней письмо, и я догадываюсь, отъ кого: отъ мужа, изъ Милана. У нихъ что-то происходитъ, несомнѣнно. Александра Николаевна куритъ изъ мундштука, ея сѣрые, умные глаза печальны. Мы съ Леечкой раздѣваемся (никого здѣсь нѣтъ). Солнце блеститъ въ водѣ, вода хрустально-зеленая, теплая, и вся кипитъ пузырь-

ками. Мы смѣемся, ложимся; волны окатываютъ насъ. Точно жизнь, сила входитъ въ меня съ этими волнами.

По насыпи проносится поѣздъ. «Чау, чау!» кричимъ мы. Леечка вылѣзла уже, а мнѣ не хочется. Такъ бы и лежала на пескѣ, обдаваемая кипящимъ серебромъ, смотрѣла бъ на горы, голубое небо надъ ними, дышала-бъ солнечно-соленымъ воздухомъ.

— Ахъ, какой нынче замѣчательный день! говоритъ Леечка, отирая ножки о песокъ.—Какъ удивительно тепло!

Утро. Я иду проулкомъ между домами, въ тѣни. Розовыя стѣны залиты солнцемъ. Изъ садика свѣшивается виноградъ. Въ нишѣ—грубо сдѣланная статуэтка Франциска Ассизскаго.

У выхода на приморскую улицу встрѣчаю дѣвочку Таню.

— Купаться идете?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ.

— Можно съ вами?

— Идемъ.

— Вы знаете,—говоритъ Таня, взявъ меня за руку: мы завтра уѣзжаемъ. То есть, я, Лена и мама. Папа остается, не можетъ. А мы въ Россію.

— Вамъ хочется въ Россію?

— Нѣтъ.

Таня задумчиво шагаетъ рядомъ со мной. Она бѣленькая дѣвочка, очень загорѣлая, въ веснушкахъ. Ножки у ней до колѣнъ голыя.

— Намъ здѣсь какъ въ раю было. Мы играли очень хорошо. Вы знаете Ромоло, хозяйскаго сына? Очень симпатичный!

Я знаю и Ромоло, и Танина отца—плотнаго эмигранта съ типично-русскимъ, грубоватымъ лицомъ. На лѣто къ нему пріѣзжала изъ Россіи семья. Онъ въ первый разъ увидѣлъ дочь, родившуюся безъ него, въ Россіи. Теперь семья уѣзжаетъ,—можетъ быть, на годъ, а то и на два: жена его учительница въ Россіи.

Я сжимаю Танину руку.

— Вамъ жаль съ папой разставаться?

— Жаль,—отвѣчаетъ Таня.—А папа насъ очень жалѣетъ. Онъ вчера цѣлый вечеръ плакалъ.

Пройдя подъ желѣзнодорожной насыпью, мы выходимъ на пляжъ. Рядомъ, въ ручьѣ, впадающемъ въ море, расплывшемся дельтой, прачки полощутъ бѣлье. Вдали тянутъ сѣть голоногіе рыбаки. Подошвы горъ у моря—въ голубомъ туманѣ.

— Какой песочекъ славный! говоритъ Таня.

Отъ нагрѣтаго песка здѣсь теплѣе, надъ нимъ колеблются стеклянныя струи. Городъ Кіавари, у горъ, слегка переливается: очертанья домовъ текутъ.

— А, вонъ папа! говоритъ Таня, показывая въ сторону рыбаковъ.—Видите, сидитъ съ Машей.

Маша его годовалая дочь. Мы подходимъ сзади, онъ не замѣчаетъ насъ. Но я вижу, какъ цѣлуетъ онъ свою дѣвочку, какъ покачивается съ ней, точно напѣвая что-то.

— Послушайте, Таня, я не могу съ вами итти... Я забыла, мнѣ домой... надо.

Я поворачиваюсь и, не подымая глазъ, иду назадъ, къ проходу подъ линіей. Не хочу я, чтобы Таня видѣла и мои слезы.

Человѣкъ сильно, сильно мѣняется. Вспоминая себя десять лѣтъ назадъ, я съ трудомъ возстановляю, что это я, никто другая. Я была тогда молода, горяча, и очень многаго хотѣла для себя. Не могу отрицать, я была чувственна и славолюбива. Моя любовная жизнь началась рано, и среди серьезныхъ увлеченій я знала и такъ называемый «угаръ страстей».

Одно изъ очень тяжелыхъ воспоминаній моей юности—самоубійство студента, котораго я завлекла. Его смерть и сейчасъ встаетъ надо мной тяжкимъ укоромъ. Многое въ своихъ послѣдующихъ страданіяхъ я считаю карой.

Главная кара—это моя жизнь съ мужемъ. Отлились кошкѣ мышкины слезки. Мужъ былъ моложе и сильнѣе меня. Раньше *я* мучила тѣхъ, кто слабѣй въ любви, теперь *я* попалась. Я страдала много—что ужъ скрывать—и отъ его отношенія, отъ измѣнъ, но молчала. Родился Боря, пришлось бросить сцену. Съ Борей въ жизнь мою пришло совсѣмъ новое, и такое сильное, сладостное и завлекательное, что я даже не ожидала. Богъ съ ней, со сценой, славой!

Но, видимо, мнѣ не дано этого счастья. Зачѣмъ буду я вспоминать о томъ ужасѣ, который пришлось перенести, о борьбѣ за Борю, когда мужъ окончательно бросилъ меня, о томъ, что мы, какъ звѣри, вырывали его другъ у друга, крали, вовлекали пятилѣтняго ребенка въ нашу распрю.

Я была способна на подлость, подкупъ, предательство. Господи, все это такъ, но Ты знаешь, что это дѣлала ослѣпленная, отчаявшаяся женщина, забывшая все. Быть можетъ, поэтому, Ты смилуешься надъ ней.

Зато я научилась понимать всѣхъ, у кого дѣти. Всякое горе, связанное съ ребенкомъ, дѣлаетъ мнѣ человѣка близкимъ. Пусть пошлетъ Всевышній радости дѣтямъ.

Александра Николаевна рѣже получаетъ письма, но чаще ходитъ за ними.

Почта отъ насъ въ двухъ шагахъ. Никогда раньше не видала я такой почты. Дважды въ день старичекъ бредетъ на станцію съ сумкой, приноситъ десятокъ писемъ—большинство русскимъ. Выдаютъ безъ разбору, кому угодно. Старикъ не умѣетъ прочесть ни одной русской фамиліи. Если нѣтъ его сына, трудно добиться толку.

Александра Николаевна ходитъ за письмами съ неизмѣннымъ мундштукомъ во рту, спокойно поглядывая на ребятишекъ, скачущихъ у колодца.

— Niente!—отвѣчаетъ почтмейстеръ.

Она такъ же покойно возвращается, сидитъ у себя въ комнатѣ. Я пробовала звать ее пройтись, въ горы—она никуда не выходитъ. Въ ея комнатѣ туманъ отъ дыма, а вечеромъ появляется фіаска краснаго вина, и къ двѣнадцати Александра Николаевна выпиваетъ ее, съ помощью двухъ-трехъ эмигрантовъ.

— Зайдите ко мнѣ,—говоритъ она:—вы считаете меня пьяницей, но это ничего. Мало ли за кого меня здѣсь считаютъ.

— Вы пьяница и есть,—говорю я, улыбаясь.—Что тутъ считать? Мнѣ только странно, почему вы сидите въ духотѣ, табачищѣ, когда есть такое море?

— Прежде я была умная и честная, — говоритъ Александра Николаевна, уставясь на меня покраснѣвшими глазами.—Теперь все это прошло. Я третьяго дня на скалахъ заснула, да утромъ только проснулась. Всю ночь продрыхла.

— Все-таки, пойдемъ на воздухъ.

Я беру ее подъ руку, свожу внизъ, по нашей темной и крутой лѣстницѣ. Эмигранты остались допивать вино.

— Да, тутъ легче дышать,—говоритъ она.

Мы идемъ мимо домовъ итальянцевъ, гдѣ спятъ уже эти простые люди, земледѣльцы, рыбаки. По древнему мостику, узенькому, крутому, переходимъ ручей. Долина между горъ, откуда бѣжитъ онъ, темна, полна ночного бархата. Таинственно журчитъ ручей. На горѣ повисли огромныя звѣзды—такъ именно кажется, что повисли.

Мы выходимъ къ приморскому шоссе. Александра Николаевна кутается въ платокъ.

— Можетъ, напрасно,—говоритъ она:—а я вамъ все-таки скажу. У меня съ мужемъ разрывъ полный. Конецъ, я чувствую.

Изъ темноты выдѣлились двѣ фигуры. Въ одной узнаю

Леечку. Другая—Сеня, анархистъ. Они тоже что-то съ жаромъ говорили. Увидя насъ, смолкаютъ.

— Леечка! — окликаю я.

— Да, это мы. Ахъ, здравствуйте, я въ темнотѣ васъ не различила! Какая ночь, не правда ли?

Я не вижу ея лица, но чувствую, что она смущена.

— Леечка,—говорю я:—нехорошо по ночамъ гулять съ анархистами.

— Ахъ, что вы говорите, мы же немножко только прошли къ скаламъ. Ну, Сеня, правда?

— А на скалахъ навѣрно цѣловались, говоритъ Александра Николаевна.

— Это что-то ужасное они про насъ выдумали, правда, Сеня?

— Ничего подобнаго!—отвѣчаетъ Сеня, молодой бритый человѣкъ съ огромной головой и еврейской нервностью.—Если бы хотѣлъ цѣловаться, то не спрятался бы для этого на скалы.

— Приходите завтра купаться, если будетъ хорошее море! кричитъ изъ темноты Леечка.

— Они врутъ, что не цѣловались, это ужъ навѣрно,—говоритъ Александра Николаевна.—Наши всегда на скалахъ цѣлуются.

Мы идемъ теперь по тому шоссе, по которому въѣзжала я сюда двѣ недѣли назадъ. Слѣва черная стѣна скалъ; справа море, чуть бормочущее.

Мы сѣли на утесахъ при дорогѣ, въ мѣстѣ, гдѣ сама природа позаботилась сдѣлать скамью. Здѣсь можно сидѣть очень удобно, облокачиваясь спиной о камень. Передъ глазами ночь, море, золотые огоньки Сестри.

— Мужъ написалъ мнѣ,—говоритъ Александра Николаевна, что не можетъ между нами быть прежняго. Онъ говоритъ, что прежняя жизнь—обманъ. Онъ не хочетъ такъ продолжать. Ему нужна свобода.

Она подходитъ къ обрыву и бросаетъ внизъ папиросу. Огонекъ прорѣзываетъ тьму дугой и пропадаетъ. Александра Николаевна обертывается.

— Онъ меня обманывалъ, а теперь ему нужно, чтобы все происходило свободно. Я ничего не говорю. Конечно, пусть меня бросаетъ.

Она садится, кладетъ голову на камень и нѣсколько времени сидитъ молча. Я хочу что-то ей сказать, обнять ее, поцѣловать, но не выходитъ. Жму лишь руку.

— Тогда зачѣмъ же было тянуть все это,—говоритъ она, точно про себя.—Я его не удерживала.

Ночь уходитъ все дальше. Звѣзды измѣнили мѣста: однѣ заходятъ за чернѣющій край скалъ, другія появляются надъ Сестри. Влажный, темный вѣтерокъ набѣжалъ съ моря. За туннелемъ свиститъ поѣздъ.

— Ну, говоритъ Александра Николаевна, очнувшись.—Скажите жъ мнѣ, что дѣлать.

Я знаю, что надо дѣлать: надо все пережить, измучиться, и полуразбитой выйти снова.

— Терпите,—говорю я.—Милая, терпите.

Она вновь кладетъ голову на камень.

Я продолжаю:

— Богъ далъ намъ страданія для неизвѣстныхъ цѣлей. Не намъ ихъ понять. Мы можемъ лишь любить.

Помню я, что прежде, давно, когда я была извѣстной, богатой и красивой, все въ жизни сосредоточивалось для меня на мнѣ самой: люди столько меня интересовали, сколько восхищались моимъ пѣніемъ, ухаживали за мной и льстили. Часто я понимала, что лесть груба, корыстна; но такова ея сила надъ нами: всегда наше сердце на сторонѣ того, кто хвалитъ.

Во всякомъ случаѣ—не ѣздившіе въ Большой театръ, не апплодировавшіе и не подносившіе цвѣтовъ были для меня ничто. Я не желала имъ зла. Но во мнѣ было уже нѣкоторое недовольство тѣми, кто предпочиталъ моему пѣнію науку, литературу, живопись.

Такъ было давно. А съ тѣхъ поръ, какъ изъ извѣстной пѣвицы я превратилась въ бездомную бродягу, изъ года въ годъ мѣнялось мое отношеніе къ людямъ.

Я заговорила объ этомъ потому, что здѣсь, въ приморской итальянской деревушкѣ, чувство это проявилось во мнѣ сильнѣе.

Да, меня интересуютъ и прачки, полощущія бѣлье въ ручьѣ, и работники, собирающіе оливки; и рыбаки, и каменотесы, что вѣчно чинятъ дорогу въ Сестри. Дѣти и старики, два раза въ день выходящіе къ морю, и стрѣлочница Тереза съ четырьмя малышами—полуголодная, но всегда бойкая, живая, энергичная. И, наконецъ, наша Маріетта.

Маріетта меня занимаетъ въ особенности. Ей четырнадцать лѣтъ, она тоненькая, съ черными продолговатыми глазами и

этрусскимъ профилемъ. Она является къ намъ утромъ, убираетъ комнаты—съ той легкостью, граціей движеній, которыя свойственны ея расѣ. Она же намъ готовитъ. На помощь ей является бабушка—сказочнаго вида старушонка,—и вдвоемъ они жарятъ и варятъ въ кухнѣ. Отъ жара Маріетта розовѣетъ. Глаза ея блестятъ ярче.

Отслуживъ, она становится снова ребенкомъ, прыгаетъ съ дѣтьми у колодца, бѣгаетъ по пляжу съ дѣвицами Бокка, ея пріятельницами.

Александру Николаевну она очень любитъ, называетъ Саша. Знаетъ исторію съ мужемъ, и мужа не одобряетъ: какъ у многихъ въ Италіи, у ней простой и прочный взглядъ на бракъ.

— Ну что, какъ Александра Николаевна?—спрашиваю я утромъ, когда она убираетъ мою комнату.

— Piange sempre. Ночь не спала.

— А госпожа Бокка?

Маріетта хохочетъ. Бокка, мать ея подругъ Розы и Цециліи, ея личный врагъ, какъ и всѣхъ почти въ Барассо. Она богатая (у ней вилла рядомъ съ нами), но скупая и злая. Здѣсь считается хорошимъ тономъ сдѣлать ей гадость.

Маріетта развеселилась. Ночью у Бокка украли курицу. Она сегодня въ слезахъ, въ обморокѣ, Роза съ Цециліей отхаживаютъ ее. Маріетта изображаетъ, какъ Бокка лежитъ на постели и стонетъ: O, mia gallina!

Пріотворяется дверь Александры Николаевны.

— Тиночка!

Маріетта сразу вскакиваетъ и бѣжитъ. Лицо ея серьезно.

Черезъ минуту она стучитъ башмачками къ почтѣ.

Къ завтраку Александра Николаевна выходитъ худѣе, блѣднѣе обычнаго. Какъ всегда, съ папиросой.

— Маріетта, еще фіаску къ вечеру!

— No,—говоритъ она умоляюще:—Саша, не надо.—Vino vi fa male.

— Ничего, милая, тащи.—Все равно,—говоритъ она, обращаясь ко мнѣ:—я тутъ послѣдніе дни. Въ Парижъ ѣду. Больше не могу.

Послѣ завтрака она запирается, и читаетъ, читаетъ до одурѣнія.

На другой день Маріетта ведетъ меня къ госпожѣ Бокка, гдѣ я должна снять комнату.

Калиткой мы входимъ въ садъ съ пальмами, я вижу внушительную виллу, ступаю по дорожкѣ, усыпанной гравіемъ, въ блескѣ солнца—и исполняюсь почтенія къ владѣлицѣ всего этого.

Двѣ миловидныя дѣвушки возятся въ саду—развѣшиваютъ на солнцѣ старыя платья. Маріетта подмигиваетъ имъ и мнѣ. Это ея пріятельницы Роза и Цецилія, которыхъ мать держитъ сурово.

Роза дѣлаетъ мнѣ реверансъ. Она старше и красивѣй Цециліи. Но у обѣихъ такъ черны волосы, какъ только могутъ быть у итальянокъ.

— Мама, вѣроятно, еще не одѣта, говоритъ она на плохомъ французскомъ языкѣ.

— Ничего, покажите комнату.

Роза и Цецилія весело бѣгутъ впередъ. Видимо, рады оторваться отъ работы, посмотрѣть новаго человѣка.

По лѣстницѣ, выложенной мраморомъ, подымаемся во второй этажъ. Весь онъ пустъ. Мнѣ предлагаютъ двѣ комнаты—одну съ видомъ на море, другую въ горы—за пятьдесятъ франковъ. Хотя давно здѣсь никто не жилъ, но обстановка хорошая, свѣтло, пріятно. Я соглашаюсь, и меня ведутъ внизъ, къ Бокка.

Госпожа Бокка встрѣтила меня въ томъ растерзанномъ видѣ, какой бываетъ по утрамъ у зажиточныхъ и бездѣльныхъ итальянокъ. Ей за сорокъ; видимо, была красива, теперь толста и плачется о лирахъ, о возможныхъ убыткахъ и огорченіяхъ.

Я доказываю, что никакихъ ущербовъ не нанесу и отвѣчаю за цѣлость каждаго стула. Она сыплетъ скороговоркой, и, кажется, увѣряетъ, что отъ такой женщины, какъ я, она ждетъ лишь хорошаго.

Въ дверь подглядываютъ Маріетта и Цецилія. Вѣрно, онѣ щиплются, тихо взвизгиваютъ. Роза покорно стоитъ рядомъ съ матерью. Я подымаюсь.

— Значитъ, съ завтрашняго дня.

Какъ бываетъ иногда, когда надѣнешь другое платье, или въѣдешь въ новую квартиру—чувствуешь себя инымъ.

Я вышла въ залитой солнцемъ садъ, гдѣ цвѣли розы, и мнѣ представилось на мгновеніе, что я въ Ниццѣ, что вилла эта моя собственная, что изъ-за угла выскочитъ сейчасъ Боря; что съ мужемъ мы живемъ хорошо, какъ было давно, въ первые мѣсяцы замужества.

Это мгновенное видѣніе взволновало меня, мнѣ не захотѣлось

возвращаться домой. Я перешла черезъ каменный мостикъ и пошла по теченію ручья, въ долину.

Небо было голубое, съ разорванными облачками. Тѣнь оливокъ трепетала вокругъ. Пѣли птицы, ящерица пробѣжала по камню на припекѣ. Въ другомъ мѣстѣ я встрѣтила первый проблескъ весны: горсть фіалокъ. Я сорвала ихъ, стала нюхать, и ихъ сладкій, сентиментальный запахъ снова взволновалъ меня: я вспомнила букетъ такихъ же пармскихъ фіалокъ, который поднесли мнѣ разъ въ Большомъ театрѣ, за Татьяну. Но Богъ съ ними, съ воспоминаніями. Я шла дальше и дальше, ущелье суживалось; съ обѣихъ сторонъ тянулись оливковыя рощи и сосновыя.

По очень крутой тропинкѣ я стала подыматься вверхъ. Мнѣ хотѣлось добраться до горной деревушки Алессіо.

Скоро оливки остались внизу. Я вошла въ область сосенъ. Онѣ зеленѣли особенно,—не такъ, какъ у насъ—ихъ зелень на голубизнѣ неба здѣсь поразительна.

Я сидѣла на камнѣ, меня грѣло солнце. Я вдыхала смолистый воздухъ, смотрѣла, какъ орелъ плыветъ въ небѣ, слушала таинственные голоса птицъ, перекликавшихся въ горахъ; видѣла, какъ съ тяжестью на головѣ подымается снизу дѣвочка—она идетъ въ Алессіо. И со мной ничего не случилось. Но мнѣ хочется упомянуть объ этомъ ясномъ днѣ, предвѣстникѣ весны, о томъ, какъ я сидѣла на камнѣ и смотрѣла на дѣвочку изъ Алессіо, о той тихой и кроткой силѣ, которая нисходила тогда въ мое сердце.

Александра Николаевна заходила ко мнѣ прощаться, и наставляла Розу и Цецилію, чтобы хорошо за мной ухаживали, были внимательны, заботливы.

Потомъ она крѣпко пожала мнѣ руку, мы поцѣловались, и снова тѣмъ дѣловымъ тономъ, какимъ говорила въ день моего пріѣзда, она сказала:

— Провожать меня не надо. Это сентиментальности.

Русскіе не знали, когда она уѣзжаетъ, но мы съ Маріеттой пронюхали, что съ вечернимъ,—яко бы въ Нерви: и пришли на вокзалъ.

Было пустынно, уныло на нашемъ полустанкѣ. Два фонаря, нетрезвый начальникъ въ красномъ кэпи, съ огромной трубкой. Гулъ моря, далекіе, золотистые огни Кіавари, черная бездна неба въ звѣздахъ. Мнѣ почему-то представилось, что и здѣсь,

какъ въ Россіи, неуютно и печально жить людямъ, встрѣчающимъ и отправляющимъ поѣзда.

Когда подошелъ treno omnibus, Александра Николаевна вошла въ купэ, въ третій классъ, я вдругъ почувствовала, что осталась теперь совсѣмъ самостоятельная, одна въ этой странѣ.

Я подала ей въ окно букетикъ фіалокъ, еще разъ пожала руку. Маріетта быстро вскочила на подножку, поцѣловала.

Такъ мы ее проводили. Поѣздъ omnibus, останавливающійся на каждомъ полустанкѣ, потащилъ ее въ Геную, а оттуда въ Парижъ, къ новой жизни, мы же вернулись къ нашей малой, гдѣ главныя событія—каково море, есть ли солнце, задуетъ ли трамонтано.

Впрочемъ, какъ и вездѣ,—на нашей виллѣ тоже оказались свои интересы, даже страсти и борьба. Такъ оно и должно быть, конечно, стоитъ лишь внимательно взглянуть вокругъ.

Госпожа Бокка собиралась выходить замужъ, а у Розы шелъ романъ съ русскимъ студентомъ. Къ Бокка пріѣзжалъ изъ Флоренціи синьоръ Морозо, и тогда все въ квартирѣ чистили, мыли, дѣвушки полдня ходили съ подоткнутыми подолами и вытаскивали на нижнюю террасу мебель. Къ обѣду жарили курицу. Являлась фіаска вина. Дѣвушки ненавидѣли Морозо, боялись, что онъ станетъ вотчимомъ, и вообще только и мечтали, какъ бы поскорѣе удрать отъ матери. Строили даже планы—бѣжать въ Парижъ.

Этому способствовало и то, что Роза полюбила студента. Мать слышать не хотѣла о бракѣ. Она ждала для дочери милліонера, какъ нѣкогда было съ ней самой: она была замужемъ за первымъ богачемъ Кіавари, покойнымъ отцомъ Розы и Цециліи. Она же его разорила, забрала остатки состоянія, бросила: онъ умеръ чуть не на улицѣ.

Во всѣ эти дѣла посвятила меня Маріетта. Она перешла ко мнѣ по наслѣдству, и каждое утро я слышала ея легкую поступь у двери, осторожный стукъ — и въ комнату заглядываетъ ея черненькое, острое личико съ этрусскимъ профилемъ.

— Vuole stufa?—спрашиваетъ она неизмѣнно.

— «Хочу ли я печку»—какой милый языкъ! Я ее хочу—и, пока одѣваюсь, Маріетта бросаетъ въ желѣзную печку шишки, хранящіяся у меня въ углу комнаты, въ мѣшкѣ. Ихъ оставилъ намъ уѣхавшій русскій, котораго итальянцы называли signor Barbalov за его бороду. У насъ шишки зовутся pigni del signor Barbalov.

Pigni трещатъ, мечутъ искры. Въ комнатѣ появляется тон-

кій запахъ ладана. Маріетта накладываетъ угля, а я отворяю ставни. Мое удивленіе немало: въ горахъ, и у насъ, въ Барассо, бѣлая изморозь—снѣгъ.

— Это бываетъ,—объясняетъ мнѣ Маріетта.—Это ничего, на нѣсколько часовъ.

И, взбивая мою постель, она весело разсказываетъ, что сегодня всѣ ходили изъ Барассо на охоту. Птицы боятся холода, спускаются съ горъ и дѣлаются такими вялыми, безжизненными, что ихъ можно брать руками. Въ прошломъ году она сама поймала нѣсколько штукъ.

Я выхожу въ другую комнату—она очень свѣтлая, съ видомъ на сѣро-зеленое море. По насыпи проносится курьерскій изъ Генуи въ Римъ; въ это время къ Маріеттѣ пробралась маленькая Лелія, четырехлѣтній карапузъ, племянница Бокка. Маріетта смѣется.

— Русскіе зовутъ Бокка жабой. Я и Розина научили Лелію, она вчера dice: «тетя Бокка жаба». Бокка domandala: «что такое жаба, cosa vuol dire жаба». Мы говоримъ: «русское слово, такъ русскіе называютъ женъ».

И Маріетта заливается, тискаетъ Лелію. Она счастлива, что удалось подложить Бокка свинью.

— А какъ же, Маріетиночка, дѣла у Розы со студентомъ?

Маріетта хихикаетъ: изъ чего я заключаю, что дѣла не плохи.

— Бокка не позволяетъ замужъ. Онъ ее украдетъ, vuole rubarla. E poi scappare, a Parigi.

Я знаю, что scappare a Parigi мечта не одной Розы, но и Цециліи, и Маріетты. Парижъ кажется имъ необыкновенно прекраснымъ городомъ, центромъ міра, красоты, роскоши, великолѣпія.

Хоть очень меня занимаютъ переливы, узоры жизней вокругъ, и я переписываюсь съ Александрой Николаевной, часто и помногу говорю съ Леечкой и ея анархистомъ, цѣлую Розу, все же не нужно думать, что меня не посѣщаетъ тоска и мучительное томленіе: всегда по одному—по Борѣ. Какъ я ни стараюсь привыкнуть къ мысли,—что для меня нѣтъ его—мнѣ все же очень трудно это сдѣлать. Вообще—увѣщевать на скалахъ Александру Николаевну—одно, а управлять своими чувствами—другое.

Я помню, напримѣръ, одинъ вечеръ.

Я вышла, по обыкновенію, къ морю. Садилось солнце. По всему нашему побережью былъ разлитъ тихій, розовѣющій свѣтъ.

Въ ущельяхъ фіолетовѣла тѣнь. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ нестерпимо блестѣли стекла.

Изъ туннеля вылетѣлъ поѣздъ, мимо меня пробѣжали знакомые вагоны, и, какъ всегда, на послѣднемъ, коричневой фанеры, надпись: «Paris—Rome».

Я шла по самому краю берега. Тамъ, гдѣ садилось солнце, въ прозрачномъ воздухѣ я вдругъ замѣтила снѣжныя вершины—это приморскія Альпы, у Франціи, они являются иногда, какъ видѣнія, въ очень тихіе и прозрачные вечера.

Я чувствовала, что отъ этихъ горъ, отъ поѣзда, умчавшагося въ неизвѣстность, отъ туманно-прекрасной музыки свѣта я впадаю въ лирическое волненіе. Быть можетъ, будь я поэтомъ, я стала бы слагать стихи, въ этомъ одиночествѣ, у моря. Но у меня лишь тѣснило грудь, я напѣвала что-то; въ горлѣ стояли слезы.

Волны нѣжно лизали песокъ. Онѣ набѣгали чуть слышно, стеклянной влагой, съ легкимъ шипѣніемъ спрядывали. Тонкой шелковой пеленой оставался на пескѣ ихъ слѣдъ, переливаясь небесной лазурью, розовыми отсвѣтами. О, какъ прелестны эти закатные шелка моря!

Потомъ все угасло. Стемнѣло, я осталась одна, безъ этихъ радужныхъ фантасмагорій; по сыпучему песку я прошла къ камнямъ, у линіи. Я ощутила вдругъ такую раздирательную тоску, что мнѣ хотѣлось закричать на все прибрежье, на всю прекрасную, но для меня сейчасъ ненужную страну: Боря, Боря! Боже мой, если бы его увидѣть, хоть разъ.

— Due,—сказалъ мнѣ почтмейстеръ, подавая два письма.—Anche una stampa.

Стампа эта оказалась выписанной изъ Рима книгой, а одно письмо отъ Александры Николаевны. Я вскрыла его, и читала, проходя по дорожкамъ нашего сада. Другого не успѣла прочесть; подбѣжала Роза, приколола мнѣ на грудь нѣсколько мимозъ, и повела къ себѣ.

— Синьора Вѣра,—говорила она,—мамы нѣтъ, она во Флоренціи у Морозо, я хочу съ вами посовѣтоваться.

И присѣвъ у себя на кровати, блестя глазами и волнуясь, Роза разсказывала мнѣ, какъ ей опостылѣло жить у матери, видѣть Морозо, какъ ей хочется вырваться. Но она должна бы уѣхать... не одна. (Роза смутилась, тонкій румянецъ разлился по ея лицу). Я русская—она не станетъ скрывать, она любитъ

одного молодого русскаго. (Роза вдругъ обняла меня, спрятала въ плечѣ зардѣвшееся личико, и стала цѣловать мою шею).

— Ну, хорошо,—говорю я.—Что же дальше?

Она хочетъ спросить меня, какъ русскіе смотрятъ на дѣвушку, которая согласна, не вѣнчавшись, бѣжать въ Парижъ. У нихъ, напримѣръ, къ этому отнеслись бы строго. А вдругъ женихъ подумаетъ, что она какая-нибудь такая, легкомысленная?

Все это было довольно курьезно и по-дѣтски, но съ дѣвушекъ, видѣвшихъ на своемъ вѣку только море, солнце, да глупую мать, трудно большаго и спрашивать. Къ тому же черные глаза Розины такъ сіяли, что она вызывала во мнѣ полное сочувствіе. Я ее успокоила. Ничего, если поѣдетъ въ Парижъ и невѣнчанная. Русскихъ бояться нечего. А что въ Парижѣ можетъ быть трудно изъ-за денегъ,—пусть имѣетъ въ виду.

Въ заключеніе я повела ее къ себѣ завтракать,—и тамъ застали мы еще двухъ дѣвицъ: Леечку и Катю. Я была очень рада, велѣла Маріеттѣ притащить вина, взять побольше сыру и сбѣгать къ Кармелѣ за шоколадомъ, апельсинами, которые мужъ Кармелы выращиваетъ у себя въ саду: намъ приносятъ ихъ на вѣткахъ, съ листиками.

Итакъ, получился дамскій банкетъ. Мы растворили окна, въ комнату врывался солнечный вѣтеръ, виднѣлась синева моря, и чудесно бѣлѣло на ней абрикосовое дерево въ цвѣту. Леечка выпила вина, раскраснѣлась, смѣялась, и говорила, восторженно блестя глазами: «Ахъ, какія прекрасныя погоды!»

Худенькая Катя, слегка задыхаясь отъ приступа астмы, сообщила мнѣ, что «эмигрантская публика въ Нерви устраиваетъ вечеръ въ пользу кассы»—и не могу ли я спѣть на немъ.

Я была нѣсколько удивлена. Въ первую минуту мнѣ стало даже непріятно. Представилось, что, когда я выйду, всѣ первымъ дѣломъ подумаютъ: «а, отставная пѣвица!» И въ ихъ снисходительности будетъ для меня очень горькое. Но потомъ я взглянула въ открытое окно, въ которомъ вѣтеръ вздувалъ легкія занавѣски, увидѣла рыбацкую лодку подъ оранжевымъ парусомъ,—что-то простое, свѣтлое вошло въ мою душу, и мгновенно ея состояніе измѣнилось. «Гордость, самолюбіе—отголоски прежняго», подумала я. «Этимъ Катямъ и разнымъ невѣдомымъ «товарищамъ» дѣйствительно нужны деньги, и я имъ помогу, а буду ли имѣть успѣхъ, или нѣтъ, посмѣются надо мной, или не посмѣются—это неважно, это все очень, очень пустое».

И я весело согласилась. Мнѣ даже понравилось, что поѣду

въ Нерви, увижу новыхъ людей, новыя мѣста—немного освѣжу свои впечатлѣнія.

На томъ мы и порѣшили.

Обѣдъ закончился фруктами, потомъ дѣвицы висѣли на подоконникахъ, разсматривая, какъ отходитъ въ Сестри кукушка—омнибусъ, какъ въ саду при тратторіи итальянцы играютъ въ шары—boccе,—и, наконецъ, ушли.

Я совсѣмъ забыла про второе письмо, полученное сегодня, и только теперь вскрыла его.

Дальняя родственница, старушка, съ которой у меня сохранились добрыя отношенія, писала, что мужъ мой заболѣлъ, и врачи рекомендовали ему Нерви. Онъ взялъ съ собой Борю.

Я глубоко передохнула. Такъ вотъ гдѣ, въ Нерви!

Я накинула платокъ, захватила шоколадъ, заперла свои комнаты, и чуть не бѣгомъ бросилась на Сантъ-Анна. Можетъ быть, я выбрала ее потому, что ходьба въ гору утомляетъ, или же инстинктивно хотѣлось простора, далекаго вида; я была права, выбравъ именно этотъ путь.

Не могу разсказать, какъ хороша тропинка въ Сантъ-Анну теплымъ солнечнымъ днемъ, послѣ полудня. Надо самому видѣть тѣни оливокъ,—тонкія, кружевныя, посмотрѣть на молодыхъ лигуріекъ, работающихъ въ виноградникѣ; ощутить золотой припекъ на южномъ склонѣ горы, взглянуть на голубоватую бездну воздуха надъ моремъ, на само море, окутанное туманнымъ блескомъ,—прислушаться къ шороху ящерицъ, къ нѣжному гудѣнію телеграфа.

На одномъ изъ поворотовъ тропинки я увидѣла слѣдующую сцену: на поваленномъ телеграфномъ столбѣ сидятъ Леечка и Маріетта. Маріетта читаетъ вслухъ—Льва Толстого!

Увидѣвъ меня, онѣ зардѣлись, захохотали, и Леечка стала восторженно жать мнѣ руки. Но я сказала, чтобы продолжали, а сама пошла дальше.

Я забралась въ сосновый лѣсъ надъ развалинами монастыря, и легла на каменистый склонъ, обращенный къ югу. Сквозь стволы я видѣла только синее море, надъ нимъ голубое небо, яркую зелень сосенъ. Это были волшебныя минуты. Снова, какъ бывало это у моря и въ горахъ, я почувствовала, что дышу тысячею грудей и вижу тысячами глазъ. Вѣтерокъ, шумѣвшій въ соснахъ, гудѣніе проволокъ, запахъ цвѣтущаго вереска, море, скалы, итальянки, собиравшія хворостъ и перекликавшіяся гдѣ-то еще выше меня—все это былъ одинъ свѣтлый, солнечный духъ, въ которомъ я плыла, какъ въ райской ладьѣ. Мнѣ казалось,

что и Боря никогда не уходилъ отъ меня, онъ со мной, въ моемъ трепещущемъ, изливающемся свѣтомъ сердцѣ.

Я ѣхала въ Нерви не безъ волненія. Я такъ засидѣлась у насъ въ Барассо, такъ привыкла къ полудеревенской жизни, что меня стѣсняло предстоящее выступленіе.

Кромѣ того, я упорно вспоминала о Борѣ, и это тѣснило мнѣ сердце. Я думала: не нужно, конечно, его встрѣчать, растравлять старыя раны. Въ то же время не могла не сознаться, что мучительно мнѣ хочется его видѣть.

Въ Нерви зажигались огоньки, когда подошелъ нашъ поѣздъ. Море хлестало въ скалы непривѣтно, на горизонтѣ было хмуро. Жутко становилось за далекій пароходъ, шедшій изъ генуэзскаго порта, быть можетъ, въ Америку. Настанетъ ночь въ безбрежномъ, свинцовомъ морѣ. Одиноко будетъ мореплавателямъ.

На вокзалѣ меня встрѣтила Катя, и повезла въ Grand Hôtel. Она была чисто одѣта, подтянута, и по ея виду я сразу поняла, что здѣсь курортъ, настоящее европейское мѣсто. Въ вестибюлѣ Grand Hôtel'я я почувствовала это еще сильнѣй: электричество, цвѣты, плетеныя кресла для отдыха, элегантный портье—все это вдругъ стало мнѣ пріятно. Я улыбнулась на себя и вспомнила, что подобное чувство бываетъ иногда, когда послѣ долгаго житья въ деревнѣ попадешь въ столицу. У меня явилось это праздничное, столичное настроеніе.

Катя тотчасъ убѣжала, сказавъ, что зайдетъ въ девять, передъ самымъ концертомъ. Я—же прошла къ себѣ въ номеръ, вымылась, взяла ванну и стала одѣваться. Не знаю почему, у меня все время было какое-то сладко-грустное ощущеніе. Казалось ли мнѣ, что я помолодѣла? Что во мнѣ есть еще дѣвическая стройность, еще глаза блестятъ? Или дѣйствовала такъ новая обстановка, новыя впечатлѣнія, темный вечеръ съ раскрытою на балконъ дверью?

Не могу этого сказать, не знаю. Но, когда я спустилась въ обѣденный залъ отеля, чистая, по-европейски одѣтая и не очень плохая собой, когда сѣла за столикъ съ цвѣтами и вокругъ себя услыхала разноязычный говоръ, мнѣ показалась даже, что пришла часть былого. Да, вѣрно не совсѣмъ умерла еще во мнѣ пѣвица изъ Большого театра.

Я взяла себѣ немного вина, пила кофе, и наблюдала людей. Послѣ обѣда прошла въ гостиныя. Тутъ бѣгали дѣти, въ одной изъ залъ появился фокусникъ во фракѣ, и дѣтвора бросилась

занимать мѣста, чтобы получше разсмотрѣть. Слегка задыхаясь, окинула я взоромъ эту ватагу: нѣтъ, Бори тутъ не было. А навѣрно, онъ живетъ съ отцомъ тоже въ какомъ-нибудь шикарномъ отелѣ, такъ же вотъ бѣгаетъ и смотритъ фокусниковъ.

Около девяти, когда я глядѣла, какъ красивая испанка метала маленькій банкъ, лакей подошелъ ко мнѣ, и сказалъ, что меня спрашиваетъ какая-то барышня.

Это была Катя.

Въ Россіи меня везли бы въ каретѣ, а здѣсь мы съ Катей отправились пѣшкомъ, по темноватымъ, узкимъ улочкамъ Нерви. Впрочемъ, и недалеко было. Концертъ долженъ былъ происходить въ лѣтнемъ павильонѣ Pension Suisse. Павильонъ этотъ имѣетъ видъ пагоды, помѣщается въ саду. Странно мнѣ было подходить къ зданію, такъ мало похожему на театръ. Вѣтеръ посвистывалъ въ пальмахъ, магноліяхъ; далеко, въ темнотѣ, шумѣло море.

Когда мы вошли въ артистическую, итальянская пѣвица, съ блестящими глазами и въ большомъ декольтэ, входила съ эстрады подъ плескъ апплодисментовъ. Грудь ея дышала сильно. Въ ней было то знакомое мнѣ наслажденіе успѣхомъ, которое сразу перенесло меня въ Россію, въ Благородное собраніе или Консерваторію. Кланяясь, улыбаясь, она дважды выходила на вызовы.

Я помню, что, когда мнѣ приходилось выступать вотъ такъ, въ каждой пѣвицѣ я видѣла соперницу. Апплодисменты *ей* казались нѣкоторымъ ущербомъ мнѣ. И оттого я всегда волновалась.

Но сегодня этого не было. Я пила кофе, смотрѣла, какъ итальянка взволнованно, счастливо болтала съ рецензентомъ генуэзской газеты—и все это казалось мнѣ туманнымъ, далекимъ, вызывало улыбку. Но это не была насмѣшка. Нѣтъ, другое.

Когда сама я вышла на эстраду, то первое, что увидѣла—фигурку Леечки съ анархистомъ въ проходѣ. Затѣмъ—обычная волна головъ,—волна, передъ которой прежде я трепетала, а теперь на сердцѣ моемъ было легко, просторно и нѣсколько грустно. Я пѣла безъ всякаго усилія, и, какъ мнѣ показалось—неплохо. Были минуты, когда я очень задумывалась сама, и кажется, эти пассажи доходили вѣрнѣй. Вышло странно: оказалось, у меня есть какое-то слово, и я могу обратиться съ нимъ къ этимъ людямъ, и сказать его могу лишь въ пѣніи. За мелодіей, за смысломъ аріи въ моей душѣ звучала иная

пѣснь, и мнѣ казалось, что она доходитъ до слушающихъ: моя вечерняя пѣснь, пѣснь прощанія и напутствія. Снова міръ предо мной раздвигался, и я видѣла не эту лишь залу, сіяющую электричествомъ,—я прижимала къ своему сердцу и лобзала всѣхъ, кто живъ, кто счастливъ и несчастливъ, кто придетъ еще въ жизнь, кто добръ и золъ, чистъ и грѣшенъ.

Мнѣ довольно много апплодировали, но дѣло было не въ апплодисментахъ. Я ощущала свою связь съ людьми. Въ артистическую вбѣжала Леечка, вся раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазами.

— Ахъ, какъ вы чудно поете! Это такъ замѣчательно, вы такая прелесть!

И она трясла мнѣ руки, горящими глазами глядѣла на меня.

— Отчего вы никогда не пѣли въ Барассо?

Анархистъ Сеня рѣшительно и нѣсколько трагически поблагодарилъ меня.

Разумѣется, я долго не могла заснуть у себя въ Grand Hôtel'ѣ. Меня волновали сладкія и туманныя чувства. Въ воображеніи вставали картины былого—и странная вещь, сегодняшній вечеръ еще отдалилъ меня отъ этого былого—все дальше уходило оно въ страну воспоминаній. «Такъ встаетъ, и уйдетъ, въ концѣ-концовъ, вся жизнь», думала я, переворачиваясь. «Вся она обратится въ облачко, сольется съ голубымъ эфиромъ, изъ котораго и возникла».

Съ этими мыслями я заснула, наконецъ, и проснулась поздно. Свѣтло-сиреневое море было видно въ балконную дверь. Голова у меня была ясная, на сердцѣ чувство, что вчера произошло что-то хорошее. И сейчасъ мнѣ по-дѣтски понравилось, что рядомъ съ кроватью телефонъ, и я могу заказать кофе, протянувъ лишь руку.

Такова оказалась моя поѣздка въ Нерви. Я пробыла тамъ два дня, и должна прибавить къ описанному еще двѣ встрѣчи, рѣзко, навсегда запавшія въ мою память.

Передъ вечеромъ я зашла въ одно изъ маленькихъ кафэ, гдѣ бываетъ итальянская мелкота, идутъ споры о чентезимахъ, гдѣ кофе неваженъ, но нѣтъ иностранцевъ.

Зажгли газъ. Я сидѣла у двери, глядѣла на улицу, и вдругъ услышала пѣніе. Пѣлъ женскій голосъ, хорошій, но усталый, какъ бы внутренно надтреснутый.

— Вотъ,—сказала я подошедшему камерьеру:—какъ у васъ въ Италіи поютъ. Точно изъ оперы.

— Это одна старушка,—отвѣтилъ онъ.—Она дѣйствительно изъ оперы.

Пѣніе кончилось. Въ кафэ, держа за руку старика, вошла старая женщина — нѣкогда извѣстная пѣвица, какъ разсказалъ мнѣ потомъ камерьеръ. Теперь же она зарабатывала хлѣбъ насущный, для себя и слѣпого мужа—пѣніемъ на улицахъ.

Она протянула мнѣ руку за подаяніемъ.

Моя вторая встрѣча — за часъ до отъѣзда домой, въ Барассо.

Я пріѣхала на вокзалъ рано, и мнѣ стало скучно дожидаться поѣзда. Я спустилась внизъ, на знаменитый приморскій променадъ. Это—хорошо устроенная дорожка вдоль моря, съ перилами, скамейками въ мѣстахъ, гдѣ гуляющій долженъ устать. Есть тутъ и кафэ, и входы въ парки отелей. Однимъ словомъ, все очень порядочно, но все же рядомъ море, и оно одно скрашиваетъ всѣ курортныя измышленія.

И вотъ на этомъ променадѣ, въ день 25 февраля, я собственными глазами увидала моего сына Борю, послѣ трехъ лѣтъ разлуки.

Я сразу его узнала, хотя онъ сидѣлъ у самаго моря, спиной ко мнѣ, и возился въ пескѣ. Съ нимъ была барышня, видимо гувернантка. Онъ хохоталъ, и по тому, какъ онъ смѣялся, и какъ сидѣлъ на корточкахъ, я сразу, безошибочно поняла, что это онъ. Я опустилась на скамейку, и припала къ ея спинкѣ. Что я тогда чувствовала? Что мнѣ объ этомъ сказать?

Меня скорѣе поймутъ матери; къ нимъ легче дошелъ бы мой вопль, мое рыданіе, пронзенное такою нѣжностью, что минуту мнѣ казалось—сейчасъ я умру.

Но все это происходило внутри. Я не выдала себя. Я знала, что подойти къ нему, обнять, поцѣловать, сказать, что *мой* онъ—нельзя. Начнется весь прежній ужасъ, весь позоръ. Онъ же счастливъ. Онъ маленькій, онъ меня забылъ.

Да, легко такъ разсуждать,—но тогда мнѣ было нелегко. Все, что потомъ было—какъ я издали его перекрестила, повернулась, пошла къ поѣзду, сѣла въ вагонъ и изъ вагона еще разъ увидѣла его на прибрежьѣ: все это происходило точно и не со мной, а съ какой-то тѣнью, призракомъ.

Но затѣмъ —все это прошло, и я снова очутилась въ Барассо, у синьоры Бокка, и Маріетта попрежнему по утрамъ стала приходить ко мнѣ и спрашивать· «Vuole stufa?», и мы попрежнему топимъ печку pigne'ами синьора Барбалова, слегка пахнущими ладаномъ.

Впрочемъ, скоро будемъ топить меньше: приближается весна. Больше фіалокъ въ ущельѣ, на Сантъ-Аннѣ зацвѣлъ верескъ, въ голубоватыхъ даляхъ надъ моремъ появилось что-то волнующее: быть можетъ, это мы навязываемъ природѣ свои весеннія томленія. Но блѣднорозовые цвѣты персика и бѣлый миндаль ясно говорятъ о мартѣ. Говорятъ о немъ и весеннія бури: недавно я видѣла поразительную картину. Штормъ при яркомъ солнцѣ. По морю летѣли и кипѣли валы бѣлой пѣны, какъ дикіе снѣжные кони. Въ Сестри пройти было нельзя.

У насъ, въ домѣ Бокка, семейное горе, или семейная радость: Роза сбѣжала таки съ русскимъ.

Похищеніе ея было обставлено романтически, не безъ участія анархиста Сени. Онъ нанялъ въ Кіавари автомобиль (я увѣрена, что въ карманѣ у него при этомъ былъ револьверъ). Роза ждала въ условленномъ мѣстѣ, съ чемоданчикомъ, заранѣе спрятанымъ въ кусты.

Сеня умчалъ ихъ въ Рапалло, гдѣ они сѣли, наконецъ, въ поѣздъ.

Маріетта очень довольна. Главнымъ образомъ тѣмъ, что Бокка двое сутокъ не вставала съ постели и выла на все побережье.

Сеня съ Леечкой сошлись окончательно—видимо, Александра Николаевна была права, упрекая ихъ за подозрительное посѣщеніе скалъ.

Доходятъ до меня вѣсти и о ней. Какъ слышно, она перестала пить, и снова стала на линію серьезной русской женщины. Кромѣ того, занимается религіозными вопросами, и ходитъ на лекціи популярнаго проповѣдника. Я вспоминаю ея сѣрые глаза и думаю, что недаромъ отецъ ея былъ народникъ-сектантъ.

Я знаю, что изрѣдка мы будемъ съ ней переписываться; потомъ, навѣрно, потеряемъ другъ друга изъ виду. Я отъ души могу пожелать ей доброй, правильной жизни.

Пусть пошлетъ Господь ее и мнѣ.

Поѣздка въ Нерви провела въ моей душѣ новую черту. Мнѣ странно вспоминать теперь былое, такъ оно далеко. Даже мысли о Борѣ рѣже посѣщаютъ меня. Тотъ мальчикъ, котораго я знала и любила, для меня отошелъ въ туманную, какъ бы идеальную

страну. Его образъ расплывается, таетъ. Тотъ же юноша, въ котораго черезъ нѣсколько лѣтъ обратится мой сынъ, — будетъ уже инымъ человѣкомъ, уже онъ не взглянетъ на меня, какъ на мать.

Да и трудно ему будетъ признать во мнѣ мать.

Но что бы тамъ ни было, я живу. Я ощущаю даже радость жизни,—она все больше заключается для меня въ клочкѣ синяго неба, въ фіалкѣ, глазахъ влюбленной дѣвушки, въ бѣлой пѣнѣ моря, въ смѣхѣ ребенка.

Каждый вечеръ, передъ заходомъ солнца, я гуляю по пляжу. Иногда, въ ясные дни, за моремъ вижу снѣжныя Альпы. Я люблю дожидаться скораго поѣзда въ Парижъ, и когда онъ проносится по насыпи, махаю ему платкомъ и говорю: «чау, чау!»—прощай!

Люблю дожидаться вечерняго звона въ нашей церкви. Я не хожу туда. Моя церковь, мнѣ кажется, весь этотъ міръ. Когда звонятъ въ шесть часовъ къ Ave Maria, а я прогуливаюсь по берегу, и когда я бываю въ серьезномъ настроеніи, я вспоминаю, и какъ бы молюсь за близкихъ, и не очень близкихъ моихъ.

Счастье—даръ Божій. Пусть сойдетъ этотъ даръ на Леечку, Катю, Розу, Маріетту.

Да пошлетъ Господь свѣтлой кончины пѣвицѣ, встрѣтившейся мнѣ въ Нерви. Я желала бы, чтобъ тотъ, кто былъ моимъ сыномъ, обратился въ *настоящаго* человѣка.

А когда я возвращаюсь съ этихъ прогулокъ, со многими я кланяюсь, разговариваю. Можетъ быть, это невѣрно, но мнѣ кажется, что я не уѣду отсюда, что я стала уже частью этого маленькаго селенья, и меня признали здѣсь за свою.

Бор. Зайцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Мы можемъ быть вдвоемъ, смотрѣть съ балкона въ поле
За бѣлою стѣной.
Мы можемъ отворить сундукъ съ семьею моли
И съ старой стариной.

Мы можемъ взять сервизъ съ гирляндою лиловой,
Опаловый на свѣтъ,
Или гулять въ саду, или дремать въ столовой
Уставши отъ бесѣдъ.

И если это все вамъ нравится немного,
Теченье тихихъ дней, —
Ни слова о любви, ни взгляда, ни намека,
Ни помысла о ней.

Я только сновъ хочу. Любви объятья грубы,
Назойливы слова.
И лишь прощаясь, васъ я поцѣлую въ губы,
И то едва-едва.

Т. Ефименко.

II.

Свой домъ у черныхъ ивъ открылъ мнѣ старый мельникъ
Въ пути моемъ ночномъ.
На древнемъ очагѣ дымился можжевельникъ,
Обрызганный виномъ.

Привѣтствовавъ боговъ чужихъ и неизвѣстныхъ,
Я сѣлъ къ его столу,
И ѣлъ соленый сыръ съ виномъ изъ яблокъ мѣстныхъ
И спалъ въ его углу.

Несенный много дней въ сумѣ моей убогой,
Я ладанъ разожгу
Въ хвалу чужимъ богамъ, мнѣ благостнымъ дорогой,
Огню и очагу.

Т. Ефименко.

ОЖИДАЕМЫЙ ЗАКОНЪ.

(Къ вопросу о допущеніи женщинъ въ адвокатуру).

Поставленный теперь на очередь вопросъ о допущеніи женщинъ къ адвокатской дѣятельности инымъ представляется новымъ, «передовымъ», выдвинутымъ жизнью за послѣдніе лишь годы, даже чуть-ли не накипью, вынесенной на поверхность волною освободительнаго движенія только что минувшихъ годовъ.

На самомъ дѣлѣ это не такъ: въ Россіи это вопросъ старый, хорошо изученный въ литературѣ и всесторонне разсмотрѣнный въ подготовительныхъ работахъ законодательства до-реформеннаго періода. Да, и сами судебныя мѣста должны были давать свои отвѣты въ области этого вопроса: жизнь задавала его имъ не разъ. Такимъ образомъ, и они вложили свою лепту въ исторію вопроса.

Теперь моментъ не возбужденія вопроса, а его завершенія. Новое отпугиваетъ, заставляетъ быть особенно на сторожѣ, заставляетъ колебаться и задумываться—достаточно-ли это новое назрѣло для проведенія въ жизнь. Исторія вопроса поможетъ этому раздумью, потому что скажетъ: это изучено, выношено жизнью и давно назрѣло для разрѣшенія.

Начало вопроса у насъ относится къ тому времени, когда только впервые возникло движеніе за адвокатуру женщинъ, въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ это началось въ 1869 г. За десятилѣтіе вопросъ быстро обошелъ всѣ штаты и въ 1879 г. былъ изданъ уже федеральный законъ, допускавшій женщинъ адвокатами и въ высшемъ судѣ союза. Во Франціи вопросъ былъ возбужденъ въ 1897 г. и завершился закономъ уже въ 1900 г.

У насъ, со времени его возникновенія въ семидесятыхъ го-

дахъ, онъ до сихъ поръ все ждетъ отвѣта и рѣшенія. Ждалъ его и отъ суда—путемъ толкованія, ждалъ и отъ законодателя—путемъ созданія новаго закона.

Эти, логически возможные, пути разрѣшенія вопроса были пройдены имъ за границей. Путемъ толкованія пошли Швейцарія, Швеція, Норвегія и отдѣльные штаты Сѣверной Америки. Тамъ суды сами допускали женщинъ быть повѣренными, толкуя, что тѣ «лица» и «граждане», коимъ разрѣшено представительство на судѣ, суть лица и граждане обоего пола. Путемъ созданія новаго закона пошли Франція, Сѣверо-Американскій союзъ и др.

Въ Россіи вопросъ успѣлъ извѣдать оба пути. Долго оставаясь на почвѣ перваго, онъ давно перешелъ и ко второму.

Возстановивъ въ памяти статьи дѣйствующаго закона о повѣренныхъ, мы разскажемъ, какъ толковали ихъ судебныя мѣста въ примѣненіи къ женщинамъ, и въ заключеніе изложимъ перипетіи, пережитыя вопросомъ въ сферѣ законодательной его разработки.

I.

До судебной реформы при нашихъ судахъ совсѣмъ не было такой организаціи повѣренныхъ, которая бы предусматривалась закономъ.

Въ 1864 г. Учрежденіемъ Судебныхъ Установленіи впервые введенъ институтъ *присяжныхъ повѣренныхъ*. Отъ вступающихъ въ ихъ число требуется высшее юридическое образованіе.

Однако нельзя было надѣяться сразу найти достаточное число дипломированныхъ юристовъ, которые бы могли заполнить кадры адвокатуры. Въ видѣ исключенія допущены были и лица безъ спеціальнаго образованія, изъ прослужившихъ въ судахъ не менѣе пяти лѣтъ.

Допущено было и другое исключеніе. «Не запрещалось... давать довѣренности на веденіе тяжебныхъ дѣлъ своимъ родителямъ, супругамъ, дѣтямъ и лицамъ, имѣющимъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу или завѣдующимъ по довѣренности имѣніями или дѣлами тяжущихся».

Что касается защиты *по дѣламъ уголовнымъ*, то къ ней судебные уставы допустили *всѣхъ, кромѣ* лицъ, не имѣвшихъ права хожденія по суд. дѣламъ.

Въ 1874 г. вводится новый институтъ *частныхъ повѣренныхъ*. Отъ нихъ уже не требовалось высшаго юридическаго обра-

зованія; почиталось достаточнымъ подвергать желающихъ вступить въ число частныхъ повѣренныхъ экзамену въ знаніи права при тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ они желали вести дѣла. На помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ распространено было, по отношенію къ веденію дѣлъ въ судахъ, дѣйствіе статей о частныхъ повѣренныхъ.

Въ видахъ расширенія круга лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными, было постановлено, что въ мировыхъ судахъ и безъ свидѣтельства, выправляемаго частными повѣренными и помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, всякій можетъ вести три гражданскихъ дѣла въ годъ въ одномъ и томъ же мировомъ округѣ, если только онъ не принадлежитъ къ лицамъ, коимъ воспрещено хожденіе по чужимъ дѣламъ.

Раньше всего суды истолковали въ благопріятномъ для женщинъ смыслѣ законъ о *частныхъ повѣренныхъ*. Сейчасъ же, вслѣдъ за введеніемъ его въ дѣйствіе они стали допускать къ установленнымъ для этого званія испытаніямъ и женщинъ, такъ какъ въ законѣ запрещеній по отношенію къ лицамъ женскаго пола установлено не было. Но уже въ 1875 г. циркуляромъ отъ 30-го апрѣля, министръ юстиціи гр. Паленъ предложилъ судамъ прекратить эту практику, какъ несогласную съ Высочайшимъ повелѣніемъ 14 янв. 1871 г.

На самомъ дѣлѣ, это повелѣніе запрещало лишь пріемъ женщинъ по найму въ канцеляріи и на должности въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Конечно, ничего общаго съ такой службой занятіе практикой частнаго повѣреннаго не имѣетъ.

Вполнѣ понятно, что сенатъ не согласился съ министромъ. Когда одной изъ женщинъ было отказано судебной палатой въ выдачѣ свидѣтельства и она обжаловала этотъ отказъ, сенатъ отмѣнилъ постановленіе палаты (дѣло Козьминой). Это сенатское рѣшеніе давало судамъ возможность снова выдавать свидѣтельства, несмотря на министерскій циркуляръ.

Тогда, по докладу гр. Палена состоялось, 7 января 1876 г., Высочайшее повелѣніе, воспретившее судамъ выдавать женщинамъ свидѣтельства на право ходатайства по чужимъ дѣламъ. На этомъ повелѣніи основана статья 406[19], Учр. Судебныхъ Установленій, гласящая: «Женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, установленное статьею 406[1].

Законъ нигдѣ не говорилъ, что женщины не могутъ быть присяжными повѣренными. Онъ воспрещалъ доступъ въ присяж-

ную адвокатуру только несовершеннолѣтнимъ, иностранцамъ, несостоятельнымъ должникамъ и т. д.

Естественно, однако, что женщины очень долго не пытались вступать въ ряды присяжной адвокатуры: требованіе аттестата русскаго университета ставило непреодолимое препятствіе для такихъ попытокъ, такъ какъ юридическое образованіе имъ не было доступно въ Россіи, и къ государственнымъ экзаменамъ при университетахъ онѣ не допускались.

Не менѣе естественно и то, что какъ только онѣ къ такимъ экзаменамъ были допущены, онѣ пожелали воспользоваться, наравнѣ съ другими «лицами имѣющими аттестаты университетовъ», правомъ вступить въ адвокатское сословіе.

Г-жи Подгурская, Бубнова и Гиршманъ, выдержавшія государственныя экзамены при московскомъ университетѣ, заявили о своемъ желаніи быть принятыми въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, и московскій совѣтъ принялъ ихъ. Судебная палата рѣшеніе совѣта отмѣнила. Аналогичная судьба постигла и г-жу Флейшицъ, принятую въ сословіе петербургскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, и г-жу Ярошевскую, принятую одесскимъ совѣтомъ.

Что касается права выступать на судѣ въ защиту *интересовъ родныхъ и въ качествѣ управляющихъ* дѣлами лицъ посторонних, предоставляемаго статьею 389 Учр. Суд. Уст., то имъ женщины пользуются безпрепятственно и понынѣ. Министерство не дѣлало до сихъ поръ попытокъ отнять его у женщинъ. Циркуляръ министра юстиціи отъ 7 мая 1875 года, изданный вслѣдъ за упомянутымъ циркуляромъ отъ 30 апрѣля запрещавшимъ судамъ выдавать женщинамъ свидѣтельства частныхъ повѣренныхъ, рекомендовалъ судамъ «держаться возможно широкаго толкованія» статьи 389-ой и «признать за тяжущимися право уполномочивать на веденіе дѣлъ ихъ въ судѣ лицъ, завѣдывающихъ ихъ имѣніями или дѣлами, хотя бы завѣдываніе это и не распространялось на все въ совокупности имущество довѣрителя, а касалось отдѣльнаго имѣнія или только управленія дѣлами».

Нѣкоторыя газеты—напр. «Русскія Вѣдомости»—увидѣли въ этомъ какъ-бы компенсацію за жестокій циркуляръ 30 апрѣля, но безъ достаточнаго основанія. Ст. 389-ая установляетъ лишь право отдѣльныхъ выступленій, въ отличіе отъ профессіональныхъ, т. е. постоянныхъ; такъ понимаетъ ее и сенатская практика.

Въ уголовныхъ дѣлахъ подсудимые имѣютъ право избирать защитниковъ, какъ изъ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, коимъ законъ не воспрещаетъ

ходатайства по чужимъ дѣламъ. Лица, не принадлежащія къ повѣренныхъ по профессіи, могутъ, слѣдовательно, вести защиту гдѣ угодно и сколько угодно; они не стѣснены ни родомъ судебныхъ мѣстъ, коимъ подсудно дѣло, ни количествомъ ввѣряемыхъ имъ дѣлъ въ предѣлахъ того или другого судебнаго округа. Многія женщины выступали защитницами на судѣ; достаточно указать на г-жу Черняховскую, защищавшую въ Кіевѣ своего отца, г. Старицкаго. За послѣдніе годы промелькнуло въ газетахъ извѣстіе, что извѣстная общественная дѣятельница, А. М. Калмыкова, выступала въ Спб-скомъ окружномъ судѣ по дѣлу одной изъ слушательницъ Высшихъ Курсовъ. Да и гораздо ранѣе были такія выступленія. Имъ былъ положенъ конецъ указомъ Соединеннаго присутствія Сената отъ 12 ноября 1909 года по поводу допущенія къ защитѣ (несостоявшейся, изъ-за оставленія засѣданія прокуроромъ) СПБ. окружнымъ судомъ Е. А. Флейшицъ. Сенатъ счелъ возможнымъ считать за женщиной лишь право защиты по 389 ст. Учр. Суд. Уст., хотя эта статья относится лишь къ гражданскимъ дѣламъ.

Нужно сказать еще нѣсколько словъ о *женщинахъ повѣренныхъ въ Сибири*, гдѣ до 1898 г. дѣйствовали до реформенные судопроизводственные законы. Жизненной практикой были созданы кадры профессіональныхъ повѣренныхъ, и среди нихъ были и женщины. Сибиряки любятъ вспоминать о нихъ, такъ какъ многія изъ нихъ, принадлежа къ средѣ интеллигенціи, выгодно отличались отъ своихъ собратій по профессіи. Нѣкоторыя изъ нихъ пользовались особой популярностью, напр. г-жа Кичеева въ Иркутскѣ и г-жи Аршаулова и Маркакова въ Томскѣ.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію второго пути, пройденнаго вопросомъ о женской адвокатурѣ на Руси—пути *созданія новаго, спеціальнаго закона*,—мы будемъ уже имѣть дѣло только съ вопросомъ объ адвокатурѣ, какъ профессіи, ибо въ другихъ областяхъ судебнаго представительства въ спеціальномъ законѣ для женщинъ не было необходимости.

Со времени введенія судебныхъ уставовъ реформа адвокатуры задумывалась не разъ. Разсматривать работы всѣхъ комиссій, организованныхъ для этой задачи, намъ нѣтъ надобности. Первая комиссія 1885 г., работавшая подъ предсѣдательствомъ сенатора Евреинова, не коснулась нашего вопроса; обошло его

и «Совѣщаніе» 1890 г. подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго. И только Высочайше утвержденная въ 1894 г. комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи Муравьева, несмотря на всю обширность своихъ задачъ, нашла нужнымъ обсудить и этотъ вопросъ. Реформа адвокатуры была разсмотрѣна вторымъ отдѣломъ этой комиссіи, и тамъ-то и зашла впервые рѣчь объ уничтоженіи того запрещенія вступать въ ряды частныхъ повѣренныхъ, которое было въ 1875 году установлено для женщинъ.

Изъ числа 12 присутствовавшихъ на засѣданіи членовъ II отдѣла, восемь (И. И. Влезковъ, В. Н. Герардъ, В. Р. Завадскій, А. А. Крюковъ, К. А. Мальчевскій, бар. Э. Ю. Нольде, В. Д. Спасовичъ и С. С. Хрулевъ) высказались за исключеніе этого запрещенія и лишь 4 члена — противъ. Большинство признавало «болѣе справедливымъ и полезнымъ, чтобы вопросъ о допущеніи женщинъ въ частные повѣренные разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежащими судебными установленіями на основаніи общихъ постановленій закона по сему предмету, указаній практики и требованій жизни». Меньшинство, ссылаясь на Высочайшее повелѣніе 1871 г., полагало, что *отмѣна* 406[19] ст. Учр. С. Уст. *могла бы послѣдовать только тогда, когда бы вновь, въ видѣ общей государственной мѣры, были установлены новыя правила относительно круга общественной дѣятельности лицъ женскаго пола.* Въ настоящее-же время *женщины, не бывъ допускаемы ни въ высшія учебныя заведенія для изученія юридическихъ наукъ*, ни *въ канцеляріи правительственныхъ* и общественныхъ установленій, не имѣютъ и самой возможности пріобрѣсти необходимыя знанія и опытность для полученія званія частнаго повѣреннаго». Въ проектѣ новаго закона о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, составленнаго вторымъ отдѣломъ, *запрещеніе* женщинамъ быть частными повѣренными, согласно съ мнѣніемъ большинства, *не вошло*. Въ «Новомъ Времени» А. С. Суворинъ писалъ по этому поводу: «И комиссія (II отд.) поступила прекрасно.. Во время Возрожденія итальянки отличались, какъ юристы и ораторы; во время второго возрожденія, которое началось теперь, и француженки, и нѣмки, и россіянки будутъ и юристами, и адвокатами. Чтобы сказать это, не надо быть пророкомъ».

Однако, при обсужденіи вопроса въ общемъ собраніи Муравьевской комиссіи верхъ одержало мнѣніе меньшинства II отдѣла; комиссія постановила запрещеніе оставить въ силѣ и къ ст. 121 проекта добавила ст. 121[1], гласившую: «Женщины не

могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ».

Проекту Муравьевской комиссіи, какъ извѣстно, не суждено было стать закономъ, но постановленіе второго ея отдѣла имѣетъ большое значеніе, какъ первая попытка разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Большую роль сыгралъ самый фактъ его обсужденія. Три члена комиссіи остались при особомъ мнѣніи. Одинъ изъ нихъ, Н. Н. Мясоѣдовъ, мѣра о женщинахъ, принятая болѣе 25 лѣтъ назадъ (т. е. Высочайшее повелѣніе 1871 г.) не коренится на непремѣнныхъ, устойчивыхъ основаніяхъ, а обусловлена временнымъ состояніемъ общества; взглядъ на доступъ женщины къ общественной дѣятельности измѣнился, и что дальнѣйшее измѣненіе можетъ послѣдовать.

Предсказаніе Н. Н. Мясоѣдова давно сбылось. «Черта осѣдлости», проведенная сорокъ лѣтъ тому назадъ, стерлась. Помощь этому оказало не только время, лучшій врачъ всѣхъ несчастій, но и правительство, канцеляріи котораго наполнены женщинами, работающими «по найму». Помогъ тому и законъ, давшій женщинамъ-врачамъ и педагогамъ права государственной службы. Помогла, быть можетъ, и сама женщина, если соглашаться съ тѣмъ, что сказалъ о ней теперешній министръ юстиціи, И. Г. Щегловитовъ, въ бесѣдѣ съ газетнымъ сотрудникомъ: «ея добросовѣстность, настойчивость, чуткость, сильное и законное стремленіе къ независимости,—все это создало изъ нея безспорно полезную общественную единицу». Бесѣда шла о будущей юридической дѣятельности женщинъ, тогда впервые допущенныхъ къ государственнымъ экзаменамъ. И объ этомъ министръ высказался совершенно опредѣленно: «чѣмъ же дѣятельность юриста труднѣе и недоступнѣе дѣятельности врача или педагога»?

Кромѣ недоступности для женщинъ службы общественной и правительственной, у Муравьевской комиссіи былъ еще другой мотивъ для оставленія въ силѣ запрещенія женщинамъ адвокатской практики,—именно тотъ, что женщины не могутъ получать *юридическаго образованія*.

Посмотримъ, что осталось отъ этого «аргумента» теперь. Мы потому поставили это слово въ кавычкахъ, что аргумента, собственно, не было на лицо и тогда. Дѣло шло о допущеніи въ частные повѣренные, а отъ нихъ никакого аттестата объ юридическомъ образованіи не требовалось: гдѣ получилъ юридическія свѣдѣнія желающій экзаменоваться на частнаго повѣреннаго—это ни для кого не интересно, лишь бы онъ зналъ, что его спрашиваютъ.

Въ настоящее время открыты юридическіе факультеты при высшихъ курсахъ во всѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ только такіе курсы существуютъ. Въ 1906 и 1907 г. женщины допускались въ университеты и на основаніи Высочайшаго повелѣнія пользовались правомъ оканчивать ихъ. Съ 1910-го года женщинъ, окончившихъ русскіе юридическіе факультеты, очень много, не говоря уже объ учившихся за границей. Всѣ эти категоріи юристокъ допускаются *къ государственнымъ экзаменамъ* и получаютъ дипломы наравнѣ съ юристами экзаменующимися въ тѣхъ же комиссіяхъ, за тѣми же подписями, съ приложеніемъ тѣхъ же печатей и съ тѣмъ же различіемъ степеней этихъ дипломовъ.

Такъ разбила жизнь и второй аргументъ противниковъ женской адвокатуры. Очевидно, что если бы Муравьевская комиссія обсуждала вопросъ теперь, когда женщины и право службы имѣютъ, и юридическое образованіе получаютъ,—она бы рѣшила допустить женщинъ въ частные повѣренные.

Не случайно, конечно, не безъ намѣренія въ будущемъ сообразовать съ этимъ и другія свои мѣры, допустило правительство женщинъ къ государственнымъ экзаменамъ и разрѣшило выдавать имъ оффиціальные дипломы. Высшее спеціальное образованіе теряетъ всякую общественную цѣнность, если оно не даетъ возможности соотвѣтствующей дѣятельности. Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, общество надѣлять своихъ членовъ такъ дорого обходящимися ему знаніями только ради удовольствія похвалить ихъ въ дипломахъ за усердіе. Такая роскошь не по карману государству. Тотъ же Муравьевъ, когда одна изъ русскихъ дѣвушекъ пришла къ нему за совѣтомъ: ѣхать-ли ей за границу учиться на юридическомъ факультетѣ, отвѣтилъ ей, что не совѣтуетъ, потому что права на дѣятельность она не имѣетъ. Но разъ есть образованіе, должны быть даны и права.

Правительство, открывъ женщинѣ двери юридическихъ факультетовъ, и давая ей госуд. дипломы, сдѣлало первый шагъ. Оно этимъ спросило общество: *нужны-ли вамъ такіе работники.*

Отвѣта долго ждать не надо было. Скоро вслѣдъ за этимъ *общество* откликнулось.

Въ 1908 г. на первомъ женскомъ всерос. съѣздѣ состоялось постановленіе о необходимости предоставленія юристкамъ правъ на дѣятельность, соотвѣтствующую ихъ образованію.

Не заставили себя ждать и народные представители. Вопросъ «о предоставленіи лицамъ женскаго пола права быть присяжными повѣренными» поднятъ въ Государственной Думѣ

по иниціативѣ самихъ депутатовъ: 16 ноября 1909 г. сто членовъ Гос. Думы внесли соотвѣтствующее законодательное предположеніе. Въ объяснительной запискѣ къ нему указано на связь съ образованіемъ: «...Женщина, наравнѣ съ мужчиной, уже пользуется правами на высшее образованіе, въ томъ числѣ и на юридическое, и съ честью несетъ обязанности гражданина въ наиболѣе почетныхъ областяхъ общественной работы, какъ напримѣръ въ дѣлѣ врачебной помощи. Поэтому представляется вполнѣ своевременнымъ внести бо́льшую опредѣлительность въ Судебные Уставы 1864 г., недостаточно полное и опредѣленное содержаніе которыхъ низводитъ значеніе признаемаго закономъ права на степень оспариваемой возможности».

Самый проэктъ чрезвычайно кратокъ:

1. Статью 354 Учр. Суд. Уст. послѣ словъ: «присяжными повѣренными могутъ быть лица» дополнить опредѣленіемъ: «обоего пола». 2. Начало ст. 379 Учр. Суд. Уст. изложить такъ: «лицо, желающее поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, должно...» 3. Въ ст. 401 Учр. Суд. Уст. послѣ словъ: присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ въ качествѣ повѣреннаго противъ своихъ родителей...» добавить: «мужа или жены». 4. Въ ст. 406[1] Учр. Суд. Уст. послѣ словъ: «...а также означенныхъ въ ст. 406[18], только лица...» добавить: «обоего пола». 5. Ст. 406[19] Учр. Суд. Уст. отмѣнить.

Мы не будемъ приводить цѣликомъ этихъ статей. Содержаніе ихъ ясно: двѣ первыя касаются лицъ, вступающихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, двѣ послѣднія—частныхъ повѣренныхъ. Что касается статьи 401, то въ нее вносится добавленіе, указывающее, что женщина, будучи присяжнымъ повѣреннымъ, не можетъ вести дѣла постороннихъ лицъ противъ ея мужа, какъ то установлено для мужчинъ присяжныхъ повѣренныхъ по отношенію къ дѣламъ противъ ихъ женъ.

Внесенный проектъ переданъ былъ въ комиссію Госуд. Думы по судебнымъ реформамъ и тамъ находился два года. Только въ ноябрѣ 1911 года онъ былъ разсмотрѣнъ и переданъ въ общее собраніе. Что онъ хоть черезъ два года дождался своей очереди—нужно приписать усиліямъ общественныхъ группъ, поднявшихъ агитацію среди членовъ Государственной Думы. Первымъ подало свой голосъ общество окончившихъ СПБ. высшіе женскіе курсы. Оно въ началѣ 1911 г. обратилось съ ходатайствомъ къ петербургскимъ депутатамъ. Этому обществу особенно остро приходилось чувствовать и близко знать всю неестественность положенія, въ которомъ находились члены его,

окончившіе юридическій факультетъ. Въ личныхъ бесѣдахъ съ делегатками общества, депутаты указывали на причины замедленія: дѣлъ много, внесенныхъ проектовъ цѣлыя груды, ставятся на очередь тѣ, которыхъ разрѣшеніе особенно настоятельно требуется правительствомъ, такъ какъ почти всѣ проекты вносятся имъ. Если проектъ внесенъ думской иниціативой, нужно, чтобы заинтересованныя общественныя группы торопили его движеніе. Второй шагъ былъ сдѣланъ Россійской Лигой равноправія женщинъ. Въ своемъ обращеніи къ членамъ судебной комисссіи Совѣтъ Лиги указывалъ, что право числиться въ рядахъ адвокатуры пріобрѣтаетъ практическое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если находятся лица, довѣряющія знаніямъ и способностямъ женщинъ и поручающія имъ свои дѣла. Частный интересъ былъ бы самымъ сильнымъ и вѣрнымъ контролемъ способности женщинъ въ этой области.

Выступила за скорѣйшее разсмотрѣніе законопроекта и старѣйшая женская организація—Русское женское взаимно-благотворительное общество. 15 окт. 1911 г., въ день открытія сессіи Гос. Думы, оно устроило собраніе, на которое пригласило членовъ судебной комиссіи и другихъ депутатовъ, а также профессоровъ юридическаго факультета. Были на собраніи и юристки. Предсѣдательницей о-ва, др-мъ А. Н. Шабановой, собранію было предложено высказаться по поводу законопроекта, причинъ его замедленія и возможности ускорить его ходъ. Изъ профессоровъ по поводу проекта говорили И. Я. Фойницкій, выразившій свое желаніе видѣть его какъ можно скорѣе закономъ, М. П. Чубинскій, П. Ч. Люблинскій и Н. А. Гредескулъ, засвидѣтельствовавшіе, что къ піонеркамъ юридической дѣятельности они намѣренно предъявляли особо повышенныя требованія во время прохожденія курса. Изъ общественныхъ дѣятельницъ къ юристкамъ съ рѣчами ободренія обратились А. П. Философова, Е. Н. Щепкина, М. Л. Вахтина, А. А. Кальмановичъ и предсѣдательница Лиги П. Н. Шишкина-Явейнъ. Рѣзко поставилъ вопросъ о надеждахъ на Госуд. Думу депутатъ Шингаревъ. Третья Дума способна проводить лишь проекты, вносимые правительствомъ. Проектъ объ адвокатурѣ женщинъ внесенъ депутатами, и хотя подъ нимъ и поставлено 100 подписей, онъ такъ и пролежитъ подъ сукномъ, какъ всѣ другіе депутатскіе проекты. Это невѣріе задѣло за живое деп. Черницкаго (октябриста) и краснорѣчиво поддержавшаго его товарища по фракціи Дмитрюкова. Оба они указывали собранію, что третья Дума въ женскомъ вопросѣ всегда была на высотѣ положенія. Что касается думскихъ

проектовъ, то нѣкоторые изъ нихъ уже прошли. Всѣ шансы за то, что проектъ пройдетъ, такъ какъ центръ его будетъ поддерживать. Тою-же увѣренностью въ скоромъ рѣшеніи вопроса звучали и рѣчи депутатовъ Аджемова и Дзюбинскаго. Они подчеркивали, что новый законъ будетъ не только закономъ справедливымъ, но и полезнымъ для общества: женщины-адвокаты внесутъ въ излишне «дѣльцовскую» атмосферу адвокатуры присущее женщинамъ стремленіе къ идейной дѣятельности. Съ другой стороны, подобно женщинамъ-врачамъ, онѣ не побоятся деревни и отдадутъ ей свои главныя силы.

Мы недаромъ остановились на этомъ собраніи, устроенномъ А. Н. Шабановой: оно сыграло большую роль въ дѣлѣ движенія проекта, такъ какъ сосредоточило на немъ общественное вниманіе и сгруппировало около него разнопартійныхъ депутатовъ, одинаково горячо сочувствовавшихъ его проведенію. Въ комиссіи онъ былъ, разсмотрѣнъ въ ближайшее же засѣданіе новой сессіи, въ началѣ ноября, и прошелъ 19-ю голосами противъ пяти. Особенно энергичнаго защитника онъ здѣсь нашелъ въ лицѣ предсѣдателя комиссіи Шубинскаго.

Долго пришлось ждать ему своей очереди въ общемъ собраніи Государственной Думы. Поставленъ онъ былъ на очередь только въ мартѣ и разсматривался въ двухъ засѣданіяхъ Думой. Противъ него выступали товарищъ министра юстиціи, Тимошкинъ и Андроновъ. Главныя основанія ихъ возраженій удачно сконцентрировалъ въ своей вступительной фразѣ Андроновъ, когда, поднявшись на трибуну, сказалъ: «Единственное назначеніе женщины—рожденіе и воспитаніе дѣтей». Каждый изъ оппонентовъ это положеніе развилъ по своему. Наиболѣе оригинальнымъ былъ, конечно, Тимошкинъ: онъ посмотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія какъ-бы національной, зачислилъ женщинъ въ особую націю, называя ихъ «лицами женскаго происхожденія». Смѣялись всѣ, безъ различія партій и оратору, лицу мужского происхожденія, пришлось уйти съ трибуны разгнѣваннымъ, не окончивъ рѣчи. «Напрасно вы смѣетесь... это совершенно неприлично такъ смѣяться»—увѣщевалъ онъ, а Дума все смѣялась.

Что касается возраженій товарища министра юстиціи Веревкина, то они были очень разнообразны: среднее женское образованіе у насъ поставлено ниже мужского; высшее образованіе ихъ (юридическое) тоже страдаетъ порокомъ: «хотя женщинамъ, выдержавшимъ экзамены въ испытательныхъ комиссіяхъ, и выдаются дипломы, но въ дипломахъ этихъ не упоминается о

правахъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ университета». Это, конечно, вѣрно, но вѣдь дѣло именно о томъ и идетъ, чтобы дать одно изъ этихъ правъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ университета для мужчинъ. Наиболѣе интереснымъ въ рѣчи г. Веревкинъ явились цифры. Окончившихъ университетъ оказалось только 14 за все время съ 1904 г. по 910 г. Тутъ уже явное недоразумѣніе. Право держать государственные экзамены женщины, учившіяся въ русскихъ университетахъ, получили только въ 1910 г. До этого года никто изъ нихъ не имѣлъ этого права, да и не смогъ бы имъ воспользоваться, если бы и имѣлъ, такъ какъ женщины принимались въ университеты лишь въ 1906 и 1907 г.г. Какъ извѣстно, курсъ юридическихъ наукъ четырехгодичный и первыя окончившія его могли появиться только въ 1910 г. Даже на высшихъ курсахъ юридическіе факультеты начали функціонировать только съ того же 1906 г. До 1910 г. разрѣшалось держать госуд. экзамены въ государственныхъ. испытательныхъ юридическихъ комиссіяхъ лишь отдѣльнымъ лицамъ, получившимъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Что такихъ лицъ нашлось только 14—ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ. Окончившія русскій университетъ, начали держать государственные экзамены какъ разъ съ 1910 г. И вотъ цифры въ испытательной комиссіи при С.-Петербургскомъ университетѣ: весной 1910 г.—одна, весной 1911 г.—29, осенью 1911 г.—12. Итого къ веснѣ 1912 г. т. е. въ то время, когда приводилъ свои цифры товарищъ министра юстиціи, при одномъ петербургскомъ университетѣ выдержали государственные экзамены и получили дипломъ 32 женщины. Прибавьте сюда державшихъ при московскомъ и другихъ университетахъ за это время, прибавьте и тѣхъ 14, которые выдержали до 1910-го года, и тогда получится настоящая цифра получившихъ дипломы.

Но, все же, думается, и это не дастъ вѣрной картины. Вѣдь цифры приводились только за тѣмъ, чтобы показать, есть или нѣтъ въ Россіи лица, которыя могли бы воспользоваться создаваемымъ правомъ. Не нужно забывать при этомъ, что держать государственные экзамены—работа большая и трудная. Масса лицъ, прослушавшихъ курсы, остановилась передъ ней, въ ожиданіи того момента, когда успѣшное исполненіе ея дастъ права. Выпуски юристокъ высшихъ женскихъ курсовъ дали за два года куда болѣе указаннаго числа. И весь этотъ молодой народъ «ждетъ правъ», полуголодая, мыкаясь по урокамъ, откладываетъ съ сессіи на сессію свой государственный экзаменъ, то приходя въ болѣзненное отчаяніе и проклиная «неосторожность» поступ-

ленія на безправный факультетъ, то вновь окрыляясь надеждой въ виду слуховъ, что законъ пройдетъ, что не дали бы новаго безрезультатнаго права—держать государственные экзамены—еслибы не было намѣренія провести его. И напрягаются всѣ силы, чтобы какъ нибудь урвать отъ заработка средства, нужныя для экзамена...

Все это нужно также имѣть въ виду добросовѣстному статистику.

Гораздо сильнѣе была защита проекта. Положенія ея были установлены въ самомъ докладѣ комиссіи. Новое расширеніе правъ женщинъ отвѣчаетъ интересамъ населенія, крайне скудно обслуживаемаго юридической помощью и вынужденнаго обращаться къ подпольной адвокатурѣ. Новый элементъ, благодаря своимъ особымъ положительнымъ чертамъ, можетъ способствовать уменьшенію тѣхъ нежелательныхъ явленій, которыя ставятся послѣднее время на видъ адвокатурѣ. Вопросъ о пригодности къ дѣятельности въ сферѣ свободной профессіи рѣшается самимъ населеніемъ и къ непригоднымъ оно перестанетъ обращаться. Эти положенія послужили канвой для блестящей рѣчи Шубинскаго. Въ слѣдующемъ засѣданіи голосовали уже безъ преній, и законопроектъ былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Когда мы пишемъ эти строки, очередь за Государственнымъ Совѣтомъ. И нѣтъ повода думать, что законопроектъ тамъ не пройдетъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ слишкомъ много людей, хорошо знающихъ, что даже Муравьевская комиссія остановилась только передъ отсутствіемъ у женщинъ юридическаго образованія и правъ на государственную и общественную службу. Теперь, когда обѣ эти причины устранены, нѣтъ основаній отказывать женщинамъ въ правѣ на адвокатуру.

Нашей задачей было показать, что вопросъ имѣетъ свою исторію: онъ назрѣлъ и выношенъ для разрѣшенія.

А. Лучинская.

ПРАБАБУШКА.

Прекрасна и нѣжна—цвѣтокъ оранжерейный.—
Въ блестящей суетѣ, печальная, ты шла...
Любила-ль ты, когда, съ мечтой благоговѣйной,
Поэту свой альбомъ, въ смущеньи, подала?

Горѣлъ январьскій день—и тонкіе узоры
На стеклахъ рисовалъ, смѣясь, сѣдой морозъ...
Какъ долго помнила ты бѣглость разговора,
Поэта быстрый взглядъ... и твой нѣмой вопросъ...

Сафьянный твой альбомъ былъ серебромъ окованъ,
Два высохшихъ цвѣтка хранились свято въ немъ,
И арфою твоей былъ часто зачарованъ
По зимнимъ вечерамъ старинный, хмурый домъ...

Роняли въ тишинѣ свой тонкій звонъ куранты,
Отсчитывая дней однообразный сонъ...
Любилъ-ли онъ тебя, какъ Беатриче—Данте,
Иль нѣжный образъ твой забылъ безпечно онъ?

Рыдала-ль ты, когда смерть унесла поэта,
Застыла-ль, до конца, въ мучительной тоскѣ?..
Но строго ты глядишь съ стариннаго портрета,
Прекрасная, съ цвѣткомъ въ опущенной рукѣ..!

Далекая давно отъ праздныхъ славословій,—
Свой нѣжный образъ ты оставила для насъ:
Красивою дугой очерченныя брови
И тайну томную глубокихъ, карихъ глазъ...

Вл. Вѣтвицкій.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ОУЭНА И ФУРЬЕ.

Среди различныхъ экономическихъ организацій нашего времени соціалистическимъ общинамъ принадлежитъ самое скромное мѣсто. Ихъ было такъ немного, что, казалось бы, онѣ не имѣютъ никакого права занимать собой общественное вниманіе. Съ точки зрѣнія ихъ относительнаго вѣса въ экономическомъ строѣ современнаго общества онѣ, дѣйствительно, являются въ полномъ смыслѣ слова une quantité négligeable.

Однако, несмотря на это, такія организаціи всегда обладали способностью въ сильной степени интересовать общественное мнѣніе. Каждый подобный опытъ, хотя бы и заканчивавшійся неудачей, находилъ внимательныхъ историковъ и не изглаживался въ памяти людей. Самые опыты производились въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, что, читая описаніе ихъ, обычно испытываешь странное чувство: рѣчь идетъ о событіяхъ, настолько незначительныхъ съ общей исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на окружающую общественную среду, что кажется совершенно непонятнымъ серьезное значеніе, придаваемое имъ ихъ бытописателями.

Насъ нисколько не удивляетъ, что исторія капиталистической фабрики находитъ внимательныхъ историковъ и изслѣдователей. Вѣдь въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о такой экономической организаціи, которая опредѣляетъ собой условія жизни милліоновъ людей и самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на весь строй соціальной жизни нашего времени. Совсѣмъ иное—соціалистическія общины: съ ними связана жизнь ничтожныхъ кучекъ людей, и онѣ менѣе всего доказали свою способность къ размноженію. Если семьдесятъ лѣтъ тому назадъ фурьеристы могли

думать, что «методъ соціальнаго эксперимента»—устройство отдѣльныхъ общинъ, для испробованія на опытѣ новой соціальной системы—есть единственное средство разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса цивилизованнаго человѣчества, то мы, люди двадцатаго вѣка, никоимъ образомъ не можемъ раздѣлять этого взгляда. Кто же въ настоящее время думаетъ, что изъ подобныхъ общинъ выйдетъ могучее экономическое движеніе, которое разрушитъ старый міръ и создастъ новый, не знающій антагонизма интересовъ, полный любви, гармоніи и общественнаго счастья?

Такія мечты были естественны и понятны сто лѣтъ назадъ, когда соціалистическая мысль еще ощупью искала себѣ дорогу. Но въ наше время раздѣлять ихъ, значило бы обнаруживать несомнѣнную отсталость мысли.

И тѣмъ не менѣе, интересъ къ подобнымъ попыткамъ вырваться своими единоличными усиліями изъ капиталистическаго міра нисколько не исчезъ и въ наше время. Очевидно, въ этихъ общинахъ есть какое-то содержаніе, которое заставляетъ придавать имъ большое значеніе даже совершенно независимо отъ ихъ числа въ существующемъ хозяйственномъ строѣ и ихъ шансовъ на дальнѣйшее распространеніе.

Всѣ крупнѣйшіе представители соціалистической мысли первой половины прошлаго вѣка стояли на точкѣ зрѣнія «метода соціалистическаго эксперимента». Эта точка зрѣнія была отчетливѣе всего формулирована въ крайне интересномъ историческомъ документѣ, теперь почти позабытомъ (хотя не подлежитъ сомнѣнію его связь со все еще столь могущественно вліяющимъ на современную соціалистическую мысль «Коммунистическимъ манифестомъ» Маркса и Энгельса): въ «Манифестѣ соціетарной школы» (фурьеристовъ), вышедшемъ въ 1841 г.

«Мы—соціальные инженеры,—заявляли авторы фурьеристскаго «Манифеста»,—мы представляемъ нашимъ современникамъ планъ новаго механизма, способнаго, по нашему мнѣнію, использовать всю энергію движущей силы человѣческой природы безъ того, чтобы какая бы то ни была часть этой энергіи растратилась, при предполагаемой нами системѣ, на безполезныя, вредныя или опасныя для общества дѣйствія. Мы отнюдь не требуемъ насильственнаго ниспровержерженія дурныхъ соціальныхъ механизмовъ, существующихъ въ настоящее время... Мы лишь стремимся получить возможность создать модель, на которой можно было бы на опытѣ провѣрить новую систему и уже на практикѣ установить ея дѣйствительную цѣнность для всего общества, чтобы это послѣднее

приняло или отвергло предлагаемую систему съ полнымъ знаніемъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла».

Насиліе, предпринимаемое для осуществленія новой соціальной системы, доказываетъ, что преимущества ея не настолько велики, чтобы люди добровольно примкнули къ ней—иначе говоря, доказываетъ, что система эта не обладаетъ достаточными внутренними достоинствами. «Всякая теорія соціальной реформы или соціальнаго прогресса, подъ рискомъ признанія ея нелѣпой, невѣжественной, безнравственной и антисоціальной, должна допускать ея провѣрку путемъ частичнаго опыта, должна обладать способностью побудить человѣчество къ осуществленію на практикѣ новой системы путемъ добровольнаго подражанія».

Исходя изъ этого убѣжденія, Оуэнъ и Фурье ставили своей главной задачей созданіе общинъ, осуществляющихъ на практикѣ ихъ соціальную систему. И ихъ усилія въ этомъ направленіи не остались безплодными.

Первымъ и самымъ грандіознымъ опытомъ Оуэна была его знаменитая община «Нью-Гармони». Исторія ея такова. Религіозная секта раппистовъ (названная такъ по имени своего основателя, Раппа) образовала въ Америкѣ, въ штатѣ Индіана, обширную общину въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Община процвѣтала и занималась преимущественно земледѣліемъ. Центромъ ея было образованное ею селеніе, названное «Гармоніей», хорошо обстроенное, съ хорошими каменными домами и каменными же хозяйственными постройками. Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, также и промышленной дѣятельностью: она имѣла фабрики шелковую и шерстяную, лѣсопильню и другія промышленныя мастерскія.

Несмотря на хозяйственный успѣхъ, члены общины не были довольны своимъ мѣстожительствомъ и въ 1824 г. рѣшили переселиться на новое мѣсто. Основаніемъ къ этому переселенію выставлялся нездоровый климатъ мѣстности, гдѣ была расположена «Гармонія» (малярія?). Но можно думать, что и помимо этого, переселеніе казалось желательнымъ главѣ секты по соображеніямъ религіозно-нравственнаго свойства. Исходя изъ аскетическаго идеала, Раппъ не считалъ желательнымъ, чтобы его послѣдователи долго жили на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, община рѣшила продать все свое имущество, и покупатель нашелся въ лицѣ Оуэна, который уже давно искалъ въ Америкѣ подходящаго мѣста для жительства большой коммунистической общины. Когда къ Оуэну, уже поль-

зовавшемуся къ этому времени громкой извѣстностью во всей Европѣ, явился представитель раппистовъ, Оуэнъ почти немедленно принялъ предложеніе, и сдѣлка была заключена.

Въ слѣдующемъ году Оуэнъ поѣхалъ въ Америку и пріобрѣлъ, за 30 тыс. ф. с., имѣніе раппистовъ, состоявшее изъ 20 тысячъ акровъ превосходной земли, со всѣми постройками и многими промышленными сооруженіями. Имѣніе было вполнѣ благоустроено и въ этомъ отношеніи, повидимому, не оставляло желать лучшаго.

Имя Оуэна уже было хорошо извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Нью-Іоркѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было основано его послѣдователями «Общество содѣйствія устройству общинъ», которое съ 1823 г. издавало особый періодическій органъ. По пріѣздѣ въ Америку и послѣ пріобрѣтенія имѣнія «Гармони», переименованнаго Оуэномъ въ «Нью-Гармони», нашъ соціальный реформаторъ прочелъ рядъ лекцій въ Вашингтонѣ передъ самой избранной аудиторіей, въ составѣ которой были многіе государственные люди Америки (въ томъ числѣ и президентъ республики). Въ этихъ лекціяхъ онъ возвѣстилъ о своемъ предпріятіи и старался объяснить его значеніе. Въ его представленіи, «Нью-Гармони» должна была явиться только первой изъ общинъ даннаго типа, которыя по мѣрѣ своего умноженія должны вступать между собой въ политическую связь и образовать впослѣдствіи особый штатъ въ предѣлахъ Союза.

Обращеніе Оуэна имѣло быстрый успѣхъ; Нью-Гармони быстро наполнилось новымъ населеніемъ. Желающихъ было такъ много, что возникли большія трудности въ помѣщеніи въ колоніи ихъ всѣхъ. Однако, никакого выбора среди кандидатовъ не производилось, хотя таково было первоначальное намѣреніе основателя колоніи. Черезъ нѣсколько недѣль въ «Нью-Гармони» считалось уже около 900 членовъ.

Отсутствіе выбора не могло не привести къ тому, что многіе члены «Нью-Гармони» менѣе всего соотвѣтствовали по своимъ моральнымъ свойствамъ тому трудному дѣлу, за которое они взялись. Сынъ Оуэна, Вилліамъ, пишетъ своему отцу уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: «Мы не знаемъ, что дѣлать намъ съ тѣми, кто за все берется и не имѣетъ никакой опредѣленной профессіи; они не дѣлаютъ рѣшительно ничего и ничѣмъ не довольны. Отъ многихъ изъ нихъ мы уже избавились, но все ихъ осталось не мало».

Можно было бы думать, что при случайномъ составѣ членовъ въ Нью-Гармони вообще никакого хозяйства не нала-

дится. Однако, Вилліаму Оуэну бывшему главнымъ руководителемъ общины, удалось настолько организовать дѣло, что нѣкоторое время община казалась работающей успѣшно. Въ особенности отмѣчалась удачная дѣятельность разнаго рода промышленныхъ мастерскихъ общины, работавшихъ, впрочемъ, преимущественно, для удовлетворенія потребностей самой общины. Лѣсопильня, впрочемъ, работала и на постороннихъ заказчиковъ. Напротивъ, мануфактурныя мастерскія, которыя въ прежней общинѣ раппистовъ шли полнымъ ходомъ, послѣ ея преобразованія въ оуэнистскую общину, остановились по недостатку среди наличнаго персонала людей, подготовленныхъ къ этому труду.

Изъ переписки Вилліама Оуэна съ его отцемъ видно, что основатель общины принималъ очень мало участія въ руководительствѣ ею и даже дѣйствовалъ по отношенію къ ней довольно легкомысленно. Такъ напр., Вилліамъ Оуэнъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ, его отецъ приглашаетъ въ общину множество людей, которыхъ рѣшительно негдѣ помѣстить, и привлекаетъ вовсе не тѣхъ рабочихъ, въ которыхъ община имѣетъ нужду. Въ общинѣ оказалось очень много слесарей и рабочихъ по металлу, но чувствовался большой недостатокъ въ строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, именно строительные рабочіе были необходимы для общины, такъ какъ имѣвшихся въ ней жилыхъ помѣщеній не хватало для размѣщенія всего ея населенія. Не хватало также лицъ, которые могли бы съ успѣхомъ исполнять обязанности домашней прислуги; Вилліамъ Оуэнъ особенно жалуется на недостатокъ поваровъ и прачекъ.

Среди членовъ общины было много семейныхъ лицъ и около 130 дѣтей. Значительное большинство членовъ общины принадлежало къ рабочему классу (повидимому—городскихъ рабочихъ), но было не мало и представителей либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ нѣсколько очень видныхъ представителей американской науки и литературы. Такъ, вскорѣ послѣ основанія общины, къ ней примкнулъ самый выдающійся геологъ Америки Маклюръ, президентъ филадельфійской академіи наукъ, человѣкъ очень богатый. Его привлекъ въ общину интересъ къ вопросамъ воспитанія, которымъ онъ посвятилъ часть своихъ трудовъ. Вмѣстѣ съ Оуэномъ онъ оказывалъ поддержку общинѣ своими личными средствами. Дѣятельными членами общины были и нѣкоторые другіе выдающіеся естествоиспытатели—Сэ, зоологъ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по энтомологіи и конхиліологіи, напечатанныхъ въ Нью-Гармони; зоологъ Лезюръ, химикъ Трустъ, впослѣдствіи профессоръ одного изъ американскихъ университе-

товъ, и пр. Цѣлая группа этихъ ученыхъ прибыла въ Нью-Гармони послѣ продолжительнаго путешествія въ лодкѣ по Огіо.

5 февраля 1826 г. община окончательно конституировалась, принявъ названіе «Нью-Гармонійской общины равенства». Община подраздѣлялась на шесть отдѣловъ: земледѣлія, промышленности, литературы, науки и обученія, домашняго хозяйства, общаго хозяйства и торговли. Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ избранный членами отдѣла управляющій, избиравшій четырехъ своихъ помощниковъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ общимъ секретаремъ, образовывали исполнительный комитетъ общины.

Согласно принятой общиною конституціи «всѣ участники общины должны разсматриваться какъ члены одной семьи и никто не долженъ пользоваться большимъ или меньшимъ уваженіемъ въ зависимости отъ рода своихъ занятій. Всѣ должны по возможности получать одинаковую пищу, одежду и воспитаніе, въ соотвѣтствіи со своимъ возрастомъ, и, насколько возможно, всѣ должны жить въ одинаковыхъ меблированныхъ домахъ. Каждый обязанъ отдавать весь свой трудъ на пользу общины». Иными словами, въ основу устройства общины были положены начала совершеннаго коммунизма. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что юридическимъ собственникомъ всего имущества общины оставался Робертъ Оуэнъ, но, конечно, предполагалось, что такое положеніе дѣла можетъ быть лишь временнымъ, пока община не окажется въ силахъ выкупить у Оуэна Нью-Гармони.

Принятіе этой конституціи преисполнило энтузіазмомъ членовъ общины, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго характернаго письма члена общины Пельгама къ своему сыну. «До сихъ поръ—пишетъ Пельгамъ 8 февраля 1826 г.—въ дѣятельности общины замѣчалось много неправильностей, и это парализовало энергію ея членовъ; теперь же нашъ путь ясенъ и совершенно невозможно возвращеніе къ прежнему безпорядку. Различныя части нашей огромной машины такъ превосходно пригнаны одна къ другой, что результаты должны получиться наилучшіе. Я думаю, что черезъ полгода вся машина Нью-Гармони будетъ работать съ правильностью часовъ... Оуэнъ удивительный человѣкъ; такихъ еще не создавала исторія. Его мудрость, его проницательность, его практическія знанія, и, всего болѣе, его искренность, добросовѣстность и открытый характеръ не имѣютъ себѣ подобнаго ни въ древней, ни въ новой исторіи».

Конституція была принята почти единогласно, но среди

несогласныхъ съ нею былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Оуэна, капитанъ Макъ-Дональдъ, изложившій причины своего несогласія въ газетѣ Нью-Гармони. Несогласіе Макъ-Дональда основывалось на томъ, что онъ былъ противникомъ какого бы то ни было выборнаго правленія внутри общины, хотя бы и самаго демократическаго. Онъ утверждалъ, что избраніе управляющихъ отдѣлами неизбѣжно вызоветъ раздоры внутри общины, и что она перестанетъ себя чувствовать одной семьей.

Какъ бы то ни было, новая конституція вступила въ силу при дѣятельной поддержкѣ самого основателя общины, вернувшагося къ этому времени въ Нью-Гармони изъ Европы.

Скоро, однако, выяснилось, что трудно достигнуть полнаго согласія въ предѣлахъ такой большой общины, какой являлась Нью-Гармони, и было рѣшено раздѣлить ее на нѣсколько меньшихъ. Прежде всего выдѣлились двѣ общины, въ основу организаціи которыхъ было положено отсутствіе выборнаго правленія, членами правленія становились всѣ члены общины по достиженіи извѣстнаго возраста.

Выдѣленіе этихъ новыхъ общинъ произошло безъ всякаго противодѣйствія со стороны Оуэна, который, наоборотъ, привѣтствовалъ его, и возлагалъ, со своимъ обычнымъ оптимизмомъ, самыя радужныя надежды на будущее новыхъ общинъ.

Жизнь въ Нью Гармони рисовалась ея участниками въ очень привлекательныхъ краскахъ. Сынъ Оуэна, Робертъ Дэль,—впослѣдствіи извѣстный государственный дѣятель Соед. Штатовъ, бывшій долгое время американскимъ посланникомъ въ Неаполѣ—съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своей автобіографіи о своемъ пребываніи въ общинѣ въ молодые годы. Правда, внѣшнія условія жизни отличались простотой: приходилось исполнять тяжелую физическую работу (не нужно забывать, что дѣти Оуэна выросли въ богатой семьѣ)—пахать, сѣять, рубить; но за то въ жизни общинниковъ было много и развлеченій. Еженедѣльно бывали балы и концерты; собирались для товарищеской бесѣды и воодушевленныхъ споровъ, которые не изгладились въ памяти Дэль-Оуэна даже черезъ много десятковъ лѣтъ.

Въ 1826 г. Нью-Гармони посѣтилъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій, оказавшійся тонкимъ наблюдателемъ, описавшимъ все видѣнное. Герцога помѣстили въ домѣ для пріѣзжихъ, устройство котораго важный гость нашелъ удовлетворительнымъ. Герцогъ разсказываетъ, что его поразила вѣра въ будущность общины ея основателя, но ему самому показалось, что об-

щина просуществуетъ недолго и близка къ распаденію. Ему бросилось въ глаза, что, несмотря на внѣшнее равенство и одинаково скромную обстановку жизни всѣхъ членовъ общины, послѣдніе видимымъ образомъ раздѣлялись на двѣ группы—лицъ физическаго труда и людей лучшаго общества. Тѣ и другіе держались отдѣльно другъ отъ друга, въ своемъ собственномъ кругу. Хотя на танцовальныхъ вечерахъ собирались всѣ вмѣстѣ «но молодыя барышни изъ общества отказывали простонароднымъ кавалерамъ, которые съ неудовольствіемъ покорялись своей горькой участи». Въ особенности поразило герцога обиліе танцовальныхъ вечеровъ: танцовали чуть не каждый вечеръ. Онъ разсказываетъ объ одной красивой барышнѣ, которая очень хорошо играла на фортепіано и пѣла, но не любила доить коровъ. Герцогъ катался съ нею въ лодкѣ при лунномъ свѣтѣ, при чемъ его спутница жаловалась на «соціальную систему», принуждавшую ее къ грубому физическому труду. Повидимому, ее привела въ Нью-Гармони несчастная любовь.

Большое вниманіе посвящалось школамъ, занятія въ которыхъ встрѣтили полное одобреніе со стороны герцога. По его словамъ, дѣти имѣли здоровый и веселый видъ и несомнѣнно любили школу; много времени отдавалось физическимъ упражненіямъ и спорту.

Нью-Гармонійская община просуществовала очень недолго: уже въ началѣ 1827 г. Оуэнъ убѣдился въ неудачѣ своего опыта. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, недовольные члены общины обвиняли ея основателя въ томъ, что онъ не передалъ общинѣ въ полную собственность имущества, которымъ она распоряжалась. Но, конечно, такая передача только ускорила бы крушеніе общины, заключавшей въ себѣ самой причины своего паденія. Достаточно одного того, что въ общину принимались всѣ желающіе. Обиліе танцевъ, поразившее герцога Саксенъ-Веймарскаго, не указывало на большую склонность членовъ общины къ труду, а хорошенькая дѣвица, заинтересовавшая герцога и жаловавшаяся на «соціальную систему», являлась лучшей иллюстраціей того, какой случайный характеръ имѣлъ составъ общинниковъ.

Непосредственной причиной крушенія общины явилась обнаружившаяся невозможность для нея произвести достаточное количество продуктовъ для содержанія ея членовъ, несмотря на крайне скромный характеръ ихъ жизни. Танцы не могли, разумѣется, замѣнить производительнаго труда. Въ концѣ концовъ, Оуэнъ оказался вынужденнымъ вступить въ свои права

собственника и объявить общину распущенной, а членовъ ея пригласить самимъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ существованіи или же оставить Нью-Гармони. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ готовность предоставлять свои земли въ распоряженіе всякой общины, которая могла бы основаться на тѣхъ же началахъ, какъ прекратившаяся.

Многіе члены общины покинули Нью-Гармони съ чувствомъ самаго тяжелаго разочарованія и неудовольствія противъ Оуэна, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ. Другіе продолжали попытки организовать въ Нью-Гармони жизнь на коммунистическихъ началахъ. Никогда не падавшій духомъ Оуэнъ въ скоромъ времени сообщаетъ, что на развалинахъ старой общины возникло уже восемь новыхъ, и что «соціальная система теперь упрочилась совершенно непоколебимо». Еще черезъ три недѣли онъ говоритъ уже о десяти коммунистическихъ общинахъ въ Нью-Гармони.

Но всѣ эти общины существовали, повидимому, только въ воображеніи Оуэна; по возвращеніи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нью-Гармони онъ самъ долженъ былъ признать полную неудачу своей попытки создать «новый нравственный міръ». Бо́льшая часть земли Нью-Гармони осталась во владѣніи Оуэна, другая была распродана небольшими участками отдѣльнымъ лицамъ.

Весь опытъ потребовалъ очень крупныхъ затратъ со стороны Оуэна—около 40 тысячъ ф. с., т. е. почти половины всего его состоянія, достигавшаго къ этому времени приблизительно 100 тысячъ ф. Его четверо сыновей остались въ Нью-Гармони и стали гражданами Соединенныхъ Штатовъ. Маклюръ до самой своей смерти не порывалъ связи съ Нью-Гармони. Точно также не покинулъ общины и Сэ. Цѣлый рядъ научныхъ книгъ былъ изданъ въ Нью-Гармони Маклюромъ и Сэ.

Какъ опытъ устройства коммунистической общины, Нью-Гармони закончилась совершеннымъ крушеніемъ. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что предпріятіе Оуэна не имѣло никакого культурнаго значенія. Напротивъ, Подморъ, авторъ самой обширной и вполнѣ безпристрастной біографіи Оуэна, вышедшей въ 1906 г., свидѣтельствуетъ, что «Нью-Гармони оставалась втеченіе болѣе поколѣнія главнѣйшимъ научнымъ и воспитательнымъ центромъ Запада Сѣвероамериканскаго союза, и вліяніе этого центра чувствовалось въ самыхъ различныхъ областяхъ соціальной и политической структуры страны. Даже до настоящаго времени отпечатокъ личности Оуэна видѣнъ въ городѣ, который

онъ основалъ. Нью-Гармони не походитъ на другіе города западныхъ штатовъ. Это городъ съ исторіей. Пыль разбитыхъ надеждъ и идеаловъ образовала собой почву, въ которой пустила корни жизнь современности. Имя Оуэна носятъ до настоящаго времени нѣсколько выдающихся гражданъ, потомковъ великаго соціалиста. Городъ гордится публичной библіотекой, хранителемъ которой является внукъ одного изъ первыхъ членовъ общины; библіотека состоитъ изъ 15 тысячъ томовъ, большею частью цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій».

Съ внѣшней стороны община Нью-Гармони располагала, сравнительно съ другими аналогичными попытками, наибольшими шансами успѣха. Во главѣ ея стоялъ опытный руководитель, блестяще доказавшій въ Нью-Ланаркѣ свои исключительныя организаторскія способности. На устройство общины былъ затраченъ очень крупный капиталъ—около полумилліона рублей на наши деньги. Наконецъ, общинѣ не приходилось создавать вновь всего необходимаго для веденія дѣла, такъ какъ она явилась наслѣдницей другой, достигшей полнаго хозяйственнаго процвѣтанія и передавшей своей преемницѣ вполнѣ благоустроенное имѣніе, со всѣми необходимыми постройками и сооруженіями самаго различнаго рода.

Тѣмъ не менѣе, крушеніе Нью-Гармони было очень быстрымъ. Объясняется это, отчасти, именно благопріятными внѣшними условіями ея возникновенія. Успѣхъ въ предпріятіяхъ такого рода зависитъ, прежде всего, отъ подбора соотвѣтствующихъ лицъ. Первый встрѣчный не можетъ оказаться полезнымъ членомъ коммунистической общины. Наплывъ членовъ въ Нью Гармони объяснялся заманчивыми условіями жизни въ колоніи. Между тѣмъ, никакого выбора среди лицъ, желающихъ поступить въ общину, не производилось. При такомъ положеніи дѣла колонія неизбѣжно должна была переполниться людьми, совершенно для нея непригодными, собравшимися въ ней не для серьезной работы, а изъ простого любопытства къ новымъ условіямъ жизни или даже просто ради возможности пожить на даровомъ хлѣбѣ безъ серьезнаго труда. Отсюда и обиліе развлеченій, которыя дѣлали столь пріятной жизнь въ общинѣ и которыя поразили своимъ количествомъ герцога Саксенъ Веймарскаго. Но отсюда же и невозможность покрывать продуктами труда членовъ общины ея необходимыя потребности.

Кромѣ Нью-Гармони, въ Америкѣ возникло и нѣсколько другихъ коммунистическихъ общинъ въ связи съ пропагандой Оуэна; исторія ихъ, однако, большаго интереса не представляетъ.

Болѣе поучительно остановиться на двухъ попыткахъ устройства Оуэнистскихъ общинъ въ Европѣ.

Первая изъ этихъ попытокъ была сдѣлана въ Шотландіи, по иниціативѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Оуэна, Авраама Комба, который въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ велъ энергичную пропаганду Оуэнистскихъ идей. Онъ стоялъ во главѣ періодическихъ изданій, посвященныхъ этой цѣли, писалъ книги, брошюры и статьи и вообще былъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей новой соціальной системы. О силѣ его убѣжденія въ близкомъ торжествѣ его дѣла можно судить по тому, что онъ однажды заключилъ пари съ однимъ своимъ другомъ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ королевскій циркъ въ Эдинбургѣ будетъ разрушенъ и на его мѣстѣ будутъ воздвигнуты зданія оуэнистской общины. Вмѣстѣ съ другими богатыми послѣдователями Оуэна онъ пріобрѣлъ въ 1825 г. имѣніе Орбистонъ, недалеко отъ Глазго, съ 291 акрами земли, и немедленно приступилъ къ постройкѣ обширнаго зданія, разсчитаннаго на 1000 человѣкъ. Капиталъ, потребный для осуществленія всего этого предпріятія, былъ опредѣленъ въ 50 тысячъ ф. с., которые предполагалось собрать, раздѣливъ его на 200 паевъ, по 250 ф. каждый пай. Въ короткое время удалось размѣстить 125 паевъ между 16 лицами.

Хотя самъ Комбъ былъ сторонникомъ полнаго коммунизма, но на первое время было рѣшено прибѣгнуть къ компромиссу. Только часть потребностей членовъ общины покрывалась изъ общаго фонда, создаваемаго общимъ трудомъ. Остальная часть этого фонда разверстывалась между членами, пропорціонально времени труда каждаго, при чемъ каждый могъ свободно расходовать эту часть на свои нужды по своему усмотрѣнію.

Всѣ жили въ общемъ зданіи и могли, по своему усмотрѣнію, столоваться вмѣстѣ или же порознь. Въ томъ же зданіи каждый получалъ одинаковую квартиру; воспитаніе дѣтей велось сообща, но за счетъ родителей.

Хотя проектированное зданіе далеко не было вполнѣ достроено, оно быстро наполнилось обитателями, число которыхъ достигло въ іюнѣ 1827 г. 298 чел. (кромѣ грудныхъ дѣтей). Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но и разнаго рода промышленнымъ трудомъ—и даже, повидимому, преимущественно этимъ послѣднимъ. Особенное значеніе имѣло металлургическое производство и изготовленіе разнаго рода желѣзныхъ издѣлій для продажи. Кромѣ того, община изготовляла разнообразныя ткани и предметы одежды для надобностей своихъ членовъ.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общины была полная свобода поступленія новыхъ членовъ въ ея среду. Комбъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго соображенія. Задачей новаго соціальнаго строя является моральное перерожденіе человѣчества. Если бы община отвергала новыхъ лицъ, желающихъ вступить въ ея среду, вслѣдствіе ихъ моральной испорченности, то этимъ она доказывала бы недовѣріе къ ея собственной способности морально перерождать людей. И потому она не могла никого отвергать, какъ не отвергаетъ больница никого изъ больныхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ пріема новыхъ членовъ община должна была въ скоромъ времени распасться. Однако, ея первые шаги, несмотря на всѣ трудности, связанныя съ началомъ столь отвѣтственнаго дѣла, были сравнительно удачны. Лѣтомъ 1827 г., когда Оуэнъ пріѣхалъ посѣтить общину, она производила впечатлѣніе процвѣтающей. Особенно хорошо работалъ металлургическій отдѣлъ, построившій обширную доменную печь. Частныя письма колонистовъ дышали увѣренностью въ будущемъ и довольствомъ настоящимъ, «Это совершенно новый міръ—очень наивно пишетъ одна дама.—У насъ вчера было собраніе, и я никогда не испытывала большаго удовольствія. Танцы три раза въ недѣлю. Сколько удовольствій и въ то же время самый лучшій столъ».

Итакъ, и въ Орбистонѣ, подобно Нью-Гармони, отмѣчается обиліе танцевъ. И конечно, это веселье неизбѣжно должно было окончиться сходнымъ образомъ—крушеніемъ колоніи. Но судьба избавила Орбистонскую общину отъ распаденія подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ: община погибла насильственной смертью. Въ концѣ лѣта умеръ основатель колоніи Комбъ и вмѣстѣ съ нимъ погибло и его дѣло: его наслѣдники потребовали возвращенія затраченныхъ суммъ, и все имѣніе было продано съ публичнаго торга.

Точно также изъ-за внѣшнихъ причинъ потерпѣла неудачу и другая Оуэнистская община, возникшая въ Ралахайнѣ. Эта организація была создана землевладѣльцемъ Ванделёромъ въ его имѣніи Ралахайнъ въ графствѣ Клэръ (въ Ирландіи). Въ теченіе многихъ лѣтъ Ванделёръ мечталъ передать свое имѣніе производительной артели земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, ему это удалось въ 1830 г. Имѣніе въ 618 акровъ, вмѣстѣ со всѣми постройками и инвентаремъ, поступило въ распоряженіе группы рабочихъ, которые и раньше работали тамъ же. При этомъ имѣлось въ виду, что съ теченіемъ времени община выкупитъ у помѣщика его имѣніе со всѣмъ инвентаремъ.

Въ основу устройства общины были положены слѣдующія начала. Члены общины образовывали самоуправляющуюся группу, подъ верховнымъ надзоромъ землевладѣльца. Каждый получалъ обычную рыночную заработную плату. Воспитаніе и содержаніе дѣтей и подростковъ до 17-лѣтняго возраста должно было оплачиваться изъ общаго фонда. Многія потребности взрослыхъ членовъ общины также должны были удовлетворяться за общій счетъ (съ соотвѣтствующимъ вычетомъ изъ ихъ заработной платы). Однако, члены общины жили въ отдѣльныхъ домахъ, и каждый имѣлъ свое особое домашнее хозяйство. За пользованіе имѣніемъ община должна была платить землевладѣльцу опредѣленную арендную плату. Община состояла первоначально изъ 52 лицъ, къ концу—изъ 81 лица (въ томъ числѣ 16 дѣтей).

Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла полный успѣхъ и прекратилась въ 1833 г. отъ внѣшней причины: имѣніе было продано за долги Ванделёра, который проигрался въ карты и бѣжалъ.

Гораздо болѣе успѣха, чѣмъ Оуэнистскія общины, имѣли общины, связанныя съ именемъ Фурье. Существенное отличіе послѣднихъ отъ первыхъ заключалось въ томъ, что фурьеристскія общины принципіально отрицали коммунизмъ и стремились строго проводить начала индивидуальнаго заработка и свободы его расходованія.

Проповѣдниками ученія Фурье въ Соединенныхъ Штатахъ явились два замѣчательныхъ человѣка—Брисбейнъ и Грили, въ особенности первый. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и послѣ перваго же ознакомленія съ сочиненіями Фурье сталъ его убѣжденнымъ послѣдователемъ. Какъ онъ самъ объясняетъ, въ идеяхъ Фурье его наиболѣе поразила мысль о возможности сдѣлать физическій трудъ привлекательными и пріятнымъ. «Сдѣлать привлекательной эту область грубаго, уничижающаго труда,—этотъ грустный удѣлъ массъ, подавляющій человѣка своимъ прозаическимъ, отупляющимъ, мертвящимъ вліяніемъ, поднять этотъ трудъ и превратить его въ нѣчто, вызывающее восхищеніе и почитаніе—значило произвести величайшій переворотъ, цѣлую революцію».

Вернувшись на родину, Брисбейнъ издалъ книгу, излагавшую систему Фурье. Она имѣла огромный успѣхъ среди американской публики и привлекла въ ряды фурьеристовъ одного изъ самыхъ талантливыхъ журналистовъ Америки—Горація Грили,

издателя самой распространенной въ Америкѣ газеты «New-Iork Tribune». Грили предоставилъ извѣстное мѣсто въ своей газетѣ пропагандѣ фурьеризма. Кромѣ того, Брисбейнъ основалъ нѣсколько спеціальныхъ періодическихъ органовъ для той же цѣли.

Въ скоромъ времени во всей странѣ стали основываться общества и кружки фурьеристовъ. Эти общества устраивали лекціи, агитаціонныя поѣздки и отъ времени до времени мѣстные съѣзды фурьеристовъ. Въ 1844 г. въ Нью-Іоркѣ собрался національный конгрессъ фурьеристовъ. Адреса и привѣствія были получены со всѣхъ концовъ союза. На конгрессѣ единственнымъ средствомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса была признана фурьеристская ассоціація (фаланга). Было рѣшено основать постоянную національную конференцію ассоціацій, имѣющую свой постоянный органъ «Фалангу», и исполнительный комитетъ изъ 18 членовъ. Конгрессъ призналъ необходимымъ созданіе международной организаціи всѣхъ ассоціацій и поручилъ Брисбейну вступить въ сношенія по этому поводу съ фурьеристами Европы. Въ то же время конгрессъ предостерегалъ противъ попытокъ устройства ассоціацій въ слишкомъ маломъ размѣрѣ и недостаточно обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи.

Фурье считалъ достаточнымъ для устройства фаланги капиталъ въ 1 милліонъ франковъ, при числѣ участниковъ въ 400 семействъ. Брисбейнъ понизилъ цифру участниковъ до 400 человѣкъ, но повысилъ размѣръ необходимаго капитала до 400 тысячъ долларовъ (по тысячѣ долларовъ на участника). Таковы должны были быть нормальные размѣры ассоціаціи, понижать которые было бы опасно.

Единственнымъ примѣромъ болѣе крупной соціалистической ассоціаціи была Нью-Гармони. Фурьеристскія фаланги далеко отстали отъ нея. Тѣмъ не менѣе, онѣ стали быстро выростать на американской почвѣ и за одно пятилѣтіе ихъ возникло не менѣе тридцати въ разныхъ концахъ Америки, но больше двухъ лѣтъ просуществовало изъ нихъ только одиннадцать.

Число членовъ въ большинствѣ этихъ общинъ колебалось около одной-двухъ сотенъ. Наиболѣе устойчивыми общинами оказались слѣдующія четыре: Брукская ферма (6 лѣтъ), Сѣвероамериканская фаланга (12 лѣтъ), Нортгамптонская ассоціація (4 года) и Висконсинская фаланга (6 лѣтъ).

Брукская ферма получила наибольшую извѣстность благодаря тому, что въ нее вошло много извѣстныхъ представителей американской интеллигенціи. Членомъ ея былъ и одинъ изъ са-

мыхъ популярныхъ до настоящаго времени американскихъ писателей—Натаніель Готсорнъ.

Мѣсто для этой ассоціаціи было выбрано очень удачно, недалеко отъ Бостона, среди живописныхъ холмовъ, луговъ и лѣсовъ. Первоначальное основаніе Брукской фермы принадлежало одному религіозному обществу, большинство членовъ которого перешло къ фурьеризму. Въ составъ ея входило 115 человѣкъ. Всѣ получали одинаковое вознагражденіе за трудъ одинаковой продолжительности. Трудъ каждаго лица долженъ былъ соотвѣтствовать его склонностямъ и вкусамъ. Чтобы трудъ былъ возможно привлекательнѣе, занятія должны были разнообразиться для каждаго. Дѣти моложе 10 лѣтъ и старики старше 70 лѣтъ должны были получать даровое содержаніе, также какъ и неспособные къ труду. Каждый могъ расходовать свой заработокъ и вообще свои доходы по своему усмотрѣнію, но, конечно, фактически бо́льшая часть потребностей удовлетворялась при помощи общаго хозяйства.

О привлекательности жизни въ Брукской фермѣ можно судить по тому, что уже послѣ того, какъ община распалась, ея бывшіе члены и даже ихъ потомки сохранили вплоть до нашего времени обычай собираться вмѣстѣ въ лѣтніе мѣсяцы и жить общей жизнью, вспоминая короткій періодъ существованія Брукской фермы.

Брукская ферма была центромъ всего фурьеристскаго движенія во всей Америкѣ. Въ ней издавался главный органъ американскихъ фурьеристовъ и въ ней были сосредоточены лучшія умственныя силы всего движенія. Но именно это, повидимому, и погубило дѣло. Одинъ изъ его участниковъ, докторъ Кодманъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ причины неудачи: «у насъ было достаточно философовъ, но не хватало простыхъ тружениковъ, настоящихъ рабочихъ и хорошихъ хозяевъ. Что же было дѣлать? Пустить въ свою среду обыденныхъ людей, способныхъ дѣлать сапоги и шить платье, работать рубанкомъ и пилой, вообще могущихъ съ успѣхомъ исполнять физическія работы, но никогда не читавшихъ Шиллера и Гёте, а даже, быть можетъ, и Шекспира, Скотта или Бернса, не интересующихся чтеніемъ и философіей»?

Хотя хозяйственныя дѣла общины шли плохо, тѣмъ не менѣе она долго не распадалась—очевидно, потому, что члены ея находили въ совмѣстной жизни и работѣ удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Крушеніе ея было вызвано внѣшнимъ, случайнымъ несчастіемъ—пожаромъ ея централь-

наго зданія, «соціальнаго дворца», который строили втеченіе двухъ лѣтъ и съ окончаніемъ постройки котораго связывались всѣ надежды общинниковъ. Дворецъ неожиданно погибъ въ пламени и это несчастіе оказалось роковымъ; спустя полгода Брукская ферма распалась.

Нортгатмптонская ассоціація просуществовала также нѣсколько лѣтъ. Большинство ея членовъ принадлежало, какъ и въ Брукской фермѣ, къ людямъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ. Причина крушенія этой общины, по мнѣнію ея основателя, Самуеля Гилля, заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, которыми она располагала.

Висконсинская фаланга (180 членовъ) просуществовала столько же времени, какъ и Брукская ферма. Но, въ отличіе отъ этой послѣдней, Висконсинская фаланга состояла преимущественно или даже исключительно изъ лицъ рабочаго класса. Она владѣла превосходнымъ имѣніемъ въ 1800 акровъ на правахъ полной собственности. Ея внутренняя организація не представляетъ никакихъ существенныхъ уклоненій отъ обычнаго типа американскихъ фурьеристскихъ общинъ: такая же равная оплата труда и свобода расходованія заработанныхъ денегъ. Что касается внутренней стороны жизни этой фаланги, то она характеризовалась совершенно исключительнымъ хозяйственнымъ успѣхомъ, очевидно, благодаря составу своихъ членовъ. Она не только исправно платила по всѣмъ обязательствамъ, но и при ликвидаціи уплатила всѣмъ своимъ пайщикамъ на 8% больше внесеннаго ими пая. Такимъ образомъ, о хозяйственномъ неуспѣхѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Почему же она все-таки пала? Вотъ что говоритъ по этому поводу ея основатель, Уоренъ Чезъ. «Причины крушенія были общественнаго характера. Мы не могли сдѣлать жизнь въ общинѣ достаточно привлекательной. Многіе думали, что внѣ общины они могутъ достигнуть большаго. Мы не могли побудить другихъ лицъ со средствами примкнуть къ намъ и пріобрѣсти паи тѣхъ членовъ, которые хотѣли уйти, и въ концѣ концовъ, недовольные получили большинство и вотировали прекращеніе ассоціаціи».

Всего дольше просуществовала Сѣвероамериканская фаланга (112 членовъ). Эта община была наилучше организованной среди всѣхъ американскихъ фалангъ. Между прочимъ, обращаетъ вниманіе характеръ вознагражденія въ ней труда. Различные роды труда оплачивались не одинаково (въ противность большинству другихъ фалангъ),—тѣмъ выше, чѣмъ онъ менѣе былъ пріятенъ. Такъ напр., кирпичники получали десять центовъ

въ часъ, земледѣльцы—восемь центовъ, прислужники и врачъ—только шесть съ четвертью центовъ. Кромѣ этой платы, полагалось добавочное вознагражденіе за особое искусство или талантъ; поэтому руководители извѣстными отраслями хозяйства получали добавочное вознагражденіе—пять центовъ въ день. Исчисленная такимъ путемъ заработная плата колебалась между шестью и десятью центами въ часъ, причемъ 10 центовъ считалось максимумомъ.

Продолжительность труда предоставлялась усмотрѣнію каждаго, также какъ и выборъ занятія. Въ концѣ года разверстывался между участниками дѣла общій избыточный доходъ, причемъ на долю труда приходилось въ среднемъ около 13 долларовъ, а капиталъ оплачивался приблизительно 5%.

Жизнь въ общинѣ обходилась очень дешево. Комната оплачивалась 12 долларами въ годъ. Кушанья получались по картѣ, причемъ чашка кофе съ молокомъ стоила полъ-цента, мясное блюдо—два цента и т. д. Кромѣ того, каждый членъ платилъ 36 центовъ въ недѣлю за право пользованія столовой, освѣщеніемъ и за услуги подающихъ кушанья. Обѣды отмѣчались по книжкѣ и къ концу каждаго мѣсяца дѣлался подсчетъ.

Община выстроила огромный домъ, въ которомъ свободно размѣстились ея члены. Этотъ домъ представлялъ собой нѣкоторое подобіе «фаланстера», о которомъ мечталъ Фурье. Конечно «соціальный дворецъ» сѣвероамериканской фаланги не отличался пышностью и великолѣпіемъ своего образца. Но все же это было обширное трехъэтажное зданіе изъ двухъ сходящихся подъ прямымъ угломъ корпусовъ, каждый свыше 20 саженей длиной. Комнаты въ «соціальномъ дворцѣ» были просторны, свѣтлы и изящно убраны; особенно внушительное впечатлѣніе производила огромная главная зала. «Соціальный дворецъ» былъ окруженъ цвѣтниками и вьющимся виноградомъ. Немного поодаль были аллеи съ тѣнистыми деревьями. По близости располагались и два плодовыхъ сада; площадь одного изъ нихъ превышала 40 акровъ (около 15 десятинъ). Неподалеку протекала рѣка, по берегамъ которой были также разбиты аллеи; на этой же рѣкѣ была построена мельница, работавшая съ большимъ успѣхомъ и покрывавшая своими доходами бо̀льшую часть расходовъ общины.

Главнымъ занятіемъ членовъ фаланги было земледѣліе и садоводство. Фаланга производила значительное количество фруктовъ, находившихъ хорошій сбытъ въ Нью-Іоркѣ.

Жизнь въ фалангѣ протекала настолько пріятно, что, по словамъ позднѣйшаго издателя New-Iork Tribune, Микера, посѣ-

тившаго поселеніе, образовавшееся на мѣстѣ фаланги послѣ ея распаденія, и бесѣдовавшаго со многими ея бывшими членами, «послѣдніе считали время, проведенное въ фалангѣ, счастливѣйшимъ временемъ своей жизни».

Община располагала живописнымъ и очень плодороднымъ участкомъ земли въ 700 акровъ въ 40 миляхъ отъ Нью-Іорка. Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла несомнѣнный успѣхъ, хотя и не столь значительный, какъ Висконсинская фаланга. Она уплачивала исправно отъ 4,4 до 5,6 % на паевой капиталъ и должную заработную плату всѣмъ своимъ членамъ, а также и постороннимъ рабочимъ, которые иногда, при особомъ скопленіи работы, привлекались къ разнаго рода хозяйственнымъ операціямъ на ряду съ членами.

Однако, въ концѣ концовъ рухнула и эта фаланга. Дѣла ея шли такъ же удачно, какъ и раньше, и ничто не предвѣщало ея близкаго конца. Но вотъ осенью 1854 г. происходитъ пожаръ на мельницѣ. Пожаръ этотъ отнюдь не могъ считаться непоправимымъ несчастіемъ, такъ какъ Грили предложилъ ссудить сумму, нужную для возобновленія мельницы. Было назначено общее собраніе членовъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой новой мельницы. На этомъ собраніи, совершенно неожиданно для большинства присутствовавшихъ, такъ сказать самъ собой, возникъ новый вопросъ—не нужно ли, вмѣсто постройки новой мельницы, ликвидировать все дѣло—и ликвидація была рѣшена, къ общему изумленію, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Очевидно, дѣло было не въ случайномъ внѣшнемъ несчастіи, а въ чемъ то иномъ. Въ чемъ же? Почему пала «Сѣвероамериканская фаланга», какъ и «Висконсинская фаланга» и всѣ прочія организаціи того же рода?

Болѣе глубокія причины неудачи подобныхъ организацій коренятся вовсе не въ невозможности ихъ хозяйственнаго успѣха. Напротивъ, исторія Висконсинской и Сѣвероамериканской фалангъ говоритъ обратное: какъ хозяйственныя организаціи онѣ оказались вполнѣ жизнеспособны.

Онѣ погибли потому, что не было достаточнаго основанія для продолженія ихъ существованія. Члены колоніи могли съ такимъ же успѣхомъ заработать нужное для жизни какъ оставаясь членами общины, такъ и внѣ ея, на сторонѣ. То скромное довольство, которое обезпечивали общины своимъ членамъ, доступно въ Америкѣ каждому хорошему работнику при обычныхъ условіяхъ труда. А такъ какъ въ составъ организацій

разсматриваемаго рода обычно входятъ люди незаурядные, съ большей чѣмъ обычно иниціативой и предпріимчивостью, то ясно, что съ чисто хозяйственной стороны даже самая успѣшная соціалистическая община не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы заставить дорожить ею человѣка способнаго, съ головой на плечахъ и умѣющаго работать.

Если Сѣвероамериканская фаланга такъ долго была дорога ея членамъ, то не потому, что внѣ ея общинникамъ угрожали лишенія. Члены фаланги видѣли въ ней зарю новаго соціальнаго будущаго, соціальную организацію, долженствующую преобразовать міръ и перестроить современное общество на новыхъ началахъ. Именно во имя этой вѣры люди устраивали фаланги, а вовсе не во имя своего хозяйственнаго благополучія.

Когда эта вѣра исчезла—когда опытъ показалъ, что фаланги не размножаются, не вытѣсняютъ господствующихъ капиталистическихъ организацій, а, въ лучшемъ случаѣ, только отстаиваютъ съ большимъ трудомъ свое существованіе—тогда продолженіе существованія фаланги утрачивало свой прежній смыслъ. Для чего жить въ фалангѣ, когда можно существовать и внѣ ея—должны были говорить себѣ ея члены и не могли не придти къ рѣшенію, что самое простое—разойтись въ разныя стороны.

И они расходились, даже въ томъ случаѣ, когда община имѣла хозяйственный успѣхъ—доказывая этимъ, что вовсе не хозяйственные интересы объединяютъ участниковъ подобныхъ организацій.

М. Туганъ-Барановскій.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ГЛАВНАГО РУСЛА.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Въ «Чертахъ изъ жизни Пепко» опытный журналистъ, трактирный завсегдатай, говоритъ начинающему писателю:—«У васъ есть богатство. Да... Вы его не знаете, какъ всѣ богатые люди: у васъ прекрасный языкъ. Да... еслибъ я могъ такъ писать, то не сидѣлъ-бы здѣсь. Языку не выучишься,—это даръ Божій...»—Эти слова могутъ быть всецѣло отнесены къ самому Мамину. Уже въ раннихъ его произведеніяхъ бросается въ глаза дѣйствительно «прекрасный» языкъ, въ которомъ соединяются природная литературность съ народной живостью и образностью.

Такой языкъ дается только избранникамъ, большимъ писателямъ, съ серьезнымъ предназначеніемъ, съ широкими задачами. Въ немъ залогъ развитія литературы и ея прочной связи съ жизнью. Въ немъ ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ писателя.

Маминскій языкъ не только красивъ, но и своеобразенъ. Его не смѣшаешь съ языкомъ другого писателя. Особенность его—чисто русская музыкальность и сочная колоритность; народные эпитеты и обороты, разныя уральскія и старорусскія словечки, которыми онъ пересыпанъ, не нарушаютъ его напѣвности и органической гибкости, а лишь придаютъ ему живость и характерность. Оригинальная красота маминской рѣчи сказывается въ тѣхъ именно произведеніяхъ, которыя больше всего говорятъ о немъ самомъ, гдѣ онъ наиболѣе самобытенъ, напр., въ его «Уральскихъ разсказахъ».

Вполнѣ соотвѣтствуетъ языку у Мамина богатая, тоже чисто народная, образность его творчества и тотъ обильный запасъ свѣжихъ, бурныхъ силъ, которыя въ немъ чувствовались до самаго конца... Несомнѣнно, отъ насъ недавно ушелъ большой,

своеобразный писатель, успѣвшій дать много, но, вѣроятно, далеко не все то, что онъ могъ-бы дать.

И все-таки, это былъ странный писатель. Или, можетъ быть, просто у него—странная судьба?.. Маминъ прожилъ до 60-ти лѣтъ и писалъ болѣе 40 лѣтъ; имъ написано такое множество разсказовъ, повѣстей и романовъ, что они едва-ли улягутся въ 30-ти томахъ собранія сочиненій, а между тѣмъ, его мало знаютъ, имъ мало интересуются, словно второстепеннымъ, второсортнымъ авторомъ. И не только рядовые читатели такъ относятся къ Мамину. Для избранной публики, даже для историковъ литературы это—тоже почти неизвѣстная величина; о немъ говорятъ только вскользь, по наслышкѣ. Маминымъ никто не занимался, о немъ почти нѣтъ литературы. Онъ совершилъ свой долгій, и довольно трудный, литературный путь какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ.

Не гдѣ-нибудь въ глуши писалъ этотъ плодовитый русскій писатель свои обширные романы и безчисленные разсказы, а въ Петербургѣ, въ центрѣ литературной жизни; онъ былъ со всѣми знакомъ, всѣмъ лично извѣстенъ. Даже въ послѣдніе годы, страдая неизлѣчимой болѣзнью, Маминъ поддерживалъ писательскія связи, бывалъ въ литературномъ обществѣ. Я какъ сейчасъ вижу его меланхолическую, большую, тяжелую, символически-одинокую фигуру. Бывалъ онъ иногда и въ компаніи, бывалъ даже окруженъ, но вспоминается теперь непремѣнно одинокимъ—гдѣ-нибудь за уединеннымъ столикомъ, за бутылкой пива, съ полуопущенными мутными глазами, угрюмый и печальный... А вѣдь по природѣ онъ былъ весельчакъ, искрящійся остроумецъ, настоящій сибирякъ—неистовый, неистощимый, неистребимый. Откуда-же эта упорная печаль? «Я не долюбленъ»... Эта горькая жалоба писателя, которую вспоминали надъ его могилой, звучитъ большой правдивостью. И—что всего горьше и жесточе—для этой недолюбленности, недопонятости, недооцѣненности Мамина были свои причины. Странность его литературной судьбы нельзя объяснять простой случайностью; тайна ея гораздо глубже.

Маминъ остался чужимъ и неоцѣненнымъ, не получилъ своего должнаго не потому, что всѣ были невнимательны или слѣпы. Произошло это отъ причинъ болѣе сложныхъ, коренящихся въ немъ самомъ. Этотъ своеобразный писатель и самобытный, стихійный талантъ былъ по природѣ чуждъ основному духу русской литературы, и путь его прошелъ въ сторонѣ отъ тѣхъ граней, въ которыхъ проложено ея главное русло.

Русская литература создана интеллигентами и бережно хранитъ свою традицію. Примыкавшіе къ коренной интеллигентской литературѣ «разночинцы» соприкасались съ ней тѣмъ, что въ нихъ было интеллигентнаго, а не своимъ особеннымъ, «бытовымъ». Даже Горькій, пришедшій изъ міра босяковъ, принесъ въ литературу не босяцкую «правду», а ницшеанскую въ босяцкой оболочкѣ, какъ разъ ту, потребность въ которой назрѣла въ нашей интеллигенціи; босяцкіе сверхъ-человѣки потому и пришлись у насъ по вкусу, что они прямые наслѣдники интеллигентовъ-общественниковъ. Основное свойство русской литературы—ея глубокая интеллектуальность, ея преданность безкорыстнымъ запросамъ духа. У старой литературы это проявлялось въ «общественности», въ служеніи прогрессивнымъ идеямъ, у новой—въ моральныхъ и философскихъ исканіяхъ. Душа у той и другой—одна и та-же. Подпольные люди Достоевскаго, моралисты Короленка, протестанты Горькаго, безумцы Андреева и Ремизова—всѣ прочнымъ родствомъ связаны съ толстовскими и тургеневскими героями, всѣ кровными узами соединены между собой. Каждый изъ нихъ прежде всего интеллигентъ, для котораго рѣшить вопросъ о смыслѣ жизни, о назначеніи своего «я» — важнѣе, чѣмъ ѣсть и пить. А герои Мамина стоятъ въ сторонѣ отъ этой основной писательско-интеллигентской цѣпи. Они сдѣланы изъ другого тѣста. Они просто русскіе люди и хороши именно своимъ бытовымъ и національнымъ содержаніемъ. Маминскіе герои, даже тѣ, которые взяты изъ интеллигентной среды, мало интеллигентны и мало интеллектуальны. Они слишкомъ просты, даже нѣсколько угловаты—примитивны для интеллигентскаго вкуса.

Мамина обыкновенно называютъ народникомъ, опредѣляютъ степень его идейнаго родства съ «Русскимъ Богатствомъ» и другими радикально-народническими кружками. Это большая натяжка. Его можно назвать народникомъ лишь въ совершенно иномъ смыслѣ. Кто-жъ, разумѣется, какъ не онъ, съ его знаніемъ народа и крѣпкою любовью къ нему, можетъ быть съ такимъ правомъ названъ народникомъ? Но это — стихійное народничество. Радикальныя, народническія теоріи почти не оказали на Мамина никакого вліянія. Правда, въ его большихъ романахъ есть попытки проведенія народническихъ тенденцій (особенно въ «Приваловскихъ милліонахъ»), но онѣ теряются въ блескѣ тѣхъ яркихъ, широкихъ картинъ, которыя создаются его непосредственнымъ творчествомъ. Тенденціи не связываютъ его творческой свободы и не предрѣшаютъ выводовъ. Если-бы это было не такъ, Маминъ, пожалуй, не создалъ-бы такихъ яркихъ, стильныхъ фигуръ, какъ

его старый штейгеръ въ «Золотѣ», который «весь былъ въ прошломъ, въ тѣхъ добрыхъ старыхъ временахъ, когда казенное золото добывалось шпицрутенами». Мамину близки и милы были эти старыя, закаленныя и сочныя души, съ ярко выраженнымъ исконно-русскимъ началомъ, и онъ этого не скрывалъ. Онъ рисовалъ то, что ему было знакомо и захватывало его, какъ художника, и мало заботился о назиданіи, о выводахъ.

Отчужденность Мамина отъ интеллигентской жизни особенно бросается въ глаза въ такихъ романахъ, какъ «На улицѣ» (иначе «Бурный потокъ») съ сюжетомъ изъ культурной среды. Въ художественномъ отношеніи романъ этотъ нельзя назвать неудачнымъ. Въ немъ сложная, интересная интрига, превосходно обрисованные характеры и занимательное изложеніе. Но романъ все-таки не оставляетъ сильнаго впечатлѣнія, потому-что слабъ его фундаментъ: авторъ не добрался до сути, не открылъ тѣхъ пружинъ, пониманіе которыхъ необходимо для обрисовки интеллигентовъ. Маминскіе герои интересны лишь постольку, поскольку въ нихъ проявляется русская натура. Это всегда—безшабашные, безудержные люди, не умѣющіе устроить свою жизнь. У нихъ золотыя сердца, они преисполнены благими намѣреніями, но они не способны ихъ осуществить. Ни умъ, ни талантъ не спасаютъ ихъ отъ обычнаго удѣла неудачника. Жизненная борьба не закаляетъ ихъ, а истощаетъ и разслабляетъ, надламываетъ. Первая-же неудача отнимаетъ у нихъ энергію и толкаетъ къ общедоступному утѣшенію, столь распространенному у русскихъ людей «грѣху»: они спиваются, или кончаютъ паденіемъ въ какой-нибудь другой формѣ, нерѣдко и скамьей подсудимыхъ. Таковъ Покатиловъ въ романѣ «На улицѣ». Онъ добръ, искрененъ, честенъ, не лишенъ оригинальности и уменъ, но въ немъ — ни капли той моральной силы, которая иногда выноситъ интеллигентовъ на гребни жизненныхъ волнъ и превращаетъ ихъ въ героевъ, не смотря на врожденную славянно-русскую дряблость. Покатиловъ мечтаетъ о *своей* газетѣ, но зачѣмъ ему газета? Чтобы безпрепятственно строчить «уличные» фельетоны и подняться въ глазахъ своей, тоже «уличной», богини, темпераментной львицы Сусанны? Въ концѣ концовъ онъ запутывается въ ея сложныхъ, грязныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ нею попадаетъ на скамью подсудимыхъ за какой-то подлогъ... Интеллигентъ Прозоровъ («Горное гнѣздо») чуть-ли не единственный честный человѣкъ среди заводскихъ администраторовъ и дѣльцовъ, даже какъ-будто причастенъ къ радикализму. Но какой прокъ отъ его честности,

когда онъ уже потерялъ человѣческій образъ, вслѣдствіе безпробуднаго пьянства? Такая-же жизненная неустойчивость и дряблость натуры губитъ талантливаго скульптора Бургадта («Падающія звѣзды»), попусту растратившаго свои силы. Мы только и слышимъ отъ него признанія въ ничтожествѣ, въ томъ, что онъ «заживо» «давно мертвъ».

Интереснѣе другихъ интеллигентовъ,—хотя и онъ таковъ же по-существу, — журналистъ Пепко: это—типично русскій человѣкъ, «склонный къ саморазъѣдающему анализу, самобичеванію и всенародому покаянію». — «Моя генеалогія довольно несложная,—объяснялъ Пепко съ иронической ноткой въ голосѣ:— мои предки принадлежали къ завоевателямъ и обрусителямъ, говоря проще—просто душили несчастныхъ инородцевъ... Вообще, наша сибирская генеалогія отличается большой скромностью и кончается дѣдушкой, котораго гнали и истребляли, или дѣдушкой, который самъ гналъ и истреблялъ»... «Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Пепка для меня ясно выступало только одно,— именно самъ Пепко, съ его оригинальной, немного угловатой психологіей, какъ тѣ камни, которые высились на его далекой родинѣ. Каждая мысль Пепка точно обростала однимъ изъ тѣхъ бородатыхъ лишайниковъ, какими глушились родныя ели. А изъ подъ этого хлама выяснялась простая, любящая душа, со всѣми присущими ей достоинствами и недостатками».

Русская натура превосходно схвачена и обрисована Маминымъ въ каждомъ изъ этихъ героевъ. Но интеллигентскаго духа, типичной интеллигентской закваски ни въ одномъ изъ нихъ не чувствуется. Это — обыватели. Они «приросли къ улицѣ», по удачному выраженію Покатилова.

Еще больше выдаютъ Мамина его героини-интеллигентки. У нихъ нѣтъ никакихъ духовныхъ интересовъ, никакой умственной жизни, хотя бы и не самостоятельной, а отраженной, заимствованной у мужчинъ. И умъ, и темпераментъ, и оригинальность—чѣмъ онѣ, какъ духовныя дочери Мамина, одарены съ избыткомъ—идутъ у нихъ на то, чтобы обезпечить себѣ внѣшнее благополучіе. Цинизму ихъ въ этомъ отношеніи нѣтъ предѣла. «Сначала я испугалась ожидающей тебя участи, но потомъ передумала,—говоритъ Раиса Павловна («Горное гнѣздо») своей воспитанницѣ Лушѣ передъ ея «рискованнымъ шагомъ».—Порядочной, честной женщинѣ, какъ это принято понимать, не стоитъ жить, потому что все противъ насъ... Если мужчина, на сторонѣ котораго всѣ права и преимущества, можетъ эксплуатировать женщину въ свою пользу, не заслуживая ничьего пори-

цанія, то почему же женщина не можетъ распорядиться единственнымъ своимъ преимуществомъ?»—И юная Луша, не уступая ей въ трезвости, хладнокровно рѣшается на «рискованный шагъ».

Не выше духовный уровень внѣшне-обаятельныхъ героинь романа «На улицѣ»: Юлиньки и Сусанны. Послѣдняя говоритъ Покатилову:—«Я, дѣйствительно, продала себя, какъ продаются тысячи другихъ дѣвушекъ, имѣвшихъ несчастье родиться красивыми. Только я поступила въ этомъ случаѣ совершенно сознательно и никого не могу обвинять въ собственной ошибкѣ, или какъ хотите назовите мой поступокъ. Я хотѣла быть непремѣнно богатой, замѣтной въ обществѣ, имѣть поклонниковъ и еще больше людей, которые будутъ мнѣ завидовать и, какъ видите, не ошиблась въ своихъ расчетахъ»... Она проситъ Покатилова откровенно высказать о ней свое мнѣніе, что тотъ и исполняетъ.

— «И вы, и я... и вашъ отецъ—всѣ мы одинаково жертвы *улицы*. Это вотъ что значитъ: есть извѣстный средній уровень, который давитъ все и всѣхъ. Ученый несетъ сюда послѣднее слово науки, артистъ и художникъ—плоды своего вдохновенія, общественные дѣятели свою энергію, женщины — молодость и красоту. Улица всесильна, и у нея есть на все запросъ... Наше несчастное время есть время господства улицы, по преимуществу, и нужно обладать настоящимъ геройствомъ, чтобы не поддаться этому всесильному вліянію... Бороться съ требованіями улицы не всякому по силамъ, когда маленькая сдѣлка съ совѣстью даетъ извѣстность, имя, успѣхъ, богатство. Улица по преимуществу эксплуатируетъ дурные инстинкты, слабости, животную сторону нашего существованія».—Міръ маминскихъ интеллигентовъ такъ теменъ, убогъ и уродливъ, что его романъ можно принять за общественную сатиру. Но это не сатира: авторъ слишкомъ сливается со своими героями и вмѣстѣ съ ними страдаетъ отъ гнета «улицы».

Та полоса жизни, которую больше всего наблюдалъ Маминъ—80-е годы—должна была давать матеріалъ для безотрадныхъ настроеній и выводовъ. Это сказывается у многихъ писателей, начиная съ Гаршина. Но Маминъ уловилъ только внѣшнюю сторону того кризиса, который переживала тогда интеллигенція. Этотъ кризисъ стихійно отразился въ творчествѣ Чехова и сознательно, съ большею правдивостью, воспроизведенъ Вересаевымъ въ его романахъ: «Безъ дороги», «На поворотѣ» и друг. А Маминъ усмотрѣлъ въ этомъ сложномъ процессѣ лишь одно—гнетъ «улицы».

Въ этой отчужденности отъ общей интеллигентской психологіи коренится сущность писательской драмы Мамина. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ, онъ чувствуетъ, что у него что-то не такъ, что онъ не можетъ попасть на рельсы, взять нужный тонъ, чтобы вполнѣ проявить себя и быть признанымъ, оцѣненнымъ. Онъ чувствуетъ себя неудачникомъ. Интересная повѣсть «Черты изъ жизни Пепко» даетъ въ этомъ отношеніи много біографическаго матеріала. Она не только рисуетъ внѣшнюю обстановку того тяжелаго періода въ жизни Мамина, когда онъ настойчиво, но тщетно старался попасть въ журналы, въ теченіи 9-ти лѣтъ получалъ изъ редакцій свои рукописи обратно, голодалъ и переносилъ всякія униженія бѣдности. Она отражаетъ и характерную психологію начинающаго писателя послѣ первыхъ неудачъ. «Мое стремленіе къ большой литературѣ на время какъ-то совсѣмъ заглохло. Я старался даже не думать объ этомъ больномъ мѣстѣ. Цѣлый ворохъ рукописей лежалъ одной связкой въ уголкѣ, и я не рѣшался къ нимъ прикоснуться, какъ больной боится разбередить свою рану. Получалось что-то вродѣ литературной летаргіи. Къ прежнему репертуару заражавшихъ меня чувствъ прибавилась озлобленность неудачника. И тутъ были *другіе*, не только составлявшіе себѣ къ 25-ти годамъ имя, но уже умиравшіе, свершивъ въ литературѣ все земное. Я, конечно, зналъ наперечетъ всѣхъ настоящихъ русскихъ беллетристовъ и особенно слѣдилъ за начинающей фракціей. Относительно послѣднихъ я проявлялъ положительное звѣрство, третируя ихъ, какъ мальчишекъ и выскочекъ. Я злился и торжествовалъ, изливая накопившійся ядъ систематическаго неудачника на своихъ воображаемыхъ конкуррентовъ»...—Сквозь ѣдкую иронію надъ собой, въ словахъ начинающаго писателя сквозитъ та подлинная горечь неудовлетворенности, которая прорывалась у Мамина всю жизнь, до могилы. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, талантъ, дающіе право на общее признаніе, на особенное мѣсто въ литературѣ. А этого не было. Критика относилась къ нему выжидательно-холодно, читатель былъ довольно равнодушенъ.

Наступитъ-ли для Мамина болѣе справедливая оцѣнка теперь, когда ждать уже нечего, и надо взять Мамина такимъ, какимъ онъ себя проявилъ?.. Думаю, что залогъ этого уже есть: тотъ необычный, знаменательный юбилей, который выпалъ на долю Мамина чуть не наканунѣ его смерти. Жилъ, жилъ среди насъ Маминъ, его не замѣчали, не думали о немъ, и вотъ—вдругъ заволновались, сразу почувствовали, какъ онъ нуженъ, какой это былъ большой, хорошій

писатель, пожалѣли его. Не удивительно, что такой взрывъ чувствъ къ Мамину по поводу его юбилея вспыхнулъ именно въ наши дни. Наше время —своеобразное. Не смотря на его смутность и пестроту, на паденіе вкусовъ и господство «улицы»—еще большее, чѣмъ то, которое отмѣчено Маминымъ въ 80-е годы, — теперь чувствуется наростаніе искренняго идеализма, справедливости и свободолюбія. Это особенно сказывается въ литературѣ. Въ ней много случайнаго, наноснаго, крикливо-преходящаго, но это не отражается на ея сущности: улица не проникаетъ глубоко. Въ нашей литературѣ проявляется какая-то новая трезвость и зрѣлость взгляда, склонность къ независимому сужденію. Сначала такой независимости мѣшала общественная тенденціозность, затѣмъ разныя предвзятости «модернизма», а теперь звучитъ голосъ свободнаго мнѣнія. Мамина должны почувствовать по новому...

Д. Н. Маминъ родомъ съ Урала. Онъ сынъ священника; родился въ 1852 г. въ Висимо-Шейтанскомъ заводѣ, въ Пермской губерніи. До 14-ти лѣтъ онъ учился дома, а затѣмъ въ бурсѣ и семинаріи; по окончаніи семинаріи поступилъ въ Военно-Медицинскую академію, но пробывъ, въ ней 4 года, перешелъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, гдѣ оставался всего одинъ годъ. Смерть отца побудила его начать трудовую жизнь: добывать средства для себя и семьи. Въ 1877 г. Маминъ вернулся на Уралъ и жилъ, перебиваясь разной работой, главнымъ образомъ уроками. Съ 1882 года онъ всецѣло отдался литературѣ, продолжая жить на родинѣ и лишь изрѣдка наѣзжая въ столицу. Самъ писатель считаетъ эти первые годы по возвращеніи на Уралъ особенно важными для своего художественнаго развитія. Послѣ жизни вдали отъ родины, всѣ ея своеобразныя особенности выступили передъ его глазами особенно рельефно; ея оригинальная жизнь поразила его. «Впечатлѣнія дѣтства, встрѣчи и столкновенія во время каникулъ, знакомства на охотѣ, затѣмъ путешествія вверхъ и внизъ по рѣкѣ Чусовой, странствованія по пріискамъ и заводамъ—все это теперь дополнялось новыми наблюденіями, знакомствами и личнымъ опытомъ. Нужно было долго пожить вдали отъ родины и потолкаться среди разнаго, чужого люда, чтобы окончательно выяснить себѣ то, чѣмъ отличалась жизнь уральскаго населенія»... [1]). Обновленіе глубоко залегшихъ въ душѣ

---

[1]) Автобіографія Д. Н. Мамина-Сибиряка. «Новая Жизнь», январь 1913 г.

впечатлѣній, дѣйствительно, сыграло большую роль,—дало толчекъ творчеству, направило его талантъ на вѣрный путь.

Стремленіе къ литературѣ сказалось въ Маминѣ очень рано, еще въ семинаріи. Въ студенческіе годы онъ усиленно работалъ надъ большимъ романомъ «Приваловскіе милліоны», увидѣвшимъ свѣтъ только много лѣтъ спустя. Фактически-же его участіе въ литературѣ тогда сводилось къ мелкой газетной работѣ и обратному полученію рукописей изъ журналовъ, какъ описано это въ «Чертахъ изъ жизни Пепко». Болѣе 9-ти лѣтъ длилась эта упорная работа и повторялись попытки печататься, неизбѣжно оканчивавшіяся неудачами. Много нужно было энергіи и искренняго, глубокаго тяготѣнія къ литературѣ, чтобы не устать и не отступить. Но Маминъ не даромъ родился на Уралѣ. Тамъ люди прочные, закаленные въ борьбѣ съ суровой природой и всякими невзгодами. Смѣшанный составъ населенія, происшедшаго отъ всякаго рода протестантовъ, религіозныхъ и общественныхъ, создалъ особенную породу людей. Къ славяно-русской расплывчатости и мягкости исторія примѣшала новую уравновѣшивающую черту: выдержку и упорство. Кстати, псевдонимъ «Сибирякъ» выбранъ Маминымъ не вполнѣ удачно. Уралъ далеко еще не Сибирь... Это подтвердятъ и уральцы, и сибиряки съ одинаковой убѣжденностью и взаимнымъ соревнованіемъ. Сибирь—отрѣзанный ломоть, у нея свой прочно сложившійся укладъ, и сибиряки его ревниво оберегаютъ, гордясь Сибирью и не стремясь въ Россію. А Уралъ, это—перепутье; у него, пожалуй, больше общаго съ Россіей, чѣмъ съ Сибирью, тамъ даже «травка старается перебраться въ Рассею» («Лѣсъ»). Маминъ отмѣтилъ любопытное различіе въ отношеніи сибиряковъ и уральцевъ къ бѣглымъ каторжникамъ—«лётнымъ». Въ Сибири этотъ кочевой, преходящій элементъ откровенно презирается, бѣглыхъ называютъ «варнаками», а послѣдніе платятъ сибирякамъ такимъ-же презрительными прозвищами: «желторотые» и «челдоны». На Уралѣ-же къ лётнымъ самое мягкое, сердечное отношеніе, что доказываетъ оригинальный обычай прибивать у окна избы полочку, на которую заботливая рука ежедневно кладетъ кусокъ хлѣба для странника.

Мамину уже было 30 лѣтъ, когда онъ проникъ въ «толстый» журналъ. Въ 1882 году «Дѣло» напечатало его разсказъ «Въ камняхъ». За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ, очерковъ, повѣстей и романовъ; часть изъ нихъ подготовлялась давно, а часть была написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ захватившаго его богатаго уральскаго матеріала. Онъ печатался

главнымъ образомъ въ «Дѣлѣ» и «Отеч. Записк.», позднѣе въ «Рус. Бог.» и «Рус. Мысли».

Среди раннихъ произведеній Мамина выдѣляется разсказъ «Бойцы» съ очень яркимъ уральскимъ колоритомъ и глубокимъ народнымъ содержаніемъ. Герой его бурлакъ-сплавщикъ Савоська—одна изъ тѣхъ характерно-русскихъ, самобытныхъ фигуръ, которыхъ такъ много у Мамина. Это богатая, размашистая натура. Онъ живетъ порывами, въ работу уходитъ съ головой и весь преображается отъ одного прикосновенія къ любимому мастерству. Въ своемъ дѣлѣ Савоська художникъ. Во время трудной весенней сплавки по непокорной горной рѣчкѣ онъ, какъ полководецъ въ сраженіи, — «олицетворенное движеніе». «Онъ сливается съ баркой въ одно существо».—«У насъ Севастіанъ Максимычъ—орелко!»—говорятъ о немъ сплавщики. И пѣть Савоська тоже мастеръ. Въ голосѣ его чувствуется настоящая русская ширь, и удаль, и сжимающая сердце тоска. По природѣ онъ богатырь. Силъ ему, какъ всѣмъ уральцамъ, какъ самому Мамину, было отпущено на полтораста лѣтъ, а онъ едва ли дотянетъ и до половины. Въ моментъ разсказа ему 40 лѣтъ, но это уже человѣкъ надломленный, мятущійся, который топитъ душу въ винѣ и развлекаетъ ее пѣсней. «Хорошо я пѣвалъ, когда молодымъ былъ, а тутъ какъ выпью, пойду по улицѣ и зальюсь: вся улица слушаетъ, по которой иду. Старики-то которые да старухи и осудятъ меня за мои пѣсни: вино въ Савоськѣ поетъ, а того не подумаютъ, что не вино во мнѣ, а мое горе горькое поетъ... И тяжело мнѣ и хорошо, когда пою».

Для тоски у Савоськи были свои особенныя причины. Въ молодости онъ случайно и неожиданно для себя сдѣлался убійцей. Подобно герою извѣстнаго разсказа Короленка, Савоська убилъ нечаянно, онъ убилъ разбойника Федьку, защищая отъ него слабыхъ стариковъ. Сюжетъ разсказа напоминаетъ короленковскій, но развивается онъ иначе. У Мамина центръ тяжести не въ индивидуальныхъ переживаніяхъ его бурлака, а въ той народной психологіи, которая въ нихъ отражается. Грѣхъ убійства, по народному вѣрованію, не можетъ остаться безнаказаннымъ, онъ непремѣнно взыщется, если не на виновникѣ, то на близкихъ его. Не суждено «убивцу» насладиться счастьемъ, какъ-бы удачливо не складывались обстоятельства. Для Савоськи возмездіе наступило нескоро, когда онъ уже началъ забывать о грѣхѣ и былъ счастливъ съ любимой женою. Ни

съ того, ни съ сего стала чахнуть молодая жена. Ни доктора, ни знахари ей не помогали. «Спросишь: «гдѣ болитъ, Аннушка?» «Нигдѣ у меня не болитъ», отвѣтитъ, а сама такъ ласково, ласково смотритъ... Только однажды она мнѣ и говоритъ: «Савося, не жилица я на бѣломъ свѣтѣ, не топтать мнѣ, видно, зеленой травушки, помру я скоро... Скажи мнѣ одно, Савося, нѣтъ ли у тебя на душѣ какого грѣха?» Какъ она это самое слово промолвила, у меня точно что оборвалось: Федька мнѣ тогда и вспалъ на умъ... Ну, покаялся я Аннушкѣ въ своемъ грѣхѣ, усмѣхнулась она и говоритъ: «Это за *него* меня Господь наказалъ»... И когда померла жена, разбуженная совѣсть не переставала мучить Савоску. Не зналъ онъ, что съ собой дѣлать, и сталъ просить совѣта у мудраго старца. «Онъ мнѣ и сказалъ слово:—Потуда тебя Федька будетъ мучить, покуда ты наказанія не примешь. Ступай, говоритъ, въ судъ и объявись. Отбудешь свою казнь и совѣсть найдешь.—Я такъ и думалъ сдѣлать, да боюсь одного: суды нонѣ милостивы стали, пожалуй безъ наказаніи меня совсѣмъ оставятъ... Куда я тогда дѣнусь?..» Эти послѣднія слова, съ ихъ безысходной моральной мукой особенно характерны для народной психологіи. Внутренній драматизмъ соединяется у Мамина съ удивительной внѣшней простотой разсказа. Онъ не дѣлаетъ отступленій и тенденціозныхъ разсужденій въ духѣ писателей-народниковъ. Народная «правда» сказывается сама собой—совершенно стихійно, какъ будто Маминъ носилъ ее въ себѣ самомъ.

«Бойцы» впослѣдствіи вошли въ составъ «Уральскихъ разсказовъ». Это самая зрѣлая изъ книгъ Мамина, захватывающая свѣжестью, мѣстами очень глубокая. Его родной, сказочный Уралъ—тутъ весь, со своей дикой красотой—съ душистыми дремучими лѣсами, въ которыхъ «блазнитъ» непривычнаго человѣка, непокорными, разрушительными рѣчками и самоцвѣтными камнями, съ такими же дикими, красивыми людьми... Но Маминъ даетъ не только Уралъ, а и Русь. И несправедливо называть его областнымъ писателемъ или этнографомъ, какъ это иногда дѣлаютъ. Для Мамина Уралъ только великолѣпная рамка. На фонѣ уральской первобытности еще рѣзче выступаютъ коренныя общерусскія черты; тутъ онѣ сохранились во всей неприкосновенности, ничѣмъ неприкрытыя и незамаскированныя. Когда Маминъ въ разсказѣ «Лётные» передаетъ эпизодъ «деревенской жестокости: какъ дѣдъ Антонъ «за рѣпу» убилъ человѣка, такъ же морозъ подираетъ по кожѣ, какъ при чтеніи современныхъ книгъ о деревнѣ—Родіонова или Бунина. Пожалуй,

маминская картинка написана съ большимъ безпристрастіемъ и еще сильнѣе захватываетъ.

— «Рѣпку онъ у меня воровалъ изъ огорода-то, этотъ Антонъ самый...—хрипло шамкалъ Корневъ своимъ беззубымъ ртомъ.—Я садилъ рѣпку-то, а лётный ее учалъ воровать. Я зарядилъ турку жеребьемъ [1]) и караулилъ его по три ночи сряду; ну, и укараулилъ: какъ пальну изъ турки-то, лётный и покатился горошкомъ, а рѣпку мою въ рукѣ держитъ.—Старый дѣдка смѣялся хриплымъ смѣхомъ и долго моталъ своей лысой головой.—Развѣ тебѣ не жаль было его, лётнаго-то?—спрашивалъ кто-нибудь изъ ребятишекъ.—Не больно дорога рѣпка-то...—Да вѣдь она моя была. Послѣ-то жаль было, когда онъ приползъ ко мнѣ же на дворъ... Кровища изъ него такъ и хлещетъ, потому я угодилъ ему жеребьемъ-то прямо подъ сердце въ болонь... До вечера маялся, сердяга... На подмостки его во дворѣ положили, ну, онъ тутъ и докончился! Вся деревня сбѣжалась во дворъ-то, бабенки ревутъ, мужики меня ругаютъ, а моей тутъ причины никакой не было. Ну, какъ сталъ Антонъ отходить совсѣмъ, народъ-то бросился прощаться съ нимъ—всѣ въ ноги кланяются и въ одинъ голосъ: «прости, миленькій». Ну, я и подошелъ къ нему; узналъ онъ меня и вымолвитъ: «будешь меня ты помнить, старикъ... напрасную кровь пролилъ». Такъ мы его и похоронили въ лѣску; ямку вырыли, да въ ямку и положили, а сами молчимъ, потому что по судамъ будутъ таскать. Попу послѣ покаялся за Антона-то»...

У Мамина большое разнообразіе народныхъ характеровъ. Каждый изъ его героевъ ярко индивидуаленъ, не похожъ на другихъ, а вмѣстѣ они связаны чѣмъ-то большимъ и единымъ, неразрывнымъ, имѣющимъ глубокій смыслъ. Въ противоположность пессимистическимъ, развинченнымъ интеллигентамъ Мамина, видящимъ въ жизни зло и безсмыслицу, его простолюдины прочно связаны съ землей и всегда склонны славить мудрость Творца. Таковъ бывшій крѣпостной, кроткій созерцатель Шапкинъ («Гроза»), съ его безкорыстнымъ, привязчивымъ сердцемъ. Это органическій альтруистъ, человѣкъ безъ своей жизни; какъ птица небесная, онъ не заботится о завтрашнемъ днѣ, а все прислушивается къ тому, что роится въ его душѣ, и любуется красотой міра. Таковъ и «пантеистъ», дьячекъ Ѳомичъ, никогда не унывающій, несмотря на то, что онъ по его собственнымъ

---

[1]) Турками называются большекалиберныя винтовки, а жеребьемъ—медвѣжьи пули.

словамъ, «послѣдняя спица въ колесницѣ» («Лѣсъ»). При всякомъ удобномъ случаѣ Ѳомичъ философствуетъ о мудрости жизни. «...Каждая травка свое мѣсто знаетъ, да! Вотъ у меня, черезъ Разметъ сибирская травка въ Рассею перебирается. Ей Богу... Все по рѣчкѣ шла въ гору-то, а теперь ужъ перевалила и подъ гору пошла. Вотъ она премудрость-то въ чемъ»... «И еще другая премудрость есть—зашелъ ты въ лѣсъ, для тебя мертво все... И трава, и лѣсъ, и кусты — все мертво. А это такъ кажется, потому что все со страхомъ затаилось отъ тебя—и козявка, и птица, и звѣрушка всякая. Ты, какъ чума, идешь по лѣсу-то... да! А вотъ, если ты этакъ гдѣ-нибудь затихнешь—все и покажется, со всѣхъ сторонъ подымется разное живье. И у всякой-то твари свой уголокъ есть, у всякой твари свой порядокъ, и все на своемъ мѣстѣ. Даже это удивительно, что столько въ лѣсу разнаго живья. Человѣку вотъ тѣсно, другъ друга ѣдятъ, а тутъ, какъ вода кипитъ: и червячокъ, и козявка, и мушка, и ящерица, и птица... Всякому свой предѣлъ»... У живой стихіи лѣса, по словамъ Ѳомича, такая сила, что даже Парашѣ-дурочкѣ возвращается разумъ, потерянный ею въ гаремѣ стараго заводскаго управляющаго: въ лѣсу она разсуждаетъ и оплакиваетъ свою судьбу, какъ умница. «Вотъ онъ какой, лѣсъ-то... Только не говоритъ,—да нѣтъ: говоритъ, свое говоритъ!»... Пантеистической любовью къ міру горитъ и другой мудрецъ, Іосифъ-Прекрасный («Лѣтные»).—«Это господамъ забава—беззащитную тварь бить, — любилъ разсуждать Іосифъ-Прекрасный, сидя у огонька. — Птица-то проснется и сейчасъ Бога славить—вотъ ты на нее и гляди, что она названіемъ-то птица. Звѣрь—тотъ не умѣетъ угодить Богу, потому, какая у него пѣсня; либо завоетъ, либо залаетъ, либо захрюкаетъ, а птица на всѣ голоса выводитъ. Птица, братъ, вольная тварь—первая родня нашему брату—лѣтному... Ее Господь умудряетъ за ея простоту, потому она и мѣсто свое знаетъ лучше другого человѣка»...

Самъ Маминъ по міроощущенію близокъ къ этимъ простодушнымъ жизнелюбамъ. Онъ чувствуетъ себя въ лѣсу новымъ человѣкомъ. Здѣсь у него «всѣ невзгоды и заботы смѣняются свѣжимъ и свѣтлымъ чувствомъ жизни»... «На душѣ дѣлается такъ легко, точно перенесся совсѣмъ въ другой міръ... И сидѣлъ-бы такъ безъ конца, чувствуя, что и тебѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ остальныхъ людей, и имъ тоже. Есть зеленыя горы, есть лѣсъ, есть пара рябчиковъ въ ягташѣ, есть медовый ключикъ въ лѣсу—и довольно».

Маминъ любитъ природу и красиво ее описываетъ. Онъ

умѣетъ передать свое чувство, заразить имъ читателя, хотя ему иногда и мѣшаютъ устарѣлые пріемы описанія—ихъ чрезмѣрная обстоятельность. Невольно вспоминается остроумный афоризмъ Чехова: лучше не досказать, чѣмъ пересказать. Такой сдержанности и краткости часто не достаетъ Мамину. Возможно, что это объясняется просто недостаточной обработкой его произведеній, а не вліяніемъ старой школы. Послѣ живыхъ, непосредственныхъ образовъ Маминъ любитъ вставлять расхолаживающія поясненія... Но за этой наружной схоластикой все-же у него чувствуется большая любовь къ природѣ и пониманіе ея, живая связь съ ней. Въ «Чертахъ изъ жизни Пепко» есть указанія на то, какъ Маминъ дорожилъ этимъ своимъ чувствомъ и какъ прилежно учился описывать природу. Его начинающій писатель-неудачникъ не доволенъ риторическими описаніями Гоголя и Тургенева. Своими учителями онъ считаетъ лишь Лермонтова и Толстого. Въ выработкѣ пейзажа ему помогли «русскіе художники-пейзажисты реальнаго направленія». Онъ усердно посѣщаетъ выставки и удивляется тому, «какъ далеко ушли русскіе пейзажисты по сравненію съ литературными описаніями»... Онъ «провѣряетъ свои описанія природы по лучшимъ картинамъ»... Между картинами передвижниковъ—лѣсами Шишкина и морями Айвазовскаго—и пейзажами Мамина, правда, есть общее. Въ нихъ захватываетъ жизнь цѣлаго. Отчетливыя детали не разсѣиваютъ основного впечатлѣнія. И тамъ, и здѣсь талантъ побѣждаетъ тѣ преграды, которыя ставятся старой реалистической школой, требующей отъ художника точности, обстоятельности и объективности. Маминъ не только любилъ то, что описывалъ, но и хорошо зналъ—зналъ каждую породу въ уральскихъ лѣсахъ: которая коренная, а которая «пришлая», какъ береза... зналъ, вѣроятно, и всѣ сорта самоцвѣтныхъ камней, скрытыхъ въ его родныхъ горахъ. Поэтому-то его описанія такія живыя. Суровая природа, постоянно дарящая неожиданностями, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ его своеобразнымъ крѣпкимъ героямъ: разнымъ философамъ-отшельникамъ и дѣйственнымъ натурамъ—всѣмъ тѣмъ «аховымъ», «могутнымъ» людямъ, бурлакамъ, лѣтчикамъ, которые изстари засѣли на «Камнѣ» *) или мѣрятъ черезъ него далекій путь изъ каторги въ «Рассею»... Въ маминской картинѣ природа и люди сливаются въ одно.

---

*) Старинное названіе Урала.

Хотя «Уральскіе разсказы»—лучшая книга Мамина, все-же онъ, по природѣ своей, вопреки установившемуся мнѣнію, не разскащикъ, а романистъ. «Уральскіе разсказы» представляютъ исключеніе среди другихъ разсказовъ, всегда у него болѣе слабыхъ, чѣмъ романы. Ему тѣсно въ рамкахъ разсказа, и тутъ онъ небреженъ, неуклюжъ и нескладенъ. Его буйному, безудержному вдохновенію негдѣ развернуться, онъ не умѣетъ распредѣлить своего матеріала. Его разсказамъ всегда недостаетъ сжатости и внутренней убѣдительности. Это особенно бросается въ глаза въ популярной, но слабой его книгѣ: «Дѣтскія тѣни», гдѣ вмѣсто обычной маминской грубоватой правдивости, чувствуется слащавая сентиментальность, даже какъ-будто фальшь («Аннушка», «Врагъ» и др.). Разсказы у Мамина часто являются лишь эскизами для будущаго романа и впослѣдствіи включаются въ него, какъ эпизоды (очеркъ «Окся»—въ романъ «Золото», разсказъ «По-просту»—въ романъ «Хлѣбъ»). Это показываетъ, какъ не соотвѣтствовала природѣ его таланта форма разсказа. Романы Мамина написаны несравненно ярче и свободнѣе разсказовъ. На страницахъ его большихъ романовъ, несмотря на ихъ растянутость и хаотическую безформенность, сверкаетъ подлинное вдохновеніе, они полны драматизма и не грѣшатъ противъ художественной правды. Для грандіозныхъ маминскихъ картинъ и натиска образовъ иногда мало одного романа въ пяти, шести частяхъ, а нужна цѣлая серія, вродѣ французскихъ Ругонъ-Макаровъ. Лучшіе изъ его романовъ: «Горное гнѣздо», «На улицѣ», «Хлѣбъ», «Золото», «Приваловскіе милліоны» связаны единствомъ внутренняго содержанія и производятъ наиболѣе сильное впечатлѣніе, когда читаются подрядъ [1]). Когда Маминымъ овладѣвала какая-нибудь тема, онъ не скоро могъ съ нею разстаться и постоянно къ ней возвращался; а темы у него были большія и сложныя.

Какъ романистъ, Маминъ имѣетъ кое-что общее съ Достоевскимъ. У него та-же напряженность дѣйствія и острота анализа, порой доходящая до жестокости, захватывающая и увлекающая. Только предметы анализа у нихъ разные, поэтому и сходство ихъ не бросается въ глаза. Въ романахъ Мамина такая-же, какъ и у Достоевскаго, сложность содержанія и запутанность интриги, обиліе эпизодическихъ лицъ, связанныхъ съ основнымъ замысломъ развѣ только какой-нибудь одной черточкой. Драмы у него нагромождаются одна на другую, такъ что изъ

1) Собранія сочиненій Мамина-Сибиряка пока нѣтъ. Три его романа: «Золото», «На улицѣ», «Именинникъ» недавно вышли въ изданіи Т—ва «Просвѣщеніе».

одного романа легко было-бы сдѣлать нѣсколько. Когда Маминъ съ нервной торопливостью раскрываетъ надломленную, больную психику своихъ мужицкихъ героевъ, стоящихъ на рубежѣ между старой и новой жизнью, онъ по силѣ проникновенности не уступаетъ Достоевскому. Во внѣшней художественной небрежности Маминъ тоже похожъ на Достоевскаго, но далеко его превосходитъ. Романы его нестройны и необработаны, и это служитъ немалымъ препятствіемъ ихъ успѣху. Наиболѣе законченное впечатлѣніе оставляютъ романы «Золото» и «Хлѣбъ». Въ обоихъ взята одна и та-же знаменательная въ русской жизни эпоха: переходъ отъ крѣпостного состоянія къ свободному, отъ патріархальныхъ формъ жизни къ болѣе сложнымъ капиталистическимъ. Въ первомъ романѣ канвой является золотопромышленное дѣло, во второмъ—хлѣбная торговля.

Въ обоихъ этихъ романахъ Маминъ проявилъ близкое знаніе того быта и условій, которые изображаетъ, и большую художественную силу. На фонѣ общаго кризиса, экономическаго, соціальнаго и моральнаго, онъ нарисовалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ фигуръ. То, что само собой при этомъ сказалось, какъ всегда у Мамина, значительнѣе того, что онъ хотѣлъ сказать и долженъ былъ-бы говорить, какъ народникъ. Художникъ вытѣснилъ въ немъ теоретика. Онъ схватилъ и облюбовалъ то, что болѣе ярко и выпукло, что достойно художественнаго изображенія: старое, отживающее. До-реформенная русская жизнь отлилась хоть и въ косныя, но въ рельефныя и красивыя, характерныя формы. Художнику нельзя пройти мимо нихъ равнодушно. А Маминъ, къ тому-же, ярко выраженный реалистъ, «бытовикъ», ему это какъ разъ и нужно. Старая русская жизнь, съ ея законченными, стильными формами, глубоко захватила его. Онъ ее описываетъ съ увлеченіемъ, почти идеализируетъ ее всю цѣликомъ, съ ея крѣпостническими порядками и домостроевскими нравами. «Старые» люди всегда у Мамина интереснѣе и привлекательнѣе молодыхъ; каждый представляетъ собой нѣчто. А этого нельзя сказать о молодыхъ. Очевидно, «крѣпостничество» хоть и уродовало души, но давало имъ опредѣленный обликъ, углубляло и формировало, а вмѣсто него пришла пустота, отсутствіе всякихъ формъ, что отразилось и на содержаніи душъ.

Этого «стараго», милаго его сердцу человѣка Маминъ изображаетъ прежде всего среди семьи, гдѣ наиболѣе непосредственно и интимно проявляются человѣческіе характеры, а затѣмъ въ отношеніяхъ къ обществу, къ дѣлу. Великолѣпнѣе всего у него фигура штейгера Зыкова, «фанатика прошлыхъ временъ»

и главы семьи въ духѣ Островскаго. Своему шестидесятилѣтнему сыну Зыковъ не позволяетъ распоряжаться даже судьбою собственныхъ дѣтей. Когда этотъ сынъ провинился, Зыковъ ведетъ его для расправы къ заводскому управляющему и очень удивляется, что тотъ не хочетъ выдрать его шестидесятилѣтняго парнюгу на конюшнѣ. Еще болѣе удивляетъ и огорчаетъ Зыкова отказъ управляющаго «воротить силой» его дочь, «убѣжавшую» къ старовѣрамъ,—въ замужество. Ему странны наступившія времена, когда отецъ пересталъ быть полновластнымъ господиномъ надъ своимъ чадомъ...

Дики для него были и новые порядки, введенные на пріискахъ. «Слишкомъ тридцать пять лѣтъ «казеннаго времени» отбылъ Родіонъ Потапычъ, когда объявлена была воля. Онъ совершенно не понималъ этого событія, никакъ не укладывавшагося въ его головѣ. Родіонъ Потапычъ даже какъ-то совсѣмъ растерялся, особенно когда упразднили каторгу, винокуренный заводъ закрыли, а казеннымъ промысловымъ работамъ пришелъ конецъ. Мысль о томъ, что теперь нужно будетъ платить каждому рабочему, просто возмущала его. «Помилуйте, такая орава рабочихъ, и вдругъ каждому плати, а что-же казнѣ-то останется?» Охватившая всѣхъ золотая горячка, стремительный бѣгъ новой жизни ничуть не привлекаетъ Зыкова и даже раздражаетъ его. Онъ видитъ, что вокругъ него безумствуютъ въ погонѣ за золотомъ, соперничаютъ, ссорятся, дерутся, и не понимаетъ, къ чему это все? Люди не становятся ни лучше, ни умнѣе. Зачѣмъ имъ золото?—для пьянства и безобразій? Вѣдь все, что добывается этимъ новымъ—легкимъ, платнымъ трудомъ, уходитъ у нихъ на водку. Водка—вотъ настоящій кумиръ! А золото—только средство... Среди новыхъ нравственно-расшатанныхъ дѣльцовъ, угорѣвшихъ отъ золота и вина, честный и благородный обликъ преданнаго казеннаго служаки выдѣляется очень выгодно. Зыковъ—не просто служака. Онъ—гражданинъ въ своемъ маленькомъ пріисковомъ государствѣ. Онъ—почти герой, такъ какъ способенъ всегда, когда требуетъ дѣло, стушеваться, игнорировать свой личный интересъ и выдвинуть общественный. (Характерно двойственное отношеніе Зыкова къ управляющему: какъ соблазнителя свой дочери, онъ его ненавидитъ, а какъ начальника и пріисковаго дѣятеля, цѣнитъ). Внутренняя, моральная требовательность соединяется у Зыкова съ громадной выдержкой. Чѣмъ только достигнута эта выдержка? Вѣроятно, тѣми-же средствами, какими въ старину добывалось золото! Правдивость художника не измѣнила

Мамину, и онъ показалъ намъ, какъ этотъ закаленный, видавшій всякіе виды штейгеръ, все-таки кончилъ помѣшательствомъ. Значитъ прочность старыхъ душъ тоже имѣетъ свои предѣлы... Можетъ быть, это и не прочность, какъ кажется Мамину, а косность? Эта подкупающая стильностью русская старина враждебна всему новому, всякому движенію впередъ, и сильна своей неподвижностью и неприкосновенностью. Но достаточно маленькой трещины въ той стѣнѣ, что отдѣляетъ ее отъ новаго міра, для того, чтобы сила ея пошатнулась. Это-ли прочность?..

Классическая фигура стараго штейгера доказываетъ, что въ произведеніяхъ Мамина надо искать не картину пріисковаго дѣла, не иллюстрацію къ развитію капитализма, не этнографію, а русскую психологію и исторію—ту глубокую народную первооснову, которой въ сильной степени опредѣляется и наше настоящее и будущее.

Русская стихія брызжетъ въ романѣ «Золото» обильной струей. Народная жизнь отражается въ немъ безыскуственно и правдиво, со своимъ свѣтомъ и тѣнями, съ дикой жестокостью и проявленіями нравственной силы и красоты. Вотъ характерная семейная сцена—образчикъ отношеній между бывшимъ дворовымъ, кабатчикомъ Ермошкой, и его больной женой Дарьей, которую онъ «изводилъ медленно и безжалостно, какъ ненужную скотину». Супруги миролюбиво обсуждаютъ вопросъ, на комъ Ермошкѣ жениться, когда помретъ Дарья.

— Развѣ не стало невѣстъ? — резонируетъ Ермошка въ тонъ женѣ:—Какъ помрешь, сорокъ денъ выйдетъ, и женюсь...

— Богатую не бери, а попроще... сиротку лучше, Ермолай Семенычъ, потому какъ ужъ въ годкахъ и будетъ на положеніи вдовца. Богатыя-то дѣвки не больно такихъ жениховъ уважаютъ...

— Это ты правильно, Дарья... Только помирай поскорѣе, а то время напрасно идетъ. Совсѣмъ изъ годовъ выйду, покедова подохнешь...

— Охъ, скоро помру, Ермолай Семенычъ... Жаль мнѣ глядѣть на тебя, какъ ты со мной маешься...

А вотъ другая семейка: молодого раскольника Кожина, женившагося на нелюбимой дѣвушкѣ, по выбору матери, послѣ того, какъ любимую Феню отъ него отобрали. Кожинъ совсѣмъ озвѣрѣлъ и, на глазахъ у всѣхъ, изводилъ жену. Въ морозы онъ выгонялъ ее на дворъ босую, гонялся за нею съ ножемъ, билъ до безпамятства и вообще продѣлывалъ надъ нею тѣ звѣрства, на какія способенъ очертѣвшій русскій человѣкъ. Знали объ этомъ всѣ сосѣди, женина родня, и ни одна душа не за-

ступилась за несчастную бабу, потому что между мужемъ и женой одинъ Богъ судья»... Заступники нашлись лишь тогда, когда Кожинъ свою жену повѣсилъ... Отъ семейныхъ картинъ Мамина вѣетъ старымъ варварствомъ и новой озвѣрѣлостью. Но Маминъ не вносилъ въ свое изображеніе ни тенденціозности, ни собственной нервозности, не сосредоточивалъ на немъ исключительнаго вниманія, а просто бралъ жизнь во всей ея полнотѣ и пестротѣ. Деревенскіе ужасы не нагромождаются у него, какъ у современныхъ повѣствователей, а чередуются съ явленіями иного порядка. Особенно отдыхаетъ душа на его женскихъ народныхъ образахъ. Въ противоположность ходульнымъ, непривлекательнымъ интеллигенткамъ Мамина, его бабы удивительно естественны и женственно-обаятельны. Онѣ своеобразны и самостоятельны. У нихъ свои вкусы, даже «свой» умъ—для себя, только воля чужая, воля мужчины. Онѣ съ покорностью подчиняются незыблемой мужской власти, но внутренно себя не передѣлываютъ по вкусу мужа. Такова скромная, нѣжная, но твердая Феня. Сердце ея отдано одному, но и во всѣхъ случайныхъ отношеніяхъ она умѣетъ обнаружить свою душу, не таитъ ея сокровищъ. Она чутьемъ понимаетъ то, что недоступно ея темному уму, напр. своего покровителя, управляющаго Каракчунскаго. Когда онъ застрѣлился, она проявляетъ полное равнодушіе къ деньгамъ, которыя онъ ей оставилъ, и дорожитъ его коротенькой предсмертной запиской. И это—въ то время, когда она любитъ другого—Кожина. Звѣрства Кожина надъ женой возмущаютъ ее, но не уменьшаютъ ея любви къ нему, а только прибавляютъ къ этой любви оттѣнокъ жалости. Она слѣдуетъ за нимъ на каторгу.

Характерно, что даже тѣ немногія новыя, передовыя женщины, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ Мамина, взяты имъ изъ народной мужицко-купеческой среды, а не культурной, интеллигентской: Устинька—«славяночка» въ «Хлѣбѣ», Надинька въ «Приваловскихъ милліонахъ».

На романѣ «Хлѣбъ»—еще болѣе яркій отпечатокъ «русскаго». Тема у него та-же, что въ «Золотѣ»—изображеніе перелома въ соціальной и экономической жизни, и такъ-же, какъ въ «Золотѣ», содержаніе выходитъ далеко за предѣлы этой темы. Смѣна однѣхъ формъ жизни другими оказываетъ вліяніе и на ея исконныя національныя черты. Вторженіе новыхъ факторовъ—машинъ, банковъ и т. п. отражается на психологіи и отношеніяхъ людей. Старое сталкивается съ новымъ. Въ

простомъ укладѣ, въ патріархальныхъ семьяхъ разыгрываются сложныя драмы.

Въ этомъ романѣ особенно полно и колоритно обрисованъ русскій бытъ. Низенькія комнаты съ ихъ прочной мебелью, затхлымъ лампаднымъ запахомъ и такою-же затхлою жизнью... Расписные національные костюмы, идущіе ко всякой красавицѣ, и сами сказочныя красавицы, отъ которыхъ духъ захватываетъ; торжественные обряды и свадьбы-пиры, съ разливнымъ пьянствомъ и неистовой камаринской... Вся эта старина обвѣяна у Мамина поэзіей, ему въ ней дорогъ и важенъ каждый штрихъ, и онъ описываетъ ее съ заботливостью влюбленнаго. Но Маминъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые долго останавливаются на статикѣ. Это—не эпическій писатель. Вдохновеніе неудержимо мчитъ его къ катастрофамъ. Въ этомъ опять сказывается сходство его со, столь отличающимся отъ него по душевному складу, Достоевскимъ. Въ каждомъ романѣ у Мамина одна или нѣсколько катастрофъ. Въ «Хлѣбѣ» съ самаго начала чувствуется возможность катастрофы, завязывается узелъ, который не можетъ быть благополучно развязанъ. Старый раскольникъ Михей Зотычъ женитъ своего сына, Галактіона, выбравъ ему невѣсту по своему вкусу, а Галактіону нравится другая дѣвушка, сестра невѣсты, головокружительная красавица Харитина. Въ старину жизнь часто складывалась по пословицѣ: стерпится — слюбится. Но Галактіонъ не сумѣлъ жить по старинѣ и скоро измаялся. Ни на минуту не шла у него изъ головы красавица-родственница, недоступная и тѣмъ болѣе желанная; всѣмъ дѣламъ его мѣшала и всѣ смѣлые новаторскіе планы разстраивала. Не только семейная жизнь у Галактіона не устроилась (разладъ съ женой толкнулъ его къ кутежамъ, а нелюбимая жена кончила запоемъ), но и всѣ его общественныя дѣла и начинанія терпятъ крушеніе. Всѣ богатыя силы, и умъ, и энергія и совсѣмъ новая его предпріимчивость оказываются ни къ чему...

Галактіонъ—представитель новаго, смышленнаго купечества. У него настоящая русская натура, сочная, свѣжая, даровитая, съ широкимъ размахомъ и буйными устремленіями, но безъ необходимаго регулятора, безъ задерживающихъ центровъ. Его сложному, богатому душевному аппарату чего-то не достаетъ, чтобы онъ былъ проченъ и дѣйствовалъ правильно. Въ его новой революціонной душѣ залегла предательская старинная складка—не то покорности, не то пассивности, подкашивающая его энергію; хочетъ онъ дѣлать одно, а дѣлаетъ другое. Онъ и

въ женитьбѣ подчиняется волѣ отца изъ малодушія, по какому-то смутному соображенію, что «суженой конемъ не объѣдешь»...

Характерно объясненіе этого *новаго* человѣка съ самодуромъ-отцомъ, когда онъ захотѣлъ открыто бросить ему упрекъ за свою неудавшуюся жизнь, высказать въ лицо всю правду— и не смогъ. Онъ даже вернулся для этого съ дороги.

— Чего позабылъ? — грубо спросилъ Михей Зотычъ, улыбаясь.

— Чего забылъ?—точно рванулся Галактіонъ.—А вотъ это самое... да. Вѣдь я домой поѣхалъ, а дома-то и нѣтъ... жена постыла въ дому... родительское благословеніе, навѣки нерушимое... Вотъ я и вернулся, чтобы сказать... да... сказать. Вѣдь всѣ знаютъ,—не скроешь. А только никто не знаетъ, что у меня вся душенька выболѣла.

— А ты всѣмъ скажи: отецъ, молъ, родной виноватъ,— добавилъ Михей Зотычъ съ прежнею улыбкой.—Отецъ насильно женилъ... Ну, и будешь правъ, да еще тебя-то пожалѣютъ, особливо которыя бабы ежели съ жиру бѣсятся. Чужіе-то люди жалостливѣе.—

— Хорошо тебѣ наговаривать, родитель, да высмѣивать,— какъ-то застоналъ Галактіонъ.—А я вотъ и своей-то постылой жизни не радъ. Хлопочу, работаю, тороплюсь куда-то, а все это одна видимость... У самаго пусто, вотъ тутъ пусто...

Объясненіе заканчивается неожиданно: намѣреніемъ крутого старика отправить непокорнаго сына въ волость, чтобъ тамъ ему «всыпали горячихъ» и «прохладили». Галактіонъ съ трудомъ выбрался изъ подъ гостепріимной родительской кровли. Вотъ какъ разрѣшаются у Мамина столкновенія «старой» и «новой» жизни!

Романъ, вопреки всѣмъ преградамъ разыгравшійся между Галактіономъ и Харитиной, полонъ захватывающаго интереса. Всѣ сцены ихъ сдерживаемой, затаенной, пылкой любви чрезвычайно драматичны. Сложная, «двойственная», горячая, вся насквозь русская, Харитина напоминаетъ Грушеньку Достоевскаго. Но въ ней меньше истеричности и сильнѣе народная окраска; у нея много здоровой энергіи; сложись обстоятельства благопріятнѣе, она была-бы дѣльной подругой Галактіону и, пожалуй, вмѣстѣ они успѣшнѣе провели-бы въ жизнь купеческія новшества.

Превосходны въ романѣ и всѣ сцены между двумя соперницами, Харитиной и новой зазнобой Галактіона, Устинькой. Онѣ похожи на тѣ надрывныя, сложныя объясненія, которыя про-

исходятъ между Катенькой и Грушенькой Достоевскаго. А самъ несчастный новаторъ Галактіонъ, изнемогшій отъ душевной путаницы и моральнаго голода и въ концѣ концовъ бросившійся за бортъ собственнаго парохода, имѣетъ много общаго съ такимъ же характерно-русскимъ героемъ, горьковскимъ Ѳомой Гордѣевымъ. О заимствованіи тутъ не можетъ быть рѣчи. Сходство объясняется лишь общностью того народнаго источника, изъ котораго писатели почерпнули и «истеричность», и идеализмъ своихъ героевъ, и ихъ малодушіе, чередующееся съ героизмомъ... Какъ жаль, что неблагопріятныя условія и чрезмѣрный «руссизмъ» Мамина помѣшали ему обработать свои безбрежные, необъятные романы, и не далъ онъ достойной рамки для той богатой, самобытной, самоцвѣтной красоты, которая въ немъ жила.

Но и то, что изъ нашего русскаго бытія стихійно отразилось въ его творчествѣ, значительно. Кто любитъ копаться въ нашихъ національныхъ корняхъ и искать причину причинъ, найдетъ себѣ здѣсь много матеріала.

Особнякомъ ото всего написаннаго Маминымъ, стоитъ его дѣтская литература. Эти поэтичные, безыскусственные разсказы хороши своею интимностью. Пожалуй, они непосредственнѣе всего говорятъ о самомъ Маминѣ—о его стихійномъ талантѣ и его «уральской» народной душѣ, свободолюбивой и наивно-кроткой. Всѣ эти проникнутыя любовью къ Аленушкѣ сказки—про елочку, у которой своя собственная, хлопотливая жизнь, про «желтенькаго олененочка», котораго пощадилъ Емеля-охотникъ, увидѣвши, какъ защищала его мать,—лиричны и по-хорошему поучительны. Въ нихъ сквозитъ простонародная философія Ѳомича, увѣреннаго въ томъ, что все на свѣтѣ устроено премудро, и у всякаго живого существа «свой порядокъ» и «свой предѣлъ».

Е. Колтоновская.

КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА.

Романъ Феликса Голлендера.

(Продолженіе) [1].

Домъ печали. Траурныя платья, черныя шляпы, огорченныя, скорбныя лица.

Хозяйка вся словно окаменѣла отъ горя. Голова ея до ушей тонула въ черномъ креповомъ рюшѣ; на груди у нея висѣло большое, черное распятіе изъ кованаго желѣза. Она стала скупа на слова и говорила только самое необходимое. Жизнь ея превратилась въ культъ умершей дочери. Утромъ первый выходъ ея былъ на кладбище; послѣ обѣда она уходила туда же и часами сидѣла у могилки Эльфриды. Когда же нельзя было уйти изъ дому, она придвигала къ окну маленькій аналой, обтянутый черной кожей, раскладывала на немъ окованный серебромъ молитвенникъ и читала вслухъ псаломъ за псалмомъ.

Стефана она избѣгала. Ни одного слова—ни одного взгляда въ его сторону—казалось, онъ пересталъ для нея существовать. Но въ душѣ ея кипѣли гнѣвъ и злоба противъ этого мальчика, который укралъ у нея сердце ея дитяти—такъ цѣликомъ заполонилъ его, что даже въ смертный часъ у Эльфриды не нашлось ни единаго знака любви для матери и отца—все только ему. Этого она никогда не проститъ и не забудетъ... Хозяинъ не мѣшалъ ей и не заговаривалъ съ ней. Онъ какъ-то весь опустился и замѣтно постарѣлъ. Въ безмолвномъ отчаяніи онъ все раздумывалъ надъ своей судьбой и не могъ осмыслить этой несправедливости.

---

[1]) См. Январь, стр. 237.

Въ этой атмосферѣ окаменѣлой скорби и затаеннаго горя жилъ Стефанъ Гуллеръ. Онъ и самъ еще не оправился отъ своей утраты. Передъ глазами его все время стояло неземное личико маленькой Эльфриды, которая тянулась къ нему всѣми фибрами своего тѣла и души. Въ ушахъ все время звучали ея слова: «Я люблю тебя, а ты только добръ ко мнѣ». Чего же ей было нужно? Почему она такъ разграничивала любовь и доброту? Быть можетъ, онъ виноватъ передъ нею? Быть можетъ, доброта—это только иносказательный терминъ для бездушія, отсутствія способности любить?

Разумѣется, эта дѣвочка любила его иначе, чѣмъ онъ ее. Для него она была младшей сестренкой, которую ему хотѣлось оберечь отъ всякаго зла. А у нея это вызывало только грустную улыбку—она дала ему другое: *любовь*.

Что же это за любовь такая?—Онъ не читалъ и не зналъ никакихъ книгъ, которыя могли бы его просвѣтить. Въ свободное время онъ читалъ только учебники иностранныхъ языковъ, стараясь систематически усвоить и закрѣпить тѣ знанія, которыя онъ въ дѣтствѣ пріобрѣлъ, скитаясь по Англіи и Франціи. Онъ не зналъ ничего, кромѣ работы.

Въ Священномъ Писаніи онъ читалъ:—И если я говорю человѣческими и ангельскими словами, а любви не имѣю, то я только мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій.—И Марга Террекъ какъ-то говорила ему, что любовь—таинственная сила, которою все держится на свѣтѣ, безъ которой міръ былъ бы подобенъ засохшей, выжженной солнцемъ пашнѣ. Любовь — самое драгоцѣнное на землѣ—она источникъ всего. Отъ любви рождается человѣкъ, она же и убиваетъ его... И еще гдѣ-то ему попалась фраза: любовь есть законъ сохраненія силы.

Всего этого онъ какъ-то не могъ уразумѣть. Ему казалось, что любовью можетъ быть названо только то чувство, которое онъ питалъ къ своему отцу. А, между тѣмъ, отецъ его погибъ именно изъ-за любви. И ему невольно вспоминались слова Марги Террекъ: «любовь убиваетъ человѣка»... Отецъ зналъ, зачѣмъ онъ, въ послѣднюю минуту, когда они были вмѣстѣ, взялъ съ него такую клятву.

Въ субботу, когда пошабашили, хозяинъ позвалъ его въ контору. Остальные всѣ уже ушли изъ мастерской.

— Присядь,—сказалъ Трейманъ и провелъ рукой по своимъ коротко остриженнымъ волосамъ, въ которыхъ теперь совсѣмъ не было темныхъ нитей.

Стефанъ повиновался.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ тобой—о дѣлѣ.

Онъ остановился, какъ будто ему непріятно было говорить.

— Дѣло въ томъ, братъ, что надо тебѣ уходить отсюда,— выпалилъ онъ однимъ залпомъ, какъ бы спѣша объясниться на чистоту.—Ты и не замѣтилъ, какъ выучился всему, чему могъ выучиться въ моей мастерской. Теперь ты—готовый подмастерье и тебѣ нужно—ну, разумѣется, всякому молодому человѣку нужны свѣжій воздухъ и просторъ, а у меня въ домѣ такой воздухъ, что задохнуться можно. Я и самъ...

Онъ опять остановился, и поблекшее лицо его стало еще сѣрѣе и еще печальнѣе.

— Мальчикъ, мальчикъ,—пробормоталъ онъ словно про себя,— зачѣмъ нужно было уйти отъ насъ маленькой Эльфридѣ!.. Слушай, мальчикъ... не могу я осмыслить этого, не могу примириться...

Онъ отвернулся—крупныя слезы катились по его впалымъ щекамъ.

Совладавъ съ собою, онъ началъ опять:

— Я все устроилъ. Съ перваго числа ты поступаешь на кабельную фабрику д-ра Рихтера и К°. И если ты таковъ, какимъ я тебя считаю, ты пробьешь себѣ дорогу. Я далъ тамъ о тебѣ хорошій отзывъ. Больше я ничего не могу.

Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ.

— Сосчитай—здѣсь должно быть тысяча сто двадцать семь марокъ и 65 пфенниговъ—деньги, скопленныя твоимъ бѣднымъ отцомъ, съ процентами за три года. Теперь ты самъ себѣ господинъ и сумѣешь самъ распорядиться этими деньгами. А теперь—еще одно, мой мальчикъ.

Онъ тяжело перевелъ духъ, видимо волнуясь.

— Моя хозяйка — чудная—ея и не поймешь. Могла бы она быть добрѣе къ тебѣ. Ну, да ты не обижайся на нее. Ты, вѣдь, былъ вознагражденъ щедро. Такъ любить, какъ моя дѣвочка тебя любила, — я такой любви и не видывалъ во всю свою жизнь... Этотъ ребенокъ...

Онъ закрылъ руками глаза. Потомъ отвелъ ихъ, выпрямился и посмотрѣлъ на Стефана, серьезно и ласково.

— Дай мнѣ руку. Вотъ такъ. Заставь жизнь покориться тебѣ. Будь сильнымъ. А, если я когда-нибудь понадоблюсь тебѣ, ты знаешь,—моя дверь для тебя всегда открыта.

— Хозяинъ, я не нахожу словъ. Я думалъ, что я еще долго буду работать у васъ—я вѣдь кругомъ вашъ должникъ—

я думалъ, что хоть сколько-нибудь могу уплатить вамъ свой долгъ. А вы меня гоните.

— Это для твоего же блага. А долговъ у тебя передо мной нѣтъ никакихъ. Мы оба только исполняли свой долгъ—и ты, и я. И въ этомъ смыслѣ мы квиты. А что у насъ въ сердцѣ—у меня къ тебѣ, и у тебя ко мнѣ—это ужъ другой вопросъ. Ну, пойдемъ, братъ. Темнѣетъ. Давай сегодня поужинаемъ вмѣстѣ,—я хочу выпить стаканчикъ за твое будущее.

Мастеръ нахлобучилъ себѣ на голову широкополую соломенную шляпу, взялъ палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости и повелъ Стефана въ одинъ изъ старинныхъ, маленькихъ винныхъ погребковъ, какіе еще попадаются изрѣдка въ новомодномъ Берлинѣ. О нихъ знаютъ и умѣютъ найти ихъ немногіе, потому что для этого требуется тонкое чутье.

Мастеръ потребовалъ бургундскаго. Словно густая, алая кровь полилась въ стаканы...

Они чокнулись и выпили, молча кивнувъ головою другъ другу. Говорить имъ больше не было о чемъ. Все было сказано...

На душевную жизнь Стефана Гуллера послѣднія событія оказали благодѣтельное вліяніе въ томъ смыслѣ, что они размягчили кору, которой обросла его душа. Скорбь объ утратѣ маленькаго, бѣлокураго ангела, чувство признательности къ мастеру подготовили почву для болѣе мягкаго и снисходительнаго отношенія къ людямъ и міру. А новыя условія жизни и работы могли только укрѣпить въ Стефанѣ это настроеніе. Изъ среды грубыхъ, вульгарныхъ подмастерьевъ, онъ попалъ въ кругъ образованныхъ людей; теперь передъ нимъ были новыя задачи. И, хотя на фабрикѣ онъ попалъ сначала тоже въ слесарное отдѣленіе, однако, вскорѣ ему удалось обратить на себя вниманіе начальства. Наряду съ рабочими ему приходилось имѣть дѣло съ инженерами и купцами, и эти сношенія, хоть и мимолетныя, пришпоривали его, подстрекали его самолюбіе. Онъ скоро понялъ, какой хорошей школой была для него мастерская Треймана. Высокій, статный юноша прежде всего обращалъ на себя вниманіе своею не нѣмецкой внѣшностью и своеобразной красотой, затѣмъ, своими хорошими манерами и исключительной физической силой. Но скоро это забылось и на первый планъ выдвигалась его сообразительность, находчивость, неутомимое прилежаніе и добросовѣстность. Доброе и внимательное отношеніе къ нему удваивало его рвеніе; жизнь на свободѣ, безъ стѣсненія, своимъ хозяйствомъ, также дѣйствовала

благотворно, дѣлала его бодрѣе, самостоятельнѣе, увѣреннѣе въ себѣ. Но склонность къ одиночеству не исчезала. И когда прекращалась работа на фабрикѣ, онъ уходилъ на кладбище, на ту скамеечку, гдѣ они когда-то сидѣли съ Эльфридой и гдѣ Эльфрида разсказывала ему объ Іисусѣ, женихѣ души своей. И въ мечтахъ ему казалось, что «сестричка» сидитъ съ нимъ рядомъ и держитъ руку его въ своихъ.

Поздней осенью въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ сидѣлъ на той же скамьѣ, глядя, какъ пожелтѣвшіе листья, шурша, падали къ его ногамъ, и такъ замечтался, что испуганно вздрогнулъ, увидавъ рядомъ съ собою на скамьѣ незнакомаго человѣка. Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ протертый до нитокъ желто-коричневый плащъ, доходившій ему до пятъ. У него была густая, взъерошенная борода, бѣлокурая, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, словно опаленная солнцемъ, но безъ блеску, а на головѣ запыленная войлочная шляпа съ грязной ленточкой. Глаза у него были совсѣмъ дѣтскіе, съ удивительно чистымъ и яснымъ выраженіемъ, хотя трудно было разобрать, какіе они—сѣрые или голубые—и тоже безъ блеску, какъ волосы.

— Не пугайтесь,—сказалъ незнакомецъ какимъ-то особеннымъ, глухимъ и низкимъ голосомъ, поразившимъ Стефана. И съ улыбкой прибавилъ:—Я вѣдь знаю васъ — навѣрное, знаю. Не правда ли, вы вѣдь изъ труппы тѣхъ артистовъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ продѣлывали здѣсь изумительныя акробатическія штуки на бамбуковомъ шестѣ?..

Онъ только тутъ замѣтилъ, какъ вдругъ поблѣднѣлъ Стефанъ—и на минуту растерялся.

— О!... О!... Я, кажется, задѣлъ больное мѣсто. Очень сожалѣю.

И участливо, уже безъ всякой робости, положилъ свою руку, напоминавшую руку Эльфриды, такъ она была узка, нѣжна и бѣла,—на руку Стефана.

— Я забылъ, молодой человѣкъ. Вашъ обликъ напомнилъ мнѣ чудо искусства, и я забылъ о судьбѣ человѣка. Вашъ батюшка—смотрите, я снимаю шляпу—былъ человѣкъ; разумѣется, обманутый человѣкъ.

Онъ положилъ шляпу рядомъ съ собой на скамью, и тогда обнаружилось, что его густые волосы имѣютъ тотъ же странный, матово-рыжеватый оттѣнокъ какъ и борода.

Стефанъ не нашелъ ничего возразить; отеческая ласковость незнакомца плѣняла и обезоруживала его. Человѣкъ этотъ не казался ему чужимъ, и его дѣтская прямота, хоть и затрогивала въ немъ самыя больныя струны, уже не оскорбляла.

— Такъ вы больше не занимаетесь эквилибристикой?

Стефанъ покачалъ головой.

— Жаль; я люблю это искусство. Въ театрахъ я никогда не бываю, но варьетэ люблю и разъ въ три-четыре года меня тамъ можно встрѣтить. Послѣдній разъ я видѣлъ васъ въ труппѣ Тиллера. Чудесно! — это было чудесно!

Онъ видимо наслаждался воспоминаніями. Даже тусклые глаза его заблестѣли.

— Ахъ, какіе тамъ были удивительные китайцы! Какія на нихъ были удивительныя одежды, пестрыя, восточныя... А арабы, прыгавшіе чуть не до самаго неба, а труппа Тиллера! Какія дивныя тѣла, — какія тѣла. Я сейчасъ же узналъ васъ, потому и усѣлся съ вами рядомъ. Такъ и сказалъ себѣ: это сынъ Чарльза Тиллера.

— Я уже не ношу теперь этого имени. Меня зовутъ Стефаномъ Гуллеромъ,—тихо прервалъ его Стефанъ.

— О, это ничего не значитъ. Имя, право же, ничего не значитъ. Кстати, позвольте и мнѣ представиться вамъ. Меня зовутъ...—онъ запнулся, и лицо его на мигъ выразило растерянность и смущеніе. — Какъ нарочно, я позабылъ свое имя. Не смущайтесь, молодой человѣкъ, оно у меня записано въ книжкѣ. Я потомъ какъ-нибудь загляну въ нее и потомъ представлюсь вамъ по-настоящему. Вѣдь мы еще увидимся — ну, разумѣется, мы еще увидимся.

Онъ улыбнулся; улыбка необыкновенно красила это лицо, съ нѣжной, какъ у женщины, кожей, но казавшееся одичалымъ, благодаря косматой бородѣ.

— Надо вамъ признаться: у меня собственно много именъ. Но это ничего не значитъ, молодой человѣкъ. Что имя?—звукъ пустой... Ну, и жаркій же сегодня вечеръ!..

— На васъ такой тяжелый плащъ. Отчего бы вамъ не снять его?

— Нѣтъ, плаща я не сниму. Я люблю, когда жарко — притомъ же на мнѣ нѣтъ сюртука.

Онъ слегка распахнулъ свой плащъ, и Стефанъ съ изумленіемъ увидалъ, что подъ плащомъ у незнакомца, дѣйствительно, нѣтъ ничего, кромѣ сорочки.

— Надо же соблюдать свое достоинство. Вѣдь я не кто-нибудь. — Лицо его снова озарилось улыбкой. — Разумѣется, я не стану распахиваться передъ каждымъ. Передъ вами другое дѣло. Въ васъ я чувствую...

Впрочемъ, не безъ гордости прибавилъ онъ,—я облада-

тель половины сюртука, и прекраснаго сюртука; да и плащъ этотъ—вы присмотритесь къ нему повнимательнѣе—это отличный плащъ, изъ очень дорогой матеріи—да и плащъ этотъ принадлежитъ мнѣ лишь наполовину.

Стефанъ невольно отодвинулся отъ него—онъ былъ смущенъ всѣмъ слышаннымъ.

— Не надо быть такимъ подозрительнымъ,—кротко замѣтилъ незнакомецъ.—Въ подозрительности есть что-то низменное. Я вамъ потомъ все объясню.

Стефанъ покраснѣлъ.

— Я не подозрителенъ,—я просто удивленъ.—И почему-то онъ добавилъ:—Я, собственно, по ремеслу слесарь.

— О, отлично, превосходно!—это мнѣ очень нравится. Значитъ, мы съ вами коллеги. Я тоже слесарь. Я умѣю отворять всѣ двери и замки. Что вы усмѣхаетесь? даю вамъ слово!—я поэтъ.—Онъ полѣзъ въ широкій карманъ своего плаща и вытащилъ оттуда пачку пожелтѣвшихъ, запачканныхъ и измятыхъ листковъ. И, взвѣшивая ихъ на ладони, пояснилъ:—Вотъ эти бумажки стоятъ милліоновъ. Черезъ сто лѣтъ передъ ними будутъ преклоняться, какъ передъ откровеніемъ. Взгляните-ка!

Стефанъ развернулъ и увидѣлъ, что это стихи, переписанные красивымъ, четкимъ почеркомъ: каждая буква была своеобразна и не похожа на другія. Онъ съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на незнакомца.

— Поэтъ? Я еще никогда въ жизни не видалъ поэта.

Незнакомецъ спряталъ опять листки въ карманъ и положилъ руку на плечо Стефана—и опять ему показалось, что это рука Эльфриды.

— Я вамъ вѣрю, что вы никогда не видали поэта—поэты родятся разъ въ сто лѣтъ.

— А что такое поэтъ?

— Что такое поэтъ?.. Самый могущественный человѣкъ на землѣ.

— Ну, этого не можетъ быть,—отвѣчалъ Стефанъ, съ состраданіемъ глядя на его исхудалое лицо и странный костюмъ.

— А я вамъ говорю, самый могущественный человѣкъ на землѣ,—выразительно повторилъ незнакомецъ.—Вы думаете, кто всѣхъ могущественнѣе? Китайскій императоръ? Или, можетъ быть, германскій императоръ? О, нѣтъ! Всѣ царства міра ничтожны въ сравненіи съ моимъ царствомъ, всѣ дворцы убоги въ сравненіи съ тѣми, которые строю я. Пройдитесь-ка по Унтеръ-денъ-Линденъ и приглядитесь-ка ко дворцу нашего

императора. А потомъ приходите ко мнѣ и я васъ поведу въ *свои* дворцы. Такъ вы, голубчикъ мой, глаза раскроете отъ удивленія. Что эти земные дворцы? Одинъ хорошій пожаръ, и отъ нихъ ничего не останется. А мои дворцы вѣчны.

Онъ опять вытащилъ изъ кармана пожелтѣвшіе листочки стиховъ.

— Да, другъ мой, у меня тутъ въ рукахъ милліоны... Впрочемъ, погодите. У меня съ собой, кажется, есть записная книжка. Ахъ, нѣтъ, не здѣсь,—въ другомъ карманѣ. Погодите минутку. Ну, вотъ видите.

Онъ вытащилъ изъ кармана маленькую книжку, переплетенную, какъ молитвенникъ.

— Ахъ, кстати, здѣсь написано одно изъ моихъ именъ: Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ. Я пришелъ въ міръ изъ Вѣчности. Я уйду въ Вѣчность—я самъ—Вѣчность... Ну, на сегодня достаточно,—мнѣ некогда.

— Пожалуйста, побудьте со мною еще немного—просилъ Стефанъ.—Вы такъ много мнѣ сказали новаго. Было бы несправедливо теперь—я не знаю, какъ это сказать—теперь оставить меня одного съ моими сомнѣніями, съ тѣмъ любопытствомъ, которое вы во мнѣ возбудили...

— Невозможно, совершенно невозможно! Сегодня мнѣ, можетъ быть, придется обѣдать у японскаго императора.

— Какъ? развѣ онъ въ Берлинѣ?

— Нѣтъ, конечно, его нѣтъ въ Берлинѣ.

— Ну, такъ значитъ, вы не можете обѣдать у него. Вѣдь это же немыслимо.

— Напротивъ, другъ мой, очень даже мыслимо. Все зависитъ отъ того, когда я лягу, и усну ли, и скоро ли я усну. Вѣдь я поэтъ, мой милый другъ. Я путешествую не по желѣзной дорогѣ и не на пароходѣ и даже не на воздушномъ шарѣ... Мысль пробѣгаетъ безконечныя пространства съ быстротою молніи. Къ тому же, какъ я вамъ говорилъ уже, у меня есть другъ, который также вращается въ самомъ лучшемъ обществѣ. Онъ очень близокъ съ Лейбницемъ, съ знаменитымъ Лейбницемъ—и съ Сведенборгомъ... Мы должны условиться, кому изъ насъ сегодня вечеромъ одѣть сюртукъ. Его знакомые не такъ взыскательны, а въ высшихъ сферахъ, вы знаете, придерживаются этикета. Однимъ словомъ, другъ мой, я съ вами оставаться не могу.

— Нѣтъ, правда, у васъ обоихъ только одинъ сюртукъ на двоихъ?

— Да, но вѣдь вы не подозрѣваете, какія чудесныя силы кроются въ этомъ сюртукѣ и плащѣ,—съ глубокой серьезностью и торжественностью возразилъ незнакомецъ: — Всѣ сюртуки и плащи въ мірѣ...—Онъ радостно усмѣхнулся,—нѣтъ, объ этомъ я лучше не стану говорить.

— Какъ же надо разговаривать съ японскимъ императоромъ?—робко спросилъ Стефанъ.

— Какъ надо разговаривать, этого я не знаю. Я лично обращаюсь къ нему на ты.

— Ну, полноте, этому ужъ я не повѣрю. Зачѣмъ собственно вы дурачите меня?

Незнакомецъ широко раскрылъ глаза.

— Я и не думаю васъ дурачить. Я только показываю вамъ пеструю игру жизни. А что касается императора Японскаго, то я вѣдь не кичусь знакомствомъ съ нимъ. Я самъ для себя выше всѣхъ земныхъ владыкъ. Вы не смотрите, что я такъ плохо одѣтъ. Вѣдь это я хожу по улицамъ, переодѣтый, какъ Калифъ Багдадскій. Вы слыхали о немъ? Нѣтъ? Ну это ничего... Словомъ, я странствую по улицамъ, какъ Калифъ Багдадскій. Меня никто не узнаетъ, а я все слышу и все вижу... Однако, какъ стемнѣло! Надо мнѣ спѣшить. Прощайте, милый другъ, мы еще увидимся.

— Можно узнать: когда?

Незнакомецъ отмахнулся рукой.

— Не надо спрашивать, не надо условливаться. Я говорю вамъ, что увидимся, значитъ, увидимся.—Ужъ вы повѣрьте мнѣ. Такъ написано въ книгѣ судебъ—тамъ, дружище, все предусмотрѣно.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ быстро ушелъ.

Стефанъ, какъ околдованный, слѣдилъ за его тѣнью, скользившей по плитамъ тротуара, но скоро и тѣнь скрылась изъ виду.

Онъ провелъ рукой по лбу—не во снѣ ли все это ему приснилось? Онъ совершенно растерялся. Такое множество вопросовъ толпилось въ его душѣ, а незнакомецъ уже исчезъ—онъ теперь, можетъ быть, носится гдѣ-нибудь надъ горами, а онъ, Стефанъ, сидитъ тутъ на кладбищѣ, среди могилъ... Какъ странно, что этотъ чужой человѣкъ послѣ столькихъ лѣтъ узналъ его!.. И объ отцѣ онъ сказалъ, что онъ былъ *человѣкъ*, хоть и обманутый, и при этомъ приподнялъ шляпу... Что бы все это могло значить?..

Каждыя сто лѣтъ рождается поэтъ—а онъ, Стефанъ Гуллеръ, до сихъ поръ ни одного поэта не зналъ.

Онъ даже испугался своего невѣжества. Какъ пуста и безсодержательна была его жизнь! Вечеромъ, когда закрывали мастерскую, за нимъ приходила маленькая Эльфрида, они вмѣстѣ шли гулять и такъ незамѣтно проходило время до ужина. А послѣ ужина, усталый и разбитый—такъ такъ работа въ мастерской была тяжелая—онъ карабкался на свой чердакъ и тамъ машинально брался за учебники иностранныхъ языковъ, чтобы не позабыть того, что онъ зналъ въ дѣтствѣ. Все это казалось теперь ему такимъ унылымъ и убогимъ. Что такое иностранные языки? Каждый артистъ—да что артистъ, каждый порядочный кельнеръ говоритъ и по-французски, и по англійски—а между тѣмъ, изъ-за этихъ языковъ онъ забылъ все прочее.

Сколько ему теперь надо наверстывать! Какъ много надо узнать, но откуда взять время?

Онъ выпрямился, поднялъ плечи, и на огорченное лицо его снова легъ отпечатокъ напряженной энергіи.

— Надо—такъ надо,—сказалъ онъ себѣ—значитъ, и время найду.

Черты его прояснились.

Прежде всего, надо познакомиться съ поэтами. Тотъ чудной незнакомецъ говорилъ, что ихъ рождается всего по одному въ сто лѣтъ. Значитъ, отъ Рождества Христова, вмѣстѣ съ этимъ, котораго онъ видѣлъ, ихъ было всего девятнадцать. Это ясно, какъ день. Вѣдь не Богъ вѣсть сколько стоятъ ихъ сочиненія. Ну, и буду покупать одну за другой ихъ книги и странствовать, какъ пилигриммъ, по неизвѣданной новой землѣ.

Стефанъ полной грудью вдохнулъ въ себя воздухъ. Этотъ вечеръ не пропалъ даромъ. Душа Эльфриды глянула на него съ высотъ небесныхъ и послала ему этого замѣчательнаго человѣка. Но только увидятся ли они еще—и гдѣ, и какъ?

Ни на минуту не возникало у Стефана подозрѣніе, что судьба его свела просто съ юродивымъ, съ сумасшедшимъ. Нѣтъ, сердце его было преисполнено искренней признательности. Отъ этого человѣка исходила высшая сила, и Стефанъ понялъ его и почувствовалъ.

— Что такое, что вамъ надо?—воскликнулъ онъ вдругъ, испуганно вскакивая съ мѣста.

— Садъ запираемъ, мосье Гуллеръ,—отвѣтилъ сторожъ, знавшій Стефана въ лицо.—Очень жаль, но надо вамъ уходить.

— Да, да,—сказалъ Стефанъ и медленно поднялся.

Сторожъ пошелъ съ нимъ рядомъ, продолжая разговоръ.

— А знаете, плохо выглядитъ мейстеръ Трейманъ. Этотъ ужъ не долго протянетъ.

Стефанъ уставился на него.—Зачѣмъ вы это говорите? Вы могильщикъ? Вамъ нужна работа? Такъ оставьте въ покоѣ живыхъ.

— Да вѣдь я такъ—не въ обиду вамъ, господинъ Гуллеръ,—пожалуйте.

Стефанъ молча шелъ за нимъ.

На другой день Стефанъ Гуллеръ рѣшилъ преодолѣть свою застѣнчивость и пойти въ какой-нибудь книжный магазинъ, чтобъ разузнать побольше о девятнадцати поэтахъ. Онъ вошелъ въ первый попавшійся магазинъ на Фридрихъ-штрассе. Къ огорченію его, тамъ было много народу и онъ робко забился въ уголъ, въ ожиданіи пока схлынетъ наплывъ покупателей. Оставшись одинъ, онъ подошелъ къ прилавку и застѣнчиво выговорилъ:

— Извините, сударь, но не скажете ли вы мнѣ, котораго изъ девятнадцати великихъ поэтовъ слѣдуетъ читать первымъ?

Приказчикъ въ первый моментъ не зналъ, что подумать.—Шутки шутитъ надъ нимъ этотъ рѣдкой красоты человѣкъ, на нѣсколько головъ выше его, съ выразительнымъ смуглымъ лицомъ—или же это просто дурачокъ?

— Я не совсѣмъ понимаю васъ; скажите яснѣе, что вамъ угодно?

— Да вѣдь я же сказалъ,—удивился Стефанъ и, съ дѣтской довѣрчивостью, пояснилъ:—Дѣло въ томъ, что я никогда не посѣщалъ школы и даже самъ не могъ образовать себя, потому что все время съ утра до ночи мнѣ приходилось работать.

Это было сказано съ такой искренностью и простотой, что человѣкъ за прилавкомъ былъ тронутъ и даже не подумалъ посмѣяться надъ необычнымъ покупателемъ.

— Надъ вами кто-нибудь, должно быть, пошутилъ,—сказалъ онъ, едва замѣтно усмѣхнувшись.—Почему вы думаете, что поэтовъ всего девятнадцать? Ихъ несравненно больше.

— О нѣтъ! не можетъ быть—тотъ, кто сказалъ мнѣ, это самъ поэтъ и необыкновенный человѣкъ,—застѣнчиво возразилъ Стефанъ, самъ удивляясь, что онъ сумѣлъ дать такое опредѣленіе личности незнакомца.

— Можетъ быть, и такъ, но я все таки не понимаю,—пожалъ плечами лысый приказчикъ.

— Впрочемъ, быть можетъ, вашъ знакомый говорилъ только

о *великихъ* поэтахъ,—поправился онъ принимая на себя ученый видъ, чтобы еще больше подчеркнуть свое превосходство надъ необразованнымъ и невѣжественнымъ покупателемъ.

— Ну да, да, разумѣется, — пролепеталъ обрадованный Стефанъ.—Конечно, такъ.

— Прошу, дайте мнѣ высказаться, иначе мы ни до чего не договоримся. Какихъ же именно великихъ поэтовъ разумѣлъ онъ: нѣмецкихъ, англійскихъ или французскихъ? Включалъ ли онъ въ это число русскихъ и скандинавовъ? Думалъ ли онъ о грекахъ и римлянахъ? Причислялъ ли сюда же индусовъ и евреевъ, китайцевъ и японцевъ?

— О китайцахъ и японцахъ онъ, во всякомъ случаѣ, упоминалъ,—растерянно отвѣтилъ Стефанъ. У него въ головѣ все спуталось отъ словъ приказчика.

— Экая деревенщина—подумалъ приказчикъ.—Ужъ, навѣрно, деревенскій, хотя и не выглядитъ такимъ.

— Ну ладно,—сказалъ онъ глядя на часы,—уже не рано, не можемъ же мы тутъ разговаривать до вечера. Я, кажется, придумалъ, что вамъ дать.

Ротъ его раздвинулся въ широкую улыбку—приказчикъ, видимо, былъ очень доволенъ своею сообразительностью.

— Возьмите для начала «Тысячу и одну ночь» и «Сказки Гримма».

— «Тысячу и одну ночь», неувѣренно повторилъ Стефанъ; названіе показалось ему черезчуръ ужъ страннымъ.

— Да, «Тысячу и одну ночь»,—уже нѣсколько раздраженно подтвердилъ приказчикъ, — разсказы о похожденіяхъ Калифа Багдадскаго—очень извѣстная книга...

— Ну да, конечно! я возьму ее,—взволнованно прервалъ его Стефанъ; даже кровь бросилась ему въ лицо, такъ онъ взволновался. Вѣдь и незнакомецъ говорилъ про Калифа Багдадскаго. Тутъ была какая-то непонятная, таинственная связь. Онъ даже спрашивалъ: «слыхали ли вы о Калифѣ Багдадскомъ?» До тѣхъ поръ онъ не слыхалъ, а вотъ теперь...

— Пожалуйста, дайте мнѣ эту книгу. Я непремѣнно хочу купить ее,—если только у меня хватитъ денегъ.

Приказчикъ посмотрѣлъ на него искоса, словно усомнившись вдругъ въ его нормальности, и даже перемѣнилъ пэнснэ, чтобы лучше вглядѣться въ его черты. И отвѣтилъ, уже значительно суше:

— Ну, стоить это будетъ не Богъ вѣсть сколько. Есть дешевыя изданія. А «Сказки Гримма» возьмете?

— Да, пожалуйста; и эту книгу мнѣ хотѣлось бы имѣть.

У Стефана было такое чувство, что онъ теперь ни отъ чего не долженъ отказываться, что устами приказчика съ нимъ говоритъ сама судьба.

— Я бы еще посовѣтовалъ вамъ почитать Шиллера; вѣдь Шиллеръ, такъ сказать, нашъ національный поэтъ,—съ важностью замѣтилъ приказчикъ.

— Дайте, пожалуйста, и книжки Шиллера.

— Сочиненія, а не книжки,—поправилъ приказчикъ.— Книжки! такъ не говорятъ.

Стефанъ смущенно потупился.

— Для начала достаточно. Тутъ всего восемь томовъ. Если хотите взять что-нибудь для легкаго чтенія, подпишитесь въ библіотекѣ и возьмите романы Гаклендера или же разсказы Винтерфельдта. Покупать ихъ не стоитъ, но почитать на сонъ грядущій очень даже занимательно,—я и самъ ихъ всегда читаю,—снисходительно добавилъ онъ.

Стефанъ посмотрѣлъ на огромную пачку книгъ, которую приказчикъ тщательно завязывалъ веревками; и ему стало жутко.— «Это навѣрно стоитъ уйму денегъ»,—подумалъ онъ.

— Сколько я вамъ долженъ? — нерѣшительно выговорилъ онъ.

— Десять марокъ пятьдесятъ.

— Только-то! за всѣ эти книги?

Теперь онъ, въ свою очередь, готовъ былъ подумать, что приказчикъ сошелъ съ ума.

— Я никогда не ошибаюсь въ счетѣ.—Пожалуйста.

Онъ протягивалъ Стефану пакетъ.

Тотъ вынулъ кошелекъ и заботливо отсчиталъ деньги. Потомъ взялъ книги и сіяющій вышелъ изъ магазина, все время съ нѣжностью прижимая къ себѣ драгоцѣнный пакетъ, какъ бы боясь, что кто-нибудь можетъ прибѣжать и вырвать его у него изъ рукъ.

Онъ не могъ дождаться того времени, когда очутился, наконецъ, въ своей комнаткѣ, торопливо сорвалъ веревку, развернулъ книги и разложилъ ихъ всѣ рядышкомъ на столѣ. Онъ долго молча смотрѣлъ на нихъ, потомъ осторожно развернулъ ихъ, всѣ по очереди, и благоговѣйно прочелъ названія. Буквы казались ему таинственными знаками, особаго рода ключами, которые должны отворить ему двери міра.

Эта дѣтская вѣра не обманула его. Ибо книги стали друзьями бѣднаго юноши, до тѣхъ поръ знавшаго только тер-

нистый путь труда и лишеній; онѣ внесли свѣтъ и тепло въ его юную, но уже омраченную и ожесточенную душу. И теперь весь день голова и руки его были поглощены работой; но все же были свободные часы—часы отдыха, когда книги эти уводили Стефана въ темный лѣсъ нѣмецкихъ народныхъ легендъ и, полный очарованія, пестрый сказочный міръ Востока.

И все новые сады открывались передъ нимъ, все новые цвѣты расцвѣтали.

Стефанъ Гуллеръ уже успѣлъ составить о себѣ на фабрикѣ репутацію исключительно способнаго и добросовѣстнаго работника; а какъ разъ около этого времени ему случилось еще и въ другомъ смыслѣ обратить на себя вниманіе начальства. Къ хозяину фабрики пріѣхалъ знакомый англійскій фабрикантъ, съ которымъ онъ состоялъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и одинъ изъ бухгалтеровъ, немного знавшій по-англійски, водилъ его по мастерскимъ, въ сопровожденіи Стефана, который долженъ былъ давать техническія объясненія. Бухгалтеръ, со своимъ малымъ знаніемъ англійскаго языка, очень скоро спутался и ничего не могъ объяснить; тогда на выручку пришелъ Стефанъ и, къ удивленію начальства, оказалось, что онъ превосходно говоритъ по-англійски.

Главный директоръ, онъ же и хозяинъ фабрики, человѣкъ еще не старый, всего около сорока, и самъ пробившій себѣ дорогу, велѣлъ позвать къ себѣ Стефана. Онъ долго испытующе вглядывался въ него своими свѣтлыми глазами, задумчиво проводя рукою по высокому лбу, носившему слѣды напряженной умственной работы. И затѣмъ, ласково улыбаясь, выговорилъ:

— Отчего вы скрывали отъ насъ ваше знаніе англійскаго языка?

— Не было случая обнаружить его.

— Вы, можетъ быть, и по-французски говорите?

— Да, господинъ директоръ. Я въ дѣтствѣ говорилъ свободно на обоихъ языкахъ; а потомъ только старался, какъ бы не забыть того, что зналъ—вѣдь такъ-то я—совсѣмъ необразованный человѣкъ,—добавилъ онъ, краснѣя, какъ бы боясь, что слишкомъ ужъ расхвастался и ввелъ въ заблужденіе принципала.

— Гм... Гм... Будто ужъ: совсѣмъ?

— Да какъ же, господинъ директоръ, я даже пишу съ ошибками, не говоря уже обо всемъ прочемъ. Дѣло въ томъ, что у меня не было ни времени, ни средствъ—да, очевидно, не было и внутренней потребности,—закончилъ онъ твердо и спокойно.

Хозяинъ взялъ со стола листокъ бумаги, поднесъ къ глазамъ и началъ читать, какъ будто совсѣмъ позабывъ о Стефанѣ. А самъ тѣмъ временемъ думалъ, скользя глазами по строкамъ:—«Этотъ молодой человѣкъ, положительно, незаурядный»,—и ласковая усмѣшка осѣнила его умное и доброе лицо.

— Ну,—выговорилъ онъ наконецъ:—всего, разумѣется, знать нельзя. Каждому изъ насъ приходится до конца жизни пополнять пробѣлы своего образованія. Еще не было на свѣтѣ человѣка, который могъ бы сказать про себя, умирая, что онъ все знаетъ и все изучилъ. Но я все-таки хочу дать вамъ возможность расширить нѣсколько свое образованіе. Поработайте-ка немножко у насъ въ конторѣ: присмотритесь къ тому, какъ ведется дѣло. Вы не думайте—я не собираюсь сдѣлать изъ васъ бухгалтера. Мы вами довольны и, если и въ будущемъ будемъ такъ же довольны, вы можете у насъ пойти дальше. Ознакомьтесь съ дѣломъ, а затѣмъ я, можетъ быть, пошлю васъ съ порученіями во Францію и Англію. Жалованія вамъ, разумѣется, прибавятъ, потому что современемъ вамъ поручено будетъ вести англійскую, а можетъ быть, и французскую корреспонденцію. Но я вовсе не хочу отрывать васъ отъ технической части. Вы будете заниматься и своей работой, только нужно организовать, такъ сказать, распредѣленіе труда. Ну что-жъ—согласны.

Лицо Стефана омрачилось. Чѣмъ онъ заслужилъ такую доброту? Онъ просто исполнялъ тяжелый долгъ, безъ всякой радости, а его еще за это хотятъ награждать. И еще одно удручало и заботило его. Ему казалось, что хозяинъ переоцѣниваетъ его, не зная, какъ онъ на самомъ дѣлѣ грубъ и невѣжественъ. И со свойственною ему добросовѣстностью и прямотою онъ отвѣтилъ:

— Вы не по заслугамъ хорошо относитесь ко мнѣ, г. директоръ, и кромѣ того я боюсь, что вы очень заблуждаетесь насчетъ моихъ способностей—на самомъ дѣлѣ, я, что называется, круглый невѣжда...

— Я уже принялъ это къ свѣдѣнію и считаюсь съ этимъ. Съ этого дня вы будете уходить отсюда въ пять часовъ. Постарайтесь использовать ваше свободное время. Вы увидите, что пріобрѣтать знанія гораздо легче, чѣмъ вы думаете. Ну-съ, теперь, значитъ, все ясно и съ завтрашняго дня вы работаете по утрамъ въ конторѣ.

Онъ кивнулъ головой въ знакъ того, что разговоръ оконченъ, и Стефанъ съ низкимъ поклономъ, не найдя словъ, чтобы выразить свою признательность, молча вышелъ изъ директорскаго кабинета.

Хозяинъ съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Посмотримъ, посмотримъ!

И зашагалъ по комнатѣ, повторяя:

— Положительно, этотъ молодой человѣкъ—незаурядный.

Какъ ни властно требовали всего вниманія Стефана его новая работа и его измѣнившееся положеніе на фабрикѣ, какъ ни захватили его книги и занятія, которымъ онъ предавался съ фанатическимъ рвеніемъ, все же его преслѣдовала мысль о незнакомцѣ и желаніе снова увидѣть его.

По вечерамъ онъ, улучивъ свободную минуту, шелъ на кладбище, садился на любимую скамью Эльфриды и нетерпѣливо ждалъ—но его невѣдомый другъ не появлялся. Читая книгу, онъ все время прислушивался, вздрагивалъ каждый разъ, когда по близости раздавались шаги—и каждый разъ ожиданіе обманывало его.

Отъ времени до времени, онъ забѣгалъ на минутку къ мейстеру Трейману, у котораго печальные глаза озарялись улыбкой при видѣ Стефана.

Мейстеръ осунулся, сталъ угрюмъ, неразговорчивъ, спина его совсѣмъ сгорбилась. Жизнь была теперь для него тяжкимъ бременемъ. Присутствіе жены тяготило его; не говоря прямо, онъ намеками давалъ понять, что она ударилась въ религіозную экзальтацію и присоединилась къ кружку занимающихся спиритизмомъ.

— Они тамъ съ покойниками разговариваютъ, духовъ вызываютъ. Не могу же я держать свою жену, какъ собаку, на цѣпи.—Пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ. Только, когда она попробовала и меня туда втянуть—я на дыбы. Живемъ мы вмѣстѣ, а стали совсѣмъ, какъ чужіе. Должно быть, такъ ужъ жизнь устроена, что подъ старость человѣкъ становится одинокимъ. Должно быть, близкимъ можно быть только со своей плотью и кровью—сперва съ родителями, съ братьями, съ сестрами, потомъ со своими дѣтьми. А жена, въ конечномъ счетѣ, всегда остается чужимъ человѣкомъ. Должно быть, это отъ того, что мужъ съ женою сходятся уже взрослыми, готовыми людьми... А у меня родители давно уже померли—и братья тоже,—а единственное дитя... Господу вѣдомо, зачѣмъ Онъ...

Голосъ его оборвался; онъ подошелъ къ старой деревянной

картонкѣ для цилиндра, аккуратно вырѣзанной изъ вишневаго дерева.

— Тутъ у меня припасено кое-что для тебя; я хотѣлъ порадовать тебя.

Въ картонкѣ лежала маленькая фотографическая карточка Эльфриды. Стефанъ съ глубокимъ волненіемъ взялъ ее; онъ смотрѣлъ въ нѣжное, прелестное личико и ему казалось, что онъ чувствуетъ прикосновеніе худенькихъ дѣтскихъ ручекъ, слышитъ звонкій голосокъ, до сихъ поръ звенѣвшій въ его памяти серебрянымъ колокольчикомъ.

— Спасибо мейстеръ, большое спасибо!

— Благодарить тутъ не за что: дѣвочкѣ, навѣрно, и на томъ свѣтѣ пріятно будетъ, что ея карточка лежитъ у тебя...— Ну, теперь иди, голубчикъ, и загляни какъ-нибудь въ другой разъ: сегодня мнѣ не до разговоровъ.

Очутившись на улицѣ, Стефанъ тяжело вздохнулъ. Ему было жалко мейстера. Это былъ, несомнѣнно, погибшій человѣкъ—не физически, какъ увѣрялъ кладбищенскій сторожъ,— физически онъ былъ еще крѣпокъ—но морально. Между нимъ и міромъ была разорвана связь. Онъ былъ одинокъ и боялся людей.

«Жена, въ конечномъ счетѣ, всегда остается чужимъ человѣкомъ»—эти слова засѣли въ памяти Стефана. Онъ думалъ объ отцѣ, котораго жена погубила, отравила ему и кровь и душу. Думалъ о клятвѣ, данной отцу. Только бы Богъ помогъ ему сдержать эту клятву.

Онъ такъ задумался, что вздрогнулъ отъ неожиданности, когда кто-то осторожно потянулъ его за рукавъ, и незабытый голосъ, надъ самымъ ухомъ его, произнесъ:

— Ну-съ, молодой человѣкъ, здравствуйте; привѣтствую васъ!

Передъ нимъ стоялъ неизвѣстный.

— Это вы, вы!.. наконецъ-то я дождался васъ!—взволнованно пролепеталъ Стефанъ.

Незнакомецъ ласково смотрѣлъ на него.

— Я же говорилъ вамъ, что мы увидимся. Я зналъ это. Что значатъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы?.. Берите меня подъ руку.

Стефанъ повиновался.

Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ, все въ томъ же порыжѣломъ, ветхомъ плащѣ, молча шелъ съ нимъ рядомъ. И Стефанъ тоже молчалъ.

Они миновали двѣ улицы, рынокъ. Возлѣ нормальныхъ часовъ незнакомецъ остановился.

— Пять минутъ девятаго—развѣ пригласить васъ поужинать съ нами?—Ну, ладно, пойдемте. Мы живемъ тутъ неподалеку, въ Братской улицѣ—собственно говоря, всѣмъ улицамъ на свѣтѣ слѣдовало бы называться «Братскими». Вѣдь всѣ же мы братья и сестры. Если бы люди сознавали это, было бы легче жить на свѣтѣ. И когда рождался бы новый человѣкъ, всѣ бы радовались;—а теперь люди подымаютъ гвалтъ, когда дѣвушка отдастся по любви и у нея родится ребенокъ... А все-таки у людей бываютъ хорошія идеи. Какъ славно они, напримѣръ, придумали назвать эту улицу «Братской»! Ну, вотъ мы и дома. Здѣсь я и живу. Пустите меня впередъ.

Онъ прошелъ черезъ широкій пустынный дворъ, посрединѣ котораго росла старая липа, пережившая уже, быть можетъ, нѣсколько столѣтій.

— Мы здѣсь живемъ въ подвальномъ этажѣ,—пожалуйте.

Онъ отворилъ дверь, на которой не было никакой дощечки; она вела въ маленькую, неосвѣщенную комнату.

— Одну минуту. Это моя комната; входите смѣло.

Стефанъ очутился въ большой низкой комнатѣ, въ которой самое замѣчательное было то, что единственное ея большое стрѣльчатое окно выходило на рѣку и въ него виденъ былъ уголокъ стараго, мало кому извѣстнаго, Берлина. Вдоль берега Шпре тянулись дома съ узкими окнами, но передъ каждымъ окномъ былъ ящикъ съ цвѣтами, и всѣ этажи представляли собою пеструю симфонію красокъ. Но въ самой комнатѣ только и было мебели, что письменный столъ, состоящій изъ трехъ большихъ ящиковъ и доски. На стѣнѣ, надъ столомъ, висѣла узенькая полка съ небольшимъ количествомъ книгъ, задернутая зеленой шелковою занавѣской. Впрочемъ, нѣтъ, забылъ—еще въ глубинѣ комнаты въ углу стояла ширма, скрывавшая матрацъ и убогій ящикъ, замѣнявшій умывальникъ.

— Не правда ли, здѣсь хорошо? — говорилъ Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ.—Здѣсь можно жить. — Садитесь, пожалуйста.

Стефанъ смутился: въ комнатѣ былъ одинъ только табуретъ, и онъ не рѣшался сѣсть на него.

— О, мебели у насъ достаточно—одну минуту...

Онъ исчезъ за ширмой,—Стефанъ слышалъ, какъ стукнула объ полъ глиняная чашка,—и вскорѣ затѣмъ появился хозяинъ, таща ящикъ, который онъ и поставилъ на полъ около другого

табурета. Пододвинувъ табуретъ Стефану и привѣтливымъ жестомъ прося его садиться, самъ онъ сѣлъ на ящикѣ.

— Ну вотъ, все устроено. Посмотрите въ окно. — Когда мимо плыветъ лодка, я мечтаю о корабляхъ, нагруженныхъ сокровищами Индіи; когда же взоръ мой падаетъ на ящики съ цвѣтами, мнѣ вспоминаются висячіе сады Семирамиды. А этотъ кусочекъ зеленаго шелку—онъ указалъ на занавѣску, прикрывавшую полку съ книгами,—по счастливой случайности попавшій въ мои руки, опьяняетъ меня всѣми оттѣнками красокъ. Я мечтаю... мечтаю... мечтаю... Это стрѣльчатое окно замѣняетъ мнѣ храмы всего міра... Вамъ нравится здѣсь у меня?

— Да, здѣсь у васъ воздухъ чистый.

— Каждый человѣкъ творитъ самого себя и свою жизнь,— сказалъ незнакомецъ и, поднявшись съ мѣста, продолжалъ: — Разговаривать хорошо и въ темнотѣ, но я все-таки хочу освѣтить нашъ парадный залъ. Притомъ же, думается мнѣ, пора ужъ накрывать на столъ и начинать вечернюю трапезу.

Онъ снялъ съ письменнаго стола зеленый фоліантъ, переплетенный въ старинную кожу.

— Тотъ, кто это сочинилъ и написалъ, былъ величайшій поэтъ, рожденный на землѣ. Всѣ остальные черпали изъ него, какъ изъ моря, которое неизсякаемо. Здѣсь самыя умныя пѣсни, которыя могло создать человѣчество; въ нихъ говорится обо всемъ: объ убійствѣ и злодѣяніи, обо всѣхъ порокахъ, обо всѣхъ скорбяхъ, но и обо всей славѣ человѣчества. Эту книгу люди зовутъ Священнымъ Писаніемъ, но они и понынѣ не уразумѣли всей ея святости и глубины. Эту книгу, мой юный другъ, вы должны прочесть отъ первой до послѣдней буквы и перечитывать ее снова и снова. Это — хвалебная пѣснь человѣчеству и только убогія души...—ну хорошо, не будемъ портить этого вечера.

Онъ осторожно опустилъ книгу на полъ, открылъ большой ящикъ, изображавшій собой среднюю часть письменнаго стола, и вынулъ оттуда семисвѣщникъ, какіе употребляютъ при субботнихъ обрядахъ набожные евреи; и къ нему свѣчи желтаго воску, три чашки и ножъ—и, захлопнувъ крышку, поставилъ все это опять на ящикъ.

Когда онъ зажегъ свѣчи, по всей комнатѣ разлился кроткій, благостный свѣтъ.

Тотчасъ же отворилась боковая дверь въ стѣнѣ, и вошелъ стройный мужчина съ гладко-выбритымъ лицомъ и жиденькими, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. На немъ былъ черный сюртукъ

и узенькій бѣлый галстухъ. Въ рукахъ у него была спиртовка и жестяной котелокъ. Несмотря на сѣдые волосы, онъ не казался старымъ, потому что лицо у него было молодое, и большіе сѣрые глаза сверкали жизнью.

— Это—мой другъ-философъ,—сказалъ Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ,—а это—гость, котораго я обѣщалъ привести съ собой.

Философъ кивнулъ головой Стефану, поставилъ на столъ котелокъ и спиртовку и снова исчезъ. Но черезъ нѣсколько секундъ вынырнулъ опять изъ двери, съ деревяннымъ подносомъ, на которомъ стояли чайница, чайникъ для завариванія чаю, сахаръ, масло, хлѣбъ и три яйца. Онъ зажегъ огонь въ спиртовкѣ, поставилъ кипятить воду, и снова удалился въ сосѣднюю комнату, чтобы принести оттуда табуретъ, — точь-въ-точь такой, какой стоялъ передъ письменнымъ столомъ.

И всѣ трое, озаренные мягкимъ свѣтомъ свѣчей желтаго воску, сидѣли молча, полукругомъ, пока не закипѣла вода.

Все земное отошло куда-то далеко; Стефану казалось, будто онъ въ церкви, и настроеніе его было такое благоговѣйное, какимъ оно въ церкви никогда не бывало.

Незнакомецъ первый нарушилъ тишину:

— Поэзія—все; весь міръ—поэма.

Философъ, слегка скривившись, возразилъ:

— Главное—мыслить; міръ есть мысль.

Стефановъ пріятель покачалъ головою, закрылъ глаза и прошепталъ:

— Поэты поднимаются на высоты, недоступныя человѣку, и проникаютъ въ глубины, невидимыя человѣческому взору. Они слышатъ, какъ растетъ трава на землѣ, какъ поютъ и звенятъ подъ землею металлы—они видятъ дно морское и заглядываютъ въ бездны сердца. Ради поэтовъ Богъ сотворилъ міръ.

— Земля возникла изъ хаоса ради мысли и труда,—возразилъ философъ.

— Трудъ—отъ лукаваго,—возразилъ со вздохомъ Іоганнесъ,—трудъ—изобрѣтеніе діавола. Пока люди были добры и просты сердцемъ, они не нуждались въ трудѣ и, сами того не зная, жили въ раю, когда же они сознали это, т. е. стали скрытны и лукавы,—ихъ выгнали изъ рая. Работа, мышленіе, познаніе—все это отъ діавола, а не отъ Бога.—Все это сказано въ Священномъ Писаніи.

Онъ поднялся и налилъ въ чайникъ кипятку.

Пока настаивался чай, въ оставшемся кипяткѣ сварили три яйца, нарѣзали хлѣба и слегка помазали его масломъ.

— Ну, теперь кушайте на здоровье,—пригласилъ философъ,—только все-таки оставьте мѣстечко для дессерта.

И онъ серьезно прибавилъ:

— Вы не думайте, что это у насъ каждый день такіе пиры: яйца—это праздничное кушанье, въ честь вашего прихода.

Стефану все казалось очень вкуснымъ. Его неизвѣстный другъ и философъ такъ дѣтски-весело смѣялись, такъ мило и забавно пикировались, возражая другъ другу, что онъ окончательно убѣдился, что передъ нимъ—существа высшей и лучшей породы, отряхнувшія отъ ногъ своихъ прахъ низменныхъ настроеній. Особенно симпатиченъ былъ ему поэтъ.

Онъ былъ, какъ огонь, дарящій свѣтъ и тепло; философъ—какъ охлаждающая вода; обѣ стихіи здѣсь уживались въ ладу.

На дессертъ философъ принесъ три большихъ румяныхъ яблока и снова усѣлся на свой табуретъ, комфортабельно вытянувъ ноги.

Стефанъ съ интересомъ вглядывался въ это умное, рѣзко очерченное лицо, выраженіе котораго поминутно мѣнялось. То оно казалось совсѣмъ молодымъ, то лицомъ старика. Не могъ онъ не взглянуть мимоходомъ и на знаменитый сюртукъ, протертый до нитокъ и блестѣвшій, какъ зеркало. Поэтъ, сидѣвшій въ своемъ неизмѣнномъ рыжемъ плащѣ, поймалъ этотъ взглядъ.

— Это—тотъ самый сюртукъ, въ которомъ я былъ у японскаго императора, а другъ мой ужиналъ съ Лейбницемъ и Сведенборгомъ—рѣдкій сюртукъ! Вы только посмотрите, какъ онъ весь блеститъ и сіяетъ.

И онъ нѣжно, любовно погладилъ матерію. И бросилъ философу взглядъ, на который тотъ отвѣтилъ улыбкой. Затѣмъ онъ снялъ сюртукъ, а Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ плащъ; вмигъ они помѣнялись платьемъ. И всѣ трое весело расхохотались.

— Сидитъ, какъ вылитый.—Такъ—теперь я—философъ,—а онъ, несмотря на свой плащъ, стоитъ передъ вами голый и нагой—ибо поэтъ—всегда философъ: для него Богъ и міръ—одно; а философъ, сколько ни ворочай мозгами—поэта изъ себя не сдѣлаетъ.

— Плохой же онъ философъ, если не можетъ быть поэтомъ. Философія и поэзія—сестры, или, вѣрнѣе, супруги, которые одинъ безъ другого жить не могутъ. Поэзія, какъ женщина, болѣе чутка и загадочна; какъ женщина, непосредственнѣе, ближе къ природѣ. Но каждое существо, претендующее на названіе человѣка, сознательно, или безсознательно, обязано

создать себѣ міровоззрѣніе, для того, чтобъ имѣть подъ ногами хоть два фута твердой земли, на которой оно можетъ, наконецъ, прочно укрѣпиться, переживъ всѣ страхи и сомнѣнія—всякому человѣку нуженъ клочекъ земли, который былъ бы его домомъ, для того, чтобъ, когда смерть постучится къ нему, отвѣтить весело:—Я здѣсь, я жду тебя. Вся эта жизнь сотворена Богомъ для того, чтобъ мы научились радостно умирать.

— Ты говоришь, какъ будто ты ужиналъ вчера не съ Лейбницемъ и Сведенборгомъ, а съ Шлейермахеромъ. Ты говоришь, какъ богословъ. Богословы строятъ на землѣ жалкія убѣжища и убогія лачуги, поэты же—воздушные замки съ высокими башнями и зубцами. Но стѣны ихъ замковъ прочнѣе стѣнъ земныхъ дворцовъ. Я давеча хотѣлъ взять тебя съ собой къ императору японскому, чтобы ты проповѣдывалъ тамъ религію поэзіи, религію радости. А ты—ты говоришь, какъ пуританинъ. Тогда зачѣмъ тебѣ Токіо и Гонконгъ? Поѣзжай лучше въ Чикаго и Нью-Іоркъ. Стань свиноводомъ или нефтянымъ королемъ и копи доллары.

Онъ сердито вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ. Потомъ подошелъ вплотную къ другу, который смотрѣлъ на него, сложивъ руки на груди и терпѣливо улыбаясь.

— Ты говоришь о радостной смерти. Кто же умираетъ радостно? Ну вотъ, взять хоть бы мое бренное тѣло. Что такое это тѣло? Хорошо сдѣланный экипажъ. Но вѣдь экипажъ-то приводитъ въ движеніе моя душа. Это она, какъ пламенный арабскій конь, несетъ въ себѣ вѣчную жизнь, которая не можетъ погаснуть; у нея нѣтъ ни страховъ, ни сомнѣній; ей не нужно хижинъ и убѣжищъ. Что изъ того, что экипажъ опрокинется и разобьется въ щепы? Затихнуть, притаиться и смиренно ждать смерти—это *уже* значитъ сломаться—это *уже* упадокъ силъ. Моя душа свободна; она, какъ орелъ, паритъ въ высотахъ, чуждая и небесныхъ радостей, и адскихъ страховъ, ибо ей принадлежитъ все—солнце, луна и звѣзды, небо и земля.

— Но что же будетъ, если экипажъ твой скатится въ пропасть и не только карета разобьется въ щепы, но и бѣдный арабскій конь очутится подъ колесами, съ потухшими глазами и переломаннымъ позвоночникомъ?

— Ты всегда былъ математикомъ въ богословіи—ты оперируешь совершенно въ другой плоскости.—Всѣ сравненія, говорятъ, хромаютъ—и мое тоже. Я никогда не утверждалъ, будто моя душа и тѣло—хотя бы кровнаго арабскаго коня—одно и то же. Если тебѣ угодно искажать мои слова—это твое

дѣло, но *я* такъ не желаю разговаривать. Аминь.—А теперь, г. докторъ, я попросилъ бы стаканчикъ воды—я уже совершенно охрипъ.

— Вотъ. Охлади твою пламенную душу. А къ японскому императору ты, все-таки возьми меня съ собой.

— Тамъ видно будетъ,—сказалъ поэтъ. И повернулся къ Стефану:

— Вотъ, вы видите. У насъ всегда такъ. Мы ежедневно ссоримся, хоть мы и братья, какъ онъ говоритъ, и, вдобавокъ, еще сосѣди по комнатѣ. А въ концѣ концовъ, онъ подаетъ мнѣ освѣжительный напитокъ; онъ милосердъ, какъ добрый самарянинъ и, послѣ всѣхъ пререканій, я еще чувствую себя обязаннымъ сказать ему спасибо... Но вы, молодой человѣкъ, присутствовали при нашемъ спорѣ въ качествѣ третьяго, который въ душѣ и поэтъ, и философъ—словомъ, человѣкъ. Ибо, несмотря на вашу молодость, вамъ знакома наука молчанія, гораздо болѣе трудная и сложная, чѣмъ искусство слушать. За это спасибо—и приходите снова.

— Probatum est,—добавилъ философъ.—Къ этому заключительному слову я присоединяюсь цѣликомъ, отъ альфы до омеги.

Стефанъ поднялся съ мѣста.

— Я долго-долго мечталъ объ этомъ вечерѣ,—тихо выговорилъ онъ,—и могу только сказать, что я очень-очень счастливъ. А что вы разрѣшаете мнѣ прійти опять,—это для меня значитъ больше, чѣмъ я могу сказать. Спокойной ночи—и спасибо вамъ.

Поэтъ проводилъ его до воротъ.

— *Братья* всегда будутъ вамъ рады,—повторилъ онъ еще разъ и слегка пожалъ ему руку.

— Доброй ночи, г. Іоганнесъ фонъ-деръ-Эвигкейтъ.

Стефанъ низко поклонился ему.—Щелкнулъ замокъ; дверь отворилась, и онъ медленно зашагалъ домой, умиленный и радостный, перебирая въ памяти, слово за словомъ, все, что онъ слышалъ въ этотъ вечеръ.

Стефанъ Гуллеръ сталъ человѣкомъ.

Его свободное время не пропало даромъ. Какъ голодный на хлѣбъ, онъ съ жадностью накинулся на книги, учился самоучкой, на послѣднія деньги бралъ учителей.

Теперь ему уже двадцать пять лѣтъ, и на кабельной фабрикѣ въ Шарлоттенбургѣ онъ занимаетъ отвѣтственный постъ. Нерѣдко

его посылаютъ съ дѣловыми порученіями въ Швецію и Англію, во Францію и въ Италію.

Начальство относится къ нему съ уваженіемъ и дружественно; подчиненные не завидуютъ его счастью. Онъ умѣетъ обходиться съ ними.

Теперешняго своего положенія бывшій подмастерье слесаря, добился не только благодаря своимъ способностямъ, но и благодаря серьезному отношенію къ жизни вообще, которое развилось въ немъ съ дѣтства, благодаря пережитой имъ драмѣ и силѣ воли, не допускающей никакихъ уклоненій отъ исполненія долга.

Онъ не изъ тѣхъ весельчаковъ, которые всегда готовы окунуться съ головою въ вихрь столичныхъ развеселеній—для этого его слишкомъ гнететъ его прошлое и воспоминанія дѣтства, которыхъ онъ не можетъ и не хочетъ отогнать.

Отъ времени до времени онъ получаетъ письма отъ матери, съ разсказами объ успѣхахъ и тріумфахъ «малютки Ортансъ», съ извѣстіями о ея новомъ замужествѣ, съ намеками на то, что, молъ, не худо было бы повидаться.

Его пугаетъ самая мысль объ этой встрѣчѣ. Ни на одно письмо онъ не отвѣтилъ. Еще въ дѣтствѣ сердце его замкнулось для матери, и доступа къ сердцу взрослаго она найти не могла.

Стефанъ былъ теперь взрослымъ человѣкомъ, но остался тонкимъ и стройнымъ, какъ юноша. Его прежняя угрюмость и замкнутость исчезли; теперь онъ былъ не то, что беззаботнымъ, но все же спокойнымъ и примиреннымъ. Съ отшельниками Братской улицы онъ сошелся еще ближе и крѣпко сдружился: ихъ своеобразная замкнутая жизнь, далекая отъ всего внѣшняго, отъ условности и суеты большого города, давала ему ту атмосферу ясности и чистоты, тотъ *чистый воздухъ*, котораго онъ такъ жаждалъ. Здѣсь онъ отрѣшался отъ всего мірского, забывалъ о борьбѣ противоположныхъ интересовъ, находилъ покой, повышенное настроеніе и просвѣтленность вѣры—здѣсь, за книгами и наединѣ съ природой.

Въ театры, на концерты и выставки онъ не ходилъ, пугливо избѣгая всего, что имѣло отношеніе къ сценѣ. И въ то же время тосковалъ по музыкѣ, по звукамъ.

Надъ нимъ, въ четвертомъ этажѣ, жили музыканты. По вечерамъ до слуха его доносился мягкій женскій голосъ, порою звуки скрипки. Тогда онъ оставлялъ книгу и прислушивался. Онъ, не зналъ, что это за люди и не хотѣлъ съ ними знакомиться, но именно изъ-за этой музыки особенно дорожилъ своей комнаткой.

Рано утромъ онъ уходилъ изъ дому, возвращался только вечеромъ, и какъ-то само собою выходило такъ, что ему не доводилось сталкиваться съ сосѣдями.

Оно и лучше. Вечерами, сидя на балконѣ и глядя на широкую равнину, примыкавшую на краю горизонта къ жиденькому сосновому лѣсу, онъ думалъ о прошломъ, объ отцѣ, образъ котораго онъ, какъ святыню, хранилъ въ своемъ сердцѣ, думалъ о своемъ дѣтствѣ, закончившемся такъ трагически, вспоминалъ годы ученія въ домѣ мейстера Треймана и чаще всего вспоминалъ маленькую Эльфриду, которая такъ льнула къ нему всѣмъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ и кроткой, нѣжной душой.

Мейстеръ тѣмъ временемъ совсѣмъ состарился, но работы все не бросалъ. Жену онъ схоронилъ и, повидимому, смерть ея была для его облегченіемъ—между супругами давно уже не было ничего общаго.

Съ Трейманомъ они сходились каждый мѣсяцъ въ томъ самомъ погребкѣ, гдѣ они справляли свое разставаніе; они мало разговаривали между собой, но понимали другъ друга, и отношенія ихъ были, какъ прежде, самыя искреннія и сердечныя.

Мейстеръ радовался отъ души, что его питомецъ вышелъ въ люди, сталъ, какъ онъ иногда въ шутку выражался, «важнымъ бариномъ». Однажды онъ спросилъ Стефана: не думаетъ ли онъ зажить своимъ домкомъ? но тотъ, обыкновенно сдержанный и кроткій, такъ гнѣвно и взволнованно отвѣтилъ: «*нѣтъ*»! что мейстеръ успокоительно похлопалъ его по плечу.

— Ну, не стану тебя ни убѣждать, мой мальчикъ, ни отсовѣтовать тебѣ. Это—личное дѣло каждаго. Больше я касаться не буду этого вопроса. Можешь быть спокоенъ.

Стефанъ кивнулъ головой и вздохнулъ съ облегченіемъ.

Да, этого вопроса онъ не позволялъ касаться никому, ни даже своему старому учителю.

Мейстеръ часто жаловался на новомодныя идеи, которыя развращаютъ подмастерьевъ. Даже мальчишки-ученики, у которыхъ еще подъ носомъ не обсохло—и тѣ туда же, вслѣдъ за старшими требуютъ, чтобы у нихъ было меньше работы и больше заработка. Это общій лозунгъ среди рабочихъ—все эти подлые пропагандисты мутятъ народъ и сбиваютъ его съ толку, суля золотыя горы...

Стефанъ возражалъ, спокойно, но твердо. Онъ былъ далекъ отъ желанія обидѣть мейстера, который со своими старомодными взглядами пересталъ понимать подрастающее поколѣніе, но не хотѣлъ и скрывать отъ него своихъ мнѣній.

— Я не думаю,—говорилъ онъ,—чтобы партіи, поставившей себѣ задачей разрѣшеніе желудочнаго вопроса, принадлежало будущее—нѣтъ, я этого не думаю,—желудочный или, лучше сказать, картофельный вопросъ, не такъ ужъ важенъ, какъ увѣряютъ эти господа. Но я все же согласенъ съ ними въ томъ, что бѣдняки, помогающіе создавать цѣнности, должны быть обставлены иначе—что имъ должно быть предоставлено больше возможностей. Нельзя же, мейстеръ, бросать имъ только жалкія крохи со стола баловней жизни. Вѣдь, этимъ бѣднягамъ некогда даже прислушаться къ голосу своей души, до того ихъ угнетаетъ и утомляетъ ихъ работа.

Трейманъ съ изумленіемъ уставился на него. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да ты никакъ самъ сталъ краснымъ, въ «товарищи» записался?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, мейстеръ, я не красный, но въ «товарищи»—если хотите, ааписался. Только не въ политическомъ, конечно, смыслѣ. Всѣмъ намъ, мейстеръ, слѣдовало бы почувствовать себя *товарищами* и ближе принимать къ сердцу жалобы народа. Вотъ хоть бы на нашей фабрикѣ—сколько тамъ молодыхъ людей, которыхъ мнѣ душевно жаль: я вижу, какъ они рвутся къ свѣту, къ знанію, а между тѣмъ, послѣ рабочаго дня они ужъ никуда негодны—совершенно разбиты и ничего не способны воспринять.

Мейстеръ Трейманъ наморщилъ лобъ.

— Вздоръ! не вѣрю. Кто хочетъ, тотъ добьется. У тебя, вѣдь, тоже была работа тяжелая, однако же ты выбился на дорогу. Кто стремится, тотъ достигаетъ цѣли.

— Нѣтъ, мейстеръ, стремиться мало. Почва можетъ быть очень плодородна, но, если ее все время эксплоатировали, вели на ней хищническое хозяйство, она перестаетъ давать урожай; ее надо оставить на время подъ паромъ. А людей, Богу извѣстно, эксплоатируютъ жестоко. Мой примѣръ, мейстеръ, никому не указъ: я работалъ такъ упорно не столько изъ внутренней потребности, сколько потому, что искалъ забвенія,—да и повезло мнѣ не по заслугамъ.

Однако, мейстера это не убѣдило: онъ разстроился и не далъ себѣ труда скрыть свое неудовольствіе.

— Ну, братъ, въ этомъ намъ съ тобой не сговориться. Слишкомъ я ужъ старъ, чтобы переучиваться и осуждать то, что я привыкъ считать хорошимъ и справедливымъ. Спокойной ночи, мальчикъ.

Они засидѣлись въ этотъ день позже обыкновеннаго, и

раздраженіе старика слегка встревожило Стефана. Но одного взгляда на ясное звѣздное небо было достаточно, чтобы вернуть ему душевное равновѣсіе. Ему было далеко идти, но онъ радъ былъ случаю пройтись.

— Люди—думалъ онъ съ грустью—ощущаютъ потребность протянуть другъ другу руку, но обветшалыя понятія и привитые воспитаніемъ предразсудки, или же эгоизмъ и глупое чванство разъединяютъ ихъ. Одни стоятъ на одномъ берегу, другіе на другомъ и не могутъ достать другъ до друга, чтобы протянуть руку.

Заложивъ руки за спину, по обыкновенію, слегка наклоняя голову впередъ, онъ шелъ своей дорогой.

Шарлоттенбургъ точно вымеръ; улицы были совсѣмъ пустыя; лишь изрѣдка попадались навстрѣчу запоздалый прохожій или ночной гуляка. До дому было уже недалеко—какихъ нибудь четверть часа ходьбы.

И вдругъ Стефану почудилось, будто кто-то зоветъ на помощь. Онъ насторожился, прибавилъ шагу и пошелъ въ ту сторону, откуда ему послышался зовъ. И скоро натолкнулся на двухъ подвыпившихъ парней, которые притиснули къ стѣнѣ молоденькую барышню и съ грубыми шутками и наглымъ смѣхомъ, куда-то хотѣли потащить ее съ собою.

Стефанъ моментально очутился возлѣ дѣвушки, схватилъ одного за шиворотъ лѣвой рукой, другого правой, тряхнулъ ихъ такъ, что они оба ошалѣли, и, какъ кегли, расшвырялъ ихъ въ разныя стороны; съ нихъ даже хмель соскочилъ отъ такой неожиданности. Поднявшись съ земли, они поспѣшили удрать.

Стефанъ слегка приподнялъ шляпу и сказалъ:—Я полагаю, преслѣдовать ихъ не стоитъ—какъ вы думаете?

Дѣвушка, блѣдная, дрожащая, молча кивнула головою. Только теперь онъ разглядѣлъ ее—и вздрогнулъ отъ испуга. Ему показалось, что передъ нимъ стоитъ Марга Террекъ, маленькая венгерская танцовщица, съ которой онъ былъ друженъ въ дѣтствѣ—дѣвушка была похоже на нее, какъ двѣ капли воды.

— Простите, — пролепеталъ онъ,—простите, что я такъ уставился на васъ. Я знаю, что это невѣжливо, но вы мнѣ напоминаете...—онъ остановился на полсловѣ.

Да что же это—или взаправду передъ нимъ сама Марга Террекъ? То же бѣлоснѣжное личико съ темными дѣтскими глазами, сверкающими влажнымъ блескомъ, тотъ же алый, какъ вишня, ротикъ, рѣзко выдѣляющійся на блѣдномъ лицѣ, та же маленькая изящная фигурка. И даже походка такая, какъ у

Марги—въ дѣтствѣ Стефану всегда казалось, что она не ходитъ, а летаетъ или плыветъ между небомъ и землей, не касаясь ногами земли.

Дѣвушка улыбнулась сквозь слезы.

— Нѣтъ, сударь, мы съ вами не знакомы и вы меня не знаете, но я—я васъ давно знаю, хотя вы и не подозрѣвали этого.

Онъ окончательно растерялся и отъ смущенія не зналъ, что сказать.

На ней было темно-зеленое платье, обшитое мѣхомъ внизу, а на головѣ простенькая англійская шапочка. Въ правой рукѣ нотная папка изъ зеленой кожи.

И опять у него дрогнула въ мозгу мысль, что вся его жизнь до сихъ поръ была только путаннымъ сномъ, что одна только ночь отдѣляетъ его отъ его кошмарнаго дѣтства и, что передъ нимъ стоитъ живая, во плоти, Марга Террекъ. Даже голосъ у дѣвушки, какъ будто тотъ же самый.

— Я васъ знаю,—повторила дѣвушка.—Вѣдь вы господинъ Стефанъ Гуллеръ, не правда ли?

— Да, это я,—растерянно пролепеталъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ благодарить васъ, господинъ Стефанъ Гуллеръ, что вы выручили меня изъ этой бѣды.

Она протянула ему узенькую, нѣжную ручку, но онъ не взялъ ея.

— Вы не хотите позволить мнѣ благодарить васъ?—спросила она, надувъ губки.

— Нѣтъ. За что же тутъ благодарить? Всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же.

Она опустила руки.

— Въ такомъ случаѣ, спокойной ночи. Не смѣю больше васъ задерживать.

— Вы не задерживаете меня. Если позволите, я провожу васъ до дому, а то кто-нибудь опять къ вамъ пристанетъ.

Она кивнула головкой въ знакъ согласія.

И опять ему показалось, что она украдкой застѣнчиво усмѣхнулась.

— Гдѣ вы живете?

— Идемте; я потомъ скажу вамъ.

Онъ молча пошелъ рядомъ съ нею, думая о томъ, что и у этой дѣвушки, какъ у Марги Террекъ, надъ верхнею губою легкій пушокъ; и почему-то ему жутко было думать объ

этомъ.—Хоть бы скорѣй добраться до дому, гдѣ она живетъ! Захлопнется дверь и чары разсѣются, а воспоминанія онъ ужъ сумѣетъ отогнать... И откуда она знаетъ мое имя? Какъ это странно!..

Онъ, самъ того не замѣчая, такъ ускорилъ шаги, что дѣвушка, наконецъ, совсѣмъ запыхалась и остановилась, говоря:

— Я не могу такъ скоро. Потерпите немножко; мы сейчасъ придемъ.

Голосъ ея звучалъ такъ жалобно, какъ будто она готова была заплакать.

— Неужели вы плачете?—растерянно спросилъ Стефанъ.— Извините, пожалуйста—я забылъ... Я никогда не гуляю съ дамами—я...

Она звонко разсмѣялась; онъ смутился и замолчалъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, не сердитесь на меня! Вы и не подозрѣваете, какъ все это забавно.

— Я не сержусь—какое же я имѣю право сердиться?

— Я не хочу больше мѣшать вашимъ размышленіямъ, господинъ Гуллеръ, и, пожалуйста, не старайтесь идти такъ медленно—я ужъ какъ-нибудь буду поспѣвать за вами.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, мнѣ торопиться некуда.

Они теперь шли по той улицѣ, гдѣ жилъ Стефанъ. Дѣвушка неожиданно остановилась передъ его домомъ.

— Какъ видите, господинъ Стефанъ Гуллеръ, мы съ вами сосѣди,—сказала она, лукаво засмѣявшись.—Я живу съ моимъ отцомъ этажемъ выше васъ и зовутъ меня Гаиза Шарлотта Мессенджеръ. Прикажите отворить, или вы сами отворите?

Въ первый моментъ онъ отъ неожиданности не нашелъ, что отвѣтить, и, наконецъ, запинаясь выговорилъ:

— Такъ это вы—та барышня, которая поетъ надо мною такіе красивые романсы?

— Да, это я.

— А господинъ, который играетъ на скрипкѣ?

— Это мой отецъ.

— Гм... я никогда не видѣлъ васъ—да и не стремился видѣть.

И онъ тихонько пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Странно... странно!..

Почему-то у него болѣло сердце.

Она смотрѣла на него изумленно и уже не смѣялась больше; только губы ея дрожали, да все время раздувались и ходуномъ ходили тонкія ноздри.

Онъ рѣшительно отворилъ дверь. Они прошли черезъ дворъ во флигель, гдѣ жили оба. Стефанъ забылъ зажечь огонь—такъ они въ темнотѣ и поднимались по лѣстницѣ. Онъ слышалъ только собственные тяжелые шаги — дѣвушка должно быть, проскользнула впередъ.

Только дойдя до своей двери, онъ сообразилъ, какъ онъ былъ невнимателенъ къ своей спутницѣ.

— О Боже!—пробормоталъ онъ, вынимая изъ кармана электрическій фонарь.

— Ничего, не безпокойтесь за меня—я и въ темнотѣ найду дорогу.

Свѣтъ фонаря упалъ на узенькое личико, бѣлое, какъ снѣгъ.— Террекъ... Положительно, Марга Террекъ... У него едва не выпалъ изъ рукъ фонарь.

Она снова молча протянула ему руку — и снова онъ покачалъ головою и не взялъ руки, выговоривъ голосомъ, проникшимъ въ ея сердце:—Желаю вамъ доброй ночи, фрейлейнъ Гаиза Шарлотта Мессенджеръ.

Она надменно кивнула головкой и упорхнула, какъ птичка. Онъ слышалъ, какъ щелкнулъ ключъ, поворачиваемый въ замкѣ, какъ тихо, почти безшумно, растворилась дверь, затѣмъ, водворилась мертвая тишина. Онъ еще нѣкоторое время прислушивался, передъ тѣмъ какъ отворить собственную дверь; затѣмъ медленно повернулъ ключъ въ замкѣ, вошелъ, зажегъ свѣчу и со свѣчою въ рукахъ подошелъ къ зеркалу—посмотрѣть на себя: онъ ли это, или кто другой. Зеркало отразило его лицо, только щеки были краснѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Неужели ты такой болванъ? — грубо выбранилъ онъ себя и со стукомъ поставилъ подсвѣчникъ на столъ.

Потомъ раздѣлся, вымылся до пояса холодной водой и придвинулъ къ кровати ночной столикъ — чтобы почитать на сонъ грядущій.

На столикѣ лежали три толстыхъ книги—«Исторія математическихъ наукъ» Кантора.—Эти книги подарилъ ему хозяинъ, говоря, что это не только исторія математики, но одновременно съ тѣмъ и исторія человѣческой мысли.—«Это читается, какъ романъ, съ захватывающимъ интересомъ. Я увѣренъ, что вы съ наслажденіемъ прочтете это».

Онъ попробовалъ читать, но буквы, какъ живыя, прыгали и плясали передъ его глазами, злорадно подсмѣиваясь и корча гримасы; у нѣкоторыхъ были блѣдныя лица и яркія, алыя губы, какъ у Марги Террекъ.

Стефанъ погасилъ свѣчу и нѣкоторое время лежалъ въ темнотѣ безъ движенія.

— Что же я такое—глупенькій мальчикъ—или взрослый человѣкъ, мужчина?—ворчалъ онъ на себя. Буквы и въ темнотѣ прыгали передъ его глазами и лукаво подсмѣивались. Теперь онъ отчетливо различалъ китайцевъ, въ ихъ широкихъ одеждахъ изъ дорогого, тяжелаго шелка и марокканцевъ, подпрыгивавшихъ чуть не до потолка, и четырехъ Трурвексовъ—двое мужчинъ и двѣ дамы—одѣтыхъ въ бѣлый атласъ, съ изумительной гибкостью и проворствомъ исполняющихъ свою изящную интермедію на канатѣ; и среди всѣхъ этихъ пестрыхъ фигуръ мелькало бѣлоснѣжное личико Марги Террекъ, ея лучистые, съ влажнымъ блескомъ глаза и алый ротикъ съ нѣжнымъ пушкомъ на верхней губѣ.

Въ эту ночь онъ не сомкнулъ глазъ до разсвѣта.

На фабрикѣ ему пришлось слѣдить за собою, чтобы чего-нибудь не напутать въ работѣ: онъ былъ возбужденъ, раздражителенъ и разсѣянъ. Въ первый разъ онъ поймалъ себя на томъ, что прикрикнулъ на подчиненнаго, и сейчасъ же устыдился, такъ какъ это шло въ разрѣзъ со всѣми его понятіями и привычками. Образъ фрейлейнъ Мессенджеръ неотступно стоялъ передъ его глазами.

— Вѣдь это глупость невѣроятная!—бранилъ онъ себя.—Что мнѣ до этой дѣвчонки? Ну, допустимъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на Маргу. Что же изъ того? Марга Террекъ—это только далекое воспоминаніе, дѣтскій бредъ—что мнѣ теперь эти воспоминанія? Что мнѣ до этой дѣвушки, которая теперь пляшетъ себѣ гдѣ-нибудь въ Копенгагенѣ или Чикаго, а, можетъ быть, вышла замужъ за какого-нибудь мадьярскаго помѣщика, растолстѣла, какъ бочка, и хозяйничаетъ себѣ гдѣ-нибудь въ деревенской усадьбѣ? А эту, Гаизу Шарлотту Мессенджеръ, онъ, можетъ быть, больше никогда и не увидитъ. Если до сихъ поръ они не сталкивались, вѣдь и на будущее время можно избѣгать встрѣчъ.

Понемногу онъ успокоилъ себя такими доводами, и теперь было уже легче справляться съ работой. Лишь по временамъ онъ останавливался и снова апеллировалъ къ своему разуму, доказывая себѣ, что онъ никогда не питалъ къ Маргѣ Террекъ особенно сильнаго чувства, что это просто—дружественный образъ, живущій въ его памяти, и только. Вѣдь всѣ эти годы ему ни разу не

пришло даже въ голову справиться о ней, разузнать, гдѣ она и что съ ней сталось. И, если бы она сейчасъ появилась передъ нимъ, они обмѣнялись бы привѣтомъ, какъ добрые товарищи, пожали бы другъ другу руки и спокойно бы разстались. А если такъ, то чего же ради ему сходить съ рельсовъ и расползаться по всѣмъ швамъ изъ-за того только, что природѣ вздумалось почудить и создать другую дѣвушку по образу и подобію Марги Террекъ? Если оригиналъ почти не волновалъ его, почему его такъ волнуетъ копія?..

Шефъ говоритъ, что исторія математики—это исторія человѣческаго мышленія. Надо поосновательнѣе проштудировать эту книгу, потому что у него мышленіе, очевидно, хромаетъ.

А все-таки ему почему-то было жутко возвращаться домой. Чтобы отогнать страхъ, онъ насвистывалъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Войдя къ себѣ, онъ зажегъ лампу и посмотрѣлъ на часы. Было безъ десяти минутъ восемь. Онъ разложилъ книги на столѣ, придвинулъ кресло и только собирался-было углубиться въ чтеніе, какъ раздался оглушительный звонокъ.

Стефанъ вскочилъ—и замеръ. Колокольчикъ зазвенѣлъ снова, еще болѣе настойчиво и гнѣвно.

Молодой человѣкъ машинально взялъ въ руки лампу и пошелъ отворять.

Передъ нимъ стоялъ маленькій, жиденькій человѣчекъ съ густою шапкою сѣдыхъ волосъ, развѣвавшихся во всѣ стороны отъ сквозного вѣтра, который поднялся, когда Стефанъ распахнулъ дверь. Волосы эти казались пушистыми и мягкими, какъ бѣлый шелкъ. У маленькаго человѣчка была бородка Henri IV и подъ мышкою огромный шапо-клякъ. Черные, живые глазки подъ густыми, нависшими бровями дополняли странность впечатлѣнія.

Стефанъ замѣтилъ еще, что поверхъ воротничка у него повязанъ широкій, черный галстухъ Лавальеръ, завязанный огромнымъ бантомъ, и этотъ черный галстухъ еще рѣзже подчеркивалъ бѣлизну волосъ.

Не давъ Стефану времени предложить вопросъ, маленькій человѣчекъ отрекомендовался:—Мое имя Мессенджеръ, солистъ Его Высочества Герцога Мейнингенскаго. Разрѣшите на минутку войти?—И, не дожидаясь отвѣта, онъ ушелъ за Стефаномъ въ его кабинетъ.

— Можетъ быть, вы присядете?—предложилъ Стефанъ.

— Позволю себѣ воспользоваться вашимъ предложеніемъ, достоуважаемый. Прошу извиненія, что вторгаюсь къ вамъ такъ

поздно. Force majeure.—Мнѣ сказали, что васъ можно застать только рано утромъ, или вечеромъ. Я пришелъ поблагодарить васъ за то, что вы вчера защитили мою дѣвочку. Малютка пошла музицировать къ однимъ знакомымъ и немножко засидѣлась.

Все это онъ выпалилъ единымъ духомъ, такъ быстро и съ такой горячностью, что Стефанъ не могъ сдержать улыбки.

— О благодарности не можетъ быть и рѣчи,—возразилъ онъ.—Я просто исполнилъ свою обязанность, какъ сдѣлалъ бы это каждый порядочный человѣкъ на моемъ мѣстѣ, лично абсолютно ничѣмъ не рискуя.

Музыкантъ весело разсмѣялся.

— А забавно, должно быть, это у васъ вышло! Чортъ побери! вы, дѣйствительно, кажетесь чертовски сильнымъ. Малютка разсказывала мнѣ, какъ вы ловко жонглировали этими двумя молодчиками.

При послѣднихъ словахъ Стефанъ отвернулъ голову, и лицо его омрачилось.

— Не обижайтесь, уважаемый, если я немного грубо выразился. Малютка тоже все бранитъ меня за это—вы не обижайтесь на меня.

— Вамъ не въ чемъ оправдываться. Если я на минуту... Да нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ.

И, заставляя себя быть вѣжливымъ, онъ продолжалъ:—Не правда ли, вѣдь вы скрипачъ? По вечерамъ и воскресеніямъ я иногда слушаю вашу игру.

— Ну, какой ужъ я теперь скрипачъ! Былъ конь, да изъѣздился,—но, сударь мой,—маленькій человѣчекъ гордо выпрямился:—въ былое время я игралъ первую скрипку въ оркестрѣ въ Мейнингенѣ, подъ управленіемъ Бюлова—самого Ганса Бюлова!—кстати, я немного похожъ на него—и даже нѣкоторыя привычки перенялъ у него—знаете, у него была такая особая манера сморкаться и сплевывать... О, Гансъ фонъ-Бюловъ, сударь—другого такого нѣтъ на свѣтѣ—вотъ это былъ музыкантъ, такъ музыкантъ!

Онъ облизнулся, какъ будто проглотилъ что-то очень вкусное.

— Онъ могъ быть грубымъ, какъ свинья—нашъ Бюловъ, но въ то же время онъ былъ добръ, какъ дитя. Я бы многое могъ вамъ поразсказать о немъ. Куда же нынѣшнимъ въ сравненіи съ нимъ—чистыя каррикатуры! Видали вы, какъ дирижировалъ Бюловъ? Вы слышали его игру? Какъ онъ Бетховена игралъ?—Простите, сударь, вамъ, навѣрно, скучно слушать, но я, когда заходитъ рѣчь о Бюловѣ, всегда страшно увлекаюсь. Вы, навѣрное, не музыкантъ?

— Нѣтъ, но люблю музыку.

— Eh bien! вы любите музыку—ну, разумѣется, какъ же не любить музыки—вы же человѣкъ. Кто не любитъ музыки, не человѣкъ, а скотина. Слыхали вы, какъ поетъ моя малютка? Къ сожалѣнію, голосокъ у нея маленькій—для сцены не годится. Но *какъ* она поетъ—съ какимъ выраженіемъ, съ какимъ темпераментомъ!—она музыкальна до кончика пальцевъ на ногахъ—музыка—ея душа. Ужъ вы повѣрьте мнѣ, сударь мой. Мать ея была геніальная артистка; изъ нея вышла бы знаменитая пѣвица, но—чахотка, сударь мой, скоротечная чахотка—унесла ее въ три мѣсяца—какіе-нибудь три мѣсяца, а затѣмъ—гробъ, «черная яма»—и конецъ. Это была моя третья, по счету, жена—и единственная женщина, которую я любилъ, считая случайныя интрижки—Богъ мой, вѣдь я же артистъ. Музыка и любовь—что же, кромѣ этого, есть въ жизни?.. Малютка—единственное мое достояніе—матери было какъ разъ столько же лѣтъ, сколько ей теперь—девятнадцать—когда я женился на ней... Да, жизнь прожить—не поле перейти, сударь вы мой.

Онъ заслонилъ рукой глаза и сдѣлалъ слабую попытку встать.

— Я мѣшаю вамъ, сударь—я, навѣрное, мѣшаю вамъ работать?

Но, когда Стефанъ учтиво завѣрилъ его, что онъ нисколько не мѣшаетъ, старичокъ тотчасъ же успокоился, и снова комфортабельно расположился въ креслѣ.

— У малютки бываютъ иной разъ капризы—напримѣръ, она низачто не хотѣла, чтобъ я пошелъ благодарить васъ. Увѣряла, будто вы—страшный грубіянъ, будто вы мнѣ укажете на дверь—будто вы терпѣть не можете знакомствъ. Ну, ладно, говорю—выставитъ, такъ выставитъ,—это случалось и не съ такими людьми, какъ я—а я все-таки пойду. Вы бы посмотрѣли, какъ она сердилась. Ну, да у меня своя голова на плечахъ, и я никому не позволю командовать собой.—Между нами, въ серьезныхъ вещахъ, я всегда уступаю. Что подѣлаешь—вѣдь она для меня зѣница ока—вы подумайте, какое счастье, что Богъ послалъ мнѣ такое утѣшеніе на старости лѣтъ. Я понимаю, что это неприлично было съ моей стороны—такъ врываться къ вамъ—но не могъ же я доставить этой маленькой плутовкѣ удовольствія торжествовать надо мной.—Вотъ-то она широко раскроетъ свои темные глазки, когда увидитъ, какъ мы съ вами подружились. Теперь еще одна просьба, сударь мой, и вы ужъ, пожалуйста, не отказывайте мнѣ. Вы говорили, что любите музыку. Завтра воскресеніе. Позвольте

васъ просить къ намъ завтра послѣ-обѣда на чашку кофе; я бы вамъ сыгралъ что-нибудь и хоть музыкой уплатилъ бы вамъ свой долгъ признательности.

Стефанъ Гуллеръ колебался, но старичокъ такъ умоляющесмиренно смотрѣлъ на него и при этомъ такъ нервно теребилъ свои сѣдые локоны, что у него не хватило духу отказать.

— Я съ удовольствіемъ принимаю ваше дружеское приглашеніе, г. Мессенджеръ.

— Благодарю васъ, сударь мой; премного вамъ обязанъ. Еще разъ прошу извинить за мое вторженіе.

И мелкими, сѣменящими шажками, въ припрыжку, онъ направился къ выходу.

Стефанъ проводилъ его до дверей и, задумчивый, вернулся къ столу. Онъ не раскаивался, что обѣщалъ прійти — среди бѣлаго дня не бываетъ привидѣній. И надо же извиниться передъ этой барышней — по его поведенію она могла принять его за неуча, или за сумасшедшаго. Найденъ, наконецъ, приличный выходъ, а можно продолжать жить попрежнему. Старичокъ развеселилъ его. Сколько въ немъ еще жизни, подвижности, довѣрчивой экспансивности! Съ первой же встрѣчи, за какія-нибудь четверть часа онъ разсказалъ всю свою жизнь, съ ея радостями и печалями. Великій Бюловъ—и его жена—вотъ двѣ точки, на которыхъ вращается ось его существованія. А центръ всего—Гаиза Шарлотта.

Гаиза — какое странное имя!.. онъ даже не зналъ, что есть такое имя...

Стефанъ снова сѣлъ за работу... Исторія математическихъ наукъ... Но сверху донеслось тихое пѣніе—и онъ забылъ о математикѣ — о человѣческомъ мышленіи — и, какъ околдованный, внималъ звукамъ нѣжнаго, чистаго, какъ серебряный колокольчикъ, дѣвичьяго голоса.

. . . . . .

На другое утро Стефанъ Гуллеръ нашелъ въ своемъ ящикѣ для писемъ хорошенькій конвертикъ безъ марки и безъ надписи. Онъ распечаталъ его и прочелъ:

«М. Г. Вы сдѣлались жертвой моего добраго старика-отца. Вы ищете одиночества и бѣгаете отъ людей, а онъ, со своей обычной необузданностью, ворвался къ вамъ—я знаю это, и за него прошу прощенія. Вы можете не приходить — вамъ незачѣмъ принуждать себя. Достаточно черкнуть двѣ строчки старику. Зубная боль—всегда достаточное извиненіе. Гаиза Шарлотта Мессенджеръ».

Стефанъ Гуллеръ громко разсмѣялся.

— Ахъ, плутовка! хитрая какая! Отецъ приглашаетъ меня, а дочь беретъ назадъ приглашеніе и еще хочетъ, чтобы я солгалъ. Нѣтъ, фрейлейнъ Гаиза, мои страхи уже разсѣялись, и мы сегодня же лицомъ къ лицу помѣряемся силой.

Ровно въ четыре часа онъ поднялся этажемъ выше, внимательно прочелъ изящную надпись на маленькой мѣдной дощечкѣ: «Алоизъ Мессенджеръ, солистъ Его Высочества Великаго Герцога Мейнингенскаго», и позвонилъ.

Дверь моментально отворилась. Маленькій человѣчекъ горячо жалъ ему руку и съ хохотомъ кричалъ въ сосѣднюю дверь: «Пойди же, пойди сюда! Убѣдись же собственными глазами, ты, Ѳома невѣрный».

— Можете себѣ представить, г. Гуллеръ, она со мной держала пари на талеръ, что вы не придете. Я ей прямо сказалъ: «Можешь считать меня послѣднимъ дуракомъ, если онъ не придетъ. Коли обѣщалъ, такъ ужъ значитъ, придетъ. Это не такой человѣкъ, чтобы не сдержать слово». А она, что, вы думаете, она отвѣтила? Расхохоталась мнѣ въ лицо. Ахъ, ужъ эти женщины! Entrez, entrez, monsieur. Столъ накрытъ и на столѣ дымящійся мокка, турецкій кофе, который умѣютъ приготовлять только въ домѣ Мессенджера.

Широкимъ привѣтливымъ жестомъ онъ приглашалъ Стефана войти.

Въ столовой ждала Шарлотта. Она была очень блѣдна, поклонилась ему надменно и свысока—или это ему только такъ показалось?—и даже не сдѣлала попытки протянуть ему руку. И опять ему стало жутко отъ ея страннаго сходства съ Террекъ.

Комната была старомодная и мебель въ ней вся старинная, краснаго дерева, кромѣ рояля, чернаго дерева, который въ видѣ главнаго украшенія стоялъ по серединѣ.

— Мнѣ очень жаль,—начала фрейлейнъ,—что вы изъ-за насъ должны были прервать свой воскресный отдыхъ, но все же...

— Не смѣй обижать нашего гостя! слышишь, малютка?—прервалъ ее отецъ.—Я пригласилъ его, онъ принялъ приглашеніе, онъ здѣсь — и баста — чего ты ему еще подсовываешь какія-то скверныя заднія мысли?

При этихъ словахъ Гаиза наморщила свой бѣлый лобикъ и надула губки.

Старичокъ мгновенно испугался и съ мольбой воззрился на Стефана, какъ бы ища защиты. Тотъ слегка поклонился и сказалъ:

— Фрейлейнъ, мнѣ очень жаль, но я долженъ стать на сторону вашего батюшки. Мнѣ и въ голову не приходило уклониться отъ его приглашенія, тѣмъ болѣе, что оно даетъ мнѣ случай извиниться передъ вами,—что я и спѣшу сдѣлать.

— Вотъ тебѣ! получила? Ну, а теперь давай кофе—я умираю отъ жажды.

— Сейчасъ, папочка. Потерпи минутку.

Надъ кофейникомъ клубился ароматный дымокъ. Придвигая къ Стефану сладкій тортъ, старикъ не могъ удержаться отъ поясненія:—За это ужъ, г. Гуллеръ, вы можете поблагодарить меня. Моя дочка ни за что не хотѣла покупать сладкаго пирога—она не вѣрила, что вы придете.

— Папка! если ты сейчасъ не перестанешь...

— Молчу, молчу, дитя мое. Больше я ни слова не скажу.

Стефанъ смотрѣлъ на стѣны, на которыхъ висѣли портреты знаменитыхъ музыкантовъ — все больше гравюры—въ рамкахъ краснаго дерева.

Алоизъ Мессенджеръ потиралъ руки отъ удовольствія и весело подмигивалъ ему.

— Это ужъ мое царство, г. Гуллеръ. Вы знаете, въ музыкѣ пять Б: Бахъ, Бетховенъ, Брамсъ, Брукнеръ, Бюловъ. А недурно вѣдь звучитъ? Самъ Господь точно нарочно выставилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. Вы думаете, Бюловъ сюда не относится? О нѣтъ, уважаемый, вы не качайте головой. Очень и очень даже относится.—Бюловъ очень большой музыкантъ. Вы его не знаете. Что за человѣкъ! что за дирижеръ! Когда онъ поднималъ вверхъ дирижерскую палочку, точно электрическій токъ пронизывалъ наши тѣла, точно флюидъ какой-то магнетическій шелъ отъ него къ намъ; его палочка притягивала насъ, какъ магнитъ—о! это была волшебная палочка, умѣвшая творить чудеса... Вы скажете: онъ былъ не композиторъ и, слѣдовательно, не мѣсто ему здѣсь на стѣнѣ рядомъ съ Брамсомъ и Бетховеномъ? А я вамъ скажу, сударь, что онъ первый научилъ насъ понимать Баха и Бетховена. Я повторяю, онъ могъ быть страшно грубымъ, но зато, когда оркестръ понималъ его, угадывалъ его намѣренія, одинъ его взглядъ былъ для насъ болѣе цѣнной наградой, чѣмъ всѣ дипломы и рецензіи. А какъ онъ чудесно издѣвался надъ этими чернильными душами, которыя умѣютъ только бумагу марать!..

— Но, папочка, вѣдь ты даже не знаешь, интересуютъ ли господина Гуллера, хоть сколько-нибудь, твои разсказы—и потомъ,

ты слишкомъ волнуешься, когда говоришь о Бюловѣ, а это мнѣ совсѣмъ не нравится.

— Конечно, я васъ слушаю съ большимъ удовольствіемъ,— сказалъ Стефанъ. — Что же можетъ быть прекраснѣе, какъ когда человѣкъ съ увлеченіемъ говоритъ о томъ, что ему дорого?—но, разумѣется, если это утомляетъ господина солиста...

— Ну, вотъ видишь, онъ съ удовольствіемъ слушаетъ—и какое же тутъ утомленіе?—объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи—что за вздоръ! Еще чего недоставало! — чтобы нѣмцы не интересовались своими же великими музыкантами? Гаиза, ты иногда такія вещи говоришь!.. Я вамъ скажу, сударь мой, другого такого дирижера, какъ Бюловъ, не было на свѣтѣ. Какъ онъ умѣлъ фазировать, какіе оттѣнки давалъ!.. Я вамъ говорю, и до него, и послѣ него не было ему равнаго. Да, и послѣ него. И у нынѣшнихъ есть умѣніе, parole d'honneur,—я готовъ снять передъ ними шляпу—но Бюловъ—sans comparaisson. Нынѣшніе дирижируютъ такъ, какъ будто то, что они исполняютъ, ими самими написано, и они желаютъ *выявить свою личность*—не смѣйтесь, сударь мой, я своими ушами слышалъ это выраженіе. А Бюловъ старался лишь о томъ, чтобы возможно яснѣе *выявить личность композитора*—у него было религіозное, благоговѣйное отношеніе къ тѣмъ великимъ мастерамъ, которыхъ онъ исполнялъ. 9-я симфонія Бетховена подъ его управленіемъ—это что-то неслыханное—лучше этого ничего не можетъ быть!

Онъ тяжело перевелъ духъ, поднесъ къ губамъ чашку и съ наслажденіемъ прихлебнулъ немного ароматнаго напитка. Гаиза молча, тихо улыбаясь, подошла къ нему и отерла у него потъ со лба. Онъ съ лукавой нѣжностью взглянулъ на нее и тихонько отстранилъ ее.

— Знаете вы произведенія Брукнера?

— Нѣтъ, господинъ солистъ, очень мало, все равно, что ничего. Я люблю музыку, но никогда не хожу на концерты.

— Видите ли, я согласенъ, Брукнеръ былъ циклопъ. Онъ ворочалъ каменными глыбами, но обтесывать ихъ не умѣлъ. Грандіознѣйшія темы—великолѣпный контрапунктъ —все, что хотите,—но отсутствіе шлифовки. И все же, это былъ гигантъ въ сравненіи съ нынѣшними. Чортъ меня возьми, но не понимаю я современной музыки. Музыка есть чувство; а тутъ—мозгъ, математика, философія—все, что угодно, только не музыка. Можно вамъ предложить сигару?

— Покорнѣйше благодарю. Я курю только трубку, знаете коротенькую, англійскую, а сегодня и вовсе не хочу курить.

— Ну, тогда скорѣе убирайте со стола. Господинъ Гуллеръ приглашенъ на придворный концертъ, а при дворѣ царитъ пунктуальность—о! великій герцогъ былъ въ этомъ отношеніи очень требователенъ.

— Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы мы немножко помузицировали?—тихо спросила Шарлотта.

— Я заранѣе радуюсь этому, какъ ребенокъ,—также тихо отвѣтилъ Стефанъ.

Она кивнула головкой и молча стала убирать со стола.

Старикъ взялъ подъ руку Стефана и подвелъ его къ портрету Бетховена.

— Вы только вглядитесь въ эту голову, въ это измученное лицо. Написать 9-ую симфонію, и не имѣть возможности услышать ее—вѣдь онъ уже былъ совершенно глухъ, когда писалъ ее... Это ужасно. Страшно даже подумать... Ну, дитя, теперь начнемъ.

Старикъ сѣлъ за рояль и пробѣжалъ пальцами по клавишамъ. Молодая дѣвушка стояла возлѣ него, въ томъ же своемъ зеленомъ платьѣ, съ узенькой мѣховой опушкой—и пѣла. Мелодіи, одна прелестнѣе другой, лились изъ ея устъ. На бѣлоснѣжномъ личикѣ сіяли влажнымъ блескомъ темные, лучистые глаза. Выраженіе этого личика было серьезное, почти строгое,—и это особенно волновало Стефана.

Она пѣла безъ устали, какъ птичка, лишь на минутку останавливаясь передохнуть между двумя романсами. Личико ея оставалось все такимъ же блѣднымъ, но Стефану казалось, что по немъ разливается какое-то небесное сіяніе, и мнилось, что онъ слышитъ не только пѣніе ея, но и молчаніе ея нѣжной души... Музыка проникала въ его душу и превращала ее въ нарядный, праздничный залъ, залитый потоками свѣта...

Мессенджеръ пересталъ играть и молча сидѣлъ за роялемъ, держа руки на клавишахъ; дѣвушка также не трогалась съ мѣста. Въ комнатѣ было тихо, какъ въ церкви; старинная мебель свѣтлаго, полированнаго дерева стояла такая чинная и торжественная, словно настроенная въ одинъ тонъ съ ея хозяевами.

Наконецъ старикъ всталъ изъ-за рояля.

— Это все пѣсни Брамса,—пояснилъ онъ. — Сегодня мы подъ знакомъ святого Б. Мы съ ней никогда не условливаемся заранѣе насчетъ программы—это выясняется само собой, когда я только сажусь за рояль—вѣдь одна и та же рѣка несетъ наши челны...

Дѣвушка молча, безшумно вышла изъ комнаты. Мессенджеръ

погладилъ рукой свой широкій подбородокъ, потомъ провелъ ею по густымъ, пушистымъ локонамъ и таинственно шепнулъ:

— Надо вамъ знать, сударь мой, что это не она поетъ, а *что-то* въ ней поетъ—душа ея поетъ; разумъ же ея о томъ не знаетъ. Совсѣмъ, какъ съ матерью.

Онъ вынулъ изъ потайного кармана пиджака выцвѣтшій шелковый портфельчикъ, открылъ его и показалъ Стефану небольшой портретъ-пастель—очевидно, матери молодой дѣвушки. Сходство было поразительное: тѣ же черты, то же выраженіе—только прическа другая.

— Вотъ какая была ея мать. Не правда ли, малютка похожа на нее, какъ двѣ капли воды. Вотъ и мать также пѣла, съ такимъ выраженіемъ, что мнѣ каждый разъ страшно было за нее, что вотъ-вотъ сердце ея не выдержитъ и перестанетъ биться. Только у матери голосъ былъ совсѣмъ другой: сильный, звучный. Какая жалость, что у малютки такой крохотный голосокъ, не годится для сцены! Но зато, кто теперь поетъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ? Я не знаю другой такой пѣвицы.

Молодая дѣвушка снова вошла въ комнату.

— Папочка, ты бы прилегъ,—ты усталъ и привыкъ вздремнуть послѣ обѣда.

При этомъ она ласково погладила рукой его высокій, умный лобъ и пушистые, сѣдые локоны.

Мессенджеръ запротестовалъ-было, но гость поспѣшилъ поддержать хозяйку:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы непремѣнно должны прилечь, господинъ концертмейстеръ. Я никогда не простилъ бы себѣ, еслибъ вы изъ-за меня...

— Да ужъ иду, иду. Гдѣ ужъ старому скрипачу въ отставкѣ поступать по-своему!—отшучивался онъ.—У меня дочка строгая. Я у нея изъ повиновенія не выхожу.

Онъ засмѣялся, закашлялся и скрылся за дверью.

Оставшись наединѣ съ этой маленькой дѣвушкой, Стефанъ Гуллеръ, несмотря на свой высокій ростъ и мужественный видъ, сконфузился, какъ школьникъ. Въ первый разъ онъ видѣлъ, такъ близко возлѣ себя, молодую дѣвушку. До сихъ поръ онъ избѣгалъ женщинъ и, среди своихъ случайныхъ знакомыхъ, слылъ за это чудакомъ. Эти люди не знали его жизни—какъ же могли они читать въ его сердцѣ?.. Не сближайся съ женщиной, не вводи себя въ искушеніе—вотъ категорическій императивъ, которымъ онъ руководился.

И вотъ благодаря случайности, противъ своей воли, безъ всякихъ стараній со своей стороны онъ въ гостяхъ у этой дѣвушки...

Онъ тяжело дышалъ... Ему хотѣлось спросить, не въ родствѣ ли она съ Маргой Террекъ—быть можетъ, мать ея была сестрою маленькой венгерской танцовщицы—тогда все объясняется просто. Онъ уже успѣлъ многое подмѣтить въ ней, что изумляло его. Она была нѣжна, какъ любящая дочка, со старикомъ-отцомъ и однако же нахмурилась и бросила на него такой гнѣвный взглядъ, что старичокъ сразу съежился и присмирѣлъ, какъ побитая собачонка. Она умѣла быть высокомѣрной, какъ принцесса, и трогательно ангельски-нѣжной—какъ это все уживалось въ ней?

Теперь она сидѣла напротивъ него, сложивъ на колѣняхъ тоненькія ручки, и смотрѣла на него спокойно.

А онъ опять вглядывался въ это снѣжнобѣлое личико съ тоненькимъ, прямымъ носикомъ, подъ которымъ слегка темнѣлъ легкій пушокъ, въ загадочные, съ влажнымъ блескомъ, глаза и красиво очерченный ротъ, и сравнивалъ ее съ образомъ, который съ дѣтства жилъ въ его душѣ.

— Можно вамъ предложить одинъ вопросъ? — смущенно выговорилъ онъ.

Она кивнула головкой.

— Знакомо вамъ имя: Террекъ?

Она покачала головой отрицательно.

— Пожалуйста, припомните. Можетъ быть, вы съ материнской стороны въ родствѣ съ какой-нибудь венгерской семьей, носившей эту фамилію, или же—впрочемъ тутъ дѣло не въ фамиліи—у васъ вообще есть родственники въ Венгріи?

Его возбужденность, такъ странно противорѣчившая его обыкновенному, спокойному тону, изумила ее.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ никакихъ родственниковъ въ Венгріи. Предки моего отца были гугенотами, предки матери—выходцы изъ южной Италіи, но оба рода давно уже поселились въ Германіи и больше не уѣзжали отсюда.

— Я, собственно, затѣмъ и предложилъ вамъ этотъ вопросъ, чтобы объяснить вамъ мое странное поведеніе вчера вечеромъ. Когда я васъ увидѣлъ, передо мной съ пугающей отчетливостью всталъ образъ, мнѣ знакомый съ дѣтства. Это такая странная игра природы—въ жизнь свою не видалъ такого сходства...—Прошу васъ повѣрить мнѣ на слово.

— Я безусловно вѣрю вамъ.

Онъ изумленно посмотрѣлъ на нее.

— *Безусловно* не надо вѣрить никому; иначе вы рискуете пережить много печальныхъ разочарованій.

— Вы, должно быть, пережили много тяжелаго, если вы такъ говорите?

— Да... много...

— И все же я вѣрю вамъ на слово—вѣдь я давно васъ знаю.

— Я не понимаю васъ,—отвѣтилъ онъ, и что-то вродѣ испуга выразилось на его лицѣ.

— Въ этомъ я убѣждена. Вѣдь вы проходите мимо людей и не глядите на нихъ. У васъ шляпа надвинута на лобъ, руки прижаты къ туловищу и голова всегда немного наклонена впередъ— о, я знаю, я много разъ наблюдала за вами.

— Я не ненавижу людей, фрейлейнъ; у меня есть даже очень-очень дорогіе друзья; но вы правы: вообще я избѣгаю людей и избѣгаю знакомствъ.

— Я такъ и думала, когда смотрѣла съ нашего балкона, какъ вы уходите утромъ и возвращаетесь вечеромъ. Вы всегда спѣшите, идете такъ скоро-скоро. Да и съ друзьями вы, должно быть, не часто видитесь. Когда я поздно возвращаюсь домой, я всегда вижу свѣтъ въ окнѣ вашей комнаты. И думаю: «онъ занимается по цѣлымъ ночамъ, можетъ быть, у него даже кровати нѣтъ и онъ не знаетъ, что такое сонъ».

— Вы меня, какъ будто подъ микроскопомъ изучали.

Она вспыхнула и закивала головкой.

— Меня сердило, что вы и мимо меня проходите, не замѣчая меня—меня это страшно злило.

— Это не совсѣмъ вѣрно. Всякій разъ, когда вы пѣли, я слушалъ васъ съ глубокимъ наслажденіемъ. И именно потому, что я не зналъ въ лицо пѣвицы, звуки неслись ко мнѣ, какъ будто съ высоты, изъ поднебесья.

Она звонко разсмѣялась.

— Вы хотите сказать: изъ четвертаго этажа. О, простите, это у меня такъ сорвалось. Я очень горжусь тѣмъ, что вы это говорите. Отецъ увѣряетъ, что я только чирикаю. Онъ говоритъ, что если я вздумаю выступить публично, это будетъ концертъ комариняго пѣнія... Нѣтъ, нѣтъ отецъ совершенно правъ—у меня голосъ крохотный—разумѣется, въ вечерней тишинѣ можно послушать и его.

— Я слушалъ васъ съ глубокой радостью,—повторилъ онъ.

Она граціознымъ движеніемъ протянула ему руку и на этотъ разъ онъ взялъ ее, но лишь минуту подержалъ въ своихъ. Но онъ

видѣлъ, какъ дрожитъ ея рука, какъ ходуномъ ходятъ всѣ мускулы въ ея лицѣ.

Она какъ-то испуганно посмотрѣла на него и улыбнулась вымученною улыбкой. Больше она ничего не говорила, не предлагала никакихъ вопросовъ. Они сидѣли молча, окутанные тишиной, но оба дрожали мелкой внутренней дрожью, словно отъ озноба, и оба вздохнули свободнѣе, когда въ дверяхъ показался маленькій старичокъ, возставшій отъ сна, съ блаженной улыбкой на лицѣ, какъ у хорошо выспавшихся дѣтей.

Стефанъ поднялся съ мѣста.

— Ну, мнѣ пора.

— Подарите мнѣ еще пять минутъ, сударь—только пять минутъ; я не стану васъ задерживать—а ты садись скорѣе за рояль. Мнѣ захотѣлось сыграть вамъ одну маленькую вещицу, которую теперь не часто услышишь.

Онъ уже вынулъ изъ футляра скрипку, приложилъ къ плечу подушечку и раскрылъ на пюпитрѣ нотную тетрадь...

Но Стефанъ былъ разсѣянъ и почти не замѣчалъ его игры.

— Какое изящество! не правда ли? Это «Листокъ изъ Альбома» Рихарда Вагнера. Это совершенно въ духѣ Бюлова: закончить наше matinée или, вѣрнѣе, soirée,—потому что, я вижу, уже смерклось—Вагнеромъ. Къ этому прибавить нечего. Вамъ вѣдь извѣстно, сударь, какъ Бюловъ велъ себя по отношенію къ Вагнеру—онъ былъ не только великій музыкантъ, но и великій человѣкъ. Ну, а теперь, благодарствуйте, сударь!—Надѣюсь скоро снова увидѣть васъ у себя. Мое почтеніе.

Передъ Гаизой Шарлоттой Стефанъ Гуллеръ склонился безъ словъ, и она молча, легкимъ наклоненіемъ головы, отвѣтила на его поклонъ.

Темные глаза на бѣлоснѣжномъ личикѣ свѣтились какимъ-то загадочнымъ страхомъ.

— Да,—говорила она,—каждый божій день у меня шесть часовъ уроковъ—пѣнія—игры на рояли—какъ придется.

— Это должно быть страшно утомительно,—говорилъ Стефанъ, позднимъ осеннимъ вечеромъ шагавшій рядомъ съ своей маленькой сосѣдкой.

Это было съ недѣлю спустя послѣ достопамятнаго воскресенія, когда онъ пилъ кофе у Мессенджеровъ. Съ тѣхъ поръ они не видались, и сегодня случайно встрѣтились, когда онъ шелъ домой съ фабрики. И, если до сихъ поръ Стефану удавалось

избѣгать Гаизы,—сегодня это было совершенно невозможно, такъ какъ она замѣтила его и шла прямо къ нему, еще издали радостно кивая ему...

— Да, правда, это не легко,—говорила она.—Иной разъ я чувствую себя совсѣмъ усталой и разбитой — вѣдь это дѣйствуетъ на нервы. Но что подѣлаешь! Пенсія у папаши крохотная, а сбереженій тоже немного. Онъ, вѣдь, всегда былъ немного виверомъ,—прибавила она, плутовски улыбнувшись,—любилъ покушать и, вообще, имѣлъ аристократическія наклонности. А, послѣ того, какъ Бюловъ,—или, можетъ быть, Листъ,—не помню—угостилъ его раза два настоящими сигарами, дешевыя перестали ему нравиться. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ, какъ ему трудно было снова привыкать къ плохимъ сигарамъ. Ну, да вѣдь разъ въ году бываетъ Рождество и день его рожденія—я ужъ знаю, что подарить ему, чѣмъ его порадовать... Разумѣется, это не большая радость—давать уроки, и я даю ихъ не изъ любви къ искусству... Впрочемъ, утомляетъ больше всего не сама работа, а люди, отъ которыхъ приходится быть въ зависимости. Они требуютъ всегда привѣтливаго, улыбающагося лица и полнаго вниманія къ ихъ личнымъ интересамъ. Ну—человѣкъ привыкаетъ ко всему и пріучается каждому показывать именно то лицо, какое ему нужно. Простите, можетъ быть васъ раздражаетъ моя болтливость—но я такъ долго ждала васъ. Я думала, что вы все-таки подадите какой-нибудь признакъ жизни. Папаша ужъ совсѣмъ занервничалъ и непремѣнно хотѣлъ еще разъ нанести вамъ визитъ. Но я рѣшительно воспротивилась, стала на дыбы и ощетинилась,—а этого онъ боится, и онъ смирился.—Если онъ не приходитъ по собственному побужденію, значитъ, не хочетъ—и нечего надоѣдать ему. — Ну, теперь вамъ все извѣстно—а теперь я спрошу васъ: Почему вы такъ нехорошо поступаете съ нами? Развѣ вамъ было нехорошо у насъ? Мы васъ чѣмъ-нибудь обидѣли?

— Ничего подобнаго,—отвѣтилъ онъ просто и серьезно.—Я не хотѣлъ васъ больше видѣть.

— Ахъ, вотъ какъ! Вы не хотѣли меня больше видѣть.—Прекрасно! Очень вамъ благодарна, милостивый государь. Это называется: откровенно! Мнѣ бы только интересно было знать: что въ васъ больше развито—ваша невѣжливость, выражаясь мягко,—или ваша правдивость. Есть случаи, когда люди положительно предпочитаютъ правдѣ—ложь.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, такихъ случаевъ быть не должно.

— А все-таки они бываютъ. Но объ этомъ послѣ. Итакъ,

я могла бы успѣть превратиться въ каменную статую, прежде чѣмъ вы показались бы у насъ—ну, знаете, это безсовѣстно! А теперь, я еще разъ спрашиваю васъ: почему же вы больше не хотѣли меня видѣть?

— Прошу васъ, фрейлейнъ, не допытывайтесь; я не могу—не могу вамъ отвѣтить—повѣрьте мнѣ.

— Хорошо, я буду тиха, какъ мышка.

— Нѣтъ, я прошу васъ не объ этомъ; не перетолковывайте моихъ словъ.

— Вы говорили, что лгать никогда нельзя—а если я правдой могу погубить человѣка, который безъ нея, быть можетъ, былъ бы счастливъ.

— Не могу себѣ представить подобнаго случая. Ложь все равно всегда выйдетъ наружу, и пробужденіе ужасно.

— Уже правитель іудейскій, Понтій Пилатъ—видите какъ я хорошо знаю Библію—ставилъ вопросъ: что есть истина?

— У Пилата была совѣсть нечиста, оттого онъ и спрашивалъ. Каждому внутренній голосъ его говоритъ, въ чемъ истина. А когда человѣкъ не слушаетъ голоса своего сердца, который говоритъ ему громко и внятно—повѣрьте, милая фрейлейнъ, такіе голоса мы слышимъ не только въ болѣзненномъ возбужденіи, какъ говорятъ врачи,—когда онъ старается заглушить въ себѣ этотъ голосъ,—это грѣхъ не противъ Бога, но противъ собственной души.

— Не противъ Бога?

— Нѣтъ, потому что я самъ Богъ. Ахъ, милая фрейлейнъ не издѣвайтесь надо мной. Это вовсе не самомнительность—совсѣмъ напротивъ. Именно потому, что человѣкъ—такое несовершенное существо,—самыя свои глубокія, святыя чувства, которыхъ онъ не въ состояніи выразить, онъ воплотилъ въ образѣ «Бога» и цѣпляется за этого бога, какъ утопающій за соломинку. Я хочу сказать, что Богъ во мнѣ, но не внѣ меня, какъ нѣчто такое, что я могу постигнуть мыслью.

Она почему-то вздохнула съ облегченіемъ.

— Ахъ, такъ вотъ надъ какими вопросами вы ломаете себѣ голову по ночамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я отнюдь не склоненъ къ размышленію, Я, правда, люблю книги, но мыслю такъ сказать изъ вторыхъ рукъ. У меня есть два необыкновенныхъ друга, которые, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, выражаясь коммерческимъ языкомъ, поставляютъ мнѣ мой умственный багажъ. Самъ я человѣкъ простой, малосвѣдущій, и не хотѣлъ бы, чтобы вы имѣли обо мнѣ ложное представленіе.

— Не все ли вамъ равно? Вѣдь вы же избѣгали меня, выбросили меня изъ головы...

— Въ первомъ я уже вамъ сознался; второе не вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ—я *пытался* это сдѣлать, но сихъ до поръ это мнѣ не вполнѣ удалось.

— Ахъ, вотъ какъ! вамъ это не удалось?

—Не вполнѣ, фрейлейнъ Мессенджеръ.

Онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ.

— Такъ значитъ: не вполнѣ—ну что-жъ, и это утѣшительно. А я ужъ-было совсѣмъ извѣрилась въ себя и потеряла самоуваженіе. Да-съ, милостивый государь, не отрицаю, я самымъ серьезнымъ образомъ подходила къ зеркалу и, какъ Бѣлоснѣжка, спрашивала: «Ты мнѣ, зеркальце, скажи»—только дальше было немножко по-другому.

— Какъ же было дальше?

Онъ спросилъ и сейчасъ же пожалѣлъ, зачѣмъ спросилъ.

— Неужели ужъ я такой уродъ, что этотъ высокій господинъ, который живетъ подъ нами, не удостаиваетъ меня даже взглядомъ.

Онъ густо покраснѣлъ, но она, не смущаясь, продолжала:

— Зеркальце категорически отвѣчало: нѣтъ. Ну, хорошо, тогда у меня изуродованная, значитъ, душа, которая отталкиваетъ его?

Онъ качалъ головою.

— Зачѣмъ вы мучаете меня, фрейлейнъ?

У нея вдругъ лицо стало печальное, растерянное и безпомощное.

Онъ же упорно молчалъ—зачѣмъ ей знать, что происходитъ въ его душѣ?..

Сами того не замѣчая, они шли по Императорской аллеѣ. Передъ ними разстилался старый фруктовый садъ.

— Мнѣ ужасно пить хочется,—рѣшительно сказала Гаиза,—угостите меня чѣмъ-нибудь.

Онъ кивнулъ головой и прошелъ немного впередъ. Потихоньку отъ него она вынула тонкій батистовый платочекъ и торопливо вытерла влажный лобъ.

Въ саду было пусто, но изъ павильона доносился веселый говоръ голосовъ и музыка.

— Сядемте здѣсь.

Онъ кивнулъ кельнеру.

Тотъ принесъ золотистый рейнвейнъ и Стефанъ налилъ себѣ и дѣвушкѣ полные бокалы.

— Выпьемте за нашъ миръ, фрейлейнъ Гаиза.

Она подняла бокалъ и посмотрѣла на него большими, огорченными глазами.

— За нашъ миръ? Что вы хотите этимъ сказать?

— За тотъ миръ душевный, котораго желаетъ себѣ каждый человѣкъ.

— Благодарю. Значитъ, я совершенно не поняла васъ. Я думала, что вы говорите о примиреніи между вами и мною.

— Я и это имѣлъ въ виду.

— Извините, но мира я съ вами заключать не стану. Между нами война на ножахъ. Посмотримъ, кто останется побѣдителемъ. Недобросовѣстнаго мира я не желаю заключать.

— Но чокнуться все-таки можно?

— Чокнуться можно.

Стаканы звякнули; грудь дѣвушки высоко вздымалась— неожиданно въ стаканъ ея скатилась слеза.

— Помоги мнѣ, Боже!—тихо молился Стефанъ.

И все-таки пошелъ вслѣдъ за Гаизой въ залъ, гдѣ весело кружилися танцующія пары.

— Протанцуйте со мной, ну, пожалуйста!

— Я никогда въ жизни не танцовалъ, фрейлейнъ Гаиза.

— Ну такъ пусть сегодня будетъ первый разъ.

— Нѣтъ, милая фрейлейнъ, этого я не могу.

Она опустила головку; руки ея вяло упали вдоль тѣла и ноги словно приросли къ мѣсту.

Къ ней подошелъ высокій молодой человѣкъ и пригласилъ ее. Она скорбно посмотрѣла на Стефана и пошла съ нимъ.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ—она точно плавала въ воздухѣ, не касаясь пола.—«Какъ травка, которую колышетъ вѣтеръ», — подумалъ онъ. И стиснулъ руки такъ, что ногти впились въ ладони. Ему казалось, что вся кровь прихлынула у него отъ сердца къ головѣ. И вдругъ онъ замѣтилъ, какъ она пошатнулась и безшумно упала на полъ. Онъ моментально очутился возлѣ нея и поднялъ ее. Она смотрѣла на него мрачно, сдвинувъ брови.

— Вамъ дурно, фрейлейнъ? Пожалуйста, возьмите меня подъ руку, обопритесь на меня.

Она улыбнулась и взяла его подъ руку.

Такъ они вернулись въ садъ.

— Пройдемтесь разокъ-другой, — тихо попросила она.— Это такой красивый, старый садъ.

— Слушаю, фрейлейнъ.

Больше онъ ничего не сказалъ и лишь немного погодя спросилъ:

— Ну что? теперь лучше вамъ?

Она покачала головой и отвѣтила съ выраженіемъ, взволновавшимъ его:

— У меня сердце болитъ, господинъ Гуллеръ.

— Сердце болитъ,—повторилъ онъ мысленно—и впервые передъ нимъ раскрылся смыслъ этого слова.

Знаетъ ли эта маленькая дѣвушка, какъ у него самого болитъ сердце?...

Они снова сидѣли за столомъ, чокались полными бокалами, и Гаиза Шарлотта, глубоко заглядывая въ глаза своему кавалеру, стараясь разгадать этого непонятнаго ей человѣка,—говорила:

— Такъ, господинъ Гуллеръ; а теперь мнѣ хотѣлось бы спросить васъ обо одной вещи, которая уже давно меня интересуетъ. Скажите, почему васъ такъ пугаетъ мое лицо?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Я зналъ ребенкомъ дѣвушку, которая была похожа на васъ, какъ двѣ капли воды, и эта дѣвушка—немного любила меня. Это время было самое тяжелое въ моей жизни—оно прошло, но мнѣ и теперь мучительно думать о немъ. Когда я увидалъ ваше лицо, мнѣ все вспомнилось опять съ такой ужасающей ясностью...

— Эта дама заставила васъ страдать?—тихо спросила она.

— О нѣтъ! Она всегда была грустна, я не видалъ ее смѣющеюся, но ко мнѣ она всегда была очень добра.

— Ахъ, вотъ это хорошо!—Она вздохнула съ облегченіемъ.

— Ну, теперь пойдемте домой—уже стемнѣло, папа навѣрно безпокоится.

Осенніе, желтые листья шуршали подъ ногами, вечерній вѣтеръ свисталъ въ вершинахъ деревьевъ.

— Мнѣ холодно,—сказала она, какъ бы нечаянно беря его подъ руку и крѣпко прижимаясь къ нему. Она едва доходила ему до плеча.

Они не говорили ни слова, но каждый слышалъ біеніе сердца другого. Когда они подошли къ дому, входная дверь была уже заперта.

— Ради Бога, не надо свѣта!—испуганно взмолилась она, когда онъ вынулъ изъ кармана электрическій фонарь.

На лѣстницѣ она вдругъ остановилась, и ему показалось, что она приподнялась на цыпочки.

— Слушайте,—шепнула она.—Вы же сами сказали, что

каждому человѣку его внутренній голосъ подсказываетъ, въ чемъ правда—не такъ ли? Ну, хорошо, такъ вотъ вамъ правда: я люблю васъ и чувствую, что вы меня тоже любите—да или нѣтъ?

— Да, я люблю васъ,—выговорилъ онъ и тяжело вздохнулъ. Потомъ схватилъ ея руки и такъ сильно сжалъ ихъ, что она едва не вскрикнула отъ боли—ну вотъ, я сказалъ вамъ правду—но теперь я не хочу больше видѣть васъ—не хочу слышать о васъ...

Тихій и радостный смѣхъ донесся до него, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, дѣвушки уже не было.

И въ темнотѣ онъ стоялъ, прижимая руки къ вискамъ—долго... долго.

Въ эту ночь Стефанъ Гуллеръ не раздѣвался вовсе—онъ укладывалъ свои вещи.

Рано утромъ онъ позвалъ хозяйку, у которой снималъ двѣ комнаты, и объявилъ ей, что онъ сегодня-же уѣзжаетъ.

Та только глаза раскрыла—она сначала думала, что онъ шутитъ. Но, увидавъ завязанные чемоданы, громко разревѣлась и начала допытываться, чѣмъ она ему не угодила.

Стефанъ Гуллеръ съ трудомъ успокоилъ ее. Самъ измученный и изстрадавшійся, онъ еще долженъ былъ утѣшать, увѣряя, что онъ совершенно неожиданно получилъ командировку за границу и даже не знаетъ, насколько времени—на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ,—а можетъ быть, и на цѣлый годъ. Во всякомъ случаѣ, заранѣе этого сказать нельзя, и ему необходимо ликвидировать здѣсь всѣ свои дѣла. Впрочемъ, онъ ужъ постарается рекомендовать ей изъ своихъ сослуживцевъ какого-нибудь хорошаго жильца—и ужъ, конечно, вознаградитъ ее за тѣ убытки, которые ей доставляетъ его неожиданный отъѣздъ.

Хозяйка вытирала слезы синимъ передникомъ и, всхлипывая, косилась на золотую монету, положенную на столѣ.

Наконецъ, она ушла, и съ опущенной головой, разбитый, измученный, онъ покинулъ домъ, гдѣ расцвѣла его душа.

Въ этотъ день онъ позже обыкновеннаго пришелъ на службу, потому что не успокоился, пока не нашелъ себѣ комнату въ другой части города—и тутъ произошло нѣчто необычайное, что онъ невольно принялъ за указаніе свыше, за перстъ Судьбы.

Директоръ призвалъ его къ себѣ и спросилъ—не можетъ

ли онъ немедленно, т. е. сегодня же, поѣхать въ Копенгагенъ. Нужно было спѣшить, чтобы не потерять крупнаго заказа, который, если они упустятъ время, достанется другимъ.

— Мои чемоданы уложены, господинъ директоръ—я могу ѣхать въ любой моментъ,—отвѣтилъ онъ.

— Тогда поѣзжайте сегодня же вечеромъ, господинъ Гуллеръ.

— Слушаю, господинъ директоръ.

— Если дѣло скоро устроится, вы, можетъ, еще проѣдете въ Стокгольмъ посмотрѣть, не найдется ли тамъ чего-нибудь для насъ. Я полагаю, и вамъ недурно выйти денька на два изъ обычной колеи.

Стефанъ кивнулъ головой и уже повернулся, чтобъ идти, когда директоръ снова окликнулъ его.

— Васъ что-нибудь удручаетъ, господинъ Гуллеръ?—Не могу ли я быть вамъ полезенъ? Послѣднее время вы мнѣ что-то не нравитесь. Я вовсе не желаю вмѣшиваться въ ваши дѣла, но за послѣдніе дни вы сильно измѣнились, чѣмъ-то озабочены—это сразу чувствуется.

Директоръ смотрѣлъ на него добрыми глазами, въ которыхъ свѣтилось не только участіе, но и неподдѣльное уваженіе къ выдающимся способностямъ и характеру Стефана. И Стефанъ ясно чувствовалъ это.

— Господинъ директоръ,—отвѣтилъ онъ,—мои заботы, во всякомъ случаѣ, чисто-личнаго свойства—и въ данный моментъ для меня прямо благодѣяніе, что я могу на нѣсколько дней уѣхать отсюда.

Лицо у него было усталое и измученное. Директоръ внимательно смотрѣлъ на него.

— Незачѣмъ и говорить вамъ, что я всегда въ вашемъ распоряженіи.

Стефанъ съ благодарностью поклонился.

Директоръ протянулъ ему руку на прощаніе и, на этотъ разъ пожатіе было особенно сердечное.

И все же, на душѣ у Стефана не стало легче. Ну, хорошо, онъ уѣдетъ, но вѣдь его тоска всюду пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ—отъ этой боли ему никуда не уйти, хотя бы онъ уѣхалъ даже на край свѣта. На минуту у него мелькнула мысль—довѣриться поэту и посовѣтоваться съ нимъ, но эту мысль онъ сейчасъ же отогналъ.

Онъ долженъ одинъ изжить все это; помочь ему никто не можетъ—да и какъ тутъ помочь. Онъ далъ клятву отцу, и эта

клятва для него священна, отъ этой клятвы отрѣшить его никто не въ правѣ. До сихъ поръ онъ пугливо избѣгалъ женщинъ, и вотъ, первая же, подошедшая къ нему близко, захватила его цѣликомъ. Онъ горько засмѣялся про себя. Любовь и музыка хлынули волной въ его душу и растопили ледъ, и душа его расцвѣла. А теперь надо преодолѣть себя, надо самому задушить свое счастье, какъ покинутая мать душитъ тайкомъ свое новорожденное дитя—или со слезами подкидываетъ его кому-нибудь, потому что ея счастье незаконное и люди не дозволяютъ ей быть счастливой... Вотъ такъ и у него нѣтъ правъ на счастье, потому что онъ связанъ клятвой, данной въ великую, торжественную минуту,—и долженъ сдержать эту клятву, чтобы не посрамить памяти отца.

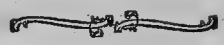
А между тѣмъ образъ Гаизы неотступно стоялъ передъ нимъ. Онъ видѣлъ ея темные, лучистые глаза, слышалъ ея голосъ; вѣтеръ точно доносилъ отзвукъ ея серебристаго смѣха. Все равно, онъ будетъ вѣренъ своему жребію, оттолкнетъ отъ себя свое счастье, задушитъ его своими руками и одиноко будетъ влачить бремя жизни.

Фридрихъ Гуллеръ, я чту твою память—и если даже я издохну съ горя, какъ осиротѣвшій песъ—все-таки, я чту твою память...

Въ ту же ночь Стефанъ уѣхалъ въ Копенгагенъ.

Съ нѣм. пер. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ).



ВИДИМАЯ ЗАКОННОСТЬ И СКРЫТОЕ УСМОТРѢНІЕ.

Къ конфликту с.-петербургскаго университета съ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

I.

Университетскій уставъ 1884 г, какъ извѣстно, насквозь пропитанъ недовѣріемъ къ профессурѣ. Отъ всего, отъ чего только можно было, ее отстранили. Во главѣ университетовъ были поставлены попечители округовъ, которымъ были предоставлены самыя широкія полномочія во всѣхъ областяхъ университетской жизни. Попечителю непосредственно были подчинены ректоръ и правленіе, которымъ была ввѣрена административная и хозяйственная часть. Какъ ректоръ, такъ и всѣ члены правленія (деканы факультетовъ и инспекторъ студентовъ), назначались непосредственно высшей властью, безъ всякаго участія факультетовъ и совѣта. Во главѣ факультетовъ были поставлены деканы по назначенію; даже завѣдываніе факультетскимъ дѣлопроизводствомъ ввѣрялось назначеннымъ (изъ профессоровъ) секретарямъ факультетовъ. Производство испытаній (кромѣ испытаній на ученыя степени и т. н. повѣрочныхъ испытаній) было возложено на особыя испытательныя комиссіи, предсѣдатели и члены которыхъ назначались непосредственно министромъ. Завѣдываніе дѣлами студентовъ принадлежало, особо назначенному, инспектору студентовъ, который подчинялся не ректору, а попечителю; дисциплинарная власть надъ студентами была распредѣлена между инспекторомъ, ректоромъ и правленіемъ. Что касается порядка замѣщенія должностей профессоровъ, то онъ вполнѣ зависѣлъ (и продолжаетъ зависѣть) отъ усмотрѣнія министра: по-

слѣдній можетъ либо прибѣгнуть къ непосредственному назначенію, либо предоставить университету объявлять конкурсы на освободившіяся каѳедры, (чего на практикѣ, до назначенія Министромъ Нар. Просвѣщенія ген.-ад. П. С. Ванновскаго, тщательно избѣгали).

Оставалась одна часть, отъ которой, къ сожалѣнію, никакъ уже нельзя было отстранить профессоровъ: мы имѣемъ въ виду самое преподаваніе. Положеніе министерства нар. просвѣщенія при разработкѣ проекта устава было въ этомъ отношеніи по истинѣ трагическое. Съ одной стороны, реальная опасность въ смыслѣ возможности распространенія тлетворныхъ теорій всякаго рода среди учащейся молодежи скрывалась именно здѣсь; съ другой стороны, безъ преподаванія немыслимы самые университеты—это было ясно даже для гр. Д. А. Толстого. Надо было отыскать какой-нибудь компромиссъ. Въ поискахъ его не во всемъ сказалась счастливая (съ точки зрѣнія преслѣдовавшихся министерствомъ цѣлей) рука. Наряду съ такими «реальными» мѣрами, какъ изъятіе извѣстныхъ наукъ, (напр. государственнаго права иностранныхъ державъ), требованіе представленія на утвержденіе министерства не только общихъ учебныхъ плановъ, но и ежегодно составляемыхъ обозрѣній преподаванія, предоставленіе министерству составленія однообразныхъ казенныхъ программъ, и т. п.,—составители устава, между прочимъ, остановились на мысли о желательности сломить монополію преподаванія, какою пользовались профессора по уставу 1863-го года. На этой почвѣ у у нихъ зародилась мысль о введеніи «свободы преподаванія» и свободы ученія.

Вотъ что мы по этому поводу читаемъ въ оффиціальномъ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1884 г. [1]): «учебную часть въ университетахъ бывшій министръ нар. просвѣщенія признавалъ необходимымъ организовать на совершенно новыхъ основаніяхъ, а именно, на началахъ свободы преподаванія и ученія, столь успѣшно примѣняемыхъ въ германскихъ университетахъ». Тутъ же поясняется, въ чемъ, якобы, заключается сущность свободы преподаванія въ Германіи: въ томъ, что «чтеніе лекцій по извѣстной наукѣ не составляетъ монополіи лица, занимающаго соотвѣтствующую каѳедру, а можетъ быть предпринимаемо и другими преподавателями». Дальше отчетъ продолжаетъ: «сообразно упомянутымъ двумъ основнымъ

---

[1]) Этотъ отчетъ воспроизводитъ всѣ стадіи прохожденія устава 1884 г., начиная съ первоначальнаго проекта и объяснительной записки, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ гр. Д. А. Толстымъ въ 1880 г. Тотъ же проектъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, въ 1882 г. былъ вновь внесенъ въ Госуд. Совѣтъ И. Д. Деляновымъ.

началамъ, д. т. с. гр. Толстой предполагалъ:.. в) предоставить каждому профессору читать лекціи и объявлять практическія занятія не только по предметамъ, входящимъ въ составъ науки, которой онъ числится штатнымъ преподавателемъ, но и по другимъ предметамъ; д) предоставить студентамъ, если предметъ читается нѣсколькими преподавателями, слушать того изъ нихъ, кого они пожелаютъ».

Какъ явствуетъ изъ приведенныхъ цитатъ, свобода преподаванія понималась составителями устава 1884 г. весьма упрощенно,— не въ смыслѣ устраненія всякаго вмѣшательства въ содержаніе того, что составляетъ предметъ преподаванія въ университетѣ (въ этомъ отношеніи, напротивъ, не знали и не признавали никакихъ границъ), а исключительно въ смыслѣ права профессоровъ и другихъ преподавателей конкуррировать другъ съ другомъ въ чтеніи лекцій. Зато въ указанномъ смыслѣ свобода преподаванія и ученія была проведена весьма послѣдовательно. Въ связи съ нею стоитъ и предоставленіе приватъ-доцентамъ права объявлять конкуррирующіе, такъ называемые параллельные курсы, и введеніе т. н. гонорарной системы. Тѣсная связь, существующая между этими моментами, неоднократно подчеркивается, какъ въ цитированномъ нами отчетѣ, такъ и въ матеріалахъ, послужившихъ непосредственными источниками при составленіи его, именно въ (рукописномъ) журналѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта отъ 29 мая 1884 г. и въ «выпискѣ» изъ означеннаго журнала. Такъ, въ отчетѣ Гос. Совѣта, по поводу платы за слушаніе лекцій, говорится: «въ виду предположенія о введеніи свободы преподаванія и приватъ-доцентуры, признано было необходимымъ измѣнить систему исчисленія упомянутыхъ взносовъ», (т. е. платы за ученіе, въ смыслѣ расчлененія ея на плату въ пользу университета и гонораръ). Въ другомъ мѣстѣ отчета мы читаемъ: «министерство, установляя свободу преподаванія, желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать возможному его улучшенію, возбуждать или поддерживать въ профессорахъ энергію и стремленіе двинуть науку впередъ, *создавая для профессоровъ конкурренцію по преподаваемымъ ими предметамъ въ лицѣ приватъ-доцентовъ и другихъ преподавателей*, которымъ предоставляется право читать лекціи и по предметамъ, не входящимъ въ составъ ввѣренной каждому каѳедры».

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ стоитъ и «свобода ученія», относительно которой отчетъ говоритъ: «вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ студентамъ имѣется въ виду предоставить нѣсколько большій просторъ въ ихъ занятіяхъ наукою, дозволеніемъ, въ томъ случаѣ, если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣ-

сколькими лицами, обучаться у того изъ преподавателей, у кого они сами желаютъ».

Указанныя начала «свободы преподаванія» и «свободы ученія» никакихъ возраженій при прохожденіи проекта устава черезъ соединенные департаменты законовъ и экономіи и общее собраніе Государственнаго Совѣта не встрѣтили. Принципіальныя разногласія, поскольку они обнаружились, касались совсѣмъ иныхъ вопросовъ. Мало того: Государственный Совѣтъ при проведеніи этихъ началъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошелъ еще дальше первоначальныхъ предположеній министерства. Въ частности, это сказалось на окончательной формулировкѣ ст. 73 нынѣ дѣйствующаго Устава.

Эта статья въ вопросѣ о свободѣ преподаванія и свободѣ ученія (если понимать эти «свободы» такъ, какъ ихъ понимали составители устава) имѣетъ основное значеніе. Она устанавливаетъ, какъ право приватъ-доцентовъ объявлять, наряду съ профессорами, параллельные курсы (свободу преподаванія или, вѣрнѣе, свободу конкурренціи преподавателей), такъ и право студентовъ слушать того изъ преподавателей, читающихъ параллельные курсы, кого они сами пожелаютъ (свободу ученія). Въ окончательной редакціи эта статья гласитъ: «*если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ*». Замѣтимъ, что первоначальная редакція этой статьи (которая въ первоначальномъ проектѣ гр. Д. А. Толстого составляла § 69) была нѣсколько иная; въ ней говорилось слѣдующее: «если предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать того изъ нихъ, кого онъ пожелаетъ; но *если приватъ-доцентъ, читающій таковыя лекціи, не имѣетъ степени магистра или доктора, то для зачета ихъ студентамъ, требуется разрѣшеніе факультета*». Итакъ, первоначально предполагалось установить ограничительную оговорку относительно значенія курсовъ, объявляемыхъ приватъ-доцентами, *не имѣющими ученой степени*. Соединенные департаменты, однако, исключили эту оговорку: въ проектѣ, измѣненномъ по заключеніямъ департаментовъ, соотвѣтствующій параграфъ уже изложенъ въ редакціи, тождественной съ редакціей нынѣшней статьи 73 Устава.

Можно спорить de lege ferenda, были ли правы соединенные департаменты, провозглашая начало равноцѣнности всѣхъ безъ исключенія паралельныхъ курсовъ, хотя бы даже курсъ былъ объя-

вленъ приватъ-доцентомъ, не имѣющимъ ученой степени. Но во всякомъ случаѣ de lege lata внѣ спора, что настоящая статья трактуетъ не только о профессорахъ, но и о приватъ-доцентахъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта статья въ той редакціи которую ей придалъ Государственный Совѣтъ, еще расширила права приватъ-доцентовъ по сравненію съ первоначальными предположеніями министерства.

Къ сказанному остается прибавить, что во всемъ уставѣ 1884 г. вообще нѣтъ ни одной статьи, которая устанавливала бы какія-либо ограниченія приватъ-доцентовъ въ отношеніи права читать любые курсы. Да оно и понятно.

Было бы, конечно, ошибочно думать, что министерство гр. Толстого, а позднѣе — министерство И. Д. Делянова стремилось создать дѣйствительно самостоятельный, независимый институтъ приватъ-доцентуры. Объ этомъ такъ же мало заботились, какъ и о дѣйствительной свободѣ преподаванія. Мало того: этого прямо опасались и противъ этого принимали самыя рѣшительныя мѣры, вплоть до возложенія на декановъ и ректоровъ наблюденія за преподаваніемъ приватъ-доцентовъ, съ тѣмъ, чтобы эти лица, «въ случаѣ преподаванія, не соотвѣтствующаго достоинству предмета или имѣющаго вредное направленіе», представляли попечителю объ устраненіи отъ преподаванія такихъ приватъ-доцентовъ (ст. 111 ун. уст.). Не о проведеніи начала свободы преподаванія думали, допуская конкурренцію въ дѣлѣ преподаванія приватъ-доцентовъ съ профессорами: этимъ путемъ надѣялись упрочить совсѣмъ иное начало—начало divide et impera. Создать на мѣстахъ кадры не только зависимыхъ, но и постоянно чувствующихъ свою зависимость отъ министерства лицъ, изъ-за конкурренціи недоброжелательно другъ къ другу настроенныхъ и другъ за другомъ слѣдящихъ, облегчить этимъ для центральной власти добываніе свѣдѣній относительно хода преподаванія въ университетахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность замѣны неблагонадежныхъ элементовъ благонадежными,—вотъ что рисовалось въ перспективѣ, вотъ для чего нужно было допустить эту конкурренцію.

Къ счастью и къ чести русской науки, результаты на практикѣ получились иные, чѣмъ ожидалось. Въ частности, институтъ приватъ-доцентуры въ цѣломъ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, не сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства. Представители власти и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, не приняли во вниманіе моральныхъ элементовъ: того идеализма и глубокой преданности дѣлу науки и просвѣщенія, которыми живетъ и держится университетская среда и которые, несмотря на колебанія и даже

паденія отдѣльныхъ лицъ, въ цѣломъ даютъ ей все новыя силы бороться съ вольными и невольными врагами просвѣщенія, которыхъ такъ много создало и продолжаетъ создавать наше переходное время.

II.

Уже вскорѣ послѣ введенія университетскаго устава 1884 г. началась ломка его. Она коснулась прежде всего экзаменаціонной системы устава. Полное изъятіе производства экзаменовъ изъ рукъ профессуры, съ возложеніемъ этого дѣла на особыя испытательныя комиссіи, оказалось неосуществимымъ на практикѣ: не только недоставало спеціалистовъ и приходилось назначать членами испытательныхъ комиссій при отдѣльныхъ университетахъ тѣхъ же профессоровъ—пришлось пойти дальше и возстановить въ 1889 г., на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, на всѣхъ факультетахъ и прежніе переходные экзамены, существовавшіе при дѣйствіи устава 1863 г., подъ названіемъ полукурсовыхъ испытаній.

Въ дальнѣйшемъ былъ произведенъ рядъ существенныхъ измѣненій въ постановкѣ административной части университетовъ. Отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя и наиболѣе глубоко расходящіяся съ основными тенденціями устава перемѣны. Въ 1902 г. были изданы Выс. утв. временныя правила о (выборномъ) профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, который замѣнилъ собою установленный уставомъ судъ правленія по дисциплинарнымъ дѣламъ студентовъ. Далѣе, на основаніи Высоч. Указа отъ 27 августа 1905 г. должности ректоровъ, декановъ и секретарей факультетовъ стали выборными, инспекторъ студентовъ былъ непосредственно подчиненъ ректору, и вмѣстѣ съ тѣмъ права университетскихъ совѣтовъ въ вопросахъ административныхъ были расширены. Наконецъ, на основаніи изданнаго, въ порядкѣ ст. 87 осн. зак., положенія совѣта министровъ отъ 14 сентября 1906 г., должность инспектора студентовъ была упразднена и взамѣнъ ея введена должность проректора, избираемаго изъ профессоровъ.

Таковы важнѣйшія измѣненія, внесенныя въ самый уставъ 1884 г., частью въ порядкѣ законодательномъ, частью (какъ правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ) въ порядкѣ верховнаго управленія (поскольку вообще, въ примѣненіи къ до-конституціонному времени, можно различать оба порядка).

Наряду съ этимъ, начиная съ 1901 г. (министерства ген.-ад. П. С. Ванновскаго), шли перемѣны, коснувшіяся такихъ сторонъ университетской жизни, которыхъ уставъ 1884 г. непосредственно

вовсе не затрагивалъ или которыхъ онъ ближе не регламентировалъ, предоставляя въ этомъ отношеніи широкій просторъ практикѣ или, вѣрнѣе, министерскому усмотрѣнію: сюда относятся, между прочимъ, вопросы, касающіеся системы преподаванія, а также вопросы, связанные съ внутренней организаціей студенчества, въ частности, съ правомъ студентовъ образовывать студенческія организаціи и устраивать студенческія собранія. Мы въ настоящей статьѣ не имѣемъ возможности ближе коснуться этой, весьма важной стороны дѣла, и напомнимъ лишь о тѣхъ перемѣнахъ въ положеніи студенчества, которыя произошли въ связи съ признаніемъ за ними, на основаніи ряда изданныхъ въ порядкѣ верховнаго управленія распоряженій, частью дополняющихъ, частью ограничивающихъ другъ друга, права составлять студенческія общества и устраивать собранія.

Одно лишь изъ всѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ былъ построенъ уставъ 1884 г., осталось нетронутымъ. Это—начало свободы преподаванія и свободы ученія, понимаемое, какъ мы видѣли, въ смыслѣ права университетскихъ преподавателей, (какъ профессоровъ, такъ и приватъ-доцентовъ), объявлять конкуррентные или параллельные курсы, и права студентовъ, если одинъ и тотъ-же предметъ читается нѣсколькими преподавателями, слушать того изъ нихъ, кого они сами пожелаютъ. По этому вопросу имѣется цѣлый рядъ циркулярныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія, начиная съ 1885 г. и кончая послѣднимъ временемъ, разъясняющихъ отдѣльныя стороны этого вопроса и, въ частности, предѣлы правъ факультетовъ по отношенію къ приватъ-доцентамъ. Въ декабрѣ 1885 г. И. Д. Деляновъ писалъ, что факультеты не должны стѣснять «преподавателей, и штатныхъ и приватъ-доцентовъ, въ объявленіи лекцій и практическихъ упражненій, какъ особыхъ, такъ и параллельныхъ съ объявленными другими преподавателями», присовокупляя къ этому, что «по отношенію къ зачету полугодій, преподаваніе приватъ-доцентовъ принимается въ соображеніе въ той же силѣ и въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и преподаваніе штатныхъ преподавателей». Въ томъ же циркулярѣ министръ обязывалъ факультеты, разъ данное лицо удовлетворяетъ формальнымъ условіямъ для допущенія къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента, принимать его въ составъ приватъ-доцентовъ безъ дальнѣйшаго обсужденія его научныхъ и преподавательскихъ достоинствъ, считая достаточной гарантіей то обстоятельство, что «приватъ-доцентъ, не получающій вознагражденія, кромѣ гонорара... подвергается весьма трудному искусу тѣмъ, что долженъ собрать аудиторію слушателей, безъ принужденія пришедшихъ и платящихъ». На этой почвѣ въ дальнѣйшемъ возникли тренія: отдѣльные факультеты стали настаивать на своемъ правѣ

подвергать обсужденію вопросъ о желательности допущенія тѣхъ или иныхъ лицъ въ составъ приватъ-доцентуры, въ особенности поскольку дѣло шло о лицахъ, не имѣющихъ ученыхъ степеней, относительно научной подготовленности которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ возникали сомнѣнія. Главнымъ поводомъ къ возбужденію такихъ сомнѣній служило именно то обстоятельство, что даже приватъ-доцентъ, не имѣющій ученой степени (а лишь сдавшій магистерскій экзаменъ и прочитавшій двѣ пробныя лекціи), будучи разъ допущенъ къ чтенію лекцій, можетъ объявлять какіе угодно общіе и спеціальные курсы по избранной имъ спеціальности, такъ какъ уставъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій не устанавливаетъ. Этимъ теченіемъ воспользовалось министерство Н. П. Боголѣпова, который въ 1898-мъ году издалъ извѣстный циркуляръ, имѣвшій цѣлью «подтянуть» приватъ-доцентуру. Въ этомъ циркулярѣ, наряду съ указаніемъ на то, что деканъ и ректоръ должны имѣть постоянное наблюденіе за преподаваніемъ приватъ-доцентовъ, министръ разъяснилъ, что «по смыслу ст. 66 и 100 устава университетовъ, факультеты *обязаны* тщательно обсуждать научную подготовленность каждаго лица, ищущаго званія приватъ-доцента».

За всѣмъ тѣмъ, и Н. П. Боголѣповъ былъ далекъ отъ мысли оспаривать право приватъ-доцентовъ читать любые, а въ томъ числѣ и параллельные курсы по избранной ими спеціальности. Этого права министръ отнюдь не оспаривалъ: напротивъ, онъ изъ него исходилъ, какъ это явствуетъ изъ прямой ссылки, которая содержится въ его циркулярѣ на вышеупомянутый циркуляръ И. Д. Делянова.

То же слѣдуетъ сказать и про преемниковъ Н. П. Боголѣпова. Было среди нихъ расхожденіе во взглядахъ на роль и значеніе приватъ-доцентуры, но никому изъ нихъ въ голову не приходило оспаривать санкціонированное статьею 73 унив. устава право приватъ-доцентовъ на чтеніе не только спеціальныхъ, но и общихъ параллельныхъ курсовъ по избранной ими спеціальности. Достаточно сослаться въ этомъ отношеніи на объяснительную записку къ проекту новаго унив. устава, внесеннаго въ Государственную Думу непосредственнымъ предшественникомъ нынѣшняго министра нар. просвѣщенія, А. Н. Шварцемъ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, говорится: «не принесъ ожидаемой пользы и установленный уставомъ 1884 г. *принципъ конкурренціи между преподавателями.* По дѣйствующему нынѣ уставу, если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ нихъ, у кого онъ самъ пожелаетъ». Указавъ дальше, что въ связи съ этимъ «составителями устава обращено было вни-

маніе... *на развитіе приватъ-доцентуры*, какъ института, способнаго служить источникомъ постояннаго *обновленія* и *усиленія* преподавательскаго состава въ университетахъ», записка отмѣчаетъ, почему не оправдались связанныя съ введеніемъ принципа конкурренціи надежды, «что при существенномъ качественномъ улучшеніи преподаванія, вызываемомъ соревнованіемъ, съ развитіемъ приватъ-доцентуры будутъ достигнуты и весьма существенныя преимущества въ смыслѣ расширенія преподаванія». Именно, «обыкновенно, наличный составъ университетскихъ преподавателей едва удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ преподаванія, и у него *не оставалось ни времени, ни силъ для веденія параллельныхъ курсовъ въ той мѣрѣ, какъ эти послѣдніе предполагались и разрѣшались уставомъ*». «Что же касается, въ частности, приватъ-доцентовъ,—продолжаетъ записка,—то изъ нихъ большинство, не обладая ни достаточнымъ научнымъ цензомъ, ни академическимъ навыкомъ, *не рѣшалось вступать въ соревнованіе* съ опытными учеными, которые нерѣдко были ихъ учителями, ни даже между собою». — Мы ничего не имѣемъ прибавить къ этимъ выпискамъ: онѣ достаточно краснорѣчиво и опредѣленно характеризируютъ отношеніе автора ея къ вопросу о *правѣ* приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы.

III.

Мы пытались выяснить происхожденіе и сущность формальныхъ основаній, на которыхъ покоится право университетскихъ преподавателей и, въ частности, приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Мы видѣли, что оно появилось не неожиданно, въ результатѣ случайнаго законодательнаго промаха, а какъ органическая часть продуманнаго цѣлаго, составляя проявленіе одного изъ основныхъ началъ, на которыхъ построенъ дѣйствующій университетскій уставъ. Мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такъ до послѣдняго времени смотрѣло на дѣло и само министерство народнаго просвѣщенія.

Все это не помѣшало появленію циркуляра министра отъ 9 февраля минувшаго 1912 г. за № 5490, въ которомъ Л. А. Кассо самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ право приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Циркуляръ начинается съ указанія, что «въ нѣкоторыхъ университетахъ *за послѣднее время* получили распространеніе объявляемые приватъ-доцентами курсы, параллельные къ профессорскимъ, по основнымъ предметамъ, перечисленнымъ въ ст. ст. 55 — 59 устава». Дальше говорится, что «основаніемъ для объявленія такихъ курсовъ служила ст. 73

устава (ст. 473 т. XI ч. I), и мнѣніе, что выраженіе той же и другихъ статей устава «преподаватель» въ уставѣ 1884 г. имѣетъ въ виду исключительно приватъ-доцентовъ». Министръ рѣшительно высказывается противъ такого толкованія, находя, что ст. 73 «*касается исключительно профессоровъ*», которые одни только и могутъ конкуррировать другъ съ другомъ. Что же касается приватъ-доцентовъ, то циркуляръ приходитъ къ выводу не только о недопустимости параллельныхъ курсовъ приватъ-доцентовъ къ основнымъ или общимъ, обязательнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія, «но даже не допускаетъ объявленія приватъ-доцентами такихъ курсовъ, какіе являлись бы по существу своему *отдѣлами или главами главнаго, обязательнаго курса*, читаемаго профессоромъ».

Чѣмъ же объясняется такой крутой поворотъ во взглядахъ на вопросъ о правѣ приватъ-доцентовъ конкуррировать съ профессорами въ чтеніи параллельныхъ курсовъ? На это нетрудно дать отвѣтъ. Министерская политика послѣднихъ двухъ лѣтъ привела къ возрастающему ряду увольненій и уходовъ однихъ профессоровъ и замѣщенію, освободившихся такимъ путемъ, каѳедръ, въ порядкѣ непосредственнаго назначенія другими, положеніе которыхъ при такихъ условіяхъ не могло быть особенно блестящимъ. На этой почвѣ, какъ это съ свойственной ей откровенностью неоднократно подчеркивала печать извѣстнаго направленія, создалось двоякое опасеніе: съ одной стороны, стали опасаться, что ушедшіе, рано или поздно, могутъ вновь вернуться, хотя бы въ качествѣ приватъ-доцентовъ, и въ такомъ случаѣ явиться опасными конкуррентами своихъ замѣстителей; съ другой стороны, наличные приватъ-доценты, объявляя параллельные курсы грозили отвлечь отъ вновь назначенныхъ профессоровъ значительную часть слушателей и тѣмъ чувствительно уменьшить размѣръ гонорара, причитающагося имъ со студентовъ.

Отсюда получилось заданіе: устроить такъ, чтобы никакой конкурренціи не было. Изъ различныхъ путей, ведущихъ къ этой цѣли, наиболѣе простымъ и наиболѣе быстро достигающимъ ея представлялось «разъясненіе» въ сотвѣтствующемъ смыслѣ подлежащихъ статей университетскаго устава. Ближайшій характеръ и степень убѣдительности аргументаціи при такихъ условіяхъ особой роли играть не могутъ. Тѣмъ не менѣе на этомъ стоитъ остановиться.

Основнымъ аргументовъ является открытіе, что «*выраженіе «преподаватель» и «преподаваніе»* въ уставѣ, въ ст. ст. 54, 64, 68 и 69, *относится исключительно къ профессорамъ* и только изъ нѣкоторыхъ статей устава (106 и др.) можно вывести заключеніе, что подъ этимъ наименованіемъ уставъ *иногда* разумѣетъ и приватъ-

доцентовъ». Отсюда уже нетрудно было вывести, что ст. 73 устава, которая говоритъ о правѣ «преподавателей» читать параллельные курсы, *касается исключительно профессоровъ*».

Характерно, что въ циркулярѣ не дѣлается даже попытки ближе обосновать совершенно голословное и a priori неправдоподобное утвержденіе, что терминъ «преподаватель» относится исключительно къ профессорамъ. Это утвержденіе столь же неправильно, какъ и оспариваемое тѣмъ же циркуляромъ (и, кстати сказать, неизвѣстно кѣмъ защищаемое) обратное утвержденіе, что терминъ ст. 73-ей „преподаватель" «спеціально обозначаетъ въ уставѣ приватъ-доцентовъ, а не профессоровъ». На самомъ дѣлѣ, этотъ терминъ одинаково обнимаетъ всѣ категоріи учащихъ, какъ профессоровъ, такъ и приватъ-доцентовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ—и лекторовъ [1]).

Не болѣе убѣдительны остальные аргументы, къ числу которыхъ относятся: ссылка на то, что вышедшимъ за штатъ профессорамъ предоставлено право читать параллельные курсы,—какъ будто изъ этого слѣдуетъ; что приватъ-доценты такого права не имѣютъ; указаніе на то, что по силѣ ст. 64 уст. исполненіе обязанностей по данной каѳедрѣ можетъ быть поручено приватъ-доценту только въ томъ случаѣ, если таковая будетъ вакантна,—какъ будто *порученіе* чтенія лекцій по вакантной каѳедрѣ имѣетъ какую-нибудь связь съ *правомъ* приватъ-доцентовъ объявлять параллельные курсы; указаніе на то, что пользованіе научными пособіями, принадлежащими тому или другому учебно-вспомогательному учрежденію, допускается только по соглашенію съ завѣдывающимъ и подъ его наблюденіемъ,—какъ будто пользованіе казенными научными пособіями тождественно съ чтеніемъ лекцій; наконецъ, указаніе на то, что преподаваніе приватъ-доцентовъ подчинено наблюденію ректора и декана (циркуляръ присоединяетъ къ этимъ лицамъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, и „профессора"),—какъ будто обязанность надзора за преподованіемъ, возложенная на указанныхъ административныхъ лицъ, предрѣшаетъ вопросъ о томъ, какіе курсы могутъ читать подчиненныя ихъ надзору лица.

---

[1]) Во всемъ уставѣ есть только двѣ статьи, въ которыхъ терминъ „преподаватель" употребленъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: это статьи 64 и 69 (ст. 464 и 469 т. XI ч. I). Первая изъ нихъ гласитъ, что „одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ"; здѣсь изъ самаго смысла статьи явствуетъ, что она не распространяется на приватъ-доцентовъ, которые на службѣ не состоятъ и никакой каѳедры занимать не могутъ. Во второй статьѣ говорится спеціально о штатныхъ „преподавателяхъ, которые тѣмъ самымъ *противополагаются нештатнымъ*, къ числу которыхъ относятся и приватъ-доценты.—

Неудивительно, что подобнаго рода аргументація не могла показаться убѣдительной для лицъ, знакомыхъ и съ исторіей устава 1884 г., и съ конкретными постановленіями и общимъ духомъ его, и съ прежней практикой самого министерства за все время дѣйствія устава. *Циркуляръ 9 Февраля 1912 года явно нарушаетъ законъ и въ частности статью 73 унив. устава.* Разъ это такъ, то учрежденія и лица, къ которымъ онъ былъ обращенъ, *обязаны* были—въ силу закона же—возбудить вопросъ о несоотвѣтствіи этого циркуляра закону. Ст. 191 т. I ч. 2 учр. мин. весьма опредѣленно говоритъ: „если-бы въ предписаніи, непосредственно отъ власти министра исходящемъ, начальство, ему подчиненное, усмотрѣло отмѣну закона, учрежденія или объявленнаго прежде Высочайшаго повелѣнія, тогда оно *обязано* представить о семъ министру. Если же и за симъ предписаніе будетъ подтверждено отъ лица министра въ той же силѣ, тогда начальство *обязано* случай сей представить Прав. Сенату на окончательное разрѣшеніе". Совѣтъ петербургскаго университета такъ и поступилъ. Въ виду всего вышеизложеннаго онъ, на нашъ взглядъ, иначе поступить и не могъ: онъ этимъ исполнилъ не только nobile officium по отношенію къ приватъ-доцентамъ—онъ исполнилъ этимъ прямую обязанность, возложенную на него закономъ.

Пр. Сенатъ, опредѣленіемъ отъ 1 декабря 1912 г. за № 15543 постановилъ *оставить представленіе совѣта университета безъ разсмотрѣнія*, на томъ основаніи (какъ сказано въ опредѣленіи), 1) «что, какъ видно изъ буквальнаго текста приведенной статьи 191 учр. мин., статья эта имѣетъ въ виду *случаи, когда предписаніе министра положительно противорѣчитъ прямому постановленію закона, т. е. отмѣняетъ дѣйствующій законъ*; 2) что въ уставѣ университетовъ 23 августа 1884 г. не содержится ни въ ст. 73, на которую преимущественно ссылается совѣтъ спб. университета, ни въ другой какой-либо статьѣ прямого указанія на то, что приватъ-доценты имѣютъ право читать параллельные, конкуррентные къ профессорскимъ, курсы; 3) что слѣдовательно циркуляръ министра нар. просвѣщенія за № 5490 не является отмѣняющимъ законъ и, *въ данномъ случаѣ, вопросъ можетъ заключаться лишь въ толкованіи закона*; между тѣмъ, право входить въ Пр. Сенатъ съ ходатайствомъ о разъясненіи законовъ принадлежитъ исключительно министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями (п. 6 ст. 19 учр. Сен., св. зак. т. I ч. 2, по прол. 1906 г., п. 6 ст. 176 учр. мин.»).

Вопросъ о закономѣрности или незакономѣрности циркуляра отъ 9 февраля 1912 г., такимъ образомъ, *формально* остался открытымъ. Но зато получился другой, довольно неожиданный

результатъ. Вынося свое опредѣленіе, Сенатъ не только разъяснилъ ст. 191 учр. мин. и вмѣстѣ съ тѣмъ права университетовъ, права всѣхъ вообще подчиненныхъ мѣстъ по оспариванію незакономѣрныхъ распоряженій высшаго начальства, — но онъ одновременно разъяснилъ и самого себя, допустивъ ограничительное толкованіе собственныхъ правъ, его, какъ высшаго органа надзора, «которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи» (ст. 1 т. 1 ч. 2, учр. Пр. Сен.), и который, «какъ хранитель законовъ, печется о средствахъ... къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ» (ст. 2 учр. Сен.).

Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ исходилъ изъ противоположенія двухъ категоріи случаевъ: къ первой относятся тѣ случаи, когда данное предписаніе министра прямо отмѣняетъ дѣйствующій законъ (такіе случаи, если только они вообще встрѣчаются, конечно, могутъ быть только очень рѣдки), ко второй—тѣ, когда предписаніе основано на такомъ толкованіи закона, которое возбуждаетъ споръ и съ точки зрѣнія подчиненнаго мѣста является неправильнымъ. Только въ первомъ случаѣ, по мнѣнію Сената, подчиненныя мѣста могутъ представлять соотвѣтствующія разногласія на окончательное разрѣшеніе Сената, а Сенатъ имѣетъ право и обязанъ входить въ ихъ разсмотрѣніе.—Но позволительно спросить, на чемъ основано это разграниченіе? Развѣ предписаніе, основанное на неправильномъ толкованіи закона, на намѣренномъ или ненамѣренномъ извращеніи смысла его, въ меньшей степени нарушаетъ волю законодателя, выразившуюся въ законѣ, или ведетъ къ менѣе нежелательнымъ (съ точки зрѣнія закона) послѣдствіямъ, чѣмъ предписаніе, которое «положительно противорѣчитъ прямому постановленію закона, т. е. отмѣняетъ его»? Практическій результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: законъ нарушенъ. Гдѣ-же сказано, что одна изъ этихъ формъ нарушенія закона *неравносильна* другой? Изъ существа дѣла это не вытекаетъ. Не вытекаетъ это и изъ смысла ст. 191 учр. мин., которая говоритъ вообще о предписаніяхъ, въ которыхъ *усматривается отмѣна закона*. Прежде всего, усмотрѣть отмѣну или соблюденіе закона нельзя иначе, какъ прибѣгнувъ къ толкованію соотвѣтствующихъ постановленій. Съ другой стороны, самое понятіе «отмѣны» закона статьею 191-ю ближе не опредѣляется и, въ частности, не указывается, что подъ это понятіе не подходятъ случаи неправильнаго истолкованія смысла его. Не вытекаетъ, наконецъ, этотъ выводъ и изъ ссылокъ на ст. 19 п. 6 учр. Сен. и ст. 176 п. 6 учр. мин.: изъ смысла этихъ статей вытекаетъ нѣчто совсѣмъ другое, а именно, что министры не имѣютъ права окончательнаго

толкованія и разъясненія законовъ, а должны, дабы извѣстное толкованіе стало *формально обязательнымъ*, обращаться въ Сенатъ съ ходатайствомъ о соотвѣтствующемъ разъясненіи закона. Цѣль такого разъясненія—устранить возникновеніе разногласій по подлежащимъ спорнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, эти статьи не только не исключаютъ, пока нѣтъ формально обязательнаго толкованія Сената, возможность обращенія подчиненныхъ мѣстъ въ Сенатъ, въ случаѣ возникновенія сомнѣній относительно закономѣрности тѣхъ или иныхъ предписаній высшаго начальства, но, напротивъ, *предполагаютъ* возможность подобныхъ обращеній и имѣютъ задачею *предупреждать* ихъ. Все это весьма элементарно...

IV.

Всякое настоящее повѣствованіе заканчивается послѣсловіемъ. Въ настоящемъ дѣлѣ роль такого послѣсловія могутъ сыграть три позднѣйшихъ циркуляра министра нар. просвѣщенія. Всѣ они касаются того же вопроса о правѣ приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Замѣчательны они тѣмъ, что всѣ они противорѣчатъ другъ другу и первоначальному циркуляру 9 февраля 1912 г. Объ этомъ мы и скажемъ еще два слова.

Въ циркулярѣ 9 февраля министръ говорилъ, что законъ, поскольку вопросъ идетъ объ основныхъ или главныхъ предметахъ, указанныхъ въ ст. ст. 55-59 унив. устава, «не только не оставляетъ сомнѣній въ *недопустимости параллельныхъ курсовъ* приватъ-доцентовъ къ профессорскимъ, не допускаетъ объявленія приватъ-доцентами такихъ курсовъ, какіе являлись бы по существу своему *отдѣлами или главами* главнаго обязательнаго курса, читаемаго профессоромъ»; на долю приватъ-доцентовъ приходилось лишь «преподаваніе *дополнительныхъ* предметовъ, рекомендуемыхъ и необязательныхъ, а также веденіе практическихъ занятій».

Вскорѣ послѣ этого, еще до поступленія формальнаго представленія совѣта петербургскаго. университета о несоотвѣтствіи циркуляра 9 февраля съ закономъ, министръ, предложеніемъ отъ 6 марта 1912 г., нашелъ возможнымъ разъяснить, что «упомянутымъ циркуляромъ *спеціальные курсы* приватъ-доцентовъ не затрогиваются, *если только таковые курсы* по перечисленнымъ въ приведенныхъ выше статьяхъ закона предметамъ [1]) *не являются конкуррентными* къ профессорскимъ общимъ курсамъ, а также и къ отдѣльнымъ частямъ курсовъ, *въ тѣхъ случаяхъ, когда совокупность*

[1]) т. е. по т. н. основнымъ или главнымъ предметамъ.

такихъ курсовъ, читаемыхъ приватъ-доцентами по данному предмету, *могла бы замѣнить* для студентовъ *слушаніе общаго курса*, читаемаго профессоромъ».

Уже этотъ циркуляръ содержитъ отступленіе отъ первоначальнаго положенія министра, согласно которому никакіе параллельные курсы, ни общіе, ни спеціальные, разъ только послѣдніе по существу своему являются отдѣлами или главами общаго курса, не допускаются. Въ противоположность этому, второй циркуляръ принципіально допускаетъ всякіе спеціальные курсы, дѣлая исключенія лишь для тѣхъ случаевъ, когда совокупность спеціальныхъ курсовъ, читаемыхъ нѣсколькими приватъ-доцентами, могла бы замѣнить для студентовъ слушаніе общаго курса, читаемаго профессоромъ [1]).

Еще дальше идетъ циркуляръ отъ 14 Апрѣля 1912 г. Въ этомъ циркулярѣ, подтверждающемъ, въ отвѣтъ на представленіе совѣта петербургскаго университета, первоначальный циркуляръ отъ 9 февраля съ оговоркой, сдѣланной въ циркулярѣ отъ 6 марта, министръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поясняетъ, что «циркулярное предложеніе 9 февраля имѣло въ виду лишь объявленіе приватъ-доцентами безъ порученія факультета *общихъ обязательныхъ курсовъ*, параллельныхъ къ профессорскимъ, по предметамъ, указаннымъ въ ст. ст. 55-59 уст., не касаясь совершенно т. наз. *спеціальныхъ* и *необязательныхъ*, *хотя бы и общихъ курсовъ* тѣхъ же приватъ-доцентовъ». Какъ явствуетъ изъ приведенныхъ словъ, циркуляръ неожиданно устанавливаетъ *новое различіе* среди самихъ общихъ курсовъ, которые раздѣляются на обязательные и необязательные; только общіе обязательные курсы не могутъ читаться въ качествѣ параллельныхъ. Къ сожалѣнію, министръ не поясняетъ ближе, что слѣдуетъ понимать подъ общими необязательными курсами. Такое поясненіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что самое *понятіе общаго необязательнаго курса—внутренно противорѣчивое*. Общими курсами являются, очевидно, курсы по основнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія, обнимающіе эти предметы, при положенномъ числѣ часовъ, въ полномъ положенномъ соотвѣтствующими программами объемѣ: такіе курсы не могутъ быть либо обязательные, либо необязательные, а являются по существу дѣла всегда безусловно обязательными; чтеніе ихъ во всякомъ случаѣ должно быть обезпечено факультетомъ.

Наконецъ, 19 августа 1912 г. появляется еще новое предло-

---

[1]) Это, кстати сказать, такіе случаи, которые на практикѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

женіе министра, касающееся даннаго вопроса,—по счету четвертое. Въ немъ министръ, утверждая обозрѣнія преподаванія по отдѣльнымъ факультетамъ петерб. университета на $19^{12}/_{13}$ учебный годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что предположенные нѣкоторыми приватъ-доцентами юридическаго факультета по ряду общихъ предметовъ параллельные курсы (каковые тутъ же перечисляются) «*представляются излишними въ качествѣ обязательныхъ* при наличности общихъ курсовъ», читаемыхъ подлежащими профессорами, (которые опять таки поименно перечисляются). Этимъ устанавливается совершенно новое положеніе. Министръ уже не говоритъ, что чтеніе приватъ-доцентами общихъ обязательныхъ курсовъ формально недопустимо, а лишь заявляетъ, что по его мнѣнію опредѣленные, объявленные на данный учебный годъ общіе параллельные курсы данныхъ приватъ-доцентовъ, поименно перечисленныхъ въ его предложеніи, представляются излишними въ качествѣ обязательныхъ. Ясно, что этимъ первоначальная точка зрѣнія, согласно которой ст. 73 унив. уст. касается исключительно профессоровъ, окончательно оставлена. Она замѣнена новою, согласно которой приватъ-доценты сами по себѣ не лишены права читать параллельные курсы, какъ общіе, такъ и спеціальные, но отъ дискреціоннаго усмотрѣнія министра зависитъ признавать объявляемые ими общіе курсы обязательными или нѣтъ. Любопытно, что при этомъ не дѣлается ни малѣйшей попытки обоснованія этой новой точки зрѣнія.

Изъ сопоставленія всего сказаннаго явствуетъ, что министръ народнаго просвѣщенія, начавъ съ полнаго отрицанія самой допустимости объявляемыхъ приватъ-доцентами параллельныхъ курсовъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, поскольку послѣдніе являются отдѣлами или главами общаго курса, послѣдовательно перешелъ къ допустимости сначала спеціальныхъ курсовъ, хотя бы они и составляли по существу отдѣлы соотвѣтствующихъ общихъ курсовъ, а затѣмъ и общихъ курсовъ, оставляя за собою въ послѣднемъ случаѣ право допускать ихъ въ качествѣ обязательныхъ, или признавать ихъ излишними въ качествѣ таковыхъ.

Усматривать въ этомъ поворотъ въ смыслѣ признанія ошибочности первоначальной постановки вопроса о правѣ приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы и стремленія исправить эту ошибку, къ сожалѣнію, не приходится. Противъ этого говоритъ прежде всего то обстоятельство, что послѣднее предложеніе министра отъ 19 августа 1912 г., — появившееся уже послѣ того, какъ представленіе университета о незакономѣрности циркуляра 9 февраля поступило въ Сенатъ, но до того, что означенное представленіе было оставлено Сенатомъ безъ разсмотрѣнія,—ни словомъ не ка-

сается циркуляра 9 февраля, какъ будто никакой перемѣны въ исходной точки зрѣнія министерства не произошло. Противъ этого говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что, какъ ужъ было указано, никакой попытки обосновать новую точку зрѣнія министерства и показать, что она согласована съ духомъ и буквой унив. устава въ большей степени, чѣмъ первоначально выдвигавшееся положеніе, не сдѣлано. Между тѣмъ, нетрудно убѣдиться, что и она противорѣчитъ закону.

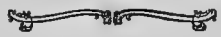
Министръ въ данномъ случаѣ, очевидно, исходитъ изъ предположенія, что законъ предоставляетъ ему въ порядкѣ дискреціоннаго усмотрѣнія рѣшать вопросъ о томъ, могутъ ли быть допущены параллельные общіе курсы, объявляемые приватъ-доцентами, въ качествѣ обязательныхъ или необязательныхъ. Практически эта новая постановка вопроса сводится къ тому, что министръ рѣшаетъ, могутъ ли такіе курсы быть *зачтены* студентамъ, записавшимся на нихъ, на общемъ основаніи съ соотвѣтствующими профессорскими курсами, или же студенты, записываясь на эти курсы и слушая ихъ, *для зачета семестра, должны сверхъ того записаться и внести гонорарную плату профессору*, читающему соотвѣтствующій общій курсъ.

Законъ такихъ правъ какъ разъ въ данной области министру не предоставляетъ. Ст. 73 уст. прямо исключаетъ всякое дискреціонное усмотрѣніе. Изъ прямого ея смысла явствуетъ, что она признаетъ всѣ параллельные курсы, объявляемые тѣми или другими преподавателями, *равноцѣнными*, такъ какъ она предоставляетъ студентамъ право слушать того изъ конкуррирующихъ преподавателей, *кого они сами пожелаютъ*. Если бы соотвѣтствующіе курсы не признавалась равноцѣнными, то ст. 73 была бы лишена всякаго реальнаго содержанія. Если бы на этотъ счетъ могло существовать какое нибудь сомнѣніе, то оно окончательно устраняется приведенной нами выше справкой относительно первоначальной редакціи соотвѣтствующей статьи въ основномъ проектѣ устава, выработанномъ гр. Толстымъ. Мы видѣли, что первоначально въ статьѣ содержалась оговорка относительно курсовъ, объявляемыхъ приватъ-доцентами, не имѣющими ученой степени: для зачета ихъ студентамъ предполагалось требовать разрѣшеніе факультета. Соединенные департаменты отвергли эту оговорку и тѣмъ самымъ признали начало равноцѣнности всѣхъ параллельныхъ курсовъ безъ всякихъ ограниченій.

Итакъ, съ точки зрѣніи законности новое положеніе министра такъ же мало выдерживаетъ критику, какъ и первоначальное. Зато, если оцѣнивать его съ точки зрѣнія практическаго резуль-

тата,—въ смыслѣ устраненія всякой опасности конкурренціи приватъ-доцентовъ въ отношеніи чтенія общихъ, обязательныхъ курсовъ,—то нельзя не признать, что оно представляетъ собою не менѣе удачное разрѣшеніе поставленной проблемы, чѣмъ первоначальное. Этимъ все сказано.

Д. Гриммъ.



НОВЫЙ МОМЕНТЪ ЭВОЛЮЦІИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ПРОИЗВОДСТВА.

(Ф. Тэйлоръ. Научныя основы организаціи промышленныхъ предпріятій Ф. Тэйлоръ. Административно-техническая организація промышленныхъ предпріятій).

Извѣстно, что представляетъ собой такъ называемая Sweating System—система эксплоатаціи рабочей силы, ведущая къ истощенію рабочаго человѣка путемъ крайняго удлиненія его трудового дня. Она распространена въ домашней формѣ капиталистической промышленности, характерными чертами которой являются мелкая въ техническомъ отношеніи форма производства, работа на дому, обезпечивающая самостоятельность рабочаго въ распоряженіи своимъ временемъ и въ назначеніи числа часовъ работы, и отсутствіе правительственнаго надзора за продолжительностью рабочаго дня и условіями труда.

По общераспространенному мнѣнію, чрезмѣрная эксплуатація рабочаго въ домашней промышленности, правильно именуемая «выжиманіемъ пота», невозможна въ крупномъ фабрично-заводскомъ предпріятіи, какъ потому, что организованные рабочіе такихъ предпріятій противятся чрезмѣрной ихъ эксплоатаціи, такъ и по причинѣ препятствій, поставляемыхъ ей со стороны фабричнаго законодательства, лишающаго самихъ рабочихъ права на чрезмѣрное удлиненіе ихъ трудового дня.

Но если, въ силу указанныхъ причинъ, фабрично-заводскій рабочій охраненъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи его рабочей силы

путемъ удлиненія рабочаго дня, т. е. путемъ экстенсивнаго расширенія затраты его рабочей энергіи, то съ одной стороны—система задѣльной платы, съ другой—введеніе въ производство механическихъ двигателей и машинъ, работа которыхъ регулируется автоматически, а къ этому автоматическому движенію машины должны принаравливаться движенія рабочаго—имѣютъ тенденцію увеличивать затрату рабочей силы въ единицу времени, и эта затрата можетъ такъ же истощать человѣка, какъ истощаетъ его чрезмѣрно продолжительная работа. Потерявъ возможность выжиманія съ трудящагося возможно большой прибавочной стоимости путемъ растяженія рабочаго дня, капиталистическій предприниматель стремится достигнуть того же результата путемъ уплотненія этого послѣдняго.

Съ механической точки зрѣнія нѣтъ предѣловъ ускоренію, при посредствѣ машины, работы человѣка, къ ней приставленнаго, къ увеличенію интенсивности расходованія рабочей энергіи. Но, не говоря уже о томъ, что машинизмъ охватилъ не всѣ процессы работы—даже тамъ, гдѣ машина и механическій двигатель получили примѣненіе,—при рѣшеніи вопроса объ уплотненіи, путемъ ихъ содѣйствія, рабочаго дня, приходится имѣть дѣло не только съ механическими моментами, но и съ живымъ человѣкомъ, съ опредѣленной физической конструкціей, опредѣленной психологіей и установившимися соціальными отношеніями. И если механическія затрудненія при устройствѣ машины, удовлетворяющей требованіямъ данной скорости работы, могутъ быть преодолѣны, благодаря тому, что соотвѣтствующая область явленій сдѣлалась объектомъ научнаго изслѣдованія, то условія задачи, зависящія отъ участія въ ней живого человѣка, не подвергались научному наблюденію, и данныя антропологическаго, такъ сказать, характера устанавливались эмпирически.

При введеніи, напр., новой машины, увеличивающей быстроту работы приставленнаго къ ней человѣка, нельзя не считаться съ обычнымъ темпомъ его работы и съ настроеніемъ въ данномъ отношеніи рабочаго персонала. Эти же обстоятельства служили до сихъ поръ немаловажнымъ препятствіемъ осуществленію идеи возможно бо́льшаго выжиманія рабочихъ соковъ при условіи сравнительно короткаго рабочаго дня. У предпринимателя нѣтъ объективныхъ данныхъ для сужденія о предѣлахъ возможной быстроты работы человѣка, а рабочіе—на половину инстинктивно, на половину сознательно—оказываютъ сопротивленіе естественному стремленію фабриканта уплотнить, если нельзя растянуть, рабочій день, и возвышеніе интенсивности фабрично-заводскаго труда происходитъ медленно и постепенно. Успѣшность сопротивленія рабочихъ под-

держивается, между прочимъ, тѣмъ, что различныя работы человѣка не подвергались точному научному изслѣдованію, которое могло бы доставить объективныя данныя для внѣшняго, детальнаго ихъ регулированія со стороны и пріемовъ, и быстроты работы. Способы выполненія работъ, насколько это не зависѣло отъ механизма, устанавливались индивидуально самими рабочими, заботившимися при этомъ, конечно, больше о своихъ интересахъ, чѣмъ о выгодахъ предпринимателя.

Огромное большинство рабочихъ—говоритъ по этому поводу американскій инженеръ Тэйлоръ,—думаетъ, что «если бы они работали со всей возможной для нихъ интенсивностью, то причинили бы большое зло, выбросивъ на улицу множество безработныхъ». Подъ вліяніемъ этой идеи, «большинство на обоихъ полушаріяхъ работаетъ съ умышленной вялостью, желая, по возможности, сократить дневную выработку». Рабочіе принимаютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы предупредить отступленіе отъ этого правила со стороны отдѣльныхъ своихъ товарищей, а рабочіе союзы издаютъ постановленія о сокращеніи производительности работы своихъ членовъ.

Осуществленіе этой тенденціи къ ограниченію затраты въ процессѣ производства рабочей силы облегчается, повторяемъ, отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о всѣхъ манипуляціяхъ при исполненіи какой-либо работы и многочисленностью варіантовъ этихъ манипуляцій. «При лучшемъ изъ обычныхъ типовъ организаціи—говоритъ тотъ же авторъ—управляющій открыто признаетъ, что 500 или 1000 человѣкъ, работающихъ у него на заводѣ, располагаютъ массой неизвѣстныхъ заводоуправленію свѣдѣній, бо́льшая часть которыхъ передается по традиціи». Не зная всѣхъ пріемовъ выполненія каждой отдѣльной мелкой манипуляціи, управляющіе предоставляютъ рѣшеніе вопроса о наиболѣе дешевой выработкѣ продукта мастерамъ, а послѣдніе, по тѣмъ же отчасти причинамъ, могутъ предупредить лишь самыя грубыя злоупотребленія рабочихъ, но не могутъ ввести для всѣхъ одинаковые, наиболѣе выгодные пріемы работы. Господствующая система организаціи промышленности возлагаетъ отвѣтственность за работу на рабочаго, «предоставляя ему выполнить ее, какъ онъ находитъ лучшимъ, при незначительной помощи со стороны управленія».

Несмотря, однако, на сравнительную самостоятельность рабочаго въ исполненіи его дѣла и на то, что, путемъ организованной борьбы, рабочій классъ понемногу добивается сокращенія продолжительности трудового дня—капиталистическій предприниматель успѣваетъ утилизировать въ свою пользу все бо́льшую и бо́льшую часть

рабочей энергіи, о чемъ можно судить хотя бы потому, что иногда, какъ напр., въ русской прядильной промышленности, на одного рабочаго приходится въ среднемъ 100 веретенъ, во Франціи это число повышается до 200, въ Германіи—до 250, въ Англіи—до 350. Въ послѣднее время въ литературѣ попадаются извѣстія, заставляющія полагать, что интенсивность затраты рабочей энергіи мѣстами превращается въ настоящее выжиманіе жизненныхъ соковъ рабочаго. Какъ иначе можно истолковать, напр., тотъ фактъ, что въ стеклянной промышленности Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ рабочаго дня, наблюдается и сокращеніе на десять лѣтъ работоспособности трудящагося?

Въ новѣйшее время капиталистическому предпринимателю открываются новыя и широкія перспективы использованія въ своихъ интересахъ трудовой энергіи рабочаго. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ уже тридцать лѣтъ подвизается нѣкто Ф. Тэйлоръ, поставившій себѣ задачей примѣнить научные методы къ эксплоатаціи рабочей силы, подобно тому, какъ они примѣнялись до сихъ поръ къ эксплоатаціи физико-химическихъ силъ природы; подвергнуть работу человѣка такому же точному изслѣдованію, какому подвергается, напр., металлъ на твердость, ковкость, упругость и т. п., и выбрать, на основаніи этихъ изслѣдованій, наиболѣе производительные методы выполненія данной работы со стороны какъ характера требуемыхъ для того движеній органовъ рабочаго, такъ и возможной быстроты выполняемыхъ манипуляцій, и необходимыхъ для наибольшей производительности дневной работы (а если заботиться объ интересахъ рабочихъ, то и для предупрежденія истощенія его организма) чередованій въ теченіе рабочаго дня моментовъ работы и отдыха.

Въ основѣ системы Тэйлора, имѣющей въ виду возможно производительное употребленіе въ какомъ-либо дѣлѣ человѣческаго труда, лежатъ два начала: отборъ для каждой работы лицъ, наиболѣе для того пригодныхъ по врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ своимъ свойствамъ, и регулированіе работы этихъ лицъ соотвѣтственно точнымъ объективнымъ даннымъ изслѣдованія отдѣльныхъ манипуляцій, составляющихъ въ совокупности процессъ данной работы.

Наибольшее процвѣтаніе промышленнаго предпріятія—говоритъ Тэйлоръ,—возможно при условіи, «когда каждый рабочій и каждый станокъ ежедневно развиваетъ свою предѣльную производительность». Важнѣйшей задачей управленія промышленнымъ предпріятіемъ является, поэтому, «воспитаніе и развитіе всѣхъ служащихъ въ томъ направленіи, чтобы каждый изъ нихъ скорымъ

темпомъ и съ максимальной производительностью выполнялъ наиболѣе квалифицированную работу, на какую онъ способенъ». Для возможности такого воспитанія рабочихъ требуется точное знаніе того, какіе методы работы представляются наиболѣе производительными.

Въ каждой работѣ, въ каждомъ ремеслѣ насчитываются нѣсколько десятковъ пріемовъ выполненія какой-либо операціи, примѣняемыхъ различными участвующими въ ней лицами. Первой задачей научной постановки дѣла эксплуатаціи въ производствѣ рабочей силы является, поэтому, выборъ метода работы, всего лучше и быстрѣе ведущаго къ цѣли. Этотъ лучшій методъ можно отыскать «только путемъ научнаго изученія и анализа всѣхъ употребляемыхъ методовъ и исполненій, вмѣстѣ съ точнымъ, тщательнымъ изученіемъ движеній и элементовъ времени. А это означаетъ постепенное проникновеніе науки во всѣ механическія искусства, вмѣсто прежняго господства грубыхъ пріемовъ».

Дѣйствительно, изслѣдованіе механизма человѣческой работы въ различныхъ ремеслахъ, цехахъ и профессіяхъ требуетъ массы точныхъ, скрупулезныхъ наблюденій съ помощью секундомѣра, силомѣра и т. п., требуетъ работы изслѣдователей—инженера, физіолога (для изученія воспріимчивости и выносливости работающаго), математика (для построенія, на основаніи собраннаго матеріала, соотвѣтствующихъ формулъ). При изслѣдованіи процесса такой, напримѣръ, простой работы, какъ земляная, измѣрялось время погруженія лопаты въ кучу перебрасываемаго матеріала и обратнаго извлеченія полной лопаты; время, затрачиваемое на откидываніе лопаты назадъ и на вскидываніе груза съ опредѣленнаго разстоянія на опредѣленную высоту, при различныхъ комбинаціяхъ разстоянія и высоты, при различной нагрузкѣ лопаты и т. п., и всѣ эти наблюденія заносились на бумагу. О количествѣ затрачиваемой при такихъ наблюденіяхъ работы можно судить хотя бы по тому, что протоколы наблюденій на одномъ обыкновенномъ машиностроительномъ заводѣ составили цѣлыя тысячи страницъ, а таблицы и объяснительный текстъ по изслѣдованію, напр., каменныхъ или земляныхъ работъ заняли около 250 страницъ.

Точное изслѣдованіе процесса выполненія какой-либо работы давало возможность не только выбора изъ десятковъ манипуляцій, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, одной, наиболѣе выгодной, но, въ комбинаціи съ опытами надъ работающимъ, допускало сокращеніе числа манипуляцій, и цѣлесообразное измѣненіе орудій труда и другихъ приспособленій при работѣ. При кладкѣ, напр., кирпичныхъ стѣнъ былъ произведенъ анализъ «всѣхъ движеній камен-

щика; всѣ ненужныя движенія одно за другимъ постепенно исключались, а медленныя замѣнялись быстрыми». Приспособляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ требованіямъ сокращенія процесса кладки вспомогательныя средства работы, было достигнуто сокращеніе движеній съ 18 до пяти для каждаго кирпича. Мѣняя нагрузку лопаты землекопа и тщательно наблюдая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ условія его работы, нашли, что наибольшая дневная работа достигается при лопатѣ, поднимающей до 21 фунта; на основаніи этихъ наблюденій приготовляется нѣсколько размѣровъ лопатъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, при работѣ съ матеріаломъ разной тяжести, лопата поднимала установленную норму 21 фунтъ.

Детальныя, тщательныя измѣренія всѣхъ движеній позволяютъ исключить лишнія движенія, выбрать наиболѣе быстрыя и установить систему манипуляцій, всего быстрѣе выполняющихъ данную задачу, и подобрать, кромѣ того, лучшіе инструменты. Получаемая такимъ образомъ мѣра наиболѣе производительнаго употребленія въ данномъ дѣлѣ рабочей силы принимается за норму при организаціи работы и примѣняется до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты болѣе усовершенствованныя движенія. Такимъ образомъ устанавливается, впрочемъ, лишь система манипуляцій и продолжительность затраты рабочей силы при выработкѣ единицы продукта. Этого, однако, недостаточно для практическаго примѣненія нормы, потому что успѣхъ дневной работы зависитъ не только отъ быстроты отдѣльныхъ ея манипуляцій, но и отъ чередованія работы и отдыха, а указанныя выше нормы, — выработанныя на основаніи наблюденій надъ первоклассными рабочими, и послѣ изученіи предѣльной скорости движеній — относятся къ максимуму напряженія рабочей энергіи, легко ведущему къ переутомленію работающаго, вредному не только для него самого, но иногда и для окончательнаго итога его работы. При первоначальномъ, по крайней мѣрѣ, примѣненіи новой системы нельзя также не считаться съ тѣмъ, какое вліяніе окажетъ она на утомляемость рабочаго, отъ согласія котораго зависитъ возможность введенія новыхъ методовъ. Для выясненія этой стороны дѣла описанныя выше механическія наблюденія дополнялись физіологическими наблюденіями надъ утомляемостью работающихъ, для установленія того, при какомъ чередованіи въ теченіе рабочаго дня работы и отдыха достигается наибольшая выработка при отсутствіи чрезмѣрнаго утомленія, или, какъ выражается Тэйлоръ, при сохраненіи «благоденствія» работающаго. И по отношенію, напр., къ нагрузкѣ въ вагонъ болванокъ чугуна вѣсомъ 92 англійскихъ фунта, для достиженія наибольшаго результата безъ переутомленія работающаго,

первоклассный рабочій долженъ находиться подъ грузомъ 43% рабочаго дня, а при вѣсѣ болванки въ 46 фунтовъ, онъ можетъ носить его въ теченіи 58% рабочаго дня. Остальное время должно уходить на обратный переходъ рабочаго (безъ груза) къ мѣсту нахожденія чугуна (во время этого перехода съ свободными руками мускулы «имѣютъ возможность возстановиться») и на полный отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ нагрузки 10—20 штукъ чугуна. При организаціи на подобныхъ основахъ работы по провѣркѣ велосипедныхъ шариковъ, рабочее время дѣвушекъ-работницъ было сокращено съ $10^{1/2}$ до $8^{1/2}$ часовъ, и имъ давали кромѣ того десятиминутный отдыхъ четыре раза въ день. Иначе «послѣ полутора часовъ непрерывнаго труда работницы начинали нервничать».

Послѣ того, какъ описаннымъ выше путемъ точныхъ наблюденій и измѣреній установленъ планъ дневной работы человѣка онъ заносится на карточку и вручается рабочему въ качествѣ программы для ближайшаго дня. Въ этой карточкѣ «подробно указаны всѣ детали урока, который онъ долженъ выполнить въ теченіе дня, а также способы и инструменты, которыми онъ долженъ пользоваться». «Урокъ устанавливаетъ не только что должно быть сдѣлано, но и какъ должно быть сдѣлано и во сколько, именно, времени». На заводѣ, управляемомъ Тэйлоромъ, рабочій получаетъ ежедневно и другую карточку, съ описью его работы за предыдущій день, т. е. съ указаніемъ количества сдѣланной работы и заработанной суммы. Поэтому рабочій видитъ—выполненъ его урокъ или нѣтъ, и не слѣдуетъ ли ему подтянуться, чтобы не быть устраненнымъ отъ работы.

Забота предпринимателя при введеніи научной организаціи труда заключается, однако, не только въ составленіи раціональнаго плана работъ. Нужно еще найти охотниковъ выполнять этотъ планъ, побудить рабочихъ перейти отъ старой системы, гдѣ они сами избирали способы работы и работали со средней быстротой, къ новой системѣ, гдѣ они только механически выполняютъ чужой планъ и должны напрягать до максимума свою рабочую энергію. Дѣло это оказалось довольно затруднительнымъ и потребовало особой, довольно тонкой политики.

Рабочіе вообще очень подозрительно относятся ко всякой попыткѣ нарушить привычные имъ фабричные распорядки. «Какимъ-то способомъ (это похоже на какое-то особое чувство) рабочіе чуютъ приближеніе реформатора даже до его пріѣзда въ городъ. Ихъ подозрительность возбуждается; они настораживаются, чтобы не допустить коренныхъ измѣненій, направленныхъ противъ ихъ интере-

совъ, и съ самаго начала приготовляются къ противодѣйствію. Первыя измѣненія, поэтому, должны быть незначительны, чтобы ослабить подозрѣніе рабочихъ и убѣдить ихъ на дѣлѣ, что реформы, въ концѣ концовъ, довольно безвредны».

Отъ рабочихъ скрывается иногда даже самый фактъ наблюденія, съ часами въ рукахъ, за ихъ работой. Для этого изобрѣтена особая книжка съ секундомѣрами внутри. Рабочій полагаетъ, что остановившійся близъ него инженеръ заноситъ что-либо въ записную книжку, а онъ въ это время измѣряетъ быстроту выполненія отдѣльныхъ элементовъ работы. Рабочіе, очевидно, не обладаютъ «особымъ чувствомъ», предупреждающимъ объ «опасности» съ этой стороны.

Задача воздѣйствія на рабочихъ, съ цѣлью побужденія отказаться отъ старыхъ методовъ работы и прежней организаціи труда и слѣпо слѣдовать указаніямъ заводоуправленія относительно исполненія работы, по методу, «предъявляющему столь высокія требованія, что даже способный рабочій не въ состояніи ни понять его, ни руководствоваться безъ спеціальныхъ руководителей»—эта задача разрѣшалась, какъ и предшествующія задачи, «научнымъ» путемъ; но теперь научному изслѣдованію подвергалась не физическая, а психическая область человѣка, и цѣлью его было «внимательное изученіе мотивовъ, руководящихъ людьми», для лучшаго управленія ими.

Обыкновенно полагаютъ—говоритъ Тэйлоръ—что мотивы поведенія людей «не представляютъ объекта для точнаго научнаго изученія, а являются дѣломъ личнаго наблюденія и сужденія». Но хотя законы человѣческаго поведенія не обладаютъ такой правильностью, какъ законы, касающіеся мертвой природы, они тѣмъ не менѣе существуютъ и «обладаютъ большой цѣнностью въ искусствѣ обращенія съ людьми». Въ этой области Тэйлоромъ предприняты были «тщательные опыты, растянувшіеся на нѣсколько лѣтъ». Эти опыты показали, между прочимъ, что «невозможно заставить человѣка работать болѣе интенсивно, если онъ не увѣренъ въ постоянномъ возрастаніи своего заработка, и всегда можно найти людей, которые охотно станутъ работать со всей энергіей, если имъ обезпечить соотвѣтствующее увеличеніе заработка». Въ этой области сдѣланы и болѣе тонкія наблюденія. Введя, кромѣ заработной платы, систему премій за болѣе успѣшную работу, Тэйлоръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ свои на этотъ счетъ наблюденія. «Чтобы быть дѣйствительнымъ средствомъ поощренія, награда должна слѣдовать непосредственно за выполненіемъ работы. Лишь немногіе способны смотрѣть впередъ далѣе, чѣмъ на недѣлю или

мѣсяцъ, и усердно работать, ожидая награды въ концѣ срока. Если хотятъ, чтобы рабочій средняго уровня работалъ самымъ лучшимъ образомъ—ему необходимо давать награду въ концѣ рабочаго дня. Для болѣе простыхъ характеровъ, какъ молодыя дѣвушки или дѣти, требуется поощреніе въ формѣ личнаго одобренія со стороны старшихъ въ видѣ награды послѣ каждаго часа». «Длинный рядъ опытовъ, въ связи съ тщательными наблюденіями», убѣдилъ Тэйлора въ томъ, что лишь извѣстное возвышеніе заработной платы благотворно отражается и на успѣшности работы, и на благосостояніи работающаго. «При работѣ въ мастерскихъ, гдѣ не нужны особая сообразительность, ловкость, вниманіе и особое физическое напряженіе, наибольшая производительность достигается увеличеніемъ средней заработной платы на 30%. При обыкновенной поденной работѣ, требующей только силы и напряженнаго физическаго труда, связаннаго съ физической усталостью, необходимо увеличить плату на 50—60%. Работа, требующая спеціальныхъ знаній, сопряженная съ неослабнымъ вниманіемъ, но не требующая большого физическаго усилія—напр., работа токаря—требуетъ повышенія платы на 70—80%, а при работѣ, требующей ловкости, сообразительности, напряженнаго вниманія, силы и физическаго труда—напр. при уходѣ за большимъ паровымъ молотомъ, выполняющимъ разнообразныя работы, это увеличеніе должно достигать 80—100%. Найдется очень много людей, которые попытаются развить наибольшую производительность при указанномъ выше увеличеніи платы. Но если попытаться заставить ихъ работать такъ же при меньшемъ повышеніи платы, то большинство предпочтетъ прежній способъ работы, при меньшей платѣ». Есть не только минимумъ, но и максимумъ такого возвышенія заработной платы, которое благотворно отражается на успѣшности работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на благосостояніи работающаго. Болѣе высокій заработокъ—по крайней мѣрѣ въ средѣ американскихъ рабочихъ, отобранныхъ для нагрузки чугуна,—дѣлаетъ ихъ «неаккуратными, невнимательными и разсѣянными».

Побудительной причиной согласія рабочихъ на переходъ къ новой системѣ служитъ значительное повышеніе ихъ дневнаго заработка, при увѣренности, однако, въ постоянствѣ этого повышенія, потому что при господствующей системѣ хозяева сами «ограничиваютъ максимумъ заработной платы, который они считаютъ достаточнымъ для своихъ рабочихъ», и болѣе успѣшная работа, при сдѣльной платѣ, даетъ лишь временное возвышеніе заработка, такъ какъ за нею слѣдуетъ пониженіе расцѣнки. Повышеніе дневнаго заработка участниковъ новой системы достигается безъ увеличенія расцѣнки, въ силу лучшей организаціи процесса работы; а въ про-

изводствахъ, гдѣ имѣетъ значеніе качество работы, высота вознагражденія опредѣляется и количествомъ, и качествомъ исполненной работы. При этомъ назначается урокъ, за выполненіе котораго назначается высокая премія, сильно понижающаяся при малѣйшемъ даже неисполненіи урока. Если рабочій часто не выполняетъ своего урока—къ нему отряжается инструкторъ, указывающій, въ случаѣ надобности, лучшіе пріемы работы, подбодряющій новичковъ и проявляющій другіе признаки заботливаго вниманія къ рабочему, да кстати изучающій и его способность къ данному дѣлу. Такое отношеніе заводоуправленія къ своему рабочему персоналу располагаетъ къ нему рабочихъ, особенно женщинъ, изъ коихъ каждая получаетъ впечатлѣніе, что «она пользуется особымъ вниманіемъ со стороны администраціи». Если, однако, невыполненіе урока продолжается, рабочій отстраняется отъ даннаго дѣла, какъ мало для него пригодный.

Изъ сказаннаго уже можно усмотрѣть, что новая система организаціи труда основана на отказѣ отъ обычая совмѣстности многихъ работъ, съ огульнымъ учетомъ выработки. «Тщательный анализъ обнаружилъ, что при совмѣстной работѣ въ артели каждый рабочій становится менѣе активнымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда задѣвается его личное честолюбіе». Новая система, поэтому, уничтожаетъ совмѣстную работу и ведетъ всѣ расчеты отдѣльно съ каждымъ рабочимъ. «Уничтоживъ артельную работу (при нагрузкѣ чугуна), посредствомъ отбора и подготовки рабочихъ каждаго въ отдѣльности, удалось получить группы съ необыкновенно высокой производительностью».

Новая система работы,—«согласно которой рабочій отбираетс и подъ руководствомъ спеціальнаго мастера обучается новымъ условіямъ работы, пока онъ не привыкнетъ работать по установленнымъ нормамъ, выработаннымъ другими лицами,—прямо противуположна старой», при которой каждый рабочій составляетъ «собственное мнѣніе относительно методовъ скорѣйшаго производства работы». Введеніе этой системы предполагаетъ, слѣдовательно, полное измѣненіе отношенія рабочихъ къ ихъ работѣ, и не только со стороны технической, но и, такъ сказать, съ моральной, потому что имъ приходится работать при полномъ напряженіи своей рабочей энергіи, развивая предѣльную быстроту и внимательность работы. «Подобная перемѣна можетъ быть произведена только постепенно, путемъ нѣсколькихъ предметныхъ уроковъ, которые убѣдятъ рабочихъ въ преимуществѣ новыхъ порядковъ. Такая перемѣна въ умственномъ состояніи рабочихъ требуетъ времени,—въ самыхъ простыхъ производствахъ—отъ двухъ до трехъ лѣтъ, а въ болѣе сложныхъ—отъ четырехъ до пяти.

Что же приноситъ новая организація труда предпринимателю и рабочему въ настоящемъ и что она обѣщаетъ послѣднему въ будущемъ?

Эксплоатація рабочей силы, основанная на отборѣ первокласныхъ рабочихъ, выборѣ самыхъ скорыхъ способовъ выполненія всѣхъ элементовъ работы, достиженіи предѣльной быстроты движеній и цѣлесообразномъ приспособленіи инструментовъ и т. п., ведетъ конечно, къ крупному увеличенію производительности труда и пониженію расходовъ предпринимателя. При сортировкѣ, напр., велосипедныхъ шариковъ тридцать пять работницъ выполняли при новой системѣ ту же работу, для которой прежде требовалось сто двадцать— почти въ $3^1/_2$ раза болѣе, и аккуратность работы возросла при этомъ на $^2/_3$. При нагрузкѣ чугуна старыми методами работы одинъ рабочій въ среднемъ нагружалъ $12^1/_2$ тоннъ въ день. Опытные завѣдующіе этимъ дѣломъ полагали, что дневную производительность рабочаго можно поднять до 18—20 тоннъ; при новой-же системѣ работы каждый рабочій погружалъ 48 тоннъ въ день—въ четыре раза больше того, что онъ выполнялъ ранѣе и въ три раза больше того, что считалось максимальной успѣшностью работы при старыхъ ея пріемахъ. Въ области земляныхъ работъ урочная система дала сокращеніе числа рабочихъ съ 500 до 140 или, что тоже, повышеніе производительности труда съ 16 тоннъ перебрасываемаго однимъ рабочимъ въ день матеріала до 59 тоннъ, т. е. слишкомъ въ $3^1/_2$ раза, и пониженіе слишкомъ въ два раза расходовъ на обработку одной тонны. Обычная скорость кирпичной кладки въ данной мѣстности— 120 кирпичей на человѣка въ часъ; въ одномъ городѣ союзъ каменщиковъ ограничилъ даже производительность своихъ членовъ 375-ью кирпичами въ день. При новой системѣ организаціи работъ производительность рабочаго поднялась до 350 кирпичей въ часъ, т. е. увеличилась почти въ три раза сравнительно съ прежними методами работа и почти достигла дневной нормы, установленной рабочимъ союзомъ. Огульно же говоря, въ тѣхъ предпріятіяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя перешли къ новой системѣ организаціи труда и которыя обнимаютъ 50 тысячъ рабочихъ, средняя производительность на одного человѣка и одинъ станокъ возросла почти вдвое.

Выгодно отразилось примѣненіе новой системы и на матеріальномъ состояніи рабочаго персонала преобразованныхъ предпріятій; да безъ этого не могло бы состояться, какъ мы видѣли и само преобразованіе. Дневной заработокъ чернорабочаго (нагрузка чугуна) и землекопа поднялся на 60%; заработокъ женщинъ, провѣряющихъ велосипедные шарики, увеличился на 80 — 100%. Въ

другихъ предпріятіяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, перешедшихъ къ новой системѣ, вознагражденіе рабочихъ поднялось на 30 — 100%. Можно повѣрить Тэйлору въ томъ, что это было достигнуто безъ переобремененія рабочаго непосильнымъ трудомъ. Иначе трудно было бы побудить рабочихъ согласиться на полное измѣненіе порядковъ работы, а выигрышъ предпріятій, впервые примѣняющихъ научную систему организаціи, давалъ полную возможность совершить преобразованіе съ соблюденіемъ интересовъ трудящихся; мы можемъ, поэтому, повѣрить и тому заявленію Тэйлора, что на предпріятіяхъ, принявшихъ новую систему, не было ни одной стачки, и что рабочіе одного преобразованнаго имъ предпріятія смотрѣли на мастеровъ и руководителей «не какъ на погонщиковъ негровъ, выжимающихъ огромный трудъ за низкую плату, но какъ на доброжелателей, которые учатъ ихъ и помогаютъ имъ получать болѣе высокій заработокъ».

Возникаетъ, однако, другой вопросъ: какъ отразится на положеніи трудящихся массъ система эксплуатаціи рабочей силы на научныхъ основаніяхъ послѣ того, какъ она получитъ всеобщее распространеніе и сдѣлается такимъ же привычнымъ для рабочаго явленіемъ, какъ привычна для современнаго рабочаго господствующая форма организаціи труда; когда исчезнетъ премія, получаемая предпринимателями, впервые примѣняющими новую систему, и дающая средства для повышенной оплаты труда, и дѣйствія капиталистовъ будутъ опредѣляться, какъ всегда, стремленіемъ сохранить свои мѣста въ ожесточенной борьбѣ на рынкахъ сбыта, главнымъ орудіемъ коей служитъ пониженіе издержекъ производства, въ томъ числѣ и расходовъ на рабочую силу. Станетъ ли предприниматель избѣгать тогда чрезмѣрнаго напряженія рабочей силы и на ряду съ предѣльной быстротой работы допускать достаточные перерывы послѣдней или онъ будетъ тогда, какъ и нынѣ, заботиться исключительно о собственныхъ интересахъ, извлекая изъ рабочаго максимумъ личной выгоды, и система предѣльной быстроты работы сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ системой предѣльнаго напряженія рабочей энергіи? Не сдѣлаемся ли мы тогда свидѣтелями возрожденія и всеобщаго распространенія sweating system, приспособленной къ условію короткаго рабочаго дня и усовершенствованной въ смыслѣ выжиманія не только пота, но и жизненныхъ соковъ рабочаго? И не слѣдуетъ-ли рабочему классу приготовиться къ отраженію грозящей ему бѣды и заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы новая система организаціи труда вводилась не путемъ соглашенія предпринимателя съ отдѣльными рабочими, а при участіи рабочихъ союзовъ, воору-

женныхъ въ свою очередь научными изслѣдованіями о выносливости организма при новыхъ условіяхъ работы?

Мы только поставимъ этотъ вопросъ и перейдемъ къ другимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ существа новой системы организаціи работы.

Машинѣ не безъ основанія приписывали отупляющее вліяніе на работающаго. Разрушая единство, сложность и разнообразіе работы человѣка, приготовляющаго руками какую-либо вещь, и беря на себя выполненіе наиболѣе сложныхъ манипуляцій этой работы, машина обращаетъ живого человѣка какъ бы въ придатокъ мертваго механизма, оставляя ему только часть его прежнихъ манипуляцій, ограничиваетъ и участіе мысли въ процессѣ труда, и разнообразіе работы мышцъ, стремится такъ сказать, упростить сложную фигуру человѣка. Дальнѣйшее развитіе машинизма смягчаетъ нѣкоторыя вредныя его послѣдствія, и все болѣе усложняющаяся машина требуетъ обращенія съ нею умственно развитаго рабочаго.

Описанная на предыдущихъ страницахъ система эксплуатаціи человѣческаго труда механизируетъ и ту ручную работу, которая еще не захвачена машиной, дѣлаетъ лишнимъ и тотъ остатокъ самостоятельности человѣка въ процессѣ труда, который сохранился при нынѣ господствующей системѣ производства, когда на рабочемъ лежитъ отвѣтственность (въ предѣлахъ ручного труда) «какъ за общій планъ, такъ и за детали его работы» (Тэйлоръ). При этой системѣ, когда «вся та распредѣлительная работа, которая раньше лежала на рабочемъ и которую онъ выполнялъ по своему разумѣнію, переходитъ къ заводоуправленію» — человѣкъ обращается въ машину, точно выполняющую не имъ выбранныя, механически заученныя движенія, основанія коихъ на столько сложны, что «даже способный рабочій не въ состояніи ни понять ихъ, ни слѣдовать имъ безъ помощи спеціальныхъ руководителей», а сами манипуляціи такъ просты, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда съ успѣхомъ могли бы выполняться «умной гориллой». Этимъ завершается процессъ механизаціи производства. Господствующая нынѣ система, основанная на комбинаціи двухъ противоположныхъ началъ: мертваго начала механизма, заведеннаго искусной рукой строителя, и живой работы человѣческаго сознанія приставленнаго къ ней рабочаго,—обращается въ систему, умерщвляющую это послѣднее, объединяющую однимъ механическимъ началомъ всѣ составныя части производства: въ систему комбинаціи мертвыхъ и живыхъ машинъ

Изобрѣтатель системы научной эксплоатаціи рабочей силы самъ предвидитъ заключеніе о превращеніи ея рабочихъ въ автоматовъ

и приводитъ даже жалобы такихъ рабочихъ на то, что имъ «не даютъ ни подумать, ни сдѣлать что-либо безъ посторонняго вмѣшательства». Онъ пытается, однако, парализовать силу этого обвиненія, проводя аналогію между механически обученнымъ рабочимъ его системы и современнымъ, напр., американскимъ фельдшеромъ, «обученіе и подготовка котораго по типу почти тождественна съ обученіемъ и подготовкой рабочаго персонала при научной системѣ организаціи», каковое обстоятельство, однако, не лишаетъ его возможности «проявить со временемъ иниціативу и самостоятельность, а не измышлять вновь вещи, изобрѣтенныя уже давно. Подобнымъ же образомъ рабочій, находясь, при научной системѣ организаціи подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ инструкторовъ, имѣетъ больше возможности развиться, чѣмъ прежде, когда онъ работалъ самъ по себѣ, безъ посторонней помощи», и его слѣдуетъ даже «всячески поощрять, чтобы онъ придумывалъ улучшенія въ методахъ работы и въ оборудованіи».

Обращеніе Тэйлора для защиты своей системы къ этой аналогіи само уже свидѣтельствуетъ о томъ, что его позиція незащитима. Фельдшеръ только обучается другимъ наилучшимъ пріемамъ практической медицины, а прилагаетъ ихъ къ дѣлу самостоятельно, сообразно особенностямъ даннаго случая, безъ запрещенія измѣнять эти пріемы и безъ понужденія развивать предѣльную быстроту работы. Его можно сравнить, пожалуй, съ рабочимъ господствующей нынѣ системы производства, тоже обучившимся гдѣ-либо выполненію данныхъ манипуляцій, но не лишеннымъ самостоятельности въ примѣненіи ихъ на практикѣ. Сущность вопроса заключается, слѣдовательно, не въ условіяхъ усовершенствованія пріемовъ работы фельдшера, или, напр., землекопа, которое удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, хотя, нужно сказать, и такое усовершенствованіе наименѣе доступно рабочему новой системы, выполняющему наиболѣе приспособленныя къ данной цѣли манипуляціи и поглощенному заботой о выполненіи урока, назначеннаго по разсчету предѣльной быстроты движеній. Рѣчь идетъ о постоянномъ и общемъ для всѣхъ соотношеніи между манипуляціями данной работы и сознаніемъ лица, ихъ выполняющаго: въ новой системѣ организаціи работъ первыя совершенно освободились отъ послѣдняго, и отъ человѣка требуется лишь автоматическое выполненіе механически заученныхъ движеній.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о непосредственныхъ вліяніяхъ научной системы организаціи работъ на выполняющихъ эти послѣднія, о физіологическихъ и психологическихъ ея результатахъ.

Ближайшее знакомство съ нею приводитъ къ заключенію, что она не можетъ не имѣть и важныхъ соціальныхъ послѣдствій.

Она прежде всего поведетъ къ углубленію дифференціаціи въ средѣ рабочего класса, укрѣпитъ грани между профессіями, затруднитъ переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой. Если въ настоящее время распредѣленіе рабочихъ по профессіямъ опредѣляется въ значительной мѣрѣ случайными моментами, и переходъ отъ одного вида физическаго труда къ другому зависитъ главнымъ образомъ отъ умѣнья рабочаго, пріобрѣтаемаго обученіемъ, не представляющимъ особыхъ затрудненій, то при новой системѣ организаціи работъ, основанной на подборѣ наиболѣе къ нимъ приспособленныхъ, распредѣленіе рабочихъ по профессіямъ будетъ опредѣляться стойкими различіями организмовъ, и перемѣна профессіи окажется возможной лишь для тѣхъ—вѣроятно, немногочисленныхъ—лицъ, кто обладаетъ особенностями организаціи, дѣлающими ихъ пригодными къ совершенному выполненію нѣсколькихъ работъ.

Сокращая въ два-три раза потребность промышленности въ рабочихъ рукахъ, новая система организаціи труда, при всеобщемъ ея распространеніи, поведетъ къ огромному сокращенію спроса на рабочую силу и къ крайнему обостренію борьбы за существованіе среди рабочихъ. На почвѣ такого переполненія рынка рабочимъ «матеріаломъ» будетъ производиться отборъ для каждой работы наиболѣе къ ней пригодныхъ и способныхъ развить предѣльную для человѣческаго организма быстроту движенія. О строгости требованій, предъявляемыхъ при этомъ къ человѣку, можно судить, напр., по тому факту, что при подборѣ Тэйлоромъ грузчиковъ чугуна было забраковано $^7/_8$ старой артели. «При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, забракованные были физически непригодны къ требуемому темпу работы».

Естественнымъ послѣдствіемъ сочетанія излишка ищущихъ работы и строгости требованій при отборѣ должно явиться углубленіе соціальной розни въ средѣ рабочаго класса. Хотя и теперь рабочій классъ въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ разлагается на двѣ части,—имѣющихъ и неимѣющихъ постоянное занятіе,—но различіе между этими частями не носитъ стойкаго характера, и если исключить вырождающуюся (подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни) часть населенія, то нынѣшній безработный завтра можетъ получить занятіе, а имѣющій заработокъ—лишиться его. Новая система организаціи работъ до крайности ограничитъ такой обмѣнъ рабочихъ, такъ какъ ряды незанятой ихъ части будутъ заполняться индивидумами, по строенію своего орга-

низма мало пригодными для поддержанія на извѣстномъ уровнѣ барышей предпринимателя. Эта, весьма значительная часть населенія будетъ обречена на постоянное состояніе безработицы, на прочное полу-голодное или совсѣмъ голодное существованіе. Активная часть населенія рѣзко, поэтому, отграничится отъ той, которая выкинута за бортъ производительной дѣятельности; образуется многочисленный классъ населенія, органически неприспособленнаго, при господствующей хозяйственной организаціи, къ борьбѣ за существованіе и обреченнаго, поэтому, на вырожденіе и вымираніе. Примирится ли этотъ новый классъ общества съ уготованной для него участью или заставитъ общество поставить вопросъ объ измѣненіи соціальныхъ условій, обрекающихъ часть его членовъ на вымираніе—покажетъ будущее. Въ настоящемъ же насъ интересуетъ вопросъ о тенденціи новѣйшей стадіи эволюціи капитализма къ прочному раздѣленію населенія на приспособленныхъ къ нему и неприспособленныхъ и о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ такого раздѣленія. Ближайшимъ его результатомъ будетъ, какъ сказано выше, обезпеченіе существованія (а слѣдовательно и размноженія) избранниковъ и бѣдственное положеніе отбросовъ капиталистическаго отбора приспособленныхъ. Изъ числа болѣе отдаленныхъ вѣроятныхъ его послѣдствій скажемъ нѣсколько словъ о біологическихъ результатахъ профессіональнаго подбора, какъ послѣдствіи выживанія приспособленнѣйшихъ и закрѣпленія признаковъ, содѣйствующихъ ихъ побѣдѣ въ борьбѣ за существованіе съ одной стороны и вымиранія неприспособленныхъ—съ другой. Какъ-бы отразился этотъ процессъ искусственнаго подбора на эволюціи человѣческой расы, привелъ ли бы онъ къ возвышенію или униженію ея?

Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ. Отбираемые капиталистическимъ производствомъ, какъ наиболѣе къ нему приспособленные, принадлежатъ-ли къ лучшимъ или худшимъ экземплярамъ человѣческаго рода? Отобранные, въ теченіе многолѣтней дѣятельности Тэйлора, идеальные грузчики, каменщики, землекопы и т. п. обнаружили-ли вмѣстѣ съ тѣмъ свое превосходство и въ какихъ-либо другихъ, болѣе возвышенныхъ отношеніяхъ? Разсматриваемые нами труды заключаютъ, къ сожалѣнію, очень мало данныхъ для опытнаго освѣщенія этого вопроса; но два-три брошенныхъ вскользь замѣчанія представляются все-таки характерными.

Отобранные Тэйлоромъ грузчики «ни въ какомъ смыслѣ не превосходили остальныхъ сотоварищей по артели. Имъ просто посчастливилось по своимъ физическимъ качествамъ подойти къ типу вола». Даже болѣе того! Для данной работы пригоденъ именно худшій или, вѣрнѣе, низшій, а не высшій экземпляръ человѣческой

породы. «Главное требованіе, предъявляемое къ человѣку, пригодному для переноски чугуна, какъ къ регулярному занятію, состоитъ въ томъ, чтобы онъ былъ тупъ и флегматиченъ и походилъ на вола. Человѣкъ развитой и интеллигентный рѣшительно неспособенъ къ этой работѣ». При отборѣ лицъ, наиболѣе приспособленныхъ къ работѣ по провѣркѣ велосипедныхъ шариковъ изъ числа старыхъ, опытныхъ работницъ, пришлось забраковать «многихъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ, усидчивыхъ и надежныхъ работницъ только потому, что онѣ не обладали быстрой способностью воспріятія (зрительнаго) и быстрой на него реакціей». А вотъ общее заключеніе автора о достоинствѣ отбираемаго капиталистическимъ предпринимателемъ матеріала. «Отборъ людей не требуетъ поисковъ экстраординарныхъ индивидовъ, но предполагаетъ выборъ среди самыхъ обыкновенныхъ людей тѣхъ немногихъ, которые подходятъ спеціально къ данному типу работы».

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между сильно выраженной какой-либо фазической особенностью человѣка, вродѣ крѣпости мышцъ, быстроты физіологическаго воспріятія впечатлѣнія, подвижностью ручныхъ мышцъ и т. п. и способностью къ быстрому автоматическому выполненію тѣхъ или другихъ однообразныхъ мышечныхъ манипуляцій, требуемыхъ разными работами—съ одной стороны, и интеллигентностью, живостью ума и другими высшими свойствами человѣческой природы—съ другой? И есть-ли какая-либо гарантія того, что особи, подобранныя на основаніи признаковъ перваго рода, выдѣлятся въ положительномъ смыслѣ и по свойствамъ второй категоріи; что упражненіе въ теченіе всей жизни подобранныхъ физическихъ особенностей организма, развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ другія, болѣе высокія его способности; и преимущественное сохраненіе въ борьбѣ за существованіе этихъ отобранныхъ и высоко въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитыхъ особей поведетъ къ улучшенію человѣческой породы?

Не вѣроятнѣе-ли допустить, что выдающееся развитіе какой-либо анатомо-физіологической черты организма, будучи нарушеніемъ гармоническаго соотношенія всѣхъ его частей и функцій, является скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ признакомъ совершенства; и во всякомъ случаѣ особенности организма, наиболѣе пригодныя для обращенія живого человѣка въ совершенный автоматическій аппаратъ для технической работы, не находится въ положительной связи съ развитіемъ высшихъ свойствъ человѣческой природы, съ богатствомъ человѣка идеями, представленіями и другими признаками развитой духовной жизни? Не наличность ли въ сознаніи болѣе интеллигентныхъ дѣвушекъ, провѣрявшихъ велоси-

педные шарики, разнообразныхъ идей, образовъ и другихъ представленій служила препятствіемъ очень быстрому воспріятію зрительныхъ впечатлѣній и быстрой реакціи на нихъ, которыя, напротивъ того, облегчаются бѣдностью духовнаго содержанія воспринимающаго субъекта, пустотой внутренняго содержанія на томъ участкѣ мозговой системы, гдѣ образуются зрительные образы и возникаютъ импульсы къ двигательной на нихъ реакціи?

Но если нельзя съ положительностью отвѣтить утвердительно на поставленный только что вопросъ, то уже трудно, кажется, возражать противъ того положенія, что способность автоматически выполнять изо дня въ день заученныя однообразныя движенія не свидѣтельствуетъ объ особенной интеллигентности и живости ума; а долголѣтняя практика такого автоматизма способна понизить названныя свойства человѣка. А если такъ, то не слѣдуетъ ли ожидать, что лучшіе въ интеллектуальномъ отношеніи экземпляры человѣческаго рода будутъ отбрасываться новой системой организаціи работы, какъ негодные для промышленности, будутъ ограничены этимъ въ средствахъ благополучнаго существованія; и выживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ условіямъ современнаго хозяйственнаго строя приведетъ къ пониженію духовнаго типа человѣка? Не свидѣтельствуетъ ли въ пользу этого предположенія тотъ, напр., фактъ, что самымъ совершеннымъ исполнителемъ работъ является не живой человѣкъ, а бездушная машина, и не за приближеніе ли къ этимъ качествамъ мертваго механизма въ грузчики избирается тупой, флегматичный, а не острый и живой умъ и характеръ, которые оказываются, наоборотъ, совершенно непригодными для даннаго дѣла?

Мы говорили выше о прочномъ раздѣленіи населенія на работную, такъ сказать, и безработную части, какъ о вѣроятномъ результатѣ господства новой системы организаціи работы. Раздѣленіе это влечетъ за собою образованіе особаго класса неприспособленныхъ къ условіямъ борьбы за существованіе, создаваемымъ капиталистической организаціей промышленности. Тенденція къ образованію такого класса намѣчается, правда, и въ современномъ обществѣ: нижніе слои пролетаріата въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ живутъ случайными заработками, дополняемыми доходами изъ другихъ не совсѣмъ благовидныхъ, если не вовсе преступныхъ источниковъ. Но этотъ слой пролетаріата пополняется, главнымъ образомъ, слабыми въ физическомъ и еще болѣе въ моральномъ отношеніи субъектами, и низшіе въ соціальномъ смыслѣ пласты пролетаріата могутъ быть признаны такими же и съ антропологической точки зрѣнія.

Иное слѣдуетъ сказать о неприспособленныхъ къ новой системѣ организаціи работъ. Таковыми окажутся скорѣе если не лучшіе, то гармоничнѣе и выше развитые субъекты, потому что профессіональный подборъ притянетъ къ обезпеченному заработку уклонившихся отъ нормы, односторонне развитыхъ въ анатомо-физіологическомъ отношеніи индивидовъ. А оттолкнутые въ соціальные низы гармонически развитые, наиболѣе интеллигентные, живые умомъ и характеромъ, наименѣе пригодные къ обращенію въ автоматы рабочіе съ антропологической точки зрѣнія должны быть причислены къ лучшимъ, а не худшимъ экземплярамъ человѣческаго рода. Что несетъ обществу такое подраздѣленіе массы населенія на двѣ части — одну, подобранную по признакамъ, располагающимъ къ пассивному подчиненію преподаннымъ извнѣ правиламъ и воспитанную для автоматическаго выполненія чужихъ предначертаній, обезпеченную за это въ средствахъ безбѣднаго существованія, и другую многочисленную армію пролетаріевъ, не имѣющихъ постояннаго занятія, висящихъ, можно сказать, между небомъ и землей, но принадлежащихъ къ числу лучшихъ представителей рода homo sapiens? Заниматься въ настоящее время этимъ вопросомъ мы не станемъ, но скажемъ нѣсколько словъ о другой возможной тенденціи организаціи промышленности по новому образцу.

При всеобщемъ распространеніи системы Тэйлора подборъ наиболѣе приспособленныхъ рабочихъ можетъ не дать всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе наблюдаются въ настоящее время, когда эта система охватила сравнительно ничтожное число фабрикъ и заводовъ. Даже при теперешнемъ ограниченномъ распространенія системы мѣстный рынокъ не всегда предлагаетъ достаточный матеріалъ для отбора первоклассныхъ рабочихъ и приходится выписывать ихъ издалека. При всеобщемъ распространеніи этой системы затрудненія увеличатся еще болѣе, и промышленнымъ предпріятіямъ по нѣкоторымъ цехамъ придется, вѣроятно, имѣть нѣсколько категорій рабочихъ: первоклассныхъ, второклассныхъ и т. д. Всѣ эти рабочіе будутъ работать съ предѣльной скоростью движенія, различной для разныхъ категорій, развивать неодинаковую производительность труда и вырабатывать неодинаковую сумму денегъ. Но всѣ они будутъ получать больше того, что зарабатываютъ въ настоящее время, и пользоваться привилегіей постояннаго заработка.

Мы отказываемся отъ какихъ-либо догадокъ относительно того, какъ отразится такое привлеченіе къ работѣ приспособленныхъ второй и третьей степени на составѣ той части пролетаріата, которая останется за бортомъ. Но мы находимъ умѣстнымъ выска-

зать нѣсколько соображеній о возможныхъ послѣдствіяхъ даннаго порядка въ другихъ отношеніяхъ.

Ограниченное число приспособленныхъ первой степени въ тѣхъ профессіяхъ, которыя требуютъ большого количества рабочихъ рукъ, заставитъ предпринимателей дорожить своимъ рабочимъ персоналомъ. Благодаря этому обстоятельству можетъ случиться, что рабочимъ удастся въ большей или меньшей степени и при всеобщимъ распространенія новой системы сохранить тѣ преимущества высокаго вознагражденіи за трудъ при сносныхъ прочихъ условіяхъ работы, какими они пользуются въ предпріятіяхъ, переходящихъ нынѣ къ системѣ Тэйлора, и всеобщее распространеніе этой системы не приведетъ, поэтому, къ выжиманію жизненныхъ соковъ по крайней мѣрѣ части охватываемыхъ ею рабочихъ. Можно ожидать, что предприниматели постараются сохранить цѣликомъ тѣ добрыя отношенія съ рабочими наиболѣе цѣнныхъ категорій, какія, по словамъ Тэйлора, устанавливаются въ предпріятіяхъ, преобразующихся нынѣ на предложенныхъ имъ основаніяхъ, и такъ облегчаютъ введеніе новой системы. Быть можетъ, по примѣру Тэйлора они станутъ учреждать для своихъ рабочихъ кассы взаимопомощи, со взносами не только рабочихъ, но и предпринимателей. А если такъ, то для рабочихъ, привлеченныхъ къ новой системѣ, потеряютъ притягательную силу пролетарскія организаціи, обѣщающія наемному персоналу нынѣшнихъ фабрикъ и заводовъ сокращеніе рабочаго дня, возвышеніе заработной платы, помощь при безработицѣ и въ другихъ затруднительныхъ случаяхъ жизни: Тэйлору, по крайней мѣрѣ, приходилось «не разъ видѣть, что послѣ введенія новой системы очень многіе рабочіе, состоявшіе членами рабочаго союза, покидали его, находя, что имъ лучше живется при этой системѣ, чѣмъ подъ защитой устава союза». Установленіе между предпринимателями и рабочими новой системы отношеній легко можетъ, слѣдовательно, повести къ тому что капиталисты окажутся обладателями арміи рабочихъ, враждебно относящихся къ выступленіямъ пролетарскихъ организацій противъ существующаго порядка вещей. Этого естественно ожидать въ особенности при условіи, если, сильно обостривъ конкуренцію между предпринимателями, всеобщее распространеніе новой системы дастъ сильный толчокъ развитію трэстовъ, ограничивающихъ соперничество, монополизирующихъ рынки сбыта товаровъ, распоряжающихся цѣнами послѣднихъ и имѣющихъ, поэтому, возможность переложить на потребителя часть добавочныхъ расходовъ, связанныхъ съ примѣненіемъ новой системы организаціи труда въ интересахъ не только предпринимателей, но и ихъ рабочихъ.

Свое бѣглое изложеніе существа системы организаціи на научныхъ основаніяхъ работы на фабрикахъ и заводахъ и возможныхъ послѣдствій ея всеобщаго,—ничѣмъ, кромѣ воли предпринимателей, не руководимаго—распространенія закончимъ еще однимъ соображеніемъ, относящимся уже къ судьбамъ самой системы капиталистическаго производства, а не его рабочаго персонала.

Капиталистическая организація промышленности имѣетъ, какъ извѣстно, тенденцію къ переполненію рынка товарами, обусловливаемую быстрыми успѣхами техники съ одной стороны и огромнымъ накопленіемъ капиталовъ—съ другой. Но сокращающія затрату труда техническія усовершенствованія сами требуютъ затраты труда на производство соотвѣтствующихъ машинъ, двигателей и т. п., и этимъ нѣсколько смягчаются отрицательныя для рабочаго послѣдствія замѣны ручного труда машиной. А постоянная наличность въ богатыхъ капиталистическихъ странахъ свободныхъ капиталовъ является причиной даже того обстоятельства, что крупные успѣхи техники ведутъ непосредственно не къ сокращенію, а къ расширенію спроса на трудъ. Направляясь въ разнаго рода промышленныя дѣла и организуя соотвѣтствующія предпріятія, эти капиталы примѣняютъ самые новые техническіе пріемы, какъ наиболѣе повышающіе производительность труда и удешевляющіе издѣлія, и вынуждаютъ къ тому же собственниковъ старыхъ предпріятій. Крупныя техническія изобрѣтенія ведутъ, поэтому, къ постройкѣ новыхъ фабрикъ и заводовъ, къ замѣнѣ старыхъ машинъ и механическихъ двигателей новыми и къ забрасыванію старыхъ, еще далеко неиспользованныхъ машинъ и орудій. Этотъ процессъ переоборудованія, выражающійся въ оживленіи промышленныхъ дѣлъ, имѣетъ результатомъ не только преждевременное уничтоженіе различныхъ уже отсталыхъ приспособленій производства, но и приготовленіе излишняго количества матеріальныхъ производительныхъ средствъ, остающихся затѣмъ неиспользованными. Новыя техническія изобрѣтенія ведутъ опять къ переоборудованію той или другой отрасли промышленности, новому уничтоженію неиспользованныхъ старыхъ приспособленій, и сооруженію новыхъ фабрикъ и заводовъ. Этимъ процессомъ непроизводительной растраты матеріальныхъ средствъ смягчаются затрудненія капиталистическаго строя, происходящія отъ неспособности капиталистическаго общества,—большинство членовъ котораго не отличается изобиліемъ денежныхъ средствъ,—пріобрѣсти и потребить растущія массы выкидываемыхъ на рынокъ товаровъ, и до извѣстной степени парализуется естественная тенденція техническихъ усовершенство-

ваній къ сокращенію спроса промышленности на рабочую силу [1]).

Описанная на предыдущихъ страницахъ система научной организаціи работъ сходствуетъ съ техническимъ усовершенствованіемъ промышленности въ томъ отношеніи, что повышаетъ производительность труда и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограничиваетъ спросъ на рабочія руки. Но она рѣзко отъ него отличается въ двухъ отношеніяхъ. Она примѣнима ко всей области промышленной дѣятельности, а не къ тѣмъ лишь отраслямъ, гдѣ употребляются машины и механическіе двигатели, и не требуетъ — какъ усовершенствованныя машины, двигатели и другія матеріальныя средства производства—затраты труда на осуществленіе новшества. Она грозитъ, поэтому, гораздо большимъ нарушеніемъ равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ труда, не смягчая его дополнительнымъ потребленіемъ рабочей силы. Принимая во вниманіе, что эта система—какъ показалъ опытъ Сѣверо-Американскихъ Соединённыхъ Штатовъ,—въ среднемъ, удваиваетъ производительность труда, т. е. сокращаетъ на половину запросъ рынка на рабочія руки, мы не можемъ избѣжать заключенія, что быстрое примѣненіе этой системы разразится такой безработицей и такимъ переполненіемъ рынка товарами, которыя будутъ имѣть характеръ настоящей катастрофы. Это могло бы служить окончательнымъ толчкомъ къ ликвидаціи капиталистическаго строя, если бы были сколько-нибудь подготовлены ея предпосылки, и главныя страны, участвующія въ международномъ обмѣнѣ, могли бы согласиться относительно распредѣленія между ними рынковъ сбыта на то время, пока не организуется общественное регулированіе въ каждой странѣ не только производства, но и потребленія продуктовъ.

Удвоеніе производительности труда будетъ лишь ближайшимъ послѣдствіемъ примѣненія въ производствѣ принциповъ системы Тэйлора относительно организаціи выполненія работъ и раціональнаго приспособленія къ цѣли наиудобнѣйшаго и быстрѣйшаго выполненія работы орудій труда и другихъ вспомогательныхъ средствъ. Но вѣдь эта система, какъ и всякая другая, подлежитъ развитію, усовершенствованію и распространенію не только на производительную дѣятельность, но, какъ утверждаетъ Тэйлоръ, и на канцелярскія работы. Что окажется предѣломъ увеличенія производительности труда—нельзя сказать даже приблизительно. Одинъ изъ послѣдователей Тэйлора, H. Emerson, заявилъ, напримѣръ,

---

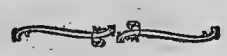
[1]) Подробное развитіе этого положенія дано въ нашей брошюрѣ: «Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ».

слѣдующее: «небольшое, тщательное изслѣдованіе, основанное на необычайно благопріятныхъ условіяхъ для наблюденія, убѣдило меня, что раціональная (національная?) производительность мужского населенія Соединенныхъ Штатовъ въ возрастѣ военной службы не превышаетъ 5% производительности идеальной механической мастерской», оборудованной и управляемой по образцамъ Тэйлора и его единомышленниковъ; возможны, поэтому, «послѣ полнаго приведенія въ порядокъ теперешняго безначалія», «сбереженія, близкія къ 90% конечной продажной цѣны».

Такъ, или иначе, но можно, кажется, предвидѣть, что осуществленіе и дальнѣйшее развитіе распространяющейся въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и появившейся уже въ Европѣ организаціи производства открываетъ цивилизованному міру новые, обширные горизонты экономическаго, соціальнаго и даже политическаго свойства. Вообще, распространеніе этой системы грозитъ крайнимъ обостреніемъ присущаго капиталистическому строю противорѣчія между производствомъ и потребленіемъ товаровъ, между спросомъ и предложеніемъ труда, разъединеніемъ рядовъ пролетаріата и лишеніемъ наиболѣе способной и интеллигентной части рабочаго класса средствъ къ обезпеченному существованію, усиленіемъ накопленія капиталовъ и ограниченіемъ въ то же время возможности примѣненія ихъ въ промышленности.

Эти вѣроятныя послѣдствія новаго шага въ эволюціи (технической) организаціи капиталистическаго производства имѣютъ такое важное значеніе, что было бы вполнѣ умѣстно участіе въ его осуществленіи рабочихъ организацій, если не правительственной власти.

В. В.



О БАЛКАНСКИХЪ «ЗВѢРСТВАХЪ».

Повидимому пришло время вынуть изъ походной сумки записныя книжки и изъ памяти—тѣ мелкія наблюденія и невольные выводы, которые хранились подъ спудомъ до момента ликвидаціи балканской войны. Правда, они утеряли свою свѣжесть и злободневность; но не въ томъ и было ихъ значеніе. Если въ нихъ есть какая-нибудь цѣнность, то именно при подсчетѣ итоговъ войны она можетъ войти въ общую сумму, тогда какъ раньше сыграла бы роль лишь временной сенсаціи.

Не одна строгость военной цензуры заставляла насъ, военныхъ корреспондентовъ, вести для себя дневникъ, записи котораго не вполнѣ совпадали съ тѣми скудными, цензурой причесанными свѣдѣніями, которыя мы довѣряли телеграфу и почтѣ. Думаю, что у многихъ были и другіе мотивы. И во всякомъ случаѣ были они у тѣхъ, кто поѣхалъ на Балканы не съ тѣмъ только, чтобы созерцать сраженія на возможно близкомъ разстояніи, а и съ тѣмъ, чтобы вникнуть въ душу событій, понять трагизмъ момента, быть свидѣтелемъ творчества исторіи. Именно съ такими большими запросами и надеждами, въ то время еще безъ мысли о возможномъ разочарованіи, ѣхалъ на войну и авторъ этихъ строкъ.

Мнѣ представлялось, что насталъ моментъ отдачи давняго долга русской интеллигенціи славянскому вопросу, оставленному ею втунѣ, брошенному ею въ безспорную монополію разнымъ подозрительнымъ представителямъ нынѣшняго россійскаго славянофильства. И не только «представлялось», а представляется и сейчасъ. Углубленные въ свое горе, давнее, неизбывное и безысходное, мы проходили мимо огромнаго и крупнаго явленія—мимо роста славянства на ближнемъ востокѣ, и проходили только потому, что въ этомъ явленіи мы не видѣли никакой связи съ нашими домашними дѣлами. Больше ихъ маленькихъ переживаній казались намъ даже событія, намъ почти совершенно чуждыя, какъ какая-нибудь угольная стачка въ Англіи, какъ португальская революція и торжество католиковъ въ бельгійской палатѣ. Мы, съ такимъ поразительнымъ прилежаніемъ изучавшіе детали экономическаго или пра-

вового быта Англіи, Франціи, Германіи, оставляли Балканы не только безъ всякаго изученія, но попросту—въ полномъ пренебреженіи. Я встрѣтилъ во время балканской войны много русскихъ врачей и студентовъ, пріѣхавшихъ съ отрядами Краснаго Креста; многіе изъ нихъ съ откровенностью говорили мнѣ, что до этой поѣздки они путали Румынію съ Румеліей и считали Филиппополь греческимъ городомъ. И, конечно, можно поручиться, что и до сихъ поръ, не смотря на всю сенсацію войны, рѣдкій русскій интеллигентъ очертитъ на картѣ границы Македоніи, не говоря уже объ Албаніи. Сербія, Болгарія, Черногорія, эти три младшихъ славянскихъ сестры Россіи, большинству изъ насъ абсолютно незнакомы; чѣмъ онѣ живутъ, богаты онѣ или бѣдны, свободны или скованы произволомъ, страны съ будущимъ или страны прошлаго, культурны или дики,—кто могъ или кто можетъ отвѣтить на это съ полнымъ знаніемъ дѣла, а не гадательно? Единицы изъ сотенъ.

Это было не только большой несправедливостью, но и большой ошибкой. Въ судьбахъ Россіи балканскій полуостровъ уже сыгралъ немалую роль, но несравненно большую ему предстоитъ сыграть; позднѣйшія событія доказали это съ полной несомнѣнностью. Если русская дипломатія до сихъ поръ не усвоила себѣ никакой твердой и опредѣленной балканской политики, то русской интеллигенціи слѣдовало бы быть менѣе близорукой, чтобы событія не заставали ее такъ врасплохъ, какъ нашихъ дипломатовъ. Не сегодня, такъ завтра, пассивности русской ближневосточной политики настанетъ конецъ, и это неизбѣжно отразится на внутренней жизни Россіи. Если мы припомнимъ, какую роль въ нашей общественной жизни сыгралъ востокъ дальній, то должны будемъ признать, что слѣдуетъ быть болѣе готовыми во всѣхъ отношеніяхъ.

Непосредственное и ближайшее знакомство съ балканскими странами рождаетъ прежде всего глубокое и непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что страны эти созрѣли для коренныхъ переворотовъ. Издали какъ-то не чувствуется та крайняя напряженность, которая характеризуетъ жизнь Болгаріи и Сербіи. Лѣтомъ 1911 года рѣшительно никто въ Европѣ не предполагалъ, что балканскій переворотъ такъ близокъ и что славянскіе народы уже готовятся къ нему; а между тѣмъ, объѣзжая тогда Балканы, я повсюду слышалъ тамъ, на мѣстѣ, разговоры о войнѣ, какъ о неизбѣжности. И не только въ Черногоріи, по сосѣдству съ которой бились албанскіе повстанцы, но и въ странахъ, повидимому, мирно процвѣтавшихъ, какъ Сербія и Болгарія. То же самое впечатлѣніе о *будущемъ* вынесъ я и теперь, за періодъ ликвидаціи конфликта четырехъ балканскихъ государствъ съ Турціей, правильнѣе сказать—за періодъ ликвидаціи европейской Турціи. Такъ или

иначе, нынѣшній балканскій конфликтъ близится къ благополучному завершенію; но значитъ ли это, что одновременно разрѣшается и весь давній балканскій вопросъ? Конечно—нѣтъ. Черезъ немного лѣтъ онъ встанетъ съ новой силой, и возможно, что нынѣшняя жестокая война была лишь пустяковой прелюдіей къ войнѣ гораздо болѣе жестокой и кровавой. Издали намъ такія пророчества кажутся напрасными и маловѣроятными; на Балканахъ никто въ этомъ не сомнѣвается. Любой бѣлградскій политикъ скажетъ вамъ, что за раздѣломъ Турціи долженъ скоро послѣдовать раздѣлъ Австріи—и такая перспектива его нисколько не пугаетъ и не поражаетъ своей кажущейся грандіозностью.

Но признаемъ всѣ эти пророчества пока преждевременными. Ближайшая наша задача—разобраться въ недавнемъ прошломъ, относясь къ нему объективнѣе, чѣмъ можно было сдѣлать это въ періодъ интенсивныхъ военныхъ дѣйствій. Въ своемъ небольшомъ письмѣ изъ Мустафа-Паша («В. Е.», декабрь, 1912) я упоминалъ, въ какіе узкіе предѣлы замыкала корреспондентскую наблюдательность болгарская военная цензура. Иностраннымъ корреспондентамъ, кромѣ двухъ-трехъ особо протежируемыхъ, совершенно не разрѣшался выѣздъ за предѣлы главнаго штаба и даже запрещалось въ предѣлахъ этого главнаго штаба разговаривать о военныхъ дѣйствіяхъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу здѣсь одинъ документъ изъ своего архива. Въ послѣднихъ числахъ октября на улицахъ Мустафа-Паша было вывѣшено слѣдующее объявленіе, за подписью временнаго окружного управителя: «Строжайше воспрещается господамъ корреспондентамъ и всѣмъ, находящимся въ городѣ, предлагать военнымъ и гражданскимъ лицамъ вопросы, касающіеся военныхъ дѣйствій; съ подобными вопросами надлежитъ обращаться къ оффиціальнымъ властямъ. Нарушители будутъ строжайше наказаны». Съ цѣлью какъ-нибудь выжить корреспондентовъ изъ арміи, болгарская и сербская цензуры прибѣгали ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ мѣрамъ, не останавливаясь передъ грубой безтактностью, оскорблявшей иностранцевъ, впервые испытавшихъ восточные порядки. Такъ напримѣръ, безъ всякой надобности, исключительно въ цѣляхъ наибольшаго раздраженія, корреспонденты оповѣщались такого рода объявленіемъ, вывѣшеннымъ на дверяхъ ихъ комнаты въ главномъ штабѣ: «г.г. корреспонденты, пожелавшіе *добровольно* уѣхать изъ Мустафа-Паша обратно и, получившіе на это разрѣшеніе, должны воспользоваться имъ втеченіе 24 часовъ, въ противномъ случаѣ будутъ высланы подъ конвоемъ». Мнѣ извѣстны нѣсколько случаевъ ареста иностранныхъ корреспондентовъ, отдалившихся отъ города даже не въ сторону позицій; у одного французскаго корреспондента

(агентства Гаваса) на станціи Мустафа-Паша, куда онъ поѣхалъ верхомъ купить папиросъ, отобрали лошадь и сѣдло, подъ предлогомъ недозволенной отлучки, заставивъ его идти пять верстъ, подъ дождемъ и по грязи, до города. При всемъ томъ, у болгаръ не хватало смѣлости рѣшительно отказать корреспондентамъ въ правѣ слѣдовать за арміей; только однажды они расхрабрились и выслали изъ штаба въ Софію около 35 человѣкъ, какъ бы въ видѣ наказанія за чью-то недозволенную отлучку. Такая политика мелкаго раздраженія имѣла результатъ совершенно отрицательный. Правда, поставленные въ полную невозможность работать, корреспонденты мало по малу оставляли армію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, разъѣхавшись по домамъ, они заполнили печать извѣстіями вздорными и недостовѣрными, рисующими тѣхъ-же болгаръ и сербовъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Я долженъ прибавить, что подъ корреспондентами иностранными я отнюдь не разумѣю и русскихъ. Не было, конечно, недостатка въ злоключеніяхъ и у нихъ, но все же ихъ положеніе было несравненно лучше. Достаточно было имъ разъ выѣхать за предѣлы вліянія грубыхъ и безтактныхъ штабныхъ офицеровъ—и ихъ ждалъ теплый привѣтъ, ждало самое дружеское отношеніе людей боевыхъ, отъ солдата до высшаго офицера. Тамъ, гдѣ иностранецъ не могъ проѣхать, имя русскаго служило и паспортомъ и рекомендаціей.

Говорю я объ этомъ не ради непріятныхъ воспоминаній. Нѣтъ. Съ результатами своей цензурной политики болгарамъ и пришлось, и до сихъ поръ приходится считаться. И первый вопросъ, въ значительной степени ею рожденный, есть вопросъ о такъ называемыхъ «славянскихъ звѣрствахъ», въ противовѣсъ такъ охотно культивировавшимся славянами росказнямъ о «звѣрствахъ турецкихъ». Во имя безпристрастія, мы на этихъ случаяхъ должны остановиться.

Въ противоположность военнымъ моралистамъ, я держусь того мнѣнія, что война сама по себѣ есть явленіе отвратительное и рѣшительно никакими «международными законами о войнѣ» невозможно ослабить впечатлѣніе ея эксцессовъ. Скажу болѣе: всѣ эти международные законы, всѣ эти ограниченія рода пуль, предписанія мягко обращаться съ ранеными и плѣнными, уважать красный крестъ и бѣлый флагъ, — только подчеркиваютъ и узаконяютъ ужасъ организованнаго убійства. Я никогда не могъ понять, почему пуля думъ-думъ недопустима, а допустима граната, начиненная шрапнелью. Пуля турецкаго Маузера, напримѣръ—одна изъ самыхъ «благородныхъ»; я видалъ солдатъ, голова которыхъ была просверлена такой пулей, и они оставались живыми и выздоравливали. Но та же пуля, задѣвъ предварительно о камень и лишь затѣмъ, рикошетомъ, по-

павъ въ тѣло, производила разрушенія страшныя. Во всякомъ случаѣ я хорошо помню турецкія груди, разорванныя осколками гранаты, и никто меня не убѣдитъ, что это орудіе убійства допустимѣе и законнѣе свинцовой пули, закушенной солдатскими зубами или подпиленной на кончикѣ. Думаю, что каждый рядовой солдатъ и держится, и долженъ держаться упрощеннаго взгляда на войну; разъ онъ посланъ и идетъ убивать—ему нѣтъ времени и нужды думать одновременно о состраданіи къ раненымъ и плѣннымъ. Въ обстановкѣ артиллерійскаго ада и штыкового боя о человѣчности говорить не приходится; здѣсь всѣми владѣетъ лишь одно намѣреніе:—убить какъ можно больше и, силой натиска и быстротой атаки, застраховать самого себя отъ смерти, обезсиливъ и прогнавъ непріятеля. Психологія упрощается здѣсь до послѣдней степени, инстинктъ смѣняетъ чувства, и мечтать о наличности здороваго сознанія и гуманныхъ ощущеній—по меньшей мѣрѣ наивно. Такая психологія свойственна какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ, какъ въ минуты сраженія, такъ и вообще на протяженіи всѣхъ военныхъ операцій. Одни называютъ это храбростью, другіе—геройствомъ, третьи—жестокостью, въ дѣйствительности же это—притупленіе человѣческихъ чувствъ, связанное съ пониженіемъ цѣнности жизни. Поэтому странны, по моему, всѣ разговоры о жестокостяхъ и звѣрствахъ на войнѣ. Но разъ они поднимаются одной стороною, справедливость требуетъ реванша. Единственныя свѣдѣнія, которыя намъ всегда съ большой охотой давались главными штабами и отдѣльными военными информаторами—это свѣдѣнія о турецкихъ звѣрствахъ. Добросовѣстно ихъ записывая, провѣряя и сообщая, мы не забывали прислушиваться и приглядываться и къ фактамъ противоположнымъ, въ чемъ недостатка, конечно, не было.

Какъ народъ менѣе культурный и болѣе фанатичный, притомъ защищающій свое отечество отъ исконныхъ враговъ, турки, и регулярные и, въ особенности, башибузуки, выказываютъ несомнѣнно болѣе жестокости, чѣмъ солдаты и четы союзниковъ. Главное — ихъ жестокости болѣе подчеркнуты ими же самими; они стараются своими актами внушить страхъ и нисколько ихъ не скрываютъ. Такъ, напримѣръ, не подлежатъ никакому сомнѣнію всѣмъ извѣстные разсказы объ отрѣзанныхъ носахъ, ушахъ и половыхъ органахъ, о зарываньи живыми въ землю до шеи и т. п. Къ тому же разряду безобразій башибузуковъ относятся и насилія надъ женщинами, вырѣзываніе цѣлыхъ семей, вмѣстѣ съ грудными дѣтьми. Все это факты, не только провѣренные, но даже очень обычные. Но, напримѣръ, совершенно другой породы случаи такъ называемаго «звѣрскаго предательства» турокъ, на которомъ очень

настаиваютъ славянскіе информаторы. Возьмемъ такой случай. Сегодня болгары заняли турецкую деревню, населеніе которой убѣжало вмѣстѣ съ отступившими войсками, а оставшіеся, въ лицѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ турокъ, выразили покорность завоевателямъ. Солдаты болгары производятъ обыскъ по домамъ, отбираютъ оружіе, располагаются на ночлегъ, не стѣсняя себя, конечно, особыми приглашеніями хозяевъ. Но вотъ въ проходящаго по улицѣ одинокаго, предвкушающаго отдыхъ солдатика кто-то стрѣляетъ изъ-за угла или изъ окна; происходитъ тревога, обыскиваютъ ближнія зданія, вытаскиваютъ оттуда всѣхъ: стариковъ, женщинъ и дѣтей, находятъ еще теплое отъ выстрѣла ружье, и начинается слѣдствіе, всегда краткое и завершающееся одинаковымъ приговоромъ. Если солдаты не успѣютъ расправиться съ «уличенными» своимъ быстрымъ судомъ, то не менѣе быстрый военный судъ приговариваетъ «измѣнниковъ» къ разстрѣлу или повѣшенію, хотя бы это были старики и несовершеннолѣтніе. Случай квалифицируется, какъ «злодѣйское предательство», хотя нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ безразсуднымъ геройствомъ людей, не пожелавшихъ сдаться живыми своимъ врагамъ. Развѣ не полны разсказами о такихъ геройскихъ подвигахъ старика и юноши всѣ патріотическія хрестоматіи, и не о нихъ ли повѣствуютъ намъ историческія ленты кинематографовъ? Такимъ образомъ, истинное звѣрство продѣлываютъ именно солдаты и военные судьи, превращающіеся изъ воиновъ въ палачей и убивающіе своихъ военноплѣнныхъ.

Съ массовыми разстрѣлами непокорнаго населенія насъ недавно познакомили итальянцы въ Триполитаніи. У всѣхъ живы въ памяти ленты кинематографовъ, изображающія ряды висѣлицъ и ряды труповъ на одной «братской» висѣлицѣ. Болгары не позволяли дѣлать фотографическихъ снимковъ на такіе опасные сюжеты и скрывали ихъ отъ взоровъ корреспондентовъ. Однако, въ моемъ распоряженіи имѣется снимокъ съ казни двухъ турокъ въ Мустафа-Паша, опровергающій увѣренія болгаръ, что среди ихъ солдатъ невозможно найти палача. На снимкѣ изображено дерево, на вѣтви котораго вѣшаютъ одновременно двоихъ. Казнь производится самымъ примитивнымъ образомъ, даже безъ обычнаго вышибанья скамеекъ. Казнимаго ставятъ подъ деревомъ, надѣваютъ ему на шею веревку, конецъ которой переброшенъ черезъ крѣпкій сукъ дерева, и затѣмъ подтягиваютъ вверхъ за свободный конецъ веревки. На моемъ снимкѣ изображены два момента: одного осужденнаго подтягиваютъ, другой уже виситъ на закрѣпленной веревкѣ, и солдатъ, чтобы ускорить казнь, повисъ на его плечахъ всей тяжестью тѣла, подобравъ подъ себя ноги. Я не позволяю себѣ никакихъ сужденій по

поводу справедливости наказанія и права болгаръ примѣнять военно-полевые законы. Но никто меня не убѣдитъ, что въ этой картинкѣ меньше звѣрства, чѣмъ въ фактѣ отрѣзанія ушей и носовъ у взятыхъ въ плѣнъ башибузуками. Только очень тонкіе моралисты могутъ находить разницу въ оттѣнкахъ убійства по закону и вопреки закону, по правиламъ и безъ правилъ, по всей справедливости и безъ кощунственнаго о ней упоминанія.

Случаи массоваго разстрѣла военноплѣнныхъ, уже не по суду, а по простой иниціативѣ солдатъ-побѣдителей, общи туркамъ, болгарамъ и сербамъ. Съ перваго и до послѣдняго дня войны мы можемъ прослѣдить ихъ повсюду. Опять же я говорю объ этомъ не въ осужденіе тѣмъ или другимъ; это есть не болѣе, какъ неизбѣжное слѣдствіе упрощенія психологіи воина, а отнюдь не проявленіе природной жестокости. Но ни проходить мимо этихъ фактовъ, ни, тѣмъ болѣе, приписывать ихъ лишь одной сторонѣ, мы не въ правѣ.

Въ первый день войны, при взятіи Мустафа-Паша, произошелъ слѣдующій случай, который я передаю со словъ ближайшаго свидѣтеля, повѣдавшаго мнѣ о немъ на другой же день. Какъ извѣстно, царь Фердинандъ былъ свидѣтелемъ перваго сраженія, хотя и наблюдалъ его съ почтительнаго разстоянія. Одинъ изъ адъютантовъ доложилъ царю, что взяты въ плѣнъ восемь турецкихъ солдатъ, и царь пожелалъ видѣть первыхъ военноплѣнныхъ. За плѣнными послали, но ждать ихъ пришлось долго. Наконецъ явился подъ-офицеръ, которому они были поручены, и смущенно доложилъ, что солдаты плѣнныхъ прикололи. Фердинандъ неодобрительно покачалъ головой и, обращаясь къ спутникамъ, сказалъ имъ: «Хорошо, что здѣсь нѣтъ иностранныхъ корреспондентовъ!» Этотъ анекдотъ отнюдь не повѣствуетъ объ исключительномъ случаѣ; думается, что многихъ плѣнныхъ постигала та же участь. Мнѣ много разъ приходилось разговаривать на эту тему съ болгарскими и сербскими солдатами, и всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что турокъ, какъ дикихъ звѣрей, жалѣть не надо, что Красный Крестъ напрасно подбираетъ и лѣчитъ турецкихъ раненыхъ, а нужно ихъ прикалывать. Что солдаты такъ и поступали—тому свидѣтельствъ безъ конца; но и офицерамъ не всегда была чуждой эта психологія. Такъ напримѣръ, мнѣ цитировали два устныхъ приказа, объ авторахъ которыхъ, извѣстныхъ боевыхъ генералахъ, болгарскомъ и сербскомъ, я умолчу, такъ какъ говорю съ чужихъ словъ. Генералъ болгарскій, отправляя отрядъ турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ, кажется, при Люле-Бургасѣ, далъ конвою слѣдующій приказъ: «смотрите,—сказалъ онъ,—чтобы плѣнные не шли въ разсыпную; кто будетъ отставать,—тѣхъ устраняйте». Въ виду

такого приказа, до мѣста назначенія дошла лишь половина турецкихъ плѣнныхъ. Сербскій генералъ далъ приказъ еще болѣе дипломатичный. Онъ приказалъ отвести довольно большой отрядъ плѣнныхъ въ ближайшій сербскій городъ, до котораго было часовъ двѣнадцать пути, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ конвою непремѣнно вернуться назадъ черезъ пять часовъ. Конвой точно исполнилъ приказаніе въ его второй части, а плѣнные попросту исчезли, благо не были зарегистрованы. Оба эти разсказа я слышалъ изъ устъ боевыхъ офицеровъ, которые не только не возмущались приказами своего начальства, но считали ихъ весьма мудрыми. Вполнѣ допуская, что все это—лишь анекдоты и преувеличенія, я все же считаю, что трудно придумать анекдотъ, болѣе близкій къ истинѣ. Что до солдатъ, то отъ нихъ я слышалъ не разъ подлинные разсказы о прикалываніи раненыхъ и разстрѣлѣ плѣнныхъ, и разсказчики, сами—участники этихъ операцій, отнюдь не считали себя грѣшниками или преступниками. Съ другой стороны не могу умолчать и о фактахъ противоположныхъ, о случаяхъ защиты офицерами плѣнныхъ, которыхъ солдаты хотѣли прикончить. Очевидно въ данномъ случаѣ мы имѣли дѣло съ офицерствомъ «сложной психологіи».

По поводу обвиненія въ «звѣрствахъ» заинтересованныя стороны, не имѣя достаточныхъ данныхъ для опроверженія фактовъ, всегда и неизмѣнно дѣлаютъ одну и ту же оправдательную ссылку: «если случаи безобразій и жестокостей и встрѣчаются, то виноваты въ нихъ не регулярныя войска, а добровольческіе отряды». Турки ссылаются на башибузуковъ и арнаутовъ, болгары—на четниковъ Въ этомъ есть, конечно, большая доля правды. Войска иррегулярныя менѣе дисциплинированы, болѣе иниціативны, ближе сталкиваются съ такимъ же иррегулярнымъ непріятелемъ, и исполняютъ именно тѣ функціи, гдѣ легче проявиться духу мародерства и насилія. Имъ поручается расправа съ небольшими селеніями, нападенія на кавалерійскіе разъѣзды и рискованныя охотницкія вылазки. Они воюютъ, главнымъ образомъ, не съ солдатами противника, а съ враждебнымъ населеніемъ и съ такими же «приватными» отрядами противника. Поэтому естественно, что имъ еще менѣе свойственно разсуждать о человѣчности и о соблюденіи международныхъ законовъ войны, о которыхъ они и не слыхали. Но все же подобныя ссылки могутъ служить лишь для отписокъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, привыкшимъ возмущаться всѣмъ, что дѣлается на сторонѣ, а не дома. Въ дѣйствительности, психологическая разница между солдатомъ рядовымъ и четникомъ не такъ ужъ велика. Въ основѣ этой психологіи всегда лежитъ одно и то же отрицаніе святости жизни и ея цѣнности и признаніе на-

силія единственнымъ закономъ военнаго времени. Будетъ ли убито однимъ больше или однимъ меньше—разницы никакой. Нѣтъ ничего соблазнительнѣе сознанія, что ты имѣешь право безнаказанно нарушать одну изъ самыхъ строгихъ человѣческихъ заповѣдей: не убій; при этомъ ты можешь не только чувствовать совѣсть свою совершенно спокойной, но и сознавать себя героемъ, созидателемъ славы своего отечества. Разъ воинъ, ради общаго блага, ежечасно рискуетъ своей жизнью, разъ личность его врага заранѣе лишена всякихъ правъ, въ томъ числѣ и права на жизнь, разъ приказа маленькаго офицера вполнѣ достаточно, чтобы сжечь цѣлую деревню со всѣмъ имуществомъ немирныхъ или мирныхъ поселянъ;—то какъ вы убѣдите этого воина, что собственность порабощеннаго непріятеля остается священной, что какой-то законъ можетъ защищать его жизнь и честь его семьи, и что онъ, воинъ, не имѣетъ права воспользоваться курицей этого обывателя подъ угрозой наказанія за мародерство? Война, ниспровергающая всѣ законы и подставляющая подъ произволъ свистящей пули, вольной убить или пролетѣть мимо,—плохой учитель морали. Солдата, будь онъ четникъ или строевой регулярнаго войска, мы не въ правѣ обвинять ни въ чемъ. И если все-же отвѣтственность за безобразія и звѣрства на кого-нибудь должна падать, то ужъ во всякомъ случаѣ не на тѣхъ, кого послали убивать и умирать, а на тѣхъ, кто ихъ послалъ. Право насилія надъ личностью и имуществомъ узаконяется въ тотъ самый моментъ, когда объявляется война, которая по природѣ своей и есть высшее насиліе и высшее беззаконіе.

Такимъ образомъ, съ одной стороны лицемѣріемъ звучатъ всѣ нападки европейской прессы на безобразія, чинимыя войсками турокъ или войсками союзниковъ, съ другой стороны—напрасны и невѣрны всѣ оправданія и ссылки на компрометтирующее поведеніе лишь войскъ иррегулярныхъ и не подчиненныхъ общей дисциплинѣ. И тѣмъ, и другимъ одинаково или почти одинаково свойственно нарушать изобрѣтенные дипломатами «законы о войнѣ». Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть, и при желаніи можно доказать это безконечными примѣрами. Турки въ Адріанопольскомъ вилайетѣ, болгары въ Македоніи, сербы въ санджакѣ, греки въ Салоникахъ, какъ и итальянцы въ Триполитаніи, англичане въ Трансваалѣ, французы въ Марокко, русскіе въ Манджуріи,—всѣ дали яркіе примѣры тому, что неизбѣжно влечетъ за собою война. Война балканская, какъ война народностей, а не только армій, позволяла ожидать гораздо бо̀льшаго въ этомъ отношеніи; а между тѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что турки и болгары, ни въ чемъ не уступивъ народамъ, болѣе культурнымъ, рѣшительно ни въ чемъ ихъ и не превзошли.

Нѣсколько особо стоятъ извѣстныя безчинства, учиненныя греками въ Салоникахъ. Особо—потому, что авторами ихъ никакъ нельзя считать солдатъ или добровольцевъ, и что они носятъ характеръ не столько дезорганизованности и недисциплинированности, сколько, наоборотъ, организованныхъ съ опредѣленной цѣлью предпріятій. Первое изъ нихъ—акты мародерства въ крупныхъ размѣрахъ. Разсказываютъ, что послѣ взятія Салоникъ греки погрузили на пароходы «военную добычу», заключавшуюся въ коврахъ, дорогой мебели, зеркалахъ, посудѣ и т. п., чтобы перевезти все это въ Аѳины. Это, конечно, не могло быть солдатскимъ предпріятіемъ; здѣсь скорѣе нужно предполагать приказъ высшаго начальства. Погруженные такимъ образомъ пароходы были остановлены догнавшимъ ихъ англійскимъ военнымъ судномъ, которое заставило грековъ вернуть добычу обратно. Поскольку все это вѣрно, а не грекофобскій анекдотъ — судить не берусь, такъ какъ лично въ Салоникахъ я не былъ и разсказы объ этомъ слышалъ изъ третьихъ устъ и,—что то же,—читалъ въ газетахъ. Но если это вѣрно, тутъ «военная психологія» уже не при чемъ. Не при чемъ она и въ другомъ случаѣ изъ практики грековъ, на этотъ разъ вполнѣ достовѣрномъ и несомнѣнномъ: я говорю о погромѣ евреевъ, учиненномъ въ тѣхъ же Салоникахъ тѣми же греками. О погромѣ этомъ разсказываютъ много и въ различныхъ версіяхъ. Наиболѣе вѣроятная версія гласитъ, что погромъ былъ учиненъ какъ бы для острастки и въ наказанье евреевъ за ихъ явныя болгарофильскія тенденціи. Извѣстно, что Салоники, по поводу которыхъ союзники не успѣли заранѣе, еще до войны, договориться, остаются въ спорномъ владѣніи. Греки, прежде занявшіе городъ своими войсками, желаютъ считать его своимъ; болгары разсчитываютъ внести богатый портъ въ свои будущія границы. Самый городъ населенъ евреями, съ точки зрѣнія которыхъ, какъ людей коммерческихъ, переходъ порта къ грекамъ знаменуетъ его неизбѣжное паденіе въ торговомъ отношеніи. Этимъ и объясняется «болгарофильство» мѣстнаго населенія, которое съ бо́льшимъ почетомъ и привѣтомъ встрѣтило войска болгаръ, чѣмъ войска грековъ, вошедшихъ первыми. Вѣроятно, и въ дальнѣйшемъ симпатія евреевъ къ болгарамъ проявлялась наглядно, что должно было возбуждать въ грекахъ досаду. Какъ бы то ни было, можетъ быть, даже попрежнему изъ простого духа мародерства, но былъ устроенъ или импровизированъ погромъ евреевъ и ихъ магазиновъ. Попытка скрыть этотъ случай отъ глазъ Европы, конечно, не удалась, и въ настоящее время имѣются довольно исчерпывающіе списки пострадавшихъ и подробные протоколы самаго событія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что союзникамъ правильнѣе было бы воздержаться отъ возгласовъ о «турецкихъ звѣрствахъ» и усиленнаго бросанья въ европейскую прессу достовѣрныхъ и нарочито придуманныхъ анекдотовъ изъ нынѣшней и прошлыхъ войнъ. Слѣдовало бы имъ иногда воздерживаться и отъ преждевременнаго прославленія нѣкоторыхъ своихъ частичныхъ подвиговъ, которые живописались въ такихъ яркихъ краскахъ. Помню, напримѣръ, поэтическіе оффиціозные разсказы о «лихомъ кавалерійскомъ набѣгѣ» на Димотику. Одинъ изъ старыхъ русскихъ корреспондентовъ, посѣтивъ Димотику всего недѣлей или двумя позже этого кавалерійскаго набѣга болгаръ и, очевидно, находясь подъ вліяніемъ разсказовъ о набѣгѣ, слышанныхъ имъ въ арміи, изъ третьихъ устъ описалъ и самый городъ, и это событіе въ нѣжнѣйшихъ и изящнѣйшихъ тонахъ. Димотика оказалась, въ его передачѣ, утопающей въ зелени, благоденствующей и счастливой избавленіемъ отъ турецкаго режима. Онъ увѣрялъ, что въ достопамятный день на встрѣчу кавалеристамъ вышло мѣстное населеніе съ женами и дѣтьми, приняло ихъ, какъ лучшихъ друзей, и такъ же любовно было принято ими. Къ сожалѣнію, дѣло въ дѣйствительности происходило совершенно иначе, и «лихой кавалерійскій набѣгъ» былъ типичнымъ образчикомъ военнаго вандализма; сами болгары впослѣдствіи о немъ старались не упоминать. Если мы перейдемъ къ дѣйствіямъ четниковъ въ Македоніи, то тамъ мы наткнемся на всѣ виды насилій, чинимыхъ надъ населеніемъ. «Освобожденныя земли» гораздо правильнѣе было бы называть опустошенными. Допускаю и даже увѣряю, что подъ властью болгаръ македонское населеніе будетъ процвѣтать и что этотъ прекрасный край найдетъ наконецъ свое счастье. Но это лишь будетъ, а пока и прежніе господа, и нынѣшніе завоеватели доказали ему, что нѣтъ существенной разницы между дѣйствіями поработителей и дѣйствіями освободителей, что для даннаго поколѣнія худой миръ лучше доброй войны. Сожженная и разграбленная и врагами, и друзьями, Македонія долгое время не сможетъ встать на ноги, чтобы достигнуть хотя бы той степени благополучія, какою она пользовалась до войны.

Если отдѣльные акты вандализма въ нынѣшней войнѣ не отличаются существенно отъ подобныхъ же актовъ въ войнахъ народовъ, претендующихъ на культурность, то все же балканскую войну, по ея характеру, нужно признать исключительно жестокой. Ведется она обѣими сторонами съ особымъ озлобленіемъ, характеризующимъ восточные народы и давнихъ враговъ. Не думаю, чтобы въ войнѣ, напримѣръ, русско-японской отдѣльный солдатъ могъ

чувствовать ненависть къ противнику. Обычно, въ мирное время, русскій человѣкъ не только не входилъ въ соприкосновеніе съ японцами, но плохо былъ освѣдомленъ объ ихъ существованіи; точно то же можно было сказать и объ его противникахъ. Такимъ образомъ сражались два народа, другъ друга не знавшіе, не чувствовавшіе другъ къ другу ни злобы, ни вражды, ни дружбы. Наоборотъ, на Балканахъ сошлись съ оружіемъ въ рукахъ, народности, всегда жившія бокъ-о-бокъ, всегда враждовавшія, перепутанныя взаимоотношеніями и историческимъ прошлымъ. При этомъ здѣсь мы имѣли дѣло не съ двумя арміями, а съ вооруженными полчищами народовъ, оставившихъ свои дома и вышедшихъ одинъ на встрѣчу другому. Рѣшительно каждый болгарскій или сербскій солдатъ понималъ, во имя чего и противъ кого онъ идетъ. И не было во всей Болгаріи и во всей Сербіи никого, кто бы оспаривалъ справедливость войны и ея необходимость или, по крайней мѣрѣ, ея неизбѣжность. Точно также обѣ стороны сознавали, что теперь онѣ ставятъ на карту все будущее своей страны и что исходъ войны рѣшаетъ судьбу всего балканскаго полуострова, всего славянства и всего мусульманства. Отсюда и безпощадность двухъ враговъ, отвергнувшихъ всякую мысль о возможности примиренія, прежде чѣмъ оружіе не рѣшитъ дѣло до конца. Отсюда же и твердо сидѣвшее въ каждомъ солдатѣ сознаніе, что попасть врагу въ руки живымъ—значитъ умереть смертью болѣе мучительной, чѣмъ смерть отъ пули. Турки вѣрятъ въ жестокость болгаръ не менѣе, чѣмъ болгары—въ турецкія звѣрства; и эта ихъ увѣренность не лишена основаній, какъ видно изъ предыдущаго.

Мнѣ припомнился одинъ случай, любопытно рисующій психологію военнаго человѣка. Одинъ болгарскій офицеръ, раненый въ небольшомъ сраженіи, разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ онъ лежалъ въ госпиталѣ рядомъ съ турками, также ранеными. Среди турокъ оказался солдатъ, примѣтившій болгарскаго офицера еще во время стычки. Узнавъ его теперь, онъ, обращаясь къ сосѣдямъ по койкѣ, громко сталъ имъ разсказывать, что онъ знаетъ этого офицера и что тотъ былъ въ числѣ ихъ недавнихъ враговъ. Казалось бы—самый естественный и невинный разговоръ въ госпиталѣ, никого не могущій обидѣть. И, однако, офицеръ разсказывалъ это съ глубокимъ возмущеніемъ, ради иллюстраціи того, какіе турки неисправимые звѣри. «Его подобрали на полѣ сраженія, его лечатъ въ нашемъ госпиталѣ, — а онъ еще смѣетъ разсказывать вслухъ, что сражался противъ насъ, и смѣетъ показывать на меня своимъ пріятелямъ. Я былъ такъ возмущенъ,—разсказываетъ офицеръ,—что потребовалъ немедленно перевести турокъ въ другую палату;

жалѣю, что у меня не было сабли; будь у меня подъ рукой оружіе,—я бы этого негодяя убилъ». Помню, я долго не могъ понять негодованія офицера. Теперь я понимаю: это—психологія расовой ненависти, доведенная войной до крайности. Это—вѣковая злоба, соединенная съ презрѣніемъ, такъ характеризующимъ отношеніе болгаръ къ туркамъ. Но прежде всего, конечно, это—образчикъ полнаго извращенія чувства человѣчности въ солдатѣ, вошедшемъ во вкусъ ненависти и убійства.

На позиціяхъ санитары разсказывали мнѣ такіе случаи. Однажды имъ пришлось, послѣ большого сраженія, собирать на полѣ раненыхъ, пролежавшихъ уже почти сутки. Когда одинъ санитаръ, подойдя къ лежавшему турку и убѣдившись, что тотъ живъ, сталъ перевязывать ему голову, турокъ схватилъ лежавшій рядомъ на землѣ штыкъ и изъ послѣднихъ силъ воткнулъ его въ ногу санитару. Подобныхъ случаевъ я слышалъ нѣсколько. Между прочимъ, разсказывали и о турецкомъ офицерѣ, который при тѣхъ же условіяхъ, въ моментъ первой санитарной помощи, вытащилъ револьверъ и убилъ наповалъ болгарскаго врача; мнѣ называли и фамилію врача, но провѣрить этотъ фактъ я, къ сожалѣнію, не могъ. Является загадкой, служатъ ли такіе факты доказательствомъ непримиримой ненависти или доказательствомъ боязни издѣвательствъ и мучительствъ со стороны врага? Что болгары неспособны продѣлывать надъ ранеными и плѣнными тѣхъ звѣрствъ, на какія способны башибузуки, это разумѣется само собою. Но, очевидно, турки такъ же мало вѣрятъ въ человѣчность своихъ враговъ, какъ и славяне—въ турецкое добросердечіе. Однако, я хорошо помню, что санитары, мои собесѣдники, высказывали открыто и единогласно мнѣніе о безполезности и безцѣльности подбиранія раненыхъ турокъ и лѣченья ихъ. «Правильнѣе всего было бы ихъ приканчивать, какъ собакъ»,—говорили они. Этихъ взглядовъ и мнѣній я отнюдь не обобщаю; отмѣчаю только, что слышалъ ихъ не только изъ устъ солдатъ, но и изъ устъ санитаровъ, роль которыхъ—помощь раненымъ

Еще маленькій анекдотъ изъ области военной психологіи. Въ Мустафа-Паша я познакомился съ военнымъ врачемъ, болгариномъ, организовавшимъ госпиталь для больныхъ внутренними болѣзнями. Такъ какъ въ то время тифъ еще не появился, погода стояла хорошая и больныхъ почти не было, то работы у врача было немного, и его прикомандировали одновременно и къ военному суду, уже не по медицинской части. Какъ-то, когда мы вмѣстѣ вышли изъ госпиталя, докторъ сказалъ мнѣ, что онъ идетъ въ судъ, гдѣ будутъ судить нѣсколькихъ турецкихъ лазутчиковъ, захваченныхъ

патрулями подъ Адріанополемъ. Въ судъ корреспондентамъ доступа не было, и я, прощаясь съ докторомъ, полушутя порекомендовалъ ему быть помилосерднѣе съ турками.

— Какъ, воскликнулъ онъ,—быть милосердными съ этими негодяями? Ну ужъ нѣтъ! Этого они не дождутся. Мы ихъ такъ...

— А вы въ качествѣ кого же на судѣ?—полюбопытствовалъ я.

— Я? Я—защитникъ,—спокойно отвѣтилъ докторъ.

Я очень не хотѣлъ бы, чтобы изъ этихъ и имъ подобныхъ фактовъ и анекдотовъ выводилось кѣмъ-нибудь заключеніе о природной жестокости славянъ; турокъ я почти не знаю, и защищать ихъ не берусь. Нѣтъ ничего болѣе неправильнаго, какъ изучать характеръ народа въ то время, когда народъ этотъ на войнѣ и когда всѣ естественныя проявленія его человѣчности и его добродушія заглушены, извращены и подавлены тѣми ощущеніями низшаго порядка, которыя пышно именуются храбростью, жаждой биться до послѣдней капли крови и т. п. За время пребыванія въ болгарской арміи я ясно понялъ, что значитъ, напримѣръ, обиходное военное выраженіе: «войска рвутся въ бой» или исключительная любовь болгаръ итти «на ножъ» (въ штыки). Никакой жажды боя у солдатъ не бываетъ и быть не можетъ. Но бой и атака служатъ для нихъ лишь единственнымъ выходомъ изъ самаго тягостнаго, что есть въ войнѣ: изъ продолжительнаго сидѣнія въ траншеяхъ, въ согнутомъ положеніи, часто — по поясъ въ водѣ, изъ постояннаго слушанья свиста пуль, летящихъ невѣдомо откуда и невѣдомо зачѣмъ, изъ тяжелыхъ, утомительныхъ до послѣдней степени, полуголодныхъ переходовъ отъ деревни къ деревнѣ, отъ стоянки къ стоянкѣ, изъ постояннаго страха передъ опасностью которой невидно. Какой угодно рискъ, какое угодно безумное напряженье силъ въ рѣшительномъ боѣ лучше и легче, чѣмъ походная жизнь солдата, обычно не имѣющаго представленія, гдѣ онъ находится и когда, наконецъ, потребуется отъ него реальное выступленіе, дѣйствительное дѣло, которое пойметъ и онъ. Все это, въ связи съ неизбѣжнымъ отупѣніемъ (а не изощреніемъ, какъ нѣкоторые думаютъ), создаетъ въ солдатѣ потребность въ избавленіи отъ кошмара бездѣйствія и неизвѣстности хотя бы кошмаромъ сраженія. И вотъ, «войска рвутся въ бой»... По тѣмъ же причинамъ они рвутся и въ атаку, потому что только тутъ они могутъ сопротивляться, только тутъ могутъ противопоставлять свою силу силѣ врага, тогда какъ бой артиллерійскій является для нихъ чѣмъ-то въ родѣ стихіи, держащей въ напряженіи, не отличающей храбраго отъ труса, безсмысленно утомляющей—стихіи, противъ которой бороться невозможно, которая ничего не способна рѣшить. Совсѣмъ другое—атака. Въ ней штыкъ

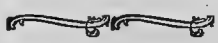
рѣшаетъ дѣло, и если не приноситъ смерть,—приноситъ отдыхъ.

Ни народомъ жестокимъ, ни народомъ воинственнымъ по преимуществу болгаръ, какъ и сербовъ, считать, поэтому не приходится. Въ нынѣшней войнѣ они выказали себя народами необыкновенной выдержки и выносливости. За это европейская пресса ихъ прославила и превознесла въ той же мѣрѣ, въ какой укоряла за жестокость. Повидимому, къ данному моменту эти обобщающія характеристики уже исчерпаны и никого болѣе не занимаютъ. На сцену выступаетъ новый вопросъ: способны ли союзники, объединенные противъ врага, сохранить эту объединенность на долгое время, пронеся ее черезъ острый моментъ дѣлежа завоеванныхъ территоріи? Пока въ нашемъ распоряженіи еще мало подлинныхъ и провѣренныхъ, свободныхъ отъ налета анекдотичности и одностороннихъ прикрасъ, свѣдѣній о внѣшнихъ формахъ столкновенія союзныхъ интересовъ. Однако, съ каждымъ днемъ фактовъ и разсказовъ дѣлается все болѣе, и въ общемъ они довольно печальны. Помимо не прекращающихся раздоровъ въ Салоникахъ и по поводу Салоникъ, мы имѣемъ очень тревожныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ сербовъ въ Монастырѣ, гдѣ временная сербская администрація старается искусственно передѣлывать населеніе болгарское въ «подлинныхъ сербовъ», насильственно переименовывая Николовыхъ въ Николичей и Ивановыхъ въ Иваничей. Корреспондентъ газеты «Рѣчь», только что объѣхавшій Македонію и часть будущей сербской территоріи, сообщаетъ о нѣсколькихъ случаяхъ таинственнаго исчезновенія болгарскихъ приверженцевъ изъ мѣстъ, занятыхъ временно сербами. Такъ, напримѣръ, одно лицо, провозгласившее на собраніи сербовъ тостъ за царя Фердинанда, было найдено убитымъ. На этихъ дняхъ болгарское агентство сообщило очень странное извѣстіе о высадкѣ греческаго отряда въ приморскомъ мѣстечкѣ, давно занятомъ болгарами; «болгарскій гарнизонъ,—добавляетъ агентство,—состоящій изъ 80 солдатъ, не оказалъ сопротивленія грекамъ». Всѣ эти летучія извѣстія невольно вызываютъ тревогу. Возможно, что на смѣну военному ожесточенію союзниковъ противъ общаго врага—турокъ, идетъ нѣчто гораздо болѣе опасное по послѣдствіямъ: призракъ раздоровъ междоусобныхъ. Къ сожалѣнію, взаимное недружелюбіе болгаръ, сербовъ и грековъ есть величина столь же постоянная, какъ и ихъ общая ненависть къ туркамъ. Если послѣдняя могла разбудить въ нихъ спящую въ человѣкѣ и просыпающуюся въ войнѣ жестокость, то гораздо большаго мы можемъ ожидать отъ столкновеній внутреннихъ. Примѣры «звѣрствъ» этого рода были обильны въ еще очень недавней исторіи ихъ

общаго усиленнаго политическаго «культуртрегерства» въ Македоніи.

Но, какъ мы не обобщали фактовъ военныхъ безобразій, такъ не склонны обобщать и первыхъ инцидентовъ по поводу предстоящаго дѣлежа шкуры звѣря, въ данный моментъ еще не добитаго. Во всякомъ случаѣ эти явленія не кладутъ тѣни на народы, являясь лишь результатомъ провокаціи единичныхъ близорукихъ политиковъ. Какъ-то обидно было бы отказаться отъ родившейся во всѣхъ насъ надежды, что балканская война дѣйствительно есть война освободительная и что она, вернувъ балканскихъ славянъ въ ихъ естественныя территоріальныя границы, откроетъ передъ ними широкіе пути культурнаго развитія и излѣчитъ ихъ отъ періодическихъ эпидемій взаимной ненависти и раздоровъ. Иначе пришлось бы признать, что искупительныя жертвы были напрасны.

М. А. Осоргинъ.



ДВА СЪѢЗДА.

(Письмо изъ Берлина).

Два съѣзда: одинъ—на западѣ, другой—на востокѣ германской столицы. Одинъ — въ центрѣ грандіозныхъ магазиновъ и праздной человѣческой сутолоки, другой—въ центрѣ фабричныхъ трубъ и безпрерывнаго труда. Оба въ наиболѣе родственной каждому атмосферѣ.

Чѣмъ ближе къ зданію второго съѣзда, тѣмъ непригляднѣе улицы, тѣмъ безотраднѣй видъ прохожихъ. Синія блузы, целюлоидовые воротники, искривленные каблуки и невыглаженныя брюки встрѣчаются чаще чѣмъ въ кварталахъ, примыкающихъ къ зданію перваго, а хорошій цвѣтъ лица и выхоленныя руки—значительно рѣже. Впрочемъ, неприглядность и безотрадность—понятія относительныя, а потому спѣшу отмѣтить, что такая характеристика берлинскихъ рабочихъ улицъ вѣрна лишь по сравненію съ западными кварталами Берлина, населенными богатой буржуазіей и знатнымъ

дворянствомъ. По сравненію съ россійскими рабочими кварталами, берлинскіе должны быть названы если не великолѣпными, то по меньшей мѣрѣ весьма хорошими. Запросы и вкусы берлинскаго рабочаго, однако, далеко шагнули впередъ, и онъ давно ужъ пересталъ удовлетворяться своимъ теперешнимъ благополучіемъ. То, что россійскому пролетарію могло бы еще доставить радость и успокоеніе, вызываетъ у нѣмецкаго раздраженіе и возмущеніе. Разница между его положеніемъ и положеніемъ «западниковъ» черезчуръ ужъ велика и не можетъ не вызывать негодованія на несправедливость существующаго порядка. Это въ «обычные», «нормальные» періоды. А теперь, когда жизнь повсюду вздорожала, когда за жизненные припасы приходится платить въ два и въ три раза больше обычнаго, когда квартирныя цѣны поднялись на сто и больше процентовъ, когда призракъ войны грозитъ еще большими бѣдствіями, настроеніе нѣмецкаго рабочаго ожесточается сильнѣе обыкновеннаго.

Not schleicht durchs Land! Es feiern viele Hände,
Die fiebernd suchen nach Beschäftigung!
Der Hunger würgt. Und rote Fackelbrände
Warf in den Alltagskampf die Teuerung!

(Кругомъ нищета. Много рукъ, лихорадочно ищущихъ занятія, остаются праздными. Голодъ давитъ. Дороговизна бросила въ повседневную борьбу красные факелы пожара).

Это изъ «Пролога», прочитаннаго при открытіи рабочаго съѣзда и произведшаго на присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Конечно, «прологи» относятся къ декоративнымъ моментамъ съѣздовъ и не каждое слово приходится тутъ брать въ серьезъ. Но выписанныя четыре строчки болѣе чѣмъ близки къ истинѣ, а настроеніе, которое сказывается въ нихъ, скорѣе слабѣе, чѣмъ сильнѣе того, которое приходилось наблюдать въ дѣйствительности.

Es klirrt die Welt von grausen Waffengängen.
Noch raucht das Blut, noch röchelt rings der Tod!
Wenn sie sich auch zur Friedenstagung drängen,
Die Fackel glüht noch, die so grell geloht...
Das Volk will Frieden. Und es stellt als Burgen
Sich machtvoll auf: kein Krieg soll bleich und fahl
Sein Müh'n vernichten, seine Söhne würgen!

(Міръ полонъ звуковъ жестокихъ схватокъ: еще дымится кровь и смерть хрипитъ еще кругомъ. Они собираются на мирный совѣтъ, но еще тлѣетъ факелъ, пылавшій такъ ярко... Народъ желаетъ мира и является его мощнымъ заложникомъ. Война не должна уничтожать его трудовъ, не должна душить его сыновъ).

И эти строки «пролога» правильно передаютъ настроеніе, охватившее нѣмецкій пролетаріатъ за послѣднее время. Возможность войны казалась неоднократно такой близкой, что иначе и быть не могло. Нѣмецкій рабочій зналъ и знаетъ объ этихъ возможностяхъ, внимательно слѣдитъ за ними по своей прессѣ и жадно ловитъ каждый слухъ, доходящій до его рабочаго станка. Отвращеніе къ войнѣ и къ ея вдохновителямъ вообще такъ широко распространено среди нѣмецкаго пролетаріата, что военнымъ сферамъ придется сильно задуматься, раньше чѣмъ предпринять какой-либо рѣшительный шагъ. Трудно, конечно, думать, что на приказъ къ мобилизаціи рабочіе отвѣтятъ выступленіемъ въ духѣ французскаго антимилитариста Эрве. Но безъ серьезныхъ осложненій дѣло не обойдется. Очень ужъ силенъ духъ протеста и очень ужъ озлоблены широкія массы своекорыстнымъ хозяйничаньемъ «верхнихъ десяти тысячъ», въ особенности «юнкеровъ». «Юнкерство» поставляетъ весь офицерскій корпусъ, но оно же въ лицѣ аграріевъ спекулируетъ хлѣбомъ и другими жизненными припасами, за которые населенію приходится платить втридорога. Все это нѣмецкій рабочій хорошо знаетъ, и никого, пожалуй, онъ такъ не ненавидитъ, какъ заносчиваго, надменнаго и неразборчиваго на средства аграрія. Пролетарскій антимилитаризмъ въ значительной степени обусловленъ аграрно-аристократическимъ составомъ командующихъ элементовъ.

Съѣздъ рабочихъ засѣдаетъ въ довольно скромномъ домѣ профессіональныхъ союзовъ, Gewerkschaftshaus, и протекаетъ по обычному порядку нѣмецкихъ рабочихъ съѣздовъ. Онъ открытъ не только для делегатовъ и прессы, но и для посторонней публики. Съѣздъ «прогрессистовъ», Fortschrittler, избралъ для своихъ занятій роскошный залъ моднаго ресторана Rheingold и плотно закрылъ свои двери не только для публики, но и для «неофиціозной» печати. Зачѣмъ такая таинственность, и къ лицу ли она партіи, желающей отстаивать принципы либеральнаго демократизма? Развѣ демократическіе съѣзды устраиваются для составленія заговоровъ противъ народа?

Сильное впечатлѣніе производитъ дѣловитость и дѣльность царящая на рабочемъ конгрессѣ. Большинство делегатовъ не отличалось изяществомъ и лоскомъ манеръ, но «парламентарной культуры», умѣнья совѣщаться, рѣшать и дѣйствовать сообща у этихъ людей хоть отбавляй. Сколько приходилось наблюдать коллективную работу россіянъ-интеллигентовъ, никогда я не видалъ, чтобы они хоть мало-мальски умѣли работать такъ, какъ эти слесаря, столяры, переплетчики и батраки. Какое умѣнье офор-

мить свою мысль и понять чужую, какая выдержка и спокойствіе при отстаиваніи своей идеи и при выслушиваніи чужой, какая вообще дисциплина, въ большомъ и маломъ! Но что больше всего поражаетъ наблюдателя, такъ это политическая подготовка, сумма политическихъ и соціальныхъ знаній, накопленныхъ этими людьми суроваго труда и не менѣе суровой общественной борьбы. Любой вопросъ внутренней, внѣшней или «соціальной» политики трактуется здѣсь, въ этой рабочей аудиторіи, съ такой солидностью съ такимъ знаніемъ дѣла, какое не всегда встрѣтишь у представителей такъ называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Нужда, говорятъ, учитъ. Очевидно, она учитъ не только житейской оборотливости, но и политическому пониманію и общественному разумѣнію. Безъ такого пониманія рабочій классъ никогда бы не смогъ занять того положенія, которое имъ достигнуто въ современномъ европейскомъ обществѣ.

Нынѣшніе съѣзды соціалдемократіи и прусскаго либерализма предшествуютъ избирательной кампаніи въ прусскій ландтагъ. Естественно, поэтому, что въ центрѣ ихъ поставленъ вопросъ объ избирательной тактикѣ. Референтомъ на рабочемъ конгрессѣ по этому пункту былъ назначенъ журналистъ Пауль Гиршъ, сошедшій пять лѣтъ тому назадъ съ журналистской трибуны рейхстага въ депутатскій партеръ ландтага. Гиршъ принадлежитъ къ наиболѣе вдумчивымъ политическимъ дѣятелемъ соціалдемократіи, хорошо знаетъ, чего хочетъ, и превосходно владѣетъ обильнымъ статистическимъ и историческимъ матеріаломъ, касающимся политической и соціальной жизни Пруссіи и Германіи. Именно поэтому Гиршъ, несмотря на монотонность своей рѣчи, умѣетъ привлекать вниманіе слушателей, притомъ не только на конгрессѣ, но и во враждебномъ ему и его партіи прусскомъ ландтагѣ. Свою почти двухчасовую рѣчь Гиршъ построилъ очень умѣло. Большими, рѣзкими штрихами очертилъ онъ политическое положеніе, намѣтилъ возможныя политическія группировки, а въ заключеніе обрисовалъ вытекающее отсюда тактическое поведеніе партіи. Разбить политическія партіи на друзей и враговъ всеобщаго избирательнаго права Гиршъ считаетъ невозможнымъ. По его мнѣнію приходится различать четыре группы. Въ первую группу входятъ консерваторы съ ихъ приспѣшниками, во вторую—такъ называемые вольные консерваторы, въ третью—націоналъ-либералы, въ четвертую—прогрессисты. *Консерваторы*, утверждаетъ онъ, убѣждены внутренне въ безобразіи трехлассовой системы, но не желаютъ никакихъ измѣненій, ибо существующее положеніе обезпечиваетъ имъ большія матеріальныя выгоды. *Вольные консерваторы* не прочь отъ реформы, но понимаютъ подъ по-

слѣдней установленіе такого избирательнаго права, которое навсегда исключило бы соціалдемократію изъ ландтага. *Національ-либералы* существенно не отличаются отъ вольныхъ консерваторовъ, ибо принципіально отстаиваютъ только прямое и тайное голосованіе и не прочь оставить классовую систему на вѣчныя времена. Къ этой же группѣ можно причислить тѣхъ противниковъ трехклассовой избирательной системы, которые желаютъ замѣнить ее множественнымъ вотумомъ, а отчасти и клерикальный *центръ*. Центръ руководится въ избирательномъ вопросѣ исключительно оппортунистическими соображеніями. «Принципіально» «центръ», правда, отстаиваетъ распространеніе общегерманскаго избирательнаго права на Пруссію; но практически онъ топчетъ свою собственную программу и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы его программныя требованія не осуществились. Въ 1910-омъ году, напримѣръ, когда обсуждался печальной памяти законопроектъ Бетмана-Гольвега, партія центра внесла одно, сравнительно демократическое предложеніе, но тутъ же постаралось выпроводить часть своихъ членовъ изъ залы засѣданія. Благодаря такому маневру предложеніе не получило требуемаго большинства и провалилось. Центръ сумѣлъ, такимъ образомъ, и невинность соблюсти, и капиталъ свой пріумножить. Лицемѣрная тактика клерикаловъ всегда вызывала негодованіе искренней демократіи и вполнѣ понятно, что ядовитая характеристика Гирша встрѣтила со стороны участниковъ конгресса болѣе чѣмъ сочувственное одобреніе.

Кромѣ этихъ явныхъ и скрытыхъ враговъ избирательнаго права, въ Пруссіи остаются еще двѣ партіи, которыя можно считать искренними друзьями демократической реформы: *прогрессисты* (Fortschrittliche Volkspartei) и соціалдемократы. Прогрессисты требуютъ распространенія общегерманскаго избирательнаго права и на Пруссію, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе справедливаго распредѣленія избирательныхъ округовъ. Соціалдемократы не ограничиваются этимъ и требуютъ всеобщаго, равнаго, и т. д. избирательнаго права для всѣхъ гражданъ, достигшихъ двадцати-лѣтняго возраста (въ настоящее время избирательное право въ рейхстагѣ ограничено 25-ти лѣтнимъ возрастнымъ цензомъ) безъ различія пола. Прогрессисты, по мнѣнію Гирша, обнаружили за послѣдніе годы значительную рѣшительность въ вопросахъ избирательнаго права и недурно держались при обсужденіи упомянутаго уже Бетмановскаго законопроекта 1910-го года. Тѣмъ не менѣе референтъ предлагаетъ не забывать, что еще въ 1904-мъ году прогрессисты съ національ-либералами внесли памятное предложеніе, въ которомъ не заключалось даже требованія тайнаго голосованія и содержались нѣкоторые пункты,

способные устранить соціалдемократію изъ ландтага навсегда. Болѣе выдержанное поведеніе прогрессистовъ въ послѣдніе годы объясняется наличностью соціалдемократовъ въ ландтагѣ. Инстинктъ самосохраненія долженъ былъ подсказать либераламъ, что дальнѣйшая медлительность и неустойчивость неизбѣжно отразится на всей судьбѣ нѣмецкаго либерализма. Какъ бы то ни было, въ настоящее время либералы—единственная партія, съ которой соціалдемократы могли бы вступить въ какія-либо соглашенія. Что же нужно дѣлать для того, чтобы добиться координаціи дѣйствій соціалдемократіи и прогрессистовъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Гиршъ останавливается на нашумѣвшемъ въ партійныхъ кругахъ предложеніи Эйснера (бывшаго главнаго редактора центральнаго органа партіи), сводящемся къ тому, чтобы въ первую голову позаботиться о такомъ измѣненіи партійнаго состава ландтага, при которомъ аграріямъ невыгодно было бы отстаивать его неприкосновенность. Для этой цѣли Эйснеръ предлагалъ не хлопотать особенно объ увеличеніи числа соціалдемократическихъ мандатовъ и ограничиться энергичной поддержкой всѣхъ кандидатовъ, не принадлежащихъ къ черно-голубому блоку, т. е. къ аграріямъ и клерикаламъ. Это предложеніе было осуждено всей партійной прессой, и отклоненіе его было предопредѣлено заранѣе. Нѣсколько иначе звучало предложеніе Бернштейна, который считаетъ возможнымъ поддерживать только лѣвыхъ либераловъ, т. е. свободомыслящихъ, но отнюдь не націоналъ-либераловъ. По мнѣнію Бернштейна, соціалдемократія должна добиваться мандатовъ для себя только въ тѣхъ округахъ, гдѣ располагаетъ достаточнымъ большинствомъ сочувствующихъ, во всѣхъ остальныхъ она должна поддерживать либераловъ, не настаивая на эквивалентныхъ услугахъ и не вынуждая къ опредѣленнымъ обѣщаніямъ. Въ противоположность этому Гиршъ отстаивалъ тактику, предложенную «прусской комиссіей» (Landeskommission) и требующую самостоятельнаго образа дѣйствій (въ особенности въ первой стадіи избирательнаго процесса) и разрѣшающую поддерживать либераловъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они за пять дней до выборовъ дадутъ *письменное* обѣщаніе, что въ каждой сессіи ландтага будутъ требовать демократической избирательной реформы. Политическое значеніе самостоятельнаго выступленія заключается въ подсчетѣ собственной арміи. Правда, подсчетъ голосовъ различныхъ партій былъ недавно сдѣланъ при общихъ выборахъ въ рейхстагъ. Но выборы въ рейхстагъ происходятъ путемъ тайнаго голосованія, а въ прусскій ландтагъ—открытой подачей голосовъ. Результаты обоихъ вотумовъ различны, и для подсчета своихъ дѣйствительныхъ силъ партіи приходится брать каждый разъ соотвѣтственныя цифры. Чѣмъ больше

голосовъ соціалдемократы соберутъ при открытомъ голосованіи,— Гиршъ считаетъ возможнымъ, что въ настоящей кампаніи это количество достигнетъ милліона, — тѣмъ большее впечатлѣніе произведутъ они на правительство и на командующіе классы. Такой подсчетъ голосовъ не можетъ пройти безслѣдно и, такъ или иначе, долженъ отразиться на конечной судьбѣ прусской избирательной реформы. Конечно,—соглашается Гиршъ,—участіе въ выборахъ при господствующей системѣ до смѣшного ничтожно. Тысячи избирателей остаются вдали отъ избирательной урны, опасаясь терроризма администраціи, а въ большихъ городахъ даже рабочіе отказываются подавать свой голосъ, опасаясь неудобныхъ послѣдствій. По мнѣнію Гирша, именно этотъ фактъ слабаго участія въ выборахъ можетъ и долженъ служить аргументомъ въ пользу самостоятельной работы на первыхъ ступенямъ избирательной процедуры, т. е. вокругъ выбора выборщиковъ (Wahlmänner). Если нѣкоторые либералы считаютъ возможнымъ упрекнуть соціалдемократію въ томъ, что такой тактикой она усилитъ шансы реакціи, то они доказываютъ этимъ свою неискренность или неосвѣдомленность. Если либералы не хотятъ соглашенія съ соціалдемократіей, то очевидно потому, что находятся въ крѣпостной зависимости отъ націоналъ-либераловъ: заботиться же объ увеличеніи числа націоналъ-либераловъ въ ландтагѣ соціалдемократіи нѣтъ расчета. Конечно, соглашается Гиршъ, консервативно-клерикальное большинство—вещь вредная; но развѣ консервативно-націоналъ-либеральное большинство будетъ лучше? Націоналъ-либералы никогда не отличались особеннымъ свободолюбіемъ и еще недавно одобрили поведеніе правительства, пославшаго войска противъ стачечниковъ. Кромѣ того необходимо обратить вниманіе на безпрерывные раздоры въ средѣ націоналъ-либеральной партіи. Старый, заслуженный вождь націоналъ-либерализма, Бассерманъ, неугоденъ многимъ не потому, что ведетъ черезчуръ правую, а потому, что отстаиваетъ черезчуръ лѣвую политику. Недовѣріе референта къ націоналъ-либераламъ идетъ такъ далеко, что въ вопросѣ объ исключительныхъ законахъ онъ считаетъ центръ болѣе надежнымъ, нежели эпигоновъ Бенигсена. Націоналъ-либералы недостаточно надежны не только въ вопросахъ избирательнаго права, но и въ такихъ важныхъ проблемахъ, какъ народная школа. Поддерживать націоналъ-либеральную кандидатуру на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ допустимо поддерживать свободомыслящихъ, референтъ не считаетъ, поэтому, возможнымъ. Націоналъ-либералы не могутъ считаться союзниками въ борьбѣ за избирательное право; отдавать имъ свои голоса соціалдемократы могли бы только въ томъ случаѣ, если имъ будетъ обезпечено за это депутатское мѣсто. Безъ такой „взаимности“

соціалдемократы должны предоставить націоналъ-либераловъ ихъ собственной судьбѣ.

Нѣкоторые критики „коммиссіоннаго" предложенія выразили опасеніе, что требованіе опредѣленныхъ обѣщаній со стороны прогрессистовъ можетъ имъ показаться унизительнымъ и приведетъ къ раздорамъ, отъ которыхъ выиграютъ только консерваторы. Landeskommission, а за нею и Гиршъ, не пугаются этой перспективы, но спѣшатъ снять съ себя отвѣтственность за такія послѣдствія: виноваты во всемъ будутъ одни либералы. Практически Гиршъ не боится печальныхъ результатовъ избирательной кампаніи, ибо всеобщаго либеральнаго права ни такъ, ни этакъ не добьешься. Всеобщее избирательное право въ ландтагѣ будетъ достигнуто лишь тогда, когда соціалдемократія прибѣгнетъ къ воздѣйствію посредствомъ внѣпарламентскихъ выступленій народныхъ массъ.

Большинство говорившихъ по поводу избирательной тактики склонялось къ точкѣ зрѣнія референта. Лишь ораторы нѣсколькихъ избирательныхъ округовъ находили, что тактическія предложенія, защищаемыя референтомъ, черезчуръ связываютъ свободу дѣйствія мѣстныхъ организацій, игнорируя различія между отдѣльными избирательными округами. «Ревизіонистъ» Бернштейнъ, кромѣ того, указывалъ на необходимость расширить кругъ партійныхъ элементовъ, съ которыми можно вступать въ соглашеніе, и полагалъ, что среди націоналъ-либераловъ могутъ найтись кандидаты, которые съ точки зрѣнія борьбы за всеобщее избирательное право были бы не менѣе пріемлемы, нежели прогрессисты. Въ концѣ концовъ небольшія разногласія между лѣвымъ и правымъ крылами съѣзда были сглажены соотвѣтственными заявленіями референта въ заключительномъ словѣ, и резолюція, предложенная Landeskommission, была принята единогласно, при оживленномъ одобреніи всего съѣзда. Предсѣдатель Landeskommission и съѣзда, коренастый и энергичный Евгеній Эрнстъ, съ большимъ удовлетвореніемъ констатировалъ это единодушіе, замѣтивъ, что главной задачей предстоящей кампаніи является освѣдомленіе народныхъ массъ относительно безправнаго состоянія ихъ въ Пруссіи. Раньше, чѣмъ прусскій народъ добьется своего права, потребуется еще продолжительная и упорная борьба. Буржуазныя партіи знаютъ теперь, чего хотятъ соціалдемократы; «каждому стороннику избирательной реформы мы предлагаемъ дружескую руку, и если либеральныя партіи намѣрены вести мужественную либеральную политику, то мы готовы поддержать ихъ въ этой борьбѣ. Друзьямъ избирательнаго права—наша открытая рука; врагамъ его—нашъ грозный кулакъ! Мы не успокоимся въ нашей агитаціи, мы не ограничимся предѣлами города и понесемъ ее въ деревню, въ

насиженныя мѣста прусскаго юнкерства; мы будемъ проповѣдывать евангеліе соціализма угнетеннымъ батракамъ, евангеліе человѣческаго достоинства и человѣческаго счастья. Вмѣстѣ съ промышленнымъ рабочимъ классомъ, батраки вскорѣ станутъ силой, съ которыми не сможетъ справиться никакая сила. Командующіе элементы могутъ принимать какія угодно мѣры: вопросъ объ избирательномъ правѣ не сойдетъ больше съ очереди. Соціалдемократія употребитъ всѣ усилія, чтобы заставить признать рабочій классъ равноправнымъ съ другими классами». Эти заявленія Эрнста были выслушаны съ большимъ сочувствіемъ. За послѣдніе годы Эрнстъ руководилъ кампаніей за всеобщее избирательное право; импозантныя демонстраціи въ трептовскомъ паркѣ и въ Тиргартенѣ происходили главнымъ образомъ при его содѣйствіи и руководствѣ. Нужно думать, что его слова не останутся словами, что за ними послѣдуютъ опредѣленныя дѣйствія.

Не успѣли соціалдемократы подвести итоги своимъ тактическимъ дебатамъ, какъ изъ „императорской залы" Rheingold'а послышался отвѣтный откликъ „прогрессистовъ". Депутатъ рейхстага Фишбекъ, играющій теперь руководящую роль во всѣхъ практическихъ дѣлахъ либеральной партіи, поставилъ эпиграфомъ своего тактическаго доклада тезисъ: «борьба противъ столповъ нынѣшней реакціонной системы, никакихъ соглашеній съ элементами, заинтересованными въ дѣйствующемъ избирательномъ правѣ, энергичное содѣйствіе кандидатамъ, стремящимся къ прогрессу». Консерваторы и, въ особенности, предательскій католическій центръ исключаются Фишбекомъ изъ числа послѣднихъ и соглашенія допускаются имъ только съ націоналъ-либералами. Что касается соціалдемократіи, то съ нею соглашенія невозможны, ибо условія, предъявленныя соціалдемократическимъ съѣздомъ, отчасти невыполнимы, отчасти несовмѣстимы съ достоинствомъ либеральной партіи. Соціалдемократическія предложенія продиктованы, по Фишбеку, узкопартійнымъ своекорыстіемъ и имѣютъ въ виду исключительно демонстративные выпады, а не достиженіе свободнаго избирательнаго права. «Кавдинское ярмо», которое соціалдемократы хотѣли бы надѣть на либераловъ, требуя отъ нихъ письменнаго обѣщанія придерживаться опредѣленной тактики въ парламентѣ, должно быть, конечно, отвергнуто; точно также должны быть отвергнуты всякія попытки оказать „воспитательное воздѣйствіе" при назначеніи выборщиковъ. Предложенія Фишбека были приняты единогласно. Лѣвыя партіи остаются, такимъ образомъ, разъединенными и отчасти парализованными обоюднымъ недовѣріемъ. Большихъ перемѣнъ въ будущемъ ландтагѣ, поэтому, не произойдетъ и все, въ сущности, останется по

старому. „Только глупцы или безчестные люди — писалъ на дняхъ популярный либеральный дѣятель Потгофъ,—могутъ увѣрять, что въ ближайшее десятилѣтіе либеральное бюргерство сможетъ добиться хорошаго избирательнаго права безъ содѣйствія соціалдемократическаго пролетаріата». Если Потгофъ правъ, то, очевидно, либеральный съѣздъ, отказавшійся отъ поддержки рабочихъ изъ-за внѣшнихъ формъ, не оказался на высотѣ политической задачи и не обнаружилъ достаточнаго чутья въ оцѣнкѣ текущаго момента. Нѣмецкій либерализмъ неоднократно „пропускалъ моментъ“ для сближенія съ широкимъ народнымъ движеніемъ, и это неоднократно отражалось болѣзненно не только на немъ, но и на всей свободолюбивой демократіи. Исторія, такимъ образомъ, повторяется...

Вопросы избирательной тактики были на обоихъ съѣздахъ центральными, но отнюдь не единственными. Большое вниманіе было удѣлено и тамъ, и тутъ нуждамъ деревни, хотя интересъ въ обоихъ случаяхъ имѣлъ различное направленіе. Въ Rheingold'ѣ имѣли въ виду главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ мелкое и среднее крестьянство; въ Gewerkschaftshaus'ѣ рѣчь шла исключительно о батракахъ. Задачи, поставленныя въ Rheingold'ѣ, касались, впрочемъ, не всего крестьянства въ цѣломъ и не всѣхъ частей Пруссіи, а исключительно тѣхъ провинцій, гдѣ наблюдается «польское засилье» или чрезмѣрное преобладаніе крупнаго юнкерскаго землевладѣнія. Гдѣ преобладаютъ крупныя помѣстья, гдѣ хозяйничаетъ прусскій юнкеръ, тамъ наблюдается повальное бѣгство сельскихъ батраковъ и полукрестьянъ, надѣющихся въ городѣ добыть себѣ лучшую долю. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ господствуетъ нужда въ рабочихъ рукахъ, и большею частью эта нужда удовлетворяется привлеченіемъ сельскихъ рабочихъ изъ русской Польши и изъ Галиціи. Число иностранныхъ рабочихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ и въ настоящее время достигаетъ 800,000. Чтобы противодѣйствовать наплыву большею частью непритязательныхъ, и сбивающихъ цѣну славянскихъ элементовъ, референтъ либеральнаго съѣзда рекомендуетъ позаботиться о заселеніи восточныхъ провинцій самостоятельнымъ нѣмецкимъ крестьянствомъ, преимущественно мелкимъ. Такое заселеніе въ Германіи называется «внутренней колонизаціей», innere Kolonisation. Докладчикъ формулируетъ свою мысль альтернативнымъ тезисомъ: колонизація или полонизація! Кто не желаетъ перваго, тотъ неизбѣжно получитъ второе; кто не желаетъ полонизировать восточныя окраины, тотъ долженъ позаботиться о созданіи подходящихъ условій для заселенія этихъ окраинъ мелкими землевладѣльцами-скотоводами. Содѣйствіе мелкому крестьянству исключаетъ помощь

искусственному расширенію крупнаго землевладѣнія. Безумное повышеніе земельныхъ цѣнъ, являющееся результатомъ покровительственной аграрной политики, должно быть устранено; иначе внутренняя колонизація становится невозможной. Крестьянская политика прусскихъ либераловъ преслѣдуетъ, такимъ образомъ, не только хозяйственныя нужды извѣстной части сельскаго населенія, но имѣетъ и внутри-(борьба сь юнкерствомъ) и внѣшне-(борьба съ полонизаціей) политическія цѣли. Въ противоположность этому, задачи рабочей политики въ деревнѣ имѣютъ характеръ исключительно внутри-политическій. Непосредственнымъ толчкомъ къ постановкѣ батрацкаго вопроса на очередь послужили два важныхъ факта послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Въ 1908-омъ году въ сѣверо-западной части Германіи возникъ сельско-хозяйственный союзъ работодателей (Deutscher Arbeitgeber-Verband für die Landwirtschaft), поставившій себѣ задачей объединеніе сельскихъ хозяевъ всей Германіи для наблюденія за рабочимъ рынкомъ и для совмѣстной борьбы съ батраками, нарушающими договоръ найма. Къ началу 1911-го года работодательскій союзъ насчитывалъ уже 10,000 членовъ (главнымъ образомъ въ Шлезвигъ-Голштиніи, Ганноверѣ и Мекленбургѣ) и располагалъ 14-тью собственными бюро для пріисканія работы (Arbeitsnachweisstellen). Союзъ можетъ считаться совершенно упрочившимся и его значеніе для сельскаго хозяйства достаточно опредѣлилось. Годъ спустя послѣ организаціи работодательскаго союза было положено основаніе союзу батраковъ (Verband der Land-Wald-und Weinbergsarbeiter), который количественно быстро обогналъ союзъ работодателей. Въ настоящемъ году батрацкій союзъ насчитываетъ около 20.000 членовъ, имѣетъ собственный періодическій органъ («Der Landarbeiter») и пользуется услугами значительнаго числа хорошо подготовленныхъ агитаторовъ и организаторовъ. Возникновеніе обоихъ союзовъ подчеркнуло наростаніе классового момента въ сельскомъ хозяйствѣ, что показалось нежелательнымъ для крупныхъ помѣщиковъ, созидающихъ свое благополучіе на основѣ патріархальныхъ отношеній къ нуждающемуся въ побочномъ заработкѣ мелкому крестьянству. Чтобы противодѣйствовать развитію классовой борьбы въ деревнѣ, цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ организацій стараго пошиба устроилъ въ концѣ истекшаго года совѣщаніе, которое пришло къ заключенію, что, въ сущности, классовыхъ противорѣчій между батраками и самостоятельными хозяевами не существуетъ и не должно существовать. Въ резолюціи, выработанной этой конференціей, говорится, что сельскіе рабочіе, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, не являются чисто наемными рабочими, такъ какъ часть

заработной платы получаютъ натурой (въ видѣ права пользоваться опредѣленнымъ участкомъ помѣщичьей земли), и представляютъ собою небольшихъ предпринимателей, благополучіе которыхъ тѣсно связано съ благополучіемъ всего сельскаго хозяйства. Интересы батраковъ могутъ быть удовлетворены, такимъ образомъ, только путемъ тѣснаго единенія съ остальными частями сельско-хозяйственнаго сословія. Резолюція эта, однако, врядъ ли соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей: авторитетный изслѣдователь сельскаго рабочаго класса Пруссіи, баронъ Гольцъ (v. d. Goltz) уже двадцать лѣтъ тому назадъ констатировалъ вытѣсненіе натуральной заработной платы денежною. Въ своемъ трудѣ: «Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat» онъ говоритъ: «по отношенію ко всей суммѣ заработной платы, размѣръ платы натурой уменьшился, денежная же плата увеличилась. Раньше каждый батракъ (Gutstagelöhner) получалъ, наряду съ огородомъ, отъ трехъ до шести моргеновъ (моргенъ — 561 квадр. сажень) пахатной земли; многіе держали лошадь, обыкновенно имѣли одну или двѣ коровы, а, кромѣ того свиней, птицу, часто также овецъ. При молотьбѣ они получали, въ большинствѣ случаевъ, десять или тринадцать шефелей (четвериковъ) зерна. Теперь же, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, плата натурой значительно сокращена. Пахатной земли большей частью не дается; содержаніе лошадей батраками больше не наблюдается. Въ видѣ исключенія попадаются случаи, когда они могутъ содержать двѣ коровы. Часто они вовсе не смѣютъ держать коровъ, а получаютъ опредѣленное количество молока, или же имъ разрѣшается держать одну или двѣ козы. Птицу держать во многихъ случаяхъ нельзя, свиней—почти повсюду можно. При молотьбѣ батракъ получаетъ $^1/_{15}$ или $^1/_{18}$ долю (при работѣ молотилкой—$^1/_{20}$ или $^1/_{30}$) или же просто опредѣленное количество зерна, независимо отъ общаго умолота». Съ того времени, какъ это писалось, положеніе, конечно, не улучшилось въ смыслѣ увеличенія натуральной платы, а значительно ухудшилось. Цѣны на землю и на земельные продукты баснословно увеличились; сельскому хозяину выгоднѣе *продавать* свое зерно, нежели расплачиваться имъ съ своимъ работникомъ. Интересы работника и землевладѣльца становятся діаметрально противоположными и классовая борьба въ прусской деревнѣ, пока что, неустранима. Батрацкій и работодательскій союзы будутъ, поэтому, процвѣтать и дальше.

Успѣшное развитіе чрезвычайно труднаго дѣла организаціи батраковъ шло до сихъ поръ безъ непосредственнаго воздѣйствія политической организаціи индустріальнаго пролетаріата. Нынѣшній рабочій съѣздъ является первымъ, на которомъ батрацкій вопросъ

поставленъ во весь ростъ. Докладчикомъ по этому пункту былъ назначенъ предсѣдатель батрацкаго союза, бывшій садовникъ, Георгъ Шмидтъ, человѣкъ неуклюжаго вида, но повидимому ясной мысли и недюжинныхъ знаній. Въ простой, немного «простонародной», рѣчи докладчикъ безъ малѣйшаго паѳоса, но иногда не безъ сарказма освѣтилъ главнѣйшіе моменты нелегкой батрацкой жизни. Опираясь на свою недавно вышедшую работу (Lohnformen und Arbeitsverhältnisse in der Landwirtschaft, 1913). Георгъ Шмидтъ рисуетъ современное положеніе прусскихъ сельскихъ рабочихъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. По даннымъ профессіональной статистики 1907-го года прусское сельское хозяйство даетъ занятіе въ общемъ 5,876,841 человѣку. Изъ этого общаго числа на долю самостоятельныхъ хозяевъ приходится 1.357,590, на служащихъ—71,389, на батраковъ—4,447,862. Эта статистика немножко окрашена въ пользу аграріевъ, что явствуетъ изъ статистическихъ работъ, предпринятыхъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Въ провинціи Бранденбургъ, напримѣръ, было насчитано на 162.482 рабочихъ больше. По сравненіи съ 1905-мъ годомъ число сельско-хозяйственныхъ рабочихъ увеличилось на 1.655,677. При общемъ паденіи числа сельскаго населенія ясно, что увеличеніе достигнуто исключительно вслѣдствіе измѣненія статистическихъ пріемовъ, при которыхъ цѣлый рядъ лицъ, принадлежащихъ, въ сущности, къ семьѣ, попалъ въ рубрику батраковъ. Въ дѣйствительности число наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ *понизилось* круглымъ счетомъ на 335.000 человѣкъ. Точной статистики заработной платы сельскихъ рабочихъ не существуетъ. Всѣ существующія до сихъ поръ статистическія работы тенденціозны въ пользу помѣщиковъ-юнкеровъ. Въ провинціи Саксоніи, гдѣ больше всего распространена денежная заработная плата, доходы батрака оцѣнивались, въ среднемъ, въ 1843-мъ году—въ 321 марку, въ 1873-мъ году—въ 662 марки, а въ 1891-мъ году—въ 991 марку. Поверхностная анкета батрацкаго союза, предпринятая въ 1911-мъ году, дала въ результатѣ доходъ въ 955 марокъ. Въ подсчетахъ аграріевъ доходъ батрака значительно выше, ибо они присчитываютъ къ нему стоимость тѣхъ продуктовъ, которые батракъ получаетъ на предоставляемомъ ему клочкѣ земли (такъ называемый «депутатъ»). По справедливому замѣчанію Шмидта, такой расчетъ неправиленъ, ибо для полученія продуктовъ съ «депутата» батраку и его семьѣ приходится работать сверхъ обычнаго рабочаго дня, а также по праздникамъ. Дѣйствительнымъ заработкомъ сельско-хозяйственнаго рабочаго слѣдуетъ считать исключительно заработную плату, получаемую за работу у помѣщика. Эта заработная плата ниже той, которую получаетъ

городской рабочій и не превышаетъ 700—800 марокъ въ годъ, причемъ батракъ обязанъ работать не одинъ, а всей семьей. Само собой разумѣется, что при существующей дороговизнѣ, эта заработная плата не можетъ считаться достаточной для безбѣднаго существованія, и положеніе батраковъ нельзя считать розовымъ. Шмидтъ утверждаетъ это, имѣя въ виду средній уровень жизни въ Германіи. Если же сравнивать положеніе батраковъ германскихъ и русскихъ, то выигрышъ окажется все-таки на сторонѣ прусскаго «кнехта». Прусскій «кнехтъ» живетъ неважно, но все же онъ одѣвается лучше, ѣстъ питательнѣе, живетъ опрятнѣе, а сознаніе собственнаго достоинства у него развито настолько, что онъ нерѣдко поднимаетъ борьбу за «выканье» вмѣсто распространеннаго пока «тыканья». Превосходные мемуары батрака Rehbein'a (Das Lebeneeines Landarbeiters, 1912) свидѣтельствуютъ, что среди современныхъ пролетаріевъ нѣмецкой деревни имѣются лица рѣдкаго развитія и довольно большой начитанности.

Вернемся, однако, къ докладу. Доказавъ, что батракъ получаетъ сравнительно небольшую заработную плату, Шмидтъ устанавливаетъ, что съ послѣдней сочетается чрезвычайно продолжительный рабочій день. Урегулированнаго рабочаго времени не существуетъ; не существуетъ и обязательнаго воскреснаго отдыха. Въ воскресенье батракъ обыкновенно обязанъ смазывать возы, чистить сбрую, чинить мелкія поломки и т. д. Въ среднемъ рабочій день продолжается 14—15-ть часовъ, не считая времени для корма лошадей и быковъ. «Сверхурочныя» работы оплачиваются, правда, иногда особо, но обыкновенно мужчина получаетъ за сверхурочный часъ всего 15-ть пфениговъ, женщина—10-ть. Понимая, что въ сельскихъ работахъ нельзя требовать 8-ми часового рабочаго дня, какъ въ фабричной промышленности, Шмидтъ находитъ, что господствующія условія все-таки чрезмѣрно тяжелы и могутъ быть значительно улучшены, безъ ущерба для сельскаго хозяйства. За короткій періодъ существованія батраческаго союза организованнымъ батракамъ уже удалось добиться кое-чего въ этомъ направленіи, и при дальнѣйшей борьбѣ большія или меньшія завоеванія не заставятъ себя ждать.

Крайне печальнымъ моментомъ батрацкой жизни является распространенное обязательство привлекать къ работѣ всѣхъ членовъ семьи. Во многихъ договорахъ встрѣчается пунктъ, по которому работникъ обязуется не допускать свою жену и своихъ дѣтей брать работу на сторонѣ, внѣ предѣловъ помѣстья. Такія обязательства приводятъ къ тому, что свобода передвиженія, гарантированная закономъ, фактически уничтожается, и взрослые люди становятся

въ крѣпостную зависимость отъ нанимателя. Нерѣдко случается, что жена или взрослые дѣти отказываются отъ исполненія обязательствъ, взятыхъ главою семьи безъ ихъ согласія — и тогда батракъ теряетъ свое мѣсто. Подсобная работа женщинъ и дѣтей оплачивается очень низко. Дѣти получаютъ обыкновенно 20 – 30 пфениговъ, максимумъ — 50; женщины—отъ 60-ти до 70-ти пфениговъ въ день. Естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрной работы женщинъ является большая смертность младенцевъ грудного возраста. Средняя смертность въ Германіи 21%; въ сельскихъ общинахъ западной Пруссіи она равняется 39%. Помимо плохого ухода, причиной большой смертности является и то обстоятельство, что сыроварни лишаютъ деревни молока. Дѣти вскармливаются всякими суррогатами и во множествѣ умираютъ.

Во многихъ мѣстахъ сохранился пережитокъ полукрѣпостныхъ временъ, когда крестьянинъ обязанъ былъ доставлять помѣщику рабочую силу взамѣнъ отсутствующихъ (по болѣзни и т. д.) членовъ семьи. Доставка такихъ замѣстителей (Hofgänger или Scharwerker) становится съ каждымъ годомъ затруднительнѣе, ибо всякій маломальски здоровый Hofgänger требуетъ вознагражденія, которое для батрака прямо убыточно. Многіе работодатели продолжаютъ однако настаивать на этомъ требованіи, чѣмъ приводятъ батраковъ въ отчаяніе. Въ концѣ концовъ батракъ видитъ себѣ вынужденнымъ разстаться съ деревней и бѣжитъ въ городъ, гдѣ живется сравнительно легче. Многихъ побуждаетъ бросать деревню перспектива лучшаго обхожденія, свобода чтенія оппозиціонной прессы и, вообще, весь строй городской жизни.

Что касается квартирныхъ и гигіеническихъ условій, то они такъ плохи, что съ ними можно примириться только благодаря условіямъ сельскаго труда, требующимъ продолжительнаго пребыванія на воздухѣ. Для сельскаго хозяйства полицейскія предписанія допускаютъ, большей частью, исключенія, считая достаточнымъ на одного человѣка два квадратныхъ метра пола и 7,5 куб. метра воздуха. При анкетѣ одного профессора, предпринятой въ ганноверскомъ округѣ, оказалось, что изъ 3.250 обслѣдованныхъ жилищъ 48% было ниже обычнаго минимума гигіеническихъ требованій. Во многихъ жилищахъ проживало по 4—8 человѣкъ, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, курами и т. д. Съ горькимъ сарказмомъ докладчикъ рекомендуетъ выставить въ Берлинѣ, при предстоящихъ юбилейныхъ торжествахъ (по поводу столѣтія освободительной войны 1813-го года) нѣсколько такихъ батрацкихъ жилищъ—и его предложеніе встрѣчается съѣздомъ ироническимъ одобреніемъ. Довольно обстоятельно референтъ останавливается, затѣмъ, на «депутатскихъ»

договорахъ («депутаты»—многообразные виды натуральной заработной платы). Многіе договоры обязываютъ батрака продавать непотребленный «депутатъ» прежде всего помѣщику, при чемъ заранѣе устанавливается довольно низкая цѣна. Рыночная коньюнктура не играетъ при этомъ никакой роли. Продажа сѣна или соломы на сторону обыкновенно воспрещается; навозъ принадлежитъ помѣщику. Другіе пункты «депутатскихъ» договоровъ также имѣютъ въ виду преимущественно или исключительно помѣщичьи интересы. Всѣ спорные вопросы разрѣшаются обыкновенно въ пользу сильнаго; нерѣдки случаи, когда мѣстныя власти запрещаютъ доводить дѣло до суда. Иногда дерзость помѣщиковъ доходитъ до того, что они осмѣливаются включать въ договоръ найма пунктъ, по которому «предписанія закона, противорѣчащія договору, остаются недѣйствительными». Собственная воля аграрія становится выше воли законодателя, и постановленія народнаго представительства просто аннулируются.

Сельско-хозяйственные рабочіе Германіи подлежатъ дѣйствію особыхъ уставовъ (Gesindeordnung, уставъ о челяди), которыхъ въ Пруссіи насчитывается цѣлыхъ девятнадцать. Въ этихъ уставахъ до сихъ поръ еще содержится пунктъ о наказаніяхъ вродѣ позорнаго столба. Юнкера-аграріи опасаются пересмотра этихъ уставовъ ибо въ замѣну можетъ появиться болѣе или менѣе свободное рабочее право. Въ области гражданскаго процесса судебная практика является по отношенію къ батракамъ также чрезвычайно отсталой.

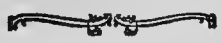
Положеніе батраковъ неудовлетворительно не только у помѣщиковъ, но и въ хозяйствахъ, принадлежащихъ прусской казнѣ. Прусскій фискъ получаетъ довольно большую прибыль съ государственныхъ лѣсовъ, но заработная плата лѣсовщиковъ очень низка, а количество несчастныхъ случаевъ довольно велико. Какъ и помѣщики, фискъ не останавливается передъ давленіемъ на своихъ рабочихъ и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы батраческій союзъ не пустилъ корней среди лѣсныхъ рабочихъ. Борьба союза должна быть, поэтому, направлена не только противъ частныхъ землевладѣльцевъ, но и противъ государственной власти.

Стремясь къ улучшенію положенія батраковъ въ деревнѣ, соціалдемократія, — говоритъ Шмидтъ, — отнюдь не заинтересована, какъ это думаютъ многіе, въ отвлеченіи батраковъ отъ земли. Въ интересахъ сельскаго хозяйства соціалдемократы желаютъ, чтобы наиболѣе дѣльные работники оставались по прежнему въ деревнѣ. Впрочемъ, интересы сельскаго хозяйства тѣсно переплетаются съ интересами рабочаго класса. Наплывъ сельскихъ рабочихъ въ городъ приводитъ къ пониженію заработной платы и къ по-

вышенію цѣнъ на продукты земледѣлія. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что массовый отходъ въ городъ сильно затруднилъ бы организаціонное дѣло въ деревнѣ. Быстрѣе всего организуются вѣдь лучшіе элементы, т. е. какъ разъ тѣ, которые больше всего рвутся въ лучшую обстановку городской жизни. Отсюда ясно, что и помѣщики не должны особенно сильно противодѣйствовать развитію батрацкаго союза. Союзъ привлекаетъ сливки деревенскаго пролетаріата; разрушеніе его имѣло бы послѣдствіемъ исчезновеніе изъ деревни всѣхъ мало-мальски интеллигентныхъ работниковъ. Что будутъ дѣлать тогда помѣщики, въ хозяйствѣ которыхъ все больше и больше увеличивается примѣненіе машинной техники? Машина требуетъ интеллигентнаго батрака, а дешевые, но невѣжественные рабочіе изъ Россіи и Австріи интеллигентностью не обладаютъ. Если помѣщики сумѣютъ понять свою собственную выгоду, они не станутъ препятствовать дальнѣйшему развитію союза.

Помѣщикъ становится, такимъ образомъ, теоретически возможнымъ союзникомъ батрацкаго дѣла. Ну, а мелкій крестьянинъ? Крестьянинъ трудового типа, работающій безъ помощи наемныхъ рабочихъ? Я съ интересомъ жду отвѣта на этотъ вопросъ и вскорѣ мой интересъ удовлетворяется. На основаніи своего, несомнѣнно большого опыта Шмидтъ увѣрялъ съѣздъ, что мелкій нѣмецкій крестьянинъ—самое реакціонное существо въ деревнѣ и съ точки зрѣнія соціализма совершенно безнадеженъ. «Легче, — говоритъ онъ,—убѣдить крупнаго помѣщика въ справедливости соціалистическихъ требованій, нежели мелкаго фанатика мелкой собственности». Я слушаю этотъ отвѣтъ, не сомнѣваюсь въ его справедливости для настоящаго момента, но думаю, что Шмидтъ все-таки не совсѣмъ правъ. Мелкій нѣмецкій крестьянинъ еще слишкомъ мало пользуется кооперативнымъ принципомъ; его собственническій фанатизмъ покоится, въ значительной степени, на недостаточномъ развитіи «общиннаго» начала. Это развитіе, несомнѣнно, наступитъ, и тогда общественная тенденція «бауэра» будетъ несомнѣнно иная.

Р. Стрѣльцовъ.



СЛАВЯНО-ГРЕКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1912 Г. [1]).

(*Окончаніе*).

V.

Мѣстность, на которой развернулись военныя дѣйствія, представляетъ ту особенность, что она съ востока на западъ, отъ Чернаго моря до Адріатическаго, перерѣзана почти сплошнымъ горнымъ, хребтомъ, составляющимъ въ то же время государственную границу между Болгаріей и Сербіей—съ одной стороны и Турціей—съ другой. Отдѣльныя, наиболѣе крупныя части этого хребта носятъ названія Истранджа и Родопскихъ горъ — по болгаро-турецкой границѣ, Чардагъ и Карадагъ—по сербско-турецкой. На крайнемъ западѣ этотъ горный хребетъ упирается въ узелъ горъ Черногоріи, а отроги его заполняютъ собою всю Албанію, Македонію, Ѳракію,—словомъ весь театръ войны, сливаясь на югѣ съ горами Греціи. Проходимыя для значительныхъ войсковыхъ массъ только въ долинахъ большихъ рѣкъ (Марица, Тунджа, Морава, Струма и Дрина) и на перевалахъ, горные хребты эти, при слабой разработкѣ путей сообщенія и при суровости природы, особенно въ осеннюю и зимнюю пору, представляютъ довольно значительную преграду для вторженія въ Турцію. Самымъ удобнымъ путемъ является пространство между хребтомъ Истранджа и Родопскими горами, шириною около 40 верстъ. Это какъ бы ворота въ Турцію, сводъ которыхъ опирается однимъ концомъ на Адріанополь, другимъ — на укрѣпленія у Киркилиса. (Лозенграда). Изъ Сербіи главный путь наступленія въ Турцію опредѣляется желѣзною дорогою изъ Ниша въ Ускюбъ черезъ Вранью, Ристовацъ и Куманово. Наконецъ, изъ Греціи черезъ горные перевалы идутъ дороги: изъ Лариссы—въ Ѳессалію, изъ Трикала-Арта—въ Эпиръ.

Чтобы оцѣнить всю трудность условій, въ которыхъ предстояло дѣйствовать союзникамъ, слѣдуетъ замѣтить, что фронтъ

---

[1]) См. Январь, стр. 344.

болгаро-сербской арміи тянется почти на 600 верстъ, — разобщенъ съ фронтомъ черногорской арміи Новобазарскимъ санджакомъ, а съ греческимъ фронтомъ отдѣляется цѣлой непріятельской страной. Впереди лежалъ рядъ пунктовъ—Скутари, Митровица, Приштина, Новый Базаръ, Призрѣнъ, Ускюбъ, Монастырь, Иштибъ, Сересъ, Демотика, Адріанополь и Киркилиса,—обладаніе которыми, было завѣтною мечтою государствъ Балканскаго союза. Это вело союзниковъ къ разбрасыванью силъ, на что указываетъ раздѣленіе болгарской арміи на три группы, а сербской—на четыре.

Турецкая армія была въ положеніи болѣе благопріятномъ: она могла дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, изъ которыхъ главная опиралась на укрѣпленную Чаталджинскую позицію и имѣла далеко впереди себя такую преграду, какъ Адріанополь. Неблагопріятнымъ было для турокъ то, что имъ приходилось сражаться на 3 фронта: на сѣверѣ — противъ Болгаріи и Сербіи, на западѣ — противъ Черногоріи и на югѣ — противъ Греціи. Выдѣливъ противъ Черногоріи одну дивизію низама, опиравшуюся на укрѣпленія Скутари, а противъ Греціи—2 дивизіи, въ Кожанѣ и Янинѣ, турки сосредоточили остальныя свои силы въ двухъ главныхъ группахъ: одну—на линіи Адріанополь—Киркилиса, для защиты пути на столицу, другую—въ Албаніи, вокругъ Ускюба, съ базою въ Салоникахъ. Такое распредѣленіе главныхъ силъ въ основѣ своей было правильно и ясно указываетъ на существовавшее у турокъ намѣреніе использовать выгоду дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ; но недостатки турецкой мобилизаціи привели къ тому, что вторая группа—западная или Албанская—была недостаточно сильна численно (150.000 чел.) для защиты столь обширнаго раіона, какъ Албанія, Македонія и Новобазарскій санджакъ, и къ тому же база ея—Салоники—была подъ угрозой близкаго удара со стороны Греціи. Первое изъ этихъ обстоятельствъ повело къ тому, что западная группа турецкой арміи сосредоточилась у входа въ Новобазарскій санджакъ, боясь втянуться въ этомъ длинный и узкій мѣшокъ, и тѣмъ предрѣшила быстрое занятіе его сербско-черногорскими войсками. Между тѣмъ, введеніе въ него значительныхъ силъ могло бы дать туркамъ выгоду разобщенія союзниковъ, грозило бы Сербіи вторженіемъ на ея территорію тамъ, гдѣ она беззащитна, и заставило бы ее оттянуть туда значительныя силы.

Планъ кампаніи союзниковъ въ основныхъ чертахъ раскрытъ успѣшнымъ ходомъ ихъ военныхъ операцій. Онъ основывался на быстромъ, энергичномъ наступленіи почти по всему фронту, но съ главнымъ ударомъ по кратчайшему пути наступленія къ жизнен-

ному нерву Турціи—Константинополю, чрезъ ворота Адріанополь-Киркилиса. Успѣхъ на этомъ пути, велъ къ захвату желѣзнодорожнаго пути Адріанополь-Константинополь, изолируя передовую крѣпость и облегчая подвозъ къ наступающей арміи подкрѣпленій, боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. Перенося центръ дѣйствій на узкую, сравнительно, полосу земли, ограниченную съ одной стороны Чернымъ моремъ, съ другой — Адріанополемъ и линіей желѣзной дороги, болгары парализовали до нѣкоторой степени растянутость театра войны, придавая всему остальному его фронту второстепенное значеніе, получали возможность держать свои главныя силы сосредоточенными и тѣмъ уменьшали трудность управленія массовыми арміями, съ ихъ сложною организаціею, въ бою и на походѣ.

Турки, въ свою очередь, сосредоточили на этомъ участкѣ наболѣе значительную часть своихъ силъ—200.000 чел. (Восточная или Адріанопольская армія Абдулла-паши).

Ихъ планъ войны до настоящаго времени не выясненъ. Говорятъ, что Гольцъ-паша диктовалъ имъ наступленіе въ Сербію и Болгарію и захватъ желѣзнодорожныхъ путей у Враньи и Филипополя. Но, каковъ бы онъ ни былъ, событія, иниціатива которыхъ находилась въ рукахъ союзниковъ, а также медленность мобилизаціи, придали ему характеръ пассивной обороны, разрозненной въ своихъ частяхъ.

VI.

Военныя дѣйствія начались 24-го сентября стычками на границѣ между черногорскими и турецкими войсками. 26-го числа черногорцы перешли турецкую границу тремя колоннами. Сѣверная колонна, ген. Вукотича, двинулась изъ с. Андріевицы къ г. Бераны, занятому 5000 турецкихъ регулярныхъ войскъ. Колонна эта выдѣлила отъ себя отряды: одинъ противъ Бѣлополья (съ нимъ шелъ самъ Вукотичъ), другой, подъ командой Вешовича — противъ Плава и Гусинья, занятыхъ 4-мя батальонами и 4000 арнаутовъ.

27-го сентября бригада воеводы Лакича-Войводича начала бомбардировку Беранъ изъ 4 имѣвшихся у ней орудій. На помощь городу явились изъ Ипека 2000 арнаутовъ, которые нѣсколько разъ пытались захватить черногорскую артиллерію, но были отбиты. Бомбардировка продолжалась 6 дней. Силы Войводича (2750 чел.) были недостаточны для штурма, и онъ ждалъ подхода Вукотича изъ Бѣлополья.

Послѣднее было взято черногорцами 29-го сентября, при чемъ

Вукотичъ едва не сталъ здѣсь жертвой вѣроломства турокъ. Выславъ изъ города депутацію для переговоровъ съ Вукотичемъ, турки обстрѣляли его и его свиту картечнымъ огнемъ съ форта Оброво на пути къ д. Крушево, гдѣ должны были происходить переговоры. Тогда Вукотичъ немедленно двинулъ войска на штурмъ форта. Подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ черногорцы вплавь переправились черезъ бурную горную рѣку Лимъ, взяли Оброво, а затѣмъ и Бѣлополье. Введя въ городѣ черногорское управленіе, Вукотичъ поспѣшилъ къ Беранамъ и на зарѣ 3-го октября взялъ его штурмомъ. Изъ Беранъ Вукотичъ двинулся къ Плаву и Гусиньѣ, но прибылъ туда 8-го октября, уже послѣ того, какъ оба эти пункта были заняты черногорцами: 28-го числа Вешовичъ взялъ штурмомъ защищавшую Гусинье турецкую позицію на горѣ Гребенъ, а 3-го октября—гору Васиторъ передъ Плавомъ, который и сдался 6-го октября. Турки бѣжали къ Ипеку. Преслѣдуя ихъ, Вукотичъ нанесъ имъ 9-го числа еще разъ пораженіе, 10-го занялъ Ругову, 12-го въ Бредаревѣ соединился съ сербскими войсками колонны ген. Живковича, 17-го занялъ Ипекъ, 23-го—Дьяково. Такимъ образомъ Ново-Базарскій санджакъ перешелъ въ руки союзниковъ.

Средняя колонна, королевича Данилы, 28-го сентября, послѣ артиллерійской подготовки, атаковала пограничныя турецкія укрѣпленія на высотахъ Дедичъ и Шипшаникъ, впереди г. Тузи. Натискъ черногорцевъ былъ такъ стремителенъ, что турки бѣжали, не успѣвъ привести въ негодность свою позиціонную артиллерію. Черногорцы воспользовались этимъ и, повернувъ турецкія орудія, преслѣдовали противника ихъ огнемъ. Очищеніе турками этой позиціи открыло колоннѣ путь къ укрѣпленному городу Тузи. Комендантъ Тузи, Нурри-бей три дня упорно оборонялъ городъ и сдался только тогда, когда ночнымъ штурмомъ было взято черногорцами передовое укрѣпленіе Враньско-Брдо. Изъ-подъ Тузи средняя колонна двинулась къ Скутари, укрѣпленному центру вилайета, чтобы обложить его съ востока. Къ Скутари же изъ Дульциньо шла и третья черногорская колонна, ген. Мартиновича. Овладѣвъ по дорогѣ нѣсколькими турецкими блокгаузами, Мартиновичъ обложилъ Скутари съ юго-запада. Скутари занято дивизіей низама, укрѣплено довольно сильно, и комендантомъ его является истинный воинъ, суровый, непреклонный Гуссейнъ-Риза. Попытка черногорцевъ овладѣть крѣпостью штурмомъ не удалась, вслѣдствіе слабой подготовки его артиллерійскимъ огнемъ по недостатку у черногорцевъ тяжелой артиллеріи. Большія потери, понесенныя при этомъ черногорцами, побудили короля Николая отказаться отъ мысли взять крѣпость откры-

тою силою. Переходомъ къ осадѣ Скутари закончились пока событія на черногорскомъ театрѣ войны.

VII.

Военныя дѣйствія на сербскомъ фронтѣ начались 1-го октября, т. е. еще до объявленія Сербіей войны Турціи (4-го октября). Въ этотъ день небольшой турецкій отрядъ вторгся на сербскую территорію у Ристоваца и продвинулся впередъ на 10 километровъ. Какой смыслъ имѣло это частичное наступленіе турокъ, да еще въ небольшихъ силахъ—сказать трудно; вѣроятно, это было дѣломъ запальчивости какого-либо отдѣльнаго начальника. Турецкій отрядъ легко былъ отброшенъ назадъ передовыми сербскими войсками, и до 5-го числа на сербско-турецкой границѣ было относительно спокойно.

5-го и 6-го октября сербскія арміи, сосредоточенныя на линіи отъ Враньи до Ужицы, перешли границу. Къ вечеру 8-го октября 1-я армія, королевича Александра, была уже предъ Кумановымъ, 2-я, ген. Стефановича—въ 48 километрахъ отъ нея у Кратова, близъ Овчего поля, а 3-я, ген. Янковича,—въ трехъ переходахъ отъ Куманова, близъ Приштины. Зная, что на Овчемъ полѣ сосредоточено до 40000 турецкихъ войскъ, сербскій генеральный штабъ полагалъ, что здѣсь и произойдетъ первое столкновеніе съ противникомъ, и, готовясь къ нему, задержалъ 1-ю армію у Куманова на все 9-е число, чтобы дать время сблизиться съ нею 2-й и 3-ей арміямъ. Повидимому, и у турокъ существовалъ первоначально планъ дать сраженіе на Овчемъ полѣ [1]). Но въ самую послѣднюю минуту они отъ него отказались и, оставивъ на Овчемъ полѣ весь лагерь и всѣ полевые лазареты, спѣшно перешли къ Куманову. Вѣроятно, быстрое движеніе впередъ 1-й сербской арміи и выжидательное бездѣйствіе ея у Куманова внушили туркамъ надежду разбить ее до подхода другихъ армій, а затѣмъ, ставъ между 2-ю и 3-ею арміями, разбить и ихъ по одиночкѣ.

По словамъ г. Табурно, «очевидца сербскихъ битвъ», развѣдывательная служба поставлена была у сербовъ слабо. «Рекогносцировокъ, могущихъ открыть силы непріятеля, не производилось. Дѣлались рекогносцировки патрулями и лазутчиками, которые не могли дать точныхъ свѣдѣній о численности непріятеля». Атака турокъ, утромъ 10-го октября, на лѣвый флангъ и центръ первой

[1]) I. Табурно, «О сербскихъ битвахъ. Впечатлѣнія очевидца», стр. 68-71.

сербской арміи явилась для нея совершенною неожиданностью. Кавалерійская дивизія, стоявшая на лѣвомъ флангѣ, даже не успѣла встрѣтить противника въ конномъ строю и дралась спѣшенною. Тѣмъ не менѣе сербы выдержали первый натискъ, и этотъ успѣхъ внушилъ имъ мысль, что дѣло несерьезно, что это демонстрація и силы турокъ незначительны. Только послѣ ряда повторныхъ атакъ, послѣ того, какъ обнаружился обходъ значительными турецкими силами праваго фланга сербской арміи, къ 2-мъ часамъ дня выяснилось, что у Куманова—почти вся западная армія, отъ 105 до 115 тыс. человѣкъ при 200 орудіяхъ. Къ 3-мъ часамъ дня сербы отбили всѣ атаки турокъ, заставили ихъ остановить обходное движеніе и даже сами перешли въ контръ-атаку. Къ 6 час. вечера бой прекратился. Сербы не только удержали свои позиціи, но мѣстами продвинулись впередъ. Ночью турки снова атаковали лѣвый флангъ сербской арміи, но снова были отбиты. Утромъ 11-го сербы перешли въ наступленіе. Къ 11 часамъ утра турецкая армія отступала въ полномъ безпорядкѣ, оставивъ на полѣ сраженія 112 орудій и потерявъ еще 44 орудія при преслѣдованіи сербской кавалеріей [1]). Сербскія войска проявили въ этомъ сраженіи высокій героизмъ, частные начальники—большую иниціативу. Артиллерія своей мѣткой стрѣльбой вызывала въ рядахъ турокъ панику; пѣхота вела наступленіе энергично, не прибѣгая къ окапыванію, и лихо бросалась въ штыки. Вступившія въ Куманово сербскія войска нашли повсюду слѣды жестокостей, учиненныхъ турками надъ христіанскимъ населеніемъ города. Это они торжествовали свой призрачный успѣхъ надъ сербами, о которомъ, какъ о совершившемся фактѣ, командовавшій турками въ этомъ бою Фетхи-паша (бывшій посланникъ въ Бѣлградѣ) донесъ уже въ Константинополь.

Исходъ сраженія подъ Кумановымъ деморализовалъ Албанскую турецкую армію. Собравшись у Ускюба, она уже не въ силахъ была оборонять его. Попытка Фетхи-паши организовать здѣсь сопротивленіе не удалась. Въ войскахъ и въ мусульманскомъ населеніи города царила паника. Не дождавшись обѣщаннаго ему главнокомандующимъ Албанской арміей, Махмудомъ-Шефкетомъ-пашею, подкрѣпленія, Фетхи-паша 12-го октября покинулъ городъ, который 13-го былъ занятъ 1-ою сербскою арміею. Это былъ второй крупный успѣхъ сербовъ. Отплативъ подъ Кумановымъ за «Коссово поле», они вернули себѣ теперь древнее Скоплію, столицу стараго Серб-

---

[1]) Поспѣшное отступленіе турокъ объясняется подходомъ къ полю сраженія частей 2-й сербской арміи; есть свѣдѣнія, что нѣкоторыя части этой арміи даже приняли участіе въ бою.

скаго царства, гдѣ въ 1349 г. царь Душанъ Сильный далъ народу свой знаменитый «Законникъ».

Паденіе Ускюба еще болѣе усилило деморализацію турецкой арміи. Она распалась на 2 группы: одна бросилась къ Салоникамъ, другая—къ Монастырю. Сербы энергично ихъ преслѣдовали, не давая противнику опомниться и вводя всюду свое управленіе. Одна колонна 1-й арміи заняла 17-го октября Призрѣнъ, священный по своимъ воспоминаніямъ городъ Старой Сербіи, другая, 16-го октября—Велесъ. Несмотря на прекрасныя позиціи турки на нихъ не задержались и повернули на Прилѣпъ. Здѣсь горная мѣстность еще болѣе благопріятствовала оборонѣ. Дорога идетъ черезъ горный хребетъ по перевалу Бабине—Планине на высотѣ 1200 метровъ. Турки заняли его и окрестныя высоты силами около 20000 чел., при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ. Сербы имѣли всего два горныхъ орудія, полевой же артиллеріей воспользоваться нельзя было по условіямъ мѣстности. Вся тяжесть боя легла на пѣхоту, которая послѣ трехдневныхъ безпрерывныхъ атакъ сломила сопротивленіе турокъ. 21-го октября Прилѣпъ былъ занятъ сербами. Турки отступили къ Монастырю, гдѣ ихъ собралось 70—80 тысячъ при 100 орудіяхъ. 26-го октября состоялся у турокъ военный совѣтъ, на которомъ, по настоянію командира 6-го корпуса Джавида-паши, рѣшено было защищать Монастырь до послѣдней крайности. Для этого была выбрана позиція въ 10 километрахъ впереди города, на горномъ кряжѣ высотою отъ 1200 до 2500 метровъ, и спѣшно, но хорошо укрѣплена. Джавидъ-паша, руководившій обороною, хотѣлъ, повидимому, вести ее активно. Узнавъ о движеніи къ Монастырю съ юга и греческихъ войскъ, онъ вышелъ имъ на встрѣчу, чтобы разбить ихъ прежде, чѣмъ къ Монастырю подойдетъ сербская армія. 23-го октября онъ напалъ въ Соровичевѣ, въ 60 километрахъ къ югу отъ Монастыря, на греческую дивизію и, нанесъ ей пораженіе, пріостановившее движеніе грековъ. Только 26-го октября подошла, къ Монастырю 1-я сербская армія. Ея движеніе было замедлено чрезвычайно дурными горными дорогами, разливомъ рѣкъ и сильными туманами. По дорогѣ ей пришлось, 24 октября, выдержать бой у Алинце, въ 30 километрахъ отъ Монастыря. Съ большимъ трудомъ и очень медленно удалось сербамъ поднять свои орудія на вершины горъ и послѣ двухдневнаго боя, вечеромъ 2 ноября, занять удобныя позиціи на высотѣ 1200 метровъ. Попытка турокъ выбить изъ нихъ сербовъ не удалась. 5-го ноября Монастырь капитулировалъ; сдалось 50000 турецкихъ войскъ. Находившіеся въ Монастырѣ Али-Риза-паша, Кара-Саидъ-паша и Зекки-паша бѣжали еще до капитуляціи; Джавиду-пашѣ и Фетхи-пашѣ удалось прорваться съ остатками Албан-

ской арміи (около 30000 чел.), первому—къ Флоринѣ, второму—къ Реснѣ. Сербы преслѣдовали ихъ и 10-го ноября заняли съ боя Флорину, гдѣ встрѣтились съ греческими войсками, снова спѣшившими къ Монастырю послѣ взятія Салоникъ. Джавидъ-паша бѣжалъ къ Янинѣ и, собравъ по дорогѣ нѣсколько тысячъ бѣглецовъ-солдатъ, сталъ содѣйствовать оборонѣ Янины, тревожа греческія войска. Въ тотъ же день, 10-го, сербы заняли Ресну, на пути къ которой былъ убитъ Фетхи-паша. Сраженіе подъ Монастыремъ было однимъ изъ самыхъ упорныхъ и тяжелыхъ по своей обстановкѣ. Горная мѣстность, безпрерывные дожди, холодные вѣтры и туманы чрезвычайно затрудняли дѣйствія войскъ. Сербы страдали отъ недостатка въ продовольствіи; подвезти его къ Монастырю не успѣли за быстротою марша арміи и трудностью движенія обозовъ по размытымъ дождями дорогамъ, а турки при своемъ отступленіи сожгли всѣ деревни, забрали всѣ запасы населенія. Сербскія войска мужественно перенесли всѣ эти лишенія и невзгоды и дрались геройски. Потери турокъ подъ Монастыремъ исчисляются въ 17000 чел. убитыми и ранеными, сербы же потеряли 8000 чел.

Съ паденіемъ Монастыря западная турецкая армія перестала существовать. Сербскія войска занялись болѣе или менѣе мирной оккупаціей Албаніи и очищеніемъ ея городовъ и селеній отъ албанскихъ бандъ. Ихъ главною цѣлью стало теперь достиженіе береговъ Адріатическаго моря и занятіе порта Дураццо, что составляло одну изъ политическихъ цѣлей войны. Къ этой цѣли устремились теперь и части 1-й сербской арміи, и вся 3-я армія, вступившія между собою въ связь подъ Монастыремъ [1]).

Въ то время какъ армія королевича Александра вела трудную Куманово-Монастырскую операцію, 3-я армія 9-го октября, сражалась на линіи отъ Вельеглавы до Рашки. Одна часть ея въ тотъ же день заняла Новый Базаръ; другая, прорвавшись черезъ Тенешдольскій проходъ, подошла къ Приштинѣ и послѣ трехдневнаго упорнаго боя, 13 октября, заняла ее. Не встрѣтивъ затѣмъ сопротивленія Янковичъ началъ наступленіе къ Ускюбу, чтобы войти въ связь съ 1-й арміей, и 14-го октября съ боя взялъ г. Качаникъ, гдѣ въ іюлѣ 1912 г. турки произвели варварское избіеніе христіанъ, переполнившее чашу терпѣнія многострадальныхъ балканскихъ славянъ и послужившее ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Отдѣливъ одну дивизію къ Монастырю на усиленіе 1-й арміи, ген. Янковичъ двинулся къ Адріатическому побережью одно-

1) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ одна дивизія изъ арміи Янковича принимала даже участіе въ бояхъ за Монастырь.

временно съ 1-й арміей. 11 ноября части послѣдней заняли безъ боя Охриду, а часть 3-ей арміи, 15 ноября—Дибру и весь Лимскій округъ, 17-го ноября—Эльбасанъ. Колонна Живковича, соединившаяся съ черногорскими войсками въ Новобазарскомъ санджакѣ, также двинулась на побережье. 4-го ноября черногорцы съ бою овладѣли портомъ Санъ Джіованно-ди-Медуа, 5-го ноября сербско-черногорскія войска заняли портъ Аллесіо, а 15-го ноября—и портъ Дураццо, гдѣ ихъ уже ждали греческія суда съ запасомъ продовольствія.

Что касается, наконецъ, 2-й сербской арміи, то не понадобившись подъ Кумановымъ, она двинулась было на поддержку грековъ къ Салоникамъ, но паденіе послѣднихъ сдѣлало дальнѣйшій походъ ея излишнимъ, и значительная часть ея была направлена къ Адріанополю, на усиленіе болгарскихъ войскъ, осаждавшихъ эту крѣпость. Повидимому, предполагалось, вообще направить сербскія войска на восточный участокъ театра войны, такъ какъ всѣ поставленныя имъ стратегическія задачи на албано-македонскомъ театрѣ были уже выполнены; но политическія обстоятельства помѣшали этому. Успѣхи сербскаго оружія и занятіе сербами побережья Адріатическаго моря вызвали такое волненіе въ Австріи, мобилизовавшей восемь корпусовъ, что призракъ новой войны, на сѣверной границѣ, не позволилъ Сербіи перебросить свои силы на востокъ и ослабить свое военное вліяніе въ Албаніи, взволнованной навязанною ей изъ Вѣны мечтою объ автономіи. А между тѣмъ содѣйствіе сербскихъ армій какъ разъ въ это время было необходимо арміи болгарской для довершенія уже достигнутыхъ послѣднею крупныхъ успѣховъ.

VIII.

Закончивъ на одинъ день позже предположеннаго срока свое сосредоточеніе въ раіонѣ Кюстендиль—Германлы—Старая Загора—Ямболь, болгарскія арміи 5-го октября начали наступленіе. 6-го октября къ вечеру передовыя части 1-й арміи, ген. Кутынчева, оттѣснивъ турокъ послѣдовательно съ нѣсколькихъ позицій, заняли Мустафа-Паша и захватили мостъ черезъ Марицу, который турки, въ своемъ поспѣшномъ отступленіи къ Адріанополю, не успѣли разрушить. 2-я болгарская армія, ген. Иванова, двигалась тремя колоннами: двѣ шли между Марицей и Тунджей, одна—по лѣвому берегу послѣдней. Первыя уже 8-го октября подошли къ Адріанополю, третья же продолжала наступленіе на югъ, имѣя цѣлью обойти эту крѣпость съ востока. Наиболѣе трудная задача выпала на долю 3-ей

арміи, ген. Радко Дмитріева. Именно на ея пути лежала первая серьезная преграда: укрѣпленная позиція у Киркилисы. Идти къ ней пришлось подъ проливнымъ дождемъ, по проселочнымъ дорогамъ, черезъ горы, и идти быстро, чтобы застать противника въ расплохъ. Армія дѣлала по 35 верстъ въ сутки, вечеромъ 8-го октября подошла къ границѣ, а 9-го утромъ ея передовыя части завязали бой у д. Ереклеръ. Этотъ бой, въ связи съ донесеніями шедшей впереди конницы, выяснилъ, что передовыя позиціи заняты турками слабо и что собственно оборона Киркилисы возложена на 3-ій турецкій корпусъ (45000 чел.), подъ командою Махмуда-Мухтара-паши. Укрѣпленія Киркилисы состояли изъ двухъ фортовъ долговременной профили и цѣпи батарей, вооруженныхъ полевыми и крѣпостными орудіями. Какъ приготовился къ первой встрѣчѣ съ противникомъ главнокомандующій восточною (Адріанопольскою) арміею, Абдулла-паша, находившійся въ это время въ Люле-Бургасѣ—это видно изъ слѣдующей его диспозиціи, отданной 7-го октября и очень характерной для оцѣнки турецкихъ военачальниковъ. Начавъ съ предположенія, что «болгарскія войска, *кажется*, наступаютъ съ трехъ сторонъ», Абдулла-паша предписывалъ своей арміи собраться на линіи Енидже-Бугланъ-Киркилиса и укрѣпить эту позицію по слѣдующему плану: «3-му корпусу стать между Киркилисой и Кусонъ-Гяуръ, 1-му—лѣвѣе, у Енидже, 4-му—одной дивизіей продолжить лѣвое крыло 1-го, а двумъ дивизіямъ стать за нимъ въ резервѣ, и 2-му корпусу быть въ резервѣ у Кавакли». Кавалерійской дивизіи приказано было «въ случаѣ наступленія противника въ превосходныхъ силахъ отступать къ Хавса и вмѣстѣ съ 4-мъ корпусомъ слѣдить за движеніями непріятеля къ Адріанополю».

Разборъ этой диспозиціи занялъ бы много мѣста, но и бѣглое ознакомленіе съ нею производитъ впечатлѣніе сумбура и безпомощности. Глубокою пассивностью вѣетъ отъ нея; корпуса обречены на стояніе на мѣстѣ, а не на маневрированіе, кавалеріи—глазамъ и ушамъ арміи—даны указанія для отступленія и наблюденія за Адріанополемъ, а не для развѣдки о противникѣ и не для прикрытія развертыванія арміи на указанной ей линіи; наконецъ, самой позиціи у Киркилисы совершенно не удѣлено должнаго вниманія. Только 9-го числа, когда болгары уже подошли къ Киркилисѣ, Абдулла-паша сдѣлалъ спѣшныя распоряженія для ея обороны. Они носили слѣды панической растерянности, вызванной быстрымъ и внезапнымъ появленіемъ болгаръ. 4-й корпусъ двинутъ былъ къ Адріанополю вмѣсто того, чтобы продолжать боевую линію 1-го, а къ Киркилисѣ вызванъ былъ изъ Бунаръ-Гиссара 16-й корпусъ.

Завязавшійся 9-го числа утромъ бой у Ереклера длился цѣлый день. Деревню и прилегающія къ ней высоты защищала отборная часть—унтеръ-офицерскій учебный полкъ,—защищала мужественно и упорно, но къ вечеру была оттѣснена къ Киркилисѣ. Вечеромъ этого дня, у деревни Эски-Полосъ, завязала бой и другая болгарская дивизія, шедшая въ центрѣ, и также оттѣснила турокъ съ передовыхъ позицій. Третья, лѣвофланговая дивизія была направлена Дмитріевымъ въ обходъ праваго фланга турецкой позиціи и столкновеній съ противникомъ въ этотъ день не имѣла.

Ночь съ 9-го на 10-е октября прошла сравнительно спокойно. Утромъ 10-го, въ то самое время, когда и у Куманова начинался бой, болгарскія войска повели рѣшительное наступленіе по всей линіи. Оказалось, что турки за ночь успѣли укрѣпиться на позиціи южнѣе Ереклера. Съ послѣдней они были сравнительно быстро отброшены правой дивизіей, но у Эски-Полоса держались дольше и отошли къ д. Петро, гдѣ и заняли новую сильную позицію. Весь день шелъ оживленный ружейный и артиллерійскій бой, съ явнымъ перевѣсомъ въ сторону болгаръ. Лившій весь день дождь, къ вечеру превратившійся въ ливень, сильно замедлилъ обходное движеніе лѣвофланговой болгарской дивизіи, и она только къ ночи, по непролазной грязи и въ темнотѣ, вышла у д. Кайва въ тылъ праваго фланга турецкой позиціи. Бывшія здѣсь редифныя турецкія войска въ паникѣ бросились въ городъ и заразили ею остальныя части, хлынувшія къ Люле-Бургасу и Бунаръ-Гиссару, бросивъ на произволъ судьбы форты, батареи, пушки и обозы. По пути, во тьмѣ, эта обуянная паническимъ ужасомъ толпа столкнулась съ шедшимъ къ Киркилисѣ 16-мъ корпусомъ (30.000 человѣкъ), смяла его и вмѣстѣ съ нимъ устремилась далѣе. Махмудъ-Мухтаръ-паша не пытался даже водворить порядокъ и одинъ изъ первыхъ покинулъ Киркилису съ поѣздомъ желѣзной дороги. Утромъ 11-го октября болгары заняли городъ и сейчасъ же организовали преслѣдованіе бѣгущей турецкой арміи. Побѣда подняла ихъ духъ, подавивъ настроеніе турецкой арміи. Турки потеряли вѣру въ начальниковъ, начальники—въ войска. Вотъ что, напримѣръ, телеграфировалъ 12 октября Абдулла-паша великому визирю: «Съ подобными войсками невозможно продолжать войну и защитить отечество. Чтобы не очутиться въ еще худшемъ положеніи, прошу уладить вопросъ дипломатическимъ путемъ». Махмудъ-Мухтаръ-паша добавлялъ къ этому: «невозможно описать состояніе духа войсковыхъ начальниковъ... Не знаю, можно ли что сдѣлать съ этой толпой, около которой носится запахъ константинопольскихъ кухонь... Виновники отступленія и разгрома корпуса преданы военному суду».

Въ Люле-Бургасѣ свыше сотни солдатъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ были разстрѣляны. Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти былъ и египетскій принцъ Азисъ, командовавшій кавалерійскимъ полкомъ и бѣжавшій въ числѣ первыхъ. Султанъ его помиловалъ.

Только на линіи Люле-Бургасъ—Виза (въ 120 верстахъ отъ Константинополя и въ 40 верстахъ отъ Киркилисы) Абдулла-пашѣ удалось остановить бѣжавшія войска, привести ихъ въ порядокъ и наскоро организовать оборону этой важной въ стратегическомъ отношеніи позиціи, прикрывающей столицу и раіонъ сосредоточенія турецкихъ войскъ, перевозимыхъ изъ Малой Азіи по желѣзной дорогѣ въ Чорлу и моремъ къ Родосто и Мидіи. Здѣсь собралось до 150.000 турецкихъ войскъ. Болгары также довели до этой численности армію, двинутую къ Люле-Бургасу, направивъ къ ней не только 3-ю, но и почти всю 1-ю армію. Руководство всей операціей противъ Люле-Бургаса—Визы поручено было ген. Савову, но главная роль въ ней, была предоставлена герою Киркилисы, Радко Дмитріеву. Онъ умѣло организовалъ преслѣдованіе турокъ, вѣерообразно направивъ отдѣльныя колонны на Бунаръ-Гиссаръ, Инжеклеръ, Кулиба-Карагачъ и Люле-Бургасъ. 16-го октября всѣ колонны завязали авангардные бои и въ тотъ же день овладѣли Люле-Бургасомъ и Карагачемъ; но у Визы турки удержались, такъ какъ здѣсь болгарамъ пришлось дѣйствовать въ лѣсистомъ раіонѣ и идти по размытымъ дорогамъ, вслѣдствіе чего связь между отдѣльными частями боевой линіи нарушилась. Успѣхъ у Визы далъ Назиму-пашѣ поводъ телеграфировать въ Константинополь, что наступленіе болгаръ отражено; но уже на слѣдующій день, турки очистили и Визу, уступая превосходному дѣйствію болгарской артиллеріи и стремительности штыковыхъ атакъ болгарской пѣхоты. 18-го октября турецкій лѣвый флангъ былъ отброшенъ еще далѣе, до Карамерсели, а правый — къ Асбага. 19-го правый флангъ болгарской арміи, переправившись чрезъ р. Эргене у Павликіоя, двинулся къ Айроболю угрожая пути отступленія турокъ, которые въ тотъ же день отошли на линію Сарай-Чорлу. Здѣсь положеніе ихъ улучшилось; Махмудъ-Мухтаръ-паша, 20-го октября, даже перешелъ въ наступленіе, оттѣснилъ болгаръ отъ Сарая къ Визѣ и ночевалъ на занятой позиціи. Но проливные дожди, утомленіе и голодъ такъ деморализовали турецкія войска, что они цѣлыми частями стали покидать позиціи и уходить въ тылъ. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, Назимъ-паша 21-го октября отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи и отвелъ войска на Чаталджинскія позиціи. Отступленіе и на этотъ разъ перешло въ безпорядочное бѣгство, такъ какъ вслѣдъ за войсками устремилось

и все окрестное турецкое населеніе. Оно ознаменовалось дикими сценами грабежа и насилія голодныхъ солдатъ. По офиціальному сообщенію болгарскаго военнаго министерства, болгары потеряли въ этихъ сраженіяхъ 17000 чел. убитыми и ранеными; потери турокъ, превышали 40000 чел.

Очищеніе турками линіи Чорлу-Сарай передало въ руки болгаръ такіе важные пункты, какъ порты Мидія и Родосто, чрезъ которые шелъ подвозъ къ турецкой арміи подкрѣпленій изъ Малой Азіи. Утомленные безпрерывными боями и переходами по отвратительнымъ дорогамъ въ холодную и дождливую пору, болгары не достаточно энергично преслѣдовали турокъ и только къ 30-му октября окончательно сосредоточились предъ Чаталджой. Турки воспользовались этимъ временемъ и, понимая значеніе этой послѣдней преграды, отстоящей отъ Константинополя всего въ 30—50 километрахъ, спѣшно усилили ея укрѣпленія и вооруженіе. Чаталджинская позиція тянется на 40 километровъ отъ Буюкъ-Чекмедже, на берегу Мраморнаго моря, до форта Кара-Бурунъ, на Черномъ морѣ. Оба фланга ея, упираются въ море, и атакующій лишенъ возможности обойти ея, а обороняющійся имѣетъ возможность пользоваться своимъ флотомъ. На этомъ протяженіи еще до войны, было возведено, 27 укрѣпленій—фортовъ, редутовъ, батарей,—вооруженныхъ почти 200 орудій различныхъ типовъ и калибровъ.

Подвезя тяжелую артиллерію, возведя батареи и окопы, болгары только 4-го ноября начали атаку чаталджинской позиціи. Такъ какъ лѣвый флангъ ея прикрывался на протяженіи почти 15 километровъ огромнымъ болотомъ и озеромъ, то противъ него болгары ограничились сначала лишь бомбардировкой съ батарей у Арнауткіоя. Позиціонную артиллерію турокъ поддерживали здѣсь своимъ огнемъ суда турецкаго флота, стоявшія на рейдѣ Каликатріи. Главный ударъ болгаръ былъ направленъ на центръ позиціи (форты Гамидіэ I-й и II-й, Махмудіэ и Каракалъ, сѣвернѣе г. Чаталджи) и на участокъ праваго фланга южнѣе озера Деркосъ. Послѣ 6-ти часовой артилерійской подготовки болгары двинулись въ атаку. Въ центрѣ имъ пришлось наступать по совершенно открытой мѣстности, подъ жесточайшимъ огнемъ крѣпостныхъ орудій—и тѣмъ не менѣе одному болгарскому полку удалось подойти къ фортамъ на 500 шаговъ, окопаться здѣсь и продержаться весь день 5-го ноября до ночи на 6-е, когда онъ былъ отведенъ назадъ. Но въ общемъ здѣсь болгары серьезнаго успѣха не достигли. Успѣшнѣе шло наступленіе ихъ на правый флангъ, противъ котораго велась болѣе продолжительная подготовка артиллеріей и наступленіе къ которому шло по мѣстности, поросшей рѣдкимъ лѣсомъ. Здѣсь болгары дошли до турецкихъ укрѣпле-

ній и даже захватили одинъ изъ фортовъ; въ происшедшемъ возлѣ него бою былъ раненъ Махмудъ-Мухтаръ-паша. 5-го ноября шелъ главнымъ образомъ артиллерійскій бой; 6-го ноября наступленіе болгаръ возобновилось по всей линіи. По турецкимъ свѣдѣніямъ, оно успѣха не имѣло: атака на правый флангъ была отбита и турки даже отняли у болгаръ взятыя ими здѣсь укрѣпленія, но за то потеряли передовыя укрѣпленія у Буюкъ-Чекмеджи; въ центрѣ турецкая дивизія продвинулась впередъ и заставила болгаръ очистить здѣсь свои окопы. Офиціальное болгарское телеграфное агентство заявило, что турецкія свѣдѣнія невѣрны и тенденціозны; «положеніе на Чаталджѣ медленно измѣняется въ пользу болгаръ, которые на различныхъ пунктахъ фронта продвигаются впередъ». Въ бою 6-го ноября дѣятельную помощь оказали правому турецкому флангу своимъ огнемъ броненосецъ «Тургутъ-Рейсъ» и крейсеръ «Гамидіэ». Въ ночь на 7-е ноября этотъ крейсеръ подвергся атакѣ болгарскихъ миноносцевъ, былъ сильно ими поврежденъ и на буксирѣ отведенъ въ Стамбулъ. Убѣдившись трехдневнымъ боемъ въ силѣ Чаталджинской позиціи и сознавая недостаточность своей тяжелой артиллеріи для борьбы съ нею, болгары, потерявшіе уже 10 тыс. убитыми и 20 тыс. ранеными, пріостановили штурмъ и 7-го ноября отвели главныя силы къ западу отъ линіи Чаталджа-Чифликіой. 9-го и 10-го ноября еще шелъ артиллерійскій бой и происходили мелкія стычки передовыхъ отрядовъ; всѣ попытки турокъ перейти въ наступленіе были отбиты. У Чаталджи, побѣдоносное движеніе болгаръ было, такимъ образомъ, пріостановлено.

Пріостановилось оно и подъ стѣнами Адріанополя. Эта первоклассная турецкая крѣпость (вѣрнѣе—укрѣпленный лагерь) обнесена по окружности на 40 верстъ цѣпью укрѣпленій, въ число которыхъ входитъ 11 фортовъ долговременной профили, 12 редутовъ, снабженныхъ бетонными укрѣпленіями и броневыми приспособленіями, и 59 батарей. Всѣ укрѣпленія соединены между собою желѣзною дорогою, телеграфомъ и телефономъ; передъ укрѣпленіями поставленъ рядъ искусственныхъ препятствій. Вооружены укрѣпленія 350 орудіями. Гарнизонъ доходитъ численностью до 40.000; во главѣ его стоитъ Шукри-паша, оказавшійся энергичнымъ, дѣятельнымъ и стойкимъ комендантомъ. Крѣпость была снабжена запасами недостаточно обильно, но съ началомъ осады ея Шукри-паша секвестровалъ у населенія всѣ продовольственные припасы и установилъ подъ строгимъ контролемъ выдачу ихъ осажденнымъ въ минимальномъ размѣрѣ. Первоначально подъ стѣнами Адріанополя сошлись двѣ первыя болгарскія арміи, но впослѣдствіе осада ея

была возложена лишь на 2-ю армію, усиленную сербскими войсками, а 1-я армія двинута была къ Люле-Бургасу и далѣе къ Чаталджѣ, для совмѣстныхъ операцій съ 3-ей арміей.

Начавъ обложеніе крѣпости 11 октября, болгары къ 18-му возвели нѣсколько осадныхъ батарей у Экменчи-Кіоя (между Марицей и Тунджей) и открыли по крѣпости огонь. 25-го числа, тотчасъ по прибытіи 2-й сербской арміи. Осаждающіе повели рѣшительное наступленіе на западный фронтъ и послѣ упорнаго боя, взяли штыковымъ ударомъ укрѣпленія Папасъ-Тепо и Карталъ-Тепе. Ночная контръ-атака турокъ успѣха не имѣла; болгары укрѣпились на занятыхъ ими пунктахъ. Съ 26-го по 29-е октября турки произвели рядъ вылазокъ по разнымъ направленіямъ, но всѣ онѣ были отбиты болгарами. Паденіе Люле-Бургасской позиціи и захватъ болгарами желѣзной дороги Чорлу-Айроболъ-Демотика окончательно отрѣзали крѣпость отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Шукри-паша отвергъ всѣ предложенія о сдачѣ и продолжалъ дѣятельную оборону. 5-го, 8-го, 9-го и 12-го ноября онъ сдѣлалъ новыя попытки прорваться изъ крѣпости, но каждый разъ былъ отбрасываемъ обратно. Недостатокъ у болгаръ тяжелой (осадной) артиллеріи и здѣсь помѣшалъ имъ развить свои успѣхи. Не отваживаясь на дорого-стоющій штурмъ его, они перешли къ блокадѣ крѣпости, чтобы взять ее изморомъ.

На западномъ участкѣ раіона дѣйствій болгарскихъ армій крупныхъ столкновеній не было. Здѣсь, дѣйствовали отряды генераловъ Тодорова и Ковачева; цѣлью ихъ операцій было, повидимому, разобщить македонскій театръ отъ адріанопольскаго и прервать сообщеніе Салоникъ съ Константинополемъ. 19-го октября колонна Ковачева заняла Неврокопъ, 25-го—Драму, въ долинѣ р. Месты, и вошла въ связь съ греческими войсками, какъ занимавшими уже Сересъ, такъ и высадившимися у Кавалы. Однимъ изъ отрядовъ этой-же колонны, двигавшимся изъ Патмаклы на Гюмюльджину, заняты былъ въ началѣ ноября, съ боемъ, гор. Фереджикъ и портъ Дедеагачъ, что дало болгарамъ возможность возстановить желѣзнодорожное сообщеніе между Салониками и Киркилисой, чрезъ Демотику. Правая (западная) колонна Тодорова, сосредоточившись 22-го октября въ раіонѣ Мельника и Струмы, двинулась долиною р. Струмы къ Демиръ-Гиссару и Сересу, а отъ послѣдняго пункта свернула къ Салоникамъ, чтобы принять участіе въ операціяхъ у этого города. Противъ этихъ колоннъ находилась, такъ называемая Струмская армія, Надиръ-паши, состоявшая изъ 2-хъ дивизій; но оказать серьезное сопротивленіе болгарамъ она не успѣла, такъ какъ командующій Салоникской арміей, Таксинъ-паша, приказалъ Надиръ-пашѣ спѣшить къ нему

на помощь въ Салоники. По пути туда, одна изъ дивизій, попавъ у Сереса въ раіонъ своего комплектованія, разбѣжалась по деревнямъ, и Надиръ-паша привелъ въ Салоники лишь половину своей арміи.

Дѣйствія турецкаго флота на Черномъ морѣ за это время выразились лишь въ непродолжительной и безрезультатной бомбардировкѣ Варны, Коварны, дворца въ Евксиноградѣ, монастыря св. Константина и казармъ на берегу между Варною и Евксиноградомъ. Между тѣмъ, въ составъ этой эскадры входили 3 большихъ судна («Барбаросса», «Тургутъ-Рейсъ» и «Мессудіэ») и нѣсколько контръ-миноносцевъ, а противъ нея дѣйствовали лишь 6 болгарскихъ миноносцевъ, укрывавшихся въ порту Мидія и оттуда нападавшихъ на турецкія суда.

IX.

Греческія арміи—Өессалійская, королевича Константина, и Эпирская, ген. Сапунцаки—сосредоточившіяся къ началу военныхъ дѣйствій въ долинѣ р. Саламврія перешли турецкую границу 5-го октября и двинулись: первая—къ Янинѣ, вторая—въ направленіи на Эллассону. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ столкновеній съ турками, Эпирская армія 26 октября подошла къ Янинѣ, но оказалась слишкомъ малочисленной (12—15000), чтобы овладѣть ея укрѣпленіями, защищаемыми гарнизономъ въ 30000 регулярныхъ турецкихъ войскъ и нѣсколькими тысячами албанцевъ. Съ тѣхъ поръ вокругъ Янины все время происходитъ рядъ мелкихъ, безрезультатныхъ боевъ. Өессалійская армія, послѣ упорнаго боя, 6-го октября овладѣла Эллассоной и двинулась вслѣдъ за отступавшими турками къ Сервіи. Въ Серандопорскомъ дефиле турки попытались, 9-го октября, остановить наступленіе грековъ, но вновь были разбиты, и 10-го октября греческія войска заняли Сервію. Здѣсь Өессалійская армія раздѣлилась на двѣ группы: одна двинулась къ Монастырю, черезъ Кожану, Кайларъ, Баницу и Флорину, и здѣсь, была остановлена вышедшими ей навстрѣчу изъ Монастыря войсками Джавида-паши вторая (главныя силы), подъ начальствомъ королевича Константина, направилась къ Салоникамъ и 20 октября у Іенидже-Вардаръ (Яница) атаковала и разбила высланную ей навстрѣчу часть Салоникской арміи (около 25000, при 24—30 орудіяхъ). 24 и 25-го октября греческая армія перешла р. Вардаръ и продолжала путь къ Салоникамъ. Пять пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллеріей шли по прямому направленію къ этому пункту, а одна

дивизія пѣхоты и кавалеріи посланы были въ обходъ его, чтобы отрѣзать туркамъ путь отступленія на Сересъ. Защищавшая Салоники армія Таксинъ-паши занимала вокругъ города весьма растянутую позицію. Извѣстіе о приближеніи греческихъ войскъ вызвало въ городѣ тревогу; консулы иностранныхъ державъ предложили Таксину-пашѣ сдать его безъ боя. Таксинъ-паша, не вѣря въ возможность успѣха съ деморализованными пораженіемъ у Яницы войсками, принялъ это предложеніе и въ 11 час. вечера 26 октября подписалъ капитуляцію, по которой сдалъ королевичу Константину городъ и всю свою армію. 27-го октября утромъ греки заняли Салоники.

Между тѣмъ съ сѣвера, отъ Сереса, какъ разъ въ это время, подошли къ Салоникамъ и болгарскія войска (колонна ген. Тодорова), и съ утра 27-го повели наступленіе на Салоники. Бывшія предъ ними турецкія части, видимо еще не знавшія о состоявшейся наканунѣ поздно вечеромъ капитуляціи, встрѣтили болгаръ огнемъ. Бой затянулся на цѣлыхъ шесть часовъ, пока обѣ стороны не получили извѣщеніе, что городъ уже сданъ. Это дало болгарамъ поводъ претендовать на первенствующую роль въ овладѣніи Салониками. Отсюда рознь между союзниками, не улаженная до сего времени и вредно отразившаяся на дальнѣйшемъ ходѣ операцій. Надо думать, что именно она была причиной отказа грековъ отъ предположенной ранѣе операціи—перекинуть часть Өессалійской арміи на восточный театръ войны и, высадивъ ее въ Саросскомъ заливѣ, облегчить болгарамъ овладѣніе Чаталджой. Вмѣсто этого часть Өессалійской арміи была направлена дессантомъ въ портъ Кавалу, гдѣ и высадились, а главныя ея силы двинуты къ Монастырю, для содѣйствія сербамъ; но прежде чѣмъ они подошла къ нему, Монастырь уже былъ занятъ сербами. Греческимъ войскамъ пришлось лишь добивать остатки разсѣянной Албанской арміи, что они и сдѣлали, преградивъ имъ путь у Флорины.

Что касается греческаго флота, то онъ проявилъ усиленную и разнообразную дѣятельность, блокируя турецкіе порта на Адріатическомъ морѣ, оккупируя одинъ за другимъ острова въ Эгейскомъ морѣ, перевозя войска союзниковъ, подвозя имъ продовольствіе и топя турецкія суда.

X.

Рядъ пораженій на всѣхъ фронтахъ, послѣдствіемъ которыхъ была утрата цѣлыхъ областей, важныхъ стратегическихъ пунктовъ и разгромъ всѣхъ армій, поставилъ Оттоманскую имперію на край гибели. Поднимался вопросъ о совершенномъ уничтоженіи ея, какъ

европейскаго государства; столицѣ грозило занятіе если не болгарскими войсками, то войсками великихъ державъ, которыя для охраны порядка въ Стамбулѣ ввели уже туда дессанты съ своихъ военныхъ судовъ. Паника среди населенія и деморализація въ арміи росли. Въ войскахъ, занимавшихъ Чаталджинскую позицію, появилась холера, занесенная затѣмъ бѣглецами и въ Константинополь. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Порта оказалась вынужденной 12-го ноября предложить союзникамъ перемиріе, которое, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, 20-го числа и было принято всѣми союзниками, кромѣ Греціи, оставившей за собою право примкнуть къ нему, когда признаетъ это для себя полезнымъ.

По условіямъ перемирія, войска враждующихъ сторонъ остались на занятыхъ позиціяхъ; подвозъ какихъ-либо припасовъ въ осажденныя крѣпости допущенъ не былъ (болгары пропустили въ Адріанополь лишь нѣсколько ящиковъ съ медикаментами и перевязочнымъ матеріаломъ). Только комендантъ Скутари, Гассанъ-Риза, отказался подчиниться соглашенію о перемиріи, заявивъ, что считаетъ письма Назима-паши, передаваемыя ему черезъ посредство иностранныхъ миссій, неофиціальными,—и продолжалъ обстрѣливать черногорскія позиціи подъ крѣпостью.

Турецкій флотъ, почти въ полномъ составѣ, дважды сдѣлалъ попытку выйти изъ Дарданеллъ въ Эгейское море и сразиться съ греческимъ, но оба раза—3-го декабря у о-ва Имброса и 5-го января у о-ва Тенедоса—былъ отброшенъ греческой эскадрой адм. Кундуріатиса, съ значительнымъ поврежденіемъ судовъ. Въ первомъ же бою былъ убитъ командовавшій турецкимъ флотомъ, Халилъ-паша.

30-го ноября въ Лондонѣ съѣхались на конференцію для переговоровъ о заключеніи мира представители балканскихъ государствъ и Турціи. Главнымъ препятствіемъ къ соглашенію явился вопросъ объ Адріанополѣ, на уступкѣ котораго настаивали болгары и на что долго никакъ не хотѣли согласиться турки. Когда наконецъ, подъ давленіемъ великихъ державъ эта уступка, была предрѣшена оттоманскимъ правительствомъ, младо-турецкая партія, настаивавшая на продолженіи войны, 10-го января произвела переворотъ въ Константинополѣ. Главнокомандующій и военный министръ, Назимъ-паша былъ убитъ, кабинетъ Кіамиля-паши свергнутъ и во главѣ правительства поставленъ снова Махмудъ-Шефкетъ-паша, неудачный военный министръ и главнокомандующій.

Надежды на миръ разсѣялись; военныя дѣйствія возобновились.

Вл. Апушкинъ.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ПО ОБРАЗОВАНІЮ ЖЕНЩИНЪ.

Изъ многочисленныхъ съѣздовъ, засѣдавшихъ въ обѣихъ столицахъ въ концѣ 1912-го года, наибольшимъ общественнымъ вниманіемъ пользовался съѣздъ по образованію женщинъ. Его программа охватывала цѣлый рядъ педагогическихъ, психологическихъ и общественно-правовыхъ вопросовъ, волнующихъ не только женщинъ, не только учащихъ и учащихся.

На съѣздѣ участвовало 1115 членовъ, среди которыхъ было много видныхъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей. Уже во время засѣданій съѣзда печать оживленно обсуждала его работы. И при доброжелательномъ, сочувственномъ отношеніи однихъ органовъ печати, другіе, близкіе имъ по направленію, осыпали организаторовъ и участниковъ съѣзда упреками въ безсодержательномъ феминизмѣ, въ безсистемности занятій, въ расплывчатости резолюцій.

Недочетовъ въ организаціи съѣзда, какъ и всякаго новаго общественнаго дѣла, можно, конечно, указать немало. Но несмотря на эти недочеты, съѣздъ все же заслуживалъ вниманія, и труды его, можно думать, не пройдутъ безслѣдно ни для дѣятелей по народному образованію, ни для тѣхъ, кто интересуется успѣхами женскаго движенія.

Мысль о созывѣ всероссійскаго съѣзда, или, какъ тогда говорили, «конференціи» по образованію женщинъ, возникла въ совѣтѣ россійской лиги равноправія женщинъ въ 1909-мъ году, вскорѣ послѣ основанія самой лиги. Съѣздъ предполагалось пріурочить къ пятидесятилѣтію высшаго женскаго образованія въ Россіи. Но передъ молодымъ учрежденіемъ стояло много неотложныхъ задачъ, и оно не могло тотчасъ-же приступить къ осуществленію своего проекта. Первые шаги въ этомъ направленіи были предприняты въ концѣ 1910-го года, причемъ совѣтъ Лиги ходатайствовалъ о разрѣшеніи созвать съѣздъ въ Петербургѣ въ концѣ 1911-го года. Утвердительный отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ полученъ совѣтомъ лиги лишь въ маѣ 1912-го года. Такимъ образомъ, для организаці исъѣзда въ распоряженіи организаціоннаго

комитета, во главѣ котораго всталъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ И. И. Толстой, оставалось, не считая лѣтнихъ «мертвыхъ» мѣсяцевъ, очень немного времени. Этимъ, можетъ быть и объясняются нѣкоторые дефекты организаціи съѣзда — недостатокъ докладовъ въ однѣхъ секціяхъ (напр. техническаго, профессіональнаго образованія) и перегруженіе ими другихъ, неполнота устроенной при съѣздѣ учебно-воспитательной и промышленной выставки. Несмотря на несомнѣнную цѣнность нѣкоторыхъ экспонатовъ—образцовъ работъ учащихся женщинъ, діаграммъ и статистическихъ таблицъ—выставка не могла дать полнаго представленія ни о постановкѣ женскаго образованія въ Россіи, ни о распространеніи и успѣшности женскаго труда въ различныхъ областяхъ науки и практическаго ея примѣненія.

Тѣмъ не менѣе работы съѣзда представляютъ цѣнный матеріалъ для сужденія о положеніи женскаго образованія въ Россіи, о необходимыхъ въ ближайшее время реформахъ его и объ общественномъ и психологическомъ значеніи того важнаго факта современности, какимъ является участіе въ рядахъ производительныхъ работниковъ все возростающаго числа образованныхъ женщинъ.

Съѣздъ *по образованію*, созванный организаціей, ставящей себѣ задачею *распространеніе на женщину всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ*—этимъ опредѣлился характеръ занятій съѣзда. Все, что въ дѣлѣ народнаго образованія—безразлично, женскаго или мужского, такъ какъ судьбы ихъ тѣсно сплетены—служитъ тормазомъ къ его распространенію, препятствіемъ его раціональной постановкѣ, должно было стать и стало предметомъ сужденій съѣзда. Все, что въ дѣлѣ женскаго образованія темной, или свѣтлой своей стороной, неразрывно связано съ экономическимъ, соціальнымъ и правовымъ положеніемъ женщины, съ особенностями ея материнской психики,—все это должно было вызвать и вызвало не меньшій интересъ участниковъ съѣзда.

Русское общественное мнѣніе никогда не относилось къ женскому движенію какъ къ смѣшной затѣѣ «неудачныхъ», по выраженію Ницше, женщинъ. «Борьбы съ мужчиной» русская женщина почти не знаетъ; она ведетъ борьбу за права. За многія изъ этихъ правъ еще борется у насъ и мужчина; можетъ быть, потому онъ и понимаетъ безправную женщину лучше европейца. А, можетъ быть, и въ самой природѣ русскаго общества меньше той привязанности къ традиціямъ, къ сложившимся формамъ общественной и семейной жизни, которая густой сѣтью законодательныхъ нормъ и обычныхъ условностей опутали европейскую женщину. На то, что у насъ меньше

«предразсудковъ» не разъ указывала литература, указывалъ и первый всероссійскій женскій съѣздъ 1908-го года.

Но что правильно для большей части русскаго общества, то непримѣнимо къ Россіи офиціальной, отъ которой зависитъ направленіе законодательства и исполненіе закона. «Меньше предразсудковъ»—еще не значитъ: «нѣтъ предразсудковъ». Пережитки прежнихъ временъ деформированные и видоизмѣненные, причудливо переплетаются иногда съ элементами новой чуждой имъ психики и во внутреннемъ мірѣ женщины.

Русская женщина поняла, что ей надо не только сбросить закономъ созданныя путы и проложить себѣ путь къ свободной и дѣятельной жизни; она поняла, что ей надо въ самой себѣ выработать новыя нравственныя цѣнности на смѣну отживающимъ старымъ и внести ихъ въ то общее дѣло, въ которомъ—равная среди равныхъ—она хочетъ сохранить свою женскую индивидуальность. Тѣ засѣданія съѣзда, въ которомъ были прочитаны доклады А. В. Тырковой и А. Я. Ефименко, посвященные психологіи новой женщины, пріобщенной къ духовной культурѣ человѣчества, познавшей радость и муку научнаго мышленія, были полны интереса. Можно пожалѣть о томъ, что пренія по этимъ докладамъ, тезисы которыхъ не были своевременно представлены въ организаціонный комитетъ, не были допущены администраціей. Другихъ докладовъ на эту тему не было.

Отмѣченныя докладами черты новой женщины—сознаніе ею обязанностей, возлагаемыхъ на нее свободой, сознаніе отвѣтственности каждой за всѣхъ, стремленіе женщины не подражать мужчинѣ, а сохранить, при полномъ равенствѣ съ нимъ, свои духовныя особенности, интуитивность женскаго мышленія, постепенное исчезновеніе подъ вліяніемъ соціальныхъ условій пресловутой женской пассивности—заслуживаютъ серьезнаго соціологическаго и психологическаго изученія.

Вопросу о связи образованія женщины съ ея общественно-правовымъ положеніемъ былъ посвященъ докладъ З. С. Мееровичъ «Общественно-политическія права, какъ необходимое условіе въ воспитаніи женщины».

Несравненно больше времени отвелъ съѣздъ изученію современнаго положенія и ближайшихъ практическихъ нуждъ женскаго образованія въ Россіи. Многочисленные доклады, прочитанные въ секціяхъ начальнаго средняго и высшаго образованія, ярко освѣтили давно знакомую картину. Ничтожное число школъ на первой ступени обученія и полная необезпеченность учащихъ, вынужденное открытіе церковно-приходскихъ школъ вмѣсто земскихъ(докладъ г-жи Еремѣе-

вой), тяжелая рука Ученаго Комитета, разрушающая всякую попытку педагогической иниціативы (докладъ г. Душечкина), искусственное отторженіе низшей школы отъ средней, для закрытія широкимъ массамъ народа доступа къ образованію (доклады г.г. Клюжева, Гуревича, Герда), недостаточное число и матеріальная нужда среднихъ школъ (докладъ г. Клюжева), ихъ отжившіе учебные планы (докладъ г. Герда), недостаточная педагогическая подготовка преподавателей и неудовлетворительная подготовка учащихся къ усвоенію курса высшей школы (докладъ гг. Сазонова и Успенскаго, г-жи Гултинской, отчасти докладъ П. Б. Струве), искусственное насажденіе въ школѣ національной розни (докладъ г. Гольдберга о еврейскомъ вопросѣ въ средней школѣ), сыскъ, возведенный въ педагогическую мѣру внѣшкольнаго надзора (докладъ г-жи Кусковой), систематическая борьба съ частной школой и родительскими организаціями (докладъ г-жи Чеховой), наконецъ, высшая школа, переобремененная сообщаемыми ею «правами и преимуществами» и принужденная сокращать свои чисто научныя задачи въ пользу профессіонально-подготовительныхъ цѣлей—и все это на фонѣ разрозненнаго, полнаго случайностей законодательства, сплошь и рядомъ заслоняемаго и парализуемаго распоряженіями и циркулярами.

Если единодушны были участники съѣзда въ изображеніи тяжелаго положенія русскаго просвѣщенія, то не менѣе единодушны были эти люди съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ страны и, вѣроятно, во многомъ между собой несогласные, въ опредѣленіи средствъ для борьбы съ водворившимся зломъ. Пожеланія родителей, болѣющихъ за своихъ учащихся дѣтей, оказались согласными съ выводами дѣятелей, посвятившихъ себя народному образованію.

Всѣ доклады, какъ и принятыя съѣздомъ резолюціи, говорили объ одномъ и томъ же: увеличеніе государственныхъ расходовъ на нужды образованія, широкое развитіе и правовая охрана частныхъ школъ, автономія всѣхъ учебныхъ заведенія и обезпеченность преподавательскаго персонала должны придти на смѣну нынѣшнимъ условіямъ жизни русской школы. Установленіе единой программы, допускающей свободный переходъ изъ низшей начальной школы въ среднюю, въ высшую и оттуда должно обезпечить широкимъ массамъ населенія доступъ къ образованію. Должно быть уничтожено раздѣленіе школъ на мужскія и женскія: оно вызываетъ непроизводительную трату государственныхъ и общественныхъ средствъ, не принося никакой пользы дѣлу образованія и воспитанія народа. Долженъ быть уничтоженъ нынѣ дѣйствующій внѣшкольный надзоръ и установлено широкое сотрудничество школы и семьи черезъ посредство родительскихъ организацій. Высшая

школа, освобожденная отъ утилитарныхъ задачъ, должна быть школой научной работы. Должны быть уничтожены всѣ различія въ правахъ на образованіе по національностямъ. Организаціямъ для внѣшкольнаго образованія должна быть предоставлена полная свобода развитія.

Для полнаго проведенія въ жизнь всѣхъ указанныхъ пожеланій необходимо расширеніе бюджетныхъ правъ Государственной Думы, созданіе истинно демократическаго народнаго представительства и законодательства объ охранѣ труда, которое представляло бы трудящимся возможность самообразованія.

Дѣйствительность дала уже своеобразный отвѣтъ на нѣкоторыя пожеланія съѣзда. Черезъ нѣсколько дней послѣ его закрытія изданъ былъ циркуляръ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, грозящій разрушеніемъ частной школы.

Но не вина съѣзда, что академичны для даннаго момента его резолюціи. Его дѣло—авторитетное, вѣское слово. Это слово съѣздъ, можно думать, сказалъ, и оно не прозвучитъ безслѣдно.

Ек. Флейшицъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Губернскія и уѣздныя земскія собранія.—Пренія о демократизаціи земства въ симферопольскомъ земскомъ собраніи.—Безлюдье въ московскомъ уѣздномъ земствѣ.—Новые люди въ костромскомъ земствѣ.—Живые ключи, питающіе захирѣвшее земство.—Бодрые штрихи и намеки земской жизни.—Безпокойство администраціи по поводу развитія народнаго образованія.—Двухлѣтняя борьба новгородскаго земства за добавочный классъ семинаріи.—Разумныя мѣры борьбы съ хулиганствомъ.—Духовенство, пожинающее предсказанные плоды. — Сердечные проводы губернаторовъ.

Хотя земская работа за послѣдніе годы въ значительной степени оскудѣла и поблекла, все-же осеннія и зимнія сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній представляютъ своего рода смотръ внутренняго хозяйства Россіи. Картина, по обыкновенію, намѣчается широкая, но, увы, далеко не стройная. Земское зеркало довольно точно отражаетъ нашу внутреннюю сумятицу, безурядицу и печальную трату силъ въ борьбѣ между безнадежно-состарившейся государственностью и неокрѣпшей общественностью.

Внутренняя жизнь страны, несмотря ни на что, ширится, растетъ, выдвигая новыя требованія (и въ этомъ признакъ ея здоровой правды), но прежнія узкія рамки стараются задержать естественный ходъ жизни.

Вмѣсто прямой и спокойной работы надъ практической сутью дѣла земскимъ гласнымъ приходится, напримѣръ, увязать въ такого рода преніяхъ и жалобахъ. Симферопольскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ о мѣстномъ губернскомъ земскомъ собраніи: «Гласный С. С. Крымъ указалъ, что необходимо поднять общій вопросъ о финансовомъ положеніи земства, изыскать новые источники средствъ для удовлетворенія растущихъ нуждъ, что это—вопросъ не мѣстный только, а общеземскій, такъ какъ во всей странѣ земскіе бюджеты достигли крайней степени напряженія, выражаясь общей суммой въ 250 милл. руб., С. С. Крымъ предложилъ избрать бюджетную комиссію, которая занялась бы финансовымъ положеніемъ земства, и поручить этой комиссіи разработать вопросъ о созывѣ общеземскаго съѣзда для обсужденія мѣръ къ поднятію земскихъ бюджетныхъ силъ. А. В. Новиковъ указалъ, что вопросъ необходимо расширить, что, прежде чѣмъ выдвигать вопросъ о финансовомъ лѣченіи земства, необходимо подумать о самомъ составѣ земскихъ собраній, о демократизаціи земства. Здѣсь все представители крупнаго земледѣлія: имѣютъ ли они моральное право поднять вопросъ объ общихъ финансовыхъ мѣрахъ? По мнѣнію гласнаго, даже не изъ кого выбирать бюджетную комиссію. Нуженъ притокъ новыхъ элементовъ въ земство, а для этого необходимо понизить цензъ и уничтожить сословность въ земствѣ. Въ настоящее время, чтобы быть гласнымъ, надо обладать цензомъ стоимостью въ 100 тыс. рублей. Эти слова ѳеодосійскаго гласнаго нашли широкій откликъ въ собраніи. Гласные разныхъ уѣздовъ указывали на затруднительное положеніе, которое создалось благодаря высокому цензу для мировыхъ судей. По мнѣнію гласныхъ, едва ли будетъ возможно ввести институтъ мировыхъ судей, такъ какъ можетъ не оказаться подходящихъ лицъ въ крайне тѣсномъ кругу цензовиковъ. Особенно характерное заявленіе сдѣлалъ мелитопольскій гласный г. Алейниковъ о положеніи дѣлъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ. Тамъ имѣть цензъ, дающій право избранія въ мировые судьи, значитъ обладать состояніемъ въ 240 тыс. руб. Во всемъ уѣздѣ есть только *одно* лицо, обладающее такимъ цензомъ... Въ собраніи создалось настроеніе, при которомъ прошла бы резолюція за возбужденіе ходатайства объ уничтоженіи сословности и пониженіи ценза, но ѳеодосійскій предводитель дворянства, г. Княжевичъ, протестовалъ противъ немедленнаго голосованія вопроса.

Онъ предостерегалъ собраніе отъ легкомыслія. Уничтоженіе сословности и крайнее пониженіе ценза можетъ понизить уровень земства, которое, пожалуй, очутится въ рукахъ безграмотныхъ элементовъ. Въ концѣ концовъ, вопросы, поднятые С. С. Крымомъ и А. В. Новиковымъ, переданы въ комиссію, съ тѣмъ, чтобы они были доложены въ текущую сессію».

Итакъ, приходится, съ напряженіемъ и серьезностью, вновь и вновь доказывать азбучную истину, что наше земство нуждается въ приливѣ свѣжихъ силъ и что цензовая система прививаетъ земству искусственное худосочіе. До чего-же, значитъ упорно толчется наша жизнь на одномъ и томъ-же мѣстѣ! Уже пять-шесть лѣтъ назадъ казалось, что эти первые пункты необходимѣйшихъ реформъ безповоротно рѣшены. Само правительство признало неотложность земской реформы (хотя, конечно, старалось провести ее въ возможно и невозможно укороченномъ видѣ) внесло соотвѣтствующій законопроектъ въ Гос. Думу. И даже правый земскій съѣздъ, обсуждая въ 1907-мъ году въ Москвѣ этотъ законопроектъ, склонялся къ значительному расширенію земскаго прокрустова ложа; состоялось даже, между прочимъ, неожиданное постановленіе о допущеніи женщинъ къ работѣ въ качествѣ земскихъ гласныхъ.

И вотъ, снова и снова приходится слышать жалобы на недостатокъ земскихъ людей, снова и снова доказывать и подсказывать А и Б неусвоенной и неначатой государственной азбуки.

Искусственное безлюдье на земской работѣ усугубляется еще разными репрессивными давленіями, которымъ тоже какъ будто конца не предвидится. Характерную въ этомъ смыслѣ иллюстрацію представляло состоявшееся въ срединѣ января экстренное собраніе московскаго уѣзднаго земскаго собранія. «Собраніе созвано было,—сообщаетъ «Русское Слово»,—спеціально для выборовъ недостающихъ членовъ управы. Отсутствіе людей, которые желали бы взять на себя земскую работу, дѣлаетъ положеніе московскаго земства особенно тяжелымъ. На состоявшемся 13-го января частномъ совѣщаніи гласныхъ кандидатуры обсуждались въ теченіи цѣлаго дня. Предсѣдатель управы І. Б. Месснеръ выдвинулъ, наконецъ, свои кандидатуры—служащаго въ губернскомъ земствѣ П. Р. Мальмберга, страхового агента В. А. Зволинскаго и московскаго помѣщика А. В. Кетчера. Эти кандидатуры были приняты. Вчера ту же процедуру отысканія кандидатовъ пришлось повторить сызнова. Избранными оказались: С. Г. Киричко, получившій 23 избирательныхъ и 9 неизбирательныхъ, Н. Р. Мальмбергъ и В. А. Зволинскій, получившіе по равному числу голосовъ, —20 избирательныхъ и

12 неизбирательныхъ. Послѣ этого гласные собрались на частное совѣщаніе для рѣшенія вопроса о кандидатахъ на другія должности. Собранію предстояло избрать замѣстителя предсѣдателя уѣздной земской управы, одного гласнаго въ губернское земское собраніе, и двухъ членовъ въ уѣздный училищный совѣтъ, вмѣсто не утвержденныхъ губернаторомъ Н. В. Тулупова и С. К. Говорова. Частное совѣщаніе продолжалось болѣе двухъ часовъ. На совѣщаніи возбуждался вопросъ о томъ, что земскому собранію нельзя оставить безъ какого-либо протеста неутвержденіе губернаторомъ членовъ училищнаго совѣта. Поднимался вопросъ объ избраніи на эти должности тѣхъ же самыхъ лицъ. Но было разъяснено, что по закону это недопустимо. Собраніе послѣ этого столковалось относительно порученія управѣ разработать спеціально вопросъ о неутвержденіи земскихъ выборовъ. По этому вопросу позже, въ открытомъ засѣданіи собранія, и сдѣлано было соотвѣтствующее предложеніе. При обсужденіи вопроса о выборахъ двухъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта С. Г. Смирновъ замѣтилъ, что собраніе, несомнѣнно, должно чувствовать большое огорченіе вслѣдствіе неутвержденія двухъ уже избранныхъ кандидатовъ на эти должности, и что оно не можетъ приступить къ выборамъ, не отозвавшись предварительно на это событіе. Ораторъ предложилъ выразить глубокое сожалѣніе гласнымъ, не утвержденнымъ въ должностяхъ членовъ совѣта, и, кромѣ того, особую благодарность С. К. Говорову за его долголѣтнюю дѣятельность. Затѣмъ, онъ предложилъ поручить управѣ разработать вопросъ о возбужденіи ходатайства объ измѣненіи земскаго положенія въ томъ смыслѣ, что бы должностныя лица, избираемыя земскимъ собраніемъ, вступали въ исполненіе своихъ обязанностей послѣ утвержденія выборовъ въ смыслѣ лишь признанія законности самыхъ выборовъ, а не по отношенію къ тому или иному избранному лицу. Далѣе, онъ предложилъ поручить управѣ представить статистическіе матеріалы за послѣднее десятилѣтіе о всѣхъ случаяхъ неутвержденія выборовъ. Первое предложеніе С. Г. Смирнова было принято единогласно, второе же П. А. Базилевскимъ на обсужденіе поставлено не было подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ вопросъ не значится на повѣсткѣ собранія. Поэтому С. Г. Смирновъ просилъ занести это предложеніе въ журналъ. М. В. Челноковъ потребовалъ выясненія вопроса, возможно-ли выбирать на ту же самую должность лицъ неутвержденныхъ. П. А. Базилевскій прочелъ статью закона, которая ясно говорила о томъ, что вторичное избраніе неутвержденныхъ лицъ запрещается».

Такимъ образомъ въ центрѣ Россіи, около Москвы и въ Москвѣ (ужъ, казалось бы, здѣсь людей достаточно!), виситъ надъ зем-

ствомъ таже безвыходная забота: «мало людей, нѣтъ людей».

И конечно, это вынужденное безлюдье испытываютъ всѣ безъ исключенія земства. Вездѣ остаются неизмѣнными двѣ причины: чрезмѣрный центръ, парализующій зомскую силу, и воздѣйствіе администраціи, продолжающей энергично совершать своеобразный «отборъ», т. е. отбрасывать отъ земскаго дѣла всѣхъ людей, заподозрѣнныхъ въ искреннемъ увлеченіи широкими земскими идеями.

И если такое обезкровленное, полупарализованное земство все-же продолжаетъ кое-что дѣлать, то это составляетъ предметъ истиннаго удивленія и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ живыхъ ключахъ, которые питаютъ земство снизу, несмотря на цензовую и административную броню.

Въ разныхъ мѣстахъ эти живые ключи проявляются по разному. Напримѣръ, изъ Костромы корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей« сообщаетъ: Губернское земское собраніе проходитъ вяло. Нѣтъ прежнихъ яркихъ земцевъ, какъ Б. Л. Петерсонъ или покойный В. С. Соколовъ. Нѣтъ «земскихъ людей», которые умѣли смотрѣть на земскую работу съ общественной точки зрѣнія, а не только съ технической. Составъ собранія все болѣе и болѣе сѣрѣетъ. Дѣленіе на «правыхъ» и «лѣвыхъ» потеряло прежнюю остроту; карты все больше и больше мѣшаются. На общемъ сумеречномъ фонѣ начинаютъ слабо выдѣляться новые земцы изъ крестьянъ. Въ настоящемъ собраніи, при обсужденіи агрономическихъ докладовъ, съ большими рѣчами выступилъ крестьянинъ А. И. Зиминъ, извѣстный мѣстный дѣятель по коопераціи. Онъ отстаивалъ земскую агрономію противъ правительственной. По его словамъ, создается ненормальное положеніе: населеніе видитъ, съ одной стороны, что земскіе налоги растутъ, а съ другой—что за помощью по сельскому хозяйству приходится идти къ спеціалистамъ главнаго управленія земледѣлія и землеустройства. И луговоды, и пчеловоды, и скотоводы, все—министерскіе чиновники; даже земскій агрономъ приписался къ департаменту. Скоро вмѣсто земства будутъ обсуждать мѣстныя нужды одни «спеціалисты» главнаго управленія. Ненормальнымъ находилъ г. Зиминъ и «несозывъ» съѣзда агрономовъ. Эти горячія заявленія не встрѣтили отклика въ собраніи. Членъ губернской управы, завѣдующій агрономіей, только сказалъ, что пока агрономы представляютъ «перелетныхъ куликовъ», а съѣзды — простыя «говорильни», въ которыхъ какіе-то люди наговорятъ «три короба», пока организація агрономовъ «не утрясется», не станетъ «дѣловой»,— до тѣхъ поръ о съѣздахъ не приходится думать. Департаментскіе же «спеціалисты» не могутъ повредить земству, такъ какъ въ

Петербургѣ говорятъ, что они командируются въ полное распоряженіе земства, и департаментъ убираетъ тѣхъ изъ нихъ, которые не умѣютъ ужиться съ земствомъ. Единеніе между земствомъ и главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства полное, на почвѣ общаго дѣла. Эти объясненія управы вызвали одобреніе собранія, и только еще одинъ гласный изъ крестьянъ поддержалъ г. Зимина».

Довольно неожиданно оказывается, что въ одномъ изъ бывшихъ передовыхъ дворянскихъ земствъ истиннымъ защитникомъ земской самостоятельности и подлинныхъ земскихъ традицій является теперь крестьянинъ. Это бодрый намекъ на будущее демократизированное земство. И это лучшее возраженіе на тѣ близорукія или притворныя опасенія, которыми (какъ въ симферопольскомъ земствѣ) стараются отдалить неизбѣжную земскую реформу, утверждая, что пониженіе ценза уронитъ земскую работу, отдавъ ее въ безграмотныя руки. Земскіе работники изъ крестьянъ начинаютъ создаваться и сейчасъ, несмотря на всѣ препятствія. И будетъ ихъ, разумѣется, все больше и больше, какъ только практическая земская работа окажется для нихъ болѣе доступной. Отъ безграмотства, если оно и есть, единственное средство излѣчиться—попасть въ школу. И чѣмъ скорѣе откроется для крестьянъ школа широкой и самостоятельной земской работы, тѣмъ лучше.

Интересный и бодрящій штрихъ даетъ корреспонденція изъ Пензы. Губернское земство въ этомъ захолустьи находится въ рукахъ правыхъ помѣщиковъ. И все-же струйки новыхъ требованій жизни даютъ себя и здѣсь чувствовать. «Губернское земское собраніе,—сообщаетъ мѣстный корреспондентъ,—протекло такъ же вяло, какъ обычно губернскія собранія у насъ. Гласные едва собирались въ законномъ числѣ и, наконецъ, 18-го декабря пришлось прервать собраніе до 8-го января, въ виду отсутствія гласныхъ. Изъ разсмотрѣнныхъ докладовъ наибольшій интересъ представляли доклады по народному образованію, составляющіе несомнѣнный шагъ впередъ. По почину пензенскаго уѣзднаго земства губернское собраніе пришло на помощь народнымъ учителямъ, взявъ на себя половину расхода этого земства на прогрессивную прибавку учителямъ (по 60 руб. черезъ каждое пятилѣтіе). Пока предвидится только доведеніе оклада до 40 руб., но на этомъ впослѣдствіи не остановятся; важно признаніе принципа прогрессивныхъ прибавокъ, съ цѣлью удержанія на службѣ хорошихъ учителей. Проектъ курсовъ для ихъ подготовки затормазился нѣсколько вслѣдствіе разногласія между губернской управой и школьной комиссіей: первая проектировала нѣчто въ родѣ земской учительской семинаріи; комиссія склонялась къ принципамъ общеземскаго (такъ

называемаго чеховскаго) проекта. Вопросъ отосланъ на заключеніе уѣздныхъ собраній. Во внѣшкольномъ образованіи сдѣланъ крупный шагъ: постановлено образовать по губерніи 60 самостоятельныхъ просвѣтительныхъ пунктовъ, съ библіотеками, особыми завѣдующими и проч. Это—прямой результатъ распоряженія г. Кассо, угрожавшаго земскимъ библіотекамъ, помѣщающимся въ народныхъ училищахъ».

Краткая корреспонденція даетъ бодрый намекъ на тотъ напоръ жизни, который даже въ глухихъ мѣстахъ заставляетъ себя явственно чувствовать. И весьма утѣшительно и убѣдительно, что какъ-бы въ отвѣтъ реакціонной политикѣ въ верхахъ просвѣтительнаго вѣдомства правое земство принуждено, подъ вліяніемъ неотложныхъ требованій близкой ему жизни, двигать впередъ дѣло народнаго образованія.

Своеобразный также штрихъ отмѣчаетъ корреспонденція изъ Тверской губерніи. «Старицкое уѣздное земское собраніе,—сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—утвердило смѣту по народному образованію въ суммѣ 218 т. р. Къ отчетному году въ уѣздѣ была 131 земская школа. Число дѣтей школьнаго возраста къ 1-му января 1912 г. равнялось 17,627 чел.; изъ нихъ обучалось въ школахъ всѣхъ видовъ 69,9%. Ассигновано въ смѣтѣ 1913 г. 900 руб. на введеніе преподаванія нѣмецкаго и французскаго языковъ въ трехъ высшихъ земскихъ начальныхъ училищахъ. Ассигновано также 1,000 р. на расширеніе преподаванія военной гимнастики въ народныхъ училищахъ съ пресловутыми запасными фельдфебелями и унтеръ-офицерами въ качествѣ «преподавателей».

Ассигновка на военную гимнастику явно показываетъ, что земское дѣло находится здѣсь въ правыхъ, «патріотическихъ» рукахъ. И все-же, рядомъ съ этимъ, кромѣ широкой постановки народнаго образованія, отмѣчается любопытный, новый и неожиданный фактъ ассигновки на преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ въ трехъ начальныхъ училищахъ! Все это намекаетъ на то, что, если въ другихъ областяхъ русской жизни смутно и тоскливо, то въ дѣлѣ народнаго образованія совершается стихійное движеніе впередъ и впередъ.

Видимо, это явленіе подмѣчено и администраціей, обезпокоившейся и заспѣшившей «принять мѣры». Напримѣръ, корреспондентъ изъ Орла сообщаетъ: «Открылось очередное губернское земское собраніе. Открывая его, губернаторъ С. С. Андреевскій обратилъ вниманіе собранія на тотъ, по его словамъ, безпримѣрный фактъ, что всѣ двѣнадцать смѣтъ уѣздныхъ земствъ въ текущемъ году составлены съ крупнымъ превышеніемъ законной трехпроцентной нормы,

благодаря чему всѣ эти двѣнадцать смѣтъ имъ опротестованы. Главную причину столь непомѣрнаго превышенія земскаго обложенія губернаторъ видитъ въ слишкомъ быстромъ введеніи всеобщаго обученія, что сильно обременяетъ земскій бюджетъ. Во избѣжаніе этого губернаторъ рекомендовалъ уѣзднымъ земствамъ пересмотрѣть финансовый планъ введенія всеобщаго обученія и войти въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно отдаленія обязательныхъ платежей и, вообще, о болѣе льготныхъ взносахъ этихъ платежей. Затѣмъ губернаторъ рекомендовалъ собранію осторожнѣе относиться къ ходатайствамъ губернской управы о новыхъ ассигновкахъ».

Въ такомъ-же родѣ проявились заботы администраціи въ Симбирскѣ. «Закончившаяся сессія земскаго собранія,—говоритъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—прошла подъ лозунгомъ «экономіи въ расходахъ». Вопросъ объ экономіи служилъ лейтмотивомъ всѣхъ докладовъ управы; о ней же говорилъ при открытіи собранія въ своей рѣчи и губернаторъ, предостерегавшій нашихъ земцевъ противъ увеличенія земскаго обложенія. Характерно, что одну изъ главныхъ причинъ усиленнаго роста земскихъ налоговъ губернаторъ увидѣлъ въ осуществленіи уѣздными земствами всеобщаго обученія».

Проявляется-ли въ этомъ самоличное усердіе губернаторовъ или дѣло хуже и глубже? Не проскальзываетъ-ли тутъ нѣкоторое бюрократическое лицемѣріе, которое вверху (въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ) краснорѣчиво говоритъ о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго начальнаго обученія и энергичной борьбѣ съ невѣжествомъ деревни, а на мѣстахъ, въ лицѣ губернаторовъ, старается ставить тормазы двинувшемуся впередъ дѣлу народнаго образованія?

Довольно характерный въ этомъ же смыслѣ фактъ отмѣчаетъ корреспонденція изъ Новгорода. «Здѣшняя учительская семинарія,—говоритъ мѣстный корреспондентъ,—содержимая на счетъ земства и являющаяся въ губерніи важнымъ разсадникомъ спеціальнаго педагогическаго образованія, давно уже нуждается въ увеличеніи продолжительности своего курса, какъ въ цѣляхъ облегченія воспитанникамъ умственнаго труда (при распредѣленіи его на большее количество лѣтъ), такъ и въ цѣляхъ введенія лѣтнихъ сельскохозяйственныхъ практическихъ занятій. Въ виду этого губернская управа намѣтила превращеніе четырехклассной семинаріи въ пятиклассную, выработала соотвѣтственныя смѣты и представила дѣло на разсмотрѣніе попечителя петербургскаго учебнаго округа. Послѣдній рѣшительно высказался противъ расширенія учительской семинаріи. Между тѣмъ губернское земское собраніе, одобривъ проектъ управы о превращеніи семинаріи въ пятиклассную и увеличивъ смѣту

учрежденія въ память юбилея освободительной реформы, предприняло рядъ коренныхъ перестроекъ и оборудованій зданія въ связи съ ожидавшимся увеличеніемъ продолжительности учебнаго курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что отказъ попечителя въ ходатайствѣ управы не соотвѣтствуетъ закону, такъ какъ разрѣшеніе даннаго вопроса входитъ въ компетенцію не округа, а министерства. Тогда представитель земства, членъ управы М. В. Муравьевъ, обратился непосредственно въ министерство народнаго просвѣщенія. Сначала къ проекту земства въ министерствѣ отнеслись сочувственно и обѣщали скорое удовлетвореніе просьбы, но послѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ составѣ высшихъ министерскихъ чиновъ, положили дѣло подъ сукно, а потомъ и совсѣмъ отказали. Тогда губернская земская управа обратилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ и здѣсь встрѣтила сочувствіе. Между министерствами возникли пререканія; дѣло тянется уже второй годъ и скоро должно будетъ перейти въ совѣтъ министровъ».

Итакъ, даже въ такомъ простомъ и ясномъ дѣлѣ, какъ улучшеніе семинаріи прибавочнымъ классомъ, земству приходится два года вести борьбу съ различными бюрократическими инстанціями. Конечно, въ концѣ концовъ побѣдитъ жизнь, какъ она во многихъ мѣстахъ провинціи одерживаетъ одну неслышную побѣду за другой. Но сколько силъ понапрасну тратится!..

Модный вопросъ о хулиганствѣ все еще продолжаетъ обсуждаться въ земскихъ собраніяхъ—уѣздныхъ и губернскихъ. Съ удовлетвореніемъ можно отмѣтить, что во многихъ земствахъ устыдились говорить исключительно о репрессивной борьбѣ съ раздуваемой правительствомъ бѣдой и вспомнили о болѣе человѣчныхъ, разумныхъ и цѣлесообразныхъ мѣрахъ. «Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ,—сообщаетъ изъ Ирбита корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—былъ поднятъ пятью уѣздными земскими собраніями нашей губерніи. Изъ нихъ осинское и оханское признали, что одной изъ существенныхъ мѣръ борьбы съ хулиганствомъ можетъ послужить правильно организованное дѣло внѣшкольнаго образованія и народные дома въ частности. Ирбитское собраніе, присоединяясь къ необходимости внѣшкольнаго образованія и устройства народныхъ домовъ, ставитъ также на первый планъ искорененіе пьянства, для чего необходимо удовлетворять ходатайства мѣстныхъ обществъ о закрытіи винныхъ и пивныхъ лавокъ. Въ противовѣсъ «хулиганству», возникающему на почвѣ хозяйственнаго разстройства, должны быть организованы общественныя работы; дѣла о хулиганствѣ должны быть изъяты изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ и переданы въ мировыя учрежденія. Въ этомъ же смыслѣ дали свои заключенія шадринское

и соликамское собранія. Послѣднее лишь добавляетъ къ перечисленнымъ мѣропріятіямъ организацію особыхъ обществъ для борьбы съ хулиганствомъ и... увеличеніе наказаній. Къ практическому осуществленію мѣропріятій просвѣтительнаго характера всѣ эти земства, повидимому, рѣшили приступить теперь-же, такъ какъ ихъ обычныя ассигнованія на внѣшкольное образованіе нынѣ значительно увеличены,—на 50 и болѣе процентовъ. Проведеніе же въ жизнь остальныхъ намѣченныхъ мѣръ будетъ зависѣть отъ «высшихъ сферъ».

Довольно интересныя пренія вызвалъ вопросъ о хулиганствѣ въ Екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. «Докладчикъ, предсѣдатель собранія, кн. Урусовъ,—сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—рѣзко высказавшись противъ тѣлеснаго наказанія и поставивъ вопросъ на широкую почву, удовольствовался, однако, очень скудными практическими выводами. Какъ прямое средство для борьбы съ хулиганствомъ онъ рекомендовалъ учрежденіе «рабочихъ домовъ», съ принудительнымъ трудомъ, и упрощенный разборъ дѣлъ о хулиганствѣ, съ предоставленіемъ полиціи права самостоятельно возбуждать эти дѣла. Гласный Яковенко, соглашаясь съ общей мыслью доклада, находитъ, однако, что «средства борьбы съ явленіями подсказываются причинами этихъ явленій. Заглянемъ въ деревню: въ чемъ проявляется ея жизнь, ея внутренній духъ, самодѣятельность? Ни въ чемъ. Духовная пустота деревни вынужденная. Надо дать больше самодѣятельности деревнѣ, пріобщить ее къ общественной жизни; жизнь дала бы возможность проснуться лучшимъ силамъ деревни. Апостолъ Павелъ сказалъ: «Не угашайте духа!»... Работный домъ и вообще наказаніе имѣетъ дѣло съ слѣдствіемъ, а не съ причиной». Гласный Сенъ-Лоринъ также обращаетъ вниманіе на ужасающе-скудную обстановку деревенской жизни. Внѣ элементарной школы молодежи некуда приткнуться, нечѣмъ развлечься. Нѣтъ широко поставленнаго внѣшкольнаго образованія, нѣтъ библіотекъ, нѣтъ читаленъ, нѣтъ лекторовъ. Что остается дѣлать молодежи? Поэтому гласный высказывается за широкія культурныя мѣры. Работные-же дома «не измѣнятъ обстановки деревенской жизни». Собраніе привѣтствовало осужденіе докладчикомъ попытокъ возврата къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Докладъ кн. Урусова былъ единогласно одобренъ».

Нижегородское губернское земское собраніе раздвинуло нѣсколько шире рамки того-же вопроса. «Собраніе по вопросу о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ,—говоритъ мѣстный корреспондентъ,—приняло слѣдующія положенія: 1) Ростъ преступности въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія является общепризнаннымъ

фактомъ. 2) Благопріятными условіями развитія преступности являются: а) явная и тайная продажа спиртныхъ напитковъ, б) слабое развитіе просвѣтительныхъ организацій въ сельской средѣ, в) слабое религіозно-нравственное воздѣйствіе на населеніе сельскихъ священниковъ, г) безнаказанность большинства правонарушеній. 3) Ближайшими мѣрами борьбы съ указаннымъ зломъ являются: а) уничтоженіе или сокращеніе продажи спиртныхъ напитковъ, б) широкое развитіе просвѣтительныхъ мѣропріятій правительства и земства, в) повышеніе моральнаго авторитета сельскаго духовенства, г) реформа уѣздной полиціи и суда».

Постановленія нѣкоторыхъ другихъ земствъ говорятъ исключительно о просвѣтительныхъ мѣрахъ борьбы съ озорствомъ и хулиганствомъ деревни, справедливо указывая на бѣдность и духовную оголенность сельской жизни. Вопросъ, такимъ образомъ, мало по малу ставится на болѣе правильную почву, и смутное чувство вины, видимо, начинаетъ подсказывать земскимъ людямъ, что не во всемъ виновна деревня, и не во всемъ правы высшіе надъ ней слои населенія.

Кое-гдѣ на земскихъ собраніяхъ отразилось новое отношеніе къ духовенству,—результатъ недавней избирательной кампаніи въ четвертую Государственную Думу. Изъ Ардатова, Нижегородской губерніи, сообщаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Многіе годы ардатовское земство давало субсидіи церковно-приходскимъ школамъ. Въ нынѣшнемъ году уѣздный училищный епархіальный совѣтъ тоже возбудилъ вопросъ о субсидіи. Но во время выборовъ въ 4-ю Государственную Думу отношенія между землевладѣльцами и духовенствомъ до крайности обострились, и земское собраніе отклонило всякую ассигновку на церковно-приходскія школы».

Въ такомъ-же родѣ сообщеніе изъ Вятки. «Выборы въ 4-ю Госуд. Думу,—пишетъ мѣстный корреспондентъ,—получили своеобразный откликъ на орловскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Группа гласныхъ-крестьянъ внесла въ собраніе предложеніе о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ о привлеченіи къ земскимъ сборамъ церковныхъ и монастырскихъ земель, въ настоящее время совершенно изъятыхъ изъ сферы обложенія. Крестьяне мотивировали свое предложеніе тѣмъ, что церковныя земли даютъ духовенству право на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу безъ всякой уплаты налоговъ, между тѣмъ какъ другіе слои населенія, владѣющіе имущественнымъ цензомъ, не обладаютъ столь привилегированнымъ положеніемъ. Земское собраніе согласилось съ предложеніемъ крестьянъ, постановивъ не только возбудить соотвѣтствующее ходатайство отъ имени уѣзднаго собранія, но, по настоянію

тѣхъ же гласныхъ-крестьянъ, обратиться и къ вятскому губернскому земскому собранію съ просьбой поддержать такое ходатайство».

Духовенство, такимъ образомъ, начинаетъ пожинать горькіе плоды, посѣянные, впрочемъ, не столько имъ, сколько свѣтской и синодской властью. Духовенство, очевидно, принуждено будетъ убѣдиться, что не напрасно раздавались обращенныя къ нему предупрежденія о невыгодности для него самого идти противъ истинныхъ стремленій населенія съ поспѣшной услугой правительству.

Возвращаясь къ общей картинѣ зимнихъ земскихъ собраній, приходится сказать, что тонъ ея сѣрый, вялый, безрадостный. Такова, конечно, и провинціальная жизнь, которую до нѣкоторой степени отражаютъ земскія собранія. Тусклыя сумерки все еще висятъ надъ страной. Кое-что дѣлается, но тревожное, напряженное время требуетъ не кое-чего, а всеобщаго трудового подъема.

Довольно необычную вещь приходится отмѣтить о нѣкоторыхъ переведенныхъ недавно съ мѣста на мѣсто губернаторахъ. Оказывается, не вездѣ губернаторы подходятъ подъ яркій типъ г. Хвостова и не вездѣ населеніе, какъ въ Нижегородской губерніи, радуется отъѣзду губернатора, стремясь привлечь его къ суду.

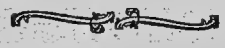
Корреспондентъ «Русской Молвы» сообщаетъ изъ Костромы: «Проводы переведеннаго въ Петрозаводскъ б. губернатора П. П. Шиловскаго носили исключительный характеръ. Утромъ въ дворянскомъ домѣ собрались представители города, земства, общества и чины администраціи. Началось чтеніе адресовъ, между прочимъ, отъ о-ва вспомоществованія учащимся и др. Въ одной изъ телеграммъ сообщалось, что б. губернаторъ экстреннымъ земскимъ собраніемъ въ г. Солигаличѣ избранъ почетнымъ мировымъ судьей. Это извѣстіе произвело большое впечатлѣніе. Прочувствованный адресъ поднесенъ депутаціей еврейской общины. Городъ Кострома преподнесъ званіе почетнаго гражданина. Ученая архивная комиссія избрала г. Шиловскаго почетнымъ членомъ. И вообще, слѣдуетъ отмѣтить искренность и теплоту проводовъ, въ которыхъ участвовали и представители оппозиціи, и представители печати. П. П. Шиловскій въ мнѣніи общества остался «лучшимъ изъ губернаторовъ«, какихъ видѣла Кострома».

Не такъ жарко, но все-же тепло провожалъ и Саратовъ своего губернатора. Это явствуетъ изъ телеграммы, присланной губернаторомъ Стремоуховымъ и его супругой въ саратовскія газеты: «не откажите помѣстить слѣдующую телеграмму. Жена и я безгранично тронуты задушевными проводами. Шлемъ глубокую благодарность и наилучшія пожеланія дорогимъ саратовцамъ».

Не надо, однако, думать, что эти губернаторы принесли какое-либо исключительное благо покинутымъ губерніямъ. Ихъ великое достоинство заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что они давали нѣкоторый ходъ естественному движенію мѣстной жизни, не очень задавливая ее обычными репрессіями. И вотъ уже населеніе благодарно вздыхаетъ, увлажненными глазами провожая отъѣзжающее начальство...

Такъ мрачна и задергана провинціальная жизнь, что легко въ ней даже губернаторамъ пріобрѣсти свѣтлую популярность.

И. Жилкинъ.



НОВОЕ О ГАМБЕТТѢ.

На дняхъ исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти Гамбетты, но имя его нисколько не теряетъ своего блеска и обаянія во Франціи. Его слава сдѣлалась прочнымъ національнымъ достояніемъ и однимъ изъ лучшихъ украшеній третьей республики. До сихъ поръ онъ остается для французовъ образцомъ сознательнаго, самоотверженнаго патріотизма, воплощеніемъ истинно-республиканской государственности и тонкаго политическаго искусства. Его завѣтныя идеи, его отдѣльныя изреченія и указанія припоминаются французскою журналистикою всякій разъ, когда страна переживаетъ серьезный политическій кризисъ, внутренній или международный. Свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности неизбѣжно входятъ въ программу всѣхъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ эпохѣ національной обороны 1870—71 гг. и позднѣйшему періоду борьбы за республиканскій строй. Въ литературѣ мемуаровъ за послѣдніе годы немало мѣста удѣляется Гамбеттѣ.

Память о знаменитомъ трибунѣ особенно оживляется при каждыхъ президентскихъ выборахъ, которые такъ или иначе выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о законной роли выборныхъ правителей Франціи. Долженъ ли президентъ республики быть только пассивнымъ исполнителемъ парламентскихъ и министерскихъ рѣшеній, или же онъ призванъ дѣйствовать самостоятельно, въ предѣлахъ своихъ законныхъ полномочій, какъ конституціонный

глава государства и націи? Горячіе споры по этому предмету происходили въ печати и во время недавней президентской кампаніи. Въ газетѣ «Temps» появился длинный рядъ статей, въ которыхъ проводилась мысль о болѣе широкомъ пониманіи президентскихъ функцій; позднѣе вышла въ свѣтъ спеціальная книжка Лейре, подъ заглавіемъ: «Le président de la République». Общественное мнѣніе стоитъ безусловно за энергическую активную власть президента; оно всегда искало правителя-вождя и охотно подчинялось авторитету такихъ выдающихся дѣятелей, которые способны были навлечь на себя обвиненіе въ стремленіи къ диктатурѣ. Гамбетта даже въ тѣ годы, когда онъ не имѣлъ никакого оффиціальнаго званія, а былъ только депутатомъ и предводителемъ партіи оставался все-таки популярнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ лицомъ въ странѣ, истиннымъ закулиснымъ вдохновителемъ республики; желанія народнаго большинства склонялись къ тому, чтобы именно его видѣть во главѣ государства. Отдѣльныя парламентскія группы боялись—или дѣлали видъ, что боялись—его воинственныхъ плановъ и диктаторскихъ замашекъ; но народъ не раздѣлялъ подобныхъ опасеній. Французы не любятъ безцвѣтныхъ, пассивныхъ президентовъ, въ родѣ Греви, Карно, Лубе, Фальера; они предпочитаютъ людей съ иниціативой и честолюбіемъ, какъ Феликсъ Форъ или Раймондъ Пуанкаре. Сторонники послѣдняго типа исполнительной власти признаютъ своимъ идеаломъ Гамбетту; къ нему обращаютъ свои взоры всѣ тѣ, которымъ будущность республики рисуется въ ореолѣ внѣшняго могущества и почета. Нѣтъ сомнѣнія, что Пуанкаре избралъ своимъ образцомъ Гамбетту, а не Греви или Фальера.

Гамбетта имѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такое же значеніе для Франціи, какъ Бисмаркъ—для Германіи. Онъ подготовилъ и устроилъ республику, сдѣлалъ ее прочною и долговѣчною,—какъ тотъ основалъ и укрѣпилъ имперію. Онъ далъ опредѣленное направленіе политической жизни французскаго народа на многіе годы впередъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Бисмаркъ относительно германской націи. Третья республика болѣе чѣмъ вдвое пережила всѣ предшествующіе режимы—вторую имперію, орлеанскую монархію, бурбонскую реставрацію,—и за сорокъ лѣтъ своего существованія, несмотря на испытанные ею многочисленные кризисы, она все-таки неуклонно идетъ по тому пути, который намѣтилъ для нея Гамбетта. Точно также за эти сорокъ лѣтъ ни въ чемъ существенномъ не измѣнились и тѣ начала, которыя положены были Бисмаркомъ въ основаніе внутренней жизни и внѣшняго развитія Германіи. Республика, которая прежде была дѣломъ секты или партіи, превратилась, благодаря Гамбеттѣ, въ обще-національное учрежде-

ніе, одинаково нужное и доступное для всѣхъ элементовъ населенія. Гамбетта первый понялъ необходимость поставить республику выше партій и группъ, примирить съ нею прежнихъ принципіальныхъ враговъ и привлечь къ ней традиціонныя чувства арміи. Боевое крещеніе, которое онъ далъ третьей республикѣ своею смѣлою борьбою противъ германскаго нашествія, сдѣлало Францію республиканскою и привязало военный классъ къ новому государственному строю. Плоды творческихъ усилій Гамбетты оказались не менѣе жизненными, чѣмъ результаты политики его знаменитаго врага—желѣзнаго канцлера.

Оба противника, Гамбетта и Бисмаркъ, хорошо оцѣнили другъ друга; ихъ обоихъ тянуло къ какому-то неопредѣленному личному сближенію. О проектахъ секретнаго свиданія ихъ создавались разныя легенды, которыя въ свое время казались мало вѣроятными и даже вполнѣ фантастическими. Между тѣмъ эти странныя, таинственныя комбинаціи были близки къ дѣйствительности. Относящіеся къ нимъ факты подробно обслѣдованы въ вышедшей недавно книгѣ Анри Галли: «Gambetta et l'Alsace-Lorraine». Переговоры о свиданіи велись черезъ посредство графа Генкеля фонъ-Доннерсмарка, жена котораго держала въ Парижѣ политическій салонъ, посѣщаемый всѣми знаменитостями того времени. Въ 1877-мъ году въ этомъ салонѣ появился Гамбетта; затѣмъ онъ пріѣзжалъ къ графу Генкелю въ его замокъ Поншартрэнъ, говорилъ съ нимъ о способахъ возстановленія нормальныхъ отношеній между Франціею и Германіею и, между прочимъ, касался вопроса о разоруженіи. Графъ Генкель подробно сообщалъ объ этомъ Бисмарку и предлагалъ ему свои услуги по части сношеній съ Гамбеттою; «если вы меня уполномочите—писалъ онъ—я берусь послать его къ вамъ въ Варцинъ, открыто или тайно, смотря по тому, какъ найдете болѣе удобнымъ». Канцлеръ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ вступилъ бы въ личныя сношенія съ такимъ человѣкомъ, какъ Гамбетта, но боится компрометировать его въ глазахъ французовъ; притомъ императоръ Вильгельмъ I не понялъ бы переговоровъ съ вождемъ республиканцевъ. Въ апрѣлѣ 1878-го года, передъ берлинскимъ конгрессомъ, Бисмаркъ желалъ выяснить настроеніе руководящихъ политическихъ круговъ Франціи; онъ просилъ Генкеля условиться съ Гамбеттой относительно времени и мѣста свиданія, при чемъ выражалъ готовность спеціально пріѣхать для этого изъ Фридрихсруэ въ Берлинъ. Гамбетта находился тогда на югѣ, по случаю смерти своей тетки, и тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Парижъ сочувственно откликнулся на приглашеніе. 23-го апрѣля гр. Генкель телеграфировалъ въ Фридрихсруэ: «Посылка отправляется въ воскресенье, прибудетъ въ

Берлинъ вечеромъ въ понедѣльникъ, будетъ въ вашемъ распоряженіи во вторникъ. Подробности письмомъ». Въ письмѣ графъ Генкель объясняетъ, что Гамбетта былъ у него и обѣщалъ поѣхать съ нимъ въ Берлинъ въ тотъ день, который окажется для канцлера удобнымъ. Генкель выбралъ 30-ое число, день открытія имперскаго сейма, когда Бисмарку предстояло во всякомъ случаѣ быть въ Берлинѣ. Одинъ изъ личныхъ друзей и почитателей Гамбетты, депутатъ Казъ, напечаталъ въ газетахъ свои воспоминанія объ этомъ эпизодѣ. Въ апрѣлѣ 1878-го года Гамбетта предложилъ ему отправиться вмѣстѣ на прогулку въ Булонскій лѣсъ и во время этой поѣздки внезапно озадачилъ его словами: «скажите откровенно свое мнѣніе, какъ будто мы въ совѣтѣ министровъ; мнѣ предлагаютъ свиданіе съ Бисмаркомъ,—долженъ ли я согласиться?» Пораженный этимъ сообщеніемъ, Казъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отвѣтилъ, что подобный шагъ могъ бы подорвать авторитетъ и популярность Гамбетты и вредно отразился бы на духѣ арміи; поэтому вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. «Таково и мое мнѣніе,— сказалъ Гамбетта;—я не поѣду». Онъ велѣлъ кучеру повернуть обратно, направился вмѣстѣ съ Казомъ въ редакцію «République française» и при немъ написалъ графу Генкелю письмо, въ которомъ сообщилъ о «печальной» для него необходимости отложить осуществленіе проекта до окончанія парламентской сессіи, въ виду предстоящихъ серьезныхъ преній по военнымъ вопросамъ. Въ концѣ письма, выражая благодарность Генкелю за любезное посредничество, Гамбетта оставлялъ за собою право прибѣгнуть къ его услугамъ, «если это будетъ еще признано своевременнымъ». Письмо было передано Казу съ просьбою доставить по адресу Генкеля фонъ-Доннерсмарка; впослѣдствіи оно было опубликовано въ Германіи. Въ 1881-мъ году, когда Жозефъ Рейнакъ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ проектѣ свиданія, Гамбетта замѣтилъ только, что вернулся бы отъ Бисмарка «не съ пустыми руками».

Въ бесѣдѣ съ извѣстнымъ корреспондентомъ «Times», Бловицемъ, въ эпоху берлинскаго конгресса, германскій канцлеръ отзывался о Гамбеттѣ какъ о «самой яркой личности современной Франціи» и выразился даже въ томъ смыслѣ, что «не желалъ бы умереть, не повидавши его». Бловицъ спрашивалъ разъясненія этихъ словъ у одного изъ приближенныхъ къ канцлеру дипломатовъ, барона фонъ-Гольштейна; тотъ навелъ надлежащую справку и далъ отвѣтъ черезъ два дня. Князь Бисмаркъ, по словамъ Гольштейна, дѣйствительно имѣлъ въ виду узнать, расположенъ-ли Бловицъ служить посредникомъ въ переговорахъ о свиданіи, съ тѣмъ, конечно, чтобы дѣло было рѣшено только въ принципѣ, на

основѣ предварительнаго соглашенія по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ; подробности же относительно фактической встрѣчи были бы установлены позднѣе, при участіи германскаго посла въ Парижѣ, князя Гогенлоэ. Первымъ условіемъ было поставлено со стороны Бисмарка совершенное устраненіе всякихъ разговоровъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи. Вернувшись въ августѣ того-же 1878-го года въ Парижъ, Бловицъ передалъ Гамбеттѣ сущность сообщенія, сдѣланнаго ему отъ имени германскаго канцлера. Гамбетта призналъ абсолютно невозможнымъ обойти вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи при свиданіи съ Бисмаркомъ, и потому предположенная встрѣча опять не могла состояться.

Желаніе германскаго канцлера видѣться и говорить съ Гамбеттою вызывалось прежде всего увѣренностью опытнаго политическаго игрока, сумѣвшаго на своемъ вѣку соблазнить и провести такихъ соперниковъ и противниковъ, какъ Наполеонъ III и князь Горчаковъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Бисмарку казалось вполнѣ возможнымъ завлечь Гамбетту въ ловушку, чтобы держать его въ рукахъ и затѣмъ, въ случаѣ надобности, погубить его репутацію. Но что побуждало непримиримаго французскаго патріота искать сближенія съ суровымъ руководителемъ побѣдоносной Германіи? Какъ это ни странно, Гамбетта серьезно надѣялся убѣдить «чудовище» (le Monstre, какъ онъ обыкновенно называлъ Бисмарка въ дружескихъ бесѣдахъ и письмахъ) отказаться отъ Эльзаса-Лотарингіи въ обмѣнъ на французскую дружбу, которая позволила бы Германіи облегчить на половину свой разорительный военный бюджетъ. По мнѣнію Гамбетты, нѣмцы не въ состояніи долго выносить непомѣрныя затраты на армію, налагаемыя на нихъ необходимостью защиты военныхъ завоеваній 1870—71 годовъ; рано или поздно они обязаны будутъ ликвидировать созданный этими пріобрѣтеніями тяжелый хроническій кризисъ, а вѣрнѣйшій способъ ликвидаціи—возстановленіе попраннаго права, отдачею занятыхъ провинцій, въ видахъ прочнаго обоюднаго соглашенія и разоруженія Германіи и Франціи. Разоруженіе, на которое намекалъ Гамбетта въ разговорахъ съ довѣренными уполномоченными Бисмарка, должно было явиться важнѣйшимъ практическимъ результатомъ отреченія нѣмцевъ отъ Эльзаса-Лотарингіи. Гамбетта много разъ высказывалъ свое искреннее и глубокое убѣжденіе въ неминуемомъ будущемъ торжествѣ права надъ насиліемъ, и на этомъ убѣжденіи основывалъ свою вѣру въ мирное разрѣшеніе мучительнаго территоріальнаго вопроса, волновавшаго побѣжденную Францію. Онъ разсчитывалъ на силу своихъ доводовъ и своего краснорѣчія по отношенію къ Бисмарку, и только этимъ разсчетомъ оправдывалась, въ

его глазахъ, идея свиданія съ злѣйшимъ врагомъ французской націи. Даже позднѣе, въ недолгій періодъ своего министерства, онъ сохранялъ, повидимому, увѣренность въ томъ, что «вернулся бы изъ Берлина не съ пустыми руками».

Предположенія Гамбетты доказываютъ, что въ области реальной политики онъ раздѣлялъ обычныя патріотическія иллюзіи его соотечественниковъ. Французы отрицаютъ право завоеваній для Германіи и возмущаются насильственнымъ захватомъ Эльзаса и Лотарингіи; но они не возбуждали вопроса о правѣ, когда готовились завладѣть нѣмецкими землями по лѣвому берегу Рейна. Если даже допустить, что Бисмаркъ призналъ бы пользу прочнаго соглашенія съ Франціею, то мыслимо ли дѣлать отсюда тѣ смѣлые выводы, къ которымъ пришелъ Гамбетта? Какъ ни всемогущъ былъ желѣзный канцлеръ въ сферѣ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ Германіи, но уничтожить или уменьшить результаты нѣмецкихъ побѣдъ, подвергнуть сомнѣнію судьбу пріобрѣтенныхъ провинцій, сократить вооруженія, поколебать привилегіи и фактическое господство военнаго класса,—все это далеко выходило за предѣлы его возможнаго вліянія. Бисмаркъ былъ не одинъ въ имперіи; существовалъ еще императоръ Вильгельмъ I, проникнутый непоколебимыми традиціями военнаго долга; существовали еще авторитетные вожди и представители арміи; существовалъ прусско-нѣмецкій патріотизмъ, столь-же увѣренный въ своемъ правѣ, какъ и французскій. Гамбетта не могъ думать, что его разговоры съ Бисмаркомъ измѣнили бы реальное положеніе и настроеніе руководящихъ силъ въ Германіи. Онъ не могъ также предлагать нѣмцамъ компенсацію за Эльзасъ-Лотарингію въ Нидерландахъ, какъ это дѣлали нѣкоторые увлекающіеся парижскіе публицисты: ссылаясь на принципы права въ эльзасскомъ вопросѣ, онъ не могъ имѣть въ виду грубое нарушеніе этихъ принциповъ относительно голландскаго или какого-либо иного культурнаго народа. О территоріальной компенсаціи въ ущербъ другимъ государствамъ не могло быть, вообще, и рѣчи, если идея разоруженія не была пустымъ словомъ.

Впрочемъ, трудно теперь провѣрить, въ какой мѣрѣ Гамбетта предавался самообольщенію на счетъ Бисмарка и Германіи. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ подготовлялъ и поддерживалъ связи другого рода; онъ часто бывалъ въ салонѣ княгини Трубецкой, гдѣ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, и въ то-же время онъ сумѣлъ сблизиться съ тогдашнимъ принцемъ Уэльскимъ, впослѣдствіи королемъ Эдуардомъ. Мысль о союзѣ съ Англіею и Россіею вдохновляла Гамбетту, когда онъ сдѣлался главою правительства въ ноябрѣ 1881-го года; онъ готовъ былъ предложить постъ представителя

республики при петербургскомъ дворѣ герцогу Омальскому, чтобы облегчить оффиціальное дипломатическое сближеніе съ Россіею. «Я предвижу,—говорилъ онъ графу Шодорди,—что въ Петербургѣ потребуютъ отъ насъ согласія на принятіе строгихъ мѣръ противъ русскихъ нигилистовъ въ Парижѣ. Можете увѣрить кого слѣдуетъ, что я сдѣлаю въ этомъ отношеніи все, что пожелаетъ русское правительство». Въ мартѣ 1882-го года онъ познакомился съ генераломъ Скобелевымъ, который очень ему понравился, хотя произвелъ на него впечатлѣніе «дикаря изъ главнаго штаба». Симпатія была взаимная, насколько можно судить по отзывамъ «бѣлаго генерала». Послѣ второго свиданія было условлено, что Гамбетта и Скобелевъ пообѣдаютъ вмѣстѣ, безъ постороннихъ лицъ, чтобы «поговорить на свободѣ»; оживленная бесѣда продолжалась отъ шести часовъ вечера до двухъ часовъ ночи. Жозефъ Рейнакъ утверждаетъ, что эти свиданія и бесѣды со Скобелевымъ положили начало позднѣйшимъ военнымъ конвенціямъ между Франціею и Россіею. Гамбетта не былъ особенно высокаго мнѣнія о русскомъ обществѣ и народѣ онъ считалъ русское государство отчасти варварскимъ, некультурнымъ, но ничего не имѣлъ противъ того, чтобы воспользоваться вооруженными силами и средствами для обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи, хотя бы для того пришлось пожертвовать нѣкоторыми идеалами и принципами демократической республики.

Личная жизнь Гамбетты съ конца шестидесятыхъ годовъ тѣсно переплетена съ его политическою дѣятельностью. Удивительный романъ его съ Леони Леонъ, раскрытый нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатаніемъ ихъ переписки, вноситъ нѣкоторыя любопытныя черты въ характеристику воззрѣній и душевныхъ качествъ Гамбетты. Романъ продолжался десять лѣтъ, до самой смерти его героя, оставаясь неизмѣнно на томъ же высокомъ уровнѣ нравственной чистоты, исключительной обоюдной влюбленности и довѣрчиваго взаимнаго общенія. Онъ настойчиво убѣждалъ ее согласиться стать его женою, но она рѣшительно отказывалась, ссылаясь на свое несчастное прошлое и на необходимость сохранить его свободу, въ виду предстоящей ему дальнѣйшей политической карьеры. Она была только вѣрною, скрытою отъ постороннихъ, всецѣло преданною ему подругою, «свѣточемъ его души и звѣздою его жизни», какъ онъ часто называлъ ее. Впослѣдствіи она соглашалась на бракъ подъ условіемъ соблюденія церковнаго обряда, чего онъ допустить не могъ. Наконецъ она сдалась на его многолѣтнія просьбы, но

не успѣла исполнить свое обѣщаніе до момента неожиданной его кончины.

Въ письмахъ Гамбетты къ Леони Леонъ замѣчается необыкновенный лирическій подъемъ, съ оттѣнкомъ трогательной нѣжности [1]). Онъ говоритъ, что ея визиты оставляютъ впечатлѣніе чего-то неземного, что онъ обожаетъ ее не только, какъ идеальную женщину, но и какъ самаго близкаго и дорогого ему человѣка; онъ дѣлится съ нею своими мыслями и планами, спрашиваетъ у нея совѣта по разнымъ вопросамъ и нерѣдко признаетъ себя убѣжденнымъ ея доводами. «Мой дорогой кумиръ,—пишетъ онъ ей въ 1876-мъ году,—благословляю тебя и люблю, какъ чудесно исцѣленный больной любитъ свое божество. Ты—моя единственная религія и опора въ жизни»... «Ученикъ—это я; наставникъ—это ты, и я не хочу измѣнить эти сладкія и укрѣпляющія отношенія... Ты божественна, и я счастливѣйшій изъ смертныхъ, котораго богиня удостоила своей ласки. Я тебѣ обязанъ всѣмъ, я все отношу къ тебѣ, и ты не должна ни на минуту забывать, какое моральное благо я извлекаю изъ твоего превосходства во всѣхъ областяхъ... Ты—богатѣйшая награда, самый блестящій вѣнокъ, какой могла мнѣ удѣлить судьба» (1878). «Твое постоянное присутствіе необходимо для моего счастья, и тебѣ было бы легко дать этотъ высшій залогъ твоей любви; стоитъ только сдѣлать знакъ и сказать одно коротенькое слово,—правда, передъ мэромъ,—и мы вступили бы въ обѣтованную землю»... «Моя рука останется печально пустою, или она будетъ твоею. Когда ты примешь ее? Ты остаешься отдыхомъ, надеждой, поддержкой всей моей жизни... Скажи одно слово, простое «да», и мы будемъ свободны, вмѣстѣ, навсегда. Безъ тебя моя жизнь не имѣетъ для меня никакой цѣны. Я лично испыталъ всѣ крайности счастья, того, что принято между людьми считать радостями власти и успѣха, но все это ничто безъ тебя, безъ твоей любви, безъ твоего присутствія» (1881). Въ теченіе послѣдняго года своей жизни онъ уже называетъ ее не иначе, какъ своею женою, «обожаемою, благословенною» и т. д. «Вдали отъ тебя—говоритъ онъ въ письмѣ изъ Италіи—я могу на досугѣ разбирать божественныя качества твоей благородной натуры, и мои глаза увлажаются слезами, когда я думаю въ тысячный разъ, до чего благопріятствовала мнѣ судьба, поставивъ тебя на моемъ жизненномъ пути. Теперь мы не разстанемся болѣе, если ты согласна... Я радуюсь, что такъ хорошо избралъ себѣ подругу, и я спѣшу возвратиться къ той, отъ которой всегда зависитъ счастье

[1]) Письма эти собраны въ книгѣ: „Le coeur de Gambetta", par Francis Laur.

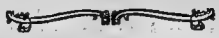
моей жизни, спокойствіе моего сердца и величайшее наслажденіе отъ обладанія неоцѣнимымъ сокровищемъ, котораго ничто лишить меня не можетъ»... Она съ своей стороны была истинною вдохновительницею его «оппортунизма», его примирительной, объединяющей «политики результатовъ»; она съ чисто-женской деликатностью давала ему совѣты благоразумія, сдерживала и направляла его порывы, смягчала партійныя увлеченія. Въ концѣ 1879-го года, пользуясь своими фамильными связями въ католическомъ мірѣ, она ѣздила въ Римъ, по порученію Гамбетты, для конфиденціальныхъ переговоровъ о пересмотрѣ конкордата, бесѣдовала съ довѣренными лицами Ватикана и имѣла особую аудіенцію у папы Льва XIII; она обнаружила при этомъ тонкій дипломатическій тактъ, замѣчательную дѣловитость и отличное пониманіе спорныхъ вопросовъ.

Въ книгѣ Франсиса Лора разсказывается, между прочимъ, интересный эпизодъ, касающійся отношеній Бисмарка къ Гамбеттѣ. Нѣкій поставщикъ французскихъ винъ, при сбытѣ части своего товара Бисмарку въ Варцинѣ, заговорилъ о роли и дѣятельности Гамбетты. Канцлеръ прервалъ его замѣчаніемъ, что все это ему хорошо извѣстно, но Гамбетта слишкомъ расточительно тратитъ свои силы и его хватитъ не надолго. «Онъ не даетъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью. Ночью онъ сидитъ въ бюро своей газеты, днемъ онъ въ палатѣ, въ комиссіяхъ, произноситъ рѣчи, хлопочетъ о парламентскихъ и иныхъ соглашеніяхъ. Всѣ политическіе дѣятели, ведущіе такую жизнь, умираютъ молодыми.., Чтобы долго служить своему отечеству, нужно быть женатымъ на некрасивой женщинѣ, имѣть дѣтей, какъ всѣ, и владѣть деревенскимъ домомъ, гдѣ можно жить и отдыхать, подобно крестьянину, лечить свои ревматизмы, скрываться отъ назойливыхъ людей и отъ сильныхъ міра сего. Вашъ Гамбетта жжетъ свою свѣчу съ двухъ концовъ. Онъ хорошо бы сдѣлалъ, если-бы женился и отправился на дачу. Скажите это ему отъ меня, потому что въ сущности я чувствую къ нему симпатію».

Слова Бисмарка были въ точности переданы Гамбеттѣ и произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ измѣнить свою жизнь и тотчасъ же поручилъ отыскать подходящую усадьбу въ окрестностяхъ Парижа. Ему предложили старый, полуразвалившійся домъ Бальзака въ имѣніи Жарди, около мѣстечка Ville d 'Avray, за 120 тысячъ франковъ; но такъ какъ Гамбетта не располагалъ такою «колоссальною» суммою, то ему продали маленькій флигель секретаря Бальзака, съ садикомъ, за 12 тысячъ франковъ. Въ этой «хижинѣ», предназначенной первоначально для садовника, Гамбетта думалъ устроить свою совмѣстную жизнь съ любимою женою Леони;

подписаніе брачнаго контракта предстояло черезъ нѣсколько дней Судьба рѣшила иначе. 27-го ноября, при испытаніи револьвера какой-то новой системы, Гамбетта нечаянно прострѣлилъ себѣ руку, слегъ въ постель, поправился отъ раны, но заболѣлъ воспаленіемъ слѣпой кишки, которое прозѣвали лѣчившіе его знаменитые врачи. Несчастная Леони не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, и на ея глазахъ онъ скончался въ ночь на 1-ое января 1883-го года. Попрощавшись въ послѣдній разъ съ его тѣломъ, она исчезла и не скоро была найдена друзьями. Наканунѣ еще супруга могущественнѣйшаго человѣка во Франціи, она внезапно превратилась въ бѣдную, заброшенную женщину, вся жизнь которой разбита и которую только религія удерживала отъ самоубійства. Она уѣхала въ Римъ, путешествовала по Италіи и Швейцаріи, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проводила нѣкогда счастливые дни съ Гамбеттой, мучилась при воспоминаніи о своемъ непонятномъ и, быть можетъ, роковомъ для него упорствѣ въ откладываніи формальнаго брачнаго союза, постепенно чахла въ своей парижской мансардѣ и, наконецъ, умерла въ 1906-мъ году. Она ушла изъ міра столь же скромно и незамѣтно, какъ и жила, съ сохраненіемъ полнаго инкогнито. Никто не зналъ и не вспомнилъ, что въ лицѣ этого жалкаго, одинокаго существа, похороненнаго по послѣднему разряду, угасъ «свѣточъ души» одного изъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Франціи.

Л. Слонимскій.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Подъ редакціей А. Г. Фомина. Книгоиздательство „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Томъ I.

Редактору новаго полнаго собранія сочиненій и писемъ Никитина удалось воспользоваться для своего труда весьма важными, до сихъ поръ неопубликованными, матеріалами. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ богатый архивъ Н. И. Второва, извѣстнаго друга воронежскаго поэта; архивъ далъ десятки автографовъ стихотвореній, частью неизвѣстныхъ, 122 письма поэта къ Второву и много писемъ Никитина къ разнымъ лицамъ, а также многія письма о Никитинѣ

его воронежскихъ друзей и другіе матеріалы. Кромѣ того г. Фоминъ имѣлъ доступъ къ архиву перваго біографа Никитина, М. Ѳ. де Пуле, и къ письмамъ Второва къ Н. С. Милошевичу. Использована редакторомъ и тетрадь стихотвореній Никитина изъ Щукинскаго Музея, принадлежавшая, какъ выяснено г. Фоминымъ, одному изъ воронежскихъ друзей Никитина, А. П. Нордштейну. Вслѣдствіе этого, новое собраніе сочиненій Никитина выдѣляется изъ ранѣе вышедшихъ, какъ по полнотѣ текста, такъ и по разнообразію и новизнѣ біографическихъ данныхъ. Въ основномъ текстѣ новое изданіе даетъ произведенія въ той формѣ, въ какую они, послѣ переработки, въ послѣдній разъ отлились у поэта, а въ примѣчанія отнесены предыдущія редакціи, при чемъ онѣ даются полностью, если значительно отличаются одна отъ другой. Въ выборѣ текста редакторъ соблюдалъ всѣ необходимыя предосторожности, гарантирующія по возможности точное воспроизведеніе текста, наиболѣе близкое къ намѣреніямъ поэта, для чего обращался ко всѣмъ печатнымъ текстамъ, вышедшимъ при жизни Никитина, и рукописямъ. Кромѣ основной задачи: собрать произведенія и письма Никитина и дать точный ихъ текстъ, редакторъ имѣлъ въ виду дать также и матеріалъ для изученія Никитина. Въ этихъ цѣляхъ каждое стихотвореніе, изъ вошедшихъ въ первый томъ, сопровождено болѣе или менѣе подробнымъ комментаріемъ, содержащимъ исторію стихотворенія, исторію его текста, отзывы критики и т. п. Съ этой стороны комментарій, вездѣ точный и подробный, данъ едва-ли не въ исчерпывающей полнотѣ и будетъ чрезвычайно полезенъ для всѣхъ изучающихъ Никитина. Столь же необходима для будущихъ изученій и біографическая статья, принадлежащая также редактору собранія сочиненій. Она устанавливаетъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ и датъ, исправляя множество неточностей въ біографіяхъ, составленныхъ де-Пуле и позднѣйшими авторами. Г. Фоминъ воспользовался для своего очерка жизни и дѣятельности Никитина, какъ наличнымъ печатнымъ матеріаловъ (въ томъ числѣ и мало доступными воронежскими газетами и пр.), такъ и матеріалами вновь разысканными, превосходно сведя воедино массу мелкихъ, часто разнорѣчивыхъ, свѣдѣній, давъ имъ надлежащую оцѣнку, и приведя, такимъ образомъ, въ извѣстность весь наличный матеріалъ о Никитинѣ. Въ статьѣ прежде всего сообщены новыя данныя о предкахъ Никитина. Интересна далѣе картина учебы въ духовномъ училищѣ и семинаріи; вопреки нѣкоторымъ біографамъ, выяснено вполнѣ отрицательное отношеніе поэта къ духовному образованію. Его извѣстный «Дневникъ семинариста» давалъ поневолѣ лишь смягченное воспро-

изведеніе семинарской жизни, а подлинное отношеніе поэта къ воспитывавшей его школѣ дано въ весьма рѣзкомъ, и только теперь впервые опубликованномъ, стихотвореніи, открытомъ г. Фоминымъ: «Ахъ, прости, святой угодникъ, захватила злоба духъ!»—восклицаетъ поэтъ, слушая хвалы бурсѣ. — «Охъ, знакомъ я съ этой школой,—говоритъ онъ—Въ ней не видно перемѣнъ: тажъ наука—остовъ голый, пахнетъ ладаномъ отъ стѣнъ. Искони дорогой торной мѣдныхъ лбовъ соборъ покорный тамъ идетъ, Богъ вѣсть куда»... Далѣе поэтъ даетъ характеристику сонной одури, владѣющей учениками бурсы, и ея наставниковъ, взяточниковъ и лѣнтяевъ. «Что до славы и науки—все слова, пустые звуки!.. Дали-бъ рясу да приходъ!». Заканчивается стихотвореніе одной надеждой: «Но авось, пора настанетъ—Богъ на Русь святую взглянетъ, благодать съ небесъ пошлетъ—бурсы молніей сожжетъ!» Съ горемъ и ужасомъ оглядывался Никитинъ на свое темное дѣтство и юность, и въ одномъ, неопубликованномъ до сихъ поръ, письмѣ къ Второву говоритъ о себѣ: «Я не смѣю отрицать, что дикій образъ моего воспитанія и отвратительная обстановка моихъ дѣтскихъ лѣтъ, можетъ быть, явственно наложили на меня свое темное пятно, что много привилось ко мнѣ дурного, что это привитіе испортило до извѣстной степени мой характеръ и не дало, какъ бы слѣдовало, выработаться во мнѣ всему благому и разумно-человѣческому». Далѣе г. Фоминъ устанавливаетъ, между прочимъ, что, какъ уволенный изъ семинаріи, и не кончивъ философскаго отдѣленія, Никитинъ не имѣлъ права поступленія въ университетъ, куда будто бы имѣлъ въ виду послать сына отецъ. Своего рода университетомъ для Никитина явилась тогда новая русская литература: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ и т. д., къ которой Никитинъ пристрастился со школьной скамьи. Можно, однако, сомнѣваться въ непосредственности вліянія на Никитина въ этотъ періодъ статей Бѣлинскаго, вліянія, за которое стоитъ г. Фоминъ. Прямыхъ подтвержденій у насъ все таки не имѣется, потому что признаки этого вліянія, указываемые въ раннихъ стихотвореніяхъ Никитина, весьма спорны. Такъ, по поводу указанія г. Фомина на стихотвореніе «Присутствіе непостижимой силы», какъ на навѣянное, прямо, однимъ лирическимъ мѣстомъ «Литературныхъ мечтаній» Бѣлинскаго, можно съ большей вѣроятностью предположить, что написано оно не подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Бѣлинскаго, а подъ впечатлѣніемъ кольцовскаго стихотворенія «Царство мысли». Это стихотвореніе, не отмѣченное г. Фоминымъ, также вполнѣ параллельно указываемому тексту Бѣлинскаго и даже ближе къ нему, чѣмъ никитинское. Кольцова же, какъ непосредственнаго вдохновителя Никитина, мы давно знаемъ.—

Съ 1853 года видное мѣсто въ жизни и развитіи Никитина занялъ кружокъ Второва. Въ статьѣ г. Фомина впервые даны обстоятельныя, во-едино сведенныя, данныя объ этомъ замѣчательномъ кружкѣ, типичномъ для духовной жизни провинціи за пятидесятые-шестидесятые годы прошлаго вѣка. Подробно освѣщены и отношенія къ Никитину отдѣльныхъ членовъ кружка, и намѣчено участіе ихъ въ развитіи духовныхъ интересовъ и самаго творчества Никитина. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, существенно обращеніе поэта отъ міра отвлеченныхъ моральныхъ и художественныхъ исканій къ окружающей жизни, къ народному быту и психологіи. Выясняется вліяніе съ одной стороны Второва, Александра Дольника, съ другой, въ особенности, А. П. Нордштейна; послѣдній какъ видно изъ его писемъ къ Второву о Никитинѣ, весьма тонко и чутко понимилъ слабыя стороны гражданскихъ мотивовъ у Никитина, на которые его наталкивали другіе друзья. Менѣе выяснено г. Фоминымъ существенно-важное для біографіи Никитина и для его духовной жизни обстоятельство, тотъ духовный поворотъ, который совершился въ поэтѣ за годъ - два до кончины: возвращеніе къ прежнимъ религіознымъ настроеніямъ, временами рѣзко отрицательное отношеніе къ прежнему кумиру, Некрасову, вообще—обостренное отвращеніе къ модному либерализму. Далѣе въ біографіи сдѣлана попытка освѣтить доселѣ неясныя отношенія Никитина къ женщинамъ; раскрыты иниціалы, подъ которыми до сихъ поръ были извѣстны нѣкоторыя корреспондентки Никитина и названъ предметъ его послѣдняго глубокаго увлеченія, Наталія Антоновна Матвѣева. Опубликованныя первымъ біографомъ задушевныя письма къ ней Никитина, ошибочно относились къ Н. А. Михайловой. Свое чувство Никитинъ сознательно подавлялъ, ради любимой дѣвушки, онъ не желалъ связать ея судьбы со своей жалкой участью больного, негоднаго для жизни, человѣка.

Біографическій очеркъ иллюстрированъ многими портретами Никитина; въ томъ числѣ дано воспроизведеніе одного, до сихъ поръ неизвѣстнаго, очень живого фотографическаго снимка, а также даны портреты друзей Никитина, виды и пр. Въ первомъ томѣ находимъ также небольшую статью Ю. А. Айхенвальда о творчествѣ Никитина. Написана она, какъ всѣ статьи г. Айхенвальда, съ нѣсколько преувеличенной вылощенностью и кудрявою изысканностью. Г. Айхенвальдъ характеризуетъ Никитина, какъ поэта тусклой сѣрой жизни, «поэта погоста», но едва ли правильно отрицаетъ за нимъ «глубокую синтезирующую силу, которая бы создала изъ него какое нибудь опредѣленное единство. Онъ не стихія и не личность. У него замѣтна слабость внутренняго самоопредѣленія».

Вопреки критику, біографъ Никитина вполнѣ опредѣленно, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, съ полнымъ правомъ говоритъ «о громадной внутренней силѣ Никитина, о рѣдкой душевной стойкости» (стр. 55). Это глубокое моральное содержаніе отразилось и въ поэзіи Никитина и составляетъ особую черту ея, можетъ быть, особливо и интимно дорогую тѣмъ безчисленнымъ читателямъ Никитина, которые непрерывно раскупали и продолжаютъ раскупать собранія его сочиненій. До 1911 года они были очень дороги. Къ сожалѣнію, и новое изданіе, подъ прекрасной редакціей г. Фомина, будетъ изъ числа дорогихъ: оно составитъ четыре томика, по рублю за томъ.

Ч. В—окій.

— Л. П. Карсавинъ. Монашество въ Средніе Вѣка. Спб. 1912.

Работа г. Карсавина, входящая въ составъ извѣстной серіи «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время», подъ редакціей проф. Карѣева и Лучицкаго, представляетъ весьма удачный очеркъ исторіи средневѣковаго монашества отъ его дальнихъ началъ и кончая XIV-мъ вѣкомъ. Въ книжкѣ, несмотря на ея небольшіе размѣры, данъ богатый и хорошо подобранный матеріалъ по монашескому движенію, сыгравшему такую крупную роль въ судьбахъ средневѣковой Европы. Особенно интересны главы о Бенедиктѣ Нурсійскомъ и его уставѣ, объ итальянскихъ еремитахъ, о рыцарскихъ орденахъ, о францисканцахъ и доминиканцахъ. Въ этихъ послѣднихъ главахъ авторъ пользуется результатами своихъ спеціальныхъ изысканій, представленныхъ въ его недавно вышедшемъ обширномъ трудѣ: «Очерки религіозной жизни Италіи въ XII—XIII вѣкахъ». Недостаточно мѣста удѣлено авторомъ роли монастырей и монашества въ экономической жизни средневѣковья; лишь немногое и довольно изолированно въ этомъ отношеніи стоящее сказано о хозяйствѣ монастыря Боббіо въ IX вѣкѣ и о знаменитомъ аббатствѣ St. Germain des Prés (въ главѣ V-ой: «Обмірщеніе» монашества и его «реформы»).

— Очерки по исторіи Византіи. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича, профессора С.-Петербургскаго Университета. Выпуски I и II. Спб., 1912.

Крайняя скудость въ нашей исторической литературѣ общихъ пособій по византійской исторіи вызвала изданіе, въ видѣ хрестоматіи, отрывковъ изъ переводныхъ сочиненій, характеризующихъ

различныя стороны сложной и своеобразной жизни Византіи. Пока вышли два первые выпуска этого изданія; третій и послѣдній выпускъ долженъ имѣть исторіографическій и библіографическій характеръ. Въ появившихся выпускахъ даны въ переводѣ двѣ работы извѣстнаго нѣмецкаго византиста Гельцера: «Очеркъ политической исторіи Византіи» и «Очерки культурной исторіи Византіи», а также небольшой этюдъ кембриджскаго профессора Бьюри: «Государственный строй византійской имперіи». Изъ указанныхъ работъ Гельцера болѣе цѣльный и законченный характеръ носитъ «Очеркъ политической исторіи Византіи», представляющій отчетливый и обстоятельный фактическій обзоръ. Спеціальныя занятія византійской исторіей дали автору возможность составить этотъ очеркъ согласно научнымъ требованіямъ. Но все-же работа Гельцера (какъ отчасти отмѣчаетъ и редакторъ изданія) не свободна отъ недостатковъ, изъ которыхъ наиболѣе существенный — не всегда объективное, нерѣдко тенденціозное освѣщеніе и истолкованіе фактовъ. Это, вмѣстѣ съ стремленіемъ автора выражаться въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, чтобы оживить въ общемъ сухое и до конспективности сжатое изложеніе, умаляетъ достоинство очерка. Рѣдко и только мимоходомъ касается авторъ вопросовъ соціальнаго и экономическаго порядка. То немногое, что сказано о нихъ во второй статьѣ Гельцера, весьма недостаточно. Мало представлена у Гельцера и законодательная дѣятельность византійскихъ императоровъ; о кодексѣ Ѳеодосія II не сказано ничего. Вполнѣ удаченъ и хорошо дополняетъ предыдущія статьи историко-юридическій очеркъ Бьюри, посвященный государственному строю Византіи. Ко второму выпуску приложены три географическія карты, взятыя изъ недавно вышедшаго перваго тома «The Cambridge Medieval History».

И. Бороздинъ.

— И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912. Цѣна 65 коп.

Авторъ, типичный окраинный чиновникъ по духу, горячо привѣтствуетъ новую административную единицу—Холмскую губернію, и находитъ, что «зло, нанесенное Холмщинѣ, нынѣ уже радикально исправлено». Тѣмъ цѣннѣе сообщаемые имъ, какъ очевидцемъ (онъ много лѣтъ прослужилъ въ царствѣ Польскомъ), факты изъ исторіи церковной и административной борьбы съ распространеніемъ католичества. Петербургъ и Варшава сыпали циркулярами, обличавшими самый необузданный полетъ административной фантазіи. Авторъ не

скупится на примѣры. «Разрѣшеніе ксендзу отпуска изъ прихода, хотя бы на 24 часа, въ Люблинской губерніи зависѣло отъ губернатора, а въ Сувалкской такое разрѣшеніе давалось уѣзднымъ начальникомъ. Посѣщеніе бывшихъ уніатовъ въ домахъ съ молитвою и святою водою, освященіе ихъ полей, исполненіе для нихъ какихъ бы то ни было религіозныхъ требъ по римско-католическому обряду, даже независѣвшее отъ ксендза посѣщеніе уніатомъ приходскаго костела, строго воспрещались, и на виновныхъ (!) ксендзовъ, по представленіямъ губернаторовъ, санкціонированнымъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, налагались чувствительныя денежныя взысканія, доходившія до сотенъ рублей»... Несчастные ксендзы иной разъ приходили въ отчаяніе и «убѣдительно просили уѣздныхъ начальниковъ, при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, давать имъ проводника въ видѣ земскаго стражника, который былъ обязанъ заблаговременно предупреждать ихъ о вѣроисповѣдной принадлежности даннаго лица». Такой, по деликатному выраженію автора, «недочетъ въ примитивныхъ вопросахъ управленія», доходилъ до трагикомическихъ курьезовъ. Однажды изъ прихода отлучился ксендзъ. Стражникъ донесъ уѣздному начальнику, тотъ—губернатору. Ксендза розыскали гдѣ-то въ сосѣднемъ приходѣ; началось дознаніе. Оказалось, что ксендзъ поѣхалъ на имянины къ товарищу и никакихъ требъ тамъ не совершалъ, а игралъ въ преферансъ, но его все-таки подвергли денежному штрафу. Генералъ Гурко придумалъ для выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ смѣшанныя уѣздныя комиссіи, съ участіемъ православнаго и католическаго духовенства. «Православные члены комиссій, пользуясь своимъ господствующимъ положеніемъ, относились къ ксендзамъ вызывающе и высокомѣрно, ни на какія уступки и компромиссы не соглашались и вообще третировали своихъ противниковъ, почему католическіе члены, невольно очутившись въ положеніи побѣжденныхъ, отказались отъ дальнѣйшаго участія въ совѣщаніяхъ и подписали протестъ. Послѣ этого смѣшанныя комиссіи были закрыты, не разрѣшивъ ни одного религіознаго дѣла». При всемъ своемъ принципіальномъ сочувствіи выдѣленію Холмщины въ особую губернію, авторъ, повидимому, недоумѣваетъ, какой изъ этого выйдетъ толкъ: «насколько осуществятся возлагаемыя на новую административную единицу надежды,—это вопросъ недалекаго будущаго... Статистическія данныя по истеченіи пятидесяти лѣтъ докажутъ (?), что русское населеніе Холмщины не уменьшится, какъ было до сихъ поръ, а достигнетъ цифры 1—1½ милліона. Это будетъ (?) самымъ вѣрнымъ показателемъ развитія русской Холмщины»... За неимѣніемъ разумныхъ доводовъ въ прошломъ и настоящемъ приходится поневолѣ гадать о будущемъ...

Н. Л.

Н. С. Лобасъ, бывшій врачъ Сахалинскихъ каторжныхъ тюремъ. Убійцы. (Нѣкоторыя черты психо-физики преступниковъ). Со снимками преступниковъ. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ этой книги имѣлъ возможность близко изучить наиболѣе отверженныхъ представителей преступнаго люда. По своимъ воззрѣніямъ г. Лобасъ—умѣренный сторонникъ уголовно-антропологической школы, не раздѣляющій ученія о прирожденномъ преступникѣ. Онъ разсматриваетъ свой трудъ какъ матеріалъ, подтверждающій взглядъ антропологической школы на преступника какъ на человѣческое существо деградированное, психо-физически оскудѣлое, съ отсутствіемъ или недоразвитіемъ тѣхъ элементовъ организаціи, благодаря которымъ нормальный человѣкъ можетъ бороться за существованіе, не нарушая закона.

Въ основаніи выводовъ автора лежитъ изслѣдованіе 80 убійцъ, преимущественно убійцъ изъ корыстныхъ видовъ. Первая глава работы посвящена біографическому изображенію убійцъ, рисующему ихъ какъ людей съ ненормально развитыми низшими инстинктами, совершенно нечувствительныхъ къ чужимъ страданіямъ, лишенныхъ сознанія содѣяннаго зла. Во второй главѣ мы знакомимся съ литературными произведеніями убійцъ, являющимися, по словамъ г. Лобаса, яркимъ отраженіемъ преступной психологіи. Это своеобразное творчество характеризуется слащавостью и сентиментальностью; главное содержаніе его—сожалѣніе объ утраченныхъ удовольствіяхъ, о погибшей жизни, жалобы на людскую несправедливость. Нѣкоторыя произведенія представляютъ и литературный интересъ. Весьма тягостное впечатлѣніе производитъ третья глава, изображающая убійцъ душевно-больныхъ, которые пошли въ каторгу, несмотря на очевидные признаки душевнаго разстройства, обнаружившіеся еще до суда надъ ними. Душевно-больной П-шевъ, «таинственный репортеръ и соціалъ-демократъ», какъ онъ себя называетъ, домогается правды и подаетъ прошеніе на Высочайшее имя: «Мною пройденъ терновый, колючій путь: я достигъ элемента Іоаннова и нахожусь на о. Сахалинѣ взамѣнъ о. Патмоса и исполняю слова апостола Ѳомы». Другой больной жалуется на то, что администрація «испытываетъ его химическимъ путемъ съ помощью электрическаго мыла». Третій пишетъ какія-то «циклодіи», «экспромиты 5-часоваго труда» и т. д. И всѣ эти несчастные нашли себѣ пріютъ не въ лечебницѣ, а на Сахалинѣ въ качествѣ каторжанъ... Послѣднія двѣ главы посвящены изображенію психики убійцъ, ихъ физической организаціи, полового инстинкта и выясненію связи

между алкоголизмомъ и преступностью. Причины психофизическаго оскудѣнія преступной личности, по мнѣнію автора, кроются въ наслѣдственномъ и личномъ алкоголизмѣ. Повышенный и извращенный половой инстинктъ, характерный для многихъ преступниковъ, авторъ вслѣдъ за Форелемъ также объясняетъ вліяніемъ алкоголя. Къ физическимъ недостаткамъ преступниковъ г. Лобасъ относитъ неправильности въ конфигураціи черепа, стигматы физическаго вырожденія и порочно организованную кровеносную систему. Значительную часть книги занимаютъ таблицы изслѣдованія физической организаціи убійцъ и кривыя ихъ пульса. Даны также ихъ фотографіи.

Несмотря на признаніе крайней тѣлесной и душевной недостаточности (дефективности) изслѣдованныхъ имъ тяжкихъ преступниковъ, авторъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на борьбу съ преступностью, не является пессимистомъ. Мало того: онъ считаетъ возможнымъ говорить о личномъ исправленіи преступниковъ. «Самый тяжкій преступникъ не можетъ третироваться какъ человѣкъ совершенно погибшій и безнадежный въ смыслѣ исправленія». (Стр. 166). Это утвержденіе является скорѣе показателемъ гуманистическаго настроенія автора, чѣмъ прямымъ выводомъ изъ его работы, рисующей тяжкихъ преступниковъ довольно безнадежными чертами. Какъ бы то ни было, взглядъ этотъ пріятно встрѣтить у лица, такъ близко стоявшаго къ «міру отверженныхъ».

Ал. Маклецовъ.

— Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Библіотека новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Москва, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Эта брошюра,—результатъ анкеты, предпринятой отдѣломъ начальной школы при Московскомъ педагогическомъ кружкѣ. Изслѣдованію подвергались дѣти не старше 8 лѣтъ, принадлежащія къ бѣднѣйшему классу городского населенія, такъ какъ именно изъ этого класса главнымъ образомъ вербуются школьники городскихъ школъ. Вопросы, числомъ 84, распадались на слѣдующія категоріи: 1) семья и домашняя обстановка, 2) знакомство съ городомъ, 3) знакомство съ природой, 4) наблюденіе надъ небомъ и 5) знакомство съ цвѣтами. Анкета коснулась 354 учащихся—260 дѣвочекъ и 94 мальчиковъ. Собранный матеріалъ представилъ крайне печальную картину жизни дѣтей въ низшихъ слояхъ городского населенія. Это—маленькіе дикари, лишенные радостей дѣтства, въ самомъ

нѣжномъ возрастѣ погружающіеся въ тягостную атмосферу окружающей ихъ жизни. Большинство этихъ дѣтей занято цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ домашнихъ работъ: они нянчатъ дѣтей, стираютъ бѣлье, моютъ полы, помогаютъ въ ремеслѣ и т. д. Доля дѣвочекъ еще тяжелѣе, чѣмъ мальчиковъ. Наваливая, по нуждѣ, непосильную работу на дѣтскія плечи семья, ничего не можетъ дать дѣтямъ въ смыслѣ ихъ духовнаго развитія. Почти $^1/_4$ поступающихъ въ школу дѣтей не знаетъ ни сказки, ни стихотворенія; 70% дѣтей не могли ничего разсказать изъ своей жизни: «нечего разсказывать, ничего не случалось, не припомню ничего». 20,1% мальчиковъ не могли назвать имени отца, 27,6%—имени матери; изъ дѣвочекъ не знали имени отца и матери только 13,1%. Значительный процентъ дѣтей не можетъ назвать занятіе родителей, въ особенности отца, не знаютъ названія улицы, на которой живутъ, числа этажей въ домѣ и т. д. Только 40% мальчиковъ и 22,3% дѣвочекъ побывали въ Кремлѣ; не видѣли Москвы-рѣки 22,5% мальчиковъ и 36% дѣвочекъ. И среди дѣвочекъ, и среди мальчиковъ не мало думающихъ, что у курицы три лапы; нѣкоторые вовсе не видали курицы, не видали и коровы, не знаютъ, откуда берется молоко, не видали лѣса, поля, огорода, не знаютъ, откуда берется хлѣбъ! Небомъ эти дѣти столичныхъ угловъ и подваловъ вовсе не интересуются: не знаютъ цвѣта неба, имѣютъ мало впечатлѣній отъ мѣсяца, звѣздъ, грома... Дѣти не умѣютъ ни слушать, ни наблюдать.

Недостаткомъ анкеты, какъ признаютъ сами педагоги, собиравшіе свѣдѣнія, является малое число опрошенныхъ дѣтей. Но и малыя цифры съ очевидностью показываютъ, что на помощь школѣ долженъ придти дѣтскій садъ.

В. Б—ъ.

— А. Н. Анцыферовъ. Очерки по коопераціи. Москва, 1912.

Авторъ названной выше книги извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ о сельско-хозяйственной коопераціи въ Германіи и Франціи (о которомъ въ свое время была рѣчь въ нашемъ журналѣ), выдержавшимъ два изданія. Новая его книга о коопераціи составлена изъ статей и лекцій, уже напечатанныхъ или появляющихся въ печати впервые. Всего въ книгѣ помѣщено девять статей, въ томъ числѣ нѣсколько краткихъ замѣтокъ съ незначительнымъ содержаніемъ или повторяющихъ то, что уже разъ высказано; ихъ можно было-бы и не перепечатывать.

Въ книгѣ г. Анцыферова трактуются три главныхъ темы: о

сельско-хозяйственной коопераціи, о кредитной коопераціи и о примѣненіи коопераціи къ дѣлу снабженія деревни электрической энергіей. Въ двухъ статьяхъ разъясняется значеніе коопераціи, какъ орудіе для приспособленія мелкаго сельскаго хозяйства къ условіямъ, созданной міровой экономической эволюціею и развитіемъ естествознанія, описываются различныя формы сельско-хозяйственной коопераціи и современное ея положеніе въ различныхъ государствахъ Западной Европы; въ одной статьѣ излагается современное состояніе на Западѣ кредитныхъ кооперативныхъ учрежденіи, въ одной статьѣ русскій читатель знакомится съ новой, только еще зарождающейся, но имѣющей блестящее будущее формой коопераціи для снабженія деревни электрической энергіей. Предметъ этотъ почти не затронутъ въ нашей литературѣ, и сообщеніе о немъ г. Анцыферова, лично собравшаго свѣдѣнія о распространеніи злектрической энергіи въ нѣмецкой деревнѣ, представляетъ для русскаго читателя интересъ не только крайней важности, но и новизны. Какъ быстро распространяется электричество въ нѣмецкой деревнѣ—видно изъ того, что въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ оно появилось въ десяти тысячахъ сельскихъ поселеніяхъ. Ознакомилась нѣмецкая деревня съ практическимъ примѣненіемъ электричества благодаря, главнымъ образомъ, пропагандѣ частныхъ электро-техническихъ фирмъ, а быстрые успѣхи этой пропаганды объясняются, между прочимъ, острой нуждой въ рабочей силѣ, испытываемой, какъ это ни странно, преимущественно мелкимъ, а не крупнымъ сельскимъ хозяиномъ. Наемными рабочими въ нѣмецкомъ хозяйствѣ служатъ главнымъ образомъ выходцы изъ Россіи, которые естественно предпочитаютъ наниматься въ чужой странѣ группами, а не въ одиночку. Въ снабженіи нѣмецкой деревни электрической энергіей принимаютъ участіе и частныя фирмы, и кооперативныя учрежденія. Относительное распространіе той и другой формы снабженія неизвѣстно; практика еще не выработала наиболѣе цѣлесообразнаго типа производства для нуждъ сельскихъ жителей электрической энергіи.

— Инженеръ И. М. Кузьминыхъ-Ланинъ. Уходъ на полевыя работы фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. Москва. 1912 г.

Читатели «Вѣстника Европы» нѣсколько знакомы съ грандіознымъ предпріятіемъ г. Кузьминыхъ-Ланина по разработкѣ статистическихъ данныхъ о Московской крупной промышленности вообще и о различныхъ сторонахъ фабрично-рабочаго быта въ особенности.

Указанный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ составляетъ одинъ изъ выпусковъ большой работы почтеннаго изслѣдователя, состоящій, какъ и прочія его изданія, изъ однѣхъ таблицъ. Матеріалами для этой работы служили данныя относительно 70 тысячъ рабочихъ (22,5% всего числа фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ.); таблицы рисуютъ уходъ рабочихъ на лѣтніе заработки въ зависимости отъ ихъ пола, возраста, семейнаго положенія, грамотности и преемственности фабрично-заводской работы. Эти таблицы заключаютъ, слѣдовательно, матеріалъ для сужденія о степени обособленія и устойчивости рабочаго персонала московскихъ фабрикъ. Объ устойчивости этого персонала можно судить по тому, что 44% рабочихъ мужчинъ и 35% женщинъ принадлежатъ ко второму фабричному поколѣнію, при чемъ отцовъ-фабричныхъ-же рабочихъ имѣли преимущественно молодые и грамотные представители рабочаго персонала московскихъ фабрикъ.—Степень обособленія класса фабрично-заводскихъ рабочихъ рисуется данными объ оставленіи ими фабрикъ на время земледѣльческихъ работъ. Уходятъ на такія работы всего 5,6% мужчинъ и 3,5% женщинъ. При этомъ въ отношеніи комбинаціи ухода на лѣтніе заработки съ различными признаками, характеризующими рабочихъ, между мужчинами и женщинами замѣчается антагонизмъ. Изъ мужчинъ уходятъ нѣсколько чаще пожилые, женатые и неграмотные, изъ женщинъ—молодыя, незамужнія и грамотныя. Наибольшее число отходящихъ на лѣтній работы,—именно, 19,3 мужчинъ (при 5,6% въ среднемъ) и 5,7% женщинъ (при 3,5% въ среднемъ) даютъ производствапо обработкѣ шелка; всего рѣже отходъ на лѣтнія работы наблюдается въ механическомъ производствѣ. Рабочій персоналъ московскихъ фабрикъ и заводовъ,—набранный, какъ извѣстно, главнымъ образомъ изъ сельскаго населенія, —достаточно, какъ видитъ читатель, отдѣлился отъ земледѣльческаго промысла. Данныя по этому предмету, интересны не только сами по себѣ, но и въ сравненіи съ соотвѣтствующими свѣдѣніями изъ другихъ русскихъ и иностранныхъ фабричныхъ раіоновъ, равно какъ и по сравненію съ данными, прежнихъ временъ. Такое сравненіе, конечно, и будетъ сдѣлано авторомъ послѣ того, какъ закончивъ группировку своего матеріала, онъ перейдетъ къ составленію книги. Пожелаемъ скорѣйшаго выполненія этой второй половины научнаго предпріятія почтеннаго автора.

— Краткія хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Смоленской губерніи. Смоленскъ. 1912 г.

Эта книжка, объемомъ около двадцати печатныхъ листовъ, касается разнообразныхъ сторонъ современнаго положенія Смоленской губерніи, начиная съ естественно-историческихъ условій, продолжая эмиграціей, землевладѣніемъ, хозяйственной дѣятельностью населенія и кончая народнымъ образованіемъ, медицинской частью и бюджетами губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Несмотря на то что книга издана земствомъ, главными источниками свѣдѣній по всей губерніи служили для нея правительственныя изданія, и не только болѣе новыя, какъ статистика землевладѣнія 1905 г., матеріалы комиссій о центрѣ, ежегодные отчеты о сборѣ хлѣбовъ, статистика перевозокъ по воднымъ путямъ и желѣзнымъ дорогамъ, военно-конской переписи, и т. п., но и такія сравнительно старыя изданія, какъ Всеросійская перепись населенія 1897 г. и «Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г.», которыми пришлось пользоваться по вопросамъ о распредѣленіи населенія по занятіямъ, полу, возрасту, грамотности и т. п. и о распредѣленіи земли по угодьямъ. Свѣдѣніями земскихъ источниковъ, помимо того, что касается дѣятельности самого земства, авторы разсматриваемаго труда пользовались преимущественно въ главахъ о сельскомъ хозяйствѣ, заимствуя матеріалъ изъ такъ называемой текущей статистики и изъ оцѣночнаго изслѣдованія пяти уѣздовъ губерніи. На основаніи земскихъ данныхъ составлены также главы о крупной и кустарной промышленности Смоленской губерніи.

Изданіе Смоленскаго земства носитъ строго-статистическій характеръ, обнимая лишь тѣ предметы, которые допускаютъ количественный учетъ и относительно которыхъ имѣется достаточно матеріаловъ. И такъ какъ правительственная (и земская) статистика наиболѣе интересуется у насъ вопросами землевладѣнія и земледѣлія, то эти предметы разработаны въ разсматриваемомъ изданіи всего детальнѣе. Отхожимъ-же, напр., промысломъ, несмотря на важное его значеніе въ жизни мѣстнаго населенія, отведено въ книгѣ всего три страницы. Мельчайшей единицей группировки разнообразныхъ свѣдѣніи служитъ въ изданіи смоленскаго земства уѣздъ; цифровыя данныя, характеризующія всю губернію, сопоставляются иногда съ соотвѣтствующими свѣдѣніями относительно сосѣднихъ губерній, всей Россіи (европейской) и даже чужихъ государствъ.

Изъ сообщеннаго выше о содержаніи, характерѣ и источникахъ разсматриваемаго изданія читатель самъ можетъ заключить, чего онъ въ правѣ ожидать отъ этой, во всякомъ случаѣ интересной книги. Мы должны только выразить сожалѣніе о томъ, что составители допустили грубыя ошибки по предметамъ, которые, казалось-бы, достаточно уже разъяснены въ нашей литературѣ; на стр. 50 они дали фиктивныя цыфры распредѣленій надѣльной земли между отдѣльными домохозяевами, а на стр. 38 и 39 уменьшили почти вдвое число лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Эти ошибки свидѣтельствуютъ о поверхностномъ знакомствѣ составителей съ тѣми матеріалами, изъ которыхъ они заимствовали свои данныя.

В. В.

— М. Я. Пинесъ. Исторія еврейской литературы (на еврейско нѣмецкомъ діалектѣ). Авторизованный переводъ съ французскаго съ предисловіемъ и дополненіями С. С. Вермеля. Москва. 1913 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Большинству русскихъ читателей знакомы имена Шоломъ-Алейхема, Якова Гордина, Шолома Аша, Мориса Розенфельда, Фруга и Бялика, произведенія которыхъ въ прозѣ и въ стихахъ печатаются въ русскихъ журналахъ и сборникахъ. Но рѣдко кто знаетъ, что всѣ эти писатели пишутъ на языкѣ, который только въ послѣднія 30 лѣтъ сталъ считаться языкомъ, а не презрѣннымъ ублюдкомъ, родившимся отъ сочетанія испорченнаго нѣмецкаго съ исковерканными словами цѣлаго ряда другихъ языковъ: арабскаго, древнееврейскаго, испанскаго, англійскаго, польскаго, русскаго и др. Въ европейской литературѣ впервые заговорили о еврейскомъ *языкѣ* (который до того называли *жаргономъ*) лишь послѣ того, какъ проф. славянскихъ литературъ при Гарвардскомъ университетѣ въ Америкѣ, Лео Винеръ, выпустилъ въ 1890 г. переводъ на англійскій языкъ стиховъ еврейскаго поэта Мориса Розенфельда. «Temps» и «Revue de Paris» посвятили Розенфельду статьи; затѣмъ заговорили о немъ и о другихъ еврейскихъ поэтахъ въ берлинской, вѣнской и лондонской печати. Въ послѣдніе годы начали усиленно переводить еврейскихъ писателей и въ Россіи. Въ виду этого М. Я. Пинесъ возымѣлъ намѣреніе изучить не только нашумѣвшихъ «жаргонныхъ» поэтовъ, но и всю имѣющуюся на «жаргонѣ» литературу. Плодомъ этого изученія и явилась названная выше книга, представляющая собою вторую, по времени, систематическую работу о еврейскомъ языкѣ и литературѣ.

Книга эта состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть обнимаетъ періодъ еврейской литературы съ 1507-го года, когда въ Венеціи

вышла первая еврейская книга Эльи Левита—сказка «Bovo-Maisse»,—до 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда по-еврейски стали писать романы Абрамовичъ и Линецкій. Еврейскій языкъ образовался изъ діалектовъ швабской и баварской группы въ Германіи и окончательную форму получилъ въ Польшѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Главные говоры его теперь—литовскій, польскій и южный. Послѣ «Bovo-Maisse», слѣдующими книгами, напечатанными на еврейскомъ языкѣ, являются «Tsena-Urena»—исторія евреевъ, соединенная съ религіозно-нравственной проповѣдью, и «Maisse-Buch» (книга сказокъ); обѣ вышли въ Базелѣ въ первой четверти XVIII вѣка. Затѣмъ идутъ разсказы о «цадикахъ» (еврейскихъ чудотворцахъ), переводы Библіи и молитвенниковъ, составленіе «тхиносъ» (молитвъ для женщинъ), «книги добрыхъ нравовъ», историческая лѣтопись «Іоссипонъ» мемуары, книги о Палестинѣ, учебникъ по ариѳметикѣ (изданный въ Амстердамѣ), а также еврейскія народныя пѣсни, рисующія своеобразный бытъ гетто. Съ 80-хъ годовъ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ просвѣтительной проповѣди Мендельсона въ Германіи, начинается и въ Германіи, и въ Россіи подъемъ идейности въ еврейской средѣ, сопряженный съ тенденціей къ сліянію евреевъ съ культурными слоями европейскаго общества. Въ это время еврейскій языкъ находится въ загонѣ и культивируются языки древне-еврейскій, нѣмецкій, польскій, позже—русскій. Только съ 1824-го года, съ выходомъ въ Вильнѣ книги Гурвица объ Америкѣ («Колумбусъ»), возрождается интересъ къ еврейскому языку. Появились народные еврейскіе поэты: Михель Гордонъ, І. Л. Гордонъ, А. Гольдфаденъ, Эліакумъ Цунзеръ. Отцомъ еврейскаго народнаго романа былъ Айзихъ Дикъ, за нимъ идетъ Шомеръ-Шапкевичъ (родился въ 1849 г.), а съ выступленіемъ на литературную арену Абрамовича и Линецкаго еврейская литература получаетъ заслуженную популярность.

Вторая часть книги д-ра Пинеса посвящена обзору текущей еврейской литературы, выражающей націоналистическія и соціалистическія теченія въ еврействѣ нашихъ дней. Представителями этой литературы являются: С. Г. Фругъ, пишущій и на русскомъ языкѣ, Перецъ (любовные и соціальные мотивы), Морисъ Розенфельдъ (мотивы соціальные и лирическіе), Блюмгартенъ, Бяликъ, Спекторъ, Динезонъ, Шоломъ-Алейхемъ и Шоломъ Ашъ. Послѣдняя глава книги посвящена еврейскому театру, для котораго пишутъ многіе изъ названныхъ выше писателей и, кромѣ того, Яковъ Гординъ.

Если первая часть книги д-ра Пинеса интересна главнымъ образомъ для евреевъ, читающихъ и говорящихъ по-еврейски, то вторая ея часть, заключающая въ себѣ краткія біографіи и характеристики творчества авторовъ, знакомыхъ и русской

публикѣ, представляетъ интересъ болѣе общій. Въ ней приводится множество образцовъ произведеній еврейскихъ авторовъ, а стихи печатаются въ оргиналѣ (латинскими буквами), съ переводомъ на русскій языкъ размѣромъ и формой подлинника. Переводчикъ книги сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя дополненій; имъ вставлены цѣликомъ главы о Блюмгартенѣ, Бяликѣ, Шоломѣ Ашѣ. Переводъ написанъ хорошимъ русскимъ языкомъ и снабженъ обстоятельнымъ предисловіемъ.

И. Книжникъ.

— Новыя идеи въ философіи. Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 3. Теорія познанія I. Изд. «Образованіе» СПБ. 1913 г.

Редакція «Новыхъ идей въ философіи» рѣшила дать рядъ сборниковъ по теоріи познанія, занимающей, какъ указывается въ предисловіи къ сборнику № 3, за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ центральное мѣсто въ философской литературѣ и наиболѣе разработанной. Въ настоящемъ сборникѣ изложены взгляды Шуппе, Авенаріуса и Гуссерля. Львиная доля ($^1/_2$ книжки) досталась при этомъ Гуссерлю, что́ редакція объясняетъ сложностью взглядовъ этого философа, съ трудомъ поддающихся краткому изложенію. Можетъ быть, это соображеніе и вѣрно, но мнѣ кажется, что изъ-за Гуссерля пострадалъ Авенаріусъ, изложеніе теоріи котораго у Д. Викторова (статья «Психологическія и философскія воззрѣнія Рих. Авенаріуса») вышло очень суммарнымъ и краткимъ. Правда, объ Авенаріусѣ у насъ не мало писали—въ томъ числѣ, и даже особенно, Д. Викторовъ—и можно было поэтому предполагать у читателей «Новыхъ идей» нѣкоторое знакомство съ воззрѣніями знаменитаго мыслителя. Но тогда, значитъ, Д. Викторовъ не сумѣлъ соблюсти въ своемъ изложеніи пропорцій и перспективы, такъ что вся характеристика Авенаріуса вышла такой-то неровной, кривобокой.

Очень удачна статья Н. Лосскаго, мастерски использовавшаго свои сорокъ страничекъ и давшаго стройное и выпуклое изложеніе ученія творца имманентной философіи. Содержательна статья Б. Яковенко. Правда, его изложеніе страдаетъ отсутствіемъ свободы, слишкомъ близкимъ слѣдованіемъ тексту Гуссерля (и даже порядку изложенія у нѣмецкаго философа), но оно все-таки даетъ хорошее представленіе о взглядахъ автора «Логическихъ изслѣдованій».

Въ цѣломъ сборникъ оставляетъ очень благопріятное впечатлѣніе.

— «Природа». Ежемѣсячный популярный естественно-историческій журналъ для самообразованія, подъ редакціей проф. В. А. Вагнера и проф. Л. В. Писаржевскаго. 1912 г. №№ 1—12.

Въ эпохи, какъ та, которую переживаетъ теперь естествознаніе, когда происходитъ коренная ломка и перестройка научнаго зданія, у людей науки является стремленіе выйти изъ тиши кабинетовъ и подѣлиться съ широкой публикой всѣмъ тѣмъ новымъ и неожиданнымъ, что принесло съ собой развитіе точнаго знанія. Растетъ число рѣчей, докладовъ, лекцій, популярныхъ книгъ и статей, принадлежащихъ нерѣдко крупнѣйшимъ корифеямъ науки и резюмирующихъ новыя завоеванія человѣческой мысли, новыя успѣхи ея.

У насъ въ Россіи на встрѣчу этому, такъ сказать, верховому теченію идетъ въ настоящее время теченіе снизу, изъ массъ интеллигенціи и полуинтеллигенціи всѣхъ видовъ, которую властно потянуло къ знанію. Эта огромная жажда знанія представляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ симптомовъ ломки старой Россіи Значительный и все растущій успѣхъ различныхъ періодическихъ и неперіодическихъ изданій, посвященныхъ популяризированію послѣднихъ успѣховъ знанія, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велика эта потребность въ широкихъ кругахъ общества.

Къ числу подобныхъ изданій принадлежитъ журналъ «Природа» (выходитъ съ января 1912 г.), поставившій себѣ задачей «въ возможно болѣе популярной формѣ, но не принижая научности изложенія, знакомить читателя со всѣмъ, что появляется новаго, важнаго и интереснаго въ области естествознанія». Журналъ, въ которомъ участвуютъ такія выдающіяся научныя силы, какъ профессора Умовъ, Хвольсонъ, Боргманъ, Лазаревъ, В. Вагнеръ, Вериго, Бахметьевъ успѣшно исполняетъ свою нелегкую задачу. Конечно, въ изложеніи различныхъ статей есть нѣкоторыя неровности: иногда господствуетъ тенденція къ популяризаціи, и тогда авторы статей останавливаются съ нѣсколько излишней подробностью на «классическомъ», на томъ, что зафиксировано въ учебникахъ. Иногда беретъ верхъ стремленіе къ научности, и тогда мало подготовленному читателю предстоятъ извѣстныя затрудненія. Но въ общемъ курсъ взятъ руководителями правильно и журналъ даетъ массу удобопонятнаго и цѣннаго матеріала.

За 1912 г. въ журналѣ, между прочимъ, помѣщены были слѣдующія статьи: Н. Умова, «Роль человѣка въ познаваемомъ имъ мірѣ»; О. Хвольсона, «Принципъ относительности»; Л. Писаржевскаго; «Энергетическое міровоззрѣніе»; С. Арреніуса, «Млечный путь»

И. Боргманъ, «Послѣдніе успѣхи въ физикѣ»; В. Вагнера, «Общественность у животныхъ и человѣка»; Б. Вериго, «Полъ съ точки зрѣнія современной біологіи»; А. Гурвича, «Проблемы и успѣхи ученія о наслѣдственности»; Э. Гацесо, «Законъ Менделя». Этотъ перечень, содержащій лишь небольшую часть помѣщенныхъ въ «Природѣ» статей, показываетъ, какъ разнообразно содержаніе журнала. Я не говорю уже о весьма содержательныхъ постоянныхъ отдѣлахъ: «Научныя новости и хроника», «Смѣсь» и др.

Съ 1913 г. издательство «Природа» расширяетъ свою дѣятельность. Вмѣстѣ съ журналомъ «Природа» будутъ выходить еще два другіе: «Библіотека Природа» и «Основы Естествознанія». Въ первомъ изъ нихъ особенно важные вопросы будутъ разбираться подробнѣе, чѣмъ это возможно въ статьяхъ «Природы». «Основы Естествознанія», предназначаются для тѣхъ, кто, не имѣя соотвѣтственной подготовки, желалъ бы ознакомиться съ отдѣльными отраслями естествознанія.

П. Юшкевичъ.

— Dr. M. Garr. Die wirtschftlichen Grundlagen der modernen Zeitungsweseus. Вѣна и Лейпцигъ, 1912 (Wiener Staatsw. Studien, т. X, тетр. 3). Цѣна 3 марки.

До изобрѣтенія книгопечатанія каждый авторъ владѣлъ самъ всѣми необходимыми средствами производства. Теперь, когда, по выраженію Зомбарта, началъ развиваться Spiritus Capitalisticus, накопленные капиталы стали направляться и въ область книгопечатанія и книгоиздательства. Это тѣмъ болѣе понятно, что дѣло требовало и требуетъ большихъ затратъ.

Свой современный видъ газета получила къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Въ эту эпоху объявленія стали для газетъ крупнымъ источникомъ дохода; газеты въ это время измѣнилась и техника газетной редакціи, подъ вліяніемъ всеобщаго распространенія телеграфа, еще болѣе усилившаго капиталистическій моментъ въ организаціи газетнаго дѣла. Народившіяся телеграфныя бюро подѣлили между собою міръ, заключивъ цѣлую систему картельныхъ договоровъ; въ ихъ дѣятельности явно сказываются монополистскія тенденціи, усиливаемыя крупными издержками учрежденія новаго телеграфнаго бюро и офиціозностью агентствъ. Гарръ сравниваетъ бюджетъ газетъ 70-хъ годовъ и нашего времени. Мы наблюдаемъ здѣсь, какъ и въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ (авторъ забываетъ провести эту аналогію), связь съ крупными банками на почвѣ контокоррентнаго кредита, а то и прямого участія. Данныя о бюджетахъ

современныхъ большихъ газетъ издательства обычно тщательно скрываютъ. Это заставляетъ Гарра обратиться къ соціалъ-демократической прессѣ различныхъ странъ, публикующей свои балансы. Результаты сравненія нѣмецкихъ и французскихъ газетъ сводятся къ слѣдующему: у первыхъ выше издержки производства, богаче содержаніе, больше размѣръ; первыя опираются на подписку, вторыя—на розничную продажу; центръ тяжести бюджета первыхъ лежитъ на объявленіяхъ, которыя принимаются по сравнительно низкому тарифу—у вторыхъ объявленія не играютъ столь крупной роли, цѣны высоки, но въ то же время весь текстъ газеты открытъ для рекламы въ любой формѣ. Прежде всего сдается въ аренду банкамъ и биржевикамъ финансовый отдѣлъ, годовая плата за который весьма высока; Petit Parisien, напр., получаетъ отъ одной группы 600.000 фр., Echo de Paris—500.000 фр. Замѣчаются во Франціи даже попытки организаціи треста въ этой области: образовалось общество, пріобрѣтающее аренду т. н. bulletin financier въ различныхъ газетахъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ рекламное дѣло развилось экстенсивно, занимая много мѣста, во французскихъ—интенсивно: оплаченныя рекламы находятъ себѣ мѣсто въ редакціонной части; publicité вытѣсняетъ объявленія. Одна изъ самыхъ большихъ заботъ современнаго крупнаго газетнаго предпріятія—установленіе правильнаго взаимоотношенія между количествомъ объявленій и размѣромъ изданія. Авторъ показываетъ, что по достиженіи извѣстнаго момента дальнѣйшее расширеніе газеты становится экономически невыгоднымъ. Разсматривая условія труда въ газетномъ дѣлѣ, авторъ подчеркиваетъ, что это—отрасль промышленности съ постоянной конъюнктурой. Предприниматель не можетъ отпустить рабочихъ, закрыть предпріятіе, онъ беззащитенъ противъ стачки; результатъ—спокойствіе, сравнительная рѣдкость недоразумѣній, но сильное вздорожаніе издержекъ производства. Тѣмъ бо́льшимъ колебаніямъ подвергается редакціонный бюджетъ. Часть матеріала доставляется въ газету готовою всякими бюро, агентствами, отъ сотрудниковъ со стороны; въ самой редакціи возможны самое разнообразное совмѣщеніе и раздѣленіе функцій. Отдѣлъ книги, касающійся рынка литературнаго труда, разработанъ сравнительно слабо, что объясняется недостаточностью имѣющихся матеріаловъ. Интересныя страницы посвящены дѣятельности бюро по сбору объявленій и ихъ значенію для современной организаціи газетнаго дѣла. Очень интересны и другія работы Гарра въ этой же области («Parlament und Presse», «Die Inseratensteuer»).

И. Левинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Прекращеніе мирныхъ переговоровъ и балканскій кризисъ.—Турецкій переворотъ и дипломатія.—Румынскія притязанія.—Президентскіе выборы во Франціи.—Англійскія дѣла.

Мирные переговоры между делегатами балканскихъ государствъ и турецкими уполномоченными тянулись въ Лондонѣ довольно долго—почти полтора мѣсяца, съ 16 (3)-го декабря по 29 (16) января, а перерывъ военныхъ дѣйствій продолжался ровно два мѣсяца, съ 3-го декабря (20-го ноября) по 3 февраля (21 января). Обѣ стороны съ самаго начала мало надѣялись на достиженіе положительнаго результата, который могъ бы послужить основой для прочнаго мира на Балканахъ.

Несправедливо было бы утверждать, что неудача на этотъ разъ зависѣла лишь отъ злонамѣреннаго упорства Турціи. Пріобрѣтеніе Адріанополя было для Болгаріи необходимымъ условіемъ прекращенія войны, такъ какъ безъ этого потеряли бы смыслъ всѣ огромныя жертвы на занятіе турецкой территоріи, прилегающей къ окрестностямъ Константинополя, а шансы сохраненія города для турокъ при дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ операцій были совершенно ничтожны. Это сознавали и великія державы, даже расположенныя къ туркамъ, а потому онѣ настойчиво совѣтовали Портѣ уступить. Но психологія войны не допускаетъ добровольной сдачи непріятелю крѣпости, успѣшно защищаемой ея гарнизономъ и имѣющей еще возможность держаться: правительство, которое рѣшилось бы на такое предательство по отношенію къ самоотверженнымъ защитникамъ осажденнаго города, навлекло-бы на себя обвиненіе въ государственной измѣнѣ и во всякомъ случаѣ подорвало бы свой авторитетъ въ глазахъ населенія.

Всѣмъ памятна судьба Бельфора послѣ франко-прусской войны когда эта крѣпость была оставлена за Франціею только потому, что держалась стойко до начала переговоровъ о мирѣ. Оттого и правительство Кіамиля-паши не могло взять на себя уступку Адріанополя, пока заключенныя въ послѣднемъ турецкія войска исполняли свой долгъ и давали надлежащій отпоръ болгарамъ. За отсутствіемъ парламента, признаннаго ненужнымъ при вступленіи во власть против-

никовъ младотурецкой конституціи, правительство не имѣло подъ рукою никакого подобія организованнаго общественнаго мнѣнія, къ которому можно было бы прибѣгнуть за совѣтомъ или поддержкою. Кіамиль-паша вздумалъ созвать на 22-ое января «великій совѣтъ» сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, въ качествѣ оффиціальныхъ представителей оттоманской націи. Собраніе происходило при закрытыхъ дверяхъ и видимо склонялось къ одобренію правительственной политики. Главнокомандующій Назимъ-паша, заявилъ, что армія находится въ отличномъ состояніи, но недостаточно сильна, чтобы предпринять обратное завоеваніе занятыхъ непріятелемъ земель. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Нурадунгіанъ-эффенди, высказалъ, что возобновленіе войны подвергнетъ имперію великимъ опасностямъ и что при данныхъ обстоятельствахъ приходится послѣдовать совѣтамъ могущественныхъ европейскихъ кабинетовъ; при этомъ онъ особенно отмѣтилъ угрожающее поведеніе Россіи. Въ виду сочувственнаго настроенія собранія было рѣшено на слѣдующій день составить и обсудить примирительный отвѣтъ на коллективную ноту державъ отъ 17 (4)-го января. Предполагалось, что турецкая публика не станетъ протестовать противъ неизбѣжныхъ послѣдствій военнаго пораженія; однако министры ошиблись, принявъ фиктивное совѣщаніе сотни сановниковъ за суррогатъ народнаго представительства. Кіамиль хотѣлъ опереться на какіе-то мнимые общественные элементы, чтобы снять съ себя часть отвѣтственности за предстоящія рѣшенія; но эта попытка самообмана только ускорила взрывъ патріотическаго протеста, выразителями котораго явились младотурки. На другой-же день, 23 (10)-го января, во время засѣданія совѣта министровъ, въ зданіе Порты ворвалась группа офицеровъ, съ майоромъ Энверъ-беемъ во главѣ, и потребовала немедленной отставки Кіамиля и его коллегъ; Назимъ-паша, пробовалъ выйти для переговоровъ, но былъ тутъ же убитъ выстрѣломъ изъ револьвера. Всѣ выходы изъ зданія Порты были заняты военными отрядами; министры подписали заявленія о своей отставкѣ, но оставались арестованными до пяти часовъ утра. Тѣмъ временемъ Махмудъ-Шефкетъ-паша водворился въ кабинетѣ великаго визиря, Талаатъ-бей—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Переходъ власти совершился фактически и получилъ тотчасъ-же оффиціальную санкцію; декретъ султана о назначеніи новаго великаго визиря и новыхъ министровъ покрылъ всѣ грѣхи этого насильственнаго переворота, включая и убійство Назима-паши. Главный виновникъ и организаторъ бунта, Энверъ-бей, очутился въ положеніи придворнаго фаворита и сопровождалъ Мохамеда V въ его поѣздкѣ по улицамъ столицы, послѣ провозглашенія новаго состава правитель-

ства. Прежде всего приняты были строгія мѣры противъ турецкой печати и противъ всякихъ проявленій общественнаго мнѣнія; обнаруживать патріотическія чувства дозволялось только младотуркамъ и только въ тѣхъ формахъ, которыя соотвѣтствовали видамъ и взглядамъ Махмудъ-Шефкета и его сообщниковъ. Армія, которою не безъ успѣха руководилъ Назимъ-паша подъ Чаталджею, не могла отнестись равнодушно къ его гибели; многіе офицеры возмущались и готовы были мстить за своего начальника; другіе оправдывали низверженіе Кіамиля, и на этой почвѣ возникли внутренніе раздоры, доходившіе до кровавыхъ столкновеній. Патріотизмъ отъ этого не выигралъ; духъ турецкихъ войскъ не возвысился, и новые младотурецкіе правители оказались въ такомъ-же безнадежномъ положеніи, какъ и устраненные ими предмѣстники.

Ближайшимъ послѣдствіемъ константинопольскаго переворота было офиціальное заявленіе балканскихъ союзниковъ объ отказѣ ихъ отъ дальнѣйшихъ мирныхъ переговоровъ, по явной ихъ безцѣльности. Составленная въ этомъ смыслѣ нота, подписанная 28 (15)-го января всѣми делегатами союзныхъ государствъ, была вручена главному турецкому уполномоченному, Решиду-пашѣ; въ то же время болгарскій главнокомандующій, генералъ Савовъ, телеграфировалъ Махмудъ-Шефкету-пашѣ, что въ силу прекращенія перемирія военныя дѣйствія возобновятся, согласно договору, черезъ четыре дня, т. е. въ понедѣльникъ, 3-го февраля (21-го января), въ семь часовъ вечера. Между тѣмъ уже послѣ заявленія о перерывѣ переговоровъ со стороны союзниковъ, 30-го января, Порта сообщила державамъ свою отвѣтную ноту, проникнутую несомнѣннымъ миролюбіемъ. Махмудъ-Шефкетъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Саидъ-Халимъ, заговорили тѣмъ-же языкомъ, какъ и Кіамиль и Нурадунгіанъ. Младотурецкіе дипломаты предлагаютъ уступить болгарамъ часть Адріанополя, расположенную по правому берегу Марицы, и настаиваютъ на сохраненіи за Турціею остальной, главной части города, гдѣ находятся мечети, мавзолеи и другіе историческіе и религіозные памятники мусульманскаго владычества. Порта предоставляетъ державамъ рѣшить судьбу острововъ Эгейскаго моря, занятыхъ союзниками, но требуетъ признанія ея правъ на острова, находящіеся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Дарданеллами и побережьемъ Малой Азіи. Турція идетъ на встрѣчу желаніямъ державъ, насколько это допускается ея жизненными интересами, и въ этомъ отношеніи младотурецкая дипломатія не вноситъ ничего новаго въ политику Порты. Ради такого результата не стоило, конечно, устраивать государственный переворотъ.

Независимо отъ войны между балканскими союзниками и Тур-

ціею, положеніе ни Балканахъ становится крайне критическимъ и опаснымъ, вслѣдствіе соперничества и взаимнаго недоброжелательства сосѣднихъ націй. Послѣ того, какъ смягчились суровыя притязанія Австро-Венгріи относительно Сербіи, выступили на первый планъ удивительныя по цинизму требованія Румыніи, желающей даромъ получить цѣлую пограничную область болгарской территоріи, въ видѣ вознагражденія за нейтралитетъ. Такъ какъ всѣ военныя силы Болгаріи двинуты противъ турокъ, то Румынія могла бы безнаказанно напасть на нее съ тыла; если же она этого не дѣлаетъ, то только потому, что разсчитываетъ урвать добычу мирнымъ путемъ, по добровольному соглашенію. Объ этомъ способѣ пріобрѣтенія земель ведутся серьезные переговоры въ самые трудные моменты существованія Болгаріи, когда вся ея будущность поставлена на карту. Румынія предъявляетъ свои счета и торопится требовать по нимъ уплаты, пока болгары вынуждены еще стоять наготовѣ противъ турокъ; требованія увеличиваются по мѣрѣ усиленія шансовъ войны и сокращаются съ увеличеніемъ надежды на миръ. Эта угрожающая румынская тактика, которую не безъ основанія въ нашей печати называютъ шантажною или грабительскою, производитъ тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что она несомнѣнно вдохновляется и направляется Австро-Венгріею. Коварная румынская политика показываетъ, что, будучи непосредственой сосѣдкой Россіи, Румынія отреклась отъ прежнихъ съ нею политическихъ связей и открыто перешла въ лагерь ея враговъ. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ она дѣйствовала заодно съ нами и отчасти испытывала неудобство и непрочность союза съ тогдашнимъ русскимъ правительствомъ; она была обижена при заключеніи мира и съ тѣхъ поръ не можетъ забыть свою обиду, а мы не сумѣли—или не позаботились ее загладить. Румынія уже давно примкнула къ тройственному союзу и заключила съ Австро-Венгріею военную конвенцію, которая обязываетъ обѣ стороны, при извѣстныхъ условіяхъ, выступать и воевать совмѣстно.

Разумно-ли, цѣлесообразно-ли поступаетъ Румынія, отталкивая отъ себя не только Россію, но и молодыя балканскія государства, къ числу которыхъ она принадлежитъ по своему географическому положенію и по характеру своихъ интересовъ—это другой вопросъ. Чрезмѣрно реальная политика румынскихъ правителей можетъ со временемъ принести весьма горькіе плоды. Румынія остается все-таки непосредственною сосѣдкою Болгаріи и Россіи, и рано или поздно она почувствуетъ всю практическую важность и цѣнность дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній, которыми она жертвуетъ теперь, съ такимъ легкимъ сердцемъ, ради обманчивыхъ внѣшнихъ

выгодъ. Опираясь на скрытую поддержку вѣнскаго кабинета, румынская дипломатія дѣйствуетъ вполнѣ безцеремонно; она не стѣсняется слѣдовать примѣру Наполеона III, который въ 1866-мъ году, при началѣ мирныхъ переговоровъ между Пруссіею и Австріею въ Никольсбургѣ, прислалъ туда своего посланника для полученія территоріальной компенсаціи за свой сочувственный нейтралитетъ. Бисмаркъ сумѣлъ отдѣлаться отъ французскихъ претензій, ускоривъ заключеніе мира, а Болгарія не настолько сильна, чтобы избавиться отъ румынскихъ домогательствъ, поощряемыхъ Австро-Венгріею.

Самая возможность подобной системы военно-политическихъ угрозъ съ цѣлью дарового пріобрѣтенія чужихъ земель характеризуетъ современное международное положеніе въ Европѣ. Безпринципность и запутанность понятій въ области такъ называемаго международнаго права, особенно рѣзко бросаются въ глаза въ сужденіяхъ нѣмецкихъ и австрійскихъ газетъ о румынско болгарскомъ спорѣ. Даже органы прогрессивной и демократической печати доказываютъ, что Румынія имѣетъ полное право воспользоваться обстоятельствами для «исправленія» своихъ границъ, что ея требованія очень умѣренны, что намѣченныя ею пріобрѣтенія несравненно меньше болгарскихъ завоеваній и что Болгарія по справедливости обязана удовлетворить своихъ мирныхъ, но могущихъ сдѣлаться воинственными сосѣдей. Вопросъ о расширеніи румынской территоріи на счетъ Болгаріи будто-бы выдвинутъ и поставленъ на очередь національнымъ общественнымъ мнѣніемъ. По отзывамъ нѣмецкой прессы, румынская нація волнуется, требуетъ болѣе энергическихъ мѣръ для вразумленія болгаръ, находитъ дѣйствія своего правительства слишкомъ умѣренными и медлительными, возмущается болгарскими дипломатическими обходами важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ и даже будто-бы ничего не имѣетъ противъ прямой войны съ Болгаріею. Не трудно повѣрить, что такое патріотическое возбужденіе существуетъ и проявляется въ Румыніи; но, само собою разумѣется, оно создано искусственно, при помощи систематической агитаціи, поддерживаемой ссылками на могущественныхъ заграничныхъ союзниковъ. Мѣстная оппозиція завладѣла этой благодарной темою и употребила ее какъ орудіе противъ кабинета; она постаралась довести идею компенсаціи до крайнихъ и черезчуръ рискованныхъ выводовъ, съ которыми правительство —каково бы оно ни было—не можетъ признать себя солидарнымъ. Отсюда получилось нѣчто въ родѣ политическаго кризиса, съ которымъ не въ состояніи справиться сами виновники его, и этотъ румынскій кризисъ пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе чувствительное значеніе для Болгаріи, побуждая ее стремиться

къ скорѣйшему заключенію мира съ турками. Какъ только окончательный миръ будетъ подписанъ, угрозы Румыніи потеряютъ силу и никакого земельнаго приращенія она не добьется, ибо, освободившись отъ турецкой войны, болгары могутъ безъ всякихъ опасеній отвергнуть враждебныя домогательства. Вопреки доводамъ нѣмецко-австрійскихъ публицистовъ, для Болгаріи было бы выгоднѣе урѣзать свои земельныя требованія отъ Турціи, чѣмъ отрѣзать часть своей собственной территоріи въ пользу Румыніи. По справедливости, надо бы желать полнаго практическаго крушенія предательскихъ румынскихъ разсчетовъ, въ интересахъ элементарной международной этики, и этому могла бы значительно содѣйствовать русская дипломатія; но, къ сожалѣнію, въ политикѣ не всегда происходитъ то, что желательно съ точки зрѣнія справедливости и здраваго смысла.

Франція имѣетъ новаго президента республики, въ лицѣ Раймонда Пуанкаре́. Выборы на этотъ разъ сопровождались оживленною борьбою партій и группъ, при энергическомъ участіи такихъ авторитетныхъ дѣятелей, какъ Комбъ и Клемансо. Боролись два направленія: старое, предполагающее пассивно-исполнительный или чисто декоративный характеръ президентскихъ функцій, и новое, требующее отъ президента личной иниціативы и дѣйствительнаго осуществленія правъ и полномочій, предоставленныхъ ему закономъ. Сторонники перваго взгляда выставляли обычныя кандидатуры президентовъ сената и палаты депутатовъ—Дюбо́ и Поля Дешанеля, а затѣмъ министра земледѣлія Памса, извѣстнаго своимъ богатствомъ и своими пріятными личными качествами. Серьезнымъ кандидатомъ считался также старый парламентскій дѣятель и выдающійся ораторъ, Рибо, представитель умѣренно-буржуазныхъ и консервативныхъ элементовъ французскаго общества. Другіе желали видѣть президентомъ Пуанкаре́, какъ человѣка не только даровитаго, но и самостоятельнаго по характеру и убѣжденіямъ, способнаго руководить событіями или направлять ихъ для пользы страны, независимо отъ спеціальныхъ партійныхъ соображеній.

Предварительныя собранія лѣвыхъ республиканскихъ группъ указывали на перевѣсъ кандидата, выдвинутаго Комбомъ и Клемансо—Памса. Остальныя кандидатуры, кромѣ Пуанкаре́, фактически потеряли значеніе и устранились сами собою. На послѣднемъ собраніи, созванномъ радикалами-соціалистами наканунѣ выборовъ, Памсъ получилъ больше голосовъ, чѣмъ Пуанкаре́, и потому былъ объявленъ кандидатомъ республиканской партіи. Делегаты этого боль-

шинства, подъ предводительствомъ Клемансо, Мониса и Кальо, обратились къ Пуанкарѐ съ предложеніемъ снять свою кандидатуру во имя партійной дисциплины; но Пуанкаре́ заявилъ, что не находитъ нужнымъ предупреждать голосованіе конгресса. Клемансо разсердился и написалъ ему рѣзкое письмо, по поводу котораго долженъ былъ потомъ объясняться передъ уполномоченными Пуанкаре́. Рибо чувствовалъ себя также обиженнымъ; онъ почему-то былъ увѣренъ, что Пуанкарѐ изъ уваженія къ нему не будетъ выступать его конкуррентомъ. Радикалы обвиняли Пуанкаре въ томъ, что онъ разсчитываетъ на голоса правыхъ. На самомъ дѣлѣ онъ признавалъ неумѣстнымъ навязывать верховному національному собранію закулисныя партійныя рѣшенія, принятыя случайнымъ составомъ участниковъ.

Когда обѣ палаты собрались на конгрессъ въ Версалѣ, 17 (4)-го января, всѣмъ уже извѣстно было, что выборъ предстоитъ только между двумя кандидатами—Памсомъ и Пуанкарѐ. Первое же голосованіе поставило Пуанкарѐ впереди Памса на цѣлую сотню голосовъ: изъ 872 поданныхъ голосовъ Пуанкарѐ получилъ 429 Памсъ—327; соціалисты голосовали за своего кандидата—Вальяна, собравшаго всего 63 голоса. Такъ какъ для абсолютнаго большинства въ пользу Пуанкаре недоставало еще восьми голосовъ (требовалось 437), то состоялось вторичное голосованіе, по которому цифра полученныхъ имъ голосовъ возросла до 483; за Памса было подано всего 296 голосовъ. На основаніи этого результата голосованія, предсѣдательствовавшій въ національномъ собраніи президентъ сената, Антоненъ Дюбо, провозгласилъ Раймонда Пуанкаре́ президентомъ французской республики на семь лѣтъ, начиная со дня окончанія полномочій настоящаго президента (съ 18-го февраля). Это заявленіе было встрѣчено шумными аплодисментами и привѣтственными возгласами, къ которымъ присоединилась значительная часть собранія; кто-то закричалъ: «долой диктатора!»—но этимъ вызвалъ только смѣхъ въ публикѣ. Пуанкаре́ избранъ тѣмъ же количествомъ голосовъ, какъ и Эмиль Лубе́, въ февралѣ 1899 года; онъ получилъ меньше голосовъ, чѣмъ Жюль Греви и Карно, но больше, чѣмъ Казимиръ Перье, Феликсъ Форъ и Фальеръ.

По общему мнѣнію, которое единодушно высказывается въ печати всей Европы, Франція не могла сдѣлать лучшаго выбора. Съ начала 1912-го года, своею дѣятельностью въ качествѣ руководителя французской внѣшней политики Пуанкаре́ сумѣлъ пріобрѣсть въ совѣтѣ великихъ державъ такое вліяніе и авторитетъ, какими не пользовался еще не одинъ изъ его многочисленныхъ предмѣстниковъ. Онъ обнаружилъ смѣлую изобрѣтательность, находчивость и въ то же время

обдуманную осторожность въ такой области, которая обыкновенно представляетъ собою царство условныхъ шаблонныхъ формулъ и сомнительныхъ закулисныхъ комбинацій. Онъ достигъ высшаго центральнаго поста въ государствѣ будучи еще не старымъ, полнымъ силъ и энергіи. Карьера его съ молодыхъ лѣтъ была исключительно блестяща. Онъ родился въ 1860-мъ году, въ семьѣ инженера путей сообщенія, и уже двадцатилѣтнимъ юношею обращалъ на себя вниманіе своими рѣчами въ конференціяхъ молодыхъ адвокатовъ; тогда же онъ сдѣлался секретаремъ и помощникомъ извѣстнаго адвоката де-Бюи, былъ въ 1886-мъ году начальникомъ канцеляріи при министрѣ земледѣлія Девеллѣ и въ слѣдующемъ году, въ возрастѣ 27 лѣтъ, былъ избранъ депутатомъ въ одномъ изъ округовъ Маасскаго департамента. Отъ того же округа онъ былъ избираемъ въ палату еще четыре раза и оставался депутатомъ до 1903-го года, когда занялъ мѣсто въ сенатѣ. Въ адвокатурѣ онъ пользовался большимъ успѣхомъ и составилъ себѣ громкое имя. Въ парламентѣ онъ вскорѣ показалъ себя, какъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и талантливыхъ работниковъ. Ему не было еще тридцати трехъ лѣтъ, когда онъ сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Шарля Дюпюи, въ 1893-мъ году; затѣмъ онъ былъ министромъ финансовъ съ мая 1894-го по январь 1895-го года, и опять министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Рибо, до половины октября 1895-го года. Въ томъ-же 1895-мъ году онъ былъ избранъ вице-президентомъ палаты, и это избраніе повторялось еще три раза, съ 1896-го по 1898-ой годъ. Въ кабинетѣ Саррьена, въ 1906-мъ году, онъ былъ министромъ финансовъ около полугода; въ концѣ 1911-го года, въ качествѣ докладчика сенатской коммисіи, разбиравшей франко-германскій договоръ по дѣламъ Марокко, онъ способствовалъ выясненію существенныхъ неправильностей въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ, вслѣдствіе чего министерство Кальо должно было выйти въ отставку. Ставъ тогда президентомъ совѣта министровъ, Пуанкаре́ заручился сотрудничествомъ такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Леонъ Буржуа, Делькассе́ и Мильеранъ; это было министерство талантовъ и свѣтилъ, среди которыхъ, однако, наиболѣе выдавался самъ Пуанкаре́. Ясный, практическій умъ, точное сознаніе цѣлей, изящество и убѣдительность рѣчи, тонкій природный тактъ, личная привлекательность,—все это драгоцѣнныя, незамѣнимыя качества для выборнаго главы государства, для отвѣтственнаго правителя великой культурной страны. Большія и разнообразныя надежды связываются съ возвышеніемъ Пуанкаре́. Очень можетъ быть, что эти надежды не оправдаются; но можно сказать заранѣе, что онъ сохранитъ свою

индивидуальность въ Елисейскомъ дворцѣ и будетъ болѣе активнымъ президентомъ, чѣмъ его предшественники.

Министерство Пуанкаре́, конечно, перестало существовать съ момента избранія премьера на постъ президента республики. Обязанный пока еще исполнять свои почетныя функціи до 18 (5-го) февраля, старый президентъ Фальеръ принялъ неизбѣжную отставку кабинета и поручилъ министру юстиціи, Бріану, одному изъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ Пуанкарѐ, составить министерство. Аристидъ Бріанъ исполнилъ свою задачу не безъ содѣйствія новаго президента. Нѣкоторые изъ прежнихъ министровъ ушли, по разнымъ причинамъ: Леонъ Буржуа удалился по болѣзни, и это же обстоятельство заставило его категорически отказаться отъ кандидатуры на должность президента республики, несмотря на всѣ просьбы его почитателей и, въ томъ числѣ, Пуанкарѐ. Памсъ не могъ оставаться послѣ своего неудачнаго соперничества съ бывшимъ премьеромъ; Делькассе́ ушелъ по особымъ мотивамъ, отчасти личнымъ, отчасти дѣловымъ; Мильеранъ, оказавшійся отличнымъ военнымъ министромъ, внезапно испортилъ свою репутацію и все свое положеніе, допустивъ обратный пріемъ на военную службу полковника Пати де-Клама, одного изъ виновниковъ знаменитаго дѣла Дрейфуса. Въ оправданіе этой мѣры Мильеранъ сослался на обязательное для него постановленіе прежняго министра Мессими, который, однако, въ палатѣ не подтвердилъ этой ссылки; притомъ о принятой мѣрѣ ничего не зналъ глава кабинета, Пуанкарѐ, такъ что отъ Мильерана отреклись не только его бывшіе единомышленники въ парламентѣ, но и его собственные товарищи по кабинету. Въ судьбѣ Мильерана есть что-то трагическое: онъ былъ соціалистомъ и отстаивалъ свое право на принадлежность къ соціалистической партіи, когда впервые сдѣлался министромъ въ «буржуазномъ» кабинетѣ—а ходъ личной эволюціи постепенно довелъ его до того, что отъ него начинаютъ открещиваться даже умѣренные республиканцы. Онъ какъ будто потерялъ чутье въ оцѣнкѣ того, что можно дѣлать въ области политическаго оппортунизма и чего нельзя; иначе онъ предвидѣлъ бы, какую бурю въ республиканскомъ лагерѣ вызоветъ попытка возстановленія служебныхъ правъ Пати де-Клама. Тѣмъ болѣе удивительна была эта исторія передъ президентскими выборами, когда отношенія между различными группами республиканцевъ обострились до чрезвычайности. Мильеранъ надолго закрылъ для себя доступъ къ участію въ какомъ-бы то ни было республиканскомъ правительствѣ; зато среди монархистовъ и клерикаловъ онъ завоевалъ неожиданныя симпатіи, которыя могутъ только повредить ему въ глазахъ республикан-

цевъ. На мѣсто Мильерана назначенъ Этьеннъ, бывшій уже разъ военнымъ министромъ. Бріанъ взялъ на себя министерство внутреннихъ дѣлъ, а министерство юстиціи передалъ Барту. Министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ бывшій алжирскій генералъ-губернаторъ Жоннаръ, пользующійся большимъ довѣріемъ Пуанкарѐ.

Преобразованный такимъ образомъ, кабинетъ представился палатѣ въ засѣданіи 24 (11)-го января. Бріанъ прочелъ довольно длинную и достаточно безцвѣтную министерскую декларацію, въ которой по обыкновенію высказаны разныя хорошія намѣренія и обѣщанія. Послѣ непродолжительныхъ преній, палата выразила министерству свое довѣріе большинствомъ 324 противъ 77 голосовъ. Очевидно, въ дѣлахъ внутренней политики эра Пуанкаре не обѣщаетъ пока ничего особенно новаго или замѣчательнаго.

Въ Англіи вопросъ объ ирландской автономіи послѣдовательно и неуклонно приближается къ своему разрѣшенію. Законопроектъ, внесенный въ палату общинъ въ началѣ парламентской сессіи прошлаго года, принятъ въ засѣданіи 21 (8)-го января большинствомъ 367 голосовъ противъ 257.

Заключительныя пренія отличались особою горячностью. Противники билля по прежнему пугали правительство революціею протестантовъ въ Ольстерѣ въ случаѣ насильственнаго введенія реформы. Предводитель оппозиціи, Бонаръ Лау, предсказывалъ даже, что британскимъ солдатамъ придется разстрѣливать сотни уніонистовъ въ Бельфастѣ и въ другихъ мѣстахъ, если правительство пожелаетъ дѣйствовать принудительно. Министръ по дѣламъ Ирландіи, Биррель, выразилъ удивленіе, почему неудовольствіе небольшой части страны представляетъ такой рѣшающій аргументъ въ глазахъ оппозиціи, а многолѣтнія настойчивыя требованія главной массы ирландскаго населенія совершенно оставляются безъ вниманія. Если меньшинство можетъ угрожать насиліемъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы опасаться насильственныхъ поступковъ и безпорядковъ со стороны большинства. Генеральный солиситоръ, Симонъ, напомнилъ, что стремленія этого ирландскаго большинства нисколько не измѣнились и не ослабѣли со времени перваго внесенія билля о гомрулѣ, въ 1886-мъ году. Напротивъ, ростъ націоналистическаго движенія за послѣдніе годы доказывается отнятіемъ парламентскихъ мѣстъ у уніонистовъ на выборахъ въ Бельфастѣ и Дублинѣ. Въ палатѣ общинъ засѣдаютъ сто представителей Ирландіи, и изъ нихъ только шестнадцать возражаютъ противъ билля. Только въ сѣверо-восточной части Ольстера упорно держится вражда къ автономіи, но и въ этой про-

винціи не замѣчается уже прежняго страха предъ реформою. Не было еще случая, чтобы введеніе самоуправленія въ какой-либо странѣ создавало опасность катастрофы. Ирландія должна признаваться единою въ законодательномъ, административномъ и фискальномъ отношеніяхъ, ибо «если два ирландца между собою ссорятся, то это еще не значитъ, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ націямъ». Задача билля именно и заключается въ томъ, чтобы нынѣшнее искусственное раздѣленіе Ирландіи замѣнить естественнымъ дѣленіемъ самоуправляющихся общинъ и подготовить примиреніе ирландскаго народа съ британскимъ.—Съ необыкновеннымъ подъемомъ и съ замѣчательною силою краснорѣчія говорилъ вождь ирландскихъ націоналистовъ, Редмондъ. Даже уніонистскій «Times» отмѣчаетъ «исключительныя» достоинства его рѣчи. Ирландцы, по его словамъ, не могутъ допустить, чтобы часть страны была выдѣлена изъ нея по какимъ бы то ни было мотивамъ. Уніонисты заранѣе почему-то убѣждены, что ирландцы будутъ дѣйствовать несправедливо, и на этомъ основаніи оппозиція возстаетъ противъ билля. Ничтожное меньшинство ирландскаго населенія приписываетъ себѣ право заграждать дорогу къ автономіи, даже въ томъ случаѣ, когда реформа одобряется избирателями. И страннѣе всего, что это поведеніе защищается во имя законности. Редмондъ не сомнѣвается, что большинство ирландскаго народа смотритъ на ольстерскихъ уніонистовъ какъ на своихъ братьевъ-ирландцевъ, несмотря на всѣ ихъ нападки и даже оскорбленія, и націоналисты искренно призываютъ ихъ присоединиться къ дѣлу управленія страною. Для Редмонда и его коллегъ насталъ серьезный и торжественный моментъ. Многіе изъ нихъ—продолжалъ ораторъ, — засѣдали въ палатѣ, имѣя предъ собою одну только завѣтную цѣль, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ. Они встрѣчали разочарованія и неудачи, но никогда не теряли надежды. Представители четырехъ поколѣній собственной семьи Редмонда трудились надъ этой задачей въ парламентѣ. Онъ вѣритъ, что наступилъ конецъ продолжительной борьбы. Когда Редмондъ кончилъ, въ палатѣ съ разныхъ сторонъ раздались громкіе знаки одобренія.

Сущность ирландскаго гомруля представляется довольно сложною. Новый мѣстный парламентъ образуется изъ двухъ палатъ. Нижняя палата состоитъ изъ 164 представителей, распредѣленныхъ по отдѣльнымъ провинціямъ: отъ Ольстера—59, отъ Лейнстера—41, отъ Менстера—37, отъ Коннаута—25, отъ дублинскаго университета—2. Верхняя палата называется сенатомъ и состоитъ изъ 40 членовъ по назначенію исполнительной власти. Въ случаѣ конфликта обѣ палаты собираются для совмѣстнаго обсужденія спорнаго вопроса. Изъ круга компетенціи ирландскаго парламента исключаются

земельный билль 1903-го года, законы о пенсіяхъ рабочихъ, о государственномъ страхованіи, о таможняхъ и таможенныхъ тарифахъ, о почтѣ и телеграфѣ. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ полиція будетъ находиться въ завѣдываніи центральнаго правительства. Ирландія сохраняетъ свое представительство въ центральномъ британскомъ парламентѣ, но число ея депутатовъ ограничивается сорока двумя.

Тотчасъ по принятіи билля палатою общинъ онъ былъ переданъ въ палату лордовъ, которая немедленно приступила къ первому его чтенію. Въ засѣданіи 27-го января происходило уже второе чтеніе, при чемъ болѣе или менѣе вяло повторялись старые доводы за и противъ гомруля. Лорды отвергли билль 31 (18)-го января большинствомъ 326 противъ 69 голосовъ. Какъ извѣстно, верхняя палата имѣетъ право вторично отвергнуть данный законопроектъ, когда онъ будетъ вновь предложенъ ей послѣ вторичнаго разсмотрѣнія его въ палатѣ общинъ по иниціативѣ правительства, въ теченіе двухлѣтняго срока, но затѣмъ билль, принятый нижнею палатою въ третій разъ при томъ-же парламентѣ, не нуждается уже въ санкціи палаты лордовъ. Такимъ образомъ, для окончательнаго осуществленія ирландской реформы необходимо, чтобы либеральный кабинетъ по меньшей мѣрѣ еще два года оставался у власти.

Почти одновременно съ ирландскимъ биллемъ обсуждался въ парламентѣ вопросъ о новомъ избирательномъ законѣ, около котораго завязались ожесточенные споры о женскомъ равноправіи. Сторонники признанія избирательныхъ правъ женщинъ думали провести этотъ принципъ въ видѣ поправокъ къ законопроекту, въ которомъ ничего не говорилось о женщинахъ. Спикеръ призналъ этотъ способъ дѣйствій неправильнымъ и высказалъ мнѣніе, что женскія избирательныя права могутъ быть установлены только особымъ самостоятельнымъ закономъ, а никакъ не дополнительными поправками къ другому биллю. Поэтому правительство вынуждено было взять назадъ весь законопроектъ объ избирательномъ правѣ, о чемъ и заявило въ засѣданіи 26 (13)-го января. Происходившія въ палатѣ пренія по женскому вопросу интересны лишь въ томъ отношеніи, что на этотъ разъ члены либеральнаго кабинета публично спорили между собою, къ великому удовольствію слушателей. Министръ колоній Гаркортъ ядовито вышучивалъ сэра Эдуарда Грея и канцлера казначейства Ллойда-Джорджа за защиту женскаго равноправія, котораго однако ни одинъ изъ этихъ министровъ не пытается примѣнить въ предѣлахъ своего вѣдомства. Задѣтые министры, конечно, отвѣчали, и полемика на этой почвѣ не была лишена пикантности. Только премьеръ, Асквитъ, держался вполнѣ ней-

трально; предоставивъ своимъ коллегамъ свободно высказываться по такому вопросу, который возбужденъ былъ въ палатѣ помимо правительства и безъ его оффиціальнаго участія. Нельзя отрицать, что дѣйствительному законодательному осуществленію принципа женскаго равноправія въ Англіи наиболѣе мѣшаютъ въ настоящее время и явно незаконныя насильственныя дѣйствія такъ называемыхъ суфражистокъ. Но рано или поздно этотъ принципъ, безъ сомнѣнія, восторжествуетъ въ Англіи, какъ и въ другихъ культурныхъ странахъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Характерные штрихи момента.—Общественное настроеніе и война.—Признаки поворота.—«Обновленцы» петербургской городской Думы и «прогрессисты»—московской.—Вопросы самоуправленія въ законодательныхъ учрежденіяхъ.—Система субсидій.—Въ ожиданіи амнистіи.—Сведеніе партійныхъ счетовъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи. — Е. Ѳ. Юнге, А. В. Погожевъ и П. А. Марковъ †.—Post-scriptum.

Тонъ общественнаго настроенія замѣтно идетъ на повышеніе. Когда, годъ назадъ, стали обозначаться первые признаки возрожденія интереса къ политикѣ и вообще поворота, ихъ естественно было связывать съ предстоявшими выборами. Но выборы прошли, подъемъ же настроенія отнюдь не смѣнился апатіей и возвратомъ къ засасывающей обывательщинѣ. Нельзя, конечно, отрицать причинной зависимости между тѣмъ, что наблюдается въ настоящій моментъ, и выборами въ четвертую Думу. Само собою разумѣется что условія, въ которыхъ протекали выборы, не могли пройти безслѣдно. «Закономѣрность», «гражданская свобода», «правовой строй»—т. е. всѣ тѣ слова, если не понятія, которыя, какъ-никакъ, вошли въ обиходъ,—цѣлыхъ три-четыре мѣсяца демонстрировались слишкомъ систематично и слишкомъ ярко, чтобы въ обществѣ не осталось глубокаго впечатлѣнія и долгаго воспоминанія.

Коротко говоря, приходится снова и снова констатировать старую истину о возбужденіи населенія властью. Выборная «энергія» губернаторовъ и г. Харузина смутила даже дворянъ. Инициатива судебнаго преслѣдованія противъ г. Хвостова, какъ извѣстно, принадлежитъ нижегородскому дворянству. А потому, если предполо-

жить на минуту, что старая истина, какъ результатъ выборовъ, раскрылась и въ глазахъ вершителей судебъ нашей внутренней политики, то увольненіе «по болѣзни» г. Макарова, назначеніе сенаторомъ «съ производствомъ въ тайные совѣтники» г. Харузина и приступъ къ разслѣдованію о дѣйствіяхъ г. Хвостова—получатъ полное логическое объясненіе. Они оказались повинны въ насажденіи крамолы и за это понесли возмездіе.

Но, конечно, такого предположенія строить нельзя. Конечно, гг. Макаровъ и Харузинъ уволены не за то, что они «дѣлали» выборы и тѣмъ способствовали общественному пробужденію. «Дѣланіе» выборовъ въ ихъ увольненіи не получило осужденія. Они уволены, какъ разъ наоборотъ, за то, что, пользуясь полной надзаконной свободой «дѣлать» выборы, не провели въ Думу подавляющаго большинства правыхъ и націоналистовъ—т. е. по принципу: горе побѣжденнымъ! Если-же бы имъ удалось выйти побѣдителями, то несомнѣнно они сохранили бы свои мѣста, каковъ бы ни былъ идейно-общественный результатъ ихъ выборной «энергіи». Вѣра во всемогущество «охранъ» противъ общественнаго движенія была поколеблена ненадолго. Ее возродили еще въ 1907-омъ году слова П. А. Столыпина «не запугаете».

Что касается г. Хвостова, то говорить объ истинныхъ причинахъ стряслейся надъ нимъ бѣды преждевременно. Всѣ губернаторы, кромѣ, быть можетъ, двухъ-трехъ, «блестяще» вели избирательную кампанію и одинаково усердствовали, по мѣрѣ силъ и способностей, въ «воспрепятствованіи избирателямъ свободно осуществлять «право выборовъ». Почему же ему одному сенатъ напомнилъ, что такое воспрепятствованіе компенсируется въ уголовномъ законѣ тюремнымъ заключеніемъ? Очевидно, противъ него дѣйствовали и другія пружины, а не только жалобы потерпѣвшихъ и не только то, что волею третье-іюньскихъ избирателей орловской губерніи,—вѣрнѣе: волею орловскаго губернатора и орловскаго преосвященнаго,—онъ самъ оказался въ числѣ сидящихъ въ Таврическомъ дворцѣ «лучшихъ людей». Правда, въ ряду губернаторовъ, особенно «отличившихся» въ выборную кампанію, г. Хвостову по праву принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. А потому было бы вполнѣ справедливо назначить ему, сравнительно съ другими, не низшую, а высшую мѣру отвѣтственности въ предѣлахъ 328[1] ст. улож. о нак. Но вѣдь въ данную минуту поставленъ еще только вопросъ о преступности имъ содѣяннаго, а не о мѣрѣ наказанія.

Если нельзя строить предположенія, что послѣ выборовъ въ четвертую Думу правящая власть вдругъ прозрѣла и признала лозунгъ «не запугаете» средствомъ обоюдо-острымъ,—то равнымъ

образомъ было бы грубой ошибкой наблюдаемые проблески общественнаго движенія всецѣло ставить въ связь съ выборами. Въ общемъ ходѣ политики успокоенія и борьбы съ крамолой выборы были только эпизодомъ,—эпизодомъ кричащимъ, но, все-таки, не тѣмъ, чего не было раньше и что не совершается послѣ. Слѣдовательно, и причина поворота датируется во времени отнюдь не минувшими лѣтомъ и осенью. Она дѣйствовала давно, медленно и, конечно, тѣмъ болѣе вѣрно. Но кромѣ нея, въ такомъ сложномъ явленіи, какъ общественный сдвигъ, не могло не быть и другихъ причинъ. Не задаваясь перечисленіемъ ихъ, нельзя лишь не отмѣтить, что громъ пушекъ на Балканахъ и туманъ европейской войны здѣсь не участвовали.

Дѣйствительно, съ трудомъ даже вѣрится, чтобы война славянъ съ турками и возможность европейской войны въ такой степени, въ сущности, были чужды русскому общественному сознанію. Бряцаетъ оружіемъ «Новое Время» и вслѣдъ за нимъ шумятъ въ погонѣ за розницей вечернія газеты. Гдѣ-то кто-то собирается, что-то обсуждаютъ, выносятъ какія-то пышущія военнымъ жаромъ резолюціи. Вы читали эти резолюціи, но въ тотъ же самый моментъ и забыли. Подъ резолюціями стоятъ подписи, а передъ подписями и передъ перечнемъ лицъ, «собиравшихся» и «обсуждавшихъ»—неизмѣнная паспортная справка: «общественные дѣятели». И такая справка необходима. Ибо кто безъ справки узнаетъ общественныхъ дѣятелей въ гг. Вергунѣ, Башмаковѣ, А. Столыпинѣ, въ безымянныхъ октябристахъ и націоналистахъ, нашедшихъ общественный пріютъ въ клубахъ на Литейномъ и у Симеоновскаго моста? А куда дѣвались имена, которымъ не нужно предпосылать справки, кто они и како вѣруютъ? Ни въ газетномъ перечнѣ устроителей банкета въ ресторанѣ Палкина, ни въ спискѣ собиравшихся то тутъ, то тамъ,—этихъ именъ не встрѣчается ни одного.

Въ уѣздномъ городѣ, и еще болѣе въ деревнѣ, настойчиво спрашиваютъ: будетъ война или нѣтъ? Но эти вопросы не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ шумомъ, который пытаются поднять вокругъ войны «общественные дѣятели» по паспортной справкѣ. Для деревни: «будетъ ли война?»—вопросъ практическій и эгоистичный. Въ деревнѣ спрашиваютъ: «будетъ ли война?»—и ждутъ отвѣта: «возьмутъ ли сына, угонятъ ли запасныхъ?» Для деревни и для живущаго деревней уѣзднаго города вопросъ о войнѣ—вопросъ жгучій, больной. Но его жгучесть не въ славянской идеѣ, не въ козняхъ Австріи, а въ болѣзненномъ страхѣ: неужели ко всѣмъ давящимъ бѣдамъ прибавится еще новая?

Русское общественное сознаніе, въ переживаемый моментъ, слишкомъ подавлено горемъ безправія и всѣмъ тѣмъ, что совершается внутри страны, у себя дома, чтобы оно могло отрѣшаться отъ мучительныхъ вопросовъ внутренней жизни и отдаваться интересамъ внѣшней политики. Какъ ни грозны и какъ ни величественны въ историческомъ смыслѣ частью развернувшіяся, частью развертывающіяся событія на Балканахъ, они не въ силахъ заслонить въ нашемъ взорѣ даже суда надъ членами магистратовъ и гофгерихта въ Финляндіи, даже дѣла Бейлиса, даже готовящагося финала ленской трагедіи, даже сѣченія въ тюрьмахъ, даже охраннаго вторженія въ среднюю школу. Все это — преходящіе факты, которыхъ не то, что сравнивать, но и рядомъ нельзя поставить съ измѣненіемъ карты Европы. Но это свое, этимъ мы живемъ, болѣемъ и мучаемся. Это насъ давитъ уже столько лѣтъ— и послѣ недавнихъ, казалось, реализовавшихся надеждъ.... Провѣрьте себя: внимательно ли вы читаете телеграммы и корреспонденціи изъ Константинополя, Бѣлграда, Софіи и Лондона и не торопитесь ли перевернуть газетный листъ, чтобы узнать, не было ли новыхъ казней, какъ прошли городскіе выборы въ Петербургѣ и въ Москвѣ, кого и что «разъяснилъ» сенатъ, нѣтъ ли хоть гдѣнибудь и въ чемъ-нибудь луча просвѣта?..

Еще до 17-го октября повелось, что рождественскіе праздники стали временемъ самыхъ разнообразныхъ съѣздовъ. Въ годы освободительнаго движенія, когда все было сконцентрировано на новыхъ формахъ государственнаго бытія, когда люди жили на-волѣ и когда всѣ мысли, всѣ желанія тянулись къ представителямъ народа, къ Думѣ,—рождественскіе научные и по общественно-культурнымъ вопросамъ съѣзды прекратились. Съ возвратомъ, при новыхъ формахъ, къ старому содержанію жизни, они возродились. По мѣрѣ обращенія народныхъ представителей въ господъ членовъ Государственной Думы, Думы—въ присутственное мѣсто по законодательнымъ дѣламъ, рвалась связь былыхъ надеждъ и ожиданій съ тѣмъ, во что судьбѣ угодно было ихъ воплотить. Дума въ теченіе пяти лѣтъ отдалялась отъ народнаго сознанія, и общественность отдалялась отъ Думы. Общественность перестала обращать взоры къ Думѣ. Она снова стала трактовать себя какъ самостоятельный факторъ государственности, имѣющій свои задачи и свои способы дѣйствій,—какъ факторъ непризнававшійся, непризнаваемый, но уже однажды заставившій себя признать. И двигаясь по линіи наименьшаго сопротивленія, общественность вернулась къ съѣздамъ.

Послѣдніе съѣзды сопровождались гораздо меньшими, нежели годъ или два года тому назадъ, рѣзкостями и съ одной стороны, и съ другой. Меньше было вмѣшательства со стороны полиціи и болѣе дѣловой характеръ носили засѣданія. Все свидѣтельствовало, что общественное настроеніе углубилось. Не было недавней еще нервности. Общественность проявляла себя спокойнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и увѣреннѣе, какъ въ содержаніи дебатировавшихся вопросовъ, такъ и въ формѣ изложенія вотированныхъ рѣшеній. Общій же тонъ занятій—рѣчей, докладовъ и пожеланій—былъ ярко и законченно опредѣленный. И съѣздъ дѣтскихъ врачей, и съѣздъ по вопросамъ семейнаго воспитанія, и съѣздъ по благоустройству городовъ, и съѣздъ по образованію женщинъ — всѣ въ одинъ голосъ звали отъ мрака къ свѣту, отъ безправія къ правдѣ, отъ ограниченій къ свободѣ, отъ реакціи къ прогрессу. Если сюда прибавить оживленіе въ газетномъ дѣлѣ и появленіе новыхъ органовъ прогрессивной прессы, то и этихъ признаковъ достаточно для признанія, что руль общественнаго настроенія повернулся.

Но есть еще показатели, гораздо болѣе важные и рельефные. Эти показатели—всеобщій интересъ, сосредоточившійся вокругъ вопросовъ земскаго и городского самоуправленія, во-первыхъ, и измѣненія состава и направленія дѣятельности такихъ крупнѣйшихъ органовъ самоуправленія, какъ петербургская и московская городскія думы—во-вторыхъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что городскіе выборы въ Петербургѣ и Москвѣ и первые шаги новаго состава гласныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ были центромъ общественномъ вниманія—и не только мѣстнаго, но всероссійскаго. До нѣкоторой степени этому способствовало то, что Государственная Дума четвертаго созыва двѣ недѣли бездѣйствовала, занималась внутренними, фракціонными счетами и распредѣленіемъ мѣстъ въ президіумѣ, а затѣмъ, послѣ другихъ двухъ недѣль довольно таки проблематической «работы», была распущена болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. Но едва ли было бы правильно цѣликомъ останавливаться на такомъ объясненіи. Изъ обѣихъ столичныхъ городскихъ думъ повѣяло свѣжей общественной струей. У дѣла самоуправленія въ активной роли оказались новые люди,—т. е. новые по участію въ городскихъ дѣлахъ, но давно знакомые по ихъ общественному облику. Въ органы самоуправленія—не земскаго, правда, а городского—вошла земская оппозиція. Не та оппозиція, которая въ 1905 и 1906 г. г. перегруппировалась по различію отвлеченныхъ политическихъ программъ, а именно оппозиція земская, слагавшаяся въ земствѣ въ теченіе сорока лѣтъ,—внѣпартійная и внѣклассовая, но сплошь и одинаково проникнутая прогрессивными тенденціями.

Оппозиція—готовая бороться, пришедшая для борьбы и чуждая «послушанія». Конечно, она пришла не индивидуально. Среди новыхъ городскихъ гласныхъ Петербурга и Москвы большинство навѣрное никогда не участвовало въ земскихъ собраніяхъ. Она пришла въ лицѣ людей, воспитанныхъ не въ земствѣ, но на земскихъ традиціяхъ,—на тѣхъ традиціяхъ общественнаго служенія, которыя побороли одинъ разъ и съ логической неизбѣжностью должны побороть вторично государственный бюрократизмъ.

«Обновленцы» въ Петербургѣ и «прогресисты» въ Москвѣ представляютъ собою ту лѣвую половину земцевъ, которая создала русское земство въ его идейной сути, которая, распылившись въ партіяхъ, добровольно отошла въ сторону въ канунъ реализаціи конституціонной идеи и для которой потомъ, когда налетѣла реакція, въ земскихъ учрежденіяхъ не нашлось мѣста. «Обновленцы» и «прогрессисты» чрезвычайно пестры въ политическомъ смыслѣ. Ихъ объединяютъ не мысли, не идеалы, а реальное дѣло и практикой жизни познанная противоположность служенія общественнаго стороннему руководительству и властной опекѣ. Отъ нихъ нельзя ожидать ни разрѣшенія соціальныхъ проблемъ, ни выявленія классовыхъ различій, ни громкихъ политическихъ выступленій. Но отъ нихъ можно ожидать самостоятельности и стойкой защиты своего дѣла отъ посягательствъ мнящей себя всемогущею бюрократіи.

Общественная внѣпартійная и внѣклассовая оппозиція при обновленномъ строѣ возродилась не въ земствѣ, а въ городскомъ самоуправленіи. Фактъ—знаменательный. Прежде общественность символизировало дворянское земство. Теперь она впервые нашла выраженіе въ безсословномъ, но съ сильнымъ преобладаніемъ купечества, городѣ. Роковой выводъ напрашивается для дворянства. Не сыграло-ли оно уже своей общественной роли? Не становится-ли оно историческимъ пережиткомъ?...

Возвратъ общественнаго вниманія къ вопросамъ самоуправленія живо напомнилъ предконституціонные дни. Вспомнились слова кн. Святополкъ-Мирскаго о «довѣріи». Опять заговорили: «нужны не реформы—нужна реформа». Горькой ироніей звучитъ крылатый афоризмъ конца 1904-го года. *Реформа* есть, а *реформъ*—нѣтъ. Пять лѣтъ жизни «работоспособной» третьей Думы заставляютъ афоризмъ перевернуть: нужны реформы, чтобы стала реальной реформа. И прежде всего нужны реформы земская и городская. Никогда, не было такъ ясно, что для единой всепокрывающей «реформы» не-

обходимъ мощный, проникающій въ глубины государства фундаментъ общественности и что, по нашимъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, такимъ фундаментомъ можетъ и должно служить мѣстное самоуправленіе.

Эта мысль повторялась и въ первой Думѣ, и во второй, и, также точно — въ третьей. Но Дума первыхъ двухъ созывовъ ничего не успѣла сдѣлать въ короткіе дни существованія. А въ третьей—творческая мысль не шла далѣе повсемѣстнаго введенія земства по положенію 1890-го года и системы финансоваго воспособленія. Сознавало-ли, при этомъ, октябристское большинство, что, улучшая посредствомъ субсидій, финансы земствъ и городовъ, она вырываетъ изъ самоуправленія душу—его самостоятельность? Если она не знала, то знали и знаютъ, что дѣлаютъ, министры и Государственный Совѣтъ.

9-го января Государственный Совѣтъ наложилъ свою тяжелую руку на введеніе земства въ Архангельской губерніи. Законопроектъ отклоненъ. Главный мотивъ: въ Архангельской губерніи нѣтъ помѣстнаго дворянства. Нѣтъ дворянства—не можетъ быть и земства. Такъ разсудили военные генералы, тайные и дѣйствительные тайные совѣтники и принадлежащіе къ большинству выборные члены верхной палаты. Выразителемъ ихъ мыслей былъ А. С. Стишинскій: «Государственная Дума — говорилъ онъ — постоянно стремится къ расширенію раіона примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ основѣ такого стремленія лежитъ убѣжденіе въ совершенной непригодности бюрократическаго завѣдыванія дѣлами мѣстнаго хозяйства и въ безусловномъ превосходствѣ системы, построенной на началахъ самоуправленія и самообложенія. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія Дума не считалась съ мѣстными условіями и, увлекаясь однимъ только принципомъ, построила законопроектъ на шаткомъ основаніи».

А. С. Стишинскому возражали Н. А. Зиновьевъ и Д. Д. Гриммъ. Они напоминали, что аналогичныя законодательныя предположенія возникали неоднократно и въ дореформенномъ Государственномъ Совѣтѣ и, что хотя бы потому, проектъ нельзя считать плодомъ увлеченія Думы. Д. Д. Гриммъ говорилъ, между прочимъ, что проектъ объ архангельскомъ земствѣ въ свое время поддерживалъ И. Л. Горемыкинъ, который нынѣ «не на лѣвыхъ скамьяхъ здѣсь сидитъ», и что если дѣло тогда не получило дальнѣйшаго движенія, то исключительно по политическимъ соображеніямъ. И онъ объяснилъ по какимъ именно: «тогда писалась извѣстная записка, доказывающая несовмѣстимость мѣстнаго земскаго самоуправленія съ принципомъ неограниченнаго самодержавія»

Никакія напоминанія не помогли. Да и нужно ли ихъ было дѣлать? А. С. Стишинскій не былъ авторомъ «извѣстной записки». Но у него память совершенно свѣжа. Его, и вмѣстѣ съ нимъ весь «дореформенный» Государственный Совѣтъ, безцѣльно по частному поводу укорять въ непослѣдовательности и въ нелогичности направленія законодательной работы. Такой укоръ надо взять за скобку всей вообще дѣятельности «новаго» Государственнаго Совѣта... Результатомъ «извѣстной записки» «въ свое время» было положеніе 1903 г. объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ неземскихъ губерніяхъ,— т. е. положеніе о «земствѣ» съ гласными по назначенію и съ губернаторомъ въ роли главы и хозяина «земскаго» дѣла. О дарованіи такого «земства» Архангельской губерніи и говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ представитель правительства, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, Анциферовъ. «Крестьяне Архангельской губерніи — утверждалъ онъ, — которыхъ предполагается привлечь въ земство и которымъ предоставляется въ немъ преобладающее значеніе, оказываются мало заинтересованными (?) въ общемъ ходѣ земскаго хозяйства. Улучшить земское хозяйство въ Архангельской губерніи возможно, въ настоящее время, только путемъ внесенія въ законодательныя учрежденія законопроекта, построеннаго на основаніи закона 2-го апрѣля 1903-го года». Въ вотированномъ «пожеланіи» Государственный Совѣтъ выразилъ полное согласіе съ словами г. Анциферова.

Принятіе Государственнымъ Совѣтомъ, 1-го декабря, законопроекта о сложеніи съ городовъ половины расходовъ на полицію и о возмѣщеніи земскимъ учрежденіямъ трети расходовъ на содержаніе душевнобольныхъ встрѣчено былъ печатью какъ актъ, не совпадающій съ общей политикой Совѣта. Въ сущности, однако, и этотъ актъ—особенно, въ его второй части—гораздо менѣе противорѣчитъ реакціоннымъ тенденціямъ, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. «Извѣстная записка» С. Ю. Витте, вскрывшая конституціонную опасность земства, появилась въ 1899-мъ году. И первымъ, по времени, его законодательнымъ слѣдствіемъ было не положеніе 1903-го года, а были временныя правила 12 іюня 1900-го года о фиксаціи земскихъ расходовъ и обложенія. Эти правила, одобренныя старымъ Государственнымъ Совѣтомъ исключительно въ виду категорическаго завѣренія С. Ю. Витте, что они издаются не болѣе какъ на четыре года, благополучно дѣйствуютъ и понынѣ. И субсидированіе земскихъ кассъ, и освобожденіе земства отъ тратъ на общегосударственныя потребности, ими впервые возведенныя въ систему, отнюдь не были въ конфликтѣ ни съ «извѣстной запиской», ни съ стремленіемъ противодѣйствовать «конституціонной

опасности». Напротивъ, и то, и другое было введено въ законъ съ ясно выраженной цѣлью установить финансовую зависимость земства отъ администраціи и тѣмъ раскрыть для администраціи возможность по своему усмотрѣнію направлять земскую дѣятельность. Временныя правила, запретивъ земскимъ собраніямъ увеличивать обложеніе недвижимыхъ имуществъ болѣе чѣмъ на три процента въ годъ, связали земства по рукамъ и по ногамъ въ отношеніи самостоятельнаго удовлетворенія ихъ мѣстныхъ нуждъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай, если бы земство данной губерніи или даннаго уѣзда согласилось отказаться отъ права самостоятельнаго распоряженія смѣтными назначеніями, они нарисовали самыя широкія перспективы. Словомъ, правила сказали мѣстному самоуправленію въ лицѣ опаснаго въ конституціонномъ смыслѣ земства: «продай самостоятельность,—тогда будутъ и деньги; приходи и проси,—будутъ даны широкія субсидіи, но на тѣ предметы и въ томъ размѣрѣ, на что и въ какомъ найдутъ нужнымъ губернаторъ и, по его представленію, министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ».

Земскія учрежденія—пока, въ массѣ, они были въ рукахъ земской оппозиціи,—понимали, какой цѣной имъ предлагалось купить устраненіе финансовыхъ затрудненій, и къ просьбамъ о субсидіяхъ, въ первое, по крайней мѣрѣ, послѣ изданія правилъ 1900 г. время, прибѣгали неохотно. Когда въ земствѣ восторжествовала реакція, отношеніе къ временнымъ правиламъ, конечно, измѣнилось. Да правому земству и не было смысла противопоставлять себя администраціи. Между администраціей и правымъ земствомъ, проникнутымъ вожделѣніями «вырожденцевъ», наступило полное согласіе. Разъ земство по своей иниціативѣ стало тратить собираемыя съ крестьянъ деньги—крестьяне вѣдь главные земскіе плательщики—на охрану дворянскихъ имѣній, на сыскную полицію и на погромно-черносотенную литературу,—то сама собою стерлась грань между самоуправленіемъ и бюрократіей и исчезла разница въ пониманіи земскихъ потребностей.

Весь законъ о всеобщемъ обученіи третья Дума построила на системѣ субсидій. Она не раскрыла мѣстному самоуправленію новыхъ источниковъ доходовъ. За шесть лѣтъ почти вдвое увеличились земскіе бюджеты,—но все за счетъ пособій изъ общегосударственной кассы и, притомъ, съ детальными условіями ихъ выдачи на опредѣленныя потребности. Вообще начальное обученіе—потребность, о которой нѣтъ и не можетъ быть двухъ мнѣній. А потому въ отношеніи ея практичность мѣры заставляла забывать нарушеніе принципа. Съ другой стороны, и примѣръ Европы какъ бы оправдываетъ систему субсидій. Но то Европа, а то Россія! Въ

Европѣ отстаетъ периферія: тамъ по праву центръ беретъ на себя заботу, чтобы периферія шла впередъ. Въ русской дѣйствительности отстаетъ и тянетъ назадъ центръ. А если такъ, то задача пріобщенныхъ къ центру прогрессивныхъ элементовъ—бережно охранять то, что получила периферія при старомъ строѣ, когда центръ къ тому былъ вынужденъ безсиліемъ справиться съ мѣстными потребностями и нуждами.

Старый строй далъ земскому и городскому самоуправленію самостоятельность. Далъ—и потомъ все постепенно отнималъ. Но передъ концомъ своимъ старый строй «призналъ неотложнымъ» освободить мѣстное самоуправленіе отъ опеки. Новый строй ни шагу не сдѣлалъ для этого. Напротивъ, къ опекѣ административной онъ прибавилъ опеку законодательныхъ учрежденій, дающихъ условныя субсидіи—условныя и по предмету, и по размѣру, и даже по времени. Наилучшую иллюстрацію отношенія «новаго строя» къ самоуправленію представляетъ собою законъ 2 марта 1910-го года о попудномъ сборѣ съ грузовъ, привозимыхъ и вывозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Города не меньше земства стѣснены въ источникахъ доходовъ. Какъ новый источникъ, они получили право на попудный сборъ. Но осуществленіе этого права законъ обставилъ совершенно безпримѣрными, даже для стараго строя, условіями. Во-первыхъ, попудный сборъ можетъ быть расходуемъ только на замощеніе и капитальный ремонтъ замощенныхъ улицъ. Во-вторыхъ, онъ можетъ быть устанавливаемъ лишь на десять лѣтъ. Въ-третьихъ, объ установленіи попуднаго сбора, городское самоуправленіе должно «просить» черезъ губернское присутствіе министра внутреннихъ дѣлъ. Пожелаетъ министръ — будутъ обложены въ пользу города привозимые и вывозимые грузы. Не пожелаетъ—городъ останется безъ мостовыхъ. И это законъ, изданный для удовлетворенія насущной потребности городского благоустройства и для упорядоченія городскихъ финансовъ!.. Въ губерніи два сосѣднихъ уѣздныхъ города. Оба на желѣзной дорогѣ. Оба одновременно составили и представили всѣ требуемые закономъ разсчеты и планы мостовыхъ работъ. Въ одномъ—къ головѣ и къ думѣ губернаторъ благоволитъ: сборъ получается уже цѣлый годъ. Въ другомъ—городъ имѣетъ репутацію неблагонадежнаго—все нѣтъ отвѣта на «просьбу». Это не фантазія, а подлинный фактъ.

Слово: «амнистія» безумолчно звучитъ уже семь лѣтъ. Оно у всѣхъ на устахъ. Сначала оно срывалось крикомъ. Потомъ—сто-

номъ. «Амнистія! амнистія!»—кричали толпы народа на улицахъ Петербурга, привѣтствуя 27 апрѣля 1906 года первыхъ избранниковъ. «Амнистія!»—взывали къ нимъ, размахивая бѣлыми платками, изъ-за рѣшетокъ тюремныхъ оконъ заключенные. «Амнистія!»—было первое слово, сказанное съ трибуны въ Таврическомъ дворцѣ. «Амнистія!»—писала первая дума въ отвѣтномъ адресѣ... Амнистію просили. При первыхъ слухахъ о готовящихся въ 1913-мъ году юбилейныхъ торжествахъ амнистію стали ждать. Приблизились юбилейные дни—объ амнистіи заговорили. Всѣ говорятъ и боятся говорить.

Эту психологію страха, эту ребяческую боязнь говорить о томъ, чего до боли хочется, вѣрно подмѣтилъ въ толкахъ объ амнистіи В. Д. Набоковъ. Онъ образно представилъ ходячій обмѣнъ фразъ: «Ради Бога, поменьше объ амнистіи»... «Почему?»—«А такъ; чѣмъ больше будутъ о ней говорить и писать, тѣмъ меньше шансовъ, что она будетъ»... «Эти предостереженія—писалъ В. Д. Набоковъ («Рѣчь»)—во всякой другой странѣ звучали бы чѣмъ-то дикимъ, нелѣпымъ, казались бы фантастической чепухой. Тамъ, на Западѣ, къ голосу общественнаго сознанія, къ требованіямъ общественной совѣсти прислушиваются чутко и внимательно. Единодушіе этихъ требованій, громкіе голоса прессы, обращающіе ихъ въ лозунгъ дня—стимулъ и залогъ ихъ осуществленія. Тамъ не можетъ быть рѣчи объ «уступкѣ» обществу со стороны власти: уступка, капитуляція—это термины, подходящіе для воюющихъ сторонъ. Они неумѣстны тамъ, гдѣ есть нормальная государственность, гдѣ власть и общество солидарны, и первая черпаетъ силу въ нравственной поддержкѣ со стороны второго... А у насъ, увы,—кто станетъ отрицать основательность опасеній, считающихся съ совершенно противоположной психологіей власти?»

Фактическія сообщенія объ амнистіи мѣняются каждый день. То передаютъ за вѣрное, что амнистія будетъ. То, что амнистіи не будетъ никакой, а что вмѣсто нея страна будетъ обрадована милостями чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ: въ видѣ сокращенія сроковъ на полученіе пенсіи, въ видѣ производства въ слѣдующіе чины и пожалованія вновь учреждаемымъ орденомъ архангела Михаила. Въ правой прессѣ то пишутъ: нельзя давать амнистіи, ибо нельзя выпускать на свободу грабителей и хулигановъ. А то—съ нескрываемымъ чувствомъ удовлетворенія объявляютъ: для уголовныхъ амнистія будетъ, для политическихъ—нѣтъ. Какъ на прецеденты, указываютъ на манифесты 1896 и 1904 гг. и обходятъ зловѣщимъ молчаніемъ указъ 21 октября 1905 г.—единственный въ прошломъ актъ политической амнистіи.

Покроетъ ли амнистія разслѣдованіе о дѣйствіяхъ г. Хвостова

и кары, назначенныя интендантамъ? Конечно, не эти вопросы волнуютъ тѣхъ, кто боится не только говорить, но думать объ амнистіи. Амнистія нужна до боли, какъ единственное средство ликвидаціи эксцессовъ успокоенія и политическаго мщенія. Амнистія должна хоть поздно, но положить конецъ тѣмъ процессамъ, по которымъ въ 1912-мъ году сажали на скамью подсудимыхъ людей за то, что они писали и дѣлали въ 1906-мъ и въ 1907-мъ годахъ,—когда еще законъ не былъ заглушенъ токомъ сенатскихъ «разъясненій» и когда ни они сами, ни власть не считали тѣхъ дѣйствій преступными или столь преступными. Амнистія нужна, чтобы вернуть административно-ссыльныхъ и эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе рѣшительно не могутъ себѣ представить, какія надъ ними тяготѣютъ обвиненія. Въ одномъ Парижѣ эмигрантовъ насчитываются тысячи! Но нечего скрывать отъ себя: амнистія нужна чрезвычайно сложная, далеко не покрываемая обычными формами актовъ помилованія преступниковъ. Сумбуръ борьбы съ революціей, которая уже давно перемѣшалась съ борьбою въ предупрежденіе революціи и въ которую параллельно съ органами суда вложили свое участіе органы администраціи всѣхъ степеней, духовная власть и сословная,—создалъ давящій своей громадой клубокъ неправды и зла. Даже разрубить его нелегко.

Справедливо ли, дѣйствительно, оставлять въ положеніи исключенныхъ изъ сословія тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые, за подговоръ къ забастовкѣ чиновъ судебныхъ канцелярій въ октябрьскіе дни 1905 г., отбыли по приговору суда нѣсколько дней ареста, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ дисциплинарномъ порядкѣ были выброшены за бортъ присяжной адвокатуры? Гдѣ дисциплинарная власть надъ присяжными повѣренными принадлежитъ совѣтамъ, тамъ такія послѣдствія мѣста не имѣли. Но тамъ, гдѣ она принадлежитъ судебной магистратурѣ, — исключенія изъ сословія были. Справедливо ли, при ликвидаціи амнистіей послѣдствій процесса о выборгскомъ воззваніи, оставить въ положеніи лишенныхъ политическихъ правъ тѣхъ участниковъ процесса изъ дворянъ, въ отношеніи которыхъ состоялись постановленія объ исключеніи изъ дворянскихъ собраній? И подобные примѣры можно приводить безъ конца.

Кстати о дворянахъ и о правѣ дворянскихъ собраній исключать «порочныхъ» членовъ, совершившихъ «явно безчестные» поступки.

20 января петербургское дворянское собраніе примѣнило это право къ дворянину В. Р. Мусселіусу. Онъ пожизненно лишенъ полити-

ческихъ правъ по слѣдующему поводу. На собраніи 17 декабря 1911 г. былъ избранъ петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ. Законъ требуетъ, чтобы дворянство избирало на каждую должность двоихъ кандидатовъ и чтобы въ избраніи обоихъ участвовало одно и то же число баллотирующихъ. Послѣднее правило, однако, никогда и нигдѣ, по полной невозможности его соблюденія, не соблюдается. Не было оно соблюдено и при избраніи Н. Д. Шубина-Поздѣева. Но также точно не одинаковымъ числомъ баллотирующихъ были избраны кандидаты въ предводители по другимъ уѣздамъ. Въ отношеніи ихъ сенатъ призналъ выборы не подлежащими отмѣнѣ, Въ отношеніи же Н. Д. Шубина-Поздѣева—онъ передъ тѣмъ на земскомъ собраніи предложилъ почтить вставаніемъ память С. А. Муромцева!—отмѣнилъ.

На 18-ое марта 1912 г. были назначены новые выборы. Баллотировались С. М. Сомовъ и гр. Голенищевъ-Кутузовъ. В. Р. Мусселіусъ положилъ свой шаръ въ урну перваго и ушелъ домой. За нимъ послали. Онъ объяснилъ, что ушелъ сознательно, считая отмѣну избранія Н. Д. Шубина-Поздѣева неправильной и имѣя цѣлью «сорвать» выборы, дабы показать неисполнимость толкованія сената. «Сорвать» выборы ему не удалось. С. М. Сомовъ въ своемъ формулярѣ не имѣлъ такого «преступленія», какъ предложеніе почтить память С. А. Муромцева, и дышло закона повернулось въ другую сторону. А за попытку демонстрировать безпристрастіе сената В. Р. Мусселіусъ исключенъ изъ дворянскаго собранія. Изъ ста голосовавшихъ петербургскихъ дворянъ только двадцать не сочли его поступокъ безчестнымъ!...

Скончавшаяся на-дняхъ Е. Ѳ. Юнге, дочь извѣстнаго художника гр. Ѳ. Толстого, была богато одаренной натурой. Съ дѣтства поставленная въ высоко образованную среду, близкая къ міру искусства и литературы, она много видѣла, много наблюдала; отрывки изъ ея воспоминаній, напечатанные въ разное время въ нашемъ журналѣ [1]), внесли цѣнный вкладъ въ исторію русскаго общества 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Добрую память оставилъ по себѣ и А. В. Погожевъ, долго и плодотворно работавшій въ области общественно-санитарныхъ, въ особенности фабрично-санитарныхъ вопросовъ. Стремленіе освѣтить возможно полнѣе положеніе фабричныхъ рабочихъ и вызвать рядъ

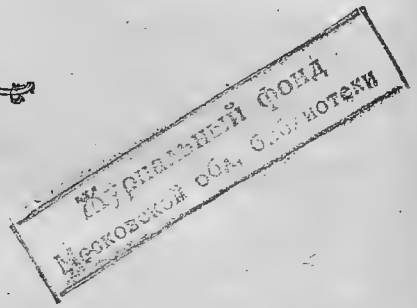
---

[1]) „Воспоминанія о Шевченкѣ“, 1883 г. № 8; „Изъ моихъ воспоминаній“, 1905 г. №№ 2—5 и 1911 г., №№ 5—9; „Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ“, 1910 г. № 11.

мѣръ, направленныхъ къ его улучшенію, побудило А. В. согласиться на предложеніе В. К. Плеве и предпринять, въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, обширное статистическое изслѣдованіе, остановленное смертью министра. Исторію этого опыта А. В. изложилъ въ статьѣ, напечатанной въ 1911 г. въ «Вѣстникѣ Европы» [1]). Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ основанію и развитію соціальнаго музея при московскомъ университетѣ.

Болѣзнь, сведшая въ могилу П. А. Маркова, давно уже мѣшала ему принимать участіе въ трудахъ Государственнаго Совѣта; но въ памяти всѣхъ, слѣдившихъ, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, за жизнью судебнаго міра, онъ останется какъ одинъ изъ лучшихъ представителей новаго судейскаго типа, созданнаго уставами 1864-го года. Съ особеннымъ блескомъ его способности и знанія проявились въ бытность его первоприсутствующимъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената. Въ молодые годы онъ много писалъ въ юридическихъ журналахъ и былъ членомъ небольшого кружка, въ которомъ готовились къ своей работѣ многіе будущіе дѣятели судебной реформы (назовемъ, изъ числа умершихъ, А. А. Книрима и И. И. Шамшина).

PS. Надежда, выраженная въ статьѣ г-жи Лучинской [2]), не оправдалась: Государственный Совѣтъ, въ засѣданіи 24-го января, отклонилъ, большинствомъ 84 голосовъ противъ 66, принятый Государственной Думой законопроектъ о допущеніи женщинъ въ присяжную адвокатуру. Верхняя Палата и на этотъ разъ не сошла съ своего обычнаго пути. Съ каждымъ новымъ ея рѣшеніемъ обнаруживается все яснѣе и яснѣе необходимость коренной ея реформы.


Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

---

[1]) Еще раньше, въ 1889 г., онъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ двѣ статьи: „Третій съѣздъ русскихъ врачей (№ 2) и „Вотчинныя фабрики и ихъ рабочіе“ (№ 7).

[2]) См. выше, стр. 177.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы, т. IV. Спб., 1913 г. Изд. Т-ва «Знаніе». Ц. 1 р. 25 к.

Новые разсказы г. Гусева-Оренбургскаго, подобно прежнимъ, посвящены изображенію хорошо знакомой ему среды духовенства. Выводъ его относительно этого коренного русскаго сословія довольно пессимистиченъ: мало въ немъ крѣпости, мало живыхъ соковъ. Лучшіе изъ священниковъ, фигурирующихъ въ разсказахъ, тяготятся своей профессіей, приняли священическій санъ безъ призванія къ тому и сильно имъ тяготятся; постоянная неудовлетворенность ведетъ къ душевному надлому и пустотѣ, отъ чего они ищутъ себѣ утѣшеніе въ алкоголѣ; всѣ «лучшіе» священники г. Гусева неизбѣжно страдаютъ запоемъ, иногда въ такой степени, что кончаютъ бѣлой горячкой («Данилушка»). Есть въ разсказахъ и другой типъ батюшекъ: трезвыхъ, чуждыхъ всякаго идеализма и всецѣло посвятившихъ себя пріумноженію доходовъ. И тѣ, и другіе — плохіе пастыри для некультурнаго народа. Новые разсказы г. Гусева-Оренбургскаго нѣсколько уступаютъ прежнимъ въ свѣжести, но все же написаны живо и правдиво. Въ нихъ разсѣяно множество черточекъ, характерныхъ не только для быта духовенства, но и вообще для русской жизни; есть матеріалъ для интересныхъ обобщеній. Е. К.

С. Подъячевъ. Разсказы. Книга пятая. Спб. 1913 г. Изд-во «Освобожденіе».

Въ этой книжкѣ два довольно большихъ разсказа: «Московскій работный домъ» и «По этапу». Оба посвящены изображенію жизни людей «дна». Герои г. Подъячева напрашиваются на сравненіе съ разными бывшими людьми и босяками Горькаго, но въ манерѣ ихъ изображенія чувствуется большая разница. У г. Подъячева нѣтъ горьковскаго романтизма, нѣтъ идеализаціи; его золоторотцы не обладаютъ тѣми магическими крыльями, которыя въ свое время высоко подняли горьковскихъ героевъ надъ сѣрой русской жизнью; напротивъ, они на землѣ, даже слишкомъ на землѣ. Иногда хочется сдѣлать автору упрекъ за слишкомъ грубый реализмъ его описаній и за то, что у него черезчуръ сырой матеріалъ. Но горячая искренность и непосредственность чувства защищаетъ его отъ этого упрека. Его яркіе разсказы надъ многимъ заставляютъ задуматься. Особенно интересны у г. Подъячева тѣ страницы, гдѣ онъ описываетъ порядки и нравы работнаго дома—ужасающе некультурные и жестокіе. Путь изъ такого убѣжища для опустившихся до «дна» человѣка только одинъ—обратно въ кабакъ, откуда онъ пришелъ. Е. К.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго. Томъ первый. Переводъ съ франц. А. Дмитріевой. Редакція и вступительное слово А. Кизеветтера. Цѣна 2 р. 50 к.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго имѣютъ огромный историческій интересъ, который объясняется личностью автора и тѣми событіями, которыя онъ описываетъ. Въ первыхъ главахъ описана жизнь крупныхъ польскихъ магнатовъ въ ихъ семейной интимной обстановкѣ. Во второй части книги, описывается русскій дворъ на протяженіи трехъ царствованій; здѣсь очень интересны характеристики русскихъ вельможъ, а также Екатерины, Павла и Александра. Авторъ описываетъ возникновеніе неоффиціальнаго комитета съ подробностями, которые были извѣстны однимъ лишь участникамъ его. Онъ отмѣчаетъ перемѣну въ настроеніи Александра Павловича съ того момента, какъ онъ становится у власти, его отказъ отъ тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставилъ въ первые годы царствованія. Въ 1803 г. кн. Адамъ былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа, а потомъ поставленъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Страницы, посвященныя внѣшней политикѣ, выясняютъ цѣли, которыми руководствовался императоръ. Первый томъ мемуаровъ оканчивается Аустерлицкой битвой. Искренность автора, не скрывающаго своихъ польскихъ симпатій, дѣлаютъ книгу особенно цѣнной. Мемуарамъ предпослана вступительная статья А. А. Кизеветтера, признающаго ихъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи царствованія императора Александра I. А. Т.

Проф. В. К. Соколовъ. Католическая церковь и государство въ Германіи во второй половинѣ XIX-го столѣтія. Историко-критическій очеркъ нѣмецкаго культуркампфа. Казань, 1912. Стр. 351. Ц. 2 р.

Нѣмецкіе изслѣдователи католическаго клерикализма въ Германіи, по словамъ проф. В. Соколова, слишкомъ мало пользовались стенографическими отчетами засѣданій франкфуртскаго національнаго собранія и прусскаго ландтага 1848—1850 гг., а также парламентовъ Бадена и Вюртемберга съ ихъ дебатами, предшествовавшими отмѣнѣ конкордатовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны, парламентскія пренія германскаго рейхстага и прусскаго сейма, начиная съ 1871 года, излагаются большею частью тенденціозно: клерикальные авторы останавливаются главнымъ образомъ на рѣчахъ сочувственныхъ имъ ораторовъ, замалчивая дѣльныя возраженія противниковъ, а либеральные писатели поступаютъ наоборотъ. Проф. В. К. Соколовъ нашелъ нужнымъ пополнить эти пробѣлы и исправить недочеты нѣмецкой исторической литературы; онъ изучилъ нѣмецкіе парламентскіе отчеты съ 1848 г. и извлекъ изъ нихъ матеріалъ для изложенія и характеристики церковной политики въ Германіи съ половины XIX вѣка до послѣднихъ лѣтъ. Послѣ долгой и упорной борьбы съ католической партіей центра, имперское правительство пошло на уступки и постепенно подчинилось клерикальному вліянію. Въ правящихъ сферахъ, — говоритъ авторъ,—«происходитъ перемѣна фронта къ католицизму: тамъ исчезаетъ страхъ предъ іезуитствомъ, даютъ ему полный просторъ», и этотъ союзъ «между центромъ и правительствомъ закрѣпляется своеобразнымъ религіознымъ романтизмомъ Вильгельма II... Случилось больше, нежели предполагалъ Бисмаркъ: протестантское государство очутилось подъ клерикальнымъ управленіемъ. Послѣ бури и ненастья для нѣмецкихъ католиковъ наступило ясное и продолжительное затишье». Церковная политика современной Германіи,—какъ заключаетъ проф. В. К. Соколовъ,—«находится въ переходной стадіи; въ законодателѣ еще очень живучи традиціи полицейскаго государства: онъ цѣнитъ религію, какъ полицейскій факторъ,—церковь, какъ государственный институтъ, но рядомъ съ этимъ частично примѣняются и начала правовой системы;—религіозная свобода, церковная автономія и обязательный гражданскій бракъ стоятъ въ числѣ основныхъ правъ гражданъ». По спеціальному своему содержанію и по самой своей задачѣ, трудъ профессора В. К. Соколова имѣлъ бы, конечно, гораздо большее значеніе для нѣмецкихъ читателей, чѣмъ для русскихъ: пополнять пробѣлы спеціальной нѣмецкой литературы удобнѣе всего на нѣмецкомъ языкѣ. Л. С.

Проф. Р. Виппер. Двѣ интеллигенціи и другіе очерки. Сборникъ статей и публичныхъ лекцій 1900—1912 г. Ц. 1 р.

Откликаясь на разнообразные вопросы, возникающіе въ жизни, авторъ разсматриваетъ ихъ въ связи съ однородными явленіями въ историческомъ прошломъ. Самая трудная задача нашей науки говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы понять языкъ, на которомъ выражались люди предшествующихъ поколѣній, чтобы распознать ихъ чувства и мысли... Если намъ удастся перевести выраженія окаменѣвшихъ обрывковъ старины на нашъ ежедневный языкъ, историческая картина пріобрѣтаетъ необыкновенный интересъ, она сливается, отожествляется съ нашей собственной жизнью. Мы видимъ въ старинныхъ людяхъ самихъ себя. Въ исторической фантазіи, озаглавленной: «Двѣ интеллигенціи», проф. Виппер вставляетъ свое слово въ споръ объ интеллигенціи, поднятый «Вѣхами», и рисуетъ двѣ картины изъ исторіи Греціи отстоящей отъ насъ на разстояніи 2400 лѣтъ. Въ одной изъ нихъ изображена греческая интеллигенція, зажигающая свѣточъ знанія для всѣхъ и отдающая свои силы дѣлу необозримой массы безвѣстныхъ работниковъ жизни; въ другой—прячущая свою струйку свѣта только для себя, для самоусовершенствованія. Симпатіи автора на сторонѣ первой. Въ статьѣ: «Психологія театра» авторъ старается объяснить происхожденіе этой психологіи, показать, какимъ запросамъ духа театръ отвѣчаетъ. Въ статьѣ «Новые горизонты въ исторической наукѣ» устанавливается преемственность европейской культуры, какъ духовной, такъ и матеріальной, отъ восточной. Ячейкой, въ которой зародились религія древней Греціи, христіанство и Исламъ авторъ считаетъ Вавилонъ. Нѣсколько статей посвящено философіи исторіи. Проф. Виппер — сторонникъ теоретико-познавательнаго критицизма, ставящаго своей цѣлью выдѣлить отчетливо тѣ элементы нашей жизни, которыми опредѣляется толкованіе историческихъ явленій, и съ этой точки зрѣнія провѣрить классификацію явленій и построеніе фактовъ. А. Т.

А. А. Исаевъ. Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Спб., 1913. Стр. 168. Ц. 1 р.

Подробный критическій разборъ взглядовъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго по вопросу о причинахъ и значеніи промы-

шленныхъ кризисовъ приводитъ автора къ заключенію, что теорія названнаго ученаго ошибочна и, что наиболѣе основательнымъ и правильнымъ остается ученіе старой школы—Сисмонди, Родбертуса и Маркса. Проф. А. А. Исаевъ доказываетъ, что въ будущемъ общественномъ строѣ, «при государственной собственности на орудія производства, кризисы были бы поставлены въ тѣсные предѣлы и не причиняли бы обществу существенныхъ невыгодъ». И при современныхъ условіяхъ могутъ быть значительно смягчаемы бѣдствія, причиняемыя кризисами; для этого полезно было бы ввести государственное страхованіе отъ безработицы, установленіе извѣстнаго минимума заработной платы, взиманіе болѣе высокаго подоходнаго налога съ синдикатовъ и трестовъ подъ условіемъ употребленія этого налога на поддержку работниковъ, оставшихся безъ работы, поощреніе артельныхъ предпріятій и потребительныхъ обществъ, усиленіе участія казенныхъ и городскихъ капиталовъ въ промышленномъ движеніи путемъ своевременныхъ крупныхъ заказовъ и организаціи общественныхъ работъ, и наконецъ, созданіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ въ пустующихъ или рѣдко населенныхъ областяхъ государства, при помощи цѣлесообразной переселенческой политики. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и общее развитіе мірового хозяйства. Ссылаясь на разные фактическіе и теоретическіе доводы, проф. А. А. Исаевъ приходитъ къ выводу что «грядущія потрясенія экономической жизни будутъ менѣе тяжелы, нежели тѣ, которыя приходилось переживать» въ прежнее время. Л. С.

Л. Левенфельдъ. Сомнамбулизмъ и спиритизмъ. Москва, 1913. Переводъ съ нѣмецкаго. (Вопросы психологіи безсознательнаго. Подъ ред. д-ра Н. Котика). Стр. 86. Ц. 65 к.

Въ этой брошюрѣ сообщаются интересныя научныя свѣдѣнія и объясненія относительно различныхъ формъ сомнамбулизма, ясновидѣнія и медіумизма, въ связи съ извѣстными модными увлеченіями спиритизмомъ и оккультизмомъ. Авторъ относится къ этимъ увлеченіямъ вполнѣ отрицательно. «Съ точки зрѣнія культуры,—говоритъ онъ,—спиритизмъ означаетъ возвращеніе къ суевѣрію давно прошедшихъ лѣтъ—суевѣрію, которое по своему вреду не уступаетъ средневѣковой вѣрѣ въ демоновъ и вѣдьмъ, и кажется насмѣшкой надъ идеями нашего времени. Съ точки же зрѣнія науки спиритизмъ представляетъ грубѣйшую матеріализацію души, въ сравненіи съ которой естественно-научный матеріализмъ является чистымъ идеализмомъ». Но факты, послужившіе матеріаломъ для этихъ суевѣрій, далеко еще не объяснены наукою, какъ это видно и изъ брошюры д-ра Левенфельда. Л. С.

Н. Я. Абрамовичъ. Женщина и міръ мужской культуры. Міровое творчество и половая любовь. Москва, 1913. Стр. 113. Ц. 60 к.

Авторъ предупреждаетъ въ предисловіи, что книжка его направлена «не противъ женщины, какъ таковой, но противъ иллюзій относительно нея», т. е., вѣроятно, противъ мужскихъ иллюзій, за которыя женщина не отвѣтственна. Въ рядѣ очерковъ, написанныхъ какимъ-то вычурнымъ, напыщеннымъ языкомъ, собраны безъ системы, какъ бы въ поэтическомъ безпорядкѣ, всевозможные примѣры художественныхъ изображеній женщины, разные обрывки фактовъ изъ исторіи всемірной и русской литературы, для доказательства того, что женщина воплощаетъ собою низшее тѣлесное начало человѣческой жизни и не можетъ возвыситься до уровня мужского духовнаго творчества. Культъ тѣла, и именно женскаго тѣла, играющій такую огромную и нерѣдко подавляющую роль въ психологіи мужчины, ставится почему-то въ вину только женщинѣ; проституція, созданная мужскими инстинктами и ненормальными общественными условіями, признается полнѣйшимъ выраженіемъ подлинной женской природы. Въ книгѣ имѣется даже глава о проституткѣ (проституціи?), какъ философскомъ понятіи». Обычныя ссылки на выдающіеся типы женщинъ, прославившихся своими нравственными и умственными качествами, побѣдоносно отвергаются г. Абрамовичемъ. По его словамъ, «маленькое и убогое женское творчество, подобное крохотному островку среди милліоновъ женскихъ жизней, питается крохами отъ обилія кипучей внутренней жизни, созданнаго мозгомъ творческимъ, иниціативнымъ, въ отличіе отъ пассивнаго интеллекта женщины». «Въ интеллектуальной жизни міра,—заключаетъ авторъ,—участіе женщины ничтожно. Творческое идейное движеніе совершается внѣ ея. Этотъ итогъ безстрастенъ, точенъ и выявленъ (?) самой жизнью». Такъ какъ женщина въ теченіе многихъ столѣтій находилась подъ властной опекой мужчины и искусственно удалялась отъ всякаго идейнаго движенія и творчества, то ея участіе въ умственной жизни и не могло быть значительно. Но по отношенію къ будущему суровый приговоръ Н. Я. Абрамовича является совершенно произвольнымъ, ничѣмъ не обоснованнымъ и несерьезнымъ. Л. С.

«Газетный Міръ». Адресная и справочная книга. Редакція и изданіе И. В. Вольфсона. Изд. 2-ое. Спб. 1913. Цѣна 3 руб. 75 коп.

Нашъ газетный и вообще книжный рынокъ въ послѣдніе годы такъ разросся, что оріентироваться въ немъ или даже получить приблизительное понятіе о его размѣрахъ и функціяхъ немыслимо безъ спеціальнаго руководства. Классъ лицъ, служащихъ прессѣ и издательскому дѣлу, становится все обширнѣе; органы періодической печати, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, возникаютъ въ такихъ углахъ Россіи, гдѣ ихъ раньше никогда не было; книга, журналъ и газета все глубже и глубже идутъ въ народъ. Чувствуется потребность въ справочникѣ, который давалъ бы свѣдѣнія о выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданіяхъ, о книгопродавцахъ, издательствахъ, заведеніяхъ графическихъ искусствъ, о законахъ, регулирующихъ жизнь печати. «Газетный Міръ» всѣ эти свѣдѣнія даетъ, притомъ въ такой приспособленной къ практическимъ цѣлямъ группировкѣ, что всевозможныя справки розыскиваются легко и быстро. Редакція составила полную опись всѣмъ періодическимъ изданіямъ, печатающимся въ Россіи и весь добытый матеріалъ отчасти провѣрила, отчасти дополнила путемъ спеціально предпринятаго опроса. Въ книгу вошли свѣдѣнія о 2167 изданіяхъ, выходящихъ въ 246 городахъ Россіи, на 33 языкахъ; всѣ эти данныя сгруппированы по мѣстностямъ, содержанію, продолжительности существованія, цѣнѣ, срокамъ выхода и т. п. рубрикамъ, и въ совокупности даютъ интересный статистическій матеріалъ, позволяющій судить о положеніи русской печати. Какъ ростетъ она, это показываетъ и свидѣтельствуетъ таблица возрастовъ изданій: оказывается, что изъ 2167 журналовъ и газетъ, насчитываемыхъ къ 1913-му году, 1141, т. е. болѣе половины, возникли въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Книга хорошо отпечатана и, что немаловажно для справочника, прочно переплетена. Н. Л.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Полный текстъ въ пяти книгахъ. Подъ ред. и съ примѣч. И. Д. Мордухай-Болтовского. Составили Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ и В. Э. Герценбергъ. Книги I—III. (Томы I—XI, ч. 1). Спб. 1912—1913.

Даже свѣдущему юристу нелегко оріентироваться въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Приходится помнить годы изданія послѣднихъ частей Свода (вышедшихъ разновременно, не позднѣе 1906 г.) и заглядывать въ три изданія Продолженій—сводное пятитомное 1906 г. и очередныя 1908 и 1909 г.г., а также принимать во вниманіе узаконенія, появившіяся въ послѣдніе три года и не забывать дѣйствующихъ временно въ порядкѣ 87-ой статьи и даже не включаемыхъ въ оффиціальную кодификацію. Всякому имѣющему дѣло съ закономъ, необходимо не только выяснить его точный текстъ, но и убѣдиться, что данный законъ въ настоящій моментъ дѣйствуетъ. Къ тому же наша оффиціальная кодификація не успѣваетъ во время запечатлѣть въ своей работѣ всѣ моменты законодательнаго творчества. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать частный починъ въ дѣлѣ установленія полнаго и точнаго текста дѣйствующихъ законовъ, въ особенности такой удачный починъ, какой представляетъ собою названное выше изданіе. Составители не упустили изъ виду ни одного изъ происшедшихъ въ послѣдніе годы измѣненій, приводя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ оффиціальные тексты какъ Свода или продолженія, такъ и позднѣйшаго узаконенія. Вся эта работа, большая часть которой уже готова, выполняется съ большимъ вниманіемъ; подверглась дополненіямъ и измѣненіямъ и оглавленія къ отдѣльнымъ томамъ. Шрифты удобны для глазъ. Н. Л.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ 1913. Подъ редакціей Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Е. Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ. 1913. Цѣна 40 коп.

Этотъ ежегодникъ, выходящій уже третій годъ и все улучшающійся, можно назвать образцомъ для всѣхъ подобныхъ изданій. Кромѣ обще-календарныхъ свѣдѣній и спеціально-мѣстной справочной части, въ немъ есть богатый литературный отдѣлъ, посвященный исторіи края и его современной жизни. Народное образованіе и здравіе, сельское хозяйство, городское и земское дѣло, кустарная промышленность, страхованіе, кооперація, мелкій кредитъ, пчеловодство, техника трактуются въ популярномъ изложеніи и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ. Книга хорошо издана, съ иллюстраціями, чертежами, планами, и очень дешева. Н. Л.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П. За невѣдомый, океанъ. Историческая повѣсть для юношества. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аминъ, Кассинъ. Новая женщина. Пер. съ арабскаго И. Ю. Крачковскаго. Спб., 1912 г.

Бачалдинъ, И. С. Старый и новый взглядъ на Гончарова. Вологда, 1912 г. Цѣна 8 коп.

Березинъ, Н. Сизая спина. Повѣсть. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Бергсонъ, Анри. I. Психо-физіологическій паралогизмъ. II. Сновидѣніе. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Беркли, Джорджъ. Опытъ новой теоріи зрѣнія. Пер. съ англ. А. О. Маковельскаго. Казань, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Блиновъ, Н. Н. «Кавалеристъ-дѣвица» Дурова - Чернова - Александрова. Сарапулъ, 1912 г. Цѣна 20 к.

Богородицкій, В. А. Общій курсъ русской грамматики. Изъ университетскихъ чтеній. Изданіе 4-е. Казань, 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Боринъ, Я. Пьеска для дѣтскихъ и школьныхъ спектаклей. Три пояса. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Бороздинъ, И. Н., Котляревскій, С. А., Филатовъ, В. В., Штейгеръ, А. Т. и Эртель М. А. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Будде, Е. Ѳ. Основы синтаксиса русскаго языка. Казань, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Бузескулъ, В. Античность и современность. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вандаль, Альбертъ. Наполеонъ и Александръ I. Т. III. Разрывъ франко-русскаго союза. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб.

Вегнеръ, Элинъ. Вставочка. Романъ изъ жизни шведскихъ суффражистокъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Ведребисели, Д. Нетронутый уголокъ. Разсказъ изъ грузинской жизни. Тифлисъ, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Верховская, О. П. Картинки прошлаго. Изъ воспоминаній дѣтства. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Видаль, Фернандъ. О направленіяхъ въ медицинѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Вишняковъ, Е. и Пичета, В. Очерки русской исторіи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Владимірова, Ада. Дали вечернія. 1910—1912. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Вольфсонъ, И. В. Газетный міръ. 2-ое изданіе. Спб., 1913 г.

Гайдебуровъ, П. П. Стихи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Гвирцманъ, А. М. Соціологія Уорда и его отношеніе къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Гнѣдичъ, П. П. Сочиненія. Т. VI. Черный туманъ. Т. IX. Въ двадцатомъ вѣкѣ. Спб., 1913 г. Цѣна за каждый томъ 1 р. 25 коп.

Гри, Борисъ. Юные лучи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Григорьева, Р. На ущербѣ. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гурвичъ, Георгій. Искры мгновенныя. Варшава, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Гурмонъ, Реми. Книга масокъ. Пер. Е. М. Блиновой и М. А. Кузьмина, подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Дитрихштейнъ, Владиміръ. Стихотворенія. Одесса, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Дьяконовъ, Конст. Романъ Коржутова. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Евреиновъ, Г. А. Предѣлъ здраваго русскаго націонализма. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Езерскій, Ѳ. В. Дневникъ. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

— Всемірное значеніе алфавита транскрипціи. Спб., 1912 г.

Езерскій, Ѳ. В. Транскрипція названій географическихъ мѣстностей и народныхъ языковъ. Спб., 1911 г.

Жаботинскій, Вл. Фельетонъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Журинъ, Александръ. Вѣчныя мгно-

венія. Стихи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Закржевскій Александръ. Религія. Психологическія параллели. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Ивановъ, Р. В. Крымскія грезы. Стихотворенія. Книга 3-ья. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Ивановъ-Разумникъ. Т. IV. Левъ Толстой. Спб. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ильинскій, А. Рихардъ Вагнеръ, его жизнь и творенія. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Каменскій, Анатолій. Звѣринецъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кибардинъ, Н. П. «Новая школа» блаженнаго Августина. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Котляревскій, Несторъ. Литературныя направленія Александровской эпохи. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Коцовсянъ, А. Д. О такъ называемомъ «Балтскомъ движеніи» въ Бессарабіи. Кишиневъ, 1912 г.

Кутюра, Л. Философскіе принципы математики. Пер. съ франц. Б. Кореня, подъ ред. П. С. Юшкевича, со вступительной статьей Ф. Ф. Линде. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

Лигинъ, Юр. На Дальнемъ Востокѣ. Москва, 1913 г. Цѣна 70 коп.

Лондонъ, Джекъ. Собраніе сочиненій. Т. XI, XII и XIII. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р., 1 р. 25 к. и 1 р.

М. А. На пепелищѣ. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Майновъ, И. И. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области. Спб., 1912 г.

Макаровъ, Глѣбъ. Разсказы для дѣтей. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Маркъ, К. и Энгельсъ, Ф. Критика ученія Штирнера. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Матвѣевъ, Н. Москва и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 г. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Мей, Л. А. Полное собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб., 1913 г. Цѣна за 3 тома 5 р.

Мейерхольдъ, Вс. О театрѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Полное собраніе сочиненій. Т. X. Подъ ред. и съ прим. Е. Е. Колосова. Изд. 2-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Мономаховичъ, С. В., Краткая географія для начальныхъ училищъ. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

— Краткая русская исторія. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Муйжель, В. В. Собраніе сочиненій. Т. III, V и VI. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Мурашевъ, В. Г. А. С. Пушкинъ. Москва, 1913 г. Цѣна 10 коп.

Н. В. Что дѣлать? Вопросы внѣшней политики. Спб., 1913 г.

Николай Михайловичъ, Великій князь. Петербургскій Некрополь. Т. III (М.—Р.). Спб., 1912 г.

Овидій. Баллады-посланія. Пер. Ѳ. З. Блинскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историч. романъ для юношества. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Перцевъ, В. А. и Ефимова, Е. А. Очерки новой исторіи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп..

Пиленко, Ал. Около болгарской войны. Дневникъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Поддубный, И. П. Пособіе къ составленію діаграммъ и картограммъ. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Поллякъ, Г. С. Профессія, какъ объектъ статистическаго учета. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Поссе, В. А. Вырожденіе и возрожденіе. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Розинъ, Н. Н. Уголовное судопроизводство. Томскъ, 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Рони-старшій. Гибель земли. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Русовъ, Н. Н. Любовь возвращается. Романъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сазоновъ, С. И., Ковальскій, Я. Я., Нечаевъ, А. П., Половцовъ, В. В., Дешигревъ, К. Д., Елачичъ, Е. А. и Кашкадамовъ, Е. Н. Методы первоначальнаго обученія. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Саловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Грызуны. Т. V. Грезы. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 коп.

Самойловъ, Як. Мѣсторожденія фосфоритовъ Алжира и Туниса. Москва, 1912 г.

Свѣтловъ, В. Я. Сочиненія. Т. V. Даръ слезъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Селищевъ, А. Взгляды Карла Гавличка на Россію. Казань, 1913 г. Цѣна 85 коп.

Смирновъ, С. Исповѣдь землѣ. Сергіевъ Посадъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Сотонинъ, Константинъ. Словарь терминовъ Канта (къ тремъ Критикамъ). Казань, 1913 г. Цѣна 50 коп

Тарасовъ, И. Т. Генетическое развитіе элементовъ брачнаго союза. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Терменъ, С. Э. Призрѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Уэльсъ, Г. Игры на полу. Москва, 1912 г.

Филипповъ, Ю. Д. Стихотворенія. 2-ое изданіе. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Форель, Августъ. Гигіена нервовъ и духа. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Фрейдъ, З. Леонардо да Винчи. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Ходскій, Л. В. Основы государственнаго хозяйства. Курсъ финансовой науки. 4-ое изданіе. Спб., 1913 г. Цѣна 4 р.

Хейсинъ, М. А. Какъ организовать и вести общество самообразованія. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Хейсинъ, М. А. Что такое и какъ организовано гос. страхованіе рабочихъ въ Россіи. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Чарнолусскій, В. И. Настольная книга по внѣшкольному образованію. Т. 1. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

— Справочная книжка о собраніяхъ, съѣздахъ, публичныхъ лекціяхъ и народныхъ чтеніяхъ. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

— Справочная книжка о школахъ и курсахъ для взрослыхъ, народн. университетахъ и нар. домахъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

— Справочная книжка объ обществахъ и союзахъ. Спб., 1913 г. 1913 г. Цѣна 50 коп.

Шиповъ, Н. Н. Власть Самодержавнаго Царя, какъ основа финансоваго благополучія Россіи. Петроградъ, 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Schlayer, dr. Новѣйшіе клиническіе взгляды на нефритъ. Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Ямзинъ, И. Переселенческое движеніе въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ященко, А. С. Теорія федерализма. Юрьевъ, 1912 г. Цѣна 4 р.

— Философія права Соловьева. Спб., 1912. Цѣна 60 коп.

Эеберъ, Е. Т. Курсъ финансовой науки. Пер. М. А. Курчинскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р.

Энгельмейеръ, А. Разсказы. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бюллетень «Дама пѣсни». № 3. Москва, 1913 г.

Бюллетень Хлопковаго комитета. № 1. Спб., 1913 г.

Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. I и II. П. А. Вихляева. Травосѣяніе и скотоводство. Изд. статист. отдѣленія Московск. губ. зем. управы. Москва, 1912 г.

Вячеславъ Евгеньевичъ Якушкинъ. 4 октября 1856 г.—2 декабря 1912 г. Изъ «Рус. Вѣд.». Москва, 1912 г.

Домъ Науки имени П. И. Макушина въ Томскѣ. Томскъ, 1912 г.

Дѣтскій Садъ. Сост. В. Покровская и Е. Соловьева. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Ежегодникъ газеты «Рѣчь». Спб., 1913 г.

Желѣзная промышленность Южной Россіи въ 1911 г. Харьковъ, 1912 г.

Избранныя книги изъ числа допущенныхъ м-мъ народн. просв. въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ съ 1899 г. по дек. 1912 г. Сост. Н. А. Малиновскій. 2-ое изд. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. V. Екатеринодаръ, 1912 г.

Изданія «Посредника» № 348. Жемчужина Адальминъ. № 933. Ѳ. Поступаевъ. Сапоги. № 935. Л. Н. Толстой. Карма. № 952. Л. Н. Толстой. Старикъ и яблони. № 954. Н. В. Гоголь. Женитьба. № 956. С. Т. Аксаковъ. Аленькій Цвѣточекъ. № 977. Св. Василій Великій. Путь жизни. № 1003. И. С. Никитинъ. Лѣсъ и др. стихотворенія. № 1007. И. С. Никитинъ. Дѣлежъ и друг. стихотвор. № 1008. И. С. Никитинъ. Пахарь и др. стихотв. № 1012. Л. Н. Толстой. Смерть Трофима Семеновича. № 1010. И. С. Никитинъ. Портной и друг. стихотв. № 1020. Л. Н. Толстой. Бѣсѣды досужихъ людей. № 1038. Д. Вендровъ. Безъ кормильца. № 1043. Е. Яхонтовъ. Прачкина дѣвочка. № 1048. П. Лобчевскій. Маруська. № 1049. П. Лобчевскій. Володя. № 1050. Е. Яхонтовъ. Хабарда. № 1051. И. С. Никитинъ. Тарасъ. № 1056. П. Лобчевскій. Въ чужіе люди. № 1076. Сельма Легерлефъ. Ингваровы сыновья. № 278. Ф. Паркеръ. Сузи и ея братья. Библ. новаго воспитанія. Вып. LXXIX. Марго Групе. Новое рукодѣлье. Вып. LXXXIV. Опытъ преподаванія въ двухъ младшихъ классахъ городской школы.

Изданія «Посредника» № 95. Ч. Диккенсъ. Дѣти богача. № 267. Полле

живъ и ему хорошо. Разсказъ Х. Онруда. № 271. А. Бонсеръ. Звѣзда Альбіона. № 282. Бѣглецы и друг. разсказы. Москва, 1913 г.

Итоги землеустройства. Графическое изображеніе дѣятельности землеустр. коммиссій за первое пятилѣтіе. Спб., 1912 г.

Журналы Тверского губ. земск. собранія 46-ой очередной сессіи и чрезвычайнаго собранія 1910 года. Тверь, 1911 г.

Календарь-справочникъ городского дѣятеля на 1912 годъ. Изд. журн. «Городское Дѣло» и «Земское Дѣло». Спб. 1912 г.

Календарь - справочникъ земскаго дѣятеля на 1913 г. Изд. журн. «Городское Дѣло» и «Земское Дѣло». Спб., 1912 г.

Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Вып. III. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Краткій очеркъ состоянія нефтяной промышленности въ 1912 г. Баку 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Логосъ. Международный Ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. Книга 1-ая и 2-ая. Москва, 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Матеріалы для изученія хлопководства. Вып. II и III. Спб., 1912 г.

Матеріалы по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. VIII. Англія. Вып. XIII. Франція. Спб., 1912 г.

Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Изд. подъ ред. Вс. В. Никольскаго. Отдѣлъ II. Волго-Сибирскій путь. Т. I. Транспортъ. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Подъ ред. Вс. В. Никольскаго. Отдѣлъ II. Волго-Сибирскій путь. Т. I. Транспортъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ на 1913 г. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Я. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго). Нижній Новгородъ, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфорныхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Т. IV. Москва, 1912 г.

Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. 1613—1913. Спб., 1913. Цѣна 25 коп.

Современная тюрьма и ея вліяніе. Открытое письмо обществу заключеннаго № 1776. Пер. съ англ. подъ ред. П. И. Люблинскаго. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Статистическія свѣдѣнія по четвертому агрономическому участку Моршанскаго уѣзда. Сост. Я. В. Бляхеръ, подъ ред. В. Г. Громана. Пенза, 1912 г.

Универсальная библіотека. № 498—500. Жюль Вернъ. Съ земли на луну. № 579. Д. Ленскій. Левъ Гурычъ Синичкинъ. № 586. Федоръ Сологубъ. Опечаленная невѣста. № 662. Г. Швабъ. Походъ аргонавтовъ. № 663. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Часть III. № 664. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Часть IV. № 781. Гюи де Мопассанъ. Оливковый садъ. № 774. Гюи де Мопассанъ. Напрасная красота. № 784—785. Анри де Ренье. Необычайные любовники. № 786. Джекъ Лондонъ. Лунный ликъ. № 791—793. К. Тетмайеръ. Яносикъ Нендза Литмановскій. Москва, 1913 г. Цѣна выпуска 10 коп.

Фіорды. Сборникъ 11-й. У моря. Романъ Альвильды Прюддъ. Пер. съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Спб. 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Экономическо-статистическій сборникъ статист. отд. Московской у. зем. управы. Вып. V. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

1912 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V. Спб., 1912 г.

N. W. Problêmes d'aujourd'hui. La Russie et la question des detroits. St.-Pétersbourg, 1913.

Simmel, Georg. Goethe. Leipzig. 1913.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Лучшая говорящая машина

„ПАТЕФОНЪ“

играетъ пластинки безъ иголокъ.

Богатѣйшій выборъ пластинокъ!

Ежемѣсячно новые выпуски!

Цѣна пластинкамъ 28 с/м. съ краснымъ этикетомъ 1 р. 30 к.
„ „ 28 с/м. съ желтымъ этикетомъ 1 р. 75 к.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ПЛАСТИНКИ „ЗОЛОТОЙ СЕРІИ“

35 с/м. двухстороннія 2 р. 50 к.

Требуйте безплатные каталоги.

Акц. Общ. Бр. ПАТЕ,

МОСКВА, Тверская, 38.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ,
Невскій, 64.

Ростовъ н-Д.,
Б. Садовая, 92.

Варшава,
Вербовая, 8.

Одесса,
Дерибасовская, 10.

1—4

ФИРМА ВЫСШИХЪ УДОСТОЕНА НАГРАДЪ.

по 4 р. 1р 50к. 2р.50к. 9 р. по 85 к. 2р.50к. по 60 к. по 5 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

съ иллюстраціями всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ

ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБургъ. И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ Невскій пр., 57. Садовая, 29 и 35.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:

С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

Новая книга:

ВЛ. ЭРНЪ.—Г. С. СКОВОРОДА. Жизнь и ученіе. Ц. 2 р.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

БУЛГАКОВЪ, С. Н.—„Два града“. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р. за оба тома, каждый томъ продается отдѣльно по 1 р. 50 к.

КИРѢЕВСКІЙ, И. В.—Полн. собр. соч., въ 2 т., съ порт., подъ ред. М. Гершензона. Ц. 4 р.

ГЕРШЕНЗОНЪ, М. О.—Жизнь В. С. Печерина. Ц. 1 р. 50 к.

ЛОПАТИНЪ, Л.—Философскія характеристики и рѣчи. Ц. 3 р.

ВЛ. ЭРНЪ.—Борьба за логосъ. Ц. 2 р.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ.—Философія свободы. Ц. 2 р.

ВЛ. СОЛОВЬЕВЪ. Россія и вселен. Церковь. Перев. съ франц. Г. А. Рачинскаго. Ц. 2 р. 25 к.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ.—Русская идея. Переводъ съ фр. Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

О ВЛ. СОЛОВЬЕВѢ. Сборн. статей:—С. Булгакова.—В. Иванова.—Кн. Е. Трубецкого.—А. Блока.—Н. Бердяева.—Вл. Эрна. Ц. 1 р. 50 к.

А. АСКОЛЬДОВЪ.—А. А. Козловъ. Цѣна 1 р. 50 к.

С. БУЛГАКОВЪ.—Философія хозяйства Ч. I. Цѣна 2 р.

Н. БЕРДЯЕВЪ.—А. С. Хомяковъ. Ц. 1 р. 60 к.

Л. ДЮШЕНЪ.—Исторія древней церкви. Ц. 2 р.

Религія Л. ТОЛСТОГО.—Сборн. статей: Булгакова, Зѣньковскаго, Кн. Трубецкого, Экземплярскаго, Бѣлаго, Бердяева, Волжскаго, Эрна. Ц. 1 р. 70 к.

Продаются во всѣхъ книжн. магаз. Высылаются налож. платежомъ.

1—1

Очень просимъ, обратите вниманіе!

Вновь усовершенствованъ изобрѣтенный Товариществомъ „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“

МЯГКІЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ

КОРСЕТЪ „КАРЕССЪ“

Благодаря своей особой конструкціи и совершенно новаго рода планшеткамъ отличается такой чрезвычайной гибкостью, что нѣжно облегая изгибы тѣла, производитъ самое пріятное ощущеніе, но обладаетъ также и достаточной для поддержки груди и сохраненія красивой фигуры упругостью. Корсетъ **„КАРЕССЪ“** имѣетъ **красивую форму** и въ то же время является наиболѣе удобнымъ при ношеніи поясовъ-бинтовъ, маскируя ненормальную величину живота.

Планшетки никогда не ломаются, ихъ можно легко вынимать и сколько угодно самый корсетъ стирать, такъ что онъ можетъ служить очень долго. Отсутствіе всякаго давленія на верхнюю часть живота дѣлаетъ постоянное ношеніе корсета **„КАРЕССЪ“** весьма важнымъ для страдающихъ гастритомъ (желудочно-кишечнымъ разстройствомъ) и прямо неоцѣнимымъ для спортивныхъ игръ.

ПРОДАЖА въ слѣдующихъ МАГАЗИНАХЪ Т-ва

„Р. КЁЛЕРЪ и К°“

въ Москвѣ:
1) на Никольской;
2) на Арбатской площ;
3) въ Столешник. пер.;

въ С.-Петербургѣ:
1) Невскій пр. 21;
2) Пет. ст. Больш. пр. 25;
3) Забалканск. пр. 21.

Мыло „Конекъ“

БЕРГМАНА и Ко., РАДЕБЕЙЛЬ-ДРЕЗДЕНЪ

для полученія нѣжной бѣлой кожи и прелестнаго цвѣта лица.

Требуйте только красную упаковку
Кусокъ 50 коп. Можно получать вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ.
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

1881 годъ. 1896 годъ.

ПОСТАВЩИКИ ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Э. ИММЕРЪ и СЫНЪ

въ МОСКВѢ, по Мясницкой ул., въ д. Обидиной

СѢМЕНА

огородныя, цвѣточныя, полевыя и древесныя, высшаго качества, испытанной всхожести, въ отборныхъ сортахъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ СЪ 700 РИСУНКАМИ 50 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „АГРОНОМЪ"

Москва, М. Дмитровка 3-а Для телегр.: Москва Агрономъ.
Телефонъ 107—88.

Вся литература по сел. хозяйству, техническимъ производствамъ, ремесламъ и кооперацiи. 5000 названiй.

Собственныя изданiя:

Бачинъ, А. И. Таблица химическаго состава кормовъ по Келльнеру. Ц. 25 к.
Богдановъ, Е. А., проф. Кормленiе молочныхъ коровъ, ихъ содержанiе и доенiе въ связи съ организацiей стада и всего молочнаго дѣла. Ц. 3 р. 50 к.
Богдановъ, Е. А., проф. Составленiе кормовыхъ дачъ для молочнаго скота. Отд. оттискъ изъ предыд. книги. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
Богдановъ, Е. А., проф. Откормъ с.-х. животныхъ. Ц. 4 р.
Будиновъ, Л. Т. Проба на броженiе молока и проба сычужной закваски. Ц. 15 к.
Вульфъ. Пер. В. И. Лемуса. Контрольныя товарищества. Ц. 75 к.
Гуринъ, Г. И. Туберкулезъ у животныхъ. Ц. 30 к.
Дудинскiй, А. I. Мiръ земледѣльца. Очерки по с.-х. метеорологiи. Вып. I. и II по 30 к.
Засухинъ, И. И. Хмелеводство. Ц. 35 к.
Зубрилинъ, А. А. Первые шаги къ крестьянскому богатству—ленъ, травосѣянiе и искусственныя удобренiя Ц. 10 к.
Зубрилинъ, А. А. Улучшайте покосы. Ц. 10 к.
Калугинъ, П. П., проф. Роль подбора въ совершенствованiи породъ. Ц. 15 к.
Лемусъ, В. И. Общественныя мѣропрiятiя по улучшенiю животноводства. Ц. 50 к.
Ленисъ, Ф., проф., Введенiе въ бактерiологiю для сельскихъ хозяевъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. С. А. Северина. Ц. 75 к.
Лосже, Э. Г. С.-хоз. метеорологiя (печатается 2-ое изданiе).
Маковскiй, В. А. Постройка ледника (практическiе совѣты). Ц. 5 к.
Маноцковъ, Н. И. О заразныхъ болѣзняхъ на скотѣ. Бесѣды ветеринарнаго врача. Ц. 35 к.
Модестовъ, А. П. Долой безкормицу. Ц. 20 к.
Модестовъ, А. П. Какъ очистить поля отъ сорныхъ травъ. Ц. 8 к.
Модестовъ, А. П. Кормовыя растенiя. Плакатъ въ краскахъ. Ц. 20 к.
Модестовъ, А. П. Подготовка посѣвного зерна. Ц. 10 к.
Модестовъ, А. Могаръ. Ц. 6 к.
Петеръ и Хельдъ. Практическое руководство къ приготовленiю швейцарскаго сыра. Ц. 75 к.
Петровъ, И. П. Улучшенiе луговъ. Ц. 10 к.
Петровъ, И. П. Костеръ безъостый. Ц. 10 к.
Петровъ, И. П. Полынь горькая. Ц. 10 к.
Петровъ, И. П. Сорн. травы межниковъ (печат.)
Петровъ, И. П. Медоносныя травы. (печат).
Рагозинъ, П. М. Варка зеленаго сыра. Ц. 25 к.
Семеновъ, С. Т. Выгодность содержанiя коровъ въ крест. хозяйствѣ. Ц. 4 к.
Симоновъ, М. П. Сибирская язва. Ц. 7 к.
Слоницкiй, Г. М. Овсюгъ, сорное растенiе изъ сем. злаковыхъ. Ц. 5 к.
Тулайковъ, Н. М. О почвахъ. С.-х. бесѣды. Ц. 25 к.
Шарковъ, В. Ночное золото. Ц. 3 к.
Черняевъ. Вѣчный календарь беременности с.-х. животныхъ. Ц. 50 к. и 75 к. (въ лучшемъ исполненiи).
Чижовъ, Я. Артельныя маслодѣльни и артельныя лавки. Ц. 35 к.
Янишевскiй, М. Н. Кормленiе молочнаго скота. Ц. 10 к.

Требуйте новый, только вышедшiй каталогъ. 1—1

Книгоиздательское Т-во „ДѢЛО“.

Главная Контора: МОСКВА, Остоженка. 2 Ильинскій 13. Телеф. 291-65.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

ИНТИМНЫЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРІИ.

№ 1. Смерть Павла I. С. Горскаго.
№ 2. Легенда о смерти Александра I. П. Бунина.
№ 3. Фавориты Екатерины II. А. Савина.
№ 4. Борьба за престолъ (Петръ III и Екатерина II). Д. Соловьева.
№ 5. Казненная королева (Мар'я Стюартъ). М. Радищева.
№ 6. Княжна Тараканова. А. Платонова.
№ 7. Графиня Дю-Барри. Е. Олартъ.
№ 8. Мазепа. В. Готвальдъ.
№ 9. Стрѣлецкій бунтъ. П. Семенова.
№ 10. Лжедимитрій. П. Бунина.
№ 11. Савонаролла. В. Михайлова.
№ 12. Бироновщина. А. Лебедева.
№ 13. Мальчикъ-Императоръ (Петръ II). С. Львова.
№ 14. Петръ I и женщины. Е. Олартъ.
№ 15. Стенька Разинъ. Б. Лебедева.
№ 16. Императоръ-Узникъ (Іоаннъ Антоновичъ). Д. Покровскаго.
№ 17. Салтычиха. С. Львова.
№ 18. Жены Іоанна Грознаго. С. Горскаго.
№ 19/19а. Наполеонъ и двѣ императрицы. К. Бестужева.
№ 20. Тайны Шлиссельбургской крѣпости. Е. Олартъ.
№ 21/22. Декабристы. Д. Соловьева.
№ 23. Тайны инквизиціи. А. Лебедева.
№ 24. Цезарь Борджіа. М. Салтыкова.
№ 25. Сынъ Петра Великаго. М. Костомарова.
№ 26. Толстовцы. Баранова.
№ 27. Клеопатра. С. Львова.
№ 28. Монастырскія тюрьмы. Е. Олартъ.
№ 29. 1855-ый годъ. К. Острогорскаго.
№ 30. Хлысты и скопцы. Е. Баранова.
№ 31. Императрица Елисавета. К. Бестужева.
№ 32. Неронъ. П. Мартынова.
№ 33/34. Духоборы. С. Хомякова.
№ 35. Шамиль. Н. Коваленскаго.
№ 36. Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго.
№ 37. Жизнь Христа. Ренана Пер. съ франц. Е. Олартъ.
№ 38. Мессалина. Е. Синегубъ.
№ 39. Великій расколъ. П. Бунина.
№ 40/41. Нигилисты. С. Горскаго.
№ 42. Русская женщина XVIII в. С. Горскаго.
№ 43. Пугачевщина. Г. Корсаковъ.
№ 44. Аракчеевщина. В. Кайгородова.
№ 45. Кровавый султанъ. В. Михайлова.
№ 46. Шипка и Плевна. М. Вороздина.
№ 47/48. Каторга и бродяги Сибири. В. Гартевельдъ.
№ 49. Императоръ Павелъ I. С. Давыдова.
№ 50. „Слово и дѣло“. П. Михайловскаго.
№ 51. За старую вѣру. К. Бестужева.
№ 52. Монастырскіе нравы. С. Горскаго.
№ 53. Дворцовый переворотъ въ Сербіи. А. Лебедева.
№ 54. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. А. Раменскаго.
№ 55. Исторія нравовъ. (Средніе вѣка). М. Будищева.

Цѣна №—10 коп. Изданіе выходитъ въ количествѣ 8—10 №№. ежемѣсячно. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и киоскахъ. Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“,

подъ общимъ руководствомъ профессора Д. Н. АНУЧИНА, этнографическіе, географическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

Изданіе состоитъ изъ 12 томовъ, заключающихъ до 3,500 стр. большого формата, и богато иллюстрировано типами, видами и сценами изъ жизни различныхъ народностей Россіи. Каждый томъ заключенъ въ плотную обложку, исполненную въ 4-хъ краскахъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к., при полученіи каждаго тома по 2 р. 50 к., при полученіи послѣдняго 12-го тома—одинъ рубль.

Цѣна всего изданія съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—31 рубль.

Цѣна каждаго отдѣльнаго тома—ТРИ РУБЛЯ съ пересылкой. Вышли: I-й томъ—„Сибирь“; II-й томъ—„Поволжье и Приуралье“. 1—1

Открыта на 1913 годъ подписка на

„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы и современной жизни.

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября 1912 г.

„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“ въ теченіе подписного года съ 1-го ноября 1912 г. по 1 ноября 1913 года **дастъ своимъ подписчикамъ:**

52 №№ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ЖУРНАЛА, содержащихъ обзоръ всѣхъ событій современной жизни и злобъ дня въ области политики, литературы, искусства и пр., съ разнообразными иллюстраціями всѣхъ событій русской и иностранной жизни.—Рядъ очерковъ и рисунковъ будетъ посвященъ знаменательной годовщинѣ трехсотлѣтняго юбилея воцаренія Дома Романовыхъ. Съ ноября начнется печатаніемъ романъ К. Измайловскаго захватывающаго интереса **„ЖЕНА ИНТЕНДАНТА“.**

СЕЗОННЫЕ ВЫПУСКИ новѣйшихъ парижскихъ и вѣнскихъ модъ, съ особыми отдѣлами по домоводству и хозяйству.

12 КНИГЪ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ которыхъ среди разнообразнаго литературнаго содержанія будутъ даны: Записки Императрицы Екатерины II; А. И. Герценъ—избранныя сочиненія; К. Измайловскій „Интендантство передъ судомъ народной совѣсти“; К. Миртовъ „Л. Н. Толстой и дѣти“; И. И. Соловьевъ „Петербургъ въ 2013 г.“; С. Славинъ—„Воспоминанія стараго журналиста“; М. Сергѣевичъ „Нашихъ дней апостолы правды и труда“ и др.

ДВѢ ПРЕМІИ: сочиненія Помяловскаго и полный дѣловой юридическій справочникъ.—Такого богатаго и интереснаго литературнаго матеріала не давало еще ни одно изъ дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ 2 р. 50 к., на 1/2 года 1 р. 50 к., за границу 5 рублей.

Подписныя деньги адресовать: Петербургъ, Верейская, 14, въ Главную Контору журнала **„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“.**

Пробные №№ требуйте безплатно. 1—2

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности **по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.**

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

Утвержденная грамота
объ избраніи на московское государство
МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Фототипическое изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ въ размѣрѣ оригинала (большой листъ, 6 листовъ текста и 9 листовъ фототипич. снимковъ). Цѣна 25 рублей. Складъ изданія въ Обществѣ (Москва, Университетъ, старое зданіе) и въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на Воздвиженкѣ.

Открыта подписка на 1913 годъ.

9-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ГОЛОСЪ ЮГА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ДОСТАВКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	7 р. — к.
„ 1/2 года	4 р. 25 к.	„ 1/2 года	3 р. 75 к.
„ 3 мѣсяца	2 р. 25 к.	„ 3 мѣсяца	2 р. 10 к.
„ 1 мѣсяцъ	р. 75 к.	„ 1 мѣсяцъ	р. 70 к.

Учителя, земскіе и городскіе служащіе, рабочіе, крестьяне и сельскіе священники платятъ въ годъ 6 рублей съ пересылкой.

ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА—при подпискѣ 3 руб., 1-го апрѣля 3 р. и 1-го сентября 2 р.

КОНТОРА ПОМѢЩАЕТСЯ въ г. Елисаветградѣ, по Московской улицѣ, въ домѣ Златкевича. Открыта съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера.

Издатель Д. С. ГОРШКОВЪ. 2—2

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XV

„АСХАБАДЪ"

вѣстникъ литературы, политики торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

Выходитъ ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Принимается подписка на 1913 годъ.

Подписная цѣна:

12 м. 8 р., 11 м. 7 р. 50 к., 10 м. 7 р., 9 м. 6 р. 50 к., 8 м. 6 р., 7 м. 5 р. 50 к., 6 м. 4 р. 75 к., 5 м. 4 р., 4 м. 3 р. 25 к., 3 м. 2 р. 50 к., 2 м. 1 р. 75 к., 1 м. 1 р.

За-границу на годъ 14 р., на 6 мѣс. 8—руб. За перемѣну адреса 20 к.—Отдѣльн. № 5 к.

Для годов. подписч. допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ начиная съ 1 фев. по 1 р. въ мѣс. до уплаты всей суммы.

Подписка и объявленія принимаются въ Асхабадѣ въ конторѣ редакціи, Базарная д. Качкачева.

Редакторъ-Издатель *З. Э. Джавровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

8-ой годъ изданія.

РѢЧЬ

8-ой годъ изданія.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

П. Н. Милюкова и І. В. Гессена

и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РѢЧЬ" на 1913 г.,

внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за полгода, будетъ по примѣру этого года, разосланъ БЕЗПЛАТНО

ЕЖЕГОДНИКЪ ГАЗЕТЫ „РѢЧЬ"

на 1913 г.

заключающій въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ событій и теченій въ области политической, законодательной, общественной, промышленной, научно-литературной и художественной жизни Россіи за 1912 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . . . Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За-границу . . Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ Главной конторы газеты „РѢЧЬ": Спб., улица Жуковскаго, 21/12.

Пробные №№ газеты „РѢЧЬ" для ознакомленія высылаются безплатно.

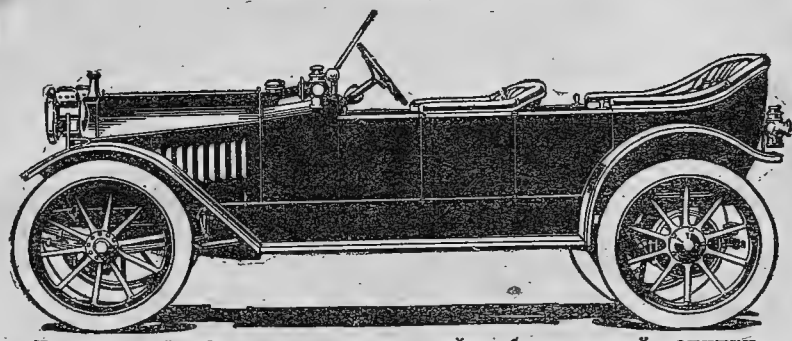
Russian American Mercantile C°. New-Yor-k.

Hupmobile

РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ ТОРГОВОЕ Т-ВО.

СПБ., Казанская площ., 3. Телефонъ: 143—02.

Каталоги по требованію.



Прошелъ 65.000 верстъ вокругъ свѣта безъ всякой починки.

1—10

ЯПОНСКІЙ

массивный ЖЕМЧУГЪ

рѣдкостной красоты,
замѣчательно прочный, небьющійся, имѣетъ чудный блескъ, цвѣтъ, вѣсъ и всѣ преимущества настоящаго.

Необходимъ каждой дамѣ, какъ роскошное украшеніе и дополненіе туалета.

Незамѣнимъ въ особенности къ открытымъ платьямъ.

Имѣется всѣхъ оттѣнковъ: бѣлый, желтоватый и розоватый.

Цѣна за колье любого оттѣнка **8 руб.** съ замкомъ „Дубле“; **10 руб.** съ золотымъ замкомъ 56 пробы.

Требованія адресовать: **С.-Петербургъ, Литейный, 45W ювелиру С. М. ВОЛОСЪ.**

(Фирма существуетъ съ 1873 г.).

Высылаются немедленно по первому требованію наложеннымъ платеж., безъ задатка. Пересылка и упаковка въ Евр. Россіи за счетъ фирмы.

Иллюстрированный каталогъ высылается по требованію безплатно.

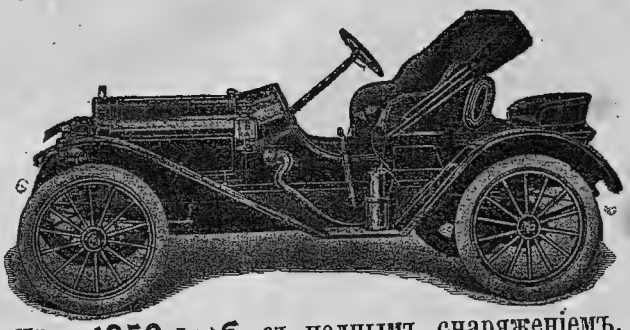
1—3

Для дѣловыхъ людей.—Для сельскихъ хозяевъ.

100.000 миль на автомобилѣ МЕЦЪ „22“.

4 цил., 22 силы,
МАГНЕТО
БОШЪ.

Скорость до 70 верстъ.
Вѣсъ всего автомобиля 25 пуд.
Расходъ бензина и шинъ 2—3 коп. на одну версту.



Цѣна **1950 руб.** съ полнымъ снаряженіемъ.

Проспекты безплатно.

Единственные представители для всей Россіи
ПЕРВОЕ РУССКОЕ ТОРГОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

МИХАЙЛОВСКІЙ, КОХЪ и К°.

С.-Петербургъ, Казанская площ. 1 и 3. | *Телеф.: 119—09 и 108—48.* Телегр.: Зомико—Петербургъ.

КОРСЕТЫ

Новѣйш. изящ. фасоновъ послѣднія модели ПАРИЖА
Громадный выборъ готоваго товара. Катаклоръ для
ПРІЕМА ЗАКАЗОВЪ.
Французскіе вязаные корсеты „ПЛАСТИКЪ“
НАБРЮШНИКИ
ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ
всѣ принадлежности дамской гигіены
Новый модный каталогъ безплатно

С.П.Б.
ЛИТЕЙНЫЙ 45 В. ПРОТ. БАССЕЙНОЙ
МАРКУСЪ ЗАКСЪ
Телеф. № 238-40.

Бенцъ и К°

Маннгеймъ—Гаггенау

Автомобили новѣйшихъ моделей 1913 года.

Всероссійскій Рекордъ съ 1909 г.

Всемірный Рекордъ съ 1911 г.

Императорскій Призъ за пробѣгъ Петербургъ—Севастополь 1911 г.

Всемірный Рекордъ на **подъемъ** 9° со скоростью 167 км. въ часъ. 1912 г.

Бенцъ и К°
С.-Петербургъ.
Невскій проспектъ, 21.
Одесса.
Ришельевская 11.
Адресъ для телеграммъ:
Бенцмоторъ.

1—1

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ.

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, прот. гост. двора
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ 6

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

1—3

Музыкальная Торговля

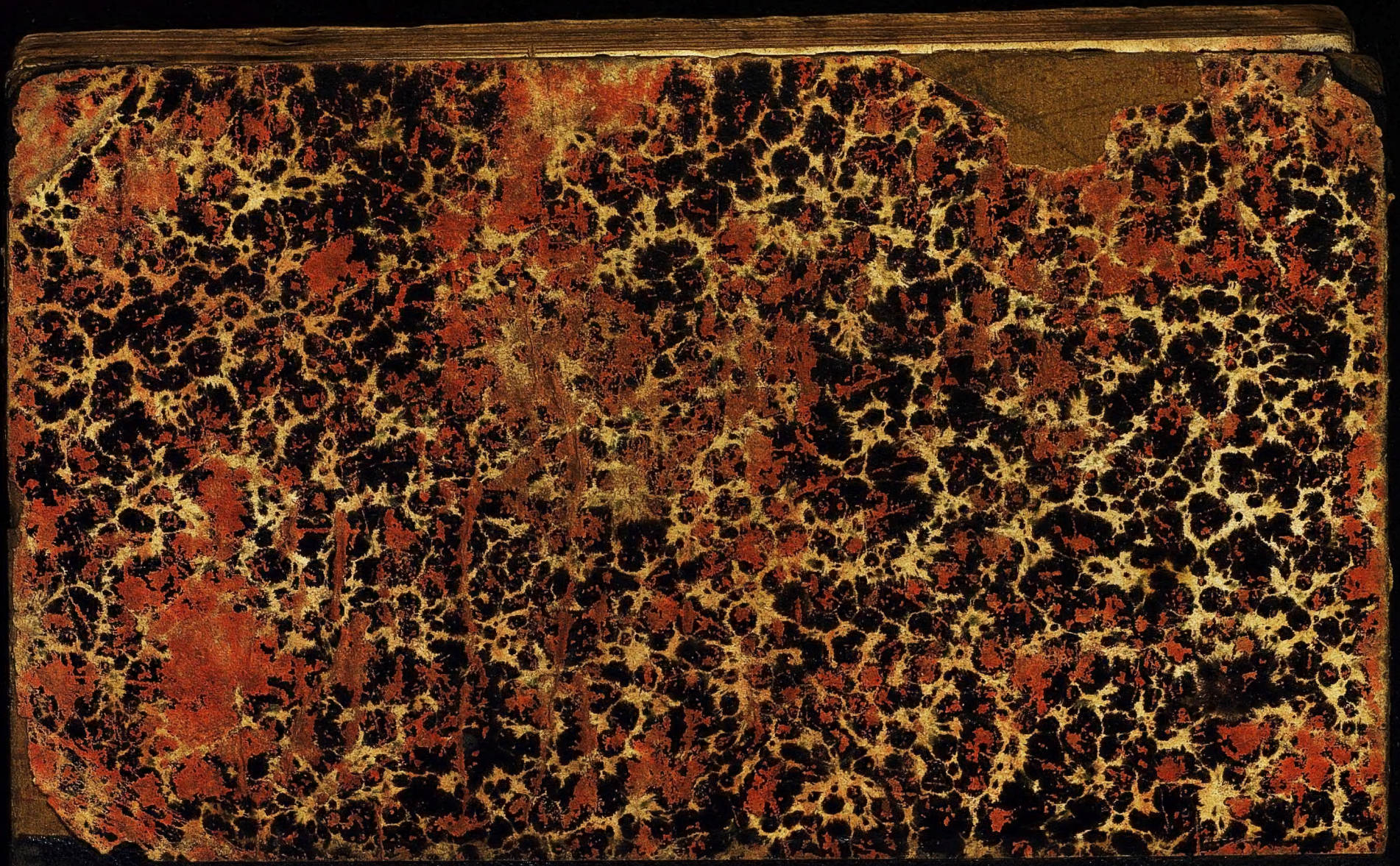
В. БЕССЕЛЬ и К°.

Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. Телефонъ 53—61.
МОСКВА, Петровка, 12. Телефонъ 32—27.

Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются аккуратно и съ первой отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.

Каталоги собственныхъ изданій высылаются безплатно.